

МАРИНА и СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

МАРИНА и СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ШРАМ

ШРАМ

ЭКСМО

ШРАМ

Иногда просто не верится, как стремительны бывают взлеты в литературе. Иные годами прорываются к известности и признанию, каждой новой публикацией доказывая себе и другим, что достойны читательского внимания и благосклонности издателей — а у других все получается как бы само собой. Вот, скажем, как у Марины и Сергея Дяченко.

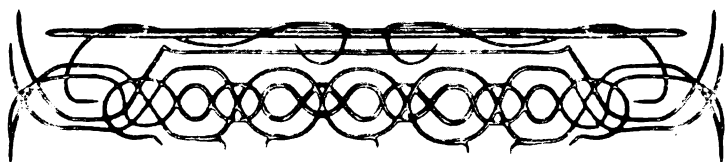
С.Паншин

Цикл «СКИТАЛЬЦЫ»

ПРИВРАТНИК

ШРАМ

ПРЕЕМНИК

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

**ПРИВРАТНИК
ШРАМ**

ЭКСМО-ПРЕСС

2002

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 99

Серийное оформление
художника *Ангу* и *Николая Симкина*

Художник *А. Дубовик*

Д 99 **Дяченко-Ширшова М. Ю., Дяченко С. С.**
Шрам: Романы (Цикл «Скитальцы»). — М.: Изд-во
ЭКСМО-Пресс, 2002. — 512 с., илл. (Серия «Нить вре-
мен»).

ISBN 5-04-010304-2

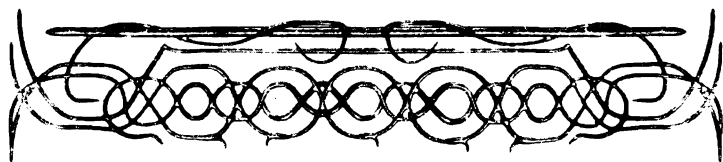
Цикл «Скитальцы» — одно из первых творений М. и С. Дяченко — давно стал классикой жанра. Маг, потерявший силу, вечный странник Руал Ильмараннен. Блестящий офицер Эгерт Солль, изуродованный шрамом на щеке и страхом в сердце. Нежная Тория, дочь декана Луаяна, остановившего Черный Мор. Привратник Луар, неизменный страж Двери, в которую стучит таинственная Третья Сила. И люди, живые люди, остающиеся собой в странствиях и схватках, любви и ненависти, жизни и смерти. Романы «Привратник», «Шрам» и «Преемник» достойны внимания самого искушенного читателя.

Идите вслед «Скитальцам»!

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

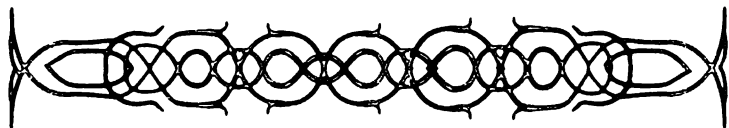
ISBN 5-04-010304-2

© Дяченко М., Дяченко С., 2002
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2002
© Иллюстрации. А. Семякин, 2002

ПРИВРАТНИК

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ

анней весной Ларт отправлялся в один из своих вояжей — как всегда, неожиданно и, как всегда, спешно.

Весь день перед отъездом прошел, как в лихорадке. Ларт был угрюм, что бывало с ним часто, и вроде бы растерян, чего с ним никогда не случалось. Несколько раз собирался мне что-то сказать — и раздраженно умолкал. Я нервничал.

Выехал он на рассвете, снабдив меня множеством инструкций. Я должен был исполнить несколько мелких поручений в поселке, привести в порядок дом, собрать дорожный сундучок и вечером встретиться с Лартом в порту, чтобы на закате поднять паруса.

Проводив его взглядом, я вздохнул свободнее.

Управиться в поселке было несложно — там меня считали «учеником чародея», а такое отношение здорово упрощает жизнь. Глупо же объяснять всем и каждому, что никогда я не был Лартовым учеником. Служкой — да; горничной, дворецким и мальчиком на побегушках в одном лице — кем угодно, только не учеником. Тем не менее в поселке меня встречали, как вельможу, а трактирщик наливал мне в долг.

Вернувшись в дом на холме и кое о чем поразмыслив, я сообразил, что, проявив расторопность, успею по дороге в порт попрощаться с Данной. Эта мысль придала мне резвости, и скоро Лартовы покои заблестали чистотой, а сундучок чуть не оборвал мне руки, пока я вытаскивал его в прихожую.

И тут, в прихожей, я вспомнил про последнее из хозяйских поручений.

Уже поставив ногу в стремя, Ларт поморщился болезненно, поколебался (неслыханное дело!) и вытащил из кармана четверо сложенную бумажку.

— Да... — буркнул он раздраженно. — Когда луч достигнет колодца, прочитай это вслух и внятно там же, в передней. Желательно ничего не перепутать, не опоздать на пристань и поменьше болтать. Это все.

В таком поручении не было ничего сверхъестественного — подобное мне приходилось делать и раньше. Конечно, лестно было воображать себя магом, но, честно говоря, не хуже бы справился и попутай, умеет он читать...

В прихожей царил полумрак, ибо посетители волшебника должны немедленно проникаться благоговейным страхом.

Я и сам им проникся, когда впервые переступил порог Лартова дома. Все началось с того, что полочка для обуви укусила меня за щиколотку... Такое забывается не скоро.

Я поставил сундучок у двери.

В потолке имелось круглое отверстие, сквозь которое в солнечные дни пробивался луч — узкий и острый, как вязальная спица. За день он проходил путь от оленьих рогов над входной дверью до гобелена на стене напротив.

Под гобеленом, где вовсю трубили охотники с соколами на рукавицах, выдавался прямо из стены чрезвычайно неприятный колодец, из которого тянуло плесенью. Луч имел обыкновение заглядывать в него после полудня. Этот час и имел в виду Ларт, когда давал мне поручение.

Покончив с сундучком, я устроился в кресле слева от двери и стал ждать, пока магический, но крайне нерасторопный луч сползет с ковра и взберется на сырую кладку колодца.

Время шло, я отдыхал от утренних трудов, радовался предстоящему путешествию и разглядывал давно и до мелочей знакомую переднюю мрачноватого Лартова дома.

Прямо передо мной располагалось так называемое лохматое пятно — в этом месте постоянно отрастала шерсть на ворсистом ковре, и в мои обязанности входило регулярно ее подстригать, уравнивая с остальной ковровой поверхностью. Остриженную шерсть я собирал в полотняный мешочек, надеясь со временем связать себе шарф.

А справа от меня, по другую сторону двери, помещалось зеркало, которое я всегда обходил стороной и даже пыль с него стирал, отвернувшись. Ларту оно служило, как собака, угодливо показывало его отражение со всех сторон и, по-моему, помогало завязывать шейный платок. Мою особу оно не отражало никогда, а норовило напугать жуткими, ужасно правдоподобными и часто противными изображениями. Сейчас оно чернело, как поверхность стоячего озера в темной чаще.

Массивный платяной шкаф хозяин никогда не открывал, но я каждую субботу перетряхивал его, шкафа, содержимое. Особенно много возни было с железными латами — их ведь надо полировать суконкой.

А мрачное чудовище в углу у Ларта называлось вешалкой. Трудно сказать, на что она была больше похожа — на больное дерево или скелет уродливого животного. Три года назад Ларту подарил это сооружение кто-то из дружков-колдунов, я, помнится, еще подумал, что хозяин поблагодарит и уберет

его в чулан, так нет же, он выставил подарочек на видное место и велел мне вешать на него плащи визитеров. И получилось как-то незаметно, что в доме, где полно чудес и диковин, эта вешалка оказалась едва не самой странной странностью — Ларт явно выделял ее среди остальных предметов. То лицоворотил, проходя мимо, то усмехался как-то неприятно, а однажды всыпал мне за то, что я, мол, слишком ее нагрузил. Ларт, впрочем, и есть Ларт — что взбредет ему в голову, предсказать невозможно.

Сейчас на этой искореженной рогатине висела только моя куртка, бирюзовая с золотом, купленная осенью на окружной ярмарке. Ларт, помнится, что-то проворчал насчет моего вкуса, но Данне куртка определенно понравилась.

И мысли мои невольно переметнулись к Данне — она ведь лучшая девушка в поселке, а я чужак, не очень красивый и не самый сильный, но она выбрала меня, потому что я — «ученик чародея», а значит — за мои особые качества. Так я втихомолку радовался, пока не увидел, как луч преспокойно выбирается из колодца.

Я успел покрыться потом, пока разыскал в карманах мятую бумажку, сложенную вчетверо.

Ларт писал, конечно, не колдовскими рунами, а крупными печатными буквами, как в букваре, — чтоб и заяц мог разобрать. И все равно я здорово изломал себе язык, пока дочитал до половины, а когда дочитал, то вообще пожалел, что взялся. Воздух вдруг наполнился звенящим напряжением и задрожал, как над костром; я в панике выкрикивал эти полупристойные звукосочетания, не слыша себя. Заклинание заканчивалось таким повелительным возгласом, Ларт даже отметил его восклицательным знаком; у меня это вышло, как вопль придавленной кошки. И как только этот вопль стих...

Уже давно что-то, замеченное боковым зрением, мне мешало. Сейчас я резко повернул голову и увидел, как вешалка выгибается от верхушки до основания, будто сотрясаемая конвульсиями. Я не первый год у Ларта на побегушках и повидал всякое, но это, поверьте, было очень страшно. И прежде чем я смог вытолкнуть застрявший в горле крик, на месте вешалки обрушился на пол человек.

Я не сразу сообразил, что это человек. Он лежал бесформенной грудой на ворсистом ковре, а я стоял в противоположном углу и боялся пошевелиться. Вот так так, и эта вешалка торчала в прихожей три года...

Человек пошевелился, судорожно дернулся и поднял на меня сумасшедшие глаза. Я попятился; он вскочил и перевел взгляд на свои руки. В правой была зажата моя бирюзовая с золотом куртка. Он замычал и с отвращением попытался ее отбросить, но пальцы, по-видимому, не слушались. Тогда он левой рукой разжал пальцы правой и швырнул мою куртку в

угол, как вещь исключительно гадкую, так что мелочь из карманов рассыпалась по всей прихожей. Потом снова устоялся на меня (в глазах ни тени мысли), опять перевел взгляд на руки и стал вдруг ощупывать себя с головы до ног, всхлипывая все громче и громче, пока не захохотал (или заплакал) и не сполз по стене обратно на ковер.

Я знал раньше, что маги занимаются подобными вещами, но никогда не предполагал, что Ларт, мой хозяин, на такое способен.

А человек смеялся, теперь уже точно смеялся, и катался по полу. Я совсем уж было уверился, что это сумасшедший, когда он вдруг замер и зажал себе рот рукой. Потом прохрипел, не глядя:

— Дай воды.

На кухне я вспомнил-таки: вешалку эту преподнес хозяину его вечный соперник Бальтазарр Эст в знак очередного примирения.

Когда я вернулся в прихожую, тот человек уже взял себя в руки. Лицо его, правда, еще было безжизненно-серым, но из глаз исчезло паническое выражение; он сидел, привалившись спиной к стене, и массировал лоб и щеки, возвращая им человеческий цвет.

Я протянул ему стакан, он выпил до дна, стуча зубами о стекло. Поставил опустевший стакан, перевел дух и посмотрел мне прямо в глаза:

— Значит, таков был его приказ?

Я не стал выяснять, чей это — «его», и кивнул.

— Что дальше?

Его плохо слушался язык, но он прямо-таки буравил меня глазами.

— Дамир...

Вот как, он меня знал!

— Дамир, что он еще приказал?

Я сглотнул и пожал плечами.

— Я так понял, — хрипло продолжал он, — что могу... убираться восвояси?

Я глупо улыбнулся.

Он встал, держась за стену. Двинулся к двери. Обернулся:

— Хорошо. Ладно. А теперь... Передавай ему привет. Просто привет от Маррана.

Я стоял на пороге и смотрел, как он уходит, едва переступая негнушимися ногами.

* * *

...Это было безумие — передавать ему привет. Это было пустое и глупое бахвальство.

Станный и нелепый человек шагал по дороге. Когда-то его звали Руал Ильмарранен, по кличке Марран.

Ноги на желали подчиняться, потому что за три предыдущих года им не пришлось сделать и шага. Руки, неестественно выгибаясь, судорожно хватали воздух, ловя несуществующие воротники плащей и курток. Пасмурное весеннее небо было слишком светлым для привыкших к полумраку глаз.

По дороге к поселку шагала ожившая вешалка господина Легиара.

Марран силился и не мог удержать надолго ни одной, самой пустяковой мысли. Вот дорога, думал он, опустив голову и вглядываясь в раскисшую глину. Это вода. Это песок. Это небо. Тут он пошатнулся, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал, как падает деревянная палка. Прямо перед глазами у него оказался жидкий кустик первой весенней травки. Это трава, подумал он безучастно.

Откуда-то из глубин отупевшей памяти явился сочно-зеленый луг, над которым деловито вились цветные бабочки, и бронзовая ящерица на горячем плоском камне.

Марран с трудом перевернулся на спину, оттолкнулся от притягивающей к себе земли, руками согнул сведенную судорогой ногу — встал, шатаясь.

Воспоминание помогло ему, позволив хоть немного приостановить хаотически несущийся поток бессвязных мыслей. Он уцепился за один, самый яркий образ: ящерица, ящерица...

Девочка-подросток, чьей самой большой гордостью было умение превращаться в ящерицу. И мальчишка, над этой ее гордостью смеющийся.

«А в саламандру умеешь? А в змею? А в дракона? Ну, посмотри на меня! Ведь это так просто!»

Мальчишке ничего не стоило скакать кузнечиком, гудеть майским жуком — а она умела тогда превращаться в ящерицу, и только. Мальчишка наслаждался своим превосходством, хлопал пестрыми сорочьими крыльями прямо над ее головой — она с трудом сдерживала злые слезы.

«Ну хватит, Марран! Убирайся, можешь больше не приходить!»

Марран вздрогнул.

Он стоял на холме, под его ногами качалась раскисшая дорога, а прямо перед ним лежал в долине поселок. Вились теплые дымки над крышами.

Он не принимал решение — ему просто больше некуда было идти.

Непослушные ноги знали дорогу, но шли медленно, так медленно, что он добрался до места поздним вечером. Калитка не была заперта. Дом засыпал — слабо светилось последнее, бессонное окно.

Марран встал у двери, не решаясь постучать. Затуманен-

ное сознание понемногу прояснялось — и по мере этого прояснения ему все сильнее хотелось уйти.

Но тут дом проснулся.

Что-то обеспокоенно спросил женский голос, застучали шаги по лестнице, осветились окна... Женский голос повторил свой вопрос нервно, почти испуганно.

Дверь распахнулась. На Маррана легла полоса теплого, пахнущего жильем света. Он заморгал полуослепшими глазами.

Та, что стояла в дверном проеме, пошатнулась и едва удержала фонарь.

...На обеденном столе горели две свечи. Топилась печка; щели вокруг чугунной дверцы светились красным.

Он сидел, уронив голову на руки. В полубреду ему виделась ящерица на горячем камне.

— ...слышишь меня?

Он с трудом поднял голову. Женщина стояла перед ним с бокалом темной жидкости в трясущихся руках:

— Выпей...

Он начал пить нехотя, через силу, но каждый глоток возвращал ему власть над мыслями и способность облекать их в слова.

— Три года... Три года, Ящерица...

Женщина запрокинула голову, закусил губу:

— Я вдруг почувствовала твое присутствие. Я поняла, что ты пришел...

— Прости.

Она сдавленно рассмеялась:

— А я всегда чувствовала, что ты идешь... У меня голова начинала болеть, и я думала — опять негодный Марран...

Он попытался улыбнуться:

— Да?

Она раскачивалась на скамейке, глядя на него странным, не то насмешливым, не то растерянным взглядом:

— А помнишь, как ты мне хвост оторвал?! И потом носил на шее, на цепочке...

— А потом потерял...

— А я себе новый хвост отрастила...

— А помнишь, как ты меня дразнила? Марран — противный таракан...

— И еще Марран — хвастливый барабан...

— И облезлый кабан...

Она зашлась смехом:

— Не было кабана, это ты только что придумал... — И продолжала сразу, без перехода: — А ты живой, Марран... Ты живой все-таки...

Ее смех оборвался.

— Я виноват перед тобой, Ящерица, — сказал с длинным вздохом ее собеседник. — Не надо было приходить.

В соседней комнате завозился, заплакал ребенок. Женщина по имени Ящерица вздрогнула, решительным мальчишеским движением стерла слезы и вышла, прикрыв за собой дверь. Маррану показалось, что огонь в печи почернел.

Женщина вернулась, бросила на собеседника быстрый испытующий взгляд — тот ответил неким подобием улыбки:

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — отозвалась она сухо.

Он попытался снова вспомнить сочно-зеленый луг — и не смог. Краски его видений разом выцвели, поблекли.

Пауза затянулась. Ящерица, заламывая пальцы, села за стол напротив Маррана.

— Мой муж — прекрасный человек, Руал, — наконец сказала она, подавив не то вздох, не то всхлип.

Черный огонь в печи жадно пожирал седеющие поленья.

— Он не маг, и я теперь тоже не хочу иметь с магией ничего общего, — продолжала она с внезапной надменностью. — Слишком дорого обходится вражда господ колдунов, а дружба — еще дороже... Это все, что ты хотел бы знать?

Марран не ответил.

Сделав над собой усилие, он встал, взял свечу со стола, обернулся к овальному металлическому зеркалу на стене. Поднес свечку к лицу... Рука дрогнула.

— Марран — хвастливый барабан... Похоже?

Она не отозвалась, подавленная. Тогда он попросил тоскливо:

— Догадайся, Ящерица... Догадайся, что со мной...

— Ларт и Эст объединились против тебя, взяли в клещи...

— Да... Но это не все.

— Они одолели тебя... Ты стал вещью, мебелью...

— Да. Но это еще не все.

— Тебе плохо...

Он свирепо обернулся:

— «Плохо»?! Я... — Осекся. Выдохнул сквозь сжатые зубы и сказал спокойно: — Я просто больше не маг, Ящерица.

Она стояла в полумраке, где он не мог разглядеть ее лица.

— Как ты сказал?

— Как ты слыхала.

Она медленно опустилась на скамейку.

— Это ты... Ты-то... Как же? Кто же ты теперь?

Он отчеканил зло:

— Бывший волшебник. Отставной кавалер. Ненужная вещь, которую потербели-подергали да и вышвырнули вон. Вышвырнули и забыли и с тех пор прекрасно без нее обходятся!

Она не удержалась и всхлипнула — громко и жалобно.

Марран криво усмехнулся:

— Не отчаивайся... Вот прекрасный случай предложить мне покровительство.

Она смотрела на него потрясенно. Хотела что-то сказать — и не решилась. Сникла, машинально принялась водить пальцем по краю блюда. Потом снова набрала в грудь воздуха — и выдохнула, так и не проронив ни слова. Заколебалось пламя свечи.

Он оторвал глаза от скатерти:

— Ладно, говори...

Она покусала губы и выговорила, глядя в сторону:

— Можешь ругать меня, говорить, что хочешь... Ты всегда любил меня оскорблять... Но объясни! Объясни, что произошло между вами... Это какое-то затмение... Ты был...

— Любимцем судьбы.

Женщина быстро глянула на собеседника — тот скалил зубы.

— Ну, посмейся... Самое время нам посмеяться... Светлое небо, да Легиар прощал тебе то, что никому на свете не прощал! Господин Бальтазарр Эст, это мрачное чудовище — и играл с тобой на равных! И как вышло...

Она запнулась. Он смотрел на нее с сосредоточенным интересом:

— Ну, продолжай.

— Я хочу спросить, Руал, за что тебя... Только не ври.

Он чуть усмехнулся:

— А ты как думаешь?

Она помедлила. Опустила глаза:

— Я думаю... Что ты сам доигрался. Крутил, вертел, куражился... Есть вещи, за которые...

Лицо его вдруг застыло — и она испугалась. Пробормотала, будто оправдываясь:

— Но была же причина...

Радостно возопил первый утренний петух. Крик этот, не принеся Руалу облегчения, подсказал выход:

— Сейчас рассветет — и я уйду.

— Куда?

— В дальнюю дорогу. Не бойся, я не собирался злоупотреблять гостеприимством... твоей семьи.

Она вспыхнула:

— Ну и не надо было приходить!

— Ну и напрасно пришел...

— Ну и напрасно!

Он шагнул к двери — и наткнулся в полумраке на тяжелую рогатую вешалку.

Его отбросило, будто ударом гигантского кулака. Задышавшись, он упал на пол, закрывая лицо руками, забился в судорогах...

Она в спешке наполнила стакан темной жидкостью, бормотала заклинания, плела руками сложное невидимое кружево...

Марран не сразу пришел в себя. Он долго смотрел в приоткрывшуюся дверцу печурки, приговаривая про себя: это огонь. Это огонь.

— Руал, очнись... ЭТО прошло... Теперь ты снова жив и будешь жить...

Что-то неприятно хрустнуло. Марран раздавил в руке стакан с остатками напитка и теперь наблюдал безучастно, как белую салфетку пятнают черные капли крови.

— Господин Легиар так презирает меня, что не соизволил самолично снять заклятие... Послал мальчишку...

Она устало вздохнула и, принимая из его рук осколки, осторожно провела пальцем по линии пореза.

— Послушай меня, Руал. Ты никогда меня не слушал — послушай хоть раз. Ничего не вернуть и ничего не исправить. Забудь о НИХ, и ты будешь жив...

И она поставила на стол совершенно целый стакан.

Марран разглядывал руку — глубокий порез на ней быстро затягивался.

Скрипнула кровать в соседней комнате. Его собеседница насторожилась было, но ребенок, пошевелившись, затих. Женщина испытующе глянула на Маррана — и глаза их встретились.

— Ничего не исправить... — проговорил он с трудом. — Ты права... Ящерица отращивает потерянный хвост много раз, до бесконечности. Но не всем так везет...

— Руал, — сказала она решительно. — Я помогу тебе во что бы то ни стало.

Он обнажил зубы в нехорошей усмешке:

— Спасибо. Я знал, что обязательно получу нового покровителя... вместо старых!

Она поднялась:

— Ты не смеешь так со мной разговаривать!

— А ты преврати меня во что-нибудь, — посоветовал он без улыбки. — Увидишь, как это просто теперь. — И тоже встал.

Они стояли друг против друга, и ей приходилось задирать голову, глядя ему в глаза.

И тогда он ее обнял.

Растерявшись, она забилась, как пойманная пичуга. Он оторвал ее ноги от земли и поднял так, что их лица оказались на одном уровне. Она ослабела.

— Прощай, — сказал Руал Ильмарранен по кличке Марран. — Прощай, Ящерица. Я не приму твоего покровительства, как ты когда-то не приняла моего.

И он осторожно поставил ее на пол.

Они снова смотрели друг другу в глаза, и она задирала голову выше, чем надо, — чтобы слезы вкатились обратно. Он улыбнулся с трудом — тогда она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в запекшиеся губы, чтобы в следующую секунду резко оттолкнуть.

За окном светало — женщина по имени Ящерица отошла к окну, отвернувшись от Маррана.

— Все, — сказала она глухо. — Теперь уходи.

Догорали свечи. На столе осталась белая салфетка, запятнанная каплями крови.

* * *

...Когда я добрался до пристани, солнце уже садилось в горку безмятежных золотых облаков. Ларт виден был издали — одетый во все черное, как и подобает странствующему магу, он взад-вперед расхаживал по пирсу. Ветер живописно развеивал его длинный плащ.

Я смиренно поставил дорожный сундучок у высоких ботфортов.

— Ну? — спросил он скучным голосом.

Я доложил, опустив, впрочем, последний эпизод.

— Это все? — осведомился Ларт, наблюдая за приближающейся шлюпкой.

Я собрался с духом:

— Вам привет, хозяин. От некоего Маррана.

Шлюпка неуклюже привалилась к пирсу. Ларт покусал губу и ничего не ответил. Тогда я обнаглел:

— И попрошу, если можно, в будущем избавить меня от подобных испытаний.

Не ответив ни слова, он круто повернулся и пошел прочь, навстречу матросам из шлюпки, которые, кланяясь и приседая, приглашали нас занять места на зафрахтованном суденышке.

В каюте на двоих, самой роскошной на этой посудине и все равно удивительно тесной и темной, я разбирал багаж, слушая доносившийся с палубы через приоткрытое окошко разговор Ларта с капитаном. Они уточняли курс: хозяина, как всегда, тянули рифы и мели, шкипер несмело возражал. Наконец звякнули монеты, и разговор был свернут. Заскрипели ступеньки, противно подпела дверь, каюта наполнилась сначала мутным вечерним светом, а затем Лартом, который за все задевал кончиком шпаги и вполголоса ругался. Я помог ему снять плащ. С палубы доносились поспешные команды, грохот якорной цепи и суматоха отплытия.

Ларт обрушился на койку, не снимая сапог. Я стал зажигать свечку, в этот момент суденышко качнулось, и я чуть было не свалился на хозяина. Ответом было презрительное мычание. Я извинился.

Кораблик лег на курс, наполнив паруса вечно попутным по Лартовой милости, но от этого не менее холодным ветром. Этот ветер пробрал меня до костей, пока я ходил справляться об ужине. Вернувшись, я застал хозяина в той же позе и в том же состоянии духа.

— Нас накормят, — сообщил я, усаживаясь. Ларт отозвался невнятно.

Проследив за его неподвижным взглядом, я с трудом разглядел на темном потолке толстого паука в паутине. Я не думал, что на корабле могут быть пауки, но деловито осведомился:

— Убрать?

Ларт не ответил.

Некоторое время мы слушали завывания ветра и плеск воды за бортом.

— Значит, он передавал мне привет? — заговорил со мной Ларт впервые за этот вечер.

— Горячий, — ответил я осторожно.

— А потом?

— Потом ушел.

— Далеко?

— Я не следил за ним, хозяин.

— И приключение тебе не понравилось?

— Никоим образом.

— Мне тоже, — буркнул он и повернулся лицом к стене.

Но на этот раз молчание длилось недолго.

— Предательство, — сказал Ларт в стену. — Предательство не прощается, Дамир.

Мне вдруг стало жарко — показалось, что он намекает на меня. Я в ужасе стал перебирать в уме свои дела и поступки, гадая, какой из них мог рассердить Ларта, но тут он продолжил свою мысль и отвел от меня подозрение.

— Руал Ильмарранен, — пробормотал он, обращаясь к пауку. — Двойное предательство.

Я тихонько вздохнул с облегчением и тут же насторожился, догадавшись, о ком идет речь.

— Да, — сказал Ларт, будто отвечая на мои мысли. — Марран.

И тут меня осенило: а я ведь его знал! Я делал первые шаги у Ларта на службе, когда этот нахальный и самоуверенный субъект был, помнится, его любимцем.

— Марран, — тем же отрешенным голосом продолжал Ларт. — Маг милостью небесной. Со временем он перерос бы

и Эста, да, возможно, и меня... Не успел. Поторопился предать нас обоих. Наказание справедливо.

Он еще хотел что-то сказать, но тут снаружи послышались удивленные крики. Я поспешил выбраться на палубу.

Был темный, беззвездный вечер, мы неслись на всех парусах, а над нами, чуть не задевая за снасти, кружилась белая птица. Птица хрипло кричала, попадая в мутный свет фонарей, а оказываясь в темноте, излучала собственное слабое свечение. Матросы толпились на палубе, задрав головы.

Я быстро спустился в каюту:

— Хозяин, к вам пришли.

Как только Лартова голова показалась из дверного проема, птица камнем кинулась вниз и мертвой хваткой вцепилась колдуну в плечо. Ларт поморщился, а птица склонилась к его уху и с огромной скоростью застрекотала некое сообщение. Выслушав несколько слов в ответ, она захлопала крыльями, сорвалась с Лартова плеча и, уронив на палубу помет, канула в темноту. Все свидетели диалога шумно перевели дыхание, а мой хозяин молча вернулся в каюту.

...До поздней ночи я сидел в кубрике, ел до отвала, пил и делился подробностями из жизни магов. Слушатели смотрели на меня с ужасом и восторгом.

Пошатываясь и потирая живот, я едва добрался до каюты.

Лартов ужин, оставленный мною на столе, стоял нетронутый и давно остыл. Свеча почти догорела.

Мой хозяин сидел на койке, подобрав под себя ноги. Рядом, ткнувшись эфесом в подушку, лежала шпага.

Я остался стоять у двери, переступая с ноги на ногу.

— У нас перемены, — мрачно сообщил Ларт. — Мы меняем курс и завтра высадимся на берег.

* * *

...Это было первое утро за последние три года.

Марран шел проселочной дорогой; ноги, особенно левая, слушались с трудом. Дважды он упал — один раз очень сильно, поскользнувшись на предательски подмерзшей за ночь лужице, и ссадил себе ладони и щеку. Единственный человек, встретившийся Маррану по дороге, был пастушонок со стадом овец; мальчишка, по-видимому, хотел что-то спросить у измученного странника, но испугался и не спросил.

Первой радостью Руала на этом пути было солнце, пробившееся наконец сквозь утренний туман.

Руал надеялся согреться с его появлением — и не согрелся. Ждал, когда пройдет тошнотворная слабость — но она не проходила, а, наоборот, наваливалась все сильнее по мере того, как Руал уставал. А уставал он быстро.

Впереди показался мостик, изогнутый, как дужка ведра, и такой же тонкий. Ильмарранен решил отдохнуть, привалившись к удобным широким перилам. Последние шаги оказались кошмаром.

Второй радостью Руала была минута, когда он повис-таки на перилах и увидел внизу свое неясное отражение в темной бегущей воде.

Некоторое время он безучастно смотрел на себя-под-мостом, потом водная гладь вздыбилась у него перед глазами — невыносимо закружилась голова.

...Когда-то река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью — крупной, грациозной рыбиной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным глазом. Он пронесился мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятьях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

...Порыв ледяного ветра подернул воду рябью.

Под вечер мучительного бесконечного дня он увидел мельницу.

Она стояла, как и раньше, в стороне от дороги, за поворотом реки.

Но вода не шумела, обвалилось мельничное колесо. На мельнице царило полное и давнее запустение.

Руал подошел ближе. Из разбитого окна выпорхнул воробей.

Ильмарранен проводил его взглядом.

...Мельник Хант держал мальчишек-подмастерьев в черном теле — они тяжело обрабатывали на мельнице каждый урок магии.

Хант был средней руки колдуном, но незаурядным бабником — окрестные девушки и молодницы хаживали к нему гадать, привораживать женихов и сживать со света соперниц. Не задаром, конечно.

У мельника были влажные, цвета речной воды глаза — при-

стальные и насмешливые, прозрачные и непроницаемые одновременно. О нем ходили скверные слухи. Опровергнуть или подтвердить их могли только те утопленники, чьи тела время от времени попадали в рыбацьи сети вниз по реке. Впрочем, люди иногда тонут сами по себе, и если даже среди них случится подмастерье с мельницы или бывшая Хантова подружка — что ж, это не такой уж повод для страшных подозрений.

Хант приходился вассалом Бальтазарру Эсту и платил ему дань. Подмастерья шептались о совершенно невероятных формах, которые эта дань принимала.

Конечно, мельник Хант по своему положению был много ниже блестящего господина Руала, и неизвестно, какой каприз великолепного Ильмарранена сблизил их. Во всяком случае, между мельником и Руалом установились живые, почти приятельские отношения.

К приезду Маррана накрывался стол — Хантова служанка, робкая тощая девушка, сбивалась с ног. Она мучительно стеснялась, прислуживая господину Ильмарранену, краснела и роняла посуду. Марран иногда снисходительно пощипывал ее за единственное выдающееся место — нос.

Подмастерья выстраивались вдоль стены, плясая на заезжую знаменитость и перешептываясь. Младший до смерти боялся тараканов — и господин Руал охотно потешал публику, превращая его сотоварищей в стаю огромных черных насекомых. Поднималась возня, маленький подмастерье визжал, вспрыгнув на стул, а мельник Хант загадочно улыбался, пуская кольца дыма из своей трубки. Наблюдая эту сцену, господин Руал веселился от души.

Впрочем, странная дружба мельника и Маррана готова была зайти в тупик к моменту, когда на Ханта, его мельницу и уплачиваемую им дань пожелал заявить претензии господин Ларт Легиар, постоянно расширяющий территорию своего влияния и подчинивший себе уже весь левый берег.

Великие маги перегрызлись, как псы.

Мельник охал и жаловался Маррану на притеснения и претензии с двух сторон. Господин Руал, удивительным образом ухитрявшийся поддерживать дружбу с обоими соперниками, ободряюще хлопал Ханта по плечу и усмехался покровительственно.

И вот лунной весенней ночью в столешницу дубового обеденного стола был вогнан длинный охотничий нож — так делается, когда двое хотят побиться об заклад.

Подмастерья, поднятые с постелей, служанка в халате и разгоряченный небывалым пари мельник толпились с одной стороны стола, а с другой его стороны высился Ильмарранен:

— Двадцать золотых, мельник! Я ставлю двадцать золотых, что скажешь?

Хант грыз ногти, не переставая загадочно усмехаться:

— Я бы поднял ставки, господин Руал... Уж больно сомнительное это дело... Любого из них мудрено провести, а уж обоих...

Не зря, ох не зря набивал цену Хант! Пари сулило потеху, но и риск тоже, ибо господин Руал брался — ни более ни менее — оставить в дураках и Легиара и Эста. Шутка ли — явиться к Эсту в Лартовом обличье и так спутать все карты, чтобы маги отказались от мельницы по доброй воле... Впрочем, известно ведь, что господин Руал — мастер мистификаций и розыгрышей...

— Посмотрим! Пятьдесят, чтобы не мелочиться. — Конечно, он был уверен в успехе.

Мельник покончил с ногтями и принялся за пальцы:

— Рискуете, господин Руал... Но так тому и быть... Я согласен.

— По рукам? — взвился Ильмарранен.

Мельник протянул сухую короткопалую руку, и над воткнутым в столешницу ножом было заключено пари... Старший подмастерье разбил руки спорящих вялым нерешительным ударом. Громко икнула сонная служанка — а господин Руал расхохотался, обернулся яркой растрепанной птицей и вылетел в приоткрытое окно...

...На заплесневевшем обеденном столе до сих пор темнел глубокий след ножа. Окна разбились, полуоткрытая дверь вросла в землю. Посреди двора догнивала груда пустых мешков.

Ильмарранен повернулся и зашагал прочь.

...Печальная женщина по имени Ящерица склонилась над столом, вглядываясь в темные пятна на белой салфетке. Возился в люльке маленький мальчик — агукал, улыбался, пытался поймать кружащиеся над ним прямо в воздухе цветные шары... Из наполовину пришторенного окна било радостное весеннее солнце, в ярком его потоке волшебные шары покачивались, радужно переливались, то ловко уворачиваясь от маленьких ручек, то прилипая к ладошкам. Малыш смеялся.

Его мать нежно разглаживала складки белой ткани, стараясь не касаться пятен крови. Вскоре под ее взглядом они медленно вернули свой красный цвет и ровно засветились изнутри.

* * *

Мы шли, по щиколотку увязая в сыром песке. Мыс остался позади, и суденышко скрылось из виду. Вместе с ним из виду скрылись завтраки, обеды, ужины, крыша над головой и увесистый дорожный сундучок.

Мы шагали належке — молчаливый Ларт впереди, я следом. На каждый его шаг приходилось полтора моих.

Слева тянулась полоса прибоя, справа — бесконечная каменная гряда. Сюда можно было только приплыть или прилететь.

У меня промокли башмаки. Я догнал Ларта и поплелся рядом, преданно заглядывая в неприятно желчное лицо.

— Хозяин, близится время обеда. Я-то готов сносить превратности пути, но вы обязательно должны регулярно питаться.

— За что я его держу? — утрюмо спросил себя Ларт.

Я поотстал.

Спустя еще час мне было совершенно ясно, что путь наш никогда не кончится. Мы будем вечно идти вдоль полосы прибоя, и сырая стена справа никогда и ни за что не отступит. Я успел трижды отчаяться и трижды смириться, когда Ларт вдруг встал как вкопанный. Я чуть было не налетел на него сзади.

Ларт встал лицом к отвесной скале, погладил ее ладонью и что-то сказал. «Ум-м!» — ответила скала, и в ней открылась черная вертикальная трещина.

Я отскочил так, что оказался по колено в море.

Ларт обернулся и поманил меня пальцем.

— Я обожду вас здесь, — сказал я бодро. — Мне неловко навязывать... — Тут здоровенная волна пихнула меня под зад. Я, теряя равновесие, пробежал несколько шагов вперед и, мокрый как мышь, обрушился к Лартовым ботфортам. Он взял меня за шиворот и впихнул в щель.

Внутри было совершенно темно и неожиданно просторно. Ларт двинулся вперед в полном мраке, а я вцепился в него двумя руками, как в самое ценное свое сокровище. Щель у нас за спинами с грохотом сомкнулась.

Ларт, конечно, видел в темноте и уверенно тащил меня к хорошо ему известной цели. Вскоре во мраке подземелья прозвучал удивительно неуместный здесь скрип открываемой двери — и сразу стало светло.

Мы стояли посреди просторной прихожей, чем-то напоминающей Лартову, причем я уже успел изрядно наследить.

— Орвин! — крикнул мой хозяин. — Орвин!

Ответа не последовало. Я ежился — мокрая одежда липла к телу.

Не дождавшись приглашения, мы (Ларт впереди, я в отдалении) через длинный коридор прошли в комнату, служившую, по-видимому, гостиной. В центре этого огромного полупустого помещения стояло нечто, накрытое плотной черной тканью. Я решил, что это картина.

— Так, — сказал мой хозяин, потер пальцем нос, покусал

губу, потом красивым длинным движением выхватил шпагу. Я охнул; Ларт шагнул вперед и кончиком шпаги сорвал ткань со странного предмета.

Это было зеркало. В нем отражались комната, Ларт, часть меня и некий темноволосый мужчина, в котором я узнал хозяйского знакомого по имени Орвин, или Орвин-Прорицатель.

Я отступил.

— Здравствуй, Легиар, — сказал Орвин из зеркала. — Прости, что не дождался тебя. Но сейчас каждая минута имеет значение. Я должен найти разгадку.

Он протянул там, в зеркале, руку — с руки свисала золотая цепочка, на которой болталась опять же золотая пластинка. Гладкая золотая пластинка величиной с крупную монету, со сложной, замысловатой фигурной прорезью в центре.

— Это Амулет Прорицателя, — продолжало отражение, — мой амулет, Легиар. Вчера его тронула ржавчина. Я не хотел верить. Сегодня ржавое пятно растет так быстро, как говорит об этом Завещание Первого Прорицателя, когда предупреждает о явлении Третьей силы. Той самой, в которую ты никогда не верил. Мой долг был предупредить тебя, Ларт, — и я предупредил. Теперь прощай — я должен выяснить, что и откуда нам угрожает. Желаю удачи — она нам понадобится. Прощай.

Отражение дрогнуло и растеклось, растаяло. В зеркале была только комната и Ларт — я благоразумно отошел.

Мой хозяин приблизился к зеркалу, внимательно на себя посмотрел, извлек из кармана гребешок и тщательно расчесался.

— Ах, ты... — пробормотал он в замешательстве. — Клянись канарейкой... Дрянь, не верю...

Выскользнув из его руки, костяной гребешок раскололся на мозаичном полу.

* * *

Когда-то Руал Ильмарранен умел летать.

Теперь он с трудом мог в это поверить — так тянула его земля.

Земля издевалась над ним, плясала под ногами, как утлая палуба в шторм; земля не желала подчиняться и не желала отпустить. Дорога то и дело ускользала из-под прохуdivшихся подошв, подсовывая вместо себя гнилые ямы, рывины и пни. Руал был близок к отчаянию.

Стушалась ночь.

Незаметно подкрался и обступил Ильмарранена со всех сторон низкорослый, больной лесок.

Руал окончательно сбился с дороги.

— Очень глупо, Марран, — сказал он сам себе запекшими-ся губами. — Глупее исхода не придумал бы и мельник Хант!

Тут под его ногой подломился с треском трухлявый сук, и Ильмарранен рухнул в груды истлевших прошлогодних листьев.

...До чего теплым был золотой песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними — на утрамбованном пяточке — разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран — рыжими.

Полководцы припадали к земле, подхватывались на ноги, лазали на четвереньках, отдавая неслышные уху приказы покорным и бесстрашным «солдатам». Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала вдруг беспорядочно отступила, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

— А-а-а! Прекрати!

Муравьи уже взбирались по ее голым загорелым рукам. Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая обезумевших насекомых. Черная армия распалась, потеряла управление, перестала существовать.

Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов.

— Ну, что ты теперь скажешь? Что тебе мешало выиграть на этот раз?

С ее языка готова была сорваться отповедь — и вдруг она нахмурилась, ей почудился кто-то наверху, далеко, над обрывом.

— Руал... По-моему, там Легиар... Может, нам лучше уйти? Он сощурился:

— С чего бы это?

— Мы ведь на его территории... Может, он не любит, чтобы чужие приходили и колдовали у него под носом?

Марран потянулся, бросил насмешливо:

— Ты мне зубы не заговаривай! Сдаешься, не хочешь больше играть — так и скажи... Мне тоже надоело колдовать вполсилы... Ты же с тремя десятками муравьев справиться не можешь!

Девушка вспыхнула:

— Зато ты хвастаешься в полную силу, и даже сверх всяких сил! Целуйся с муравьями своими!

Он смешно сморщил нос и протянул:

— Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

Следующие три минуты они возились, как щенки, на не-

давнем поле боя, хохотали и набивали полные рты горячего песка.

— И почему ты такой задавака, Марран, — говорила Ящерица, когда они лежали рядом, сморенные зноем. — Будто бы все можешь...

— А я все могу! — Мальчишка подпрыгнул, будто подброшенный пружиной. — Вот пожелай чего-нибудь!

— Муравьиную пирамиду, — сонно бормотала девушка, — и чтобы вокруг нее был хоровод, а сверху один муравей махал белым флажком...

— Всего-то?!

Ящерица вскочила, вскрикнув, потому что все муравьи округи за две минуты собрались на месте, где только что покоился ее локоть.

Рыжие, красные, черные, забыв о насущных делах, выполняли поспешно прихоть маленького мага. Девушка смотрела, полуоткрыв рот:

— Эй, Марран... Я пошутила вообще-то...

А муравьиный хоровод уже кружился, а пирамида все росла и росла, а Руал Ильмарранен, красный от напряжения, пританцовывал вокруг, шевелил губами, водил пальцами и приседал:

— Ну, флажок! Давай же!

Флажок не получался.

Ящерица уже презрительно скривила губы, когда на вершину пирамиды выбрался-таки изрядно помятый рыжий муравей с лепестком маргаритки наперевес. Марран подскочил с победным воплем.

— Да, это достойно, малыш, — сказали у него за спиной.

Ильмарранен обернулся — перед ним стоял человек, о котором он много слышал и которого впервые видел так близко — великий маг Ларт Легиар.

Ящерица побледнела под слоем загара и резко дернула Руала за рукав. Тот, не глядя, высвободил руку.

— И чей же ты такой мальчик? — спросил Легиар мягко.

— Ничей, — настороженно отозвался Марран. — Свой. А что?

— Ничего, — пожал плечами маг. — Просто хотелось бы знать, кто твой учитель.

— Никто...

— А врать-то зачем? — удивился Легиар.

— Он не врет, — поспешно заступилась Ящерица. — Он самоучка. И вообще мы уже уходим. — И дернула Руала изо всех сил.

Легиар чуть повернул голову, посмотрел сквозь девушку и обратился опять к Руалу:

— А ты никогда не думал, что время муравьиных игриш когда-нибудь закончится?

Марран смотрел на него исподлобья.

— А в мире, мальчик, есть другие... маги, и кому-то из них ты помешаешь, а кто-то станет союзником... Если ты этого захочешь, конечно, — добавил колдун и внезапно, вдруг обернулся огромным грифом, хрипло крикнул и взмыл вверх.

Руал, на секунду растерявшись, оторвал от себя пальцы Ящерицы и обернулся соколом.

Несколько секунд — или часов — две хищные птицы носились на страшной высоте, где дыхание спирало от ледяного ветра. А над берегом металась маленькая чайка — пронзительно кричала и не могла подняться выше.

Потом гриф камнем упал вниз, и, коснувшись ногами песка, стал господином Лартом Легиаром.

Вслед за ним опустился сокол — и обернулся обессиленным, запыхавшимся Марраном. Маги — молодой и матерый — некоторое время смотрели друг на друга.

— Пошли, — сказал наконец Легиар. — Можешь звать меня Лартом.

— Марран, — ответил Руал, протягивая руку.

Ящерица стояла, утонув по щиколотку в остывающем песке, и смотрела, как они уходили.

...Руал поднял голову — Ящерица все еще укоризненно смотрела на него из-за уродливого темного ствола.

Он наотмашь ударил себя по лицу — удар вышел слабый, но видение исчезло.

Он попытался встать, опираясь на ствол. В ушах у него, то приближаясь, то затихая, звучало тонкое назойливое пение. Тянула к земле тяжелая голова, мешала подняться.

И тут он увидел огонек.

Далеко-далеко, так неясно, что поначалу он и его принял за видение, но огонек не исчезал, мерцал ровно, тепло, приветливо, и Ильмарранен, пошатываясь, двинулся к нему. Он шел, влекомый той силой, которая собирает стаи бабочек вокруг горящей лампы. И огонек сжалился над ним — помедлил и стал приближаться.

Руал пошел быстрее, все еще спотыкаясь, но уже не падая, оставляя лоскутки рубашки на острых сучьях. Огонек обернулся жарко пылающим костром. Руал, потерянный, вышел на широкий перекресток двух дорог.

Сыпались в небо обезумевшие искры. Костер был сложен прямо посреди перекрестка, а чуть поодаль копошились в его пляшущем свете две приземистые человеческие фигуры.

Ильмарранен шагнул вперед, намереваясь просить о приюте. На него не обратили внимания. Бросив хмурый взгляд, землекопы — а это были именно землекопы — продолжали свой тяжелый и грязный труд. Один долбил землю заступом,

другой отворачивал ее тяжелой лопатой. Работали в полном молчании.

Руал, не дождавшись приглашения, сам подошел к костру и опустился перед ним на теплую, усыпанную пеплом землю.

Трещали поленья. Один из работающих то и дело отходил от растущей черной ямы, чтобы подбросить дров в огонь. Костер после этого пригасал, чтобы через секунду разгореться яростно и зло.

Руал смотрел в огонь. Из огня смотрела на Руала женщина по имени Ящерица.

Видение прогнал странный звук, раздавшийся совсем рядом. Не то стон, не то хрип.

Ильмарранен с трудом поднялся и обошел костер.

Кроме двоих работающих и непрошеного гостя, на перекрестке все это время находился еще один человек.

Это был древний старик, измученный, изможденный, лежащий на бесформенной куче тряпья. Старик пребывал в бреду: полуоткрытые ввалившиеся глаза не видели ни костра, ни подошедшего Руала. Губы, казавшиеся черными в свете пламени, не переставая, шевелились.

Ильмарранен присел рядом.

Старик, по-видимому, умирал. В его невнятном бормотании иногда различимы были отдельные слова; он то молил остановиться кого-то, то шептал в отчаянии: «Заприте дверь». Руал пытался придержать седую мотающуюся голову.

На рассвете, когда яма была уже широка и глубока, умирающий пришел в себя и потянулся рукой к затерявшейся в гряде тряпья фляге. Ильмарранен помог ему напиться.

Старик поблагодарил жестом. Руал кивнул. Небо светлело, но костер горел еще ярко. В этом смешанном предутреннем свете старик увидел наконец его лицо.

Рот с черными губами судорожно полуоткрылся; и без того страшные черты умирающего исказились вдруг неслыханным, слепым ужасом.

— Привратник! — выкрикнул он, пытаясь заслониться трясущейся рукой. — Привратник!

Руал отшатнулся.

Старик подался вперед, почти сел, не сводя глаз с Ильмарранена, потом захрипел, содрогнулся всем телом и вытянулся. С почерневшего, застывшего лица так и не сошло выражение смертельного ужаса.

Землекопы, как по команде, бросили заступ и лопату и деловито направились к старику. Тогда Руал, который был не в силах овладеть собой, повернулся и бросился бежать без памяти.

Голые скалы остались позади, теперь под ногами трещала прошлогодняя жесткая трава. Кроме того, то и дело приходилось пробираться сквозь кусты без листьев, но с колючками.

В жилище Орвина мы немного отдохнули, согрелись и подкрепились. Теперь, правда, казалось уже, что и отдых и еда мне приснились.

Вот уже час перед нами маячила новая цель — замок. Там, как предполагалось, нас ждали ужин и ночлег. Мы шли к замку — замок, похоже, коварно отступал.

Сгущались сумерки, когда мы выбрались на дорогу. Идти по утоптанным колеям было легче, я догнал Ларта и спросил невинным голосом:

— Хозяин, неужели мы прервали морское путешествие из-за маленькой золотой безделушки?

Он так долго молчал, что я уже отчаялся услышать ответ. Но он наконец отозвался:

— Морской компас — тоже безделушка... Но если стрелка начинает бешено вертеться — не надо быть Прорицателем, чтоб заподозрить неладное...

Почти совсем стемнело. Проклятый замок не желал приближаться. Мне стало очень не по себе — не от слов Ларта, а от его тона. Он не ворчал, как обычно, а говорил серьезно.

Я помолчал, но молчать было еще хуже, и я спросил как можно бодрее:

— Хозяин, а что такое Третья Сила?

Он быстро на меня взглянул и отвернулся:

— Скорее всего сказка.

— Тогда почему это вас беспокоит?

— Потому что это страшная сказка.

И тут я по-настоящему испугался. Опять же не от слов. От того, что Ларт не рывкнул на меня, как обычно, и не высмеял, что тоже случилось. Он говорил со мной, как с равным. Значит, что-то действительно не так.

— Ладно... — Ларт ловко поддел ногой плоский камушек на дороге. Камушек описал дугу, но падать не стал, а завис прямо перед нами и вдруг ярко вспыхнул, освещая нам путь огнем, похожим на факельный.

— Ты прав, это меня беспокоит, — продолжал как ни в чем не бывало мой хозяин, — Орвин, как ты знаешь, Прорицатель... Правда, Прорицатели все немного не в своем уме. Их духовный наставник, самый первый Прорицатель, если только он на самом деле существовал, написал Завещание, если только это он его написал. И с Завещанием передал медальон, так называемый Амулет Прорицателя... Ну, медальон-то, без сомнения, существует, ты его сегодня видел. Он золотой и

ржаветь, конечно, не может... Если только не появится веская, очень серьезная причина.

Хозяин замолчал, но я уже знал, что это ненадолго. Он говорил бы, даже если бы я был глухонемым. Он просто рассуждал вслух.

— Серьезная причина... — продолжил Ларт после паузы. — Этот Первый Прорицатель, который то ли был, то ли его выдумали в своем Завещании, если это можно назвать его Завещанием, указал такую причину и назвал ее Третьей Силой...

— ...Если это можно так назвать, — эхом отозвался я.

Он внимательно на меня глянул:

— Ну-ну...

Проклятый замок бросил наконец играть в догонялки и теперь приближался неуклонно, но все же очень медленно.

— А почему «Третья»? — шепотом спросил я.

— Видишь ли... На свете есть маги и есть не маги. Ты согласен, что маги представляют собой силу?

И светильник его вспыхнул вдруг ослепительным, невыносимым для глаз светом.

— Согласен... — пробормотал я, прикрываясь ладонью.

— Но ведь не маги — это тоже сила, — сказал он, пригасив светильник до обычной яркости, — множество больших дел совершалось мудрыми правителями, благородными героями и так далее. Вот король на троне, он справедливо правит. Вот маг в пещере играет заклинаниями. Вот мы с тобой идем по дороге. Все привычно, все уравновешено. Но Орвин вслед за своим первым Прорицателем считает, что есть еще Третья Сила, к этим двум отношения не имеющая. Она, эта Третья Мифическая, якобы мечтает воцариться в мире, и воцарение ее несет живущим неисчислимые беды и страдания. Что она собой представляет и откуда возьмется — на это Завещание ответа не дает. Но сама мысль о ее существовании мне противна.

— Хозяин, — сказал я, пораженный, — но лошадь может быть либо жеребцом, либо кобылой, а пациент — либо живым, либо мертвым. Где вы видите третий вариант?

Он не ответил.

Наступила ночь.

Громада замка не освещалась ни одним огоньком, да и Лартов светильник горел теперь тускло и неровно. Дорога круто взяла в гору. Впереди, справа и слева, замаячили темные приземистые столбы, по-видимому, каменные. Мы замедлили шаг.

— Любопытные украшения, — пробормотал Ларт.

Столбы стояли шеренгами вдоль дороги, и на плоской вершухе каждого лежала, свернувшись, каменная змея. Каким бы тусклым ни был свет, их уродливые морды, обращенные к нам, были видны даже лучше, чем стоило.

— Ух, ты! — сказал я с нервным смешком. И услышал то, что боялся услышать, — шипение. В ту же секунду они открыли глаза.

Сначала те, что были рядом, — мы стояли почти между ними. Потом, будто просыпаясь, — те, что были перед нами. А потом по очереди — все остальные.

На нас смотрела целая цепь красных горящих угольков. Вернее, две цепи — справа и слева.

Мне понадобилось все мое мужество, чтобы не броситься наутек. Я ограничился тем, что присел, спрятавшись за хозяина.

— Хорошенькая встреча... — буркнул Ларт.

— Уйдем, хозяин, — взмолился я снизу, — гляньте, как они смотрят!

Смотрели они отвратительно.

— Я пришел сюда, и я пойду дальше, — процедил Ларт обычным своим голосом. — Держись рядом!

И мы двинулись вперед. Это стало возможным потому, что я изо всей силы зажмурил глаза и открыл их только тогда, когда шипение осталось за спиной.

Замок закрыл уже половину черного неба, и был он чернее неба.

— Пришли, — сказал Ларт.

Подъемный мост был опущен. На дне рва маслянисто поблескивала жирная влага.

Ларт вдруг нагнулся, поднял камень и, размахнувшись, запустил его на мост.

Камень тяжело грохнулся о доски, и доски эти тут же вспыхнули. Камень, одетый пламенем, подскочил, как мячик, и ухнул в ров. Вода зашипела, и все исчезло — мост снова стоял пустой и темный.

— Дрянь, — с отвращением сказал Ларт.

— Не слишком ли много сложностей? — спросил я, дрожа всем телом. — Может, поищем другой ночлег?

Налетел порыв ледяного, почти зимнего ветра.

— Теперь уж я точно не уйду, — отозвался Ларт сквозь зубы. — Ну-ка...

И он на одном дыхании выдал длинную раздраженную тираду, не имеющую никакого отношения к родному языку. При первых же его словах мост напряженно выгнулся, как спина разъяренного кота, а чуть погода ослаб, обвис и разом обветшал. Проклиная все на свете, я шагнул на него вслед за Лартом.

Мы миновали длинную арку, прорубленную в стене, и оказались на внутреннем дворе негостеприимного жилища. Нас приветствовали стаи летучих мышей. Шипастые двери замка неприятно напоминали очертаниями оскаленную пасть.

— Хозяин, — простонал я, — вы уверены, что нас тут накормят, а не съедят?

Ларт хмыкнул с наибольшим презрением, на которое был способен. Будто в ответ зубастая пасть заскрежетала, и гулкий голос угрожающе взревел:

— Кто посмел нарушить покой Великого Волшебника Черного Замка, Который Господствует Над Холмами?!

Когда рокот стих, Ларт обернулся ко мне:

— Ты что-нибудь понял? Кто господствует — Великий Волшебник или его Замок?

— Кто-о?! — взревело невидимое существо, окончательно распугивая нетопырей.

— Да я, — устало объявил Ларт. — Некий Ларт Легиар, если позволите.

Стало тихо. Тишина эта нарушалась только дробным стуком сердца у меня в горле.

— Агм, — обескураженно и далеко не так грозно сказал голос.

— Ну? — процедил мой хозяин.

И двери распахнулись. Быстро, можно сказать, поспешно.

...Великий Волшебник, Хозяин Черного Замка, Который и так далее, встретил нас на лестнице. В одной руке он держал факел, другой запахивал полы домашнего халата.

— Силы небесные, господин Легиар! — воскликнул он суетливо.

— Непросто же до тебя добраться, Ушан, — пробормотал мой хозяин. — Сколько лет ты собираешь всю эту дрянь?

Великий Волшебник захлопал глазами. Не дожидаясь ответа, Легиар отодвинул его плечом и прошел, нагнувшись, в низкую сводчатую дверь.

В пиришественном зале с витражами, фигурами латников и ворохом оружия на стенах мы были единственными гостями. Четыре камина излучали нежное тепло; половину помещения занимал огромный дубовый стол, за которым и восседали мы с Лартом. Великий Волшебник долго и путано извинялся за беспорядок и недостаточную изысканность угощения. Свой халат он сменил на мятый черный балахон, скрывающий в своих складках наметившийся волшебников животик.

— Это безвкусица, Ушан, — вещал мой хозяин, отбрасывая очередную обглоданную кость. — К тому же, клянусь канарейкой, все это собрание монстров никак не соответствует твоему темпераменту. Подай соус, Дамир.

Великий Волшебник напряженно хихикал.

— Действительная ценность всех этих образцов невелика, — продолжал менторствовать Ларт. — Это что, маслины? — Он заглянул в очередную тарелку.

За окнами бушевала непогода. Мы слушали завывания ветра, жмурясь на огонь камина.

Наконец Великий Волшебник стал проявлять признаки нетерпения:

— Могу я узнать... Я так рад видеть вас, добрый господин Легиар, осмелюсь сказать, дорогой Ларт, что позабыл спросить, так сказать, о цели...

Ларт заинтересованно его разглядывал, и не думая приходить на помощь.

— Гм... Должен сказать вам, дорогой Ларт, что если вы намерены предъявить, так сказать, требование... то я готов подтвердить свои вассальские обязательства сразу и не оспаривая.

— Ты же вассал Орвина, — холодно напомнил мой хозяин.

Великий Волшебник на минуту растерялся, пошлепал губами и наконец пробормотал:

— Орвин уехал... Я полагал, что ваш визит, так сказать, следствие...

Ларт отодвинул тарелку:

— Так-так... А если Орвин вернется?

Великий Волшебник съехался.

— Вы не хуже меня знаете, господин Легиар, что он не вернется... Он был очень храбрый, Орвин... Пока не поверил этой безумной книжке. Все твердил про Третью Силу...

Ларт подался вперед:

— Что такое Третья Сила, Ушан?

— Не знаю, господин Легиар. Мне кажется, это бред, который преследует Орвина...

— Ты что же, считаешь Орвина сумасшедшим?

— Да... Нет... Не смотрите так, господин Легиар. Я плохой маг, я перед вами беззащитен. Но я честный человек...

— Честный человек?! Скажи, Ушан, если явится кто-то сильнее меня, ты так же быстро предложишь ему себя в качестве вассала?

У Великого Волшебника прыгали губы:

— Мои змеи и мои нетопыри не защитят меня... Мой замок стар, сам я слаб... Что же мне делать, господин Легиар?!

Ларт вздохнул и отвернулся. Великий Волшебник тяжело опустился в кресло. Его покатые плечи вздрагивали.

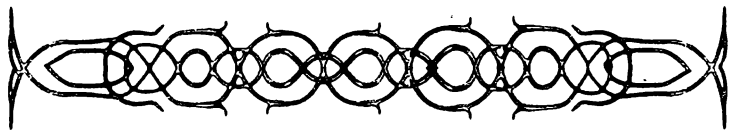
Стало тихо. Выл ветер за толстыми стенами, да трещали дрова в камине. Ларт смотрел в огонь.

— Я не прав, Ушан, — сказал он наконец. — Прости. Где мы сможем переночевать?

Лицо Великого Волшебника немного просветлело:

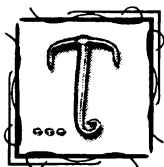
— Я велел приготовить комнаты... Чем я еще могу быть полезен, господин Легиар?

— Нам понадобятся лошади. Мы возвращаемся домой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СКИТАНИЯ

аверна называлась «Щит и копье», хотя ни один из ее посетителей сроду не держал в руках ни того, ни другого. Самым воинственным человеком в округе был Угл, отставной солдат на деревяшке. В былые времена его превосходила боевитостью матушка Регалар, жена трактирщика, но она вот уже три года как умерла, и с тех пор старик Регалар с племянницей управлялись вдвоем. Постояльцы в гостинице были редкостью, зато каждый вечер обеденный зал заполнялся окрестными фермерами — трактирщик давно бы разбогател, если бы не пагубная привычка давать в долг.

Было довольно рано, посетители едва начинали собираться, но старый Угл, завсегдатай, восседал уже на своем обычном месте, у стойки, и шумно приветствовал каждого нового гостя. Регалар гремел посудой на кухне, а его юная племянница бегала с кружками пива на маленьком подносе.

— А! — скрипел вояка Угл. — Вот и старина Крот! Самое время промочить глотку! — Или: — А вот и Виль, глядите-ка! — И через минуту: — Ага, и Крокус явился! Ну и денек сегодня выдался, верно? Лина, пива!

Розовошекая веснушчатая Лина бухнула перед ним на стол огромную, в белой шапке пены, янтарную кружку. Он привычным жестом потрепал девушку по щеке.

Трактирщик вышел, чтобы поприветствовать гостей, и снова вернулся к очагу. Зал наполнялся; голоса сливались в нестройный гул. Говорили в основном о видах на урожай да еще опасливо пересказывали слухи о банде разбойников, якобы объявившейся в округе. Подвыпивший Угл, подозревая Лину, туманно рассуждал о смотринах и женихах. Та слушала, залившись краской. В это время хлопнула дверь.

— А вот и... — привычно начал, обернувшись, Угл и вдруг запнулся. Он не мог опознать человека, стоящего у входа, а такое случалось с ним нечасто и само по себе уже было событием.

Будто уловив фальшивую ноту в сложенной песне, собравшиеся по очереди замолчали и обернулись к дверям.

Вошедший был молодой мужчина в простой запыленной одежде, с котомкой за плечами и широкополой шляпой в опущенной руке. Никто из сидящих в зале никогда его не видел.

— Вишь, как, — прервал наконец Угл неловкое молчание. — Входите, молодой господин, поскольку тут собралась достойная компания. Лина!

Шум возобновился, правда, несколько тише, чем до этого. Девушка усадила гостя за единственный свободный столик. Тот положил рядом котомку, сверху бросил шляпу и устало вытянул ноги.

Со всех сторон его изучали. Любопытные взгляды разгуливали по прохудившимся сапогам, выдавшей виды куртке и дырявой котомке. В лицо незнакомцу, однако, смотреть избегали, будто стесняясь.

Ни о чем не спрашивая, Лина поставила перед посетителем тарелку бараньего жаркого и кружку пива.

— Спасибо, милая девушка, — проронил незнакомец.

Лина вернулась за стойку, так и сяк повторяя про себя его слова.

После того как пришелец был рассмотрен, изучен и перемыт по косточкам, разговоры за столами вернулись в обычное русло. Лина отправилась на кухню к трактирщику.

— Папаша, — так она обычно звала своего дядю, — папаша, там чужой человек. Одет по-простому, а лицо как у господина. Я подала ему, а он назвал меня «милой девушкой».

— Хм... А расплатиться он сумеет? — поинтересовался трактирщик и, влекомый любопытством, направился в обеденный зал.

Незнакомец расправился с содержимым тарелки и явно повеселел. Поднявшись навстречу Лине, он вдруг отвесил церемонный поклон, так что та смутилась.

— Милая девушка, вы спасли меня от голодной смерти. У вас не будет повода сомневаться в моей благодарности, — объявил он торжественно и вытрусил из тощего кошелька несколько медных монет.

«Ишь ты», — подумал старый Угл.

«Как он говорит!» — подумала Лина.

«Беден, как крыса», — подумал трактирщик и решительно шагнул вперед:

— А позвольте узнать, мой господин, какая такая надобность привела вас, человека нового, незнакомого, в наши заброшенные и ничем не примечательные края?

Незнакомец обнажил вдруг в улыбке два ряда блестящих зубов:

— Рад, что моя персона заинтересовала вас, добрый трак-

тирщик... Я — путешественник и знаменитый охотник за бабочками, но иногда не прочь наняться на работу... Дрова колоть, воду носить, детей нянчить, шить, мастерить, играть на музыкальных инструментах... Не надо? — он вопросительным взглядом окинул примолкших гостей.

Кто-то удивленно фыркнул.

Трактирщик между тем вдруг отступил, потом снова приблизился, не сводя с гостя напряженного взгляда. Тот подмигнул Лине, взял со стола бутылочную пробку и вставил в глаз, подобно моноклю.

— Быть не может! — воскликнул тут трактирщик громко и радостно.

Он пританцовывал на месте и в восторге хлопал ладонями по коленям.

— Господин Руал Ильмарранен собственной персоной!

Пробка выпала из широко открывшегося глаза. Улыбка застыла на лице незнакомца.

— Видано ли! — причитал Регалар. — У меня, здесь, так за просто!

В трактире стояла удивленная, исполненная любопытства тишина.

— Вы не помните меня, господин Ильмарранен? Три года назад! На ярмарке в Ручьях! Мы еще в кегли играли... И студент этот... И кондитер... Вот компания! Помните? Лина! — Он порывисто обернулся к племяннице. — Да познакомься же с настоящим великим магом!

При слове «маг» все пришло в движение. Люди вставали, лезли на скамьи, возбужденно галдели, стараясь разглядеть нечто новое в таинственном посетителе.

— Вы меня не узнаете, господин Ильмарранен? — Трактирщик, казалось, готов был заплакать. — Вы угощали нас всю ночь... Студент под стол упал... А вы творили чудеса, помните? Помните, как перепугался ночной дозор?

И, вдохновленный, покрасневшийся, он обернулся к восторженным зрителям:

— Почтеннейшие, это было немыслимо и потому незабываемо! Грубые стражники называли нас дебоширами, представьте! Они даже хотели нас задержать, но господин Руал...

Трактирщик вдруг скорчился, сотрясаемый внезапным приступом смеха:

— Госпо...дин Руал... Одним махом превратил их в винные бутылки... А сам обернулся штопором... Смеху было! Бедняги перепугались до смерти... Получив обратно человеческий облик, бежали без оглядки, а пики побросали... А господин Руал превратил пики в... в...

Трактирщик окончательно зашелся смехом. Свидетели

этой сцены, по-видимому, слышали его историю не впервые — оживление нарастало.

— Да, дружище... — пробормотал странный гость. — Не очень-то удачно... А дело, собственно, в том...

— О! — Отсмеявшись, трактирщик перешел на оглушительный шепот. — Вы путешествуете инкогнито, понимаю! Прощу прощения, но здесь ведь все милейшие, достойные люди — все свои! Это — Лина, моя племянница...

— Вот что, — хмуро сказал молодой человек и встал. Взялся за котомку. Шагнул вперед... И встретился взглядом с двумя восторженными васильками. Зрачки у Лины были неправдоподобно широкими — давно, очень давно на Руала Ильмарранена так никто не смотрел.

— Вы правда... Настоящий? Всамделишный волшебник? Да? Он перевел дыхание.

— Конечно... — И добавил, по-прежнему глядя на девушку: — Конечно, я узнал вас, дружище Регалар.

...Тысячи людей из разных селений и городов могли похвастаться личным знакомством с Руалом Ильмарраненом. Гордый, иногда надменный до чванства, он мог вместе с тем кутить в одной компании с лавочниками, портными, студентами — все одинаково его боготворили.

Однажды в городе Мурре он на спор превратил белуюмышь в оперную певицу, и та весь вечер блистала на сцене местного театра, чтобы ровно в полночь юркнуть в норку на потеху честной компании.

В тот же день он спьяну наделил даром речи башенные часы на ратуше, чем причинил жителям множество неудобств, так как у часов обнаружился оглушительный бас вдобавок к скверному характеру.

В поселке Мокрый Лес господин Руал повздорил со старостой и сгоряча превратил его в мула; одумавшись, задумал обратное превращение, да только мул-староста уже затерялся в общем стаде, и господин Руал, махнув рукой, превратил в старосту первое попавшееся животное. Никто из сельчан не заметил подмены.

Выходка, о которой вспомнил трактирщик, была лишь звеном в длинной и славной цепи. Однако неудивительно, что добрейший Регалар запомнил этот случай на всю жизнь.

...Руала окружили, засыпали вопросами, старались незаметно потрогать. Кто-то засомневался и поспорил, кто-то намекнул на то, что неплохо бы, мол, своими глазами увидеть подобное чудо. Трактирщик рывкнул на маловерных: он-де, Регалар, чудеса-то видывал! Он бы не рискнул на месте некоторых раздражать господина Руала — худо будет! Толпа тут же отхлынула, а трактирщик потащил Ильмарранена в собствен-

ную комнату, где чествование продолжалось. В дверь то и дело просовывались чьи-то любопытные носы. Широкий дубовый стол ломился от яств и кувшинов.

Далеко за полночь, когда гости давно разошлись, а Лина тихонько прикорнула на сундуке в углу, трактирщик, сжимая Руалову руку и с трудом ворочая языком, горячо убеждал:

— Оставайтесь, господин Руал. Смею заверить, милейший господин... Очень нуждаемся в вас... Вдруг засуха... Или потоп там... Заболеет кто или расшибется... Оставайтесь! Дом вам всем миром... Отблагодарим, не обидим... Смею заверить...

Руал тупо смотрел в пол и, тоже с трудом произнося слова, отвечал все одно и то же:

— Дело необы... необычайной важности призывает меня в дорогу.

Из угла сонными, влюбленными глазами смотрела осоловевшая Лина.

В эту ночь, впервые за много ночей, Руал Ильмарранен засыпал на пуховой перине. Он был совершенно пьян — не столько от терпкого вина, лившегося рекой за обильным ужином, сколько от всеобщего восторженного поклонения. Переживший тяжелые времена, истосковавшийся по вниманию к собственной персоне, Марран засыпал со счастливой улыбкой на потрескавшихся губах.

Сладко кружилась голова; чистые простыни пахли свежескошенной травой, а за окном бледнело небо, гасли звезды. Марран глубоко, умиротворенно вздохнул, закрыл усталые глаза и повернулся на бок, ткнувшись щекой в согнутый локоть.

...Онемевшие руки, деревянные колени, спертый запах мокрых плащей и курток, ленивая муха, ползущая по щеке... По месту, где должна быть щека... Открывается входная дверь, промозглым холодом тянет по сведенным судорогой ногам, и шуба, ненавистная шуба свинцовой тяжестью наваливается на пальцы, пригибает к земле...

Руал вскочил, хватая воздух ртом, мокрый, дрожащий, раздавленный ужасным воспоминанием.

За окном вставало солнце.

* * *

...Был вечер. Ларт сидел за клавином.

У него был старинный, изящный инструмент работы великого мастера, хрупкое произведение искусства с чудесным звуком. И он не умел на нем играть.

Конечно, он мог заставить клавиин играть самостоятельно-

но, и тогда в библиотеке, где тот помещался, звучали дивные концерты.

Но когда хозяина охватывало романтическое настроение, он зажигал свечи, ставил на пюпитр первые подвернувшиеся ноты, садился на вертящийся стул и задумчиво колотил то по одной, то по другой клавише, внимательно вслушиваясь в резкие, немзыкальные звуки, которые при этом получались.

Эти звуки явственно доносились в соседнюю с библиотекой гостиную, где я перетирал бархатной тряпкой золотой столовый сервиз на сто четыре персоны.

Гостиная, обширное помещение со сводчатым потолком, утопала в полумраке. Посреди нее помещался стол, дальний конец которого терялся из виду. С портретов на стенах презрительно шурились Легиаровы предки; все как один они походили на Ларта — Ларта, с которым случился крупный карточный проигрыш. Узкие окна были наглухо завешаны красными бархатными портьерами — тяжелыми, громоздкими, снабженными золотыми кистями. Кисти эти жили своей обособленной жизнью — подергивались, вздрагивали, сложно шевелились, как водоросли на дне. Однажды я видел своими глазами, как одна такая кисть поймала муху и съела.

Жалобно вскрикивал истязаемый Лартом инструмент. Я задумчиво водил тряпкой по тусклому зеркалу большого плоского блюда. Вычищенная перед этим посуда была уже водворена обратно в шкаф и тихонько возилась там, устрояясь поудобнее.

Ларт нажал на несколько клавиш сразу — я увидел, как болезненно сморщилось мое отражение на матовой поверхности блюда. Развлекаясь, я показал себе язык. Потом скорчил гримасу отвращения, которая, бывало, часами не сходила у Ларта с физиономии. Получилось на удивление похоже.

Раздухарившись, я придал своему лицу выражение мрачной мечтательности, с которой Ларт сидел за клавесином, — и покатился со смеху, чтобы через секунду угрожающе сдвинуть брови. Тут вышла заминка, потому что у Ларта одна бровь была выше другой. Старательно гримасничая, я поднес зеркальное блюдо к лицу, взгляделся в отражение — и отпрянул.

За моей спиной, там, в глубине гостиной, маячила в полумраке темная человеческая фигура.

Я оглянулся — и никого, конечно, не увидел. Тусклая лампа едва освещала ближайших ко мне Лартовых предков.

Уняв дрожь, я решился снова заглянуть в свое зеркало.

Тот, который там отражался, преодолел уже половину пути и находился теперь где-то у середины стола.

Я взвыл. Ларт, умолкнув было, через секунду возобновил свои упражнения. Тогда я бросился вон из гостиной и поспешно захлопнул за собой дверь.

За дверью осталась забытая мною лампа. К счастью, мой хозяин играл не переставая и этим дал мне возможность ориентироваться в темноте.

Вломившись в библиотеку, я несколько успокоился. Ларт бросил на меня невнимательный взгляд и извлек из инструмента длинную резкую трель. Горели свечи по сторонам пюпитра, да поблескивали золотом корешки массивных волшебных книг.

— Ммм... — начал я. И опять увидел того, что отражался. На этот раз в крышке клавесина, отполированной до блеска. Я замер с открытым ртом.

— Почему ты не докладываешь? — поинтересовался Ларт.

Он захлопнул ноты и резко повернулся ко мне на своем вращающемся стуле.

— Почему ты не докладываешь о посетителе?

Я молчал, не в силах выдавить из себя ни звука.

— Здравствуй, Легиар, — сказали у меня за спиной.

Мой хозяин поднялся.

— Здравствуй, Орвин, — сказал он со вздохом. — Я уж отчаялся тебя увидеть.

Орвин, он же Прорицатель, имел привычку сидеть прямо, как шест, и постоянно потирать кончики пальцев. Ларт любил глубокие кресла и разваливался в них, как хотел.

— Он ржавеет, Легиар, — двадцать пятый раз повторил Орвин. Голос у него был напряженный, какой-то жалкий, будто речь шла о чьей-то неизлечимой болезни.

— Ты не узнал ничего нового, — безжалостно констатировал мой хозяин.

— Ты не веришь мне...

— Нет, верю — и чрезмерно. Достаточно того, что я не уехал на острова, а сижу и жду от тебя вестей. И, клянусь канарейкой, это бесплодное ожидание...

— Я принес тебе весть, Легиар! — почти выкрикнул Орвин. Ларт поднял бровь:

— «Он ржавеет» — это ты хочешь сказать?

Орвин подался вперед и заработал пальцами вдвое быстрее:

— Ты не веришь мне, Легиар... Ты раскаешься. Вот уже три дня меня мучит прорицание. Оно во мне, оно рвется наружу.

И Орвин вскочил. Я, наблюдавший эту сцену из-за прикрытой двери, опасливо подался назад.

— Зажги огонь, Легиар! — вдохновенно потребовал Орвин. — Я буду прорицать!

— Сейчас? — желчно осведомился мой хозяин.

— Сейчас! — твердо заявил наш гость.

Ларт сбросил скатерть с низкого круглого стола, помещавшегося в его кабинете. Под скатертью поверхность столешницы была покрыта резной вязью полуразличимых символов. В центре стола торжественно водружены были три толстых свечи.

Обо мне забыли. Я спрятался за Лартовым креслом.

Орвина трясло, как в лихорадке, и лихорадка эта усиливалась. Глаза его не могли, казалось, задержаться ни на одном предмете. Пальцы сплетались и расплетались самым причудливым образом.

Ларт искоса взглянул на свечи — и они вспыхнули, все три разом, причем пламя их через некоторое время странно изогнулось, и все три язычка встретились в одной точке над центром стола.

Орвин дрожащими руками извлек нечто из-под рубашки — это был злосчастный медальон. Я глядел во все глаза, но разобрал только, что наполовину медальон золотой, а наполовину коричневый, ржавый.

Свечи пылали, как ритуальный костер. На стенах плясали тени.

— Давай, — сказал мой хозяин.

Орвин, как бы через силу, поднял Амулет к своему лицу и посмотрел на пламя сквозь необычной формы прорезь. На его лицо упала изломанная полоска света. Ларт отрывисто каркнул заклинание. Свечи вспыхнули синим. Орвин издал низкий металлический звук, потом заговорил быстро, но четко и внятно:

— Идут беды, о, идут! Вот зеленая равнина и путник на зеленой равнине. Огонь, загляни мне в глаза! Горе, ты обречен. Земля твоя присосется, как клещ, к твоим подошвам и втянет во чрево свое... Чужой смотрит в твоё окно и стоит у твоей двери. Умоляю, не отпирай! Огонь, загляни мне в глаза! С неба содрали кожу... Где путник на зеленой равнине? Леса простирают корни к рваной дыре, где было солнце... Она на твоём пороге, её дыхание... Загляни в глаза. Я вижу. Я вижу! Среди нас её дыхание. Посмотри, вода загустела, как черная кровь... Посмотри, лезвие исходит слезами. Петля тумана на мертвой шее. Дыхание среди нас. Среди нас. Она... Она... Грядет!

Орвин запнулся, со свистом втянул воздух и выдохнул:

— Спроси.

— Кто она? — в ту же секунду подал голос мой хозяин.

— Третья Сила, — почти сразу отозвался Орвин. Я похолодел.

— Чего она хочет? — продолжал спрашивать Ларт.

— Земля твоя... присосется, как клещ, к твоим подошвам...

— Знаю, — раздраженно прервал его Легиар. — Чего она хочет сейчас, там, на пороге?

— Она ищет, — Орвин запнулся, — Привратника...
— Для чего?
— Чтобы открыть дверь...
— Какую дверь?
— Открыть дверь... С неба содрали кожу... Посмотри, вода загустела, как черная...

Ларт решительно прервал эту череду ужасов:

— Кто — Привратник?

Орвин хватал воздух ртом:

— Он между... Он не... Он маг, который не маг...

— Что это значит?

— Он... — начал было Орвин. И вдруг замолчал.

— Ну?! — выкрикнул Легиар.

В тот же момент свечи погасли. Комната погрузилась во тьму. Прорицание, по-видимому, закончилось.

* * *

На заднем дворе Регаларова трактира было солнечно и безлюдно. Руал Ильмарранен валялся на траве в тени забора. Прямо над ним в горячем полуденном небе неподвижно висел коршун.

Руал лежал, раскинув руки; временами на него накатывали волны сладкого дремотного головокружения, и тогда начинало казаться, что это он, Марран, парит неподвижно в зеленом небе, а коршун лежит, раскинув крылья, на голубой траве в тени забора.

— Тихо, ты! Разбудишь!

Руал вздрогнул и очнулся.

Тень, покрывавшая раньше его с ногами, укоротилась теперь до колен. Коршун исчез, зато за забором кипела, по-видимому, бурная жизнь — возбужденно шептались тонкие голоса, да мигали круглые глаза в дырочках на месте сучков.

— Да тихо же! — повторил голос, который, собственно, и разбудил Руала.

За верхний край забора уцепилась маленькая рука, и сразу же после этого прямо на грудь Руалу шлепнулся небольшой темный предмет. Ильмарранен незаметно скосил глаза — на его рубашке лежал сверху лапами большой бронзовый жук, от изумления и ужаса прикинувшийсядохлым.

За забором послышался приглушенный ликующий визг.

«Ну-ка», — подумал Руал.

Он мысленно сосчитал до пяти, по-прежнему лежа с прикрытыми глазами, потом медленно, чтобы не спугнуть зрителей, поднял голову и, будто спросонья, огляделся. За забором затаили дыхание.

— Кто меня звал? — громко и значительно спросил госпо-

дин волшебник. Жук скатился с его груди и свалился в траву. Глаза в шелках часто замигали.

Руал замер, будто прислушиваясь. Потом испустил вдруг негодующий вопль и, встав на колени, склонился над местом, куда упал жук.

— Отзовитесь! — бормотал он тревожно. — Отзовитесь, господин Жук!

Осторожно, двумя пальцами, он выловил наконец несчастное насекомое и усадил к себе на ладонь. Жук по-прежнему не желал подавать признаков жизни.

«Оживай, дружок», — весело подумал Руал. Он поднес жука к самому уху:

— Что? Говорите громче!

— Ухх! — забыв об осторожности, громко сказали за забором. — Волшебник... Ух, волшебник!

Руал тем временем нахмурился:

— Как? Да это же возмутительно! Говорите, схватили вас и посадили в душный карман?!

С улицы донесся перепуганный топот — видно, жук мог рассказать много чего нехорошего.

Еле сдерживая смех, Руал заглянул в щель со своей стороны забора. Ребятишки — с полдюжины — сгрудились на противоположной стороне улицы, прячась друг за друга и готовые в любую секунду снова задать стрекача.

— Идемте! — громкогласно предложил Ильмарранен зажатому в кулаке жуку. — Я доставлю вас туда, куда вы сами пожелаете. Ведите же!

И Руал широкими шагами направился к калитке.

Он шагал по главной улице поселка, держа перед собой жука на вытянутой ладони. Все живущие по соседству девчонки, девицы и даже солидные хозяйки ринулись поливать цветы в палисадниках или развешивать во дворах чистое белье, а те, что были попроще или просто ничего не успели придумать, прилипли к окнам, грозя их выдавить.

Ребятишки трусили следом на порядочном расстоянии. Их стало почти вдвое больше.

На околице, где вдоль дороги лежало старое поваленное дерево, процессия остановилась. Жук, выпущенный на трухлявый ствол, тут же скрылся в какой-то щели. Руал проводил его напутственным словом. Маленькие свидетели этой сцены были до того потрясены, что потеряли осторожность и подошли совсем близко. Руал обернулся — зрители шархнулись с воплями ужаса.

...Спустя полчаса все вместе мирно беседовали, сидя на поваленном стволе.

— И вы со всеми-всеми зверями можете говорить? — в

восторге спрашивал конопатый мальчишка по имени Ферти, являвшийся, по-видимому, заводилой.

Руал значительно кивнул.

— А за морем вы бывали? — поинтересовался другой мальчишка, с царапиной на щеке.

— А как ты думаешь? — серьезно отозвался Ильмарранен. — Неужели я похож на волшебника, который и за морем-то не побывал?

— Не похожи... — смутился тот.

— А правда, — вступил в разговор щуплый парень по имени Финди, — правда, что там живут люди с песьими головами?

— Правда, — подтвердил Руал. — Но очень далеко.

— А драконы? Вы летали когда-нибудь на драконах?

— На драконах нельзя летать, — объявил Руал твердо. — Драконы — страшные и кровожадные существа. И очень коварные. Их взгляд обращает в камень, а из пасти вырываются столбы огня, сжигающие все дотла!

Слушатели опасливо огляделись, желая удостовериться, что дракона поблизости нет.

— Значит, с ними не справиться? — шепотом спросил робкий Финди.

Руал улыбнулся широко и победоносно.

— Существуют люди, посвятившие всю жизнь борьбе с драконами! Однажды я... — И Ильмарранен вдруг ощутил невиданный прилив вдохновения.

Ребятишки вскрикивали, закрывали от ужаса глаза; в самом страшном месте Финди даже зажал уши ладонями. Когда Руал победил-таки чудовище и рассказ закончился, все вместе некоторое время приходили в себя, обессиленные страшным приключением.

— А... великаны? — спросил, отдышавшись, неуемный Ферти.

— Случалось мне встречаться и с великанами, — охотно отозвался Руал.

— Не надо! — в панике закричал Финди.

Руал, рассмеявшись, положил ему руку на плечо:

— Да их-то бояться нечего! На случай встречи с великаном надо иметь при себе немного табака — великаны не переносят табачного запаха.

— Ух ты...

— Если кто и опасен, — продолжал Руал, посерьезнев, — так это свой же брат волшебник... Многие маги жестоки и завистливы. Они боятся соперников и всем жертвуют, чтобы сжить их со свету... Жили однажды два могущественных колдуна, жили рядом и враждовали между собою. Случилось так, что в тех краях объявился третий волшебник — молодой, весе-

лый, превосходящий магической силой любого из них. Думали-думали колдуны, как избавиться от юного соперника, — даже вражду свою позабыли на время. И придумали они хитрость — напали на него внезапно и превратили в каменного льва...

Руал перевел дыхание. Ему вспомнился нож, воткнутый в столешницу широкого стола: «Заключается пари между Ильмарраненом и Хантом... в том, что вышеупомянутый Ильмарранен избавит мельницу Ханта от притязаний как господина Легиара, так и господина Эста... Причем вышеупомянутый Ильмарранен оставляет за собой право действовать как магическим мастерством, так и хитростью... Разбейте руки!»

— А дальше? — шепотом спросил мальчишка с поцарапанной щекой.

— Дальше... — протянул Руал. — Дальше молодой маг освободился от чар и страшно отомстил этим колдунам... Они жалко просили пощады, но он все же отомстил.

Слушатели сидели тихо, как мыши. Ильмарранен яростно тер переносицу, стараясь избавиться от ненужного, неприятного воспоминания — Бальтазарр Эст сжимает в щелочку холодные, высасывающие волю глаза: «На две стороны смотришь, Марран? В два гнезда червячков носишь? Стравил двух старых дураков, как бойцовых крыс на ярмарке, и в ладоши плещешь?»

Руал тряхнул головой. Ребятишки нетерпеливо ерзали на стволе поваленного дерева, не понимая, почему господин волшебник вдруг замолчал.

Стараясь овладеть собой, Ильмарранен поднял голову. Коршун опять висел в зените.

— А у кого в поселке рыжие чубатые куры? — озабоченно спросил вдруг Руал.

Мальчишки обескураженно переглянулись.

— У нас, — протянул обладатель поцарапанной щеки. — И у дядьки Крокуса...

— Скажи матери — пусть проследит... Коршун рыжую курицу давно себе наметил, того и гляди — унесет...

— Вы читаете мысли коршуна?! — поразился сын пекаря по имени Пач.

— Конечно, — благожелательно подтвердил Руал. — Только надо, чтоб было тихо...

— Тихо все! — завопил Ферти.

И в наступившей тишине до них вдруг донесся отчаянный плач. Плач накрыли потоки ругани, изрыгаемые другим голосом. Хлопнула дверь дома, что-то тяжелое упало и покатилося в глубине крайнего, на отшибе, двора. Мальчишки вскочили.

— Это Нил, — испуганно сообщил Финди. — Его опять хозяин лупит!..

...Ильмарранен ногой распахнул ворота. Сапожник удивленно обернулся.

— Оставь ребенка! — это было даже не приказание, а повеление.

Рука с ремнем неуверенно опустилась. Из-за пленницы показалась растрепанная темная голова с красными от слез глазами.

Волшебник, стоящий в воротах, был страшен.

— Я превращу тебя в крысу, сапожник.

— А... ня... — промямлил в ужасе верзила.

— Я наверняка сделаю это, если ты еще хоть раз тронешь мальчишку!

Ремень выпал из трясущейся руки. Но в проеме ворот уже никого не было.

— А я б его превратил! — раздухарился Ферти.

Остальные возбужденно галдели.

— В крысу! — горячо поддержал Пач. — Вы ведь не знаете, господин волшебник, а он Нила каждый день лупит почем зря!

— Теперь перестанет, — пообещал Руал.

— Еще бы... — вздохнул кто-то. И добавил вождельно: — Вот бы школьного учителя так...

Все ахнули — такой замечательной показалась эта мысль.

— Вы не останетесь у нас до осени? — осторожно спросил Финди.

— Я уйду, — с сожалением сказал Руал. — Послезавтра. Или через два дня.

В толпе мальчишек он был похож на одинокую мачту среди бурного моря.

— А если я вам что-то дам? — Это нахально торговался Ферти.

Руал усмехнулся:

— Что, например?

— Свисток, — Ферти рылся в карманах, — и вот еще, подкова.

Очевидно, по значимости подарок равнялся для мальчишки половине царства.

— Ну... — Руал, раздумывая, поднял брови.

— А если я тоже что-то подарю? — несмело вмешался Пач.

— И я...

— И я...

Они без сожаления вытаскивали из карманов гвозди, свистульки и цветные стеклышки. Явились на свет лягушачья лапка, гладкий камушек с дыркой, ржавая часовая цепочка и живая ящерица.

Руал внезапно помрачнел:

— А вот это нельзя. Это никогда нельзя. Дай сюда!

Он бережно принял ящерицу в раскрытые ладони. Не-

сколько секунд они смотрели друг на друга — глаза в глаза. Потом Ильмарранен наклонился и выпустил пленницу в придорожную траву. Мальчишки благоговейно на него таращились.

— Ящериц нельзя трогать, — сказал Руал глухо. — Никогда-никогда. Не вздумайте.

Все согласно закивали головами.

— За подарки спасибо, — продолжал Руал, поворачивая обратно в поселок. — Но я ничего, к сожалению, не возьму. Мне все равно придется уйти. — Тут он подмигнул Финди, у которого на глазах выступили слезы.

Тот отвернулся, сопя, запустил руку глубоко в карман и извлек со дна его нечто, представляющее, по-видимому, огромную ценность.

— Это хрустальный шарик... — прошептал он, заглядывая Руалу в глаза. — Возьмите, господин волшебник... Ни за что, просто так... Возьмите!

Финди разжал кулак — солнце заиграло в толще большого, действительно красивого стеклянного шара.

— Дурной, отдает... — громко сказали у Руала за спиной.

Руал хотел отодвинуть руку с шариком, но встретился с мальчишкой глазами и не отодвинул.

— Возьмите... — повторил Финди.

— Спасибо, — вздохнул Марран.

Показался трактир. На пороге стояла Лина, прикрыв глаза ладонью.

— Спасибо... — повторил Руал, машинально опуская шарик в карман, и, улыбаясь, зашагал ей навстречу.

Но она уже не смотрела на него. Она увидела что-то в конце улицы, и лицо ее вдруг странно изменилось.

— Вставайте... Люди... Беда!

Повсюду распахивались окна и двери.

— Напасть! Разбойники!

Кто-то громко ахнул у Руала за спиной. К трактиру, задыхаясь, подбегал молодой работник с отдаленной фермы. Его перепуганное лицо было залито потом и покрыто копотью.

— Грабители... Ферму подожгли... Будут здесь... — Он давился словами.

— Светлое небо... — прошептала в ужасе Лина.

— Воды, — выдохнул вестник.

Ему дали напиться. Улица перед трактиром быстро наполнилась смятенными, растерянными людьми. Матери в панике звали детей. Финди, Ферти, Пач и прочие пропали в толпе. Кто-то заплакал. На крыльцо выскочил Регалар с поварешкой в руке. С поварешки скапывал красный соус.

— Прятаться надо... В погреб... — бормотал бледными губами лавочник, Регаларов сосед.

— Сожгут ведь... — тонко причитала шуплая старушка, его жена.

— Топоры взять — и на них! — это взвился вдруг старый Угл. На него шикнули сразу несколько голосов:

— Заткнись...

— Молчи, вояка...

— Топоры взять... — не сдавался отставной солдат. — У меня самострел в сарае!

— Самострел у него... Не смей! Из-за тебя всех нас убьют! — плачущим голосом выкрикнул староста — толстый глупый человек, чей авторитет был давно и безнадежно погублен.

— Бежать в лес, быстро! — метнулся долговязый подмастерье.

— Нет, откупиться...

— Откупишься от них, как же... Глядите, дым!

Все позадирали головы. Черные клубы повергли толпу в еще больший ужас. Люди метались, потеряв рассудок; Лина, по-прежнему неподвижно стоящая на крыльце, деревянно сказала:

— Хутор горит... Звери.

— Молиться надо, — хватал всех за руки сапожник, здоровенный верзила. — Вместе помолимся...

— Тихо! — закричал вдруг Регалар. — Замолчите все! И уймите глупых баб. С нами волшебник, он защитит нас!

Все посмотрели на Руала.

Руал стоял под крыльцом, прижавшись к стене лопатками. Одна-единственная мысль заслонила от него свет: ушел бы утром — был бы спасен.

На секунду стало очень тихо. Потом зашелестели голоса:

— Волшебник...

— Великий маг...

— ...спасти нас...

— Волшебник...

И толпа, секунду назад охваченная паникой, вдруг вздохнула единым вздохом облегчения. Надежда завладела людьми так же внезапно, как до того ужас.

Руал обвел взглядом обращенные к нему лица. В глазах у него стояло выражение, какое бывает при сильной боли.

— Вы защитите нас, господин Руал? — ломким голосом спросила бледная Лина.

Ильмарранен пошевелил пересохшими губами.

— Я, — сказал он чужим голосом. — Я...

И на глазах у всей деревни лицо его внезапно и страшно изменилось, будто обуглившись. Люди отпрянули.

— Конечно, — бесцветным голосом сказал Ильмарранен.

И двинулся сквозь толпу. Взгляд его не отрывался от черных клубов дыма, зависших над полем.

...Разбойники не спешили. Растянувшись цепью, они ехали проселочной дорогой. — десятка два плотных сытых годоворезов. Хутор они сожгли походя — основная работа впереди.

Поселок будто вымер — это их не удивило. Удивительным было то, что по той же дороге навстречу им шагал человек.

Они могли бы проскакать мимо него. Они могли бы проскакать и по нему. Могли зарубить на ходу, не сходя с седла.

Шумела едва заколосившаяся пшеница. Черный дым клубами пятнал солнечный день. Человек шел. Он тоже не спешил.

Атаман, ехавший впереди, посмотрел на него из-под ладони. Не привыкший задавать себе вопросы, он почему-то смутился: очень уж дико выглядел безоружный пешеход, спокойно идущий навстречу вооруженному отряду. Разбойник придержал коня.

— Чего это, а? — спросил его подручный, который ехал чуть позади.

Атаман — хлипкий с виду, но осинового нрава молодчик — хмыкнул. Расстояние между всадниками и одиночкой сокращалось стремительно.

Копыта лошадей поднимали белые облачка пыли. Человек не менял ритма шагов, будто его толкала мощная невиданная сила. Он приблизился настолько, что ясно можно было разглядеть его лицо.

Атаман свирепо сощурился и потянул из ножен саблю. Идущий на него смотрел ему прямо в глаза.

Разбойником овладело смутное беспокойство. У идущего было пугающее, застывшее лицо и тяжелый сверлящий взгляд.

— Чего это, а? — спросил подручный, но уже испуганно.

Всадники остановились, сбившись в кучу. Человек шел, пока до кавалькады не осталось всего несколько метров.

Тогда остановился и он. Лицо его казалось грязно-серой маской, но глаза горели такой несокрушимой силой, таким бешеным напором, что разбойники пришли в замешательство.

— Чего тебе надо, негодяй? — крикнул атаман.

— Прочь, — холодно бросил человек. И добавил несколько странных, гортанного произношения слов, зловещих своей непонятностью: — Заккуррак... Кхари! Акхорой!

Испуганно заржали кони.

— Колдун! — ахнул кто-то.

— Молчать! — рявкнул атаман. Но за его спиной уже не умолкал шепот: «Колдун... Волшебник...»

— Считаю до трех, — так же холодно сказал незнакомец. — Даю вам время убраться! Раз!

Смятение возросло. Атаман свирепо оглянулся, едва сдерживая лошадь.

— Два, — спокойно отсчитывал незнакомец.

Атаман не верил, что безоружный человек может вступить с ним в единоборство. Явного оружия у пришельца не было — значит, было тайное. Иначе откуда эта холодная сила?

— Два с половиной, — объявил странный человек.

Смятение переросло в панику. Разбойникам казалось, что в глазах незнакомца зловеще пляшет пламя.

— Три! — прозвучало, как удар хлыста. И пламя это вспыхнуло у страшного человека на ладони. Он выхватил из кармана яркую, как солнце, шаровую молнию и угрожающе вскинул над головой.

И атаман отступил. Он любил легкую добычу и боялся колдовства; вбросив саблю в ножны, он повернул лошадь и поспешил прочь. За ним ринулись остальные.

Человек на дороге смотрел им вслед. Глаза его погасли, лицо заливал пот. Из поселка бежали люди; ветер доносил их восторженные крики.

Руал Ильмарранен посмотрел, не мигая, на солнце и опустился на дорогу. Выпал из мокрой руки стеклянный шарик — подарок мальчика Финди.

Выпал и утонул в пыли.

...Далеко-далеко отсюда черноволосая женщина не сводила глаз с капелек крови на белой салфетке.

Капли вспыхивали и гасли, как угли в прогоревшем костре.

* * *

Карета грузно подпрыгивала на колдобинах. Для дальних странствий это был слишком роскошный экипаж. Обитый внутри шелком и бархатом, он был щедро позолочен снаружи, и позолота эта наверняка блестела за версту.

Ларту зачем-то нужна была именно такая карета — массивная и золотая, и именно шестерка вороных сытых лошадей — никак не меньше.

В карете восседал я, разодетый в пух и прах. Мой черный бархатный костюм был отделан серебряной парчой — ничего подобного мне сроду не приходилось надевать. Рядом на сиденье лежали шляпа с ворохом перьев и шпага в дорожных ножнах.

Ларт же в некоем подобии ливреи сидел на козлах и правил лошадьми. Мне строго-настрого запрещалось звать его хозяином или упоминать по имени. Отныне странствующим магом был я, а он — моим слугой.

Таким порядком мы тронулись в путь спустя день после памятного визита Орвина-Прорицателя.

Чудесная метаморфоза нравилась мне целую неделю. Потом я почувствовал непереносимую скуку.

Ларт становился самым болтливым слугой в мире, едва нам стоило заехать на постоялый двор или встретить попутчиков. Однажды он в течение часа любезничал с хорошенькой крестьянкой, которую взялся подвезти на козлах. Я сидел в карете, слушал их милую болтовню и кусал локти. Они успели переговорить обо всех цветочках, губках и глазках, вспомнить всех ее дружков и подружек и между делом выяснить, что волшебников, наверное, не бывает — все это сказки. Когда он высадил ее и помахал вслед, я высунулся из кареты по пояс и мрачно осведомился, какие, собственно, преимущества дает нам эта игра с переодеванием. Ларт задумчиво велел мне заткнуться и потом всю дорогу мертво молчал.

На постоялых дворах нас ожидало одно и то же: я водворялся в лучшую комнату, где и сидел безвыходно, окруженный всеобщим любопытством и опаской, а Ларт, как мощный насос, выкачивал из хозяина, слуг и постояльцев все новости, слухи и сплетни, взамен щедро одаряя их рассказами о своем премноговолшебном хозяине. Весть о нашем путешествии расходилась, как круги по воде, будоража округу и рождая во мне неясное беспокойство.

...Карета подпрыгнула так, что я стукнулся головой о потолок. Ларт нахлестывал лошадей, желая пораньше добраться до очередной гостиницы. Мы ехали полем, кругом не было ни души. Я смертельно устал от дорожной тряски, пыли и духоты, но мысль о постоялом дворе была мне противна.

— Хозяин! — крикнул я, высунувшись в окно. — Хозяин!

Он придержал лошадей, а я, рискуя попасть под колеса, перебрался к нему на козлы. Он молча подвинулся.

— Мы что же, ищем Третью Силу? — спросил я нахально.

Он уже открыл рот, чтобы одернуть меня, — и вместо этого сильно ударил по лошадям.

— Дыхание среди нас... — пробормотал он сквозь зубы. — Клянусь канарейкой... «Ее дыхание гуляет среди нас».

* * *

Руал ушел затемно, тайком, не попрощавшись ни с кем. Он шагал прочь от поселка, а день поднимался ясный, как и вчера, и, как вчера, вставало солнце. Коровы и козы на пастбищах, сторожившие их собаки — все повалилось на росистую траву, ловя боками первые солнечные лучи, спеша согреться и не обращая на чужака ни малейшего внимания.

Впереди темнел лес. Руалу зачем-то хотелось спрятаться. Он шел все быстрее и быстрее, а перед глазами у него назой-

ливо повторялись картины вчерашнего дня, повторялись медленно, будто участники их увязли в толще воды.

Бежит вестник с хутора, рот разинут, а крика не слышно. У бледной Лины выступили капельки пота над верхней губой. Капает соус с поварешки...

Надвигается широкая грудь вороной атамановой лошади, закрывает небо... Огромное копыто едва не наступает на короткую полуденную тень безоружного, беспомощного человека... Лучше околеть, чем прилюдно признаться в своей беспомощности. Я маг и сдохну магом.

Руал замедлил шаг и вытащил из кармана стеклянный шарик. Покатал на ладони, сощурился на играющие в нем солнечные блики. Нет, полное сумасшествие. Банда головорезов шарахнулась от отчаянной наглости и детской игрушки.

Ильмарранен спрятал шарик и сейчас только заметил, что идет по лесу, идет, по-видимому, не первый час, потому что лес стоит густой, нетронутый. Столбы солнечного света пронизывали его насквозь, и глубоко внутри Руала вдруг вспыхнула безумная надежда на чудо. Не может быть, чтобы случившееся вчера было глупостью и случайностью. Не может быть.

И со всей силой этой надежды Ильмарранен призвал к себе былое могущество.

Сначала он захотел расшевелить неподвижные кроны над головой, запустив в них ветер. Тишина и полное безветрие были ему ответом.

Он позвал ползавшую по стволу пичугу — та, не обратив на его зов никакого внимания, пропала в путанице ветвей.

Руал остановился. Он был искалечен, навсегда лишен части самого себя, и черная удушливая тоска, которую он так долго гнал прочь, вдруг обрушилась на него всей своей силой. У него подкосились ноги, он сел прямо на траву.

...Старый звездочет, обитатель башни с толстыми стенами и стрельчатыми окнами, всю жизнь собирал волшебные книги. Ни разу ни одно заклинание не подчинилось ему.

У старика была библиотека, сплошь состоящая из древних фолиантов неслыханной ценности, армия реторт для приготовления противоядий и подзорная труба, чтобы наблюдать за звездами. У старика не было одного — волшебного дара.

— Поразительно! — говорил он, глядя на Руала с благоговейной завистью.

А Руал небрежно листал страницы, беззвучно шевелил губами — и чахлое растение в деревянной кадке расцветало вдруг немыслимым образом, приносило похожие на дикие яблоки плоды, которые превращались внезапно в золотые монеты и со звоном раскатывались по каменному полу, образуя карту звездного неба. Старик потрясенно качал головой:

— Поразительно...

Маррану нравилось посещать звездочета в его башне, ему был симпатичен старик со всеми своими книгами, подозрной трубой и цветком в кадке. Звездочет же блаженствовал, принимая Руала, и почитал его визиты за большую честь.

— Скажите, Ильмарранен, — спросил он однажды, смущаясь, — когда вы впервые осознали себя магом?

Марран задумался.

В его жизни не было момента, когда он впервые ощутил бы свой дар. Был день, когда Руал-ребенок понял, что другие этого дара лишены.

Ему было лет шесть; холодной дождливой весной тяжело груженная телега застряла в размытой глине. Хозяин телеги, угольщик, немолодой уже человек, надрывался вместе со своей тощей лошадью, тщетно пытаясь освободить колеса из цепкой жижи.

— Что ты делаешь? — удивленно спросил его маленький Руал.

Тот хмуро взглянул на глупого мальчишку и ничего не ответил.

Руал обошел телегу кругом, остановился перед лошадью — та спокойно на него косилась — и, встав на цыпочки, дотянулся до повода:

— Ну, пошли...

Лошадь двинулась вперед и сразу, без усилия вытянула телегу на твердую дорогу.

- Марран на всю жизнь запомнил взгляд, которым наградил его угольщик.

Старик-звездочет просто не в состоянии был этого понять.

...Лес не кончался, наоборот — становился все гуще и темней. Руал шел уже много часов. Сначала над головой у него радостно болтали птицы, потом на смену их щебетанию пришла тишина, нарушаемая иногда скрипом сосен да стуком дятла, а теперь вот в лесу завывали охотничьи рога — ближе и ближе.

Он шагал размеренно, бездумно, не поднимая глаз и стиснув зубы. Все равно.

Рог хрипло рявкнул совсем рядом, и, ломая ветки, на дорогу вылетели всадники. Руал остановился, ожидая, что охотники двинутся своей дорогой. Однако те резко свернули, и через секунду он стоял в кольце копий.

— Кто такой?

— Странник, — осторожно ответил Руал.

— Бродяга, — определил один из егерей.

— Браконьер! — не согласился другой.

Неспешно подъехал еще один всадник — по-видимому, вельможа.

— Снова наглый оборванец! — заметил он брезгливо. — Знаешь, негодяй, что бывает за потраву моих лесных угодий?

Руал ощутил гадкий привкус во рту: светлое небо, еще и это.

Шесть острых копий смотрели ему в грудь. Скалились егеря.

— Владения господина священны, — сказал он наугад и сжался, ожидая удара.

Вельможа нахмурился:

— Ты знаешь, мерзавец, кто я?

Руал жалко улыбнулся и перевел дыхание:

— Вы — могучий властитель, ваше сиятельство... А я... я — скромный... предсказатель судьбы. Мог ли я не узнать... господина?

Копья неуверенно отодвинулись, чтобы через мгновение снова угрожающе сомкнуться:

— Ты мне зубы не заговаривай! Какой еще предсказатель?

«Небо, помоги мне!» — взмолился Руал и вдруг заговорил быстро и убедительно:

— Гадатель, знахарь, заклинатель духов, заглядывающий в будущее. Прибыл во владения господина, прослышав о его... трудностях...

И Руал запнулся, ужаснувшись собственным словам.

А вельможа вдруг напряженно подälся вперед, испытующе вглядываясь в лицо своей жертвы; спросил медленно, подозрительно:

— О КАКИХ трудностях ты мог прослышать, бродяга?

В его настороженных круглых глазах Руал прочитал вдруг, что случайно угодил прямо в цель. В этот момент он кожей ощутил возможное спасение и всем телом бросился в открывшуюся лазейку:

— Господину лучше знать, — сказал он значительно и показал глазами на егерей.

Вельможа заколебался. Ильмарранен ждал, переступая ослабевшими ногами.

— Поедешь с нами, — бросил вельможа и развернул лошадь.

Кабинет герцога в его большом помпезном замке сочетал в себе приметы охотничьего музея и парфюмерной лавки. С увешанных оружием стен стеклянно пялились полдюжины оленьих голов: между ними то и дело обнаруживались лубочные картинки, где сладко целовались голубки над головами прелестных пастушек. Маленький стол у камина был уставлен

множеством сильно пахнувших скляночек, и Руалу то и дело становилось дурно от густого запаха духов.

Он проделал долгий путь, привязанный за пояс к седлу, — то пешком, то бегом; потом бесконечно долго дожидался приема в вонючей людской, откуда совершенно невозможно было сбежать, а теперь немеющими руками тасовал тяжелую колоду карт и лихорадочно искал путь к спасению. Пути не было.

Герцог восседал в кресле напротив; над его головой свирепо торчали клыки трофейного дикого кабана, который тоже нашел свой приют на стене кабинета. Кабан и вельможа были похожи, как братья.

У Руала взмокли ладони, а спасительная мысль все не приходила. В отчаянии он швырнул карты на стол:

— Это нехорошая колода, ваша светлость... На нее падал свет полной луны.

Герцог засопел, но возражать не стал. По его знаку лакей принес другую колоду.

У Руала перед глазами слились в одно пятно лицо вельможи и морда кабана. Тянуть дальше было невозможно, и он начал неровным голосом:

— Множество трудностей и опасностей окружает вашу благородную светлость...

Герцог насупился еще больше.

— Воинственные соседи зарятся на земли и уголья вашей благородной светлости...

Герцог окаменел лицом. «Не то», — в панике подумал Руал. Карты ложились на стол как попало; трефовая дама нагло шурилась, а червовый валет, казалось, издевательски ухмылялся.

— Кошелек вашей благородной светлости истощился за последнее время...

Ни один мускул не дрогнул на лице вельможи. Руал судорожно сглотнул и, смахивая пот со лба, затравленно огляделся.

И тогда он увидел ее.

Маленькая золотая фигурка — безделушка, украшение туалетного столика. Золотая ящерица с изумрудными глазами. Руалу показалось даже, что он ощущает на себе зеленый взгляд.

Спохватившись, он продолжил поспешно:

— Главная же трудность, главная беда заключается в другом... Она, эта беда, завладела всеми помыслами вашей благородной...

И тут ему показалось, что в маленьких свирепых глазках герцога мелькнуло нечто, напоминающее заинтересованность. Воодушевившись, Руал принялся тянуть слова, надеясь наткнуться-таки на то единственное, что доказало бы его право называться гадалщиком и тем самым спасло от виселицы:

— Она, эта беда, не дает вам покоя ни днем, ни ночью...

Да, герцог мигнул. Быстро и как бы воровато, что совсем не вязалось с его манерами. Мигнул и весь подался вперед, будто желая перехватить слова собеседника раньше, чем они слетят с его губ.

— Ни днем... — повторил значительно Руал, который никак не мог нащупать верный путь, — ни... ночью...

И вельможа покраснел! Внезапно, мучительно, как невеста на пороге спальни; покраснел и отпрянул, хмурясь и стараясь взять себя в руки.

Руал понял. Эта разгадка сулила спасение. Карты замелькали в его руках, как спицы бешено несущегося колеса.

— Знаю! — объявил он громогласно. — Знаю, как тяжело вашей светлости в минуту, когда после многих трудов и стараний горячий любовный порыв вашей благородной светлости заканчивается горьким разочарованием! Знаю, как недовольна герцогиня и какими обидными словами она огорчает вашу светлость! Знаю, что самый вид супружеской постели...

— Тс-с-с! — зашипел герцог, брызгая слюной.

Трясущимися руками он сгреб со стола карты, опасаясь, по-видимому, что они еще не то могут рассказать.

Руал обессиленно откинулся на спинку стула и с трудом улыбнулся. Это было слабое подобие той особенной победной улыбки, которой блистал когда-то великолепный маг Ильмарранен.

Герцог вскочил, чуть не снеся со стены кабанью голову, и навалился животом на стол, дыша Руалу в лицо:

— Это ужасная тайна, гадалщик! Я запер жену... Ей прислуживает глухонемая старуха... Но жена ненавидит меня, гадалщик! Она издевается надо мной, когда я... я собираюсь... Хочу... Я пытаюсь... Проклятие!

И в порыве чувств вельможа заметался по кабинету. Руал наблюдал за ним, почесывая переносицу.

Обессиленный, герцог снова рухнул в кресло, являя собой воплощенное отчаяние. Кабан над его головой потерял значительную часть своей свирепости и, по-видимому, впал в уныние.

— Итак, я явился вовремя, — веско сказал Руал, выдержав паузу.

Герцог, угнетенный позором, поднял на него мутные глаза:

— Проси, что хочешь, ты, ведун... Любые деньги... Если уж карты рассказали тебе о моем горе, то уж наверно они знают, как ему помочь!

— Карты знают, — тонко улыбнулся Ильмарранен.

Сейчас этот опасный самодур был в его власти — ненадолго, но зато крепко и полностью.

— Картам ведомо многое, — Руал встал, не собираясь по-

пусту тратить отпущенное ему время. — О плате договоримся вперед.

Герцог закивал, а Ильмарранен быстро взглянул на туалетный столик, вдруг испугавшись, что ящерица была всего лишь наваждением. Но нет — на него так же внимательно смотрели изумрудные глаза.

Он хотел провести пальцем по ее изящно изогнутой спинке — но не посмел. Высвободил ее осторожно из беспорядочной толпы дурно пахнущих флаконов, посадил себе на ладонь... Она уселась просто и удобно.

— Вот моя плата, — сказал Руал.

Вельможа крикнул.

...Утром следующего дня замок лихорадило.

Лакеи и прачки, конюхи и кучер, повара с поварятами и дворецкий во главе дюжины горничных метались, забросив дневные дела, подобно муравьям из разоренного муравейника.

Знахарь, прибывший неведь откуда и таинственным образом завоевавший доверие герцога, был в центре этой суеты и отдавал распоряжения, от которых бросало в пот даже выдавшую виды матрону-интендантшу.

— Крыс понадобится дюжина или две... — серьезно и сосредоточенно объяснял знахарь. — Мизинец на правой крысиной лапке обладает силой, о которой известно не всем, о, не всем!

Руал победоносно оглядел собравшуюся челядь и продолжал:

— Далее — яйцо кукушки. Ищите, бездельники, это приказ господина герцога! — прикрикнул он, заметив некоторое замешательство. — Ошейник лучшей собаки... — он загибал пальцы один за другим, — ржавчина с колодезного ворота...

Люди шептались, пожимали плечами — они не подозревали, по-видимому, о несчастье своего господина и не могли даже предположить, что задумал самозванный знахарь.

А у Руала уже не хватало пальцев для загибания:

— Гвоздь из подковы издохшей кобылы... Нет, жеребец не подходит. Кобыла, умершая своей смертью. Ищите! Ах, в прошлом году? Но гвоздь-то цел? Прекрасно, доставьте! — Тут Руал обнаружил в толпе егеря, к седлу которого был вчера привязан, и ласково распорядился, ткнув пальцем ему в грудь: — Ты и доставь! Подкову можно брать любую, но кобылу — раскопашь... Доставишь лично господину герцогу, дружок, только не вздумай хитрить, а то...

Егерь побледнел и удалился, шатаясь. Руал проводил его отеческой улыбкой и продолжал:

— Локоны двенадцати девственниц... Веревка от погребального колокола... Кстати, — Ильмарранен обернулся к

дворецкому, — пошлите кого-нибудь на кладбище, мне нужен чертополох с могилы утопленника.

Дворецкий что-то прошептал ему на ухо, Руал презрительно поднял брови:

— Не может быть, чтобы не было такой могилы. В крайнем случае придется кого-нибудь утопить... Лучше найдите сразу, дружок. — И Руал доверительно заглянул дворецкому в глаза. — Зелье должно быть составлено прежде, чем солнце коснется горизонта... — озабоченно твердил он потом обнадеженному герцогу. — До момента, пока диск его не скроется полностью, надлежит провести обряд освящения любовного напитка. Все должно быть исполнено с точностью до мгновения, но потом, ваша благородная светлость, вы будете вознаграждены...

Руал, впрочем, тоже рассчитывал на некоторое вознаграждение. Он был не из тех, кто просто так прощает унижение и страх.

— Соберите помет бурой курицы, добудьте жженных перьев и личинок богомола... — диктовал он дворецкому с мстительным сладострастием. Герцог нервно ежился и все более мрачнел по мере того, как прояснялся состав любовного напитка. Оставшись со знахарем наедине, он пытался робко возражать, но Руал ласково отвечивал:

— О, как вы будете вознаграждены, ваша благородная светлость!

Перед заходом солнца запах духов в кабинете герцога окончательно побежден был другим запахом, мощным, пронзительным, как визг умирающего под ножом поросенка. Обладающий тонким обонянием вельможа держался за нос.

— Время приходит! — объявил Марран. — Напиток готов. Вашу светлость ждет обряд — и сразу за тем ночь восхитительных утех!

Герцог болезненно закашлялся.

Двор замка был полон возбужденных, заинтригованных людей. На башне дежурил поваренок, обязанный сообщать о положении солнца по отношению к горизонту. Погасли печи на кухне, опустела людская, даже стражники у подъемного моста оставили свой пост и вместе со всеми пилились на герцогские окна.

На высоком балконе в покоях герцогини маячила фигура затворницы.

А муж и повелитель готовился к ночи восхитительных утех. В одеянии, состоящем из одной только веревки с погребального колокола, которая была снабжена кисточкой из локонов двенадцати девственниц, в ошейнике лучшей собаки на красной мясистой шее, герцог переступал босыми ножищами прямо на каменном полу. В одной руке несчастный муж удерживал

живал чашу с напитком, на поверхности которого плавали жженные перья, а другой плотно зажимал покрасневшие ноздри.

— Де богу больше... — шептал он страдальчески.

— Уже-е! — завершал с башни поваренок-наблюдатель. — Солнце садится!

— Время! — прошептал лихорадочно возбужденный Руал. — Начинаем обряд! Повторяйте за мной, только громко! Чем громче вы произнесете сейчас заклинание, тем сильнее будет... Ну, вы понимаете... Начинаем!

И собравшиеся во дворе люди присели, как один, от удивления и страха, когда из герцогских покоев донесся вдруг истошный вопль:

— Ба-ра-ха-ра-а! Мнлиа-у-у!

Заохали женщины, зашептались мужчины. Не будучи посвященными в тщательно хранимую герцогом тайну, они строили сейчас самые фантастические предположения. А герцог то мощно ревел, то визжал, срывая голос:

— Ха-за-вздра-а! Хо-зо-вздо-о!

В короткий промежуток между его завываниями ухитрился-таки вклинить поваренок с башни:

— Все! Солнце село!

Вопли оборвались.

— Пейте! — воскликнул Руал и ловко бросил в чашу с напитком гвоздь из подковы издохшей кобылы. — Пейте залпом и идите к ней!

От первого глотка глаза герцога вылезли на лоб, поэтому он не видел, как довольно, мстительно усмехнулся знахарь.

В чаше остался только гвоздь. Герцог кашлял, согнувшись в три погибели. Когда он поднял глаза, лицо Руала вновь было внимательным и участливым:

— Идите... Но помните — с каждым шагом следует выдерживать по волоску девственницы из этого пучка... Нельзя ошибиться, нельзя пропустить шаг или выдернуть сразу два... Идите же, ваша светлость!

Герцог, шатаясь, двинулся к лестнице. Руал слышал шлепанье его подошв и сосредоточенное бормотание — тот считывал волосы.

Руал подождал, пока шаги отдалились, и опрометью кинулся к окну. Толпа встретила его появление возбужденным гулом, но Марран смотрел не вниз, во двор, а на розовое закатное небо. К нему он и обратился с высокопарной речью:

— О небо! Верни его благородной светлости способность любить госпожу герцогиню и любую женщину, какую он пожелает! Верни ему эту возможность, которой он давно уже лишен! Сделай это, о небо! Ты знаешь, как трудно здоровому мужчине быть похожим на евнуха!

Толпа притихла при его первых словах, в ошарашенном

молчании выслушала всю эту речь и наконец взорвалась потрясенными возгласами. Руал до половины высунулся из окна и протянул руку, указывая на балкон герцогини:

— А теперь к господину герцогу вернется его сила! Да свершится!

Восторженные вопли были ему ответом. Люди, сгрудившись под окнами, лезли друг другу на плечи, задирали головы и тыкали пальцами в сторону высокого балкона.

Руал перевел дух и потихоньку отошел от окна.

Днем ему удалось изучить расположение лестниц и коридоров, и все равно он едва не заблудился, спеша к выходу.

Где-то в глубине замка шлепал герцог, помечая свой путь волосками двенадцати девственниц.

Конни, оставленные в конюшне без присмотра, переминались с ноги на ногу. Марран вывел наспех оседланного вороного жеребца.

Мост был поднят. Руал взялся за рукоятки ржавого ворота — тот поворачивался невероятно трудно, рывками.

Мост медленно опускался; вот между его темным краем и стеной показалось быстро растущее небо, и проем все увеличивался. Руал крутил, надрываясь.

Мост наконец-то лег поперек рва, открывая дорогу к спасению.

Герцог, вероятно, уже заключил жену в объятия.

Руал вскочил в седло.

Унося ноги, он не мог слышать проклятий оскандалившего герцога, сдавленного хохота его челяди и издевательств герцогини. Он не видел, как снаряжалась погоня, какие страшные отдавались приказы, — несясь во весь опор по темному лесу, он придерживал спрятанную во внутреннем кармане золотую ящерицу, награду за труды.

* * *

Местечко Карат было первым более или менее большим городом на нашем пути. Его узкие улочки были любовно вымощены булыжником, мастерские и лавки снабжены искусными вывесками, а жители чрезвычайно чванливы — самый последний местный бродяга смотрел на приезжих с высокомерием принца.

Мы остановились, как водится, в лучшей гостинице. Она оказалась весьма пристойным, внушительным каменным зданием, а отведенные нам многокомнатные апартаменты были просто-таки хороши. Хозяин гостиницы, на которого произвело впечатление мое магическое величие, сам показал нам комнаты и даже помог слугам внести багаж, при этом не теряя, впрочем, своего накрахмаленного достоинства.

Мне торжественно было предложено вписать свое имя в гостиничную книгу, что я и сделал, нацарапав поперек разлинованной страницы: «Великий маг Дамир, путешествующий по собственной надобности в сопровождении слуги».

Когда за хозяином закрылись створчатые двери, Ларт, пребывавший в добром расположении духа, одним махом смял мою роскошную постель под шелковым балдахином.

— Наконец-то... — пробормотал он, вытягивая ноги в запыленных ботфортах.

Действительно, слишком много было у нас за плечами скверных трактиров и грязных постоялых дворов.

Я подошел к окну — прямо напротив гостиницы помещалась ратуша, огромные башенные часы показывали полпятого, а внизу лежала залитая послеполуденным солнцем главная площадь города Карата. Зазывали торговцы, чинно шествовали солидные горожане, и шатались уличные мальчишки; прямо под окнами простучала башмачками хорошенькая цветочница, почувствовала мой взгляд, подняла голову — и прелестно покраснела. Я вспомнил со сладким волнением, что на мне черный с золотом костюм чародея, и снисходительно ей улыбнулся. Она оступилась, прохромала несколько шагов и, обернувшись, стрельнула в меня глазками через плечо.

О да, это был город — место, сулящее огромные возможности.

— Не будем терять времени, — сказал Ларт у меня за спиной. — Через полчаса ты получишь приглашение.

У меня заколотилось сердце; я быстро обернулся, но, наученный опытом, не стал ничего спрашивать.

Ларт забросил ногу на ногу:

— Тебя пригласят к мэру на званый вечер, собираемый в честь посещения города одним именитым путником... Ты догадываешься, каким?

Я раскрыл рот. Пожалуй, это было даже слишком.

— Там будет вся знать города, — продолжал между тем Ларт, — а также цеховые мастера, начальник стражи и так далее, все с женами и дочерьми. Предупреждаю: тебя захотят женить. Соглашаться или нет — твое дело.

Я растерянно, глупо улыбнулся.

— Далее, — Ларт потянулся и сел. — Там будут крупнейшие купцы-толстосумы. Тебя, возможно, захотят подкупить.

Я не выдержал и спросил неуверенно:

— Зачем?

Ларт раздраженно тряхнул головой:

— Помолчи... Всегда найдется, зачем... Я все это рассказываю не для того, чтобы выслушивать глупые вопросы... Итак, магов там не будет, кроме, естественно, тебя. Ты, конечно, велик и могуществен, об этом уж я позабочусь. Твое же дело —

по секрету сообщить всем и каждому, что тебе известна тайна. Неслыханная тайна... Говори, хвастайся, привлекай внимание. Ты сейчас — приманка.

— Приманка? — переспросил я, вздрогнув.

Ларт досадливо поморщился:

— В переносном смысле... Мне нужны слухи, мне нужен интерес к твоей персоне... Клянусь канарейкой, кое-кто давно должен был проявить к тебе интерес!

И он принялся вышагивать по комнате, со зловещим видом потирая руки:

— Должно быть что-то... Она себя проявит... Давно пора и Орвин рехнулся окончательно!

— Хозяин, — спросил я осторожно, — мы все еще ищем Третью Силу?

Он приостановился. Сказал после паузы:

— Мы ищем того, кто укажет на того, кто знает, что это такое.

Последние его слова потонули в реве башенных часов, пробивших пять. И, едва стих последний удар, в створчатую дверь тихонько поскреблись:

— Господин волшебник... Вам послание...

— Это приглашение, — пробормотал Ларт.

...Это действительно было приглашение — розовый листок бумаги, разукрашенный, надушенный и, по-моему, даже намаженный. В правом верхнем углу его красовался герб города Карата, сплошь состоящий из грозных и величественных символов: копий, пик и оскаленных львов. В центре, в витиеватой рамке, содержался напыщенный текст с нижайшей просьбой к господину волшебнику посетить званный вечер господина мэра в ратуше, в восемь часов.

Мы явились в половине девятого.

Я в парадном бархатном одеянии шествовал впереди, всем своим видом призывая к почтению. Чуть поотстав, за мной следовал Ларт в простой темной одежде. Стража у входа в ратушу поклонилась нам, скрежеща железными панцирями.

Следующие полчаса я принимал изъявления преданности. Дамы приседали в реверансах, томно улыбались, задевая меня жесткими кринолинами. Ровно и ярко горели свечи в канделябрах, сновали деловитые лакеи. Я блуждал в щебечущем лесу из кружев и перьев, пожимал какие-то руки, некоторые из них целовал — не уверен, что именно те, которые нужно. Мэр, невысокий лысоватый человечек, кивал и улыбался, улыбался и кивал. Ларта что-то давно не было видно.

В приоткрытые двери соседней залы мне удалось разглядеть длинный, пышно накрытый стол. Сердце мое радостно затрепетало в предвкушении пира.

Но приглашения за стол не последовало, а вместо этого разодетая в пух и прах толпа потихоньку просочилась в другое помещение, оказавшееся залом заседаний. По-видимому, здесь собирался совет городских старшин. Мэр занял привычное ему кресло на возвышении, остальные устроились на длинных деревянных скамьях.

Оказавшись торжественно водворенным на почетное место около мэра, я вспомнил вдруг о задании Ларта и сообразил с ужасом, что пока и не пытался его выполнить, более того — переступив порог ратуши, еще не произнес ни одной членораздельной фразы. Я завертел головой, ища, с кем бы поделиться знанием ужасной тайны, но в этот момент мэр поднялся и зазвонил в колокольчик:

— Дорогие сограждане... Сливки нашего общества собрались здесь, чтобы поприветствовать дорогого гостя, чей визит...

Сливки общества вдруг ахнули в один голос. Кресло подомной качнулось, и я обнаружил вдруг, что оно свободно висит в воздухе — довольно высоко.

«Ларт!» — подумал я, покрываясь потом и изо всех сил сжимая пальцы на подлокотнике.

Справившись с замешательством, сливки общества зааплодировали. Мэр хлопал громче всех:

— Да, господа! Нечасто нас посещают маги, подобные господину Дамиру, хотя, по правде говоря, наш город не из последних, ох, не из последних! В прошлом месяце городская казна пополнилась налогом с цеха скорняков, а цех бондарей вернул долг с позапрошлого месяца... Из этих денег половина пошла на починку западной стены, а половина второй половины израсходуется на фейерверк в честь Дня Премноголикования, оставшиеся же деньги...

Я лихорадочно искал глазами Ларта, но его не было. Зал шептался, тихо возился, однако не проявлял открытого нетерпения. Мое кресло покачивалось над полом, никого не удивляя, а речь мэра лилась, как сонная равнинная река, которой еще далеко до моря.

В зале становилось душно; дамы все решительнее работали веерами. Мой парадный бархатный костюм облепил меня, как сплошной кусок пластыря.

— Мои сограждане, надеюсь, оценили уже мою скромность и честность... — журчал мэр.

Я вспомнил, что обед давно прошел, а ужин еще не наступил, и у меня нестерпимо засосало под ложечкой. Потом затекла спина, а пальцы на подлокотниках свело судорогой. Потом пересохли губы, и это было хуже всего, потому что стакан с водой помещался на столике перед мэром и я не мог до него дотянуться. Я ворочал во рту сухим языком и с тоской

думал, что приказ Ларта теперь невыполним, поскольку честный и скромный мэр никогда не заткнется.

И тут я увидел хозяина.

Ларт стоял в боковом проходе, полускрытый бархатной портьерой, и оживленно беседовал с буфетчицей. О том, что это именно буфетчица, я догадался по огромному подносу с прохладительными напитками, который она держала перед собой. Вот Легиар взял с подноса тонконогий бокал, пригубил золотисто-янтарную, искристую жидкость... У меня на глазах выступили злые слезы.

Ларт оглянулся, будто его окликнули, и дружески кивнул мэру. Тот закашлялся, словно поперхнувшись; речь его оборвалась. Зал заинтригованно наблюдал, как красноречивый отец города, тщетно пытаясь заговорить снова, выдавливая из себя одно только жалкое шипение.

Сдавшему наконец, мэр бросил на сограждан укоризненный взгляд и махнул рукой, будто отгоняя муху. Жест этот был сигналом.

Сливки общества, опрокидывая скамьи, кинулись к выходу и дальше — туда, где давно ждал их накрытый стол. Мое кресло с грохотом рухнуло на пол. Хромая, растирая затекшие ноги, я отправился вслед.

К моему появлению за столом не осталось свободных мест. Звенели вилки, да работали челюсти, перемалывая изысканные яства. Я подошел к восседающему во главе стола мэру и сказал, пытаясь напустить на себя таинственность:

— О, как трудно носить в себе ужасные тайны...

Мэр скосил на меня глаза, не отрываясь от тарелки, и приветливо растянул лоснящиеся от жира губы, не переставая при этом жевать:

— ...ая асть ше ение, осподин шебник!

Я некоторое время потоптался рядом, но мэр, по-видимому, счел эту фразу достаточной и вполне убедительной, а поэтому, урча, продолжал трапезу, не устаивая меня вниманием. Потоптавшись, я отправился в обход длинного стола, оглябая его по часовой стрелке.

Пиршество достигло апогея. Я то и дело заговаривал с едоками, но это было так же бесполезно, как предлагать токующему глухарю ознакомиться с правилами правописания. Носившиеся с подносами лакеи время от времени налетали на меня, грозя сбить с ног. Увертываясь от них, я в какой-то момент остушился, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и чудесным образом оказался утонувшим в нежно-розовом, пышном кринолине.

Я поднял глаза — над кринолином помещался изящный, затянутый в корсет стан, а выше — круглые обнаженные плечи, а еще выше — прелестное розовое личико некой удивленной блондинки. Падение было моей первой удачей за весь вечер.

Некоторое время после моих извинений мы мило болтали. Я успел пожаловаться на нелегкую долю волшебников, связанную с постоянным хранением тайн и секретов, и несколько раз приложиться к белой, ароматной, унизанной кольцами ручке, прежде чем дама возмущенно вскрикнула и моментально обо мне забыла, так как ее соседка, толстушка в зеленом бархате, выудила из тарелки моей собеседницы превосходный кусок жареного мяса. Попытки возобновить беседу увенчались неудачей — красавица была вынуждена с удвоенным вниманием защищать отвоеванную отбивную.

Это поражение меня добило. Раздавленный, уничтоженный, пошатывающийся от голода среди пирующих, измученный и отчаявшийся, я зашагал прочь.

У выхода из залы обнаружился Ларт, жующий куриную ногу. По коридору отдавались женский смех и шелест юбок.

— Браво, — сказал Легиар, запуская костью в угол.

Я почти заплакал.

* * *

Лил холодный, почти осенний дождь. Дорога размокла; измученный жеребец из конюшни герцога едва перебирал тяжелыми, облепленными грязью копытами. Конь, по-видимому, знал лучшие времена — его всадник, впрочем, тоже.

Покинув замок, Руал сначала метался, чтобы запутать погоню в ночном лесу, а дальше скакал, не разбирая дороги, всю ночь и половину следующего дня, задерживаясь только для того, чтобы напиться из придорожного колодца и напоить коня. Потом пришлось ненадолго остановиться — оба выбились из сил.

Руал торопился поскорее оказаться в безопасном отдалении от бешеного кабана, с которым был схож опозоренный герцог. Переночевав кое-как в мокром стогу и дав передышку лошади, он продолжил свой путь, который вернее было бы назвать бегством.

Дождь пошел на рассвете и до вечера лил, не переставая. Жеребец оступился на скользкой выбоине и охромел.

До сих пор Руал старался избегать людских поселений, опасаясь, что их жители могут передать его в руки герцога. Теперь, по-видимому, деваться было некуда — конь хромал все сильнее, а всадник два дня не держал во рту и маковой росинки. К тому же замок остался далеко позади — Руал надеялся, что погоня потеряла его след, да и владения герцога, в конце концов, не безграничны.

Поэтому, когда из стены дождя выступил вдруг уютный хуторок, обнесенный частоколом, Руал не стал сворачивать с дороги, как раньше. Конь оживился, почуяв жилье; Руал обод-

ряюще похлопал его по шее и направился прямо к массивным воротам.

Ворота были заперты изнутри на засов. Руал отбил себе руки, прежде чем в ответ на его стук приоткрылось смотровое окошко и в нем замигал заспанный голубой глаз:

— Чего?

— Пустите на ночь честного и доброго путника, — сказал Руал, стараясь казаться как можно честнее и добрее.

Глаз обежал его с ног до головы, презрительно сощурился и спросил с неудовольствием:

— Сколько дашь?

У Руала не было за душой ни гроша, если не считать золотой статуэтки, тщательно запрятанной за пазуху. Поэтому он просительно улыбнулся и предложил:

— Я отработать могу.

Глаз моргнул, и смотровое окошко бесцеремонно захлопнулось.

— погоди! — закричал испуганный Руал. — погоди, поторгуемся!

Окошко приоткрылось опять, и владелец голубого глаза сообщил сквозь зубы:

— На базаре торгуются, ты, оборванец! А у нас хозяин бродяг всяких не держит!

— Позови хозяина, — сказал Руал быстро.

— Сейчас, — мрачно пообещал владелец глаза. — Только разгонюсь вот посильнее... А ну, пошел отсюда!

Руал попытался придержать захлопывающееся окошко — его больно ударили по пальцам.

Жеребец переминался с ноги на ногу за Руаловой спиной.

— Плохо дело, — устало сказал ему Руал.

Дождь усилился. Понемногу сгущались сумерки. Руал прижался щекой к окошку, пытаясь по слуху определить — здесь несговорчивый обладатель голубого глаза или уже ушел. Дождь заглушал все звуки, а щелей в воротах не было. Частокол вокруг поселения был высок и снабжен остриями по верхнему краю.

Руал снова заколотил в ворота — просто так, безнадежно.

К его удивлению, вскоре во дворе послышались голоса, среди которых выделялся уже знакомый. Оконце распахнулось, и другой глаз, пронзительный, карий, уперся Руалу в лицо.

— А вот собак спущу, — негромко пообещал хриплый бас.

В этот момент Руалов жеребец, не выдержав, ступил вперед и горестно заржал.

Карий глаз перевел свой буравящий взгляд с Руала на облепленного мокрой гривой, охромевшего красавца-коня, оценивающе прищурился:

— Твоя лошадь?

Руал кивнул.

— Где украл? — поинтересовались из-за ворот.

— Я не... — начал было похолодевший Руал, но владелец карего глаза перебил его:

— Отдай коня — и ночуй, пес уж с тобой.

Растерявшись, Руал только покачал головой — нет, мол, не пойдет.

— Тогда пошел вон, — отрезали из-за ворот, и окошко наполовину прикрылось.

Жеребец и Руал посмотрели друг на друга.

— Погодите, — хрипло сказал Ильмарранен. — Так и быть, согласен...

Окошко с готовностью распахнулось, а следом взвизгнул железный засов, и ворота приоткрылись тоже:

— Вот и ладненько... Конь-то все равно краденый и хромой, чего жалеть...

Руал промолчал.

Голубой глаз принадлежал, оказывается, шуплому веснушчатому парню-работнику, прикрывающемуся от дождя куском рогожи. Обладателем карих глаз был сам хозяин фермы — невысокий плотный человек неопределенного возраста. На его зов явился еще один работник — парнишка лет пятнадцати; он удивленно покосился на Руала, взял из его рук уздечку и повел коня в глубь двора, где темнели многочисленные пристройки. Хозяйство, по-видимому, было внушительных размеров и процветало.

Хозяин еще раз оглядел Руала, хмыкнул каким-то своим мыслям и велел веснушчатому:

— Отведи... Скажи, пусть его накормят, ладно уж... — И добавил другим тоном: — Про жеребца ни слова, шкуру спущу...

Парень вздрогнул, а хозяин добавил как ни в чем не бывало:

— Да приглядывай за этим, как бы не стянул чего...

— Я не вор, — сказал Ильмарранен.

Хозяин снова хмыкнул:

— Ладно, иди...

И Руал пошел через широкий двор, следуя за неприветливым шуплым парнем, который мрачно что-то бормотал и натягивал на голову свою рогожку.

Наконец добравшись до места, Руалов провожатый потянул тяжелую дверь, из-за которой выбился клуб пара, и недовольно показал на нее Ильмарранену. Руал шагнул через порог — и очутился в сладостном царстве жилья, сухом и теплом.

В печке бушевал огонь, рядом возилась немолодая уже, но крепкая и опрятная толстуха. Она обернулась на скрип двери,

подбоченилась и вопросительно глянула на веснушчатого. Тот буркнул:

— Прибился вот на ночь... Хозяин велел накормить...

— Отчего ж не накормить, — приветливо отозвалась толстуха, — только ноги пусть оботрет, а то извозился по уши. — И она указала Руалу на скамейку у стены. Молодой работник вышел, по-прежнему сердито бормоча.

Руал вытер ноги о тряпку у входа, прошел через кухню и сел, где было указано. Колени его едва сгибались, спину невыносимо ломило, желудок мучили голодные судороги — а он был счастлив. Счастлив, что можно сидеть, привалившись к теплой бревенчатой стене, не шевелиться и просто смотреть на огонь.

— Откуда будешь? — спросила кухарка, с любопытством за ним наблюдавшая.

Руал разлепил обветренные губы и отозвался:

— Из Мурра.

Кухарка ахнула:

— Из Мурра?! Да ты знаешь, где Мурр, а где мы!

Руал улыбнулся с трудом:

— Я готов бежать на край света... И убегу...

Толстуха отставила в сторону корзинку с овощами, которые чистила:

— Гонятся за тобой, что ли?

— Гонятся, — сообщил Руал с глубоким вздохом. — За мной по пятам следует несчастная любовь!

Кухарка, крайне заинтригованная, обошла широкий стол и подселла на краешек скамейки, повторяя сочувственно:

— Вон как... Вон как оно бывает...

Руал покачал головой, давая понять, что не намерен пока раскрывать свою тайну. Тогда кухарка спохватилась:

— Да ты промок до нитки... Погоди-ка...

Она вернулась через несколько минут с ворохом сухой одежды в одной руке и парой сапог в другой:

— На-ка, примерь... Должно подойти тебе...

Одежда была не новая, но чистая и искусно зачиненная. Толстуха отвернулась, чтобы не глядеть на одевающегося Руала, и это было очень кстати: ему удалось незаметно перепрятать статуэтку.

— Я тут за хозяйку, — рассказывала тем временем женщина, — и пошить, и постирать, и зачинить... На все, бывало, и рук не хватит... Ты садись к огоньку, погрейся!.. И ужина дожидаться нечего — тут с обеда похлебка осталась. Хозяин не любит, чтоб пропадало...

Руал натянул сапоги — они были великоваты.

— Да, — продолжала женщина, — муженек мой пошире был в кости... Ростом такой же, а ножища здоровая...

— Ничего, — сказал Руал благодарно. — Спасибо.

Ужинали в просторной, просто обставленной столовой; работники и прислуга сели за стол вместе с хозяйской семьей. Хозяин восседал во главе стола; под его сверлящим взглядом ежились по рангу разместившиеся домочадцы: мальчик лет двенадцати — хозяйский сын, дочь хозяина, миловидная девушка с гладко зачесанными светлыми волосами, далее кухарка и десяток работников — все молодые крепкие парни. В самом конце стола, на приставленной табуретке сидел Руал — в добротной крестьянской одежде, сам сейчас похожий на любого из них.

Никто не смел прикоснуться к ложке, пока хозяин не отправил первую порцию кукурузной каши себе в рот. Тогда раздался торопливый стук — работники спешили выловить лучший кусок сала из стоявших посреди стола общих тарелок.

Руал, утоливший первый голод на кухне, рассеянно жевал хлеб и наблюдал за едоками.

Кухарка то и дело задорно на него поглядывала — не разделяй их длинный стол, она, возможно, подсунула бы ему лишний кусочек. Веснушчатый голубоглазый парень, негостеприимно обошедшийся с Руалом у ворот, старательно его не замечал, остальные иногда косились с умеренным любопытством — больше всех интересовался парнишка, который увел на конюшню герцога жеребца. Мальчик, хозяйский сын, явно тяготился присутствием отца — сидел, горбясь, и нехотяковырял ложкой в тарелке. Хозяйская же дочь за время ужина раз пять обменялась быстрым взглядом с сидящим напротив круглолицым темноволосым юношей, который дважды поперхнулся кашей.

Но вот хозяин крикнул и отодвинул тарелку. Все поспешно встали; опоздавшие на ходу запихивали в рот недоеденные куски хлеба. Руал поднялся тоже. Хозяйская дочь последний раз глянула на темноволосого, ее брат громко икнул, а кухарка заговорщически подмигнула Руалу.

Работники ночевали в длинном низком сарае, прямо на усыпанном сеном полу, укутавшись в одеяла. Руалу отвели место у выхода, где сено было пореже и из-под двери тянуло сыростью. Вскоре сарай наполнился густым храпом здоровых и сильных людей, уставших после тяжелой работы.

Руал лежал, глядя в темный потолок; ему представлялся герцог, вылетающий из спальни нагишом, но в собачьем ошейнике, и его челядь в полном сборе, встречающая своего господина неммым вопросом, переходящим в трогательное сочувствие. Руал жестко оскалился: вельможа приговорил себя, угрожая Маррану и привязав его к седлу. Расплата была сладостной и от этого не менее справедливой.

Он скользнул рукой за пазуху — золотая ящерица встретила его ладонь дружеским, как ему показалось, прикосновени-

ем. «Ты свидетель, — подумал Руал. — Я никогда не пощажу и не попрошу пощады».

Мысли его переметнулись к сегодняшнему дню — он вспомнил о потере лошади. Конечно, повредивший ногу жеребец не смог бы продолжать путь немедленно, как этого хотелось Руалу, и все же лошадь — это капитал. Не следует прощать хозяину этой грабительской сделки... Он повернулся набок и подумал о хозяйской дочери.

Лениво стучал дождь по дощатой крыше сарая.

Руал сел. Работники спали, сотрясая воздух храпом. Руал бесшумно поднялся и вышел под слабеющий дождь.

Ферма была погружена во тьму, только на кухне светилось тусклое окошко да не спали наверху, в комнатах хозяина. Руал наугад ступил несколько шагов — и замер, потому что совсем рядом, у поленницы, маячила чья-то белая рубашка. Вскоре оказалось, что обладатель рубашки был не один — не мог же он шептаться сам с собою. Руал, чьи глаза давно привыкли к темноте, разглядел светлые, гладко зачесанные волосы и радостно поблескивающие глаза.

Влюбленные прощались — вскоре настороженное ухо Руала различило звук робкого поцелуя, и сразу вслед за этим девушка бесшумно заторопилась к дому, а темноволосый — это был именно он — прокрался к двери сарая и, оглядевшись, нырнул в темноту. Руал благоразумно пригнулся за поленницей.

Девушка тем временем пересекла двор, направилась было к парадной двери — но потом, поколебавшись, повернула в сторону кухни. Ильмарранен, одержимый веселым куражом, последовал за ней. Дверь кухни осторожно закрылась — Руал, сосчитав до двадцати, вошел следом.

В печке тлели угли, на широком столе горела масляная лампа. Кухарка перетирала полотенцем груды вымытой посуды, а хозяйская дочь, присев на скамейке у стены, что-то горячо ей объясняла. Обе испуганно обернулись навстречу Ильмарранену.

— Фу ты... — с облегчением выдохнула девушка. — А я думала, отец...

Толстуха широко улыбнулась:

— Пришел-таки... Ну, заходи, птица залетная...

Дочь хозяина подвинулась — Ильмарранен присел рядом. Ему показалось, что девушка пахнет молоком.

Толстуха хитро улыбнулась и изрекла, понимая кивнув Руалу:

— Не спится, да, парень? От любви не убежишь, так-то.

Девушка прерывисто вздохнула. И тогда Руал Ильмарранен заговорил. Он говорил просто и вместе с тем вдохновенно, и в этом рассказе были и большая любовь, и тайная по-

молвка, и жестокий отец, выдавший невесту за другого. Обе слушательницы подались вперед, кухарка, забывшись, терла до дыр давно сухую тарелку, а девушка комкала от переживаний подол своего простенького платья. Едва Руал дошел до момента, когда плясала свадьба, стонал отвергнутый жених и пыталась покончить с собой молодая, — на глазах у обеих показались слезы, которые к концу истории пролились наружу.

— Наверное, ее отец думал, что она вам не ровня? — всхлипывая, спросила девушка.

Руал улыбнулся печально:

— Я думаю, он просто боялся... За мной уже тогда шла слава ясновидца...

— Как?! — переспросили его слушательницы в один голос.

Руал улыбнулся еще печальнее, взял, не робея, руку девушки в свои и развернул ее ладонью кверху.

— Вот так так! — воскликнул он, в то же время решительно пресекая ее слабую попытку высвободить руку. — Да вы ведь тоже страдаете от любви!

Кухарка ахнула одновременно с вопросом девушки:

— А вы откуда знаете?

Руал улыбнулся так печально, как только мог:

— Я вижу многое, что недоступно другим... Вижу, ваш возлюбленный рядом, но вы не можете быть вместе... Вижу — между вами преграды... Вижу поцелуй... Совсем недавно, да! О, какой нежный поцелуй!

Девушка покраснела до ушей и вырвала руку. Кухарка стояла, широко распахнув глаза и рот. Неизвестно, чем закончилась бы эта сцена, если б не распахнулась дверь и на пороге не встал бы, темный как туча, хозяин:

— Какого пса! А ну, марш в кровать! — прикрикнул он на дочь. Та вскочила и, пригнувшись, выбежала вон. — А ты что здесь делаешь? — продолжал хозяин, обращаясь к Руалу. — Пшел!

Руал не стал спорить и последовал примеру девушки. Уходя, он слышал, как хозяин отчитывает кухарку.

Работники встали до рассвета — сонные, хмурые, они вылезали из сарая, смотрели на серое небо и вяло переругивались. Руал забрался на освободившееся теплое место и проспал еще пару часов.

Разбудило его солнце, разогнавшее наконец тучи и проникшее в сарай через множество крупных щелей. Руал довольно улыбнулся и, потягиваясь, стряхивая солому, выбрался наружу.

Его удивило, почему работники, вместо того чтобы заняться делом, толпятся у крыльца и громко что-то выясняют. Потом

он перевел взгляд и увидел на крыльце хозяина. Хозяин тоже увидел Руала — и недобро ухмыльнулся:

— А ну, иди сюда, ты...

Руал подошел. Работники расступились перед ним, как перед зачумленным.

— Ты что же, — тихо, с угрозой проговорил хозяин, — ты что же, закон забыл? Не воровать, где ночуешь?

— В чем дело? — тоже тихо спросил Руал, у которого екнуло сердце.

Хозяин ступил с крыльца и внезапным цепким движением схватил Руала за грудки:

— Не знаешь, дрянь? А два гроша на полке лежали!

Он дышал Руалу в лицо спертым, нечистым дыханием. Маленькие глазки буравили жертву насквозь.

— Это ошибка, — сказал Руал, стараясь говорить спокойно. — Я не видел никаких двух грошей!

Хозяин сильно оттолкнул его, так что он чуть не упал на стоящих позади парней:

— Ах ты, ворюга! Да я сейчас тебя вздерну на первом суку, мне только спасибо скажут!

Руала схватили за плечи, грубо встряхнули и швырнули вперед; он споткнулся о крыльцо и упал лицом вниз. Больно впилась в грудь золотая фигурка.

— А ну, обыщите! — приказал хозяин.

Смертельная опасность нависла над золотой ящерицей. Чьи-то проворные руки принялись гулять по Руаловой одежде. Полезли за пазуху...

Руал вскочил, отшвырнув двоих, рванул вслепую, ненадолго освободился — и снова упал, придавленный к земле. На шею ему накинули веревку.

— Ах, батюшки! Да что же вы делаете! — надсадно заверещал вдруг женский голос. — Не вор он, да не вор!

Работники приостановились, не разжимая, впрочем, удерживающих Руала рук.

— Ясновидящий он... — причитала кухарка. — А вы, хозяин, со своих спросите прежде... Кто-то из своих спер, а на этого велят...

Удивленные работники позволили Руалу подняться.

— У меня и карманов-то нет, — сказал он непослушными губами.

Хозяин на крыльце презрительно хмурился, отмахиваясь от дочери, которая что-то горячо ему шептала. Рядом держалась за сердце кухарка:

— Нет у него карманов, конечно... На нем одежда мужнина, а тот карманов не любил...

Руалово сердце бешено колотилось о ящерицу, притаившуюся за пазухой.

— Ясновидящий... — раздраженно проворчал хозяин. —

А денежки сами сбежали, да? Ноги у них выросли, так? Ясновидящий, пес тебя дерит... А вот узнай, ясновидящий, кто деньги спер!

Радостно закивала кухарка. Загалдели работники, а Руал потер ушибленную руку и сказал в сторону:

— Да запросто...

Двенадцать полных стаканов стояли на просторном столе. Вдоль стены выстроились работники, возбужденные, не в меру шумные. Веснушчатый Руалов знакомец тонко хихикал; темноволосый красивый парень то и дело вытирал о штаны вспотевшие ладони. Он нервничал сверх меры — с противоположной стороны стола на него смотрела, не отрываясь, хозяйская дочь.

Хозяин стоял тут же, опустив тяжелую ладонь на худое плечо бледного мальчишки — сына. Кухарка, подбоченясь, поощряла Руала улыбкой.

— Здесь двенадцать стаканов, — бодро сказал Руал. — Вода в них заговоренная. По команде все берут стаканы в руки — и я тоже, чтоб не было сомнения...

— И я возьму, так и быть... — добродушно пробасила кухарка.

— Я читаю заклинание, — продолжал Руал, — и в руках вора стакан трескается. У кого стакан треснет — тот украл два гроша, и это доказано, потому что заклинания не врут. Ясно?

Веснушчатый от напряжения хихикнул так громко, что соседи по очереди отпустили ему тумака. Темноволосый был бледен, как молоко, и судорожно мял трясущиеся руки.

— Н-ну... — процедил хозяин.

— Начали! — сказал Руал и первый взял со стола стакан. Второй стакан взяла кухарка.

Работники мялись, переглядывались, по очереди подходили к столу. Вскоре он опустел.

Хозяйская дочь не сводила пристального взгляда с темноволосого. Тот прятал глаза и едва сдерживал дрожь в руках.

Наступила напряженная тишина. В тишине Руал начал:

Темень и солнце, земля и вода!
Тайное явным да станет тогда!

Он говорил тихо, зловеще, растягивая слова.

Тайное явным да станет сейчас,
В этот единственный...

Голос его снизился до бормотания. Руки со стаканами напряженно тряслись.

В этот единственный РАЗ!

Слово «раз» хлестнуло, как удар бича. Хозяйская дочка вскрикнула, и потом снова стало тихо. Все смотрели на темноволосого. У него с рук капала вода — кап, кап... Стакан красивого юноши дал трещину до самого дна.

— Ах, батюшки... — прошептала кухарка.

— Вот как... — тихо, почти ласково проговорил хозяин. — Вот как, дружок Барт...

— Я не брал! — в тоске закричал темноволосый. Его оттирали к двери. Разрыдалась в голос хозяйская дочка, выбежала, чуть не сбив с ног брата, которого колотила крупная дрожь.

— Ба-атюшки... — кухарка кинулась вслед за ней.

Руал, прижавшись спиной к стене, отхлебнул воды из своего стакана. Поперхнулся. Темноволосого взяли в кольцо, потом, не обращая внимания на слезы и крики о невиновности, поволокли во двор. Руал бездумно, как заведенный, вышел тоже. Юношу уже раздевали, кто-то щелкал кнутом. Одобрительно покрикивал хозяин, удерживая возле себя вырывающегося сына:

— Нечего отлынивать... Посмотри, тебе тоже наука...

Темноволосого растянули на траве четверо, удерживая его за руки и за ноги. Здоровенный детина остервенело пошел работать кнутом. Руал хотел уйти — и не мог, ноги не слушались. Хозяин бодро приговаривал:

— По заслуге ворюге, по заслуге! Давай! Еще!

— Отпустите! Нет! — рванулась с крыльца хозяйская дочь. Ее схватила в объятия подоспевшая кухарка, скрутила, увлекшая в дом. Девушка зашлась криком:

— Нет, он не мог!

Обернулся, нахмурившись, хозяин.

Кухарка втащила девушку в дом, уговаривая, сама обливаясь слезами. Из-за захлопнувшейся двери донеслось отчаянное:

— Звери!

Руалу стало дурно. Он стоял, привалившись к стене, грыз руку, ощущая на языке привкус крови.

Неистовствовал, рассекал, впивался хлыст. Четверым, удерживавшим Барта на земле, уже почти не приходилось прилагать для этого усилий. Остальные работники стояли, сбившись в кучку, с застывшими, белыми лицами.

— Папа-а! — закричал вдруг мальчишка, хозяйский сын, голосом подстреленного зверька. — Папа, прости! Отпусти Барта! Не надо!

Он упал перед отцом на колени, из его руки выпали две медные монетки и закатились в траву.

Стало тихо — не свистел кнут и уже не стонал Барт, только плакал навзрыд мальчишка:

— Он не брал... Это я... Прости...

Хозяин тупо на него смотрел, беззвучно жевал губами.

Потом все, кроме безжизненно лежащего в траве юноши, посмотрели на скорчившегося под стеной, сжавшегося в комок Ильмарранена.

...Руала били все.

Сначала его иступленно хлестали кнутом, потом кухарка в слезах колотила его по спине палкой:

— На! Получи! Ясновидец поганый, змея подколодная!

Потом хозяин тыкал его в живот сапогами:

— Вот тебе, приبلуда! Вот тебе, пес!

Потом работники, все вместе, навалились и били, молотили, таскали за волосы, плевали в лицо, пока Руал не потерял сознания.

Полуживого, его выбросили в канаву, полную ледяной воды, которая и привела его в чувство. Очнувшись, он слышал голоса:

— Не сдох он, что ли?

— Да вроде сдох... Ясновидец...

— А ты притопи его на всякий случай...

— Охота руки марать...

Голоса отдалились. Руал судорожно дернул рукой — и нащупал-таки за пазухой чудом уцелевший в остатках одежды сверток.

Марран лежал в канаве на обочине большой дороги, перед глазами у него извивался в мокрой глине придавленный камнем дождевой червяк — подергивалось склизкое, кольчатое тело, захлестывалось петлями, проглядывали сквозь розовую кожу темно-фиолетовые внутренности.

Захлебываясь в мутной луже, Руал ощущал себя таким вот полураздавленным червем — никчемным, мерзким, корчившимся в ожидании своей жалкой смерти.

* * *

— Вот что, дорогуша, — сказал Ларт на следующий после визита в ратушу день. — Я еще раз убедился, что в серьезных делах твоя помощь так же эффективна, как ловля блох каминными щипцами. Поэтому сегодня тебе поручается сторожить наши комнаты.

Мне нечего было возразить. Я горестно наблюдал, как он собирается, засыпает в кошелек пригоршню золотых монет и отправляется на поиски мифических следов мифической Третьей Силы в городе Карате. Закрывая за собой дверь, Ларт бросил через плечо:

— И не смей переступать порог, даже если вся гостиница вспыхнет огнем!

Его шаги стихли на лестнице. Я почувствовал себя узником каменного мешка, как бы в насмешку окруженного роскошью и комфортом.

Часы на башне напротив пробили одиннадцать утра. Пошатавшись по комнатам, я уселся на подоконнике и принялся глазеть на прохожих. Все они представлялись мне сейчас чужими и в высшей степени никчемными людьми, глупыми и чванливыми; среди женщин я не отметил ни одной, превосходящей привлекательностью дохлого хорька. Горько вздыхая, я вспоминал родные места, трактирщика, наливавшего мне в долг, и милашку Данну, считавшую меня «учеником чародея». По стеклу ползала муха — я жестоко с ней расправился.

В этот момент душевного упадка мне послышался стук в дверь. Неприятно пораженный, я замер. Стук повторился, на этот раз явно, хотя и негромко.

Я струхнул, потому что одно дело прикидываться волшебником по поручению и в присутствии Легиара и совсем другое — изображать магическое величие в одиночку, на свой страх и риск. Мне пришла в голову малодушная мысль притаться.

Стук, однако, повторился снова. Весь подобравшись, я отправился к двери, пытаясь выработать на ходу достаточно убедительную для мага линию поведения.

— Что вам угодно? — рявкнул я, распахивая дверь.

В двух шагах передо мной испуганно хлопало васильковыми глазами очаровательное существо в чепце и передничке горничной. Я охнул.

— Господин волшебник... — тонким дрожащим голосом пропела эта пичуга. — Простите... Уборка... Извините... — И она присела до земли в неуклюжем реверансе.

Не веря своему счастью, я отступил в глубь комнаты. Пичуга, немного приободрившись, втащила в номер ведро с водой и щетку на длинной ручке.

Ей, может быть, исполнилось шестнадцать. Ростом она была мне по плечо, а я ведь не великан. Из-под накрахмаленного чепца выбивались рыжеватые волосенки, а на румяной мордочке с пухлыми щечками читалась уморительная решимость выполнить трудную и опасную миссию по уборке комнат чародея.

Судьба сжалилась-таки надо мною, решив вознаградить за провал на званом ужине у мэра.

Пичуга принялась за работу — извлечена была из ведра истекающая водой мохнатая тряпка, ловко наворачена на щетку и запущена под кресло, в которое я немедленно влез с ногами.

Стараясь не смотреть на меня, васильковые глазки серьезно потупились.

— Как тебя зовут? — спросил я небрежно.

— Мирена... — скромно ответили васильковые глазки.

Я приходил во все больший восторг. Пичуга елозила тряпкой по полу, рукава ее платица задрались к локтям, обнажая тоненькие белые руки, а чепец съехал на лоб, обнаружив сзади, на шее, милый рыженький завиток.

Работала она не ахти как. — я, бывало, мыл пол куда быстрее и чище. Мне стоило значительных усилий подавить в себе желание преподать ей урок влажной уборки. Вот она выпрямилась, тыльной стороной ладони убирая от глаз непослушные прядки, — и встретила со мной глазами. Без того розовые щеки ее стали совсем красными.

— Не будет ли любезен господин волшебник... — пролепетала она, — позвать господина своего слугу, чтобы карниз...

Она запнулась.

— Что, милая? — переспросил я благосклонно.

— Карниз... Протереть... — прошептала она, — высоко, я не достану...

Я понял наконец — она собиралась стереть пыль с карниза над окном, до которого ей было, как до неба.

— А моего бездельника нет, — сказал я огорченно, — я, видишь ли, услал его сегодня с важным поручением. Что же делать?

Она покусала губки, потом решительно тряхнула головой и полезла на подоконник.

Будь ее рука хоть вполовину длинней, она, возможно, дотянулась бы до карниза, став на цыпочки. Я понаблюдал за ее отчаянными акробатическими упражнениями, потом подошел сзади, взял ее за талию и поднял повыше.

Весу в ней было, как в годовалом котенке. Под корсетом прощупывались теплые ребра. Дернувшись от неожиданности, она вскоре затихла, повисела минуту без движения и наконец стряхнула мне на голову щепотку мелкой белой пыли.

Я осторожно поставил ее на подоконник. Не глядя, она соскочила на пол и кинулась к своему ведру, будто ища у него помощи и защиты.

— Вот и справились, — сказал я мягко.

Васильковые глазки были широко распахнуты, худая грудка под передником ходила ходуном.

— Волшебники странный народ, Мирена, — начал я, делая шаг ей навстречу. — Им приходится путешествовать, сражаться с чудовищами, помогать людям... Тебе, например, нужна помощь?

Она отступила, держа перед собой тряпку, как белый флаг. Я улыбнулся мудро и устало:

— Дитя мое, волшебники не такие, какими кажутся... Посмотри на меня. Ты видишь, я молод? Но я уже повидал такое, чего тебе никогда не вообразить... Оставь свою тряпку. Я совершил множество подвигов... А теперь я хочу покоя. Положи тряпку на пол. Просто покоя, и чтобы в печке трещал огонь, и нежного друга рядом... Брось тряпку, в конце концов!

У нее были сухие, горячие губы. Тряпка шлепнулась на пол, подняв фонтан брызг.

— О, господин волшебник... — шептала пичуга, вздрагивая и отстраняясь. — Я всегда робела перед важными господами... А колдунов вообще не видела... Нет, я знаю свое место, господин волшебник! Я просто служанка, я боюсь высокородных!

— Не бойся меня, дитя мое... Я беспощаден к врагам, но ты — ты другое дело...

Я взвалил ее на плечо и поспешно поволок в спальню. Предательски скрипнула входная дверь.

Конечно, это был Ларт, вездесущий, вовремя появляющийся Ларт, ответивший на мое замешательство скептической улыбкой.

Мирена отдувалась, поправляя чепец.

— Я не помешал, мой господин? — спросил Легиар заботливо.

Я промямлил что-то нечленораздельное, а пичуга вдруг спохватилась:

— Ах, господин слуга! А я же не убрала у вас в комнате!

И, подхватив ведро, тряпку и щетку, она нырнула в комнатушку для прислуги. Ларт проводил ее оценивающим взглядом, хмыкнул и неспешно двинулся следом. Я остался стоять посреди гостиной, в луже воды.

Мирена не возвращалась. Звук тряпки, возимой по полу, вскоре стих. Я подошел к портьеру, закрывавшей вход в комнату для прислуги, и прислушался. Знакомый тонкий голосок повторял возбужденно:

— А я тогда говорю, что боюсь важных господ, особенно волшебников!

— А слуг не боишься? — деловито поинтересовался Ларт.

— Слуг — нет... — смущаясь, ответила пичуга.

Стало тихо. Потом тонкий голос просительно залепетал что-то, явственно произнесенное несколько раз «не надо». У меня свело челюсти.

За портьерой упало что-то тяжелое. Просительный голос испуганно вскрикнул, на секунду превратился в умоляющий, потом затих. Что-то успокаивающе проворковал Ларт.

Гулко ударили часы на башне.

Я почувствовал, что у меня промокли ноги, повернулся и пошел прочь, скрываясь от оглушающего страстного шепота.

И тут меня остановил странный, не имеющий отношения к страсти звук — пугающий, негромкий, но внятный, как шипение ядовитой змеи. Вскрикнул Ларт — я не слышал раньше, чтобы он так кричал. Это был крик испуганного человека. Я кинулся назад и одним махом откинул портьеру.

Мирена, маленькая глупенькая Мирена стояла посреди комнаты в одной сорочке, с распущенными по плечам, растрепанными волосами. Лицо ее изменилось до неузнаваемости, глаза закатились под лоб. Рот был полуоткрыт, губы и язык не шевелились, и все же внятно, совершенно явственно из ее горла вдруг донесся чужой, низкий голос:

— Она... Она наблюдает... Ищи, Легиар... Ее дыхание среди нас, среди нас... Ей нужен Привратник...

Я набрал в грудь воздуха, чтобы заорать что есть мочи. Ларт предупредил это намерение и быстро зажал мне рот рукой.

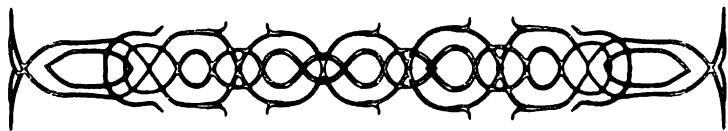
А с неподвижных губ Мирены слетало, чередуясь с шипением и странным пузырящимся звуком:

— Она идет... Она на пороге... Ожидает... Ждать — недолго... Ржавчина, ржавчина! Помни, Легиар! Огонь, загляни мне в глаза. Рваная дыра, где было солнце. Посмотри, вот лезвие исходит слезами, она, она...

Мирена вдруг прерывисто вздохнула, дернулась и опустилась на пол. Мы оба кинулись к ней.

Она попросту спала — крепко и безмятежно, как ребенок.

— Знамение, — прошептал бледный Легиар. — Знамение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСПЫТАНИЯ

ето перевалило через свой полдень и потихоньку, ни шатко ни валко, двинулось навстречу неминуемой осени.

Теперь он хромал меньше и мог преодолеть большее расстояние, прежде чем падал от усталости.

Днем солнце удивленно таращилось на странного человека, который с достойным удивления упорством шел бесконечными, пыльными и поросшими травой дорогами — шел вперед без цели и надежды, просто затем, чтоб идти. Ночью звезды равнодушно смотрели, как он искал пристанища и часто, не найдя его, засыпал под открытым небом. Время от времени и солнце и звезды подергивались клочьями туч, бесновались грозы, проливались дожди — а человек все шел, без цели, без надежды, и не было, по-видимому, причины, которая могла бы заставить его остановиться хоть ненадолго.

Древние леса сменились редкими рощицами, а потом бесконечной степью, похожей на стол под ворсистой скатертью. Затем дорога, кажется, повернула — вдали замаячили подобию гор, но дорога повернула еще раз, решительно, круто, и горы остались где-то сбоку, чтобы вскоре скрыться совсем.

Люди, жившие в окружении лесов, были поджарыми и недоверчивыми; жители степи охотнее пускали путника на ночь, разрешали отработать ужин и часто давали ему в дорогу лишний кусок хлеба. Он пил воду из редких придорожных колодцев. Иногда колодец оказывался пуст, и тогда он страдал от жажды сильнее, чем от тоски. Степь угнетала его — ему казалось, что на него смотрят. Ощущение это порой было так сильно и явно, что, засыпая, он привык натягивать рваную куртку на голову.

Когда по дороге снова стали попадаться редкие рощицы, он ненадолго вздохнул свободнее, но потом вдруг пришло чувство некоего неясного беспокойства.

Однажды вечером он развел свой костер под одиноким деревом в чистом поле.

Трещали щепки в огне; их, впрочем, должно было хватить ненадолго, а достать огромную сухую ветку, сломанную когда-то бурей и нависавшую теперь над головой, у него не хватало сил. Побои, едва не стоившие ему жизни, напоминали о себе чаще, чем хотелось бы.

Он смотрел в огонь и вспоминал печку в маленьком доме, где сидит за оструганным столом печальная женщина, качает детскую кроватку и смотрит на белый лоскут, запятнанный кровью. Его рука бездумно опустилась за пазуху и извлекла сверток. Упала в темноту грязная тряпица.

Золотая ящерица смотрела изумрудными глазами в его потухшие глаза. Плясали отблески огня на грациозно выгнутой спинке.

Я проиграл, сказал себе Руал Ильмарранен. Я проиграл, теперь уже окончательно и бесповоротно. Мне никогда не вернуться к тебе, мне никогда не отомстить за то, что со мной сделали.

Будто ветер прошелся в древесной кроне у него над головой; вздрогнули простертые к небу высокие ветки. Нечто незнакомое, густое, темное поднялось волной в Руаловой душе, поднялось и перехватило дух. Там, внутри Ильмарранена, шевельнулось чувство, которому не было названия, и — наваждение! — он ясно услышал свое имя, его окликнули. Заметался, оглядываясь, — никого. Наваждение исчезло.

Догорал костер. Руалу нечем было поддержать гаснущий огонь. Он просто сидел и бездумно смотрел, как щепки обращаются в пепел. Ящерица смотрела тоже.

На некоторое время стало так темно, что Руал не видел ее глаз. Потом они снова озарились холодным светом — взошла луна.

Ну хватит, подумал Руал. Все было глупо с самого начала. Марран мертв, потому что Марран был магом. Стоит соединиться с ним в его смерти, чтобы в мир вернулась гармония.

Он тяжело поднялся — снова заболел отбитый бок. Ничего, подумал он с облегчением, теперь это ненадолго.

Где-то далеко, за лесами и цепью холмов, среди темноты проснулась женщина. Охваченная внезапным, беспричинным ужасом, вскочила, бросилась к спящему ребенку — но ребенок спокойно посапывал, прижав кулак к маленькой круглой щеке. А ужас не отступал, наоборот — усиливался, перехватывал дыхание, наваливался из темных окон, из дверных провалов, черный, удушливый, необъяснимый. Женщина стояла над кроваткой, слушала дыхание малыша и беззвучно шевелила губами, повторяя одно и то же слово.

Пояс Руала был короток, но крепок. Он снял его, в свете луны посмотрел на дерево — одна нижняя ветка была надломлена, но до другой, живой, надежной, при некотором усилии можно было дотянуться.

Руал устал, но мысль, что больше не придется ни к чему себя принуждать, подбодрила его. Он поднялся на цыпочки и перебросил конец пояса через нижнюю ветку. Потом подумал, что не следует бросать золотую ящерицу на произвол судьбы, вернулся к догоревшему костру, на ощупь нашел тряпицу и накинул ее на укорищенные изумрудные глаза. Осталось только выдолбить у корней яму и спрятать сокровище от постороннего взгляда.

Руал обошел дерево, выискивая укромное место. От ствола вдруг отделилась темная тень.

От неожиданности Ильмарранен едва не выронил сверток. Перед ним, в трех шагах, стоял крупный волк.

— Нет, — сказал ему Руал, овладев голосом. — Это ты раненько. Уходи. Потом.

Волк переминался с лапы на лапу. Руал оглянулся на костер — головни давно погасли.

— Вот что, — обратился он к волку. — Я занят серьезным делом и не желаю иметь свидетелей. Если ты не уберешься, будет плохо нам обоим.

Ответом ему было жалобное поскуливание. Руал смотрел на волка во все глаза. Волк отвечал ему взглядом, означающим, по-видимому, робкую просьбу о покровительстве.

— Слушай, ты... — начал Руал.

Волк сделал несколько неуверенных шагов ему навстречу. Руал замахнулся — волк отскочил и разразился горестным лаем.

— Ах, ты... — выругался Руал.

Он повернулся и пошел к своему поясу, свисавшему с нижней ветки. Собака постояла и направилась за ним.

Руал взялся за веревку, закрепил ее конец на ветке, подергал — надежно. Оглянулся — пес снова стоял в трех шагах. Сжав зубы, Ильмарранен принялся скручивать петлю. Обернулся рывком — пес стоял.

— Не смотри, — попросил Руал.

Пес переступил с лапы на лапу. Руал снова замахнулся — тот отскочил, но уходить не собирался.

Руал раздраженно отшвырнул петлю — она раскачивалась, как качели над обрывом. Ильмарранен плюнул и вернулся к погасшему костру.

Пес робко подошел к нему и прижался к ногам теплым, мохнатым боком.

Погожим утром на околице степного поселка развернулся базар.

Связки ярких, лаково лоснящихся овощей цветными ожерельями свешивались под лоскутными навесами, грозя опрокинуть деревянные стойки. Добродушно взреывали продавцы, потрясая товаром и хватая проходящих за полы. Под ногами то и дело шныряли ребяташки, норовя стянуть, что плохо лежит; зеленой горой высились арбузы, золотисто-желтой — дыни. Где-то уже плясали, ритмично взвизгивая под аккомпанемент залиистой дудочки и встряхивая огромным бубном; где-то крикливо переругивались, пересыпая взаимные обвинения длинными красочными проклятиями. Гнусаво тянули нищие, живописно развесив лохмотья.

Руал брел мимо свиных туш, поддетых на крючья, мимо связок копченых колбас, мимо пирамид белого, как сахар, сала и бочонков желтого меда. Следом неотвязно тащился серый, большой, похожий на волка пес, тащился, понуро опустив голову, поводя рваным ухом. Оба были мучительно голодны.

Низкорослый крестьянин, сопя, разгружал телегу с мукой, переносил мешки под навес. Руал попросил растрескавшимися губами:

— Возьмите в помощь...

Тот покосился на него, крикнул и кивнул благосклонно.

Мешки прижимали к земле, натирали спину тугими боками, норовили вырваться из онемевших рук. Руал вспомнил, как работали подмастерья на мельнице Ханта.

Наконец белая от муки телега опустела. Руал, сгорбившись, стоял перед низкорослым. Тот еще раз крикнул, нашел в полотняной сумке кусок хлеба и кусок сыра:

— На...

Ильмарранен взял.

Неподалеку, под другой опустевшей телегой, сидели на соломе и жевали бублики две пышные, празднично одетые молодки. Руал подошел несмело, постоял, попросил разрешения сесть рядом. Ему милостиво кивнули.

Солома была свежая, душистая, золотая. Сухой хлеб таял во рту, сыр же казался неслыханным лакомством.

Подошел пес, глянул на Руала печальными, все понимающими глазами. Руал вздохнул и отломил ему кусок.

— Нездешний? — спросила одна из молодок, смутлая и румяная добрячка.

Ильмарранен кивнул, тщательно и с наслаждением жуя.

Мимо проходили десятки ног — в смазанных сапогах, в дырявых башмаках, а чаще босых, черных от загара. Дно телеги с крупными щелями нависало над головой, защищая от жаркого августовского солнца. Пес доел без остатка выданный Руалом кусок и пристроился за колесом.

— Твоя собака? — спросила другая молодка, тоже румяная, но с россыпью веснушек по всему лицу. — Ух и здоровая, ужас!

Руал покачал головой:

— Прибилась...

Первая молодница покончила со своим бубликом и извлекла откуда-то горсть жареных орешков. Щелкая орешки, спросила неспешно:

— Ну, что нового?

— Где? — не понял Руал.

— В мире... Ты ведь странник?

— Странник, — ответил Ильмарранен, подумав.

— Ну, чего видел?

Руал соображал непривычно медленно, туго. Мучительно потеряв переносицу, он выдавил наконец из себя:

— Везде люди... И жизнь тоже... Везде...

Молодицы потеряли к нему интерес.

Руал сидел и с горечью пытался вспомнить хоть одну из своих прежних цветистых речей, способных заворочить слушателей на долгие часы. По деревянному ободу колеса полз зеленый клоп-черепашка.

На телегу, под которой они расположились, кто-то грохнул пустую бочку. Сверху посыпалась пыль и отдельные соломинки, молодницы в один голос разругались, им ответил густой добродушный бас. Ильмарранен понимал, что пора уходить.

— Слышь, ты, странник, — спросила вдруг чернявая, — а что про оборотня слыхать, не знаешь?

Руал удивился:

— Про оборотня?

Чернявая всплеснула руками:

— Глянь, вся округа про оборотня говорит, а этот глаза разинул!

— Ну, оборотень, волчище такой! — снисходительно объяснила рябая. — То человек он, и не отличишь, а то волк здоровый, людей жрет. Десятерых уже загрыз, и не выследить.

В этот момент обладатель густого баса грохнул на телегу вторую бочку, похоже, наполовину полную.

Чернявая, искусно ругаясь, вылезла наружу. Руал кивнул веснушчатой и выбрался тоже. Поджидавший его пес вскочил и завилал хвостом.

— Вот пристал, — сказал ему Ильмарранен.

Базар жил своей горластой, пестрой, неугомонной жизнью. В загонах для скота исступленно блеяли овцы, покорные крестьянские кони погружали морды в висевшие у них на шее мешки с овсом, тускло поблескивала снулая рыба на скользких от чешуи прилавках. Руал искал, где бы подработать еще. Пес не отставал ни на шаг, пока толчея не занесла обоих в глубину мясных рядов.

Здесь случилось маленькое приключение — из гуши кровавого царства мясников явилась вдруг свора огромных, требухой откормленных собак. Руалов пес издал что-то вроде «Ах!» и сел на хвост, будто у него подкосились ноги. В следующую секунду свора, подняв непереносимый для уха гвалт, ринулась на чужака в атаку, сразу перешедшую в погоню.

Руал остался стоять на месте, беспомощно оглядываясь, бессильный что-либо предпринять. Лай и визг стремительно отдалились, потом ненадолго приблизились снова, потом растворились в базарной многоголосице.

Ильмарранен почувствовал себя невозможно, непереносимо одиноким. Глухо стучали топоры мясников о колоды для разделки туш.

— Не стой на проходе, разиня!

Руала сильно оттолкнули в сторону; стараясь удержаться на ногах, он ударился о чью-то спину. Обладатель спины покачнулся, но устоял. Ильмарранен ухватился за деревянную стойку, удерживающую лоскутный навес.

— Извините... — пробормотал Руал.

Человек, которого он толкнул, был худощав, невысок и одеждой более похож на горожанина, чем на жителя села. Сейчас на его тонком смуглом лице лежала цветастая тень от навеса, в тени приветливо зеленели узкие ироничные глаза.

— Ничего, — отозвался незнакомец негромко, — бывает.

Ильмарранен, продолжавший его разглядывать, смутился и опустил взгляд.

Откуда-то явился хозяин навеса, прикрикнул на обоих:

— А ну, давай, не загораживай товар!

Незнакомец усмехнулся снисходительно и отошел. Руал, сам не зная зачем, отошел следом.

— Нездешний? — спросил его незнакомец.

— Вроде... странник, — отозвался Ильмарранен.

Тот покивал.

— Вы будто тоже... не отсюда, — после паузы предположил Руал.

— Я коммерсант, — охотно сообщил незнакомец, — путешествую, прицениваюсь...

Они медленно шли между рядами. Солнце стояло в зените, базар безумствовал.

— Изобилие, — сказал коммерсант. — Но не хватает той экзотики, которая так мила сердцу аристократа. Как вы думаете?

Руал пожал плечами.

— Свен, — представился торговец и протянул Руалу узкую ладонь. Ильмарранен механически ее пожал, потом вспомнил, что надо представиться в ответ:

— Руал.

— Я северный человек, Руал, — продолжал неспешно

Свен, — эта степь богата, но монотонна... Вы не хотели бы присесть?

Они устроились на каких-то мешках в тени крохотного дощатого сарая, служившего складом. Этой же тенью воспользовались двое девчонок-подростков, обе с корзинками и с пестрыми платками на головах.

— Вы, кажется, тоже пришли с севера, — предположил Свен, с удовольствием вытягивая усталые ноги. — Вы должны меня понимать. Я скучаю по лесу, клубкам корней, заросшим оврагам, непроходимым орешникам, лесным озерам... Здесь сухо и скучно. Степь, как блудница, равнодушно стелется под любой из трех сотен ветров...

— И негде спрятаться, — сказал Руал.

— Вот-вот! — с воодушевлением воскликнул его собеседник. — Именно!

Пристроившиеся рядом на мешках девчонки оживленно болтали; раз или два до ушей Руала долетело громко сказанное слово «оборотень». Он прислушался.

— Десять человек уже загрыз...

— Да пусть меня медом мажут, а я одна через поле не пойду!

— И я не пойду...

Свен заметил, что Руал слушает беседу девчонок, усмехнулся:

— Это они о чем?

— Об оборотне, — сказал Ильмарранен. — Вроде у них тут все оборотня боятся.

Свен пожал плечами, всем своим видом выражая недоумение по поводу столь незначительных и странных проблем:

— Они, видите ли, боятся оборотня... Им плевать на жару, на пыль, на солнце, у них по одному дереву на поселок и по одному колодцу на деревню, да и тот сухой... Оборотень!

И Свен извлек из-за пазухи флягу. Ильмарранен инстинктивно сглотнул.

— Пейте, Руал, — радушно предложил Свен, протягивая воду собеседнику.

Ильмарранен попытался отказаться, но Свен вложил флягу прямо в протестующе поднятую руку. Руал не устоял и прижался губами к горлышку. Острое наслаждение от прохладной свежей жидкости, струящейся по горлу, на несколько мгновений парализовало его, притупило мысли и подчинило волю. Завороженный счастьем утоления жажды, он чуть не выпил все до дна.

— Светлое небо, — пробормотал он, возвращая флягу. — Я, кажется, оставил слишком мало...

Свен не рассердился и не огорчился:

— Ничего... Мне хватит.

И он приложил флягу к губам.

Пронзительный женский визг, донесшийся от противоположной стороны сарайчика, заставил его поперхнуться. Девчонки, пристроившиеся рядом на мешках, вскочили, будто ужаленные. Шум базара на мгновение притих, чтобы через секунду разразиться тревогой и недоумением.

— Тьфу на тебя... — сказали из-под соседней телеги. — Что за чума так орет?

Визг сменился возбужденными, перепуганными причитаниями:

— В сарае, в сарае! Сзади хотел на меня кинуться!

Люди вытягивали шеи, кое-кто бросал торговлю и трусил к месту происшествия, бормоча заинтригованно:

— А чтоб тебе... Тьфу на тебя...

Свен откашлялся наконец. Предположил недовольно:

— Кошелек у нее срезали, конечно.

С противоположной стороны сарайчика собиралась толпа:

— Да чего? Кто?

— Обороте-ень! — с новой силой завопила женщина.

Свен подскочил и издал странный сдавленный звук, нечто вроде «Агм». Фляга дрогнула в его руке, и Руал мимоходом подумал, что коммерсант, похоже, трусоват.

Присоседившихся девчонок будто ветром сдуло. Из-под рядом стоящей телеги выскочил взъерошенный парень, заметался, сбивая любопытных с ног. Вокруг сарая завертелся людской водоворот — кто-то бежал прочь, кто-то лез поближе. Руал и его собеседник неожиданно оказались в центре событий.

— С ума посходили, — убежденно кивнул Свен. — Давайте посмотрим, Руал?

Такое предложение не вязалось с его предполагаемой трусостью.

Сквозь непрекращающиеся причитания женщины теперь пробивались другие голоса:

— Да кто видел, кто?

— В сарае...

— Попался наконец!

— Отойти! А ну, отойдите все!

Потом в людской галдеж добавились залиvistые голоса многочисленных псов — возможно, тех самых, встреченных Ильмарраненом у мясных рядов.

— Ну же, Руал! — Свен был возбужден и, кажется, весел. — Пойдемте посмотрим, как у местных жителей принято поступать с оборотнями!

Ильмарранен, не отвечая, приник к дощатой стенке сарая, заглядывая в круглое и довольно большое отверстие, оставшееся на месте сучка.

Внутри, в полумраке, к которому не сразу привык глаз, среди беспорядочно набросанных бочонков, кулей и деревянных ящиков бесформенной грудой дрожало забившееся в угол огромное, серое существо — Руал видел в пятне пыльного света только переднюю лапу и прижатое рваное ухо.

— Небо... — пробормотал Ильмарранен, отшатываясь. — Мой пес.

А события тем временем развивались своим чередом. С той стороны сарая держали совет:

— Подпалить — и все...

— Дурной — подпалить! Там у меня товару на два дня торговли...

— Вспомнишь свой товар, когда эта тварь на тебя кинется!

— Давайте, люди, собирайте солому.

— Вообще-то осиновый кол полагается...

— А кто в сарай пойдет, а? Солому собирай!

— На соседей перекинется! Все сгорит до пня...

— Отведите телеги! Заберите детей!

Вслед за Свеном Руал обогнул дощатое строенье и про толкнулся к совещающимся. Женщина, поднявшая крик, взалхлеб рассказывала любопытным:

— Волчище, ох и волчище! Шерсть дыбом... Как глянет — а взгляд человеческий, чуть не говорит... Я так и обомлела, а он — в сарай...

Кто-то засомневался:

— А ты не путаешь? Может, привиделось чего?

— Как же, привиделось! — взвилась женщина. — Я морду его запомнила, он в человеческом обличье тут шнырял... А волком стал — клычища до земли, и ухмыляется!

Кто-то подтвердил:

— Если ухмыляется, то точно он...

Недоверчивый не сдавался:

— Заглянуть бы, посмотреть...

— Только попробуй! Дверь, вишь, завалили и правильно сделали. А то обернется снова человеком и сбежит.

Любопытные опасливо ахали, в то время как у приваленной мешками двери распоряжался крепкий, серьезный мужчина в холщовом переднике:

— Соломой обложим вокруг... Стражу поставим, чтоб не вырвался. Дело серьезное, что нам твой товар! — прикрикнул он на хозяина сарайчика, пожилого робкого торговца, который ломал руки и чуть не плакал:

— Так на других же огонь перекинется, подумайте, люди! Это нельзя, это разорение!

Свен дернул Руала за рукав:

— Ох и решительный народ... Как думаете, подожгут-таки?

— Кого? — спросил Руал глухо.

Свен заморгал узкими зелеными глазами:

— Оборотня... Кого же еще?

Кто-то уже мостил солому вокруг сарая. «Волчище, волчище!» — стрекотала женщина, с которой все началось. Причитал хозяин обреченного товара. Шептались любопытные.

Руал повернулся и стал выбираться из толпы. Ему хотелось уйти — прочь, вон, куда глаза глядят, только бы не видеть и не слышать еще одной публичной расправы.

Люди галдели, шушукались, кто-то отважился глянуть в щелку и отскочил с криком: «Волк!» Руал ускорил шаг.

Из сарая вдруг донесся отчаянный вой — такой, от которого кровь стынет в жилах. Толпа отпрянула, кто-то сказал злобно:

— Подпалят тебя, так повоешь!

Руал остановился. Нет, подумал он. Только не вмешиваться. С меня хватит.

Вой возобновился с новой силой, тоскливый, безнадежный, предсмертный. Толпа улюлюкала. Ильмарранен, не осознавая, что делает, двинулся назад, расталкивая и распихивая, спотыкаясь и наступая на ноги. Нет, не вмешиваться ни за что. Пусть делают что хотят.

Охапки золотой соломы придавали сарайчику опрятный, праздничный вид. Люди бросали еще и еще. Вой стих.

Руал сделал последнее усилие и протиснулся вперед, оказавшись прямо перед человеком в холщовом переднике. Тот удивленно на него воззрился. Ильмарранен обернулся к толпе.

Мужчины, женщины, подростки, настороженные, перепуганные, раздраженные... Ничем не пронять. Ничему не поверят. Побьют, а сарай подожгут-таки. Светлое небо, зачем мне это все? Давно меня били?

— Поджигайте, дураки, — сказал Ильмарранен громко и снисходительно. — Давайте, сожгите свой товар, свои телеги, свои палатки. Думаете, оборотень вам простит? Да он явится к вам ночью, и утром вас найдут в постели остывшими, но с поджаренными пятками!

— Что ты несешь? — раздраженно спросил обладатель передника.

— Я несу?! — обернулся к нему Руал. — Да ты про оборотней что-нибудь знаешь? Ты знаешь, что такое разъяренный, убитый не по правилам оборотень? Ты хоть одно заклинание в жизни слышал?

Ильмарранен говорил убежденно, страстно, значительно. Толпа вокруг сомкнулась плотнее, загалдела громче, возбужденнее:

— Заклинание, говорит.

— На оборотня заклинание.

— А ведь верно...

— Да поджигай, не слушай...

Хозяин сарая подскочил к Руалу, схватил его за рукав:

— И я говорю, не надо жечь... И я то же говорю!

— Цел останется товар твой, — сказал Руал небрежно. — И вас, дураки, я спасу от кошмарной мести этой твари...

— Пошел вон, самозванец, — сказал человек в холщовом переднике, но как-то неубедительно, вяло сказал. Руал вскинул руки, призывая к вниманию:

— Сейчас. Я. На ваших глазах. Изгоню оборотня туда, откуда он пришел, в бездну! Оболочка его есть собака. Вы увидите своими глазами!

— Bravo! — раздалось из толпы. К Руалу выскочил взъерошенный Свен. — Слушайте его, люди! Он может! Он уже изгонял оборотня, он воскрешал мертвых, он говорил с ветром и травой! Слушайте чародея!

Что-то внутри Руала болезненно сжалось, но он не подал виду, снова воздел руки:

— Молчите! Замолчите на две минуты!

Стало относительно тихо. Руал повернулся лицом к сараю. Ему показалось, что он уже когда-то делал это. «Слушайте чародея»... Руала охватил страх перед неудачей. Он закусил губу, пытаясь не вспоминать лицо Барта, юноши с хутора. Герцог... Разбойники... Зачем он начинает все сначала, зачем он не может просто тихонько помалкивать, как все? Глупая, смертельно опасная игра.

За его спиной заволновалась толпа. Отступать было некуда.

— Изыди! — воскликнул он зычно.

Мгновенно восстановилась тишина. Руал набрал в грудь воздуха:

— Изгоняю тебя... В болото, в туман, в бездну бездонную, в бездну, слепящую тьмой... Не тронь человеческого тела, ни костей, ни крови, ни мяса, ни сердца, ни жил, ни печени... Заклинаю, изгоняю, в бездне замыкаю!

У него сорвался голос. Зато вдруг завывли окрестные, при молкшие до этого псы. Завывли на одной жуткой ноте и бросились наутек. В толпе случилась паника, кто-то торопился бежать, расталкивая других. Что это, подумал Руал. Рядом возвысил голос Свен:

— Откройте вход! Оттащите мешки, живо!

И, так как охотников не нашлось, взялся за дело сам.

Ильмарранен безучастно смотрел, как он ворочает мешки, надрываясь, оттаскивает их от входа. Потом Руал оттолкнул ногой последний преграждающий путь мешок, открыл низкую скрипучую дверь и шагнул в темноту.

Из угла загнанно смотрели на него два несчастных, измученных глаза.

— Иди сюда, — прохрипел Руал. Нашупал в полумраке ухо, влажный нос, вздрагивающий загривок. — Беги, — прошептал Ильмарранен. — Уходи отсюда. Сейчас...

Он потрепал пса по холке, потом решительно сжал в кулак шерсть на загривке и потащил к выходу, где пыльным лучом падал дневной свет в щель приоткрытой двери.

Толпа ахнула.

— Оболочка его есть собака, — сказал Ильмарранен как мог громко и разжал пальцы.

Зверь присел на секунду, оглушительно гавкнул и рванулся вперед, прямо на отшатнувшихся людей. Завизжали женщины, залились лаем собаки — а огромный серый пес неся, спасая свою жизнь, и мгновенно скрылся из виду, сопровождаемый всеобщим страхом и собачьей сворой. К Ильмарранену подошел Свен, лучезарно улыбнулся, ни слова не говоря, покачал головой и пожал ему руку.

— Спасибо, я сыт, — бормотал Руал, отпихивая блюдо с телячьими отбивными. — Достаточно, хватит...

Он отяжелел и несколько осоловел от обильной, сытной, любовно приготовленной пищи. Угощали хозяин сарайчика и несколько поклонников, появившихся у Руала в результате подвига с оборотнем. Рядом за столом пристроился Свен — тот ел мало, зато без конца говорил:

— Поразительно! Я диву даюсь! За десять минут избавить людей от оборотня, который замордовал всю округу! Дорогие мои, этот человек спас ваш товар и ваши жизни. И как легко и вместе с тем как мужественно! Браво, дорогой Руал. Хозяин, дайте ему еще печенки.

Ильмарранен мотал головой, отказываясь; огромными глотками истреблял молодое вино и благодарно улыбался Свену.

Когда никто не слышал, тот приближал свои губы к Руалову уху и шептал, давясь смехом:

— Браво, Руал! А когда вы сообразили, что это пес?

Или:

— Значит; рваное ухо? Комедия, настоящая комедия!

Руал неизменно пожимал плечами и изрекал снисходительно:

— Не смешите людей, Свен... Какой оборотень средь бела дня?

Тот хохотал беззвучно, заразительно, до слез.

Опускался душный вечер жаркого дня; утихал, разбредался базар. Тянулись вереницы телег домой, в поселок, гости же из-

далека устраивались у костров, готовясь тут, под возами, и ночевать. На уцелевший после визита оборотня сарайчик был навешен огромный замок, хозяин долго прощался с Руалом, благодарил, жал руку. На остывающем небе зажглись первые звезды.

— Куда вы теперь? — спросил Свен, когда вдвоем они брели пустеющей дорогой. — Где заночуете?

— А я не буду ночевать, — задумчиво отозвался Руал. — Я пойду... Ночью идти не жарко.

— Не сидится, — понимающе кивнул Свен. — Тянет вперед, неизвестно куда, лишь бы в дорогу, лишь бы идти, будто подошвы зудят... Ведь так?

— Да, — отвечал Руал, удивленный.

— Вот и меня, — сказал Свен.

Некоторое время они шли молча, миновали засыпающий поселок и вышли на широкую, вдаль ведущую дорогу. По всей степи гремели хоры цикад.

— Мы чем-то похожи, — нарушил молчание Свен. — Мы в чем-то сородичи, мы оба отличаемся от остальных двуногих... Может, вы и не заметили, Руал, что я не такой, как прочие. Но я-то сразу понял это про вас... Мы оба совершаем необъяснимые на первый взгляд поступки. Вы вот спасли собаку, а зачем?

Руал пожал плечами:

— Терпеть не могу казни... И палачей.

Они снова замолчали. Ночной ветер носил запахи сотен целебных трав. Над головами путников матовой дугой изгибался Млечный Путь.

— А вы вот мне помогли, — сказал Руал. — А зачем?

Свен рассмеялся:

— Необъяснимо! Впрочем, мне было любопытно. Раньше я никого не спасал.

Из-за горизонта неспешно выползала красная, как горячий уголь, луна. Свен все больше воодушевлялся, посмеивался про себя, то и дело дружески хлопал Руала по плечу, напевал что-то без слов и мелодии. Задорно светились его зеленые глаза.

А луна поднималась, огромная, круглая, меняла цвет, наливаясь желтым. Неправильной формы пятна придавали ей сходство с равнодушным, застывшим лицом. Свен почти приплясывал:

— Ах, дорогой Руал! Что может быть лучше, чем идти вот так по ночной, пустынной степи, глазеть на луну, дружески болтать? А вы великолепный собеседник, вы умеете слушать... Нечасто встретишь аристократа духа, подобного вам... Однако пришло время расставаться. Навсегда. Прощайте, дорогой Руал.

Он остановился посреди дороги. Ильмарранен недоумен-

но огляделся — ни строения, ни огонька. Свен смотрел на него, усмехаясь:

— Приятно было познакомиться, друг мой.

Он сладко зевнул, и в свете белеющей луны Руал увидел стремительно удлиняющиеся, хищные, нечеловеческие клыки.

Ильмарранен вскрикнул и замер, пригвожденный к дороге, не в силах издать больше ни звука. Свен ухмыльнулся — полыхали зеленым узкие глаза, клыки отражали лунный свет, как костяные лезвия. Выверенным сильным движением коммерсант оттолкнулся от земли, опрокидываясь назад; перевернувшись в воздухе, он упал на четыре лапы — огромные, страшные орудия убийства.

Они стояли друг против друга — беспомощный, ослабевший от ужаса человек и чудовище-оборотень, палач по призыванию.

Верещали цикады.

Спустя минуту, показавшуюся Руалу вечностью, оборотень медленно растянул узкие черные губы, из-под которых торчали клыки, хлестнул себя по боку мускулистым хвостом и, неспешно повернувшись, нырнул в темноту.

Руал стоял на дороге, не в состоянии пошевелиться.

* * *

Зловещее приключение с девушкой Миреной ускорило наш отъезд из города Карата. Мы снова дышали дорожной пылью, снова ночевали в трактирах и приютах.

Положение мое становилось все более неудобным и несвободным — любые разговоры я должен был вести под наблюдением Ларта, под строгим запретом оказались самостоятельные прогулки и знакомства. Легиар стал нервозен, несдержан и то и дело срывал на мне раздражение. Однажды, налетев в темном гостиничном коридоре на тяжелую ветвистую вешалку, он в приступе бешенства вышвырнул ее в окно — а ведь назад ее пришлось тащить двум дюжим парням, и они, между прочим, едва с ней справились!

В более-менее крупных поселках мы останавливались на день, на два, и тогда хозяин запирал меня в тараканьем номере плохонькой гостиницы — именно запирал, лишая возможности самому выбраться или впустить какую-нибудь Мирену с пузырящимися проицаниями на устах. Как будто я виноват был в сумасшествии Орвина, во всех этих дурацких шуточках и историях о «Третьей Мифической»! Как бы то ни было, путешествие все более и более меня угнетало.

Наконец мы прибыли в город Фалет, который был вполнину больше и значительнее Карата, но вполнину меньше мне понравился. Снова зеваки заглядывались на нашу карету,

а слуги в гостинице толкали друг друга локтями и шептали: «Волшебник, маг!» Вся эта шумиха и суета угнетали меня, а вовсе не радовали.

Первый вечер в гостинице ознаменовался чрезвычайным и неприятным событием. В пламени камина обнаружился Бальтазарр Эст.

Конечно, не он сам, а только лицо его, желчное и злое, отражавшееся будто в невидимом зеркале. Я, с каминными щипцами в руках, охнул и отскочил, а хозяин опрокинул тяжелое кресло, на котором сидел.

— Это как же понимать, Легиар?! — без всяких предисловий прогнусил Эст из камина. — Вы отдадите себе отчет, что освобождение Маррана...

Не издав ни звука, Ларт выхватил у меня тяжелые щипцы и яростно ткнул ими в горящие поленья. Изображение Эста заколебалось и растаяло с негромким шипением.

Хозяин сделал вид, что ничего значительного не произошло, но всю ночь не давал мне спать, расхаживая по комнате.

Дальше все пошло, как прежде.

Запертый в номере, я, приученный к долгому вынужденному одиночеству, взялся раскладывать пасьянсы. Это занятие давно было моей единственной отрадой, за долгие тоскливые часы старенькие карты поистрепались так, что трудно было отличить даму от короля. Я перекладывал их так и сяк и думал, за что мне такая судьба, и чего хочет мой хозяин, и не сбегать ли вообще, когда повернулся ключ в дверной скважине и на пороге встал Ларт, да какой! Уже очень давно он не был так воодушевлен.

— Ну наконец-то что-то стоящее! — воскликнул он почти весело. — Собирайся-ка, господин волшебник, у нас сегодня важнейший визит! — И одним движением он смел мои карты, а пасьянс между тем подходил к концу и удачно раскладывался, а это бывает так редко!

Исполненный тоскливого предчувствия очередной авантюры, я почистил черный с серебром костюм — парча уже истерлась, кое-где торчали неопрятные нитки, — сапоги и потускневшую шпагу в ножнах. Я одевался через силу, а Ларт расхаживал по комнате, шелкал пальцами и говорил без умолку (это он-то!):

— Она купчиха и владелица нескольких мануфактур, местная знать за ней бегает, испрашивая подачки, мэр задолжал ей на годы вперед, половина товаров на рынке — ее... Но самое интересное — она, эта золотая грудa, слывет колдуньей, ни больше ни меньше! Какой-то у нее черный кот, составляющий снадобья, и какая-то книга...

Он водрузился на стол, опрокинув тощим задом пустой подсвечник. Я мрачно внимал ему, натягивая сапоги.

— Книга! — повторил Ларт вожделенно. — По некоторым признакам можно судить, что это — ты только вдумайся — одна из ранних копий Завещания Первого Прорицателя!

Небо, опять!

— Вы говорили, что его на самом деле не было, — напомнил я.

Он вскочил:

— Это предстоит выяснить... Подлинность книги — раз, — он загибал длинные пальцы, — тексты о явлении Третьей Силы — два, и это главное... Твое дело — очаровывать старушку, восхищаться ее волшебным даром и выдурить книгу хоть на полчаса... Она ею дорожит, прячет и не продает ни за какие деньги. Но тебе как собрату по чародейству покажет. Я на этот раз буду чем-то вроде твоего ученика, допущенного к сокровенным тайнам, ясно?

Он посмеивался и потирал руки, а я нахлобучивал шляпу перед зеркалом, корча рожи, когда он отворачивался.

Впрочем, купчиха была не так уж стара. Она и недурна была, пожалуй. На ее холеном белом лице без труда читались привычка и вкус к неограниченной власти, а зал, где нас удостоили аудиенции, обставлен был под «пещеру колдуньи» — связки сушеных трав на стенах, чучело гигантской жабы под потолком, змеи в птичьих клетках и клубы дыма из камина — вероятно, там курились какие-то благовония.

Хозяйка восседала в резном кресле с высокой спинкой, облаченная в некое подобие шелкового плаща. Я приложился к крепкой, источавшей запах духов руке и получил в ответ благосклонный кивок головы, покрытой капюшоном. Далее мне был предложен обитый бархатом табурет, и завязалась церемонная беседа.

Мне пришлось выслушать длинные рассуждения о свойствах эфира, метаморфозах трав, возникновении ничего из ничего и перехода в чего-то, наваждениях и снах, о значении числа пятнадцать с половиной и технологии приготовления чучел из ежей. Время от времени она спрашивала моего мнения по особо важным вопросам, и тогда Ларт, стоящий за моей спиной, больно щипал меня за лопатку, а я ерзал на табурете и восхищенно повторял зазубренную перед этим фразу:

— Ваши знания, миледи, несомненно, достойны чести вызывать удивление своей незаурядной глубиной и свойствами, труднодостижаемыми даже для убеленных сединами патриархов магического искусства.

Купчиха довольно улыбалась и с еще большим воодушевлением продолжала свои выкладки.

В разгар этого разговора в дверь постучали, вошел щуплый пожилой человек — управляющий, как я понял — и, извинив-

шись, зашептал на ухо купчихе нечто, заставившее ее лицо налиться лиловой краской.

— Болван! — рывкнула она в точности, как это делают базарные торговки. — Неужто не ясно, что по пятьдесят? А если эти недоумки требуют скидки, то пусть идут в болото!

Управляющий зашептал быстрее и убедительнее, и тогда магическая дама, раздувшись, как шар, ткнула ему прямо под нос ловко скрученную фигу:

— А вот им! Так и передай!

Управляющий, кланяясь, удалился, а купчиха-колдунья мило мне улыбнулась, пробормотав в извинение:

— Ах, мой господин, дела, все дела...

И чопорная беседа продолжалась как ни в чем не бывало.

Ларт начал проявлять нетерпение — тыкать мне в спину костяшками пальцев и шипеть едва слышно:

— Книга! Книга!

Я дождался момента, когда купчихе понадобилось набрать воздуха для последующей тирады, и быстро вставил в образовавшуюся паузу:

— О миледи, не только ваши знания, но и некоторые принадежащие вам ценные вещи известны далеко за пределами...

Она самодовольно улыбнулась:

— Очевидно, действительно пришло время показать вам кое-что...

И, вытянув шею, трижды прокричала мелодично:

— Кошмар! Кошмар! Кошмар!

Я не успел сообразить, что же так ее ужаснуло, но в эту минуту дверь отворилась, и мне показалось с первого взгляда, что никто не вошел, — но только с первого взгляда, потому что вошедший был невыносимых размеров черный котик с золотой цепочкой на шее.

— Кошмар, друг мой, подойдите, познакомьтесь с нашим гостем, магом Дамиром! — елеиным голосом сказала купчиха коту.

Кот покосился на меня сытым желтым глазом. Ларт так щипнул мою спину, что я подскочил:

— Э-э-э... мне очень приятно, собственно, я имел в виду...

— Кошмару известны сокровенные тайны бытия, — не слушая меня, продолжала купчиха, — он обладает даром заглядывать в будущее...

Кот потерял о мои колени, потом о ноги Ларта. Я слышал, как Ларт скрипнул зубами, и поспешно перебил:

— Однако, миледи, хоть слава вашего волшебного кота и гремит за пределами...

Ларт приглушенно взвыл. Я оглянулся в испуге и увидел, что Кошмар висит у него на плече, вцепившись всеми восемнадцатью когтями в его камзол. Легиар тряхнул рукой — кот

тяжело спрыгнул на пол и посмотрел на Ларта с холодным презрением.

Купчиха окаменела лицом:

— Ваш слуга недостаточно вышколен, — сказала она ледяным тоном. — Его счастье, что Кошмар мудр и кроток...

Подтверждая свою мудрость и кротость, кот задрал заднюю лапу и принялся выкусывать под хвостом.

— Этот лакей недавно у меня на службе, — сказал я, чтобы загладить неловкость. Купчиха тем временем поманила Ларта пальцем:

— Иди-ка сюда, мошенник...

Легиару ничего не оставалось делать — он подошел. Купчиха долго его разглядывала, потом спросила меня с некоторым упреком:

— Неужели вы не могли найти лакея получше? У этого неприятная рожа, к тому же он наверняка таскает у вас мелочь.

Ларт стоял ко мне спиной, и я, к сожалению, не видел выражения его лица.

Тем временем дама закончила изучение Ларта и, явно недовольная им, махнула рукой, указывая куда-то в глубь комнаты:

— Чем стоять столбом, подай-ка плед... Вон он, на кресле...

Легиар покосился на меня и отправился за пледом. Я никогда не видел Ларта, подающего и прислуживающего, и это зрелище неожиданно мне понравилось.

— Безделье развращает слуг, — сказала купчиха наставительно. Кошмар взобрался к ней на колени и оглушительно заурчал.

Ларт негнушейся рукой протянул купчихе плед, но она сдвинула брови и не притронулась к нему:

— Кто так подает, болван? Что ты ходишь вразвалочку, как на бульваре? Отнеси назад и потом подай снова, как положено!

Зависла пауза. Я, замерев, ждал, как поступит Легиар. Тот постоял секунду, потом повернулся и потащился на исходную позицию.

Вот тут-то я и ощутил сладостное чувство мести. Мне вспомнились все мои злоключения, званый ужин в ратуше, девушка Мирена и разлетевшийся по полу пасьянс. Я почувствовал непереносимое желание хоть секундочку побыть господином Ларта-слуги. Хоть одну секунду!

Легиар тем временем прошелся по кругу и раздраженно ткнул плед прямо под нос купчихе. Та сдвинула брови еще недовольнее:

— Кто тебя учил, негодяй? Что ты суешь мне его, вместо того чтобы подать с поклоном? Еще раз!

Ларт взглянул на меня — но я предусмотрительно отвернулся, будто происходящее меня вовсе не касалось. Ларт пус-

тился в свой путь сначала, а я вздохнул и сказал — клянусь, какой-то пес меня дернул за язык! — сказал небрежно:

— Благодарю, миледи, что вы любезно помогаете мне вышколить слугу.

Ларт издал странный скрипящий звук — вероятно, зубами. Купчиха милостиво мне кивнула, а Легиар вдруг изящно присел и с глубоким поклоном протянул ей этот окаянный плед.

— Это другое дело, — удовлетворенно заметила купчиха.

И тут я испугался. Небо, зная Лартову гордость и злопаятность, можно ожидать теперь, что он никогда, никогда, никогда не простит мне этой минутной слабости, этого желания его унижить!

Тем временем Ларт смиренно занял свое место у меня за спиной. Его смирение казалось мне зловещим, я предпочел бы, чтобы он прощипнул меня до кости.

Необходимо было срочно себя реабилитировать. Следующие пять неприятных секунд я соображал, как.

— Книга! — наконец воскликнул я, подпрыгнув. — То есть я хотел сказать, что великой честью для меня было бы созерцание драгоценной книги, жемчужины вашей магической библиотеки, чья слава идет далеко за...

Купчиха таинственно улыбнулась, почесывая Кошмара за ухом:

— О, все хотят ее видеть... Все о ней знают, все благоговеют пред ней, но видеть ее — о, это не всем доступно...

— Продолжая странствия, — сказал я быстро, — я мог бы нести славу о ней так далеко, как позволили бы крепкие колеса моей кареты.

Купчиха сощурилась, пощелкала языком, испытующе на меня взглянула и позвонила в колокольчик. Вошла горничная.

— Позови Руви, — распорядилась купчиха.

Через минуту явился Руви — смазливый тип в дорогой ливрее.

— Позови Куни, — сказала ему хозяйка.

Еще через минуту пришел и Куни — седой старичок в черном балахоне.

— Принеси ЕЕ, — велела шепотом купчиха.

Старичок поклонился, сложив руки на груди, и вышел, пытаясь. Мы ждали, затаив дыхание; наконец Куни вернулся, с превеликой торжественностью неся перед собой нечто, завернутое в черный бархат. Сверток водружен был на стол, купчиха проводила старика взглядом, а затем приказала Ларту:

— Ты, голубчик, отойди и стань вон там, под стенкой. Нечего тебе смотреть сюда, ни к чему...

Я взвился:

— Видите ли, миледи, я сейчас учу его некоторым простым вещам, и ему было бы полезно глянуть... Так, одним глазом.

Купчиха скептически поджала губы. Ларт шагнул вперед, не сводя глаз со свертка. Исполненная значительности, дама развернула бархатку. Под ее руками тускло блеснула золотая надпись на переплете.

— Обратите внимание! — похвалилась купчиха. — Это настоящее золото!

— Можно взглянуть? — спросил я, волнуясь.

Книга пахла плесенью, некоторые страницы слиплись, некоторые истлели. Я листал ее дрожащими руками, а Ларт тяжело дышал у меня над ухом:

— Дальше... Дальше... Вернись назад...

Текст был написан рунами и мне непонятен, кое-где встречались картинки — ох и жуткие картинки, надо сказать! Странные твари, разрезанные пополам и нарисованные как бы изнутри... Потом чертежи, изломанные линии, и снова знаки, значки, рисунки...

— Дальше... — дышал на ухо Ларт.

Но тут купчиха соскучилась и потянула книгу к себе:

— Обратите внимание, господин Дамир, здесь есть одно забавное место...

Она оттолкнула мои руки, поклонила пальцы и принялась листать в обратном порядке:

— Здесь... Вот... Смотрите!

Страница, на которую она указывала, была написана не рунами, а обыкновенными крупными буквами, даже немножко школьными. Вода пальцами, купчиха принялась прилежно вычитывать по слогам:

— ...И тог-да она вой-дет, и нас-танет вре-мя... Тут не понятно, чего... В откры-тую дверь вой-дет... Тут непонятно, кто-то войдет... И При-рав... Пре... а, Привратник!

Она обрадовалась, разобрав трудное слово.

— И При-вратник откro-ет... И вода за-густе-ет, как... чер-ная кровь... И что-то там изойдет слезами... Дос-той-ны завис-ти полень-я в оча-ге... С неба содрали... Что-то содрали. И она во-ца-рится, и При-вратник будет ей слу-гой и на-мест-ником...

Ларт слушал, подавшись вперед, я сглатывал и облизывал губы. Купчиха упивалась производимым впечатлением:

— Живу-щие... Пут-ник на зеле-ной рав-нине обре... а, обречен! Но маги — рыдай-те, вопия... вопияйте, кажется. Ваш жре-бий ужас-нее, чем... Не разобрать. Заки-пит над голо-вой... Не разобрать. И втянет во чре-во сво-е...

— Огонь, загляни мне в глаза... — сказал я неожиданно для себя.

Они оба посмотрели на меня — купчиха и Ларт. После паузы купчиха сказала:

— Вот-вот... Что-то похожее... Забавно, правда?

В этот момент Ларт стремительно выхватил у нее книгу и впился в нее глазами. Ему на руку было то, что купчиха обалдела от такой наглости и временно лишилась дара речи. Легиар читал, уткнувшись в покрытые разводами страницы, а купчиха молча выдирала у него свое сокровище, походя уронив на пол Кошмара. Ларт был сильнее — преимущество в этом поединке было явно на его стороне.

Купчиха неузнаваемо преобразилась в этой борьбе — чопорная колдунья исчезла, а на место ее явилась разъяренная базарная баба:

— Отдай, мерзавец! — завопила она, обретя наконец утерянный дар речи. — Хамло, тараканья пожива, лакейская морда! Эй! Эй!

Она потянулась за колокольчиком, но Ларт уже оставил книгу и, как ни в чем не бывало, встал у меня за спиной.

Купчиха подбоченилась, похожая на распухшую дождем грозовую тучу, и голосом, не обещавшим ничего хорошего, процедила:

— Или высечь негодяя тут же, при мне, или... — Она зашипела, как котел пара, и шипение это сулило неслыханные беды.

— Я высеку! — воскликнул я со слезами в голосе. — Клянусь небом, высеку! Как только прибудем в мой родовой замок...

Дама никак не могла успокоиться, и тут мне пришла в голову неожиданная мысль:

— А хотите, я его вообще... повешу? — спросил я с воодушевлением.

Наверно, Ларт как-то особенно отреагировал на это блестящее предложение, потому что купчиха быстро взглянула на него и вдруг смягчилась.

— Ничего, — сказала она примирительно, — порки, пожалуй, достаточно.

Ларт, очевидно, вздохнул с облегчением.

Купчиха успокоилась и, обретя душевное равновесие, снова взялась за книгу:

— Обратите внимание, здесь особенно красивый шрифт... И красные чернила!

И она принялась старательно, как ученица, складывать буквы в трудно произносимые сочетания.

Ларт вдруг больно впился мне в плечо. Потом кинулся вперед и положил руку на текст. Купчиха выпучила глаза.

— ЭТО нельзя читать вслух, — сказал Ларт вкрадчиво. — ЭТО вам вообще нельзя читать!

— Высеку! — закричал я, предупреждая купчихину реакцию. — Высеку, высеку, высеку, высеку!

— ЭТО опасно, — продолжал Легиар, повысив голос. — Если дорожите жизнью, откажитесь от этой книги!

Он захлопнул книгу и зажал ее под мышкой, отступая понемногу к двери и повторяя монотонно:

— Откажитесь... Откажитесь...

— Засеку до смерти! — орал я.

Купчиха тем временем впала в некий транс — слова Ларта действовали на нее заволаживающе. Взгляд ее остановился и затуманился.

— Откажитесь... — напевал Ларт, потом чуть повернул голову и бросил мне сквозь зубы: — Да заткнись же! — И снова: — Откажитесь... Откажитесь...

— Отказываюсь... — пробормотала купчиха, и тут случилось нечто необъяснимое.

Ларт вскрикнул, как от боли, и выронил книгу. Зашипели, извиваясь, змеи в птичьих клетках, закачалось чучело гигантской жабы под потолком. Захлопала соловыми глазами купчиха, а хозяин опрометью кинулся ко мне и цепко схватил за локоть:

— Немедленно уходим!

Книга дымилась!

Язычки пламени вырывались из-под желтых страниц, и страницы по одной сворачивались трубочками, поднимался к потолку дурно пахнущий желтый дым. Завыл и кинулся прочь Кошмар. Хриплым басом взревела купчиха.

— Прочь! — крикнул Ларт и волоком потащил меня к двери.

Он увлекал меня вниз, по парадной лестнице, мимо заматававшихся лакеев, мимо испуганной горничной и мальчика на побегушках, всем телом врзался в парадную дверь и, распахнув ее, вывалился на улицу, таща меня за собой. За нашими спинами бледно полыхнуло, и в доме купчихи занялся пожар.

Затерявшись в толпе зевак, мы видели, как сиганул из форточки Кошмар, как переругивались растерянно Руви и Куни, как бегали с ведрами лакеи и всплескивала руками горничная.

— Знамение... — бормотал Легиар. — Она не далась мне в руки... Какая книга... Знамение!

Похоже, он временно обо мне забыл — и слава небу.

* * *

Село было небольшое, зажиточное, опрятное, с невысокими плетнями вместо заборов. На длинных жердях сушились разнообразные глиняные горшки, расписанные цветами и пчелами. Гордостью местных жителей были улыи и еще старинный промысел — особенная роспись по глине в темно-медовых тонах, изображающая непременно цветы и непременно пчел.

Одинокая вдова, приютившая Ильмарранена на ночь, сама походила на пчелу — коричнево-золотая, полная, хлопотливая, она изо всех сил старалась угодить своему случайному

гостью. Руал ночевал на сеновале, где ему постелена была чистая постель. Сквозь крышу смотрели звезды — Ильмарранен поглаживал золотую ящерицу, притаившуюся у него на груди.

Утром вдова встала ни свет ни заря, напекла пирожков, усадила Руала за стол. Она щедро угощала его парным молоком и медом из собственных ульев, чтобы потом, усевшись напротив и опершись на локти, искать его взгляда темными матовыми глазами.

— Не спешил бы, — сказала она, когда Руал уже стоял в дверях.

Он улыбнулся виновато:

— Не могу... Должен идти.

Вдова горестно покачала головой и проводила его до ворот. Так он и запомнил ее — печальная, одинокая пчела, глядящая ему вслед, прикрываясь ладонью от солнца.

Далеко-далеко отсюда другая женщина тоже неотрывно смотрела на дорогу. Так же светило солнце, ветер так же поднимал столбы пыли, но дорога была пуста, и ожидание было тщетно. Никак не унимался ребенок; баюкая его, женщина шептала необычные, с трудом различимые слова, а успокоив ненадолго, снова наклонялась к окну и снова смотрела.

Дорога была пуста, а ожидание было тщетно.

Руал брел сельской улицей. Играла, отражая солнце крутыми боками; расписанные цветами и пчелами глиняные горшки на плетнях. Выскочили откуда ни возьмись две голенастые девчонки, поздоровались с прохожим, потом засмутились и брызнули прочь. Там и здесь в огородах маячили согнутые спины; где-то чинили крышу, и полуголые рабочие картинно восседали на ней верхом, мерно взмахивая молотками. Мрачно покосилась встречная старуха, удивленно вытаращилась на чужака чумазый малыш, копошащийся на куче песка. Выглянула из подворотни рыжая собака, забрехала без особого рвения, потом чихнула и скрылась. Руал улыбнулся.

Он миновал околицу, двинулся через луга, где высились копны сена, через поля, где горбились жнецы, берегом тихой речки, где ребяташки таскали карасей из ленивой, неподвижной, прозрачной до дна воды. В полдень он пообедал в компании маленьких рыболовов, угощая их пирожками, любовно приготовленными вдовой. В ответ получал свежий сыр, душистый хлеб и цветочный мед. Он жевал травинку и шурился на масляные блики, игравшие на ровной поверхности затонов, смотрел, как неподвижно зависали над водой тяжелые стрекозы, как сновали водомерки, как вертелись и ложились набок

пестрые поплавки. Он просидел бы на берегу до вечера, если бы не ждала его, понукая, подстегивая, пыльная лента дороги.

После полудня погода испортилась. Быстро сгустились нехорошие, свинцового оттенка тучи, и наступило затишье — зловещее, многообещающее. Руал ускорил шаг — впереди виднелись первые дома незнакомого поселка. В этот момент затишье оборвалось, как обрывается натянутая струна.

Рванул ветер, заметались придорожные деревья, сию секунду убежать и спрятаться, судорога прошла по золотому полю небурной пшеницы, и поле это вступило в черную, непроглядную тень. Небо предстало вдруг в красивой сетке молнии, и в ту же секунду победно ударил гром. Руал пригнулся и побежал, но крупный ледяной дождь преследовал бегущего, молотил по спине, бесчинствовал и издевался, пока Ильмаранен, задыхаясь, не добежал до накрытого сверху рогожей стога сена и не врылся, как крот, в его душистые недра.

Молнии хлестали одна за другой, дождь свешивался с темного неба неровными, медленно шевелящимися космами. Внутри стога было сухо, через неправильной формы дыру Руалу был виден кусок дороги и край пшеничного поля, из золотого сделавшегося серым.

Небо потемнело еще больше, сумерки сгустились, будто среди бела дня вдруг навалился вечер. Новая туча, явившаяся из-за реки, помедлила и разразилась жесточайшим градом.

Притихший Руал наблюдал со страхом, как пляшут ледяные шарики на размокшей, размытой дороге, как содрогается пшеница, как с треском лопаются придорожные лопухи. Потом туче наскучила игра, она выдохлась, отступила, град сменился дождем и сразу — дождичком, который вскоре утих совсем. Как ни в чем не бывало явилось солнце, чтобы осветить печальные следствия беззакония, учиненного градом.

Руал выбрался из своего убежища — под ногами у него хрустнули тающие под солнцем льдинки. Все вокруг имело жалкий, растерзанный вид.

Ступая, как по битому стеклу, он пошел в сторону пшеничного поля. Пролетела прямо у него над головой невеста откуда взявшаяся крупная ворона, угнездилась на поникшей ольхе, каркнула хрипло.

Пшеничные колоски были измяты, изломаны, искалечены. Все зерно высыпалось на землю.

— Они наслали на нас град! Они колдуны и чернокнижники! Спросите, почему их поля уцелели, а наши все погублены!

— Спросите... — хором загудела толпа.

— Почему туча обошла их угождая стороной? Почему мы должны теперь умирать с голоду?

— Колдуны! Колдуны! — кричали обозленные, почерневшие от ненависти люди.

Площадь посреди поселка была окружена линиями, покосившимися заборами, под которыми роскошествовала зеленая, в рост человека, крапива. Оратор стоял на огромной бочке посреди площади, затянутый ремнем поверх круглого живота, сам похожий на бочку с одним обручем. Односельчане его, понесшие в один день колоссальные убытки, толпились вокруг, наступая друг другу на ноги и горланы:

— Колдуны! Пчелятники — колдуны!

Человек на бочке вскинул руку:

— Разве мы не знали этого раньше? Разве пчелятники не катались в масле тогда, когда мы маялись в нищете? Разве не умер сынишка угольщика, искусанный их пчелами насмерть?

— Правильно! — тонко выкрикнул женский голос. — Све-кровь купила у них расписной горшок, поела из него и отравилась!

— А не надо было покупать, — откликнулась другая женщина, — все знают, что ихние горшки отравленные!

— Колдуны! — завопили обезумевшие люди.

Руал стоял в толпе, беспомощно оглядывался, не понимая, что происходит. Топотали расхлябанные башмаки, из длинных, обрамленных грязной бахромой рукавов выглядывали видавшие виды кулачища. Похоже, жители этого большого, бедного, обделенного счастьем поселка давно копили злобу на благополучных соседей. Наделавшая несчастий буря была последним звеном в длинной череде претензий, свар и хранимых обид.

Возмущение нарастало:

— У меня тетка ослепла от их меда! — доказывал молодой долговязый парень, вертясь как волчок.

Руал не выдержал:

— Да перестань врать! Я сегодня ел их мед и прекрасно вижу твою противную физиономию!

К нему обернулись:

— Ты что, из пчелятников?

Занеслись в воздухе тяжелые кулаки.

— Да я путник, — примирительно буркнул Руал, отступая. Его оставили в покое.

Подпоясанный ремнем слез с бочки, и на нее забралась заплаканная женщина в когда-то нарядном, а теперь изодранном нервными руками переднике:

— Дети у меня... Дети... — И разрыдалась вдруг так горько, что, не в силах продолжать, тут же и спустилась снова. У Руала болезненно сжалось сердце.

Плачущую женщину сменила молодка в многоярусных бусах:

— Слушайте, соседи! У меня в огороде листика целого не

осталось! Что же это, а? А ихнюю земельку и не тронуло, только дождичком подмочило! Так что нам, ждять, пока эти колдовские морды пожар на нас нашьют или чуму? Да бить их надо!

— Бить! Бить! — завопила осененная счастливой мыслью толпа.

— Бить, — продолжала женщина, — и хлеб ихний себе забрать, чтобы по справедливости было! А то гляди ж ты — только дождичком подмочило!

Руал озирался, вглядываясь в лица. Все были вдохновлены, все орали, всем было за что мстить. Руал вспомнил приютившую его вдову, голенастых девчонок и мальчишек-рыболовов.

На бочку тем временем вылез здоровенный хмурый человек, которого приветствовали криками:

— Скажи, кузнец! А ну, скажи!

Кузнец обвел всех тяжелым взглядом из-под щетками торчащих бровей.

— А что... скажи... — проговорил он неожиданно высоким голосом. — Я там своих парней послал горн раздувать... До ночи накуем пик железных, сколько успеем. На чернокнижника с голыми руками не попрешь... А вы несите в кузню косы поломанные, мечи будут... Мы не ягнятки, вот что! Измывать-ся не дадим!

Толпа загудела:

— Правильно! Хватит терпеть!

— Не достанет пик — с топорами пойдем!

— Бить пчелятников, бить!

Ильмарранена сильно толкнули в спину: кто-то пробирался вперед, кто-то отходил, и образовавшийся водоворот вынес Руала так близко в бочке, что тяжелые кузнецовы ботинки оказались у него прямо перед лицом.

— Бить колдунов, — подытожил кузнец, — завтра, как рассветет, соберемся у кузни, разберем оружие и вдарим! Хватит языками плескать, языком чернокнижника не проймешь... Утром пики будут и мечи!

Толпа закивала, соседи хлопали друг друга по плечам, благословляя на бой. Бочка опустела, Руал видел вблизи ее истоптанное днище, темные доски и ржавые обручи. При желании он мог дотронуться до нее рукой.

— У меня зять оттуда... — тихо сказали у него за спиной. — Никакие они не колдуны. У них тоже дети...

Другой голос перебил:

— А что мне до чужих детей? Лишь бы своих пять душ прокормить...

— Бить! Бить! — кричали отовсюду.

Руал смотрел в землю. Расправа, подумал он, одна большая расправа всех над всеми. Я расправился, надо мной расправились...

Вспомнились крутые бока глиняных горшков, расписанных цветами и пчелами. Ровные ряды ульев...

Он опомнился, уже стоя на бочке. К нему разом повернулось две сотни голов, настороженно нахмурились брови, презрительно оттопырились губы.

— Опомнитесь, — сказал Руал, — какие они колдуны. Я странник, я был там и видел. Они не виноваты, вы же сами знаете!

— Вон! — крикнул кто-то один, и сразу его крик подхватили десяток голосов:

— Вон! Пошел вон, приبلуда!

— Остановитесь! — крикнул Руал. Его схватили за ноги сразу несколько человек. Бочка пошатнулась.

— Оста... — кричал Руал, уже видя, как в дом вдовы врываются громилы с железными пиками и белыми от ненависти глазами. Как разлетаются улы, падают в пыль расписные черепки...

— Люди! — закричал Ильмарранен, осененный внезапной мыслью. — Бойтесь знамения! Я гадалщик и ясновидец, бойтесь знамения!

Его уже стащили с бочки за ноги, опрокинули на землю.

— Я вижу! — кричал он что есть силы. — Я гадалщик и ясновидец! Бойтесь знамения, ибо оно знаменует смерть!

Его дважды ударили ногами, связали чьим-то поясом и заперли в сарае — «чтобы не донес пчелятникам».

Весь вечер в кузне, стоявшей в стороне от поселка, кипела работа. Весь вечер Руал Ильмарранен пытался освободиться.

Сгустилась темнота, притомившиеся вояки собрались в трактире, и Руалу из его сарая была слышна их пьяная похвальба.

Ночь была темная, безлунная, по небу бешено неслись стаи туч, то обнажая, то прикрывая редкие холодные звезды. Крики в трактире утихли прежде, чем Руал ухитрился-таки стянуть с запястий чужой, цепкий пояс. На его счастье, дверь сарая неплотно прилегала к проему, а петля, на которую снаружи был наброшен железный крючок, шаталась, как гнилой зуб. Изрядно ободрав руки, Ильмарранен выдернул ее и покинул узилище.

Из трактира доносился мощный, многоголосый храп. Ни огонька, ни свечки не мерцало в тусклых окнах осевших в землю домов. Руалу предстояло найти кузню.

Он видел ее, входя в поселок, он знал, что она стоит на отшибе, но несколько раз отчаялся, блуждая впотьмах чужими улицами. В последний момент судьба сжалилась над ним, покосившиеся дома расступились, и, взойдя на небольшой пригорок, он увидел впереди, во впадине, темное строение. У под-

ножия пригорка была свалка, на куче хлама белел лошадиный череп и выгибались дугой обнаженные ребра. Руал вздрогнул.

Кузню специально построили в отдалении, чтобы звон и лязг не тревожили соседей. Сейчас это было как нельзя кстати.

У кузни было пусто — воинствующие сельчане, кузнец и подмастерья спали сейчас тяжелым пьяным сном и видели во сне победу. На всякий случай Руал прислушался, постучал тихонько, потом вошел внутрь. На ошупь, пачкая руки пылью и паутиной, нашел лампу и огниво. Затеплившийся огонек осветил гору оружия, сложенного у стены.

В странствиях Ильмарранену не раз приходилось помогать кузнецам. Он знал, как раздуть горн. Ему приходилось спешить.

Неслись тучи по черному небу. В рваные дыры между ними равнодушно смотрели звезды. Пот заливал лицо Ильмарранена.

Спал поселок. Спали некрасивые, издерганные нищетой и придирками мужей женщины. Спали бледные, вечно испуганные дети. Храпели их отцы, встречающие утро битвы в трактире...

Когда первые признаки приближающегося восхода пробились сквозь тучи, Руал уже снова лежал в своем сарае, успокаивая дыхание после отчаянного бега. Оставалось надеяться, что никто его не видел.

Он снова намотал чужой пояс себе на запястья. Железный крюк, запирающий дверь, был на месте, в расхлябанной петле. Руал лежал, кусая губы, прислушивался, напряженно ждал.

Он слышал, как проснулись пьяницы, как, несколько поостывшие за ночь, они подбадривали друг друга ругательствами в адрес «пчелятников», как ворчали собравшиеся женщины, как все отправились в кузню, за оружием. Некоторое время после этого он ничего не слышал, потом раздались быстрые шаги и дыхание запыхавшихся людей. Отлетел крючок, распахнулась дверь.

— Эй, ты, провидец... А ну иди-ка, люди на тебя посмотреть хотят...

На пороге стояли двое — один, по-видимому, подмастерье кузнеца, другой — долговязый парень, которого Руал видел накануне в толпе. Оба казались растерянными и напуганными.

— А что? — спросил Ильмарранен, потягиваясь, будто со сна.

Его подняли за плечи, развязали руки:

— Что это ты молот вчера про знамение, а?

Руал перевел взгляд с одного на другого, нахмурился:

— Что? Случилось?!

Долговязый мотнул головой в сторону кузни:

— Иди, посмотри...

Люди кольцом стояли вокруг кузни, не решаясь подойти ближе. Говорили шепотом, вздрагивали, оглядывались.

— Расступитесь! — крикнул Руал. От него испуганно шаркнулись.

Он сделал несколько неуверенных шагов и остановился.

Со двора кузни выезжала кузнецова телега, маленькая, поломанная, о трех колесах. Выезжала, да не могла выехать, потому что в нее был впряжен белый лошадиный скелет. Выгибались дугой, вонзались в землю голые ребра, пустыми глазницами пялился тяжелый череп. Жутко торчали оглобли, болтались на ветру вожжи, заброшенные на передок. В разошедшееся дно телеги воткнуты были мечи и пики — покореженные, погнутые, изувеченные, они торчали густой, уродливой порослью.

Руал, как стоял, рухнул наземь и протянул руки к небу.

— Знамение... О, ужасное знамение! — бормотал он в неподдельном отчаянии.

Толпой все больше овладевал страх. Запричитали женщины, нервно закричали на них мужчины. К Руалу подошел бледный кузнец, поднял его за шиворот, грозно нахмурился, но голос выдал его смятение:

— Ну, ты... Накаркал... Что это, а?

Руал обвел взглядом испуганные лица. Ни следа не осталось от прежней отваги и решимости, только ненависть и страх. Ильмарранен горько покачал головой, обошел страшную упряжку, прочертил линию по направлению ее движения, прошептал потрясенно: «На запад!» — и схватился за голову:

— Люди, это знамение... Вы прогневили небо, отсюда град... Вы не вразумились, и вот новое, грозное предупреждение... Это знак смерти! Это худшее из возможных знамений... Вы должны оставить неправедные, жестокие планы, вы должны помириться с соседями. Смиритесь, подумайте о творимых вами несправедливостях, откажитесь от ненависти, иначе мор, голод и безумие овладеют вашим поселком!

Они переглядывались, пожимали плечами, перешептывались, огрызались друг на друга, косились на Руала, плевались, бранились, тяжело раздумывали, заламывали руки, разглядывали пустое небо и, наконец, бочком, бочком стали расходиться. Разошлись все, потупившись, воротя глаза, бормоча себе под нос. Пригорок опустел, только переминался с ноги на ногу кузнец да тряслись в сторонке подмастерья.

— Что... теперь? — спросил кузнец с суеверным ужасом, показывая на телегу с оружием.

— В огонь, — твердо сказал Руал. — И сохрани тебя, кузнец, хоть раз в жизни выковать еще что-нибудь подобное!

Тот хмурился, сглатывал слюну, ходуном ходила жилистая шея.

Скрипели кости на ветру, будто пытаясь сдвинуть телегу с места.

Он уходил победителем. Его не венчали венками и не бросали ему цветов. Ему даже не дали корки на дорогу, но он уходил победителем. Никогда не узнает об этом дне вдова из поселка с рядами ульев, забудут путника мальчишки-рыбаки, в неведении вырастут голенастые девчонки. Пускай. Он уходит победителем.

Пылал высокий костер у кузни. Захлопнулись двери и ставни, из каждой щели за ним наблюдали настороженные, недобрые глаза. Он уходил. И только выйдя за околицу, в поле, он закинул голову и рассмеялся победным смехом.

Высыхала под солнцем трава. Он чувствовал себя как никогда легко и уверенно и почти не удивился, когда его явственно позвали: «Марран!»

Он оглянулся и, конечно, никого не увидел. Тянулись поля, маячили рощицы, колыхались несжатые колосья. И кто-то засмеялся тихо, вкрадчиво, где-то там, в нем, внутри, кто-то другой, посторонний, засмеялся и сказал: «Ловко, ловко, Марран!»

* * *

Позолоченная карета гроыхала на ухабах, резво бежала шестерка вороных, стойко переносящая все тяготы пути. Как заговоренные, сказал бы я, если б не знал, что кони действительно заговорены Лартом от случайностей и болезней. Да и карета — сколько уже проскакали по колдобинам ее тяжелые колеса, а что ей сделается!

Я, однако, ни заговоренным, ни железным не был. Путешествие вытягивало из меня последние силы, а все эти проригающие девчонки и сами собой вспыхивающие книги, конечно, здоровья не прибавляли.

Ларт был угнетен неудачей и не мог простить мне купчихиных помыканий. Наши отношения вконец испортились, я знать не знал, как загладить свою вину.

Так миновала неделя, и мы прибыли в замок барона Химециуса. Барон принял нас вежливо, но прохладно. Втайне он считал всех магов дармоедами, столь же бесполезными, как пуговицы на шляпе, однако вслух высказывался помягче.

— Господин э-э-э... Дайнир, не сообразовали ли вы объяснить мне и домоладцам, так сказать, смысл так называемого магического дара? — спросил он за первым же обедом в зале, где за длинным столом восседали сам барон, его бледная жена, огненно-рыжий сын, две маленькие дочки, старушка-приживалка и я, сопровождаемый стоящим за спинкой стула Легиаром.

Не успел барон завершить свою ехидную тираду, как крылышко индюшки вспорхнуло с моей тарелки, сделало круг почета вокруг стола, капнуло соусом на приживалку и впихнулось в мой разинутый рот. Ларт, по-видимому, во что бы то ни стало решил поддержать репутацию магов.

— Ах! — сказали в один голос маленькие дочери барона. Сынишка фыркнул, жена вздохнула, а старушка-приживалка достала платок и принялась чистить испачканное платье.

— Ну-у... — насмешливо протянул барон. — Будучи, с позволения сказать, в балагане, я наблюдал не раз, как фокусник доставал кроликов из пустой шляпы, однако никому бы не пришлось в голову оказывать таковому фокуснику особенный, так сказать, почет, в то время как маги...

Шелковый бант у него на шее задергался и превратился в зеленого длиннохвостого попугая, который, слетев с бароново рубашки, уселся на канделябр в центре стола и запел сладкую серенаду. Девчонки снова ахнули, баронесса вздохнула, мальчишка захохотал, а приживалка поперхнулась.

— Ах, господин Довнир, — удрученно покачал головой барон, — я знал одного птицелова, заточавшего в клетки дроздов и синиц с тем, чтобы обучить их песенке и продать на базаре...

Мальчишка запустил в попугая костью. Тот рассыпался стайей бабочек, которые мгновенно вылетели в окно. Барон проводил их сокрушенным взглядом:

— И все же я не могу понять, господин Дранир...

— Меня зовут Дамир, — сказал я мрачно.

Сразу после обеда я устроил Ларту истерику. Я сказал, что не вижу смысла в нашем маскараде, что мне надоело попадать в смешные и нелепые ситуации, что я устал, что я боюсь, что с меня хватит. В порыве чувств я даже принялся отстегивать шпагу и стаскивать с себя камзол чародея. Ларт смотрел на меня холодными, сузившимися глазами:

— Это бунт?

Его вопрос несколько меня отрезвил. Я раздевался все менее и менее решительно, пока не застыл, поникший, комкая в руках кружевное жабо. Ларт сидел в углу и смотрел на меня не отрываясь — смотрел отстраненно, изучающе.

— Хозяин, — сказал я жалобно, — хозяин, простите... Разрешите мне по-прежнему служить вам, просто служить, не разыгрывая представлений. Я не могу быть магом. У меня не выходит. Впрягите меня в карету вместо лошадей, но, умоляю, не заставляйте прикидываться вашим господином. Пожалуйста!

Он протянул ко мне узкую жилистую руку и вдруг резко сжал пальцы в кулак. Я, стоящий в другом конце просторной комнаты, был цепко схвачен за ворот. Между нами было десять широких шагов, но он подтащил меня прямо к своему лицу, к ледяным, безжалостным глазам:

— Мне НУЖНО, чтобы ты был магом. Мне НУЖНО, чтобы ни одна крыса в этом не усомнилась. И, клянусь канарейкой,

ты будешь играть эту роль до конца. До конца, что бы там ни было! Посмей только струсить...

Он разжал руку, и я отлетел к стене. Запрыгала по полу костяная пуговица от моей батистовой рубашки.

На следующее утро мы вместе с бароном, ловчими и доезжачими отправились на охоту. День был ясный, но не жаркий, лошади были великолепны, и даже я, всегда с опаской садившийся в седло, чувствовал себя сносно. Возможно, я чувствовал бы себя еще лучше, если бы не цепкий, пристальный взгляд Ларта, не отстававшего от меня ни на шаг. Вчерашняя его угроза висела надо мной темной тенью: «Посмей только струсить!»

Я ехал по левую руку от барона, вооруженного длинной заостренной пикой; по правую его руку ехал старший егерь. Как мне объяснили, бароновы угодыя просто кишели пригодным для охоты зверьем.

Сам барон был в прекрасном настроении и громогласно рассуждал о благородном обычае охоты, о лошадях, собаках, кулинарии, погоде и — мимоходом — о непригодности магии в серьезных делах.

— Вот, с позволения сказать, господин волшебник всякие штуки показывает... Бабочки, попугайчики и прочее. А если, к примеру, господин волшебник берется за мужское дело — охоту, скажем, или там войну? Что ж, выскакивает на господина волшебника дикий вебрь, к примеру, или вражеский отряд? Неужто его попугайчиками проймешь? И опять же, пока господин волшебник, с позволения сказать, колдует, этот самый вебрь дожидаться не станет, вмиг господина волшебника — рраз!

Барон ткнул своей пикой в воображаемого господина волшебника и громогласно рассмеялся, довольный своей шуткой.

Я тоскливо ждал, что предпримет Ларт в попытке восстановить уязвленное магическое достоинство, но он бездействовал. Я покосился через плечо — и увидел, что Легиара у меня за спиной нет.

Не могу сказать, чтобы я очень огорчился. Все утро меня тяготило его близкое присутствие, и теперь я впервые вздохнул свободнее, чувствуя, как темная тень у меня над головой понемногу рассеивается.

Мы ехали опушкой леса, справа тянулись нетоптанные луга, заросшие травой в человеческий рост, слева высились дубы, древние, дуплистые, и в их кронах неистовствовали птицы. Егеря спускали со сворок разгоряченных заветными запахами собак.

Барон был разгорячен не меньше — он привставал в седле,

возбужденно мне подмигивал, потирал руки, предвкушая любимейшую, по-видимому, радость.

Где-то впереди собаки подняли отчаянный лай. Барон пришпорил лошадь и с радостным криком ринулся вперед, не разбирая дороги. Я поотстал. Передо мной уже маячили спины егерей, я шлепнул лошадь по крупу, боясь отстать окончательно и заблудиться.

Вдруг собачий лай почему-то сменился воем и визгом, егеря натянули поводья, и я, не в силах сдержать лошадь, пролетел мимо них и снова оказался рядом с бароном. Собаки с поднятой на загривках шерстью жались к ногам его лошади. Барон держал свою пику наперевес, будто защищаясь. Я проследил за его взглядом — и обомлел.

Под пышным кустом малины лежал, свернув калачиком чешуйчатый хвост, некий фантастический, огромных размеров зверь, снабженный костяным гребешком вдоль спины и острыми, как иглы, когтями. Зверь поводил красным раздвоенным языком внутри полуоткрытой клыкастой пасти. Глаза его, круглые и желтые, как плошки, бесцеремонно изучали нашу кавалькаду.

Собаки, brave охотничьи псы, прятали хвосты меж задних ног. Егеря пятились. Барон протянул хрипло:

— На тебе... Не ждали, не видали, и на тебе!

Он обернулся ко мне, и во взгляде его не было былого добродушия.

— Ну вот что, господин Данир или как вас там... Сроду в наших местах ничего подобного не водилось, а вы явились — и вот, пожалуйста! Я не знаю, вы его приманили или он сам прилез, но только уж будьте добры! — И он ткнул мне в руки свою пику.

— Что? — спросил я с бесхитростным недоумением.

— Что?! — подпрыгнул в седле барон. — А продырявьте его, вот что! Мне неинтересно, чтобы он возле моего дома малинку жрал!

Зверь тем временем действительно жрал малинку — вытягивал слинявые губы и слизывал ягоды целыми пригоршнями.

— Так он травоядный, — сказал я убежденно. — Уверю вас, господин барон, что он вовсе не опасен.

Как бы в подтверждение моим словам зверь свирепо ударил хвостом — затрещали ломаемые ветви, в земле образовалась изрядная вмятина. Собаки бросились наутек, за ними последовали наиболее трусливые егеря. Барон стал красен, как спелый томат:

— Нечего ломаться, господин колдун! Или вы продырявите его с помощью ваших чар, или я продырявлю вас, и совершенно самостоятельно!

Его пика уперлась мне в грудь. Зверь снова ударил хвостом, увеличив вмятину втрое.

— Конечно-конечно, — сказал я примирительно, руками отводя острие и одновременно вертя головой в поисках Ларта. Хозяина не было, а я между тем нуждался в нем острее, чем когда-либо.

Барон снова сунул пику мне в руки — на этот раз ее пришлось взять. Зверь, видя это, воодушевился — вытянул шею, поднял стоймя костистый гребень на холке и неприятно зашипел, подергивая красным языком. Меня передернуло.

— Отойдите подальше, — попросил я барона, — подальше, на безопасное расстояние... Я могу ранить его, и тогда, разъяренный...

— Не вздумайте бежать! — отрезал барон. Небо, он читал мои мысли.

Зверь оставил свою малину и нетерпеливо переводил взгляд с меня на барона, а с барона на меня. Я тянул время:

— Однако, господин барон, учитывая неоднозначность ситуации...

Мы могли бы долго так препираться, но зверь решил за нас. Тяжелый и изящный одновременно, он расправил крылья — ибо у него были крылья! — поднялся на когтистые лапы и двинулся на меня. Я отпрянул.

Даже десяток баронов не удержали бы меня от позорного бегства, если бы в этот самый момент в голове моей не прозвучал явственно голос Ларта: «Ты будешь играть эту роль до конца! Только попробуй струсить!» Ладони, судорожно сжимающие баронову пику, взмокли, как хребет каменотеса. Путь к отступлению был закрыт.

Зверь тем временем подходил все ближе, лошадь подо мною дрожала, как осиновый лист, но стояла на удивление смирно. Я поднял руку с пикой и сразу понял, что промахнусь.

Чудовище выбросило раздвоенный язык из клыкастой пасти и замолотило им по воздуху, будто дразня меня. Я решил, что если бить, то только в эту самую пасть.

Зверь был уже прямо передо мной. Я неуклюже размахнулся и ткнул пикой, стараясь попасть в язык.

Вслед за этим неотразимым ударом я ожидал мгновенной смерти, но чудовище, к моему удивлению, отпрянуло и вроде бы смутилось. Ободренный первой удачей, я пришпорил лошадку и ткнул пикой еще раз, норовя задеть круглый желтый глаз.

Чудовище заморгало, застучало по земле чешуйчатым хвостом и снова отступило. За моей спиной слышались ликующие крики.

Теперь чудовище пятилось, а я наступал, размахивая своим оружием и тоже выкрикивая что-то грозное и удалое. Быть героем оказалось проще, чем каждый день колоть дрова.

Ликующие крики отдалились — я, по-видимому, здорово увлекся преследованием своего страшного с виду, но робкого врага. Пора было подумать о победном возвращении.

И в этот момент зверь взлетел. Примолкнув было, свидетели нашего поединка разразились воплями ужаса.

Крылья зверя были небольшими, перепончатыми, он летал тяжело, но уверенно. Секунда — и красный раздвоенный язык полоснул меня по щеке, как лезвие. Я закрыл лицо рукой и выронил пику, а лошадь взвилась на дыбы и сбросила меня с седла.

Я лежал в высокой траве, дрожа, корчась, а надо мной нависало покрытое чешуей брюхо. Вот брюхо отодвинулось, и на его месте очутилась морда с глазами, как плошки, и клыкастой пастью. Я застонал от ужаса и закрыл глаза ладонями.

Ужасная когтистая лапа отодрала от моего лица сначала одну руку, потом другую. Плошки вперились в меня пристально, будто ожидая ответа на важный, только что заданный вопрос. Взгляд этот все больше наполнял раздражение, и тут я заметил, что одна надбровная дуга у чудовища выше другой и как бы изогнута. Приподнявшись на локтях, я жадно высматривал другие, не замеченные раньше детали, делавшие ужасную морду зверя неуволимо похожей на знакомое мне до мелочей лицо. И, наконец, со всхлипом облегчения рухнул назад в траву:

— Хозя...ин...

Одновременно с облегчением пришла обида, горькая обида за пережитый страх ожидания смерти. Я лежал в траве и плакал.

Чудовище отпрянуло, поднялось над землей и описало круг. Потом, снова нависнув надо мной, не терпящим возражений взглядом указало на валявшуюся рядом пику.

Всхлипывая, я встал и подобрал оружие. Зверь поднялся повыше и с оглушительным воем ринулся на меня. Обливаясь слезами, я механически выставил пику перед собой. Немного не долетев до нее, чудовище имитировало смертельный удар, отскочило, сотрясаясь от гребня до хвоста, несколько раз метнулось — нарочито театрально — и, сотрясая воздух предсмертным ревом, улетело прочь.

Зрители, наблюдавшие эту сцену издалека, вторили ему победными криками.

После чествования, после публичного баронового признания, что магия, мол, есть величайшее сокровище живущих, после поздравлений, восхвалений моему мужеству и волшебному мастерству я остался наконец с Лартом наедине.

Топился камин. Я смотрел в огонь, а Ларт рассказывал по комнате у меня за спиной. Слушая его шаги, я бессознательно

водил пальцами по длинной жгучей царапине у себя на щеке — там, где коснулся кожи раздвоенный красный язык.

— Это было необходимо, — сказал Легиар из темноты.

Я не ответил.

— Ты вел себя хорошо, — повысил голос Ларт.

Я смотрел в огонь. Тогда он подошел и уселся рядом — на пол.

— Послушай, — сказал он напряженно. — Это **ОЧЕНЬ** важно. Над миром нависла угроза... Теперь я почти уверен в этом. Ты помнишь Орвина? «Огонь, загляни мне в глаза»? Он первый понял, в чем дело, когда заржавел золотой амулет... Я слишком долго не верил... Теперь она на пороге. Она, эта проклятая Третья Сила. Она ищет своего Привратника. А знаешь, кто годится в Привратники? Маг, который не маг. А кто это?

Он перешел на шепот. Я пока не понимал, к чему он клонит.

— Ну подумай, что значит — маг, который не маг? Я вот думал...

Он вскочил и опять принялся расхаживать, нервно потирая руки и смятенно бормоча. До меня долетали обрывки фраз:

— Если это не... Он подходит, конечно. Но — нет. Там все кончено, он вышел из игры... Вышел, сметен с доски, его мы во внимание брать не будем... Все! — Он тряхнул головой, будто выбрасывая из нее ненужную мысль. Потом подошел и снова уселся рядом: — Маг, который не маг... Возможно, сейчас это — ты.

Я поднял на него расширившиеся глаза.

— Возможно, я сказал... Есть вероятность... Откуда мне знать, как она отбирает этого своего Привратника? Может, она интересуется всеми магами, которые не маги? Я устроил ей это... как мог. Пусть она заинтересуется тобой, пусть она себя проявит... Мы ловим Третью Силу на живца, а что остается делать?

Он перевел дух и увидел наконец выражение моего лица. Вздыхнул в сердцах, сказал другим тоном:

— Послушай, неужели ты на самом деле думаешь, что какая-то тварь способна навредить человеку, который находится под защитой у Легиара? Будь она Третьей Силой или даже Четвертой, ты меня просто оскорбляешь своим страхом! Твое дело — держаться роли... Теперь ты понимаешь, **НАСКОЛЬКО** это важно?

В этот момент в дверь быстро, смятенно заколотили:

— Господин волшебник! Вас хозяин зовет!

Барон, окруженный домочадцами, стоял посреди обеденного зала в мятом халате. Он поднял нам навстречу смятенные, полные страха глаза:

— Господин волшебник... Что это?

Перед ним лежала на столе груда золотой фамильной посуды сплошь в бурых пятнах ржавчины.

Замок был парализован ужасом. Заржавело обручальное колечко баронессы, золотой колокольчик у входа, все драгоценности в шкатулках, все золотые монеты в кошельках. Парадные гобелены, вышитые золотом, роняли на пол крупинки ржавчины.

— Знамение, — шептал Легиар бледными губами, — это — знамение.

* * *

Он тяготился, если приходилось переночевать дважды под одной крышей. Дорога стала ему родным существом, она грела ему пятки, шутила, петляя и неожиданно сворачивая, развлекала и хранила. Попутчики делились с ним хлебом, он делился с ними всем, что успевал заработать, останавливаясь ненадолго в деревнях и местечках. Если оставалось в котомке немного еды, он мог и не проситься на ночлег, а просто шел всю ночь, не уставая, ничего не боясь. Дорога помогала ему.

Однако случилось так, что на закате солнца в котомке не осталось ни крошки, а впереди, чуть в стороне от дороги, показалось людское поселение. Руал подумал, подумал и свернул.

Бродили куры по пустынным улицам, рылись в земле, разлетались с кудахтаньем из-под Руаловых ног. Плотны закрыты были резные ставни больших бревенчатых домов. Пустовали скамейки у заборов, ни души не было у колодца, а между тем цепь на ворота была еще влажной, и примята была трава там, куда ставили ведро. Руал оглянулся — где-то стукнул ставень.

Он поежился, пытаясь понять, почему так странно и тягостно на душе. И понял — тишина. Невероятная для сельской улицы тишь.

Не лаяли на чужака собаки, не мычали во дворах коровы, не орали петухи, не тюкал топор. Ветер, ворота поскрипывают — будто кладбище.

Он побрел дальше, не решаясь постучать в какую-нибудь калитку, чувствуя настороженные взгляды из-под закрытых ставней, напрасно пытаясь поймать хоть один такой взгляд. Поспешный стук закрываемой задвижки — и снова тишина. Руал был голоден — и все же ему захотелось немедленно уйти.

— Эй, парень!

Руал присел, как от пушечного выстрела, хотя к нему обра-

тились почти шепотом. Немолодой уже крестьянин выглядывал в чуть приоткрывшуюся калитку, манил Ильмарранена пальцем:

— Поди сюда... Ты чей? Что надо?

— Я странник, — отозвался Руал, и тоже шепотом.

Крестьянин плюнул:

— Так что ж ты улицами шатаешься?! Иди сюда, быстро!

Он схватил Руала за рукав и попросту втянул во двор, тут же заперев калитку. На пороге дома стояла встревоженная женщина:

— Скорее в дом... В дом, Гаран, и парня сюда...

Она не успокоилась, пока за Руалом и его проводником не закрылась дверь.

Ильмарранен неуверенно огляделся — кроме приведшего его крестьянина и встревоженной женщины, в прихожей переминались с ноги на ногу двое молодых, похожих друг на друга парней, да застенчиво выглядывала из комнаты смуглая девочка лет десяти.

— Ты кто? — тихо спросила женщина.

— Странник, — сказал Ильмарранен и улыбнулся. Она не ответила на улыбку, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Он нездешний, — объяснил шепотом мужчина. — Он ничего не знает.

Женщина подумала и кивнула, приглашая гостя войти в дом.

Вслед за женщиной Руал прошел узким коридором в просторную кухню с бревенчатыми стенами, где мерно, уютно поскрипывал забившийся в щель сверчок. За ним вошли приведший Руала крестьянин, оба парня и девочка.

— Ты голоден? — спросила женщина.

И, не дожидаясь ответа, кивнула дочери. Та ловко достала из печи чугунок с остатками каши и с полки — хлеб, завернутый в тряпицу, доверчиво улыбаясь Руалу, поставила на стол.

— Мы уже поужинали, — сказала женщина. — Ешь.

Благодарный Руал, ни слова не говоря, взялся за кашу. Ему стоило труда сдержаться и не проглотить ее сразу, всю. Парни, сопя, топтались в дверях, женщина присела напротив на скамейку, девочка, широко открыв глаза, смотрела, как Руал ест. Приведший Руала мужчина, видимо, хозяин, хмурился и потирал подбородок, покрытый редкой седеющей бородой. Сверчок, примолкший было на минуту, выдал длинную нежную руладу.

Наевшись наконец, Руал поблагодарил. Потом оглядел обращенные к нему лица — тревожное у женщины, хмурые у парней, усталое у пожилого и любопытное девочкино — и спросил осторожно:

— Что за несчастье у вас, люди?

Громче засопели парни, переглянулись женщина и пожилой. Потом женщина поднялась и бросила девочке:

— Давай-ка, собирайся спать.

Та, хоть ей было любопытно, послушалась и тихонько выскользнула, бросив на прощание взгляд в сторону свёрчкова убежища.

— Расскажи, Гаран, — сказала женщина пожилому.

Тот помялся, тербя подбородок, и сказал наконец:

— Несчастье, да. Сколько живу, такого не помню. Нам-то еще ничего, повезло вроде...

— Покарай, — одернула его женщина.

— Да, — со вздохом продолжал Гаран, — кто знает, что еще ему в голову взбредет... Сейчас он сватается — то каждый вечер ходит, а то по неделям не бывает... И все к новым.

Женщина вздохнула:

— Ему лет сто, наверное, он при прадеде моем был уже... А туда же — свататься...

— Свататься? — переспросил Руал.

Гаран покивал:

— И все к новым... А в подарок невесте приносит... Букет из дохлых гадюк. Подарочек...

— Кто он такой? — вздрогнув, спросил Ильмарранен.

Мужчина и женщина опять переглянулись.

— Колдун он, — сказали от двери.

Руал обернулся — говорил младший из парней, лет шестнадцати, невысокий, тонкогубый:

— Колдун он. Страшный колдун. Ты про таких и не слышал, какой страшный!

Брат толкнул его в бок.

— Он в пещере живет, — сказала после паузы женщина. — Лет сто живет, а может, и двести. Отец, бывало, рассказывал, что он смирный был, спокойный, помогал даже, если нужда была... Потом его лет двадцать никто не видел. Он в своей пещере затворился.

— Мы еще пацанами к этой пещере бегали, — нервно сказал старший парень, на вид крепче и здоровее брата. — Там внутри тихо, тихо, а потом как зашипит — будто водой на горячую сковородку...

— И вот он вышел, — продолжала женщина, — да какой... Будто что-то в него вселилось. Половину леса сжег просто так, походя... Потом хуже. Обернется плугом старым и водит борозды по улице... Без лошади плуг идет, виляет, камни из земли выворачивает и хихикает тонко... Люди сели, когда этот плуг на улице встречали.

— А потом он неделю из земли вырастал, — вступил в разговор Гаран, вздрагивая и оглядываясь. — Будто бы дерево... На площади посреди села сначала земля зашевелилась, потом

руки показались, потом голова... Люди, что по соседству жили, дома свои бросили и попрятались, кто куда!

— А потом, — снова вступила женщина, — запустил в озеро чудовище, пьющую такую величиной с бревно, а на пьюшке — вымя коровье и рога... С тех пор рыбу никто не ловит и не купается...

— Близко подойти страшно! — выдохнул старший парень.

— Потом он в пещере колдовал, — шептала женщина, — а теперь вот...

— Теперь свататься надумал, — перебил Гаран. — У кого девки на выданье — вот кому беда, вот кто дрожит сейчас. Приходит, стучит в ворота — и попробуй не открыть. Гадюк приносит целый клубок. Не приведи небо его на улице встретить, оттого прячутся все... Тебе повезло. Ему ведь наплевать, свой или пришлый.

— Спасибо, — медленно сказал Руал. — Вы меня спасли, оказывается...

Помолчали. Тихонько, как бы вполсилы, поскрипывал сверчок.

— А что бывает с девушками? — хрипло спросил Ильмаранен.

— С девушками?

— К которым он сватается.

— Да ничего пока... Выбирает он вроде. Посватается, да и уходит, девки только страху набираются. Невесту, говорит, в дом свой введу... Да пока не увел никого.

— У нас, слава небу, невесты-то нет, — сказал Гаран со скрытым торжеством. — Сыновья у меня во какие, видишь? А Гарра пока что мала, к счастью. Потому нам везет еще...

— Покаркай, — оборвала его жена и решительно поднялась: — Ну, поболтали — хватит. Будем укладываться. Завтра у соседей спрошу, выходил он сегодня или нет.

— Да нет, наверное, — с деланной уверенностью заметил младший парень. — Его уже дня три как нет... Может, и помер вовсе.

— Помолчи, — испуганно прикрикнул на него отец. И добавил шепотом: — Он бессмертный, говорят. А бессмертный потому, что когда ему приходит время умирать, за него другие... Ну, понимаешь. Другие за него мрут, вроде бы взамен.

Женщина вся передернулась:

— И охота языками чесать, да еще на ночь... Пойдем, — обратилась она к Руалу, — пойдем, я тебе с мальчишками постелю.

Все вместе вышли из кухни, парни сразу поднялись по лестнице наверх, Гаран отправился запирать входную дверь, а женщина скрипнула дверцей низкого шкафчика и извлекла оттуда пару чистых простыней.

Ее вдруг напряженно, сдавленно окликнул муж:

— Лита, Лита... Подойди...

Она вздрогнула и чуть не выронила белье:

— Что?!

— Подойди...

Женщина быстро вышла в прихожую, за нею следом вышел и Руал.

Гаран стоял, прикинув к небольшому квадратному окошку, вырезанному в дверях. Пальцы его на дверной ручке сжимались и разжимались.

— На нашу улицу свернул. — Он старался говорить как можно тише и спокойнее.

Женщина оттолкнула его и взглянула сама. Охнула:

— Светлое небо... К кому это?

— К Мартам, наверное... — шептал Гаран. — У них целых две взрослых дочери...

— Что ж он, двоих посватает?

— Можно мне посмотреть? — спросил Руал из-за их спин.

Они обернулись разом. Потом женщина посторонилась и дала Ильмарранену подступить к окошку.

Серединой улицы медленно, то приплясывая, то замирая, двигалась до смешного нелепая фигура — длинный, когда-то роскошный камзол, красные башмаки с бантами, пышный кружевной воротник, в пене которого то ныряла, то выглядывала на поверхность маленькая, обтянутая морщинистой кожей старческая голова в черном кудрявом парике, из-под которого свисали длинные седые патлы. Злой колдун то насвистывал беззубым ртом, то напевал что-то тонким, сладким голосом, то принимался подскакивать на месте с задорным мальчишеским азартом. В правой руке его болтался темный клубок, в гуще которого Руал, покрывшись холодным потом, разглядел змеиные головы.

— Не смотрите, — сказал Гаран. — Он посватается к Мартам и уйдет. Это наши соседи.

— Справа или слева? — шепотом спросил Руал.

— Справа, — отозвалась женщина.

Руал молчал. Он видел, что колдун уже миновал соседний справа двор, но не стал говорить об этом.

— Что он делает? — напряженно спросил Гаран.

Колдун тем временем поравнялся с воротами его дома.

— Что он делает? — спросила женщина и отодвинула Руала от окошка. Руал кусал губы.

— Нет, — сказала женщина громко.

В ворота постучали.

— Долго ходили, долго бродили, а след к вам привел! — донесся от калитки дребезжащий голосок. — У вас товар, у нас купец, дородный молодец!

Женщина пошатнулась. Руал подхватил ее — боялся, что она упадет.

— Не открывайте, — сказала женщина. — Это ошибка.

В ворота снова постучали — громко, трижды.

— У вас золотая курочка, у нас красный петушок! Открывай, хозяин, снаряжай дочкину судьбину!

С топотом скатились с лестницы парни — полуодетые, перепуганные. Младший кинулся к матери и, как ребенок, зарылся лицом у нее на груди.

— Не открывайте, — повторила женщина.

Из дальней комнаты выглянула маленькая Гарра — в длинной ночной сорочке, с голыми детскими руками, босиком.

— Что там? — спросила она тонко.

— Назад, — крикнул ей отец. — В постель, быстро!

В ворота постучали в третий раз:

— У вас монетка — у нас кошелек! У вас пуговка — у нас петелька! Открывай, хозяин, готовь дочкино приданое!

— Он покричит — и уйдет, — дрожащим голосом сказал Гаран. — Сколько уже раз так было... Небо, она же ребенок!

— Надо открыть, — прошептал старший из парней. — Надо открыть, иначе он не отстанет... Дом сожжет, как Ложкарям!

— Сейчас, — бормотал Гаран, — вы будьте здесь, я с ним поговорю...

Трясущимися руками отодвинув засов, он приоткрыл дверь и крикнул:

— У нас нет невесты! Не выросла еще невеста для вашей светлости!

— Ай-яй-яй! — укоризненно пропел тонкий старческий голос у калитки. — Из зернышка да росточек, из яичка да пташечка! Уж мы ходили, уж мы следили, да нареченную и рассмотрели!

И крепко запертая калитка распахнулась вдруг, будто порывом ветра.

Руал ощущал все свое тело, каждую сведенную судорогой, мучительно бесполезную мышцу. В поединке с магом могла иметь значение только сила другого мага. Руал здесь не имел шансов.

— У вас пальчик — у нас колечко! — Старик был уже во дворе. Приоткрытая входная дверь медленно раскрывалась настежь вопреки воле держащего ее Гарана.

— Мама... — растерянно шептал младший сын. Старший метался, не зная, что делать. Их мать неподвижно стояла, тяжело опершись о стену.

Старик шагнул на порог — он был густо нарумянен и напыжен, парик сбился на ухо, неровное дыхание распространяло вокруг густой сладкий запах:

— У вас камушек — у нас оправа...

Отступая, пятился Гаран. Старик, приплясывая, переступил порог. Протянул унизанную кольцами тощую узловатую руку, поманил крючковатым пальцем... Гарра, как была, в ночной сорочке, пошла к нему, будто на привязи. Как деревянные, стояли у стен Гаран и сыновья. Старик довольно засмеялся — смех его был подобен глухому бульканью. С кряхтением он нагнулся к Гарре и потрепал ее по щеке:

— У вас товар, у нас... — И вдруг подхватил девочку на руки и закинул к себе на плечо, не выпуская при этом связки дохлых змей.

— Мама! — сдавленно крикнула Гарра.

Старик повернулся и, рассеянно поглаживая девочку по спине, пошел прочь. Молча рванулась мать — муж и сыновья одновременно в нее вцепились.

Руал стоял у стены — бесполезный, бессильный, чужой.

Младший сын плакал в углу. Он рыдал всю ночь, безутешно, горько, то затихая, то снова без остатка отдаваясь слезам. Руал уже не мог слышать этих безнадежных, горестных всхлипов.

Старший сын поднялся наверх, и из его комнатухи не доносилось ни звука.

Гаран ходил по дому, заламывал руки, иногда пытался обратиться к Руалу с бессвязной, бессмысленной речью. Руал опускал глаза.

Женщина Лита, жена Гарана, сидела за пустым столом, глядя прямо перед собой и не слыша длинных, ласковых трелей ни о чем не подозревающего сверчка.

Догорели свечи, побелели щели в наглухо закрытых ставнях, и наконец узкими лучиками в дом пробилось восходящее солнце.

— Бабы, — сказала женщина. Это было первое ее слово за всю ночь.

Встрепенулся Гаран, осторожно коснулся ладонями ее плечей:

— Поспи, Лита... Поспать надо...

Она отшвырнула его руки. Тяжело поднялась, обвела красными сухими глазами рыдающего сына в углу, мужа с трясущимися руками и прислонившегося к стене Ильмарранена.

— Вы отдали ее, — сказала она без всякого выражения, голос ее был подобен деревянному стуку. — Вы отдали ее.

У Руала волосы зашевелились на голове от звука этого голоса.

С новой силой зарыдал мальчишка. Гаран болезненно кривил рот в еще более поседевшей за ночь щетине:

— Это... Это будто бы смерть, ну как не отдать... Как смерти можно не отдать? Это... Ты потерпи, Лита... Потерпи.

Жена перевела на него тяжелый, остановившийся взгляд.

— Отдали, — сказала она снова. — Вы все отдали ее.

Гаран грохнулся перед ней на колени:

— Так ведь нельзя было, нельзя было... Не отдать... Никто в мире не отнимет у него... Никто... Подумай, что он сделал бы... С нами сделал...

— Гарра, — медленно сказала женщина.

И Гаран разрыдался тоже, и Руал вышел, чтобы не слышать этого и не видеть.

Во дворе светило солнце, у калитки переминались с ноги на ногу, горестно кивали, перешептывались любопытные. Завидев на крыльце Руала, жадно кинулись к нему, обступили, чуть не отдавив ноги:

— Забрал? Унес, да? А змеи были?

— Гарра, вот ужас-то...

— Сколько ей? Десять? Одиннадцать?

— Лита убивается, верно...

— Парень, ты сам видел?

— Парень, пойдем, закусим, поговорим... Расскажешь, как было.

— Людочки, значит, он мою-то девку не тронет уже?! О-ой!

Его тянули за рукав, заглядывали в глаза, переспрашивали что-то друг у друга, возбужденно галдели вполголоса, то и дело оглядываясь на онемевший от горя дом с наглухо закрытыми ставнями. Руал оторвал от своей одежды чьи-то умоляющие руки и, отшатнувшись от толпы, вернулся в темноту прихожей. На секунду ему привиделась девочка — так, как он увидел ее впервые, застенчиво выглядывающая из-за дверного косяка.

Лита сидела по-прежнему прямо, смотрела иссушенными глазами в стену напротив и мерно повторяла:

— Отдали. Вы отдали. Вы отдали ее.

Гаран, завидев Руала, кинулся к нему, как к спасителю.

— Она помешалась, — твердил он в ужасе, сам сейчас похожий на помешанного.

Невпопад вскрикнул сверчок.

Женщина вздрогнула, медленно, как кукла, повернула голову и взглянула в глаза Руалу. Ильмарранена будто ударили в лицо.

— Вы отдали ее! — сказала женщина. — Ее не вернуть.

— Да, ее не вернуть, Лита! — захлебнулся Гаран за Руаловой спиной. — Я не маг и никто здесь не маг, и ее не вернуть, ты потерпи, ты свыкнешься...

Женщина так же медленно отвернулась, а Гаран все причитал:

— Я же не маг... Никто ее не вернет, это не под силу... Не маг я, небо... Ну за что... Я не могу, я не маг...

— Я — маг, — сказал Ильмарранен.

Стало до невозможности тихо. Лицо женщины, застывшее, как маска, дрогнуло. Быстро задышал Гаран:

— Парень, ты что... Спятил? Кто — маг?

— Я, — сказал Руал.

Он ненавидел себя. Он проклял себя страшным проклятием. Он просил у неба одной милости — скорой смерти от руки колдуна. Только бы не новые мучения в обличье полочки для обуви.

Он проклинал себя, шагая улицами поселка в сопровождении притихшей толпы. То и дело кто-то говорил громко: «Не пускайте его! Всем будет хуже!» Но впереди шли Гаран и Лита, и никто не решался заступить им дорогу.

Потом толпа отстала, и отстал Гаран, и Лита указала Руалу путь к пещере колдуна. Дальше он пошел один — пошел узкой, неровной дорогой, поросшей крапивой с обочины до обочины.

Эта нехоженная и неезженная тропа обрывалась у входа в пещеру — вернее сказать, пещера поглощала ее своим разинутым беззубым ртом. Руал постоял, обозвал себя безмозглым вырождаком и шагнул вперед.

Ни одной мысли не приходило ему, ни одной спасительной мысли. Внутри пещеры, в двух шагах от входа, он наткнулся на добротную тяжелую дверь с железной ручкой.

Приложив к двери ухо, он расслышал тихое металлическое позвякивание, будто хозяйка помешивала деревянной ложкой в медном котле. От этого позвякивания по спине продирали мороз.

Руал мучительно задумался — что он сделал бы, будь он магом? Что он сделал бы сейчас?

На секунду ему увиделось, как огромная, покрытая броней рептилия сносит с петель колдунову дверь, врывается вовнутрь, прижимает старикашку к полу, освобождает Гарри... Нет, девочка бы испугалась. Если, конечно, она еще жива.

Ильмарранен перевел дух и попробовал толкнуть дверь. Та вдруг поддалась — неожиданно легко. Руал облизнул запекшиеся губы, стиснул, как талисман, фигурку ящерицы за пазухой и вошел.

Колдуново жилище было освещено изнутри — освещено слабым, неестественным мутным светом. На стенах темнели подернутые паутиной четырехугольники в рамках, обрывки ветхой ткани клочьями свисали с потолка, под ногами хрустело, будто пол был усеян ореховой скорлупой. Станный металлический звук то отдалялся, то приближался вновь. Руал стоял, ожидая в отчаянии, что вот-вот его присутствие будет замечено и наглая безрассудность понесет наконец заслуженное наказание. Однако ничего не происходило — мерно повторялось глухое звяканье, тяжело колыхались свисающие с

потолка лоскутья, и где-то в глубине пещеры мерцал мутный свет.

Тогда Руал решил с надеждой, что, может быть, ему удалось войти сюда незамеченным, и тогда само спасение девочки становится хоть чуть-чуть менее безнадежным. Задержав дыхание, он двинулся вперед — туда, откуда пробивался свет.

Он шел анфиладой комнат — больших, полутемных, подернутых паутиной. Он никогда не думал, что внутри человеческого жилья возможны эти горы замшелых камней, древние пни, вцепившиеся в пол крючьями корней, и втершиеся между ними нагромождения из витых стульев, бархатных кресел, комодов и туалетных столиков с пустыми баночками из-под румян, с черными мраморными плитами на месте зеркал.

Он шел и не мог представить себе размеров этого жилища, угнездившегося в толще земли. Где-то в путанице переходов и комнат колдун держал маленькую Гарри, босую, в ночной сорочке, с голыми детскими руками. Ребенок и чудовище.

Эта мысль подстегнула Руала, он пошел быстрее, почти побежал, лавируя между горами мебели и грудями камней. Он даже осмелился позвать вполголоса: «Гарра! Гарра!»

Ему показалось, что там, куда удалилось позвякивание, пропел что-то тонкий старческий голос. Потом снова — «Та-тах... Та-тах...» — заколотился тупой металлический звук, который доносился все отчетливее. Руал, похоже, приближался к его источнику.

— Пти-ичка! — снова пропел дребезжащий голос старика. — Пта-ашечка!

Та-тах, та-тах...

Руал присел.

— Пти-ичка... Чик-чирик! Чик-чирик!

Руал бесшумно перебежал и притаился за поросшим лиловыми побегами дверным косяком.

Колдун был здесь — Руал увидел сначала тонкие ноги в башмаках с бантами, потом неопрятные полы длинного камзола с поблекшим галуном, потом огромный кружевной воротник, из которого едва высывалась покрытая завитым париком голова.

Старик вышагивал по кругу, в левой его руке был небольшой медный колокол, и Руал поразился, потому что колдун держал его за язычок. Он звонил, потряхивая рукой, и массивная чаша колокола билась о его кулак, производя тот самый глухой металлический звук: «Та-тах... Та-тах...»

Руал гадал несколько секунд, какое магическое действие производит старик, потом решился заглянуть дальше и увидел Гарри.

С потолка на четырех цепях свисал железный обруч, на обруче укреплен был большой стеклянный шар со срезанным

верхом, на треть заполненный зеленой водой с бурыми, слабо шевелящимися водорослями. Над самой поверхностью воды качалась перекадина, подобная птичьей жердочке, а на жердочке сидела, вцепившись в нее пальцами, заплаканная Гарра.

— Пти-ичка... — бормотал старик нежно, потрясая своим колоколом. — Ку-ушай... — И свободной рукой рассыпал по полу не то зерно, не то шелуху, которая ложилась неприятно хрустящим под ногами слоем. — Ку-ушай...

Руал сидел, напряженный, сбитый с толку, не решаясь пошевелиться.

Старик тем временем приостановился, тряхнул рукой с колоколом и вытянул другую руку вперед, будто указывая кому-то на девочку.

— Мама! — вскрикнула Гарра.

Руал заскрипел зубами.

— Чик-чирик! — пропел колдун и принялся вдруг сыпать сбивчивыми, неразборчивыми заклинаниями. Ильмаранен тщетно вслушивался, пытаясь понять, к чему клонит старик, но в этот момент протянутая к девочке узловатая рука стала покрываться черно-рыжими перьями. В перьях разинулся красный крючковатый клюв, испуганно закричала Гарра, старик удивленно поднял пегие клочковатые брови и посмотрел на свою руку укоризненно. Клюв пропал, и перья как бы нехотя опали на пол, превращаясь на лету в блеклые засушенные маргаритки.

— Пти-ичка... — протянул колдун огорченно и обиженно. Рука его с колоколом неуверенно опустилась, и Руал, вжавшийся в дверной косяк, увидел, что рука эта окровавлена от ударов чаши колокола о старческий кулак.

Старик тоже только сейчас обратил на это внимание — покачав сокрушенно головой, он с некоторым усилием вывернул медный колокол наизнанку. Язычок теперь болтался снаружи и слабо дребезжал, катаясь по крутым колокольным стенкам.

— Пташка нежно поет, — сказал колдун удовлетворенно, — друга в гости зовет... Чик-чирик! Чик-чирик!

Он выпустил колокол из рук — грохнув на пол, тот растекся маслянистой лужей.

— А уж весна, — пробормотал старик рассеянно, вытряхнул из рукава деревянную лодочку и, кряхтя, пустил ее в эту лужу. Лодочка качнулась, повернулась на месте и утонула, скрывшись из глаз, хотя лужица была цыпленку по колена.

Старик снова покачал головой и погрозил Гарре пальцем. Девочка затряслась на своей жердочке, всхлипывая и кусая губы. Колдун опять вытянул по направлению к ней руку — Руал, весь напрягшись, подался вперед.

— Горлица в домике, — пропел старик, — сидит на соло-

минке... — И снова зачастил заклинаниями, в которых Руал мог разобрать только отдельные слова.

Старик то возвышал надтреснутый голос, то почти шептал, и чем дольше Ильмарранен слушал это неровное бормотание, пересыпанное бессмысленными обрывками заклинаний, тем явственнее становилось чувство, что он находится на пороге непостижимой и одновременно очевидной тайны.

Между тем слова старика возымели наконец действие — из лужицы, где утонула деревянная лодочка, выбралась красная птичья лапа — одна, без туловища. Неуклюже подпрыгивая, лапа принялась разгребать насыпанную стариком на пол шелуху, напоминая своими движениями о курице в поисках корма. Старик увидел ее и разочарованно замолчал. Потом слабо хлопнул в ладоши — лапа испуганно присела, дернулась и рассыпалась горстью деревянных пуговиц.

Руал не мог пока определить, что хочет сделать старик с девочкой. Одно было ясно, хоть на первый взгляд и потрясало невероятностью — старик был не в состоянии добиться того, чего хотел.

Ильмарранен бездействовал за дверным косяком, а старик тем временем возобновил свои попытки. На этот раз околесица заклинаний привела к тому, что пол во всей комнате покрылся крупной, твердой чешуей.

— Рыбка... — пробормотал старик. — Рыбка в пруду, пташка в саду... А мне скоро восемнадцать, свататься пойду. — Он вдруг улыбнулся и приосанился.

Руал схватился за голову. Неясное чувство, давно уже им владевшее, в один миг обернулось твердой уверенностью. Ильмарранен тер лоб, еще и еще проверял себя, всматривался в старика, будто впервые его видел.

Превратившись в плуг, распахивал улицы... Рос из земли, подобно дереву... Запустил в пруд гигантскую пъявку с коровьим выменем... Сватовство с дохлыми гадюками, потом аквариум с птичьей жердочкой... Перья, чешуя, эта постоянная бессвязная болтовня, которая казалась издевательством, а на самом деле...

Колдун был явно, полностью и давно безумен.

То, что казалось угрозой, было на самом деле проявлением старческой немощи. Бедняга пережил свой разум, и его магический дар был теперь бесполезен, как книга в руках у слепца.

Пораженный своим открытием, Ильмарранен должен был теперь решать, как поступить. Выйти из укрытия? Пожалуй. Говорить с безумцем? Как и о чем? Внутри стеклянного аквариума дрожит девочка — она не знает, что ее мучитель скорее жалок, чем страшен. Каждая секунда промедления приносит ей новые слезы... И кто знает, чем обернется для нее очередная старикова бессмыслица? Похоже, придется подкрасться и

просто-напросто огреть колдуна камнем из тех, что в избытке валяются под ногами. Оглушить или убить. Разом избавить деревню от страха.

Ильмарранен глубоко вздохнул, сосчитал до десяти и тихо, тонко засвистел, подражая птичьему пению. Колдун вздрогнул и обернулся.

Руал только сейчас увидел, как слезятся эти подслеповатые глаза, как беспомощно шлепают губы, как трясутся узловатые руки. Старик смотрел на него недоуменно, растерянно, но никак не злобно.

Руал шагнул ему навстречу, присел, раскинув руки, потом подпрыгнул и пропел:

— Вью я гнездышко на ветке, червячка ношу я деткам...

Колдун неуверенно топтался на месте, утопив голову в кружевном воротнике. Маленькая Гарра — Руал взглянул на нее мельком — так и обомлела на своей жердочке.

Руал подпрыгнул еще, взмахивая руками, как крыльями, и продолжил громче, решительнее:

— Птичка в клетке затоскует, ее гнездышко пустует... Чик-чирик! Чик-чирик! — И таинственно поманил старика пальцем.

Тот не мог решить пока, что такое Руал. Однако, заинтригованный, он забыл о девочке и занялся незнакомцем — осторожно приблизился, вытянул дрожащую руку, намереваясь коснуться Руалова лица.

Ильмарранен увернулся, присел, подобрал несколько деревянных пуговиц, вызванных неудачным стариковым колдовством, подбросил одну вверх:

— Чик-чирик!

Пуговица со стуком упала на чешуйчатый пол. Старик поднял кустистые брови. Руал бросил вторую — под взглядом старика она обернулась черным птичьим пером и падала долго.

Затаив дыхание, смотрела на странное действие маленькая Гарра.

Ильмарранен бросил третью пуговицу.

Она описала в воздухе дугу и зависла вдруг без движения. Колдун буркнул заклинание — пуговица пискнула, взмахнула короткими крыльями и вылетела прочь. Старик, удивленный своей удачей, покосился на Руала, пожал плечами, потом стянул кудрявый парик, отчего голова его в объятиях воротника стала похожа на темную горошину в центре столового блюда.

— Чик-чирик, — сказал старик хрипло и подбросил парик.

Парик обернулся огромной, старой, линиялой вороной. Ворона тяжело опустилась на пол и бросила на старика томный, таинственный взгляд. Потом хлопнула крыльями, поднялась невысоко над полом и зигзагами вылетела из комнаты, скрывшись где-то в лабиринте коридоров. Старик усмехнулся до-

вольно и заковылял следом, забыв, по-видимому, о Руале и о Гарре.

Девочка всхлипнула на своей жердочке. Ильмарранен смотрел вслед старику. Его охватило острое, пронзительное, никогда раньше не испытываемое чувство.

Все видели, как невеста откуда явившийся незнакомец вынес из пещеры колдуна похищенную накануне девочку. Все слышали сбивчивый, полубессвязный девочкин рассказ, и ни одна собака в деревне не смела теперь усомниться, что на огонек к Гарану и Лите забрел великий, могущественный маг.

Когда накрывали столы, когда просили разрешения дотронуться, когда шептались, галдели, заглядывали в глаза и заискивающе улыбались, когда произносили здравницы и целовали руки, ему казалось, что немислимым образом судьба забросила его в прошлое. Но, засыпая на лучшей перине в поселке, он вспомнил вдруг слезящиеся растерянные глаза, угловатые стариковские плечи и трясущуюся маленькую голову на широком кружевном воротнике. И снова пронзительная, незнакомая раньше, почти физическая боль сдавила ему горло. Что это, жалость?

Он глубоко вздохнул, повернулся на другой бок — и услышал тихий, издевательский смешок, будто бы внутри головы. Небо, опять. Это похоже на сумасшествие.

* * *

Мы покинули замок барона, и через пару дней перед нами распахнулась степь.

Я никогда раньше не был в степи, и на меня сложное впечатление произвели эти огромные лысые пространства, покрытые жесткой, выжженной солнцем травой. Здесь редки были поселки, и мы теперь часто ночевали у костра под открытым небом.

Я целую неделю болезненно привыкал к своей роли наживки на крючке, а потом внезапно успокоился и даже испытал некоторое облегчение. Во всяком случае, быть в неведении еще хуже, а за страхи, иногда все же меня посещавшие, с лихвой вознаграждали наши изменившиеся, потеплевшие отношения с Лартом.

Днем мы по очереди правили каретой, а вечерами, разложив костер и поужинав, вели беседы. О Третьей Силе, по негласному договору, не было сказано ни слова. Я, расчувствовавшись, вспоминал детство, а Легиар рассказывал смешные и страшные магические байки, главным героем которых был всегда один и тот же человек — я скоро догадался об этом, хотя

Ларт называл его все время по-разному. Вероятно, они были друзья с этим человеком — у Ларта странно светились глаза, когда он говорил о нем:

— У всех бывают дурацкие желания. Я как-то летом заскучал по зиме, взял да и засыпал свой двор снегом... Ну и что? А один дружок мой нашел вулкан на побережье и взялся разогревать извержение. Не сходи с ума, говорю... Знаешь, что он мне ответил? Я хочу быть лавой. Лавой быть хочу, чтобы почувствовать, как это.

Ларт смотрел в огонь, огонь играл в его глазах, и мне показалось — только на секунду показалось! — что глаза эти отражают свет костра неровно, будто увлажнившись.

— Знаешь, всякий маг рискует, превращаясь во что-то... Чем могущественнее и сильнее твое новое обличье, тем больше риск, что ты не сможешь вернуться в прежнее. Быть магом не значит быть всемогущим, каждое серьезное магическое деяние требует усилий, а усилия эти сокращают жизнь даже самых великих... Итак, я сказал ему — не сходи с ума. Зачем тебе эта игра с вулканом? И знаешь, что он мне ответил? Я должен почувствовать, как это.

Он замолчал. В пламени костра я увидел вдруг лес, потом дом, потом фигурку человека в чем-то, напоминающем лодку.

— И он стал лавой? — спросил я шепотом.

Ларт кивнул:

— Он всегда делал, что хотел. Он влез в вулкан и растекся по склону, сжигая траву и кусты. Я стоял и смотрел, как дурак... А потом он вернулся в свое обличье. И знаешь, что сказал?

Он снова замолчал, и я вынужден был спросить:

— Что же он сказал?

Ларт оторвал глаза от огня и посмотрел на меня:

— Он сказал: НИЧЕГО ОСОБЕННОГО. И пошел в какой-то портовый кабачок пить плохое вино и купаться нагишом при свете факелов, и портовые девки визжали, а он превращал их волосы в струйки воды... У каждой девки на голове бил фонтан. Я сказал: пойдем домой. А он сказал — отстань... Если бы кто-нибудь в мире смел мне сказать — отстань!

Огонь затухал, я подбросил веток. Ларт не видел уже ни меня, ни костра — он весь пребывал там, где куражился этот его дружок...

— Ну, теперь ты расскажи, — сказал Легиар после паузы.

Я пожал плечами:

— Да про что же?

— Про что хочешь...

— Ну, у меня брат есть двоюродный... Когда мы были маленькими, и вся семья сидела за столом, и на ужин была рыба-щепка... Знаете, есть такая мелкая, вкусная рыба... Он выбирал на блюде тех рыбешек, что случайно лишились головы, и делал это незаметно.

Я замолчал.

— А зачем он это делал? — спросил Ларт.

— Чтоб головы не оставались на тарелке... Мать смотрела, кто сколько съел, по рыбьим головам. А у него на тарелке не было голов, и ему давали добавки.

Снова повисла пауза.

— А почему вы не съедали эту рыбу с головами? — спросил Ларт.

— А-а! — протянул я радостно. — Так у щепки-рыбы головы горькие!

Фыркали в темноте наши кони. Догорал костер.

Через пару дней перед нами замаячили горы, а еще три дня спустя мы подобралась к ним вплотную. Здесь, в предгорьях, приютился древний и довольно большой поселок, в котором, как утверждал Ларт, жил старый и могущественный маг. Легиар очень надеялся, что старик знает о Третьей Силе больше, чем мы.

Гостиницы в поселке не было — и немудрено, мы были здесь первыми гостями за полгода. Встречали нас радушно, и поселковый староста, богатей, любезно предоставил в наше распоряжение один из трех своих домов.

Уготованное нам жилище помещалось на околице, у самого горного подножия, в достаточно живописном, на мой взгляд, месте. Пока Ларт, по-прежнему в обличье слуги, командовал нашим размещением, чисткой кареты и кормежкой лошадей, я стоял у калитки и глазел на горы. Мощные, массивные изломы вызывали у меня в памяти то образы сказочных зверей, то воспоминания о слоеном торте, а прицепившиеся к ним кое-где чахлые деревца восхищали своей отвагой.

Потом я перевел взгляд на горку поменьше, упиравшуюся основанием в дорогу, увидел, как откуда-то сверху по почти отвесному склону струйкой стекают песок и камушки, и вообразил было, что идет лавина. Но, подняв голову повыше, я убедился, что камни летят из-под ног человека, спокойно спускающегося по тропе, в существование которой мне трудно было поверить — таким неприступным казался склон. Я задрал голову еще выше и увидел дом — настоящий дом, прилепившийся к горе, как ласточкино гнездо. Когда я перестал наконец удивляться и разглядывать его, спускающийся человек уже спрыгнул со своей тропки на ровную дорогу.

Это был мальчишка, щуплый мальчишка лет тринадцати, в когда-то черной, а теперь сильно выгоревшей одежде, с пустой корзинкой под мышкой. Он шел легко, хоть и неторопливо, лицо его казалось осунувшимся, мрачным и усталым. Мне стало любопытно; когда он, не глядя, проходил мимо меня, я сделал шаг вперед и хлопнул его по плечу:

— Ты отчего же не здороваешься?

Он тяжело поднял на меня глаза. Помолчал, потом спросил медленно:

— А кто ты такой, чтобы здороваться?

— Я? — Я расправил плечи. — Я великий маг по имени Дамир!

Он смотрел на меня непонимающе. По-видимому, этот забитый сельский мальчик вообще не знал, кто такие маги.

— Ну, волшебник! — объяснил я снисходительно. — Чудеса делаю!

— Ты? — спросил он со странным выражением.

— Магам следует говорить «вы», — сказал я со вздохом.

Он вдруг сощурился:

— Дурак... Мартышка ты, а не... — Он сделал странное движение бровью, и я вдруг увидел под самым своим носом боро-зеленый кустик какой-то колючей травы.

Я не сразу сообразил, что лежу, уткнувшись носом в землю. Главное, я никак не мог понять, как очутился в этом неудобном положении. С трудом поднялся — голова кружилась — и увидел, как мальчишка спокойно уходит по дороге, ведущей в поселок.

Я все еще смотрел ему вслед, когда из дома вышел озабоченный Ларт, а с ним румяный мужичок из людей старосты. Мужичок неторопливо, значительно указал на дом, прилепившийся к скале:

— Там он жил... Хороший был человек, помогал, если что. Жалко...

— Плохо дело, — сказал мне Ларт. — Старик-то умер, оказывается.

— Умер, умер, — охотно подтвердил мужичок. — А знатный был волшебник, вроде, — он неуверенно на меня глянул, — вроде вас...

Я поднял голову и посмотрел на дом.

— Что ж, никто там не живет? — спросил Ларт.

— Отчего же... Живет. Мальчишка, ученик евойный.

Меня передернуло.

Взбираться на гору было страшно и очень неудобно — сыпался песок из-под подошв поднимающегося впереди Легиара, круто задиралась тропа, щекотала в носу мелкая белая пыль, пальцы метались по гладкому камню и не находили опоры. Странно, как этот мальчишка ходил тут чуть не каждый день.

— Ну, давай же! — подгонял меня Ларт.

Глянув по глупости вниз, я охнул и оцепенел, прижавшись к скале в нелепой скрюченной позе. Ларт, как тисками, ухва-

тил меня за запястье и вытащил на ровную площадку, изрядно исцарапав по дороге о каменный гребешок.

Почувяв твердую почву, я осмелился подняться.

Мы стояли на круглом каменном пятачке, откуда открывался впечатляющий вид на предгорья и разбросанный в них поселок. Крыши, улочки, дворы — все было как на ладони, и если б у старого мага была подозрительная труба, то он вполне мог бы собирать местные тайны и, как бабочек, накалывать их на булавку.

А с другой стороны плоской площадки помещался дом — небольшой, добротный, окруженный крохотным двориком и палисадничком, в котором что-то зеленело. Над входной дверью приколочено было выкованное из железа птичье крыло.

Калитки не было, мы вошли во двор без спроса. Впрочем, и спрашивать-то не у кого было — мальчишка ушел в поселок с пустой корзинкой.

Двор был чисто выметен, в углу лежало на земле несколько поленьев, рядом мучилось в твердой глинистой почве недавно политое деревцо — и все. В палисаднике доцветали три чахлые ромашки.

— Интересно, — сказал Ларт за моей спиной. — Посмотри.

Я подошел к нему и посмотрел туда, куда он указывал. В отвесной стене, примыкавшей к пятачку, была выдолблена, похоже, могила. Ее отверстие было намертво закрыто четырехугольным тяжелым камнем, и на камне угадывались очертания все того же крыла.

— Мир тебе, — сказал Ларт, обращаясь к могиле. — Ты меня должен был помнить... Орлан. Я Легиар. Я шел к тебе, но опоздал.

Сухо шуршал ветер по камню. Ларт отвернулся.

— Посмотрим в доме, — сказал он со вздохом.

Я преодолел свою робость, шагнув вслед за ним в темный проем двери. Проходя под железным крылом, я непроизвольно нагнулся.

Дом старого мага погружен был в полутьму — окна прикрывались тяжелыми тканями. В комнатах стояла гнетущая тишина, и в тишине этой наши шаги казались оглушительно громкими. Гостиная служила одновременно и библиотекой, тяжелые тома невозмутимо поблескивали позолотой, будто бы ожидая возвращения хозяина. Такой же, как у Ларта, стоял на столе стеклянный глобус с огарком свечи внутри, и пыльный бок его искажил до неузнаваемости мое отражение. Мебель, простая, как в обыкновенном сельском доме, покрыта была сверкающей черной парчой — во всех комнатах, кроме одной, маленькой, с деревянной кроватью и грубо сколоченным столом. Дом был в трауре и носил этот траур со сдержанным достоинством.

В комнате, служившей, по-видимому, кабинетом старому волшебнику, Ларт поднял край тяжелой ткани, закрывающей окно, и в свете пробившегося сквозь щель вечернего солнца принялся изучать содержимое массивного письменного стола. Я, подавленный темнотой и тишиной, задыхающийся в густом воздухе этого дома, двинулся к выходу — и на пороге лицом к лицу столкнулся с мальчишкой.

Он прижимал к груди корзинку, в которой лежала буханка хлеба и завернутый во влажную тряпочку кусок сыра. Увидев меня, он переменялся в лице, отпрянул и прошипел сквозь зубы:

— Опять ты... Ладно...

Наверное, я вскрикнул, потому что за моей спиной моментально вырос Ларт. Я прочел его присутствие в глазах мальчишки — готовый уже поквитаться со мной, он вдруг подался назад, сжался в комок и поднял руку, как бы защищаясь.

— Отойди, Дамир, — сказал Ларт из-за моей спины, отодвинул меня рукой и пошел прямо на мальчишку. Тот, пятясь, отступил во двор, споткнувшись на пороге. Ларт встал в дверях — под птичьим крылом.

— Это мой дом, — хрипло сказал мальчишка. — Все, что в доме, принадлежит мне, и здесь могила моего Учителя. Что вам надо?

— Опusti руку, — сказал Ларт холодно.

— Что вам надо? — выкрикнул мальчишка и поднял дрогнувшую руку еще выше.

— Опusti руку в знак того, что ты сдаешься на милость сильнейшего. Разве твой учитель не учил тебя законам и приличиям?

— Вы ворвались в мой дом и говорите о законах?! — Мальчишка весь подобрался, как зверек, готовый к прыжку.

— Я считаю до трех. — Ларт говорил, не повышая голоса. — В поединке у тебя нет шансов. Раз.

Я наблюдал за происходившим из-за Лартова плеча и, не смотря на мальчишкино ко мне отношение, сочувствовал ему.

Мальчишка тем временем отступил еще, выронил корзинку и изо всех сил сдерживал дрожь в занесенной руке.

— Два, — сказал Ларт. — Подумай. Твой учитель должен был тебе кое-что рассказать о подобных ситуациях. Два с половиной.

Занесенная грязная рука в последний раз дрогнула, потом ослабела и медленно опустилась.

— Хорошо, — кивнул Ларт и сразу, без перехода наклонился и поднял корзинку, хлеб и сверток с сыром. — Давай войдем в дом.

Мальчишка не двинулся с места, подавленный, понурившийся. Легиар взял его за плечо и втолкнул в дверь.

Сгушались сумерки. Я развел огонь в холодном пыльном камине, и кабинет старого волшебника стал хоть немножко напоминать людское жилье. Ларт сидел, закинув ногу на ногу, в деревянном кресле с подлокотниками. Мальчишку он усадил в такое же кресло напротив. Мне досталась табуретка перед камином.

— Ну, смотри, что ты делаешь, — говорил Ларт вполголоса. — Незнакомый маг, соперник не по твоим зубам, прямого нападения нет — что ты делаешь? Поднимаешь руку для заклинания, что означает: «я готов к поединку и сумею с тобой справиться». Так или нет?

— Так, — чуть слышно отозвался мальчишка.

— Что делаю я или что делает кто угодно на моем месте? Нападает. Выворачивает тебя наизнанку, пожимает в недоумении плечами и уходит. Правильно?

Мальчишка молчал.

— Я тебя не укоряю, — сказал Ларт со вздохом. — Я знал когда-то твоего учителя. Орлан был тонким и умным магом, он не мог не объяснить тебе таких вещей... Это могло бы стоить тебе жизни.

— Он объяснил, — прошептал мальчишка.

— А ты? Забыл?

— Нет... Я увидел, что он, — тут мальчишка кивнул на меня, — что он в моем доме... И разозлился. А потом увидел вас... И испугался.

— И не подумал, потому что испугался?

— Не то чтобы... Просто не смог овладеть собой, хотел быть сильнее.

Ларт присвистнул:

— Ну, знаешь... Я знал только одного парня, который в твоём возрасте хотел быть сильнее. Но он таки был сильнее многих — раз — и никогда не терял самообладания — два... И потом, он все равно плохо кончил.

Легиар замолчал и молчал долго. Мальчишка сидел, сгорбившись, и водил пальцем по шву на своем рукаве. Тени обоих, оживленные горящим камином, плясали на темных стенах.

— К делу, — сказал Ларт, как бы очнувшись. — Меня зовут Ларт Легиар.

Мальчишка вздрогнул и удивленно на него уставился. Потом, вспомнив что-то, пробормотал:

— Меня зовут Луаян... Или просто Лан, если вам трудно произносить.

— Мне не трудно произносить, — одернул его Ларт.

Тот опустил голову:

— Извините...

— Вот что, Луаян, — продолжал Ларт серьезно, — я сейчас занят делом, которое считаю важным. Поэтому мы явились в

твой дом без спроса, что, конечно, само по себе плохо и недостойно. Я приношу тебе свои извинения. Ты их принимаешь?

Мальчишка проверил, не издеваются ли над ним, кивнул и снова потупился.

Ларт продолжал:

— Я надеялся на встречу с твоим учителем, но встреча не состоится... Или состоится позже. Теперь я вынужден надеяться на тебя... Понимаешь?

Мальчик кивнул, не поднимая головы.

— Как давно ты у него? — спросил Ларт.

— Три года. Три года исполнилось за день до того, как... — Луаян опустил голову еще ниже.

— Понимаю, — пробормотал Ларт. — Как это случилось, Луаян?

Мальчишка всхлипнул. При первом взгляде на него я не сказал бы, что он вообще способен плакать. А Ларт, пожалуй, мог бы и пощадить парня — ясно же, что он обожал старика и теперь очень переживает.

— Орлан был маг из магов, — задумчиво сказал Легиар. — Власть никогда не интересовала его, он искал истину... А это благородное, но неблагодарное занятие. Ему всегда претили отношения «сеньор — вассал», он сторонился меня из-за моего тщеславия... У тебя был достойный учитель, Луаян. Теперь расскажи мне, как он умер.

Мальчик прерывисто вздохнул и поднял голову:

— Он смотрел в Зеркало Вод... Он умер, когда колдовал.

Стукнуло деревянное кресло — Ларт поднялся. Мальчик хотел встать тоже, но Легиар уронил руку ему на плечо и усадил снова:

— А что он ХОТЕЛ увидеть в Зеркале Вод, Луаян?

Мальчишка сжался под его рукой:

— Он не говорил мне...

Легиар вдруг присел так, что его лицо оказалось на уровне лица сидящего Луаяна:

— Вспомни. Что он делал за пару дней или недель до смерти, о чем он говорил? Может, его что-то беспокоило?

Мальчишка смотрел, не мигая, Ларту в глаза:

— Да. Он был сам не свой. Он говорил... Что-то про Завещание.

— Первого Прорицателя?

— Да.

— У него была эта книга?

— Да. Но с ней случилось несчастье. Она упала в камин и сгорела.

Я заерзал на своем табурете.

— Что он о ней говорил? — продолжал допрашивать Ларт.

— Что она не лжет.

— А точнее?

— Он так и сказал — Завещание не лжет. Огонь...
— Что огонь?
— Не помню. Он иногда поминал огонь, когда ворчал.
— Хорошо. А в тот день, когда он смотрел в Зеркало Вод?
— Он был веселый. Смеялся и шутил.
— Ты смотрел с ним?
— Сначала — да. Потом он меня отправил.
— Расскажи, как все было. Не пропускай ничего.
— Был вечер. Он сказал — самое время развести чары. Он всегда так говорил, когда был в хорошем настроении. Взял чашу — она разбилась потом, а ведь была серебряная! — взял чашу, наполнил водой из пяти источников, тут как раз пять источников в поселке, и заговорил ее... Я ему помогал. Зеркало вышло — как хрустальное.

Сидящий перед мальчишкой Легиар взял его за запястья:

— Дальше?

— Дальше мы зажгли три свечи и стали смотреть... Но видно было не очень хорошо. Какой-то человек шел... Лица не видно, вроде молодой. Потом... Стало страшно. Знаете, как бывает, когда видишь в зеркале обыкновенную жизнь, только... по-настоящему. Видишь то, чего люди не замечают, а оно есть. Понимаете? — Он вопросительно заглянул Ларту в глаза. Тот кивнул, и мальчик продолжал: — Этот человек шел, смеялся, говорил с другими... А ОНО шло по пятам. Смотрело на него, говорило с ним, но он не понимал, кто с ним говорит... И тогда Учитель меня отправил.

— А потом? Ты лег спать?

— Нет... Мне было интересно. Я виноват... Я подкрался и смотрел через дырку в портюре. И видел, как Учитель наклонился над Зеркалом, как схватился за горло, захрипел... Чаша упала и разбилась. Серебряная чаша! Учитель лежал на полу... Я пытался помочь ему. Но у него, наверное, разорвалось сердце.

Стало тихо. Невыносимо тихо, я боялся шелохнуться на своем табурете.

— Он умер... От страха? — шепотом спросил Ларт.

Мальчишка покачал головой:

— Он ничего не боялся... Я же говорю, у него сердце разорвалось.

Ларт помолчал, потом спросил осторожно:

— Ты помнишь, как он выглядел? Тот человек, в Зеркале? Ты бы его узнал?

— Нет, — вздохнул мальчишка.

— Он был один?

— То один, а то с кем-то... С разными людьми.

— А ОНО? На что это было похоже?

— Глаза... ОНО смотрело.

Я не выдержал и громко, со свистом, вздохнул. Оба быстро

на меня взглянули. Потом Ларт тяжело поднялся и спросил Луаяна:

— Кстати, почему ты невзлюбил моего слугу?

— Он врун... — протянул мальчишка. — Зачем он болтал, что он маг?

— А ты сразу понял, что это не так?

Мальчишка пожал плечами:

— За версту.

Всю ночь они вполголоса разговаривали, сблизив головы над письменным столом. Поднимая иногда тяжелые веки, я видел, как Ларт водит пальцем по желтым от времени свиткам, разглаживает их ладонями, что-то объясняет серьезно, как мальчишка доверчиво касается его плеча, задавая непонятные мне вопросы. Они беседовали, как равные, и я с горечью сознавал, что мне никогда не вызвать у Ларта такого неподдельного интереса, какой освещает сейчас изнутри его обычно холодные глаза. Два мага говорили на общем языке, а один охломон слушал и не понимал ни слова.

Потом ненадолго стало тихо, и мальчишка спросил шепотом:

— А правда, что вы когда-то остановили чуму?

Я тут же вынырнул из дремоты.

— Мне Учитель рассказывал, — пробормотал мальчик, будто смутившись.

Ларт не ответил — во всяком случае, вслух не ответил.

Я снова закрыл глаза. Чума. Я был еще совсем малышом, окна занавешивались рогожей, нас, детей, не выпускали на улицу, и дни слились в один долгий бред... А потом чума исчезла внезапно и необъяснимо, и в нашей семье умерли только дядька с женой, разом осиротив моего двоюродного брата, любителя рыбы...

— Слушай, Марран, — начал было Ларт, и все мои воспоминания мгновенно оборвались.

— А? — удивился мальчик.

Зависла пауза. У меня не осталось сна ни в одном глазу.

— То есть Луаян, — проговорил Ларт глухо. — Я хотел сказать — Луаян.

Стало тихо — и очень надолго. Далеко, в поселке, переругивались собаки.

Потом я наконец в очередной раз провалился в тяжелый сон и, очнувшись, застал уже совсем другой разговор:

— ...У нее часто зубы болят, я ей зубную боль заговариваю, а она меня подкармливает... — неторопливо рассказывал мальчишка. — Они все хорошо ко мне относятся, только вот не принимают всерьез... Это и понятно. Я совсем сопливый был,

когда сюда попал... — Он добавил что-то совсем тихо, я не разобрал.

— А дальше? — сумрачно спросил Ларт. — Что ты будешь делать дальше?

— Подожду, пока они привыкнут, что я теперь тут хозяин... Подучусь, соберусь с силами, выйду на площадь и вызову гром.

— Хочешь, чтобы тебя боялись?

— Нет... Просто пусть они знают, что я уже не ребенок. — В голосе мальчишки скользнуло упрямство.

— А, — усмехнулся Ларт, — хочешь быть сильнее?

Мальчишка помолчал. Потом спросил шепотом:

— А разве это плохо?

Снова стало тихо; они сидели у стола, теперь уже без света. Ларт медленно сказал наконец:

— Поедем со мной. Здесь тебе будет слишком трудно.

Мальчишка вздохнул, скрипнул креслом и ответил не сразу:

— Не могу... Не могу оставить Учителя одного.

* * *

Близилась осень, и вода в озере лежала пластами — в нежное парное молоко вдруг вривалась пронзительная осенняя струя, от которой Ильмарранен вздрагивал, фыркал и плыл быстрее.

Круглое, как тарелка, озеро сплошь окружено было лесом — сейчас стволы корабельных сосен подсвечивались закатным солнцем и горели красным, как восковые свечи. Руал заплыл на самую середину и слушал, как блаженствует в воде его натруженное за день тело.

Сегодня он переколот полсарая дров, и накопал три мешка крупной желтоватой картошки, и помогал носить корзины с яблоками, и много еще трудных и почетных дел взял на свои плечи. Его никто не заставлял — сам напросился. Не зря же, постучавшись на одну ночь, он жил в избушке над озером уже вторую неделю.

Избушка стояла, окруженная стволами, как колоннадой. Вся она, до последней щепки, сложена была руками своего хозяина по имени Обри. Он же расчистил место для огорода, повыкорчевал пни и переехал сюда из деревни вместе с молодой женой. Сейчас у кромки озера носился по колено в воде их пятилетний первенец.

— Эй! — время от времени звал мальчишка и махал Ильмарранену рукой. — Осторожно! Не плыви далеко, водяной утащит!

Руал повернулся наконец и поплыл к берегу. Меркли закатные краски, синие сосны отражались в озерном зеркале,

Ильмарранен разбивал их отражения ударами рук по воде. У того, противоположного берега робко выгнула первая лягушка.

Малыш был на берегу уже не один — его мать, жена Обри по имени Итка, извлекла мальчишку из воды и теперь обувала, вытирая маленькие озябшие ноги полотняным полотенцем. Она отвернулась, чтобы не смотреть, как Руал будет вылезать из воды.

Ильмарранен отошел в сторону и оделся. Лягушки у того берега по очереди выдавали рулады, будто настраиваясь перед ответственным концертом.

— Устал? — спросила Итка, улыбнувшись Руалу. — Дров теперь на полгода хватит...

Малыш танцевал вокруг матери на остывающем влажном песке.

Руал улыбнулся в ответ.

— Сейчас Обри вернется, — сказала Итка. — Я уже упрямилась, ужин готов, хлеб еще остался, а завтра новый испеку...

Обри был удачливым охотником и незаурядным рыболовом. Огород, ухоженный маленькими Иткиными руками, три яблони, корова, куры — а муку приходилось покупать в поселке.

— Мы с Руалом сегодня молодцы, — сказала Итка сыну. — А ты, Гай?

Тот воодушевленно закивал и, не в силах сдержать беспричинной радости, умчался по берегу, высоко подпрыгивая и повизгивая от полноты чувств.

Итка присела на ствол поваленного дерева, старого, лишенного коры. Устало вытянула ноги, посмотрела на тот берег — лягушки гремели слаженным хором — и тихо засмеялась вдруг:

— Знаешь, у Обри шесть братьев... И все женились по воле отца. Плакали, локти кусали, а ни один не воспротивился... — Тут она улыбнулась так гордо и значительно, что Руал догадался — с Обри было по-другому. — Его отец, знаешь, какой? — продолжала с той же улыбкой Итка. — Вот так. — И она сжала крепкий кулачок, показывая, какой у Обри отец. — У него ферма, три дома в поселке, стадо, прядильня, красильня и периковый сад. Семь сыновей, Обри младший. Одних работников сотня... И ни одна душа, представляешь, ни одна собака никогда не смела ему перечить. Ну слова молвить поперек не смели, просто слова сказать!

Она раздухарилась, даже в сумерках Руал видел, как пылают ее щеки и горят глаза. Помолчала, улыбаясь каким-то своим мыслям, и продолжала с едва сдерживаемой похвальбой:

— А Обри сказал, что на мне женится. Ужас, что было! Только Обри и не подумал сдаваться. Он младший... Старик на стенку лез. И первый раз в жизни вышло не по его воле... Выгнал

он Обри из дому, выгнал и проклял нас. Бабы старые каркали — не будет вам счастья. А только вот!

Из сгущающейся темноты с какой-то песенкой вылетел Гай, бесцеремонно взгромоздился на Руала верхом:

— Но-о, поехали домой!

Обри, что спускался уже от избушки, засмеялся и крикнул с притворной суровостью:

— Хозяин пришел, где же ужин?

Гай свалился с Руала и кинулся на шею отцу:

— Папа, ты зайца пйинес?

Уводя мальчика в дом, Обри завел длинную историю о зайце, хитростью избежавшем участи попасть в жаркое. Идя следом, Итка смотрела на их спины с нежностью, переходящей в поклонение.

Далеко отсюда темноволосая, усталая женщина сидела перед лоскутком с каплями крови и удивлялась тому, как ярко, как ровно они светятся, и нет-нет, а в душе ее царапалось что-то, похожее на обиду, — неужели сейчас ему может быть так хорошо? С кем же? Не может быть...

Утром Обри не пошел на охоту. Все вместе позавтракали за летним, вынесенным на крылечко столом. Гай обожал сироп, приготовленный отцом из меда диких пчел, и то и дело протягивал опустевшую чашку к кувшину. Обри мазал хлеб сметаной, посыпал сверху солью и отправлял в рот, закусывая луковицей. Итка накидала хлеба в кружку с молоком и время от времени ухитрялась скормить ложечку сыну, отгоняя подбирающихся к медовому сиропу ос. Молоко делало подбородок Гая похожим на кремовый пирог, Итка ловко подхватывала на лету падающие капли, малыш корчил рожицы, Обри укоризненно качал головой.

Руал смотрел на них, жевал поджаристую корочку и рассеянно улыбался в осеннее, плотно-синее небо. Ему еще ни разу в жизни не доводилось быть героем пасторали.

— Еще! — потребовал Гай, подставляя чашку.

Обри плеснул ему медового сиропа, малыш схватил чашку двумя руками. В эту минуту Итка сбила осу, кружащуюся над лицом мальчика, оса шарахнулась и, падая, угодила прямо в чашку.

— Гай! — крикнула Итка испуганно, но малыш уже пил, жадно, большими глотками, и прежде, чем мать успела выхватить у него чашку, случилось страшное.

Гай вдруг широко раскрыл глаза, глубоко вдохнул и закрычал, разинув рот. Оса ужалила его в горло, там, изнутри.

Упала на стол и покатилась чашка с медовым сиропом. От-

летела в сторону табуретка, на которой сидел Обри, схватила ребенка Итка, принялась дуть ему в рот, чтобы хоть как-то уменьшить боль. Руал, пытаясь помочь, ринулся наливает воду в кружку:

— Может, воды... Может, вода поможет...

Но Гай не мог глотать, не мог уже кричать — он только широко раскрывал глаза, из которых катились крупные слезы.

А тем временем в горле ребенка, там, куда укусила оса, стремительно росла опухоль. Мальчик стал задыхаться.

— Обри! — крикнула Итка. — Коня, в поселок, врача, скорей!

Ни один врач не успел бы спасти Гая. Лицо его уже заливалось синевой, глаза закатывались — ребенок умирал, умирал здесь, сейчас, в муках удушья, на руках у матери.

— Сынок! — рыдала Итка, пытаясь вдохнуть ему воздух в рот. Обри побежал-таки за лошастью — безумие, до поселка полчаса бешеной скачки. Мальчик умрет через несколько минут.

Гай хрипел, Итка билась над ним, не в силах помочь, а Руалу вдруг явилось видение.

Он увидел сводчатую комнату, где поблескивают на полках корешки фолиантов, стол, заваленный кипами книг, самоуверенного подростка за столом и еще кого-то — Ларта Легиара! — бросающего на стол перед подростком массивный том.

— Ну зачем мне это надо? — оттопыривал губу мальчишка. — Ты из меня лекаря хочешь сделать? Да я пару заклинаний ляпну, и какой лекарь со мной сравнится?

— Ты что, читать не умеешь, Марран? Кому будет хуже, если ты хоть чуточку поумнеешь? — допытывался Легиар.

На первой странице был нарисован голый розовый человек, испещренный кружками и надписями, дальше тот же человек как бы изнутри, потом сердце, коричневая печень... Не то. Было же что-то, иначе зачем это вспомнилось? Надорванная страница... Роды... Небо, при чем тут роды? Они молоды, у них еще будут дети... «Бабы старые каркали — не будет вам счастья»... Что там было еще, в этой книге, которую я не хотел читать?!

— Сыно-ок, сыно-ок... — голосила Итка. Блуждающий взгляд Руала уперся в нож на столе.

Столовый нож.

Вот что там было — ребенок, больной дифтерией. Он не мог дышать, и тогда скальпелем...

Руал протянул руку и взял нож со стола. Рукоятка удобно легла в ладонь.

Небо, я не сумею. Я никогда не делал ничего подобного.

Я боюсь крови.

Я буду просто убийцей.

— Дай мне его, Итка, — сказал Руал чужим голосом.

Она не услышала или не поняла. Тогда он сказал громче:

— Я знаю, что делать. Дай мне ребенка.

Он отобрал у нее мальчика и положил на траву. Гай был без сознания. Нет, не здесь. В доме. Только в доме.

Он поднял безжизненное тельце и бегом направился в дом.

Итка преградила ему путь:

— Куда ты его несешь?!

— Я спасу его, ясно? — заорал он в ответ, отбросил Иткины руки и вошел.

На кровать? Нет, на стол...

Нож прыгал в его мокрой руке. Кажется, здесь, на шее...

— Не-ет! — закричала Итка и схватила его за руку, вцепилась в лицо. — Не режь, не трожь, негодяй, мясник!

Руал стиснул зубы и отшвырнул ее к стене.

— Обри! — изо всех сил закричала она.

Руал подхватил мальчика и кинулся по лестнице наверх, на чердак. Его схватили за ногу, он отбил, ворвался в чердачную комнатку и задвинул за собой засов. Небо, ребенок-то жив еще?

— Обри, Обри! — надрывалась Итка.

Здесь, на шее. И рисунок был в книге. Но он может захлебнуться кровью.

А если не попробовать, он умрет наверняка! Может быть, он уже умер!

И Руал провел ножом по горлу мальчика.

Еще. Еще. Небо, сколько крови. Еще. Убийца. Давай. Не хлопнуться бы в обморок. Еще...

Тяжелые удары обрушились на дверь. Обри крушил ее молча, отрешенно, отчаянно.

— Кровопийца! — кричала Итка. — Убей его, Обри!

Трясущимися пальцами Руал раздвинул разрез на шейке ребенка. Огляделся, поискал глазами... Полки на стенах, банки, лопаты и грабли в углу, метла, масляная лампа... Жестяная воронка. Скорее.

Он еще раздвинул разрез и узким концом ввел в него воронку. Так. Так.

— Людоед! — рычал за дверью Обри.

Дверь трещала, поддаваясь.

Неужели Лартова книга врала?!

И тут мальчик захрипел.

Вздохнул.

Он дышал через дыру в горле, дыру, исходящую кровью, и через воронку, открывшую доступ воздуху. Вдох. Хрип. Он может захлебнуться. Выдох. Дышит.

Упала дверь. Влетел Обри с безумными, белыми глазами.

Увидел окровавленного ребенка с воронкой в горле и зашатался.

— Он дышит!! — закричал Руал. — Посмотри, он же дышит! Он дышит!

Обри тяжело шагнул вперед, отбросил Руала, наклонился над мальчиком.

Ребенок оживал, страшная синева сползала с его лица.

— Итка! — хрипло позвал Обри.

Вдвоем они стояли над своим первенцем, глядя, как поднимается и опускается его залитая кровью грудь.

Ильмарранен сидел в углу, глотал слезы и повторял, не помня себя:

— Дышит... Он дышит. Он живой.

Лицо его исполосовано было Иткиными ногтями.

— Я не забуду, — сказал Обри. — Я клятвой клянусь, что ты отныне мой брат и все, что имею я, принадлежит тебе. До старости, до смерти ты можешь жить в моем доме. Все, что ни попросишь, я исполню, хотя бы и ценой жизни.

По лужайке перед домом ходила Итка, покачивая на руках сына с перевязанной шейкой.

— Спасибо, — сказал Руал, следя за ней глазами. — Я тоже не забуду. Но мне надо идти. Мне все равно надо идти.

Они помолчали.

— Где бы ты ни был, — сказал Обри, — помни, что здесь тебя ждут.

Руал подошел к Итке с мальчиком. Гай широко ему улыбнулся, а Итка вдруг передала ребенка мужу и упала перед Ильмарраненом на колени. Ему еле удалось ее поднять.

Он вышел на дорогу, и, когда дом скрылся за колоннадой сосен, кто-то вдруг явственно сказал ему, не то на ухо, не то изнутри головы: «Ай-яй-яй! Ты мне нравишься, удачливый Марран!»

Он вздрогнул. Он боялся этого. Ему снова показалось, что за ним наблюдают.

* * *

Мы покинули поселок, когда солнце стояло уже высоко. Луаян не пошел нас провожать, а меня мороз продирает по коже, когда я думаю об одиноком мальчишке в темном доме с могилой во дворе.

Мои глаза слипались, однако Ларт, не спавший ни секунды, был собран и сосредоточен. Он сразу же взялся править упряжкой, мою вялую попытку разговора пресек и отправил меня в карету.

Под стук колес я заснул, скрючившись на обитых вытертым бархатом подушках. Сон мой был беспокойным и душным, я долго хотел проснуться и не мог. Наконец мне удалось разлепить веки, и я увидел над собой мерно покачивающуюся парчовую занавеску на окне кареты.

Я разогнулся с трудом и сел, забросив ноги на противоположное сиденье. Болела голова, все путешествие казалось бессмысленным, и не было желания жить.

Я открыл окно и сунул голову в поток свежего ветра. Это немного меня взбодрило, и я решил перебраться к хозяину на козлы. Крикнул — ответа не было, тогда я поставил ногу на подножку, свесился из двери и посмотрел вперед, на возницу.

На козлах, полуобернувшись ко мне, сидело ОНО. Я видел только желтые, сосущие глаза. Пальцы мои, вцепившиеся в поручень, свело судорогой, а ОНО ухмыльнулось и сказала сухим, царапающим голосом:

— Ну вот.

Тогда я сумел наконец заорать.

Я орал и орал, и ничего уже не видел перед собой, и отбивался руками и ногами, и сорвал нависшую над головой парчовую занавеску. В окно хлынуло солнце, и я наконец проснулся.

Карета замедлила ход и остановилась. Дверца резко распахнулась, на пороге стоял Ларт:

— Что?

Я смотрел на него бессмысленными глазами. Он взял меня за шиворот и встряхнул:

— Чего орешь?

— Ключнула... — прошептал я в ужасе. — Она на меня ключнула!

Он насупился:

— Кто?

— Т... т...ретья Сила, — выдавил я с трудом.

Он вздрогнул, нахмурившись еще больше:

— Что ты болтаешь?

Заикаясь и путаясь в словах, я пересказал ему свой сон. По мере моего рассказа напряжение и озабоченность уходили с его лица, и, когда я закончил, он вздохнул с облегчением:

— Нет... Это не так. Ты просто перетрусил.

Я все еще смотрел на него затравленно. Он усмехнулся, вытащил меня из кареты на солнце и посадил рядом с собой, на козлах.

Мы ехали степью, дрожал над землей разогретый воздух, резво бежала шестерка вороных.

— Третья Сила тобой не интересуется, — сказал Ларт.

— Правда? — спросил я с надеждой. — Правда-правда?

— Правда-правда, — устало отозвался Легиар. — Она сле-

дит за другим человеком, тем, кого видели в Зеркале Вод Луаян и его учитель.

Я уже не слышал — меня захлестнули до краев степные запахи, лавина солнца и ослепительная небесная синева. Чувство облегчения, подобного которому я ничего раньше не испытывал, на несколько минут вытеснило из моей головы Луаяна, и его учителя, и самого Ларта. Мне казалось, что я ничего уже в жизни не испугаюсь, что я заново родился и вышел сухим из воды. Кажется, я даже пел.

Однако сладкое чувство освобождения от опасности длилось не так долго, как мне хотелось бы.

— Что-что? — переспросил я, опомнившись. — А кого они видели в зеркале?

Ларт ударил по лошадям:

— Я думаю, это был Привратник.

Счастье мое улетучилось так же мгновенно, как и накатило.

— А кто он, Привратник? — спросил я, замирая.

Ларт мрачно на меня взглянул и не ответил.

Спустя несколько дней мы остановились ненадолго на постоялом дворе. Первой же ночью я проснулся от пронизывающего, леденящего ужаса.

Я лежал на пуховой перине в лучшей комнате гостиницы, пустой и темной.

И что-то бесформенное, тяжелое и холодное сидело у меня на груди.

Я попытался проснуться — и не смог. Я стал убеждать себя, что это снова сон, — и не верил себе, слишком ясным было ощущение склизкого прикосновения и отвратительного, гнилостного запаха.

То, что на мне сидело, взглянуло мне в глаза своими мутными плоскими и неспешно, глухо чавкая, двинулось вперевалку к моему горлу. Я бился, как пойманный кролик, и хватал воздух, из последних сил пытаясь позвать Ларта. Но крик не желал вылетать из моего горла, я не мог выдавить даже писка.

В эту минуту дверь, закрытая на засов изнутри, отлетела к стене. На пороге стоял некто с узким блестящим лезвием в опущенной руке. Сидящее у меня на груди вдруг раздулось, как пузырь, и лопнуло с негромким сухим хлопком. Внутри это оказалось неожиданно пустым — только оболочка отлетела на пол. Все это я видел, как в тумане.

Ларт подцепил то, что лежало на ковре, на кончик шпаги. Оболочка, похожая на жабью кожу, неуверенно шевелилась. Ларт прошептал слово — и кожа эта вспыхнула и загорелась зеленоватым пламенем. Легиар швырнул ее в пустой и холодный камин.

Двумя широкими шагами хозяин подошел ко мне. Я ску-

лил, как щенок. Он плеснул в кружку воды из кувшина и дал мне напиться.

— Хозяин, — сказал я, трясаясь, — это не сон. Это уже не сон.

Глаза его светились в темноте, и свечение это понемногу угасало.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он терпеливо. — Это — не то, что видели в зеркале Орлан и Луаян. Это — мерзкое, страшное, но, в общем-то, не очень опасное существо из тех, что всегда были и будут на земле. Их полно. Обычно они прячутся от людей. Это порождения ночи... Но Третья Сила-то причем? — Он говорил, кажется, сам с собой.

Он хотел подняться, но я с неожиданной силой и смелостью ухватился за его руку:

— Хозяин, не уходите...

Он сел рядом со мной. Помолчал. Сказал, раздумывая:

— Вероятно, они чувствуют ее приближение. Они тревожатся, они шевелятся и нагледят. Они лезут из своих щелей... Или нет? — Он вопросительно на меня посмотрел.

Я сказал как мог убедительно:

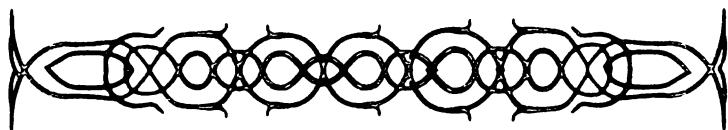
— Хозяин. Я плохая приманка. На меня клюет не то, что надо. Только всякая дрянь. Пожалуйста, снимите меня с крючка. Я больше не могу.

Он вздохнул и вдруг положил мне руку на плечо. Я замер — это было второй раз в жизни.

— Дамир, — сказал он, — неужели ты думаешь, что я могу тебя отдать?

Я всхлипнул и ткнулся в его руку.

— Успокойся, — бормотал Ларт в темноту, — считай, что я снимаю тебя с крючка.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЗОВ

его кончилось. Ночевать под открытым небом было уже неудобно, зато дни стояли ровные, теплые, как нельзя более подходящие для Праздника сбора урожая.

Села, хутора и местечки праздновали, праздновали самозабвенно. Урожай выдался небывалый, рекой лилось молодое вино за накрытыми вдоль улиц столами, повсеместно устраивались сложные, красочные обряды, призванные отблагодарить землю за благополучное разрешение от бремени. Хорошей приметой считалось, если в этих обрядах примет участие посторонний человек, странник. Руал благоденствовал — хозяева щедро благодарили его за ту особую значительность, с которой он произносил предписанные обычаям слова.

Кружили хороводы на площадях, кто-то карабкался на гладкий столб за сахарной подковой, кто-то под хохот толпы гарцевал верхом на дородной свинье; кто-то, обряженный пшеничным снопом, бродил с величальной песней от двора ко двору и получал за каждое доброе пожелание по стаканчику, пока не падал где-нибудь под забором на радость курам, которые тут же окружали его кольцом, выклеывая из колосьев зерно. Дети тонко и трогательно пели хором, молодежь краснела и перемигивалась — на подходе было время свадеб.

Руал шел от поселка к поселку, и везде его приветливо встречали столы вдоль улиц, сытный дымок от коптилен, музыканты-умельцы со своими звенящими гребешками, дудочками и бубнами, румяные лоснящиеся лица, похожие на спелые плоды, и плоды, похожие на довольные лоснящиеся лица. И там и тут Руала звали остаться — но он вежливо отказывался и шел дальше.

Потом и время свадеб подоспело — тут уж Ильмарранен повидал всякое. Плакали невесты, выдаваемые замуж против их желания, грозно диктовали свою волю властные отцы, рядом ворковали парочки, которым посчастливилось-таки соеди-

ниться по любви. И снова — рекой молодое вино, делавшее слезы отчаяния неотличимыми от слез глубокого счастья.

Отыграли свадьбы, убрали столы с улиц, все позже вставало солнце, все холоднее становились ночи. Руал неделю работал подмастерьем кожевенника и заслужил старые, но еще крепкие сапоги вместо развалившихся башмаков. Следующей большой радостью стала плотная пастушеская куртка, купленная по случаю за несколько грошей. Зима не страшила совсем — он был силен, уверен в себе и вполне доволен жизнью.

Он принял-таки ее, эту жизнь, — принял целиком, вместе с бесконечной дорогой и ноющими ногами, вместе с тяжелой работой, за которую всегда полагался ломоть хлеба, вместе с ветром, пробиравшимся под куртку, и курткой, защищавшей от этого ветра. Та горечь утраты, что отравляла воспоминаниями и застилала солнце, та изводящая боль, толкнувшая его когда-то в петлю, та зияющая пустота в душе, которая, казалось, никогда не заполнится, — покидали его. Покидали по капле, покидали не сразу, но покидали безвозвратно. Он ни от кого не бежал и никуда не стремился — просто шел, насвистывал и поглядывал в небо.

Спокойствие и уверенность сопутствовали Руалу до тех пор, пока дорога однажды не изменила ему.

Это было подло и неблагодарно с ее стороны. Ильмарранен не сразу понял, что происходит. А происходило странное — дорога вырывалась из-под его ног, проявляя скверный и упрямый норов.

На развилке он хотел повернуть влево — но дорога тянула, толкала, морочила голову, и он поворачивал вправо; случилось, шел целый день, с рассвета до заката — и непостижимым образом возвращался на место предыдущей ночевки. Кружил, как заяц по лесу, хотя стремился вперед, прямо и ни разу не поворачивал. Дорога, предавшая его, над ним же издевалась.

Разозлившись, он стал сопротивляться, намечал себе ориентиры впереди и шел, не сводя с них глаз. Уловка эта помогала лишь отчасти — скоро он почувствовал, что ему подсовываются те метки, что выгодны коварной дороге.

И он горько обижался на дорогу, пока не понял вдруг, что не она виновата, а куражится нечто, связанное с ним, Ильмарраненом, с наваждениями-голосами, со всей давно преследующей его галиматьей. Осознав это, он был подавлен и на время перестал сопротивляться чужой воле — чтобы, собравшись с силами, снова восстать против невидимого и неведомого поводыря. Неизвестно, чем закончилось бы это единоборство, если б среди бела дня на пустой дороге Руала не догнал однажды крик.

Кричала женщина — отчаянно и умоляюще. Что-то деловито пробубнил мужской голос, и крик повторился — со слезами в голосе:

— Помогите! Не надо! Люди! Оставь, ты!

Руал осторожно обогнул густой, живописно покрытый красными и желтыми листьями куст. С той стороны куста листья осыпались, сбитые на землю ожесточенной борьбой: в густой блеклой траве мелькали, как спицы в колесе, босые тонкие ноги, принадлежавшие кричащей; над ней, повернувшись к Руалу мощными спинами, склонились двое, оба сосредоточенно возились над чем-то в траве. Один что-то примирительно бурчал, другой норовил прижать к земле отчаянно отбивающиеся ноги.

— А-а-а! — с новой силой завопила женщина, и кто-то из обладателей мощных спин зажал ей рот рукой.

Руал отошел потихоньку, потоптался, пощупал свой отбитый когда-то бок, выругался, укусил себя за руку и вернулся к месту свалки.

Мощные спины явно одолевали — босые ноги были надежно подмяты под массивное колено, кричащий рот плотно зажат, так что только мычание доносилось из смятой травы: «М-м-м... усти-и, м-м-м...»

— Это что еще? — спросил Ильмарранен голосом хозяина, заставшего работника на горячем. По-видимому, обладатели спин слышали такие голоса раньше — они сразу бросили свое занятие и обернулись. Вид Руала их удивил, но нисколько не испугал. Их жертва, чумакая девчонка, воспользовавшись минутным замешательством, рванулась и выскользнула бы, если б один из парней не успел схватить ее за длинные, растрепанные в борьбе смоляные волосы.

— Это что-о еще? — возвысил голос Руал. И, обернувшись в сторону дороги, позвал воображаемых попутчиков: — Лобош, Вобла! Идите сюда!

Он рассчитывал, что мощные спины растеряются хоть на минуту и выпустят жертву. Не тут-то было — один из парней накрутил девчонкины волосы на мосластый кулак, а другой неторопливо поднялся, подтянул штаны и выглянул из-за кустарника на дорогу. Дорога, конечно, была пуста.

— Ой-ты, — с издевкой протянул парень, плюнул и бросил сквозь зубы: — Вали, пока цел. Тебе не достанется... Вобла!

И вернулся к своему делу. Забилась, заплакала девчонка.

Руал поднял с обочины увесистый острогранный камень, подскочил к насильникам и, наспех размахнувшись, врезал камнем по ближайшей бычьей шее. Владелец шеи взревел, его товарищ не сразу определил, в чем дело, а определив, получил уже коленом в челюсть.

И тогда Руалу пришлось туго.

Камень он выронил, на него наседали с двух сторон, он отступал, увертывался, колотил твердыми носами недавно приобретенных сапог по неуклюжим голеним нападавших, отчего те охали и приседали, хватаясь за ноги. Несколько раз беспо-

рядочно мелькавшие в воздухе тяжелые кулаки попали Ильмарранену в лицо, и каждый раз он отлетал так далеко, что, на счастье, успевал подняться прежде, чем башмаки нападавших добирались до его ребер.

Но главным бойцом оказалась девчонка — она то и дело бесстрашно отвлекала парней на себя, колотила их где-то раздобытой палкой, кидалась сзади, воинственно верещала и время от времени звала на помощь. Парни тяжело дышали, вращали налитыми кровью глазами и сыпали ударами, любой из которых мог бы убить девчонку, попади он в цель.

Потом Руалу не повезло — очередной удар оглушил его, и он не смог подняться вовремя. Двое навалились на него сверху, пыхтя и мешая друг другу; Ильмарранен подумал было, что вот ему и конец, но в этот момент один из парней ослабел вдруг и упал на Руала безвольной грудой — над ним стояла девчонка с тем же увесистым камнем в руках. Второй нападавший изумленно вскинул голову, и Руал из последних сил двинул его снизу — в подбородок. Тот охнул, прикусив язык.

Дальше было просто — тот, что получил камнем по затылку, только возился и стонал, а другой, прижав ладони к окровавленному рту, удивленно пяtilся, пяtilся, потом бочком-бочком засеменял прочь, то и дело оглядываясь.

Девчонка, разгоряченная, растрепанная, широко улыбнулась вытирающему кровь Руалу:

— Так сразу надо было по голове метить... А то такие и убить могут...

Ее круглые вишневые глаза посверкивали восторженно и немного насмешливо.

Имя ей было Тилли, лет ей было шестнадцать, у нее где-то там имелись отец, мачеха и младший брат, но семейство, по ее словам, сильно надоедало ей за зиму, так что все лето она привыкла проводить в странствиях. Странствовала она с тех пор, как научилась ходить. Летом хорошо, есть где переночевать и что слопать, но вот уже холода не за горами, а возвращаться к своим ох как не хочется, потому что отец, конечно, выпорет свою беспутную дочь за неподобающее поведение.

Они сидели у костра, Тилли куталась в Руалову куртку и доверчиво рассказывала, как без шума поймать курицу, как наколоть рыбу на самодельную острогу, а потом испечь в золе, и что она обожает нянчить детей и часто этим зарабатывает, и как ее брат поймал в лесу хоряка и научил его прыгать через кольцо, и как мачеха родила мертвую двойню, и как в животе у пойманной рыбыны оказалась медная монетка.

Она размахивала руками, показывая, какой веселый ее отец, когда пьяный, и какой свирепый на трезвую голову. Ее острых локтей и угловатых движений не могла скрыть даже пастушья

куртка, в которой Тилли утопала по самый кончик носа. Вишневые глаза озарены были пламенем костра, и в них отражался Руал — непобедимый, непревзойденный, мужчина и герой. Девчонка хлопала черными пушистыми ресницами, залившись хохотала без видимой причины и бросала на Ильмарранена терпкие, тугие и опять-таки чуть насмешливые взгляды.

Они испекли картошки и поужинали, закусывая кукурузными лепешками дымящиеся, испачканные золой ломтики. Тилли, до того трещавшая без умолку, понемногу притихла и пододвинулась почти вплотную к Ильмарранену.

— Ру... — она сразу же после знакомства наградила его этой кличкой, — а тебя вроде милая бросила, оттого ты странный такой, оттого по дорогам тыряешься? Да?

Руал улыбнулся — таким серьезным и сочувствующим было это потешное, в общем-то, лицо. Она увидела его улыбку и смутилась, истолковав ее по-своему:

— Да нет, я понимаю, такого парня, как ты, даже змея подколотная не бросит... Тогда что ж?

Руал потрепал ее по волосам. Она смутилась еще больше:

— Ну ладно, дура я и дура...

Ему стало жаль ее, он обнял худые плечи и притянул девчонку к себе. Она замерла, боясь пошевелиться. Вдалеке заухала сова; в темноте за теплым, освещенным кругом от костра возилась, разворачивалась, кишела ночная жизнь.

— Ру... — тихо, опасливо спросила Тилли, ткнувшись носом прямо ему в ухо. — А ты... колдуна когда-нибудь видел?

Он вздрогнул, и она, прижавшаяся к его боку, не могла этого не почувствовать. Пробормотала успокаивающе:

— Да нет, не бойся, в округе их не водится... Я сама их ужас как боюсь, только вот любопытно... Я, знаешь, видела одного этим летом. Молодой мальчишка, а важный — страх! Весь в бархате да в серебре, в кружевах и в перьях, карета — шестерная упряжка! Слуга при нем, здоровая такая жердь... Я бы ни за что не пошла б колдуну служить, ни за какие монеты! Приехали они в поселок да на постоянный двор, хозяин выскочил, кланяется... Народ сбежался смотреть, забор завалили... А маг этот в комнате заперся и не выходил, слуга сказал — колдует...

— Знаешь что, — зевнув, сказал Ильмарранен, — давай-ка спать, Тилли.

Его сон был беспорядочным и неглубоким. Выплывала из мути заколотая острой рыбина, превращалась в золотую ящерицу, укоризненно смотрела изумрудными глазами... Моргала разочарованно, но это уже не ящерица, а Тилли, черные пушистые ресницы, терпкий влажный взгляд... Учит Руала прыгать через кольцо, а кольцо узкое и все сжимается, и трудно дышать...

Потом он повернулся на другой бок и увидел море. И не просто море, а длинное, плоское побережье. И человек бродит по колено в прибое, но волны, облизывая песок, не решаются прикоснуться к его высоким сапогам — огибают, извиваются вокруг, и даже брызги не падают на мягкие голенища... Вдоль берега, навстречу ему, идут высокий поджарый мужчина и мальчишка-подросток.

Кажется, дул ветер, кажется, было весело и страшновато, и Легиар говорил юному Маррану:

— Сейчас я тебя представлю. От того как он к тебе отнесется, многое сейчас зависит. Я ему враг, но ты — ты не вздумай с ним поссориться. Или ты по-прежнему считаешь себя непобедимым?

Марран пританцовывал, вздымал фонтаны песка, подпрыгивал и хохотал:

— Что ты, Ларт! Ты же видишь, я и рубашку белую надел, и башмаки почистил по такому случаю... Господин Бальтазарр Эст будет мной, примерным мальчиком, весьма доволен!

Легиар хмурился:

— Ты сопляк еще, ты щенок, недоросль, чего ты смеешься?! Я тебя предупреждаю один раз: никаких заклинаний, превращений, цирка и балагана! Ни одного магического действия, сделай мне такой подарок! Эст и так знает о тебе слишком много...

Мальчишка соорудил страшные глаза:

— Ларт, я буду скромненьким, как невеста. Я даже покраснеть могу. Ну, хочешь, я покраснею?!

Легиар поднимал глаза к небу, будто призывая его в свидетели. А человек в прибое все бродил, наклонялся, подбирал круглые камушки, некоторые отбрасывал в сторону, некоторые прятал в карман, другие запускать в море. И только когда идущие приблизились вплотную, оставил свое занятие и обратил на них тяжелый, как ледяная глыба, взгляд.

Легиар вытянул левую руку в сторону — знак перемирия. Эст помедлил и сделал то же самое. Марран безмятежно улыбнулся.

— Здравствуй, Аль, — сказал Легиар небрежно. — Ты, конечно, знаешь, что это за мальчик. Теперь я хочу тебе его официально представить — Руал Ильмарранен.

Руал хотел кокетливо присесть, но сдержался — под взглядом Эста действительно было неуютно. Он ограничился скромным кивком.

— Здравствуй, Ларт, — сказал наконец Эст. Голос его был сорван и звучал, как скрежет. — Значит, это и есть Марран.

Опрокинулась на берег очередная волна, обогнула сапоги Эста и ботфорты Легиара, а на башмаках Маррана отыгралась, промочив их доверху. Эст хмыкнул, Ларт, переглянувшись с

ним, шелкнул пальцами — прибой разом улегся, море стало спокойным и гладким, как остывший суп в глубокой тарелке.

— Я вижу, ты вежливый мальчик, — сказал Эст презрительно. Марран снова кивнул. Эст отвернулся, сгреб с песка горсть камушков, по очереди пустил их прыгать по зеркально гладкой воде. Последний подпрыгнул двенадцать раз, Эст кивнул Ларту и повернулся, чтобы уйти.

Марран тем временем нагнулся, подобрал один камень, черный, плоский, и, несильно размахнувшись, пустил в море.

Эст оглянулся — камушек утонул после шестнадцати прыжков, длинных, красивых.

Что-то неразборчиво пробормотал Легиар. Эст помедлил, достал из кармана еще пригоршню камней и плавным, уверенным движением бросил первый, подпрыгнувший на воде двадцать один раз. Считали вслух, считали все, даже Ларт, потемневший лицом. Эст позволил себе что-то вроде улыбки, снисходительной улыбки в сторону Маррана. Тот оглядел песок вокруг, поднял один камень, рассмотрел, уронил, поднял другой и уронил тоже. Наконец выбрал небольшой, пестрый, укатанный морем в тонкую лепешку. Прищурил глаз, примерился... Эст улыбался, теперь уже явно улыбался и поглядывал на Легиара насмешливо. Марран бросил камень.

Тридцать девять.

Зависла пауза, Эст посмотрел на Маррана в упор, и тот удивился, как широко могут раскрываться эти узкие прищуренные глаза. Потом Эст шелкнул пальцами — море ожило, прибой с новой силой принялся вылизывать песчаный пляж. Тяжелая Эстова рука опустилась Руалу на плечо.

— Щенок, — проскрежетал он с неким подобием нежности. — Нахальный щенок.

Он проснулся от осторожного прикосновения.

Костер догорал, мерцали последние красноватые вспышки, и под боком у Руала возилось что-то мягкое, теплое, даже горячее, возилось и дышало, прижимаясь все крепче. Руал осторожно дотронулся рукой — соседствующее существо оказалось круглым, гладким и голым, местами покрытым неувядающим пушком.

— Простудишься, — пробормотал Ильмарранен растерянно. — Холодно же...

Тилли не ответила, только чаще задышала и прижалась изо всех сил к Руалову боку.

Ильмарранен лежал неподвижно, ощущая, как содрогаются два теплых упругих клубка, уютно пристроившихся у него на груди, как щекочут лицо спутанные с осенней травой волосы, как нежно касается лба маленькая влажная ладошка:

— Ру, я о таком парне с люльки мечтала...

— Холодно... Оденься... — повторял Руал, пытаясь справиться с поднимающейся внутри сладостной волной.

— Не прогоняй меня... — Ее рука расстегнула Руалов ворот и погладила шею. — Ты добрый... Все они скоты, а ты человек... Ру, ну что же ты!

Его ладони легли на ее обнаженную кожу. Будто короткая молния ударила — р-раз!

— Я люблю тебя, Ру... — бормотала Тилли все скорее и скорее. — Я о таком парне... — Ее губы, неловкие, как у теленка, ткнулись в губы Руала.

Горько пахло дымом догорающего костра. От порыва холодного ветра кожа девушки покрылась пупырышками; желая согреть, Ильмарранен обнял ее крепко, по-настоящему. Его самого уже сотрясало изнутри; нахлынули тугие, горячие, пульсирующие видения.

Тилли все бормотала и бормотала, и ластилась, и пальцы ее сражались с застежкой на его рубашке, а он глупо улыбался в темноте и жадно гладил ее бока с выступающими ребрами, неожиданно крутые бедра и плоский мускулистый живот. Не было сил сопротивляться тому горячему и душному, что распирало его изнутри.

Торжествовала ночь, темная, осенняя, истошно кричали совы, шелестел ветер в пожухлой траве. Перемигивались угли прогоревшего костра.

Тилли справилась с пуговицами, маленькая влажная ладошка залезла под Руалову рубашку... и встретила там со свертком, скрывавшим золотую спинку и изумрудные глаза.

— Ой, — пробормотала она удивленно, — это чего?

Ильмарранен вздрогнул, как от удара. Рванулся и сел, прижимая сверток к груди. Оттолкнул девчонкины руки:

— Не лезь. Не надо. Спать.

Сердце гулко колотилось у него в горле, а Тилли сидела перед ним голая, дрожащая, будто громом пораженная. Из круглых вишневых глаз двумя ручейками лились слезы горькой обиды.

За все утро она ни разу не посмотрела в его сторону.

Они шли дорогой, Руал глядел на оскорбленно вскинутый лохматый затылок и досадовал на себя, на Тилли, на судьбу, вздыхал и удивлялся глупости мироустройства.

Дорога тем временем оживала, путников то и дело обгоняли скрипучие телеги — впряженные в них лошади бросали на пешеходов исполненные достоинства взгляды. В том же направлении тянулись медлительные воловь упряжки, ковыляли какие-то нищие в лохмотьях, цепочкой топали слепцы с поводырем, размашисто шагали мастеровые с инструментом на плечах. Ильмарранен с девчонкой оказались затертыми

если не в толпе, то в весьма пестрой компании. И перед всей этой разношерстной братией вставал на дороге город.

Сначала показались верхушки башен, потом сами башни и стена из красноватого кирпича, а над этой зубчатой стеной — самые высокие флюгера. Флюгера вертелись, ловя жестяными боками солнечные лучи, и от этого казалось, что над городом средь бела дня горит фейерверк.

Тилли, пораженная зрелищем, забыла о своей обиде и, смягчившись, заговорила с Руалом:

— Ты смотри, а!

Толпа вокруг воодушевленно загудела.

Руал приложил ладонь к глазам: подъемный мост был опущен, вокруг него расхаживали офицеры стражи в пестрых костюмах, в то время как рядовые стражники, вооруженные пиками, досматривали входящих в ворота и брали пошлину за въезд.

Ильмарранен заплатил два гроша — за себя и за безденежную Тилли.

Деревенщина истово вращала головами, проходя через арку ворот, массивных, разукрашенных, поражающих мощью и великолепием. Вылившись на площадь перед воротами, крестьяне терялись, нерешительно топтались в замешательстве и сразу же становились жертвой уличных мальчишек, которые, улюлюкая и бросаясь комьями земли, одновременно пытались утянуть с телег все, что плохо лежало.

Руал взял Тилли за локоть и втащил в одну из боковых улочек — изломанную улицу-щель.

Здесь было относительно тихо; между вплотную подступавшими друг к другу стенами бились эхом шаги Руала и шлепанье Тилли. Девчонка, задрав голову, бормотала удивленно:

— Ну как в колодце сидишь...

Небо над улочкой было такое же узкое и изломанное, и каменные стены, казалось, углом сходились над головой.

Из окошка под самой крышей выглянула голова в чепце, скрылась, водопадом плеснули помои, звонко разбились о мостовую, обдали брызгами Ильмарранена и девчонку. Тилли подняла голову и разразилась сочной, колоритной бранью. Наверху хлопнуло окно.

Улочка вскоре свернула, пошла вдруг круто вверх и вывела путников на маленькую круглую площадь, посреди которой стояло каменное изваяние на невысоком постаменте. На голове изваяния, покрытой каменным же капюшоном, топтался урюмый голубь. Руал провел пальцем по вытесанным на постаменте буквам:

— «Священное Привидение Лаш».

— Ты умеешь читать? — удивилась Тилли.

Площадь неспешно пересекли два степенных старца с та-

кими же, как у Священного Провидения, капюшонами на головах. Девчонка проводила их глазами и задумчиво почесала нос.

Путники поблуждали немного по темным кривым переулкам, поглазели на красивую медную бороду — вывеску цирюльни, на жестяную стрекозу у входа в булочную и деревянный костыль, приколоченный к дверям костоправа. Потом им пришлось прижаться к стене, пропуская роскошный паланкин, несомый четырьмя ливрейными лакеями, важными, громко сопящими от натуги. Тилли снова раскрыла изумленный рот.

Миновав украшенную медными завитушками арку, Ильмарранен и его спутница оказались на улице пошире и побогаче прочих. Прохожие презрительно сторонились, надменно косясь на высокого худого бродягу и босую девчонку в лохмотьях. Руал и Тилли приближались, по-видимому, к центру города.

Прошли тесной группкой полдесятка юношей в строгих черных одеяниях и треугольных шапочках, снабженных короткой серебряной бахромой. Им вдогонку поспешил еще один, со связкой книг под мышкой. Компания отчего-то развеселилась, опоздавшего хлопали по плечу, причем так радушно, что в конце концов сбили его шапочку на булыжную мостовую.

Компания удалялась, и Руал, ведомый неким неясным любопытством, двинулся следом. Заинтригованная Тилли тянулась за ним, как хвост.

Ребята, которые, конечно, были студентами, завели тем временем оживленный спор, и отпускаемые ими ученые словечки вызывали у прохожих невольное уважение. Опоздавший, тот, что был со связкой книг, говорил громче и возбужденнее всех, и его шапочка то и дело соскальзывала с макушки. Руал ускорил шаг, Тилли топала следом.

Улица вылилась на площадь, на широкую мощеную площадь, окруженную добротными домами из красного кирпича. Над черепичными крышами высилась башня — островерхая, с изъеденными временем толстыми стенами, с частыми решетками в узких окнах. У входа в башню постукивали алебардами внушительного вида стражники.

Напротив башни помещалось еще более примечательное строение — университет. С двух сторон от широкой мраморной лестницы замерли в величественных позах железная змея и деревянная обезьяна, символизирующие мудрость и стремление к познанию. Окна четырех высоких этажей были расписаны замысловатыми символами и географическими контурами, а на круглом, огражденном стальными прутьями балко-

не старый служитель орудовал тряпкой, смахивая пыль с человеческого скелета.

— Ах ты! — сказала Тилли.

Здание городского суда тоже выходило фасадом на площадь, но смотреть на него было неприятно — мрачное и приземистое, оно имело перед входом круглую черную тумбу с маленькой символической виселицей, на которой болтался тряпичный казненный. «Бойся закона!» — большими буквами было вычеканено на железных дверях суда. Руал и Тилли, не сговариваясь, обогнули эти двери по большой дуге.

Площадь оживала все более и более, бойко шла торговля с лотков, галдела толпа, то и дело проезжали роскошные экипажи. Тилли уставилась на черного трубочиста, который с нарочитой грацией перебирался с одного черепичного склона на другой, и чуть было не налетела на неспешно прогуливающийся патруль. Офицер в красном с белыми полосками мундире нахмурил было коротко подстриженные брови, но, на счастье, его внимание было отвлечено внезапным шумом на площади.

Студенты — их стало вдвое больше — стойкой стояли у широких ступеней университета и вдохновенно дразнили парочку вертлявых девиц в ярких, крикливых нарядах. Из того, как незлобливо и даже благосклонно огрызались девицы, можно было заключить, что ученые юноши знакомы с ними довольно давно и достаточно близко. Офицер стражи, а с ним и его солдаты, с интересом наблюдали за перебранкой.

Между тем к университетскому крыльцу вышел старик в пышном парике, в черном балахоне и с массивной цепью на шее. Студенты притихли, как мыши, девицы с разгону хихикнули несколько раз и смешались с толпой. Старик, исполненный негодования, что-то сурово выговаривал почтительно застывшим юношам, голос его напоминал звуки, издаваемые ученым скворцом. Закончив нравоучение, старик с минуту постоял молча — для внушительности — и удалился в храм науки. За ним, хихикая в рукава, цепочкой потянулись студенты. Последний, со связкой книг, проходя между змеей и обезьяной, дружески хлопнул мартышку по деревянному заду.

— Смотри! — девчонка дернула Ильмарранена за рукав.

По площади все так же степенно и неспешно шли четверо в капюшонах, неотличимые от тех, встреченных Руалом и Тилли возле памятника Священному Привидению. Девчонка набралась решимости и спросила у добродушной цветочницы:

— А кто это, тетенька?

Тетенька оказалась весьма разговорчивой особой, она всплеснула руками так, что ее хризантемы согласно закивали головками:

— Как ты можешь не знать, девочка? Это воины Священ-

ного Привидения Лаш! Они следят за тем, чтобы живущие выказывали Привидению свой трепет и почитали его. Они совершают некие тайные обряды в башне, а потом передают всем священную волю Лаш, и с этой волей считаются и мэр, и судья, и начальник стражи!

Тут цветочницу отвлек розовощекий франт, заинтересовавшийся ее товаром.

Руал и Тилли переглянулись и двинулись дальше.

Приостановившись у входа в университет, Ильмарранен не выдержал и подошел к деревянной обезьяне. Ее зад был отполирован до блеска поколениями шкодливых студентов, и Руалу вдруг мучительно захотелось носить треугольную шапочку с бахромой и замирать под взглядом строгого профессора. Он шагнул к дверям, но войти не решился, только вспомнил на мгновение пряный запах книжной пыли, и узоры прожилок на деревянной столешнице, и как немеет щека, когда засыпаешь над фолиантом... Тилли нетерпеливо тянула его за полу, он сдержал вздох и пошел прочь.

Вертелся людской водоворот, зазывали торговцы; Тилли, возбужденная сверх меры, крутилась у всех под ногами и как-то особенно преданно заглядывала Руалу в глаза. Он усмехнулся, видя, как удивляет ее большой город и как он ей нравится. Его толкнули, толкнувший — весьма приличного вида господин в длиннополом кафтане — мимоходом извинился, Руал извинился тоже. Между ними шмыгнула Тилли, подмигнула Ильмарранену круглым веселым глазом. Мимо протопал патруль.

— Караул! — отчаянно закричали у Руала за спиной. Он обернулся.

Господин в длиннополом кафтане держался рукой за грудь, и Ильмарранен подумал было, что у него сердечный приступ.

— Караул! — снова закричал господин. — Кошелек! Только что был, украли! Держи вора! Патруль!

Мелькнула в толчее до смерти перепуганная рожица Тилли, а офицер в красном с полосами мундире и его солдаты уже стояли рядом, сурово оглядываясь и с подозрением всматриваясь в лица. В толпе возникло замешательство.

— Держи вора! — снова закричал длиннополый господин, а офицер рывкнул:

— Всем стоять на месте!

Солдаты обшаривали толпу глазами. Честные обыватели тоже всю вертели головами, высматривая вора, который, конечно, не успел уйти далеко.

Тилли оказалась рядом с Ильмарраненом, бледная, с лихорадочно блестящими глазами. Вцепилась судорожно в его куртку. Руал удивился:

— Ты чего?

Тилли молча мотнула головой, а офицер и солдаты тем временем приближались. Какого-то подозрительного парня из толпы тщательно обыскивали под причитания пострадавшего.

— Вор! Вор! Держи вора! — прозвенел вдруг напряженный, почти что детский голосок. Руал огляделся — девчонки рядом уже не было.

Тилли, подумал Руал с неудовольствием. Вот еще не хватало, ну куда она лезет, дуреха?! Он поискал девчонку глазами.

Тем временем офицера стражи дернули за мундир, он наклонился, подставив кому-то ухо, потом выпрямился и двинулся сквозь толпу:

— Посторонись! Посторонись!

Руал поднялся на цыпочки и увидел Тилли. Тилли тоже увидела Ильмарранена, и глаза ее радостно загорелись:

— Вот, господин офицер! Вот он!

— Посторонись! — рявкнул офицер на зазевавшихся, толкнулся к Руалу и крепко взял его за локоть. Солдаты подошли следом и стали вокруг них кольцом.

— В чем дело? — спросил Руал, похолодев, но стараясь говорить спокойно.

Вместо ответа офицер вопросительно взглянул на Тилли. Та радостно закивала:

— Он, он! Вы обыщите его, господин офицер, кошелек-то при нем!

Руала будто ударили в лицо. Он пошатнулся и, не веря еще, одними губами спросил у девчонки:

— Ты что, ополоумела?!

В этот момент его локти завели назад, сноровистые руки прошлись по его бокам, выудили из широкого кармана пастушьей куртки толстый кожаный кошелек:

— Это что же, а?

Руал смотрел на кошелек, и перед глазами у него сгушалась пелена. Дрогнули колени... Тилли? Зачем? Безумие...

— Я спрашиваю, чей это кошелек? — повысил голос офицер. Руал поднял голову — как же они потешно выбривают брови, эти стражники.

Его уже вязали. Подоспевший длиннополый господин опознал кошелек и был счастлив сверх меры. Где-то там, на краю Руалова сознания, стрекотала Тилли: «А я увидела, как он кошелек вытащил — и в карман... Я с люльки глазастая, ясно?» Сын спрашивал отца: «Папа, это вор? А что ему будет?» Отец отвечал степенно: «Руку отрубят и уши... Чтоб неповадно».

— Погоди-ка, — сказал офицер и полез Ильмарранену за пазуху. Руал дернулся, ему заломили локти, офицер тем временем вытащил на свет небольшой грязный сверток.

— Это мое! — крикнул Руал.

Офицер осклалился:

— Ишь ты...

Упала на мостовую тряпочка. Золотая спинка, изумрудные глаза.

Ахнули зеваки:

— Золото... Да ты глянь!

Тилли издала громкий стон досады.

Начальник патруля усмехнулся недобро:

— Да ты, никак, уже поработал, и на славу...

И приказал солдатам:

— Ведите!

Его волокли через толпу, и над головами носилось: вор, вор...

Люди расступались, тыкали пальцами, кто-то кинул камнем, а небо с черепичными крышами вертелось над его головой, вертелось все скорее и скорее, и с каждым шагом он забывал вкус травы, и цвет вина, и пряный книжный запах.

* * *

Карета осталась на постоялом дворе — мы тронулись в обратный путь налегке, верхом. Ларт торопился, и скакали мы от рассвета до заката; в одну пеструю ленту слипились города и поселки, проносившиеся мимо, исчезающие за спиной.

Где-то на полпути нам пришлось заночевать под открытым небом, разложив костер на берегу озера-болотца. Водоем этот питался хилым родничком, с трудом пробивавшимся из-под кочки у самого берега.

Небо удивленно пялилось на нас тысячами блестящих глаз; в камышах возилась жутковатая ночная живность. Я дремал, завернувшись в плащ, а Ларт сидел, уставившись в огонь, и время от времени выписывал по воздуху огненные узоры палочкой с угольком на конце. Узоры зависали в воздухе, дрожали, распадались, гасли.

— Нет мне удачи, — говорил Ларт костру. — Бесплодные поиски, напрасные усилия... — Тут огненная картинка задержалась в воздухе дольше обычного, вспыхнула и рассыпалась цветными искрами. Я вздохнул тяжело и закрыл глаза, но сон не шел, вспоминалось ржавое золото, пламя костра оборачивалось пламенем пожара. «Огонь, взгляни мне в глаза»...

Поворочавшись, я поднялся. Под утро становилось холодно, напелзал от болота гнилой туман, а мне вдруг захотелось пить так сильно, что, оставив задремавшего Ларта, я отправился на поиски немошного родничка.

Я нашел его по звуку — неуверенному, но различимому в предутренней тишине журчанию. Осторожно, бочком спус-

тившись к самому озерному берегу, я на ощупь подставил родничку ладони, а потом и пересохшие губы.

Возня в зарослях приутихла; передо мной лежало зеркало чистой, не завоеванной камышами воды, и в зеркале этом отражались неохотно бледнеющие звезды. Я уперся ладонями в мокрую траву у берега и увидел свое отражение — темный, подрагивающий на воде силуэт. Едва светало.

С носа моего упала в озеро капля, разошлись круги по зеркальной поверхности, и, обомлев, я увидел в воде другое отражение — силуэт стоящего за моей спиной человека.

— Хозяин? — спросил я шепотом.

Силуэт качнулся, и я почему-то понял, что это НЕ хозяин. Страшно, сухо зашелестели камыши.

Я медленно выпрямился, оглянулся назад — и не увидел никого!

Плеснула в озеро рыбешка — наверное, большая. Снова смотреть в воду я не стал.

Отпрыгнув в сторону, как заяц, я опрометью поскакал туда, где остывал прогоревший костер, где спал в неудобной позе ни о чем не подозревающий Легиар:

— Хозяин, хозяин!

Нет, он уже не спал. Он сидел, нахохлившись, и смотрел исподлобья на того, другого, что стоял, протянув руки над розовыми угольями.

Серело небо.

— Долго же пришлось тебя дожидаться, Орвин, — сказал Легиар прохладно.

— Есть вещи, которые не повинуются даже магу, — хрипло отозвался пришелец.

Да, это был добрый знакомец Орвин, исхудавший, с еще более ввалившимися и еще более воспаленными глазами, понурый, опустошенный. И куда девался тот сумасшедший напор, с которым он явился в наш дом три месяца назад!

— Дамир, — бросил Ларт через плечо. — Костер, быстро!

Отсыревшие в росе поленья занимались плохо, а хозяин и не думал мне помогать.

Прилежно дуя в едкий, противный дым, я увидел, как качнулся в протянутой руке Орвина медальон на цепочке:

— Вот, Легиар. Почти полностью. Ржавчина.

Ларт поднялся, потянулся было к медальону, но касаться его не стал, а принялся выхаживать вокруг, подминая ботфортами мокрую осеннюю траву. Остановился резко:

— Ты нашел его? Того, о ком я просил?

Орвин качнул головой. Ларт пустился вышагивать снова, решительнее и все скорее.

— Я не могу найти его, — медленно сказал Орвин. — И ты

не можешь. Он не маг, у нас нет связи... Вот если бы у тебя сохранился принадлежащий ему предмет... Пуговица, пряжка...

— Я не дама, чтобы складывать безделушки в шкатулку, — отрезал Ларт, — а он мне не всзлюбленный, чтобы хранить его вещи.

— Хорошо бы кровь, — сказал тихо Орвин. — Хорошо бы хоть каплю его крови. Можно было бы проследить.

Ларт поддал носком сапога подвернувшуюся под ноги палочку, та описала дугу и ударилась о трухлявый пенёк.

— Хватит об этом... Ильмарранена ты не нашел. Я же не нашел ничего, что продвинуло бы поиски твоей Третьей Силы хотя бы на волосок. Твой медальон ржав, как гвоздь в кладбищенской ограде... Что еще?

Я призадумался, услышав имя Ильмарранена. Очевидно, та мысль, что все последнее время занозой сидела в Лартовой голове, напрямую была связана с этой ходячей легендой. А теперь оказывается, что хозяин давно уже пытался разыскать Маррана. А зачем?

— Я с самого начала все сделал неправильно, — пробормотал Легиар. — Я разыскивал ее, приманивал ее, собирал слухи, в то время как... — Он запнулся.

— В то время... — эхом отозвался Орвин. Ларта передернуло.

— В то время как по миру бродил Марран. Марран, которого мы вывели из игры... Да, потом я освободил его, освободил вопреки договору с Эстом, но я даже не знаю, в порядке ли у него рассудок! Небо, да кто же оправится от такого удара!

Он зашагал еще быстрее, под ногами у него была уже протоптана дорожка — черная дорожка в росистой траве.

— Ты думаешь... — пробормотал Орвин.

Ларт встал — разлетелись из-под ботфортов комья земли.

— Я не думаю. Я даже не хочу думать об этом. Он лишился магического дара... Пожалуй, он и мог бы оказаться магом, который не маг, тем самым, о котором говорится в прорицании... Но он раздавлен, он уничтожен, я ни на секунду не принимал его во внимание!

Он со свистом втянул воздух, потом его плечи вдруг опустились, и он выдохнул с тоской:

— Эх...

От этого горького «эх» что-то во мне болезненно сжалось. Нечасто, ох как нечасто мой мрачный хозяин позволял себе подобные интонации.

— Ты не принимал его во внимание, потому что тебе не хотелось, — тихо сказал Орвин. — Ты просто не желал видеть его Привратником. Маррана...

Ларт свирепо на него взглянул:

— Не говори ерунды... — Крутнулся на каблуках и снова принялся расхаживать, рассуждая, как ни в чем не бывало: —

На многие наши вопросы мог бы ответить старый Орлан из предгорий. Мог бы, если б не умер в одночасье, увидев нечто в Зеркале Вод... А до этого в Зеркале был кто-то, преследуемый невидимым и неосязаемым, страшным спутником... Кто это был? И кто его преследовал?

Орвин сидел, неудобно задрав голову, следил воспаленными глазами за Лартом, который бросил наконец расхаживать и остановился прямо перед своим молчаливым собеседником:

— Что ж ты, Прорицатель? Кто Привратник? Откуда явится Третья Сила и куда она нанесет удар? Есть ли вообще ответы на эти вопросы?

— Ответы уже здесь, — тихо отозвался Орвин. — Во мне прорицание. Я вынашивал его много дней и ночей. Теперь оно здесь, и мы все узнаем.

Он говорил, будто оправдываясь, а я весь покрылся мурашками, и Ларт, мой невозмутимый хозяин, переспросил внезапно севшим голосом:

— Что?

— Сегодня, — кивнул Орвин. — Через несколько минут... А пока сядь, пожалуйста, Ларт. Ты такой высокий, у меня шея болит...

Неподалеку от озера три сосны росли треугольником. Это их и погубило, потому что для прорицания понадобились три огня.

И Ларт зажег три огня, и сосны пылали сверху донизу.

Было очень страшно, но я стоял и смотрел, как между трех огней встал Орвин, и в глазах его плясало пламя, и он достал из-за пазухи ржавый Амулет и посмотрел в прорезь.

И голос его без усилия покрыл рев огня:

— Извне, она идет извне! Она пришла. Один день, один час, один человек. О горе! Чудовища пожирают живущих... И вода загустеет, как черная кровь. И ветви поймают в липкую паутину всех, имеющих крылья. И земля присосется к подошвам имеющих ноги. Но стократ хуже имеющим магический дар! Горе, горе... Один день, один час откроют ей двери. Один человек. Привратник. Горе, она здесь!

— Кто Привратник?! — закричал что есть силы Ларт, и Прорицатель услышал его, хотя огонь выл, пожирая сосновые кроны, мечась по стволам:

— Привратник. Он маг и не маг. Он предал и предан. Только Привратник откроет дверь, только Привратник, только один день, один час!

— Кто Привратник?! — надрывался Ларт.

— Он... лишен дара. Он был всемогущ и стал беспомощен. Он изменил, и ему изменили... Он измененный и изменившийся. Только он! Он откроет, и ЭТО войдет, но не раньше! Земля

закричит разверстыми могилами... Воздух станет тяжел и погребет под собой... Погребет... Как пусты лица, лишенные глаз! Но не раньше, чем Привратник откроет!

Сосны закачались вдруг, как огромные факелы в неверных руках. Ларт кинулся на Орвина и увлек его из треугольника, и вовремя — деревья рухнули одно за другим, подняв целый смерч пляшущих искр. Маги едва успели увернуться, а я — я давно уже отбежал подальше и оттуда смотрел, дрожа, как полыхает исполинский костер.

...Оттерев с лица жирную копоть, Легиар сказал бесстрастно:

— Теперь я знаю точно. Я знаю, кто Привратник. Я сам его создал. А теперь я убью его, найду и убью прежде, чем он откроет Ей дверь.

Он стиснул зубы до хруста, потом резко вскинулся:

— Вперед. Пока не поздно. Я знаю, я понял, как его найти.

* * *

Зал суда был устроен проходным — в одну дверь палач выволакивал молящего о пощаде осужденного, в другую стража вводила следующего злодея для нового разбирательства. Судья едва успевал подписывать бумаги, которые подсовывал ему примостившийся на низкой скамейке секретарь-писец. Шлепала круглая печать в лужицу сургуча, росла стопка приговоров рядом с помещавшимся тут же, на столе, устрашающим символом правосудия — игрушечной виселицей с казненной куклой.

Ильмарранена ввели в зал сразу после мошенника-торговца, приговоренного к публичной порке. Угрюмый стражник поставил Руала перед судьей, вернее, перед его тусклой лысиной, ибо вершитель правосудия как раз склонился над какими-то бумагами.

— Имя? — безучастно спросил маленький серый писец.

Руал разлепил запекшиеся губы:

— Мое имя не для твоих ушей, холоп.

Сидящий за столом хмыкнул и поднял голову. Руал вздрогнул — у судьи было благообразное, ухоженное лицо с двумя холодными дырами вместо глаз.

— Руал Ильмарранен, — сказал судья тихим, бесцветным голосом. И уронил сухой смешок: — Хе...

Руал судорожно вдохнул. Он не называл Тилли своего полного имени.

— Руал Ильмарранен, — продолжал судья, — пойман с поличным на мелкой краже. К тому же... — Он сунул руку куда-то под стол и извлек оттуда золотую ящерицу. Руал бессознательно шагнул вперед. Стражник придержал его за локти.

— Это ваша вещь, Ильмарранен? — спросил судья небрежно, в то время как его глаза-дыры прошивали Руала до костей.

— Моя, — хрипло сказал Руал.

— Хе. — Снова смешок, от которого мороз продирает по коже. — Эта вещь принадлежит некоему герцогу, некоему неудачнику-герцогу, которого однажды пользовал своими знахарскими снадобьями самозванный гадалщик-предсказатель... Как его звали, Ильмарранен, вы не помните?

Руал покачнулся.

— Хе, — судья внимательно за ним наблюдал, — я давно жду, Ильмарранен, жду, когда вы попадетесь... Дружок, — обратился он к писцу, — оставь эту пачкотню, тут совсем особый случай... Скажи на входе, пусть не беспокоят пока... И позови господ обвинителей.

Писец скрипнул скамейкой и засеменил к двери. Руал, который успел овладеть собой, утрюмо смотрел прямо в буравящие его глаза, пока судья не вытянул палец и не качнул им тряпичного висельника в петле:

— Так на чем мы остановились... Ага, — он порылся в бумагах, — выдал себя за знахаря... К этому вернемся позже. Украл золотую статуэтку... — Судья прихлопнул ящерицу пухлой рукой. Руала передернуло. — Дальше, — ровно продолжал судья, разбирая бумаги. Мягкие и розовые его пальцы поглаживали шпионские донесения, поглаживали нежно, будто трогательные любовные письма: — Интересная закономерность... Господину Ильмарранену нравится присваивать себе власть над людьми и явлениями... Вот он выдает себя за ясно-видящего, но — увь! — ему везет меньше, нежели в случае с герцогом. А вот, погодите-ка... Да, снова ворожба, знамения, господин Ильмарранен с удовольствием пророчит перед толпой... Превращает оборотня в собаку... До чего же все-таки глупа эта деревенщина! Вот еще, оружие погнулось вроде бы само собой, и какой-то скелет, впряженный в телегу... Вам не откажешь в изобретательности! Однако все это, вместе взятое, как-то жалко выглядит, не так ли?

Судья, казалось, расцветал с каждым словом. Он загонял слова Руалу под ногти, сдирал словами кожу и словами же ваптывал в грязный каменный пол.

Руал вздрагивал под ударами, пытался вспомнить лицо вдовы из поселка с пчелами и расписными кувшинами и как пес тыкался ему в колено, ища защиты и покровительства... Вместо этого напозлали одна на другую рожи и хари, и бился на траве невинно истязаемый юноша, на которого он, Руал, возвел напраслину. Стаканы... У него в руках треснул стакан.

— Хе... — снова сказал судья. Игрушечный висельник качался все медленнее.

— Вы... подослали мне девчонку? — спросил Руал с трудом.

Судья удовлетворенно откинулся на спинку кресла:

— А, маленькая бродяжка, что выдала вас правосудию? Вам было бы легче услышать, что все подстроено заранее, что эта соплячка оказалась шпионкой?

Судья, казалось, был в восторге, он качал головой и потирал руки. Потом, помучив Руала наизнанку выворачивающим взглядом, сказал мягко:

— Нет, Ильмарранен. Это не наша девчонка. Вы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** спасли ее там, на дороге. Она **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** к вам привязалась. Это не помешало ей гнусно предать вас при первом удобном случае. Согласитесь, что гнусно, Ильмарранен?

Распахнулась входная дверь за Руаловой спиной, судья нахмурился было, но, очевидно, вошли те, кого он ожидал увидеть.

— Приветствую, господа обвинители! — Он даже привстал вошедшим навстречу.

Совсем близко от Руала прошелестела грубая ткань плащей, и двое из воинства Священного Привидения Лаш, оба покрытые капюшонами, оба хмурые и исполненные значительности, подступили с двух сторон к судейскому столу.

— Вот Руал Ильмарранен, — сказал судья, указывая им на Руала. — Вы познакомились с документами по его делу. Хотите ли вы сказать что-либо относительно его установленных и занесенных в протокол деяний? Или Священное Привидение равнодушно к проступкам такого рода?

Тот из служителей Привидения, что был пониже и помоложе, вскинул голову так, что капюшон полностью открыл его лицо. Он был, очевидно, тяжело болен — кожа его казалась серой и дряблой, под глазами набрякли тяжелые мешки.

— Священное Привидение слышит меня, — сказал он неожиданно низким голосом. — Свидетельствую и обвиняю. Человек по имени Ильмарранен неоднократно выдавал себя за мага, либо провидца, либо знахаря, таковым на самом деле не являясь. Неправедное присвоение магического звания признается Священным Привидением проступком тяжелым и оскорбительным для Лаш. Священное Привидение требует публичного отречения вышеозначенного Ильмарранена от права называться когда-либо и до смерти включительно магом, а также провидцем, а также знахарем, отречения с последующим заключением в темницу. В случае неотречения Привидение настаивает на казни через усечение головы. Слава Священному Привидению!

Он поднял глаза к потолку, а потом уронил голову на грудь, и капюшон снова закрыл его лицо. В зале суда на несколько минут стало тихо, как на уроке строгого учителя.

— Хе, — не то усмехнулся, не то кашлянул судья. — Отрекаться будем завтра, в День Премноголикования, сразу после парада и перед народными гуляньями. Это будет внушительное и поучительное зрелище.

Прилетела откуда-то толстая муха, уселась на игрушечную виселицу. Ловким жестом прирожденного охотника судья поймал муху и казнил ее через задушение в кулаке.

— Нет, — сказал Руал устало. — Поучительного зрелища не будет. Перед вами, — он оттолкнул стражника и с трудом выпрямился, — перед вами стоит великий маг, может быть, величайший из всех живущих. Если вы не можете этого понять — ваша беда. Отрекаться? — И он засмеялся. Сначала было трудно, смех выходил жалкий, но потом будто пробку выдернули у него из горла, и он расхохотался по-настоящему, звонко, заливисто, как никто никогда не смеялся в этом пыльном и страшном зале.

Судья смотрел на него без улыбки, настороженно поводя холодными дырами-глазами. Двое из воинства Привидения стояли безучастно — капюшоны скрывали их лица.

Руал отсмеялся, и ему стало легче. Ему стало совсем легко, и даже жалко этого старика с его игрушечной виселицей.

— Я огорчил вас? Извините, — сказал он с улыбкой.

— Хе, — ответил судья. Двое в капюшонах, как по команде, повернули к нему головы.

— Зрелище будет, — сказал судья. — Исключительное зрелище... Вкусное зрелище... Ах! — Он сладко зажмурился и поцеловал от удовольствия кончики пальцев. — Сразу же после парада и перед народными гуляньями назначим вместо отречения казнь. Вельмож казнят через укушение ядовитой змеей, бродяг вешают. С тобой поступят сообразно воле Привидения: усекновение головы. Итак, у господина великого мага будет повод продемонстрировать свое могущество, не так ли?

— Хе! — ответил ему Руал.

Ночь накануне вкусного зрелища он провел в яме, в затхлом каменном мешке.

Струилась вода по липким цвелым стенам, собиралась в лужу на полу. Руал сидел, скорчившись, и потихоньку бредил.

Виделась ему высыхающая под солнцем трава, и круглые камушки в прибое, и муравей во впадинке, маленькой впадинке на девичьей шее.

— Ты... Ты... — бормотал он невнятно, и прыгало эхо, чуткое эхо тюремного колодца.

Вспоминался тугой горячий ветер в лицо, и как непривычно ощущать перья на своей человеческой коже, и земля внизу, подернутая туманом, и небо, как гигантский опрокинутый

бокал... И просто треск камина зимой, и просто горячее вино у камина.

Не убивайте меня. Ну что за беда — маг ли, не маг?

Богач транжирит деньги из бездонного мешка, пичуга на ветке думает, что лето бесконечно. А потом рука наталкивается вдруг на последнюю монетку, падает снег на зеленые листья — это несправедливо и неотвратимо. Вот моя жизнь — лаковая игрушка, яркая дорогая игрушка, и вот ее сломали, я сам ее разломал, так хотелось посмотреть — что внутри? Из чего сделана любовь? Хрусть — и нет любви... И я так и не понял, как она устроена... Новая игра, снова — хрусть... Да кто он мне такой, Ларт? Кем он был мне? Кто был я сам? Кому я нужен? Небо, зачем?

Потом он, кажется, даже задремал, и в полусне увидел обоих.

Они тогда взяли его в клещи — разъяренный, скрученный ненавистью Эст и оскаленный, взбешенный Легиар:

— Ты что же, щенок? Ты о чем с Хантом поспорил?

Тогда он понял, что влип, что это серьезно, что ему не справиться сразу с двумя. Попытался шутить — улыбка сползала с его лица, не держалась, не клеилась.

— На две стороны смотришь? — со страшным прищуром спрашивал Эст. — В два гнезда червячков носишь? Двумя куклами вертишь, кукловод, и с мельником об заклад бьешься?

— Марран... — сказал тогда Легиар, и тоска в его голосе была страшнее, чем Эстова ненависть, — что ж ты так поторопился? предавать, так сразу обоих?

— Я не предавал! — заходился Ильмарранен, но веры ему, конечно, не было, ибо лгал он и раньше, лгал обоим и радовался своей изобретательности, и выдумке, и хитрости...

— Будь проклят, — сказал устало Легиар.

— Будь проклят! — повторил Эст.

И тогда вдвоем они парализовали его волю, лишив возможности оправдываться и сопротивляться. Хлестали искры из их простертых пальцев, опутывали его сетью, он метался в этой сети, становившейся все чаще и прочней. И скрючились его руки, и судорогой свело ноги, и он слышал сквозь вой крови в ушах, слышал, переставая быть человеком:

— Проклят, предатель! Мебель, вещь!

Тот же, кто долго пробудет вещью, навсегда лишается магического дара!

И три года, три года ты, Ларт, ходил мимо, и вешал плащ на мои онемевшие пальцы, и знал, отлично знал, что с каждой секундой, с каждым мгновением я теряю по капле, как кровь, счастье быть магом, теряю безвозвратно, потому что никто в

этом мире не в состоянии вернуть мне мою суть, мой смысл, мой магический дар... Не ты давал мне его, тебе ли отбирать?!

А ты, Эст? Я помню твою шубу... И глаза твои помню, испытующие, тянущие такие глаза... Ты сказал тогда: «Здесь он уместен, как нигде более...» И стер ладонью пыль с моего деревянного плеча!

От одного этого воспоминания Ильмарранена бросило в жар. Он забился на скользких каменных плитах, кусал до крови губы, и пальцы, и руки...

Небо, единственное, для чего бы стоило выжить — это вернуть вам долг, маги. Вернуть долг той же звонкой монетой.

Парад наконец закончился, поговаривали, что это был лучший парад за последние пять лет. На каждом углу продавали леденцы на палочках и пирожные в виде кремовых гроздовых туч со свешивающимися мармеладными молниями. Дети восседали на плечах отцов, подружки несмело стискивали влажными пальчиками онемевшие от смущения ладони дружков.

Гулянье никак не начиналось — все ждали назначенного на это время исключительного зрелища.

И вот наконец по толпе прокатилось оживление, а затем волна восторженных воплей и хохота.

На улицы выехала большая открытая повозка с установленной на ней узкой обезьяньей клеткой. В клетке, прикрученный за руки к прутьям, стоял человек в нелепом цветастом балахоне; на голову его был напялен шутовской колпак, напомилавший в то же время остроконечную шапочку чародея. Вокруг клетки водили хоровод ярмарочные актеры; вот повозка выехала на площадь и встала.

С высокого балкона наблюдал за представлением судья.

— Почтеннейшая публика! — обратился к людям зазывала. — Перед вами великий маг Ильмарранен. Кто хочет убедиться в его могуществе?

Откуда ни возьмись, в толпе замелькали чепцы торговков зеленью. В корзинках у них лежали специально для этого случая приготовленные овощи — гнилые яблоки и тухлые помидоры. Люди недоуменно переглядывались.

— Ну же! — подзадоривал зазывала. — Кто решится первым вызвать ужасную магическую месть? Может, он поразит вас молнией? Или ударит громом? Проверьте, что будет с великим магом, если в него чем-нибудь запустить?

В толпе посмеивались, но первым швырнуть яблоко никто не решался.

— О, как страшно! — зазывала закатил глаза. — Неужели никто не осмелится попробовать?

Руал оглядывал толпу — радостные, любопытствующие,

возбужденные зеваки. И стойкой выбирались прочь несколько хмурых, нахолренных студентов. Один обернулся — Руал узнал парня, похлопавшего по заду деревянную обезьяну — и горько, сочувственно взглянул в сторону человека в клетке.

К повозке тем временем протолкнулся мальчишка лет десяти, потрясая тухлым помидором, широко улыбнулся.

— Молодой человек решился! — обрадовался зазывала. — Подойди ближе, дружок, и бросай посильней!

Кто-то из актеров поставил мальчишку на повозку, тот подошел к клетке почти вплотную — толпа замерла, — примерился, целя Ильямарранену в глаз.

Руал смотрел на него сквозь прутья — мальчик как мальчик. Плотный, светловолосый, на носу царапина. Встретился с Руалом взглядом, гикнул возбужденно, прицелился и бросил. Р-раз!

Ахнула толпа. Ильямарранен поднял лицо, залитое зловонной кашцей. Руки его были привязаны, он даже не мог обтереться.

— Где же испепеляющая магическая молния?! — комично ужаснулся зазывала.

Громко захохотал мальчишка и соскочил с повозки, потому что со всех сторон в нее тут же полетели гнилые овощи.

Руал сжался, вздрагивая от ударов; прутья не защищали его, а уклониться он не мог. Зазывалы не было слышно — так свистела и улюлюкала площадь.

Светлое небо. Смерть — понятно. Пусть казнь, пусть самая страшная. Только не... не...

Залитый нечистотами, он пытался отвернуть лицо, но зрители целились метко. Шлеп! Шлеп! Ну до чего он смешно дергается, поглядите!

Наконец корзинки зеленщиц иссякли, улюлюканье поухло, и зазывала объявил следующий номер — «Фарс о великом Ильямарранене».

Один из паяцев, натянув на голову такой же, как у Руала, дурацкий колпак и измазав щеки гнилым помидорным соком, принялся изображать великого мага Ильямарранена, творящего чудеса. Надсадным фальцетом «маг» выкрикивал:

— Я Ильямарранен, я всемогущ! Я так ловко превратил оборотня в собаку, крысу в молочного поросенка под соусом, а всех прочих в полных идиотов!

Остальные актеры, внимая «магу», преувеличенно разевали рты, выкатывали глаза и воздевали руки, восклицая с фальшивым благоговением: «О чудо, чудо!» Стоило шуту, однако, попытаться произнести заклинание, как куцы его штаны внезапно падали до колен, и толпа разражалась радостным смехом, а актеры заводили веселую песню, заканчивающуюся

словами: «Уж как страшен, как могуч великий маг навозных куч!»

Руал тяжело дышал, вцепившись в прутья, к которым были надежно привязаны его руки, смотрел на щелястое дно повозки, все в темных потеках, и пытался плечом вытереть залепленное гнилью лицо.

Паяц, наряженный «магом», заметил это. Прервав представление, он подскочил к клетке, подмигнул публике, взялся руками за воображаемые прутья перед собой и скопировал Ильмарранена, скопировал виртуозно, точно — и выражение его грязного лица, и позу, и движение. Площадь грохнула хохотом. Руал вздрогнул — паяц поймал и это, поймал и повторил, смешно кривляясь. Люди надрывали животы. Актеры снова запели песню о великом маге, и повозка тронулась.

Его возили по городу, останавливаясь ненадолго на главных улицах и площадях. Шут в колпаке рассказывал всем о «подвигах» Ильмарранена, не упуская случая передразнить его случайное движение. Время от времени кто-то из публики запускал в Ильмарранена тухлым яйцом, и когда по щекам его стекали желтые потеки, зазывала спрашивал сочувственно:

— Ну, не отомстить ли магическим ударом? Смерчем, землетрясением? Мы же всемогущи, не так ли?

«Уж как он страшен, как могуч, великий маг навозных куч!» — распевали актеры.

Маленькая девочка, сидящая на плечах отца, размахнулась и бросила в Руала чем-то, больно ударившим его по носу.

Ильмарранен разрыдался.

Он рыдал и бился о прутья клетки, а шут передразнивал его всхлипы и судороги, и толпа улюлюкала, и стекали по Руалову лицу не слезы, а грязные вонючие потеки.

В одну отвратительную рожу слились все лица площади, и лица всех живущих на свете слепились в одну харю, глумящуюся, разевающую в хохоте слюнявый рот, и черная ненависть, нет, нечто гуще и тяжелее ненависти заполнило его всего, без остатка, до кончиков пальцев, до корней волос. Выжечь все, выжечь, как извергнувшаяся из вулкана лава выжигает траву и кусты... Лава... Он был лавой. Он уже был.

Выжечь!

Действо тем временем приближалось к концу. Сгущались сумерки, чадили двадцать четыре факела вокруг свежескопченного помоста. Плаха была круглая и размалеванная, как барабан. Стражники, демонстративно затыкая носы, извлекли Руала из клетки и вытолкнули на помост.

Вслед за ним, крихтя, поднялся судья в сопровождении двоих, покрытых капюшонами. Развернул изукрашенный свиток, оглядел переминающуюся толпу, отдал свиток маленько-

му серому писцу. Все это Руалу виделось сквозь мутную красную пелену.

Писец читал плохо, без выражения, некоторые слова трудно было разобрать:

— Несправедливое ение магического ания карается...

— Ну скорей, скорей, скорей! — волновалась толпа.

На другом конце площади вспыхнул фейерверк.

В наступающей темноте из ничего возникали огненные дворцы, били синие фонтаны, осыпаясь искрами в каменный бассейн, вращались колеса, на которых вертелись колесики, на которых крутились маленькие цветные волчки. С треском взлетела в осеннее небо гроздь зеленых огней.

Судья оглядел Ильмарранена глазами-дырами, хмыкнул, спросил с отеческой заботой в голосе:

— Ну, может, отречемся все-таки? Покаемся?

Руал вздохнул судорожно, и его вырвало. В публике свистнули. Судья брезгливо отступил.

Палач, изящный молодой человек в красной накидке, взял Ильмарранена сзади за шею и нагнул, опустив его подбородок в специальное углубление на плахе. Потом примерился топором — Руал шеей ощутил прикосновение ледяного, как змея, лезвия.

— Ну, Ильмарранен? — где-то далеко-далеко прошелестел судья. — Последнее чудо, не так ли? Впрочем, у вас есть шанс исправиться...

На помосте зазвонили в колокольчик — внимание, мол, публика.

Выжечь... Он был потоком лавы, огненным, темно-красным, он огибал валуны, немо кричащие от ужаса, растения умирали от его прикосновения, огромная гора извергла его из раскаленного нутра, извергла под небо, под звезды...

Он приподнял над плахой лицо, облепленное коркой нечистот. Выговорил сухим, будто обуглившимся, языком:

— Вы... получите... свое чудо.

Кто-то нажал на его затылок и снова ткнул подбородком в углубление. От удара Руал прикусил язык.

— Ну, Ильмарранен?! — в последний раз спросил судья.

— Ма-аг... — прохрипел Руал.

Опустился топор.

Он падал долго, красиво и мощно, и он на палец ушел в дерево.

Ахнула толпа. Отскочил судья. Дрогнули факелы в руках стражников.

Плаха была пуста.

Топор торчал из пустой плахи, чистый, без единой капли крови.

— А-а-а! — завизжал кто-то из передних рядов зрителей. Задние привстали на цыпочки.

Бледный, схватился за сердце судья.

Топор помедлил и рассыпался огнями фейерверка.

* * *

Эту скачку я буду помнить всю жизнь.

Мы неслись сумасшедшим галопом — я за спиной у Ларта, Орвин на моей лошади. Над нами танцевали звезды, а под копытами была пустота — так, во всяком случае, мне казалось. Ларт что-то кричал — отчаянно и зло; внизу, в темноте, мерцали неясные тени, огоньки, и в вое ветра отчетливо слышались обрывки сухо клацающих, непонятных, пугающих фраз. Волосы дыбом стояли у меня на голове, пальцы сводило судорогой. Нам навстречу вставал новый рассвет.

А еще через два рассвета я опомнился у подножия холма, того самого до мелочей знакомого холма, на который с замирающим сердцем поднялся три года назад, отправляясь наниматься к чародею. Лартов дом смотрел на нас сверху, тихо радуясь возвращению хозяина.

Но Ларт не стал заходить домой. Он забыл, что людям положено есть, пить и спать. Как потерянный, он бросил поводья, сошел с дороги и побрел по траве, всматриваясь во что-то у себя под ногами.

На плоском выщербленном камне лежала ящерица, последняя осенняя ящерица грелась в последних теплых лучах. Она не шевельнулась, когда подошел Ларт. Она не убежала — возможно, не могла, — когда он опустился рядом на землю и заглянул в крохотные глаза — сначала один, потом другой. На секунду мне показалось, что ящерицу и мага соединяет натянутая до звона нить; потом ящерица спросила:

— Кто это?

Может быть, это и не ящерица спросила, но я точно слышал голос — женский, низкий и напряженный.

— Легиар, — сквозь зубы ответил Ларт.

Ящерица рванулась:

— Что тебе нужно?

— Говорить с тобой, — отозвался Ларт, не отводя прищуренных глаз.

— Я не стану... — Ящерица снова рванулась, сильно, судорожно; она явно пыталась вырваться из чего-то, мне не видимого, пыталась долго и отчаянно, пока не ослабла наконец и не застыла снова. — Как ты смеешь?! — Голос сорвался.

— Мне нужно тебя видеть, — сказал Легиар с нажимом. — Где ты?

— Дома, — прошептала ящерица.

— Веди, — бросил Ларт и взял ящерицу с камня.

Тут наконец вмешался Орвин:

— Я знаю, где это... Я бы привел!

Ларт наградил его до невозможности тяжелым взглядом.

Ее дом тоже стоял на пригорке, чуть особняком от прочего поселка. А сам поселок был мне хорошо знаком — на другом его конце жила моя подружка Данна, а хозяин здешнего трактира не раз угощал меня задаром. Небо, как давно это было!

Дом, опрятный и ухоженный, сжался и съежился перед приближающимся Лартом, а резные ворота почти по-человечески жалобно застонали под его кулаками.

Открыл немолодой уже мужчина, обеспокоенно оглядел пришельцев, нервно отвел со лба прядь длинных, с проседью волос:

— Что вам угодно, господа?

— Нам угодно видеть Кастеллу по прозвищу Ящерица. — Ларт попытался отодвинуть его плечом, но стоящий в дверях не поддался и заступил ему дорогу.

— По какому праву вы входите в мой дом, не спросив разрешения? — говорил он тихо и внятно.

Легиар отступил и прищурился. Я в ужасе понял, что сейчас произойдет. Орвин тоже понял и рванулся, чтобы вмешаться, но не успел, потому что в этот момент за спиной хозяйина дома встала женщина.

С первого взгляда обычная женщина, хозяйка в темном домотканом платье. Но тут же я понял вдруг, что это не просто пастушка или телятница — было в ней что-то внезапное, припрятанное, скрытое от посторонних глаз. Порода, наверное.

— Март, — сказала она тихо, положив руку на плечо стоящего в воротах мужчины. — Дай, я поговорю с ними. Это ничего.

Они встретились взглядами. Потом мужчина сдвинул брови:

— Если кто-нибудь из них посмеет обидеть тебя... — Он по-прежнему говорил тихо, но глаза его недобро блеснули, когда он глянул на Легиара. Помедлил, неохотно отступил в сторону: — Входите...

Мы вошли.

Двор был, пожалуй, даже слишком просторным. В глубине его, под фруктовыми деревьями, стояла скамейка, куда кивком головы и пригласила нас женщина — сейчас она казалось гордой, даже надменной.

— Говорить будем здесь.

Все остались стоять.

— Итак, Легиар, — сказала она ровно, — вы применили ко мне силу. Значит ли это, что между нами теперь война? Значит ли это, — она обернулась к Орвину, — значит ли это,

Орвин, что вы в этой войне приняли сторону Легиара? Значит ли это, наконец, — ее голос дрогнул, — что мое желание оставить магию и общество магов никем не принято во внимание?

Орвин нервничал, бледное лицо его, покрытое неровными красными пятнами, сделалось похожим на географическую карту. Я ждал в тревоге, что же Ларт ответит на эту гневную тираду. Но он молчал, кусая губы.

На противоположной стороне двора стоял, привалившись к забору, и смотрел на нас мужчина по имени Март.

— Кастелла, — сказал наконец Ларт. — Я прошу прощения за то, что сделал. Можешь ударить меня, если хочешь. Но сейчас каждая секунда дорога, каждая уходящая секунда! Разве ты ответила бы, обратиться я к тебе с просьбой?

— Нет, — сказала она без промедления. — Мне плевать на твои страхи, Легиар. Мне неинтересны твои дела. Я живу в другом мире.

Орвин, сжимавший дощатую спинку садовой скамейки, подался вперед:

— Мир один, Ящерица! — сказал он горячо и убежденно. — Мир у нас один, послушай, пожалуйста!

На щеках Легиара ходуном ходили желваки:

— Не время сводить счеты. Не время вспоминать обиды. Третья Сила существует, и она подошла так близко, что ее дыхание шевелит волосы на наших головах. Где Марран, Кастелла?

— Зачем? — спросила она с неприкрытой ненавистью.

— Он... — начал было Орвин, но Ларт перебил:

— Он должен нам помочь. Он поможет нам. Кастелла, ты должна знать, где он.

Она прищурилась, переводя взгляд с одного на другого:

— Так вы еще не наглумились, Легиар?

Орвин чуть не выдернул скамейку из земли одним резким нервным рывком:

— Да нет же, Ящерица! Нет! Не то! Мой медальон ржавеет, и...

У нее, надменной, злой, вдруг задрожали губы. Она не хотела слушать.

— Вы... Вы изувечили его... За что? За глупый проступок? За шалость, которую объявили предательством? И двое на одного!

— Не лицемерь!! — Ларт сорвался. — Он получил, что заслуживал! А ты — ты молчала все это время, потому что считала наказание справедливым!

— Наказание?! Да вы расправились с ним в угоду собственной гордыне... А скорее всего из зависти!

Я отшатнулся — думал, тут ей и конец пришел. Но Ларт — железный Ларт! — уже взял себя в руки:

— Хватит. Где он?

А ее все еще несло:

— Где? А куда вы его бросили? Куда вы его швырнули, искалеченного и беспомощного? Куда вы отправили его умирать?

— Умирать?! — в ужасе переспросил Орвин.

Она глянула на него мимоходом и снова бесстрашно посмотрела Ларту в глаза, посмотрела с вызовом, с превосходством:

— А вот он жив. Жив и счастлив! И он еще вернется, Легиар, подожди!

— Откуда ты знаешь? — быстро спросил Ларт. — Ты следила за ним?

— Кровь... Его кровь, да? — подался вперед Орвин, но Легиар раздраженно от него отмахнулся:

— Не говори ерунды... У нее не хватило бы силы так долго удерживать связь.

Женщина вскинула голову совершенно неподражаемым, победоносным движением. Усмехнулась, переводя взгляд с одного мага на другого. Даже меня удостоила мимолетной усмешкой, даже подобрела как-то, расправила плечи. Потом небрежно скользнула рукой за корсет своего простого платья и вытащила оттуда что-то вроде вчетверо сложенной тонкой салфетки. Спрятала лоскуток в ладонях, снова оглядела нервно ломающего пальцы Орвина и застывшего, как глыба, Легиара.

Молчание затягивалось. Наконец женщина снисходительно усмехнулась и развернула лоскуток.

Это была-таки салфетка, тонкая, белая, а в центре ее расплзались на глазах дыры с черными обугливающимися краями.

Улыбка застыла на лице женщины, застыла, обернувшись страшной гримасой.

— Небо... — прошептал Орвин. Неровные пятна разом сошли с его лица, и оно стало белым-белым, без кровинки.

Через двор уже несея Март, несея длинными отчаянными прыжками.

Ларт не проронил ни звука.

Женщина всхлипнула жалко и выронила изуродованную тряпицу. Ларт нагнулся было, быстро поднял то, что осталось от салфетки, — и выронил тоже, потому что лоскуток вспыхнул неестественно красным пламенем, чтобы тут же рассыпаться щепоткой пепла.

— Марран, — сказала женщина глухо.

Подоспевший Март поддержал ее, прижал к себе, и никто, кроме меня, не видел, как болезненно дрогнули его губы при звуке этого имени.

Орвин, заламывая руки, смотрел на Ларта. Ларт молчал.

Март попытался увлечь женщину в дом, но та вдруг отстранилась, шагнула неуверенно, опустилась на скамейку:

— Ларт, — позвала она шепотом, — Ларт...

Легиар быстро склонился над ней:

— Что?

Она подняла к нему осунувшееся, залитое слезами лицо:

— Поклянись... Поклянись, что ты не преследовал его после... После...

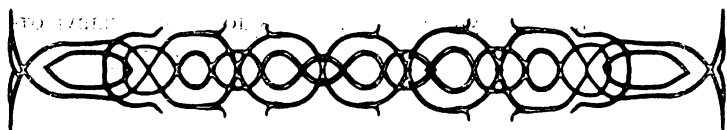
Она не договорила. Ларт вздохнул, взял ее за плечи, повернул к себе, произнес, глядя прямо в горестные глаза:

— Клянусь. Светлым небом клянусь, я его не трогал.

Она уронила голову. Март подхватил ее, не сопротивляющуюся больше, на руки и унес в дом. Орвин шагнул было следом, но Легиар взял его за плечо и остановил:

— Идем. Тут мы не поможем и нам не помогут.

В доме горько заплакал ребенок.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОЕДИНОК

архатная тьма.

Он лежал на гладких досках, казавшихся мягкими, как перина. Неба не было, но и потолка не было тоже.

Когда топор коснулся шеи длинным, холодным, как змея, лезвием... Неужели права была одноглазая старуха, нянчившая его в раннем детстве, неужели после смерти действительно наступает новое? Гладкие доски... Постой-ка, разве не говорила одноглазая нянька, что тело остается на земле, чтобы его похоронили? А разве способна моя душа ощущать эти уютные доски, это заботливое, со всех сторон идущее тепло? А вот сквозняком потянуло... Небо, да где же я?

Ласково потрескивают поленья в очаге.

ЗДРАВСТВУЙ, МАРРАН.

Кто сказал — здравствуй? Разве могу я здороваться сам с собой?

Тихий смех.

Я слышал уже этот смех, но тогда я отчего-то боялся его, а теперь...

Руал пошевелился — тело слушалось, и ни боли, ни страха. Свет... Откуда свет? Вот, от очага, и еще сбоку, ниоткуда, два широких луча, кругами ложащиеся на доски, и выпукло проступают мельчайшие неровности и квадратные шляпки гвоздей...

Он помедлил и встал. Огляделся, пытаюсь привыкнуть к полумраку. Клетка, паяцы, град гнилых овощей, плаха — когда это было? Год назад, минуту назад?

Осторожно двинулся вперед, раздвигая прозрачные ткани, каскадами спускающиеся сверху. Искал, высматривал, почему-то уверенный, что обязательно найдет того, кто...

НЕ ИЩИ, МАРРАН.

Он вздрогнул и остановился.

НЕ ИЩИ, МАРРАН. Я ЗДЕСЬ. Я В ТЕБЕ. Я УЖЕ ОТЧАСТИ — ТЫ.

Кто ты?

ТВОЯ СУТЬ. ТЫ ИЗБРАН.

Кем?

СУДЬБОЙ. СИЛОЙ. НЕ ДЕЛАЙ УДИВЛЕННЫЕ ГЛАЗА — ТЫ ЗНАЛ ОБ ЭТОМ РАНЬШЕ. О ЧЕМ ТЫ ДУМАЛ, КОГДА БЫЛ МЕБЕЛЬЮ В ДОМЕ ТОГО, КТО ТВОИХ НОГТЕЙ НЕ СТОИТ?

Потрясенный, Руал касался ладонями жестких, веером ниспадающих из темноты кружев. Кто-то говорил с ним изнутри — совсем так же, как тогда, на дороге, когда казалось, что сходишь с ума...

Небо, да я же с ума сошел! Только безумная фантазия способна создать, извлечь из небытия это место: голые доски, сбоку — стены, каскады, веера тканей, а там вот — посреди ровной площадки трещит поленьями обыкновенный домашний очаг... Я брежу. Я помешан.

Тихий смех.

ТЫ ДОЛГО БЫЛ ПОМЕШАН. ТЫ ГОРЕВАЛ О ПОТЕРЕ МАГИЧЕСКОГО ДАРА, А ТЕБЕ УГОТОВАНО БЫЛО МОГУЩЕСТВО, В СРАВНЕНИИ С КОТОРЫМ СИЛА КОЛДУНА — СМЕШНАЯ И НЕЛЕПАЯ ИГРУШКА. А ТЕПЕРЬ ТЫ СОМНЕВАЕШЬСЯ? ТЫ ТАК СВЫКСЯ С РОЛЬЮ ЖЕРТВЫ? ЗАГЛЯНИ СЕБЕ В ДУШУ, МАРРАН! ТЫ УВИДИШЬ ТАМ — МЕНЯ.

Ильмарранену стало страшно.

НЕТ, НЕ БОЙСЯ. БОЯТЬСЯ БУДУТ ТЕБЯ. ТЕБЯ, ИЗБРАННИКА. А ТЫ ИЗБРАННИК, И ТЫ ЭТО ЗНАЛ.

А ведь действительно знал.

Знал, когда меня привязали к седлу и тащили за лошадью много верст, поддавая охоты кнутом.

Знал, когда меня пороли, и знал, когда раздавленным червем корчился в гнилой канаве.

И когда оборванцем бродил по дорогам, и когда умирал с голоду, если кто-нибудь из жалости не давал мне куска хлеба!

Я водился с этими ничтожными, гнусными тварями, в изоляции заселяющими лицо Земли. И я сделал им столько добра, а они отплатили мне подлостью, и предательством, и гнилушками в лицо, и утробным воем забавляющейся толпы, и плахой.

Одна большая, рыхлая, глумящаяся рожа. Небо, чего же вы достойны?!

С НИХ И СПРОС НЕВЕЛИК. ВСПОМНИ ДРУГИХ.

Судорога прошла по телу Маррана. И воочию, совершенно ясно он увидел прихожую с двумя уродливыми рогатыми вешалками — справа и слева от двери. И как они сучат руками-крючьями, и разевают рты — круглые дырочки сучков на полированных стойках, и молят, молят о пощаде!

Легиар.

Эст.

Легиар.

Меня одолели. Меня растоптали. Меня вышвырнули, не удостоив взгляда. Меня сочли смиренным и беспомощным. Сбросили со счетов. Изъяли из колоды. В яму. В дерьмо. В неизвестность. В осознание, что от смерти моей ничего, ни-че-го не изменится. Раздавили походя, как букашку на дороге, размазали по земле и забыли. Остался комок слизи, жалко скулящий, подергивающийся комок!

ТЫ ВСПОМНИЛ, МАРРАН. ТЕПЕРЬ ТЫ ВСПОМНИЛ. НО СТРАХ И НЕНАВИСТЬ МАГОВ БЕССИЛЬНЫ, ПРИ ВСЕМ ЖЕЛАНИИ ИМ НЕ УДАЛОСЬ ПРЕВРАТИТЬ ТЕБЯ В НИЧТО. ОНИ — ТОЛЬКО КАПЛИ МУТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МОРЯ, В ТО ВРЕМЯ КАК ТЫ РОЖДЕН ПОВЕЛОВАТЬ, ВЕРШИТЬ, ПОДЧИНЯТЬ. ОНИ ПОПЛАТЯТСЯ.

Чего же ты хочешь?

НЕ СРАЗУ. ПОСЛУШАЙ. МИР МЕНЯЕТСЯ, ПЕРЕМЕНЫ ЭТИ БЛАГОТВОРНЫ. ТЫ ПОМОЖЕШЬ МИРУ, И ТЫ ПОМОЖЕШЬ СЕБЕ. ТВОЕ МОГУЩЕСТВО НА ПОРОГЕ, НО ОНО НЕ ВОЙДЕТ БЕЗ ТВОЕЙ ПОМОЩИ. ОТКРОЙ ДВЕРЬ.

Дверь?

ОТКРОЙ ДВЕРЬ В КОНЦЕ КОРИДОРА. Я ВОЙДУ.

Так кто же ты?

ТВОЯ СУТЬ. НАСТОЯЩИЙ ТЫ. ОТКРОЙ, И Я ВОЙДУ В МИР.

Марран чувствовал, как окатывают его с головы до ног горячие и ледяные волны. Колотилось сердце, колотилось не в груди, а будто бы в горле. Плясал перед глазами огонек очага.

Зачем тебе в мир? При чем тут я?

ИЗБРАННИК, Я НЕСУ ТЕБЕ ВЛАСТЬ. МИР ПОЧУВСТВУЕТ ТЯЖЕСТЬ ЭТОЙ ВЛАСТИ. ОН ЗАПЛАЧЕТ СНАЧАЛА, НО, И ПЛАЧА, ПРОСЛАВИТ ТЕБЯ. ОТКРОЙ ЖЕ ДВЕРЬ!

Так ты хочешь... Хочешь, чтобы я впустил в свой мир чужака?

Смех.

А ТЫ РАЗВЕ НЕ ЧУЖОЙ В ЭТОМ МИРЕ? О, ЭТОТ БЕЗДАРНЫЙ, СЛЕПЕНЬКИЙ МИР, УБИВАЮЩИЙ ЛУЧШИХ! С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ, ЧТО ОН ТВОЙ?

Этот мир?

...НЕ СТОИТ ТЕБЯ. ЧТО ОН? КАКИЕ ЗАКОНЫ УПРАВЛЯЮТ СТАДАМИ МЕЛОЧНЫХ, ПОДЛЕНЬКИХ, НЕДАЛЕКИХ ЛЮДИШЕК? МАГИ — ТЕ МНЯТ СЕБЯ ГОСПОДАМИ И ВЛАСТИТЕЛЯМИ, НО ВДУМАЙСЯ — ЧЕМ ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ПРОЧИХ?

Маги... «Тут он уместен, как нигде более»... И повесил тяжелую шубу на мои скрюченные пальцы!

ТЫ, МОЖЕТ БЫТЬ, СЧИТАЕШЬ СЕЙ МИРОПОРЯДОК НЕПОГРЕШИМЫМ? МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫЙ МИРОПОРЯДОК?

А разве можно выбирать?

ПОДОЙДИ К ОЧАГУ.

Выбравшись из путаницы кружев и мешковины, он шагнул к очагу — надежному и уютному.

Очаг был аккуратно обложен крупными светлыми камнями, прокопченный вертел над ним пустовал. Но огня — огня-то, оказывается, и не было, только скомканная красная бумага да мерцающий свет. Руал коснулся камня ногой — тот поддался, легкий и пустой изнутри. Обойдя кругом, Ильмарранен с ужасом убедился, что такой настоящий и простой очаг выглядел с изнанки жалко и неестественно.

ВЕЩИ ИМЕЮТ ДВЕ СТОРОНЫ. ВИДИШЬ?

И каменное кольцо очага, и сам очаг рассыпались прахом, превратились в гору мусора.

ТО ЖЕ ОЖИДАЕТ МИР, ПОСКОЛЬКУ МИР НЕСОВЕРШЕНЕН. Свет же, из очага исходивший, не исчез, а стал сильнее, и в этом свете Руал разглядел совсем рядом, в нескольких шагах, край черного провала без дна, а сбоку, там, где не было тканей, — голую стену и узкий коридор.

ВИДИШЬ? В КОНЦЕ КОРИДОРА ДВЕРЬ, А ЗА ДВЕРЬЮ — ЖИЗНЬ, ВЛАСТЬ, НОВОЕ ВРЕМЯ.

Чья власть?

ТВОЯ.

А ты? Чего хочешь ты, какова твоя доля в этой власти?

ГЛУПЫШ. МЕНЯ НЕ БУДЕТ, КОГДА ТЫ ОТКРОЕШЬ ДВЕРЬ. МЕНЯ НЕ БУДЕТ, ПОТОМУ ЧТО Я СТАНУ ТОБОЙ. ТЫ ЖЕ СТАНЕШЬ МНОЮ.

Ни звука, ни дуновения не доносилось из разверстой в двух шагах бездны. Не двигались косые лучи света, кругами лежащие на доски.

Кем я только не был. Был вешалкой. Был знахарем и гадальщиком. Был червяком. Был бродягой. Но и лавой из вулкана тоже был, помнишь? Теперь ты хочешь, чтобы я примерил новую личину?

НЕ ЛИЧИНУ. СУТЬ.

Суть...

Руал тряхнул головой. Темнота, тишина, тот, кто говорил с ним изнутри, — все это снова показалось наваждением, бредом.

Я не хочу быть тобой. Я не хочу быть никем, кроме себя, ясно? А сейчас дай мне уйти. Я устал.

Смех.

УХОДИ, ПОЖАЛУЙСТА. ТОПОР ЗАНЕСЕН. ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ТОПОР ЗАНЕСЕН. ДА ЧТО ТАМ! С МОМЕНТА

ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ, С ПЕРВОГО СЛАБОГО КРИКА ВСЕ
ТОПОРЫ В РУКАХ ВСЕХ ПАЛАЧЕЙ ЭТОГО МИРА ИЩУТ
ТВОЮ ШЕЮ. ИДИ ЖЕ!

Руал шагнул в сторону, и тут же огромное лезвие исполин-
ской секиры обрушилось сверху, из бархатного небытия, об-
рушилось и вонзилось в доски. Он отшатнулся; лезвие подра-
гивало, отражая свет мутными, запятнанными черным боками.

ЭТОТ МИР ПОЛОН ПАЛАЧЕЙ. ВСЕ ПАЛАЧИ ИЩУТ
ТВОЕЙ ШЕИ, МАРРАН.

Руал, стиснув зубы, ринулся в темноту гигантских портьер.

Под ногами его распахивались квадратные дыры, он едва
успевал шарахнуться и, отшатываясь, видел на дне их чудо-
вищные зубчатые механизмы, подрагивающие, словно живые.
Петли кружевных гирлянд захлестывали его, сбивали с ног.
Задыхаясь, он вырвался из душного тряпичного плена — и
снова оказался там же, на дощатом голом пяточке, на краю
бездны.

МАРРАН, ТЫ НЕ ПОНЯЛ. ОНИ УБЬЮТ ТЕБЯ, МАРРАН.
ТАКИЕ, КАК ТЫ, РОДЯТСЯ РАЗ В ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ.

Он потер подбородок, где была ссадина от удара о распис-
ную, как барабан, колоду.

ТЫ ОДИН МОЖЕШЬ ДАТЬ ПЛОТИНУ МУТНОМУ ЧЕ-
ЛОВЕЧЕСКОМУ ПОТОКУ. ТЕБЕ ДАНО ОБУЗДАТЬ ЭТО
ПОЛОВОДЬЕ НЕЧИСТОТ, ПЯТНАЮЩЕЕ ЗЕМЛЮ. И ТЫ
СДАШЬСЯ?

Я сроду не сдавался. Я Ильмарранен.

ТЫ НЕ СДАВАЛСЯ. НО ОНИ — ОНИ СДАДУТ ТЕБЯ
ПАЛАЧАМ.

Уродливый круглый предмет, подпрыгнув, выкатился из
темноты. У Руала волосы встали дыбом — это была голова, че-
ловеческая голова с еще живущими, безумно выпученными,
моргающими глазами, со сжимающимися, трепещущими ар-
териями, из которых хлестала, пенясь, густая кровь.

Голова замерла наконец, глаза последний раз дернулись и
остановились. И в этом страдальческом, мертвом, изуродо-
ванном лице Руал узнал себя.

ЭТО ТЕБЕ УГОТОВАНО, МАРРАН. ТЫ СНЯТ С ПЛАХИ,
ЧТОБЫ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ. СТОЯ НА ПОРОГЕ СОКРОВИЩ-
НИЦЫ, НЕ ВРЕМЯ ПЛАКАТЬ О ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЕ.
ИДИ. СУДЬБА. ВЛАСТЬ. МОГУЩЕСТВО. МЕСТЬ. ЧТО
ХОЧЕШЬ.

Он с трудом оторвал взгляд от страшной головы.

А что я хочу? Что значит власть, по-твоему?

ТЫ СПРАШИВАЕШЬ? ТЫ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЛАВОЙ?

Качнулся пол под ногами.

Все вулканы мира извергали его. Он несся по немисли-
мым, колоссальным пространствам, сжигая или щадя.

Все тучи гревели им, как громом. Потоками дождя он топил или спасал.

Он был тайфуном в море, он был самумом в пустыне, он был всеми ураганами на свете. Он вырывал из земли вековые деревья и сотрясал, играя, горы, тоже бывшие им.

Он был каждым строгим учителем в каждой сельской школе, учителем с пучком розог и длинной деревянной линейкой.

Он был чумой, и имя его вселяло ужас. Из тысячи жертв одну, на выбор, он щадил.

Все трясины на поверхности земли, смертоносные омуты и водовороты, затягивающие непослушных и ленивых детей.

Помыслы смертных, понятные ему, как детский стишок, вызывали улыбку. Их борьба с каждодневным умиранием достойна была снисходительного вздоха.

Всеведение. Всемогущество. И вдруг — костер среди чиста поля.

У костра...

Вспыхнуло лицо, сердце забилося, как пойманный звереныш.

Спутанные темные волосы, обнаженные плечи, несмело протянутые к нему руки...

Ящерица!

Небо, что со мной?!

Все вулканы мира извергали их, слившихся в одном потоке лавы.

В грохоте молний они одним дождем падали на землю.

Следуя их прихотям, чередовались приливы и отливы.

Два вихря свивались кольцами, сносили крыши и сотрясали горы, которые...

Как мячиком, они перебрасывались солнцем — рассвет, закат...

Ящерица, это я, Марран, ты слышишь?!

Тихая река. Две форели в лунном свете.

Огонь в печурке. Спят, посапывая, их дети. Прерывистое дыхание на его лице, влажная теплая кожа, подступающие сладкие судороги. Он — нежность до кончиков волос, она — сплошная, всеобнимающая нежность...

КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА НА ОДНОМ ТРОНЕ. ВЛАСТЕЛИН И ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА. ТЫ ХОЧЕШЬ ЭТОГО, МАРРАН?

Но у нее ребенок... Как же можно...

Пауза.

МАРРАН, ТЫ В СВОЕМ УМЕ? ТЫ ПОНИМАЕШЬ, О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ?

Не понимаю. А ЧТО ты хочешь сделать с этим миром? Он не нравится тебе. Мне тоже не очень нравится. Что же, сжечь, вытравить? Как ты с ним поступишь?

ТЫ ПОСТУПИШЬ. ЭТО БУДЕТ ТВОЙ ПОСТУПОК, МАРРАН.

Хорошо. Как я с ним поступлю?

А КАК ПОСТУПАЕТ САДОВНИК С ДИКИМ, ЗАБРОШЕННЫМ САДОМ? ТЕБЕ ПОНАДОБЯТСЯ И НОЖ И ТОПОР. МНОЖЕСТВО ВЕТОК БУДЕТ ОТСЕЧЕНО, НО САД ВОЗРОДИТСЯ, И САДОВНИК БУДЕТ ДОВОЛЕН.

Он медлил.

Чему же расти в этом... возрожденном саду?

РЕШАЕТ САДОВНИК. САДОВНИК МУДР И СПРАВЕДЛИВ.

Решает садовник... Но разве можно исправить неисправимое?

НОВОЕ ПОДНИМАЕТСЯ НА ПЕПЕЛИЩЕ. ИЗ ХАОСА РОДЯТСЯ ПОРЯДОК И ГАРМОНИЯ. СДЕЛАЙ ЭТО, МАРРАН.

На пепелище?

Как пересохли губы, как кружится голова.

Да. Я согласен. Говори, что делать.

Бездна отозвалась шорохом, похожим на отдаленные аплодисменты.

* * *

В скорбном молчании мы вернулись в заколоченный Лартов дом.

Дом ждал хозяина; казалось, мы покинули его вчера, и только в прихожей, там, где я обычно подстригал шерсть на ковре, высилась буйная поросль.

Ларт покосился на место, где раньше стояла уродливая вешалка, и бросил мне со вздохом:

— Вино. Обед. Все прочее.

И, кивком приглашая за собой Орвина, поднялся наверх, в свой кабинет.

Я не знал, за что раньше хвататься. Раскрывая все шторы и окна на своем пути, я ринулся в кухню.

Дом оживал — вздыхали каминные, поднимая метель старого, давно остывшего пепла; разными голосами поскрипывали под ногами половицы — по-моему, они неумело пытались воспроизвести любимую Лартом мелодию. Сами собой вспыхивали огарки свечей, хотя на дворе стоял светлый солнечный день. Люстры смотрели мне вслед, выпучив хрустальные подвески.

Огромная кухонная печь разевала заслонку, как птенец разевает желтый клюв, — требовала дров и растопки. Дрова, лежавшие тут же, пытались оттеснить друг друга и первыми попасть мне в руки. Пока я бегал в погреб, вертявые щипцы ус-

пели ощипать, а печка осмолить специально для этого погибшую курицу.

Работа спорилась; я прикрикнул на таракана, выставившего усы из широкой щели в полу, и поспешил в гостиную — накрывать.

Вышло так, что я первым на него наткнулся.

Он сидел в Лартовом кресле во главе огромного стола и мрачно изучал галерею фамильных портретов. При виде меня он удивился так, будто перед ним встал с блюда жареный поросенок с листиком хрена в зубах. Я присел.

— М-да, — пробормотал он. — Весьма в манере господина Легиара — заставлять себя ждать.

— Здравствуй, Бальтазарр, — сказали у меня за спиной.

Ларт подошел и бросил на стол перчатки так, будто происходило нечто совсем привычное и обыденное.

Бальтазарр Эст встал — огромный стол качнулся. Его узкий рот искривился так, что кончики губ грозили сойтись на подбородке.

— Я крайне разочарован, Легиар, — сказал он голосом изголодавшейся змеи. — Край-не разочарован! Разве входила в наше соглашение возможность освобождения Маррана? Разве в другом соглашении мы не оговаривали порядок действий на случай внешней угрозы? Разве за последние три месяца вы не нарушили все мыслимые и немыслимые договоренности?

У меня ноги будто к полу прилипли. Охнул застывший в дверях Орвин.

— Аль. — В устах хозяина это сокращенное имя прозвучало особенно трогательно. — Я не спал много ночей. Я за трое суток покрыл немыслимое расстояние. Я смертельно устал. Ради неба, не будем начинать ВСЕ СНАЧАЛА! — Под конец его спокойный голос вдруг сорвался на крик.

Бледный Орвин взял меня за плечо и выволок из комнаты. За нами захлопнулась дверь.

— Это их разговор, — сказал он с деланным хладнокровием. — Давай-ка, что он там говорил — вина, обед...

Из гостиной доносились приглушенные голоса — маги ссорились. Ларт что-то резко каркал, Эст шипел, как залитый водой костер.

Орвин вытащил из кармана медную монетку, она сама собой крутнулась у него на ладони и, подпрыгнув, зависла в воздухе.

— Жаль Ящерицу, — сказал он вроде бы сам себе.

Голоса вдруг стихли. Монетка со звоном упала на пол.

Дверь распахнулась — на пороге встал Эст. Я отшатнулся, гадая о судьбе Легиара.

— М-да-а, — изрек Эст как-то неопределенно, и тут, о счас-

тье, за его спиной обнаружился Ларт. Глянул на меня, спросил отрывисто:

— Обед?

— Уже, — ответил я не слишком толково.

— Подавай, — распорядился хозяин и вернулся в гостиную.

Эст стоял неподвижно, буравил Орвина глазами, потом попросил глухо:

— Покажи.

Орвин закусил губу и вытащил из-под рубашки коричневую от ржавчины пластинку с прорезью.

Эст глянул на нее мельком и отвернулся. Длинное, неприятное лицо его вытянулось еще больше и потемнело.

Обедали в гостиной. Я прислуживал за столом. Орвин ел много и жадно, Ларт мрачно царапал тарелку двузубой вилкой, Эст в основном пил, и я не мог избавиться от навязчивой мысли, что, наливая ему вино, обязательно накапаю на широкий гофрированный воротник.

Все молчали, и только механические часы, обрадованные возвращением хозяина, то и дело принимались играть мелодии и показывать в резных воротах облупившиеся фигурки людей, животных и птиц.

Наконец Ларт поднял руку, и часы замолчали, не закончив такта.

— Итак, — сказал Легиар, ни к кому конкретно не обращаясь. — Итак, что это было?

Снова зависла пауза.

— Кровь Маррана на салфетке, — сказал Орвин. — Яшерлица все это время следила за ним, кровь давала ей знать, что он жив и здоров.

— И счастлив... — пробормотал Ларт сквозь зубы.

— Не думаю, чтоб он был так уж счастлив, — желчно заметил Эст. — Для всех было бы лучше, если б он стоял там, где мы его поставили.

Ларт угрюмо на него взглянул. Эст с демонстративным равнодушием пожал плечами.

— До сегодняшнего дня Марран был жив, — заметил Орвин. — Означает ли то, что случилось с каплями его крови, означает ли...

— Его смерть? — закончил Ларт, как бы раздумывая.

— Не надейтесь, — криво усмехнулся Эст. — В случае смерти капли сделались бы черными, как смола. Просто почернели бы... А судя по тому, что вы рассказываете, там был целый фейерверк...

— Этот фейерверк мне кое-что напоминает, — проронил Ларт.

Мне тоже, подумал я. Нечто недавнее и неприятное. Да! От такого вот огонька сгорел дом одной чванливой купчихи, сгорел, как свечка. А все оттого, что вдова питала слабость к колдовским книгам, и одна из них вспыхнула сама собой, прямо в руках моего хозяина...

— Значит, Марран жив? — спросил Ларт в пространство.

— Жив ли... — вздохнул Орвин. — Ящерица, то есть Кастелла, считает его мертвецом.

— При чем здесь Кастелла? — поинтересовался Эст раздраженно.

— Она... — начал было Орвин и запнулся. — Она должна бы чувствовать, что он жив, понимаешь? А она не чувствует.

— Точно жив, — отрезал Эст. — Точно жив, но вне нашей досягаемости. Его нет на поверхности земли, а вы хотите, чтобы какая-то баба почувствовала это?

На этот раз тишина длилась даже дольше обычного.

— Завещание Первого Прорицателя, — сказал наконец Эст. — Что там говорится о Привратнике?

Орвин замаялся:

— Ну, Аль, это ведь как трактовать... Прямым текстом ничего, но если читать между строк... По-видимому, Привратник станет как бы сосудом для Третьей Силы, которой он откроет дверь. Третья Сила обретет его, он же получит возможность повелевать... Господин и раб — это, по сути, одно и то же.

Совсем одно и то же, подумал я, прибирая испачканные соусом тарелки.

— Хорошо, — протянул Эст со зловещим благодушием. — Значит, наш подающий надежды мальчик, исполненный самыми горячими чувствами к своим друзьям и учителям, скоро явится сюда во главе некой чудовищной силы?

Он всем корпусом обернулся к Легиару:

— Ларт, может быть, ты объяснишь, как исправить теперь последствия твоей... как бы это выразиться помягче... доброты? Как бы нам запихнуть его в какой-нибудь предмет прежде, чем он превратит нас в помойные кадки?

— Он лишился магического дара, — медленно сказал Легиар.

— Об этом говорится в прорицании, — оживился Орвин. — «Он маг и не маг. Он предал и предан. Он лишен дара, он был могущественен и стал беспомощен...»

Орвин осекся, поскольку его цитата пришлась не совсем к месту.

Легиар опустил голову.

— Да, — сказал он глухо. — Не в добрый час я его освободил.

Эст смотрел на него мрачно и совершенно безжалостно:

— Думай, Ларт. Думай, как его остановить. Твоего выкор-мыша. Твоего любимца.

— Твоего тоже, — слабо огрызнулся Ларт.

— Вы не понимаете главного! — вмешался Орвин. — Дело не в Марране и его мести вам... Третья Сила вывернет весь мир наизнанку... — Он перевел дух.

Эст спросил сквозь зубы:

— А зачем, Орви? Зачем это Третьей Силе? Чего она, собственно, хочет?

Орвин провел пальцем по краю бокала. Бокал пискнул.

— Никто не знает... И не может предположить. Это же не человеческая логика, понимаешь? Может быть, она хочет наказать нас за что-то... Или завоевать, скажем... А может быть, она коллекционирует солнца, развлекается?

Он усмехнулся — через силу и совсем не весело. Эст тоже вдруг оскалился:

— А если никто не знает, то что ж мы скулим раньше времени? «Вывернет мир наизнанку», да, Орви? А что, если это благодеяние для мира, если он уже вывернут, если эта ваша Третья — не мясник, а костоправ?

У Орвина, по-моему, даже губы затряслись:

— Как ты можешь... Вспомни прорицание, Аль: «...земля присосется к твоим подошвам и втянет во чрево свое... Ветви поймут в липкую паутину всех, имеющих крылья...»

Он говорил все тише и наконец замолк.

Эст холодно пожал плечами, взял со стола нож и принялся сосредоточенно царапать столешницу:

— Ты маг, и не мне тебе объяснять. Уж что, казалось бы, ужаснее: взять да и вспороть человеку живот. А если вспарывает хирург? Внешне все выглядит, как бойня: потоки крови, боль, страх... Да только пациент вместо неизбежной могилы отправляется, скажем, на званый вечер... Не сразу, конечно. Спустя время. Но на все требуется время. И все имеет свою цену.

Он оставил стол и задумчиво провел ножом по своей щеке.

— И не надо так смотреть, Орвин. Это, в сущности, болтовня. Может, так, а может, эдак. Но в мире иногда происходят страшно циничные вещи, дружок.

— «Но стократ хуже имеющим магический дар...» — тихо, укоризненно сказал Орвин.

Эст снова пожал плечами:

— Ну что ж... Но маги на то и маги, чтобы не закрывать глаза тогда, когда так и хочется зажмуриться.

Но тут Ларт, который все это время думал о своем, поднялся, стиснув кулаки. Обвел всех тяжелым взглядом. Уронил полголоса:

— Хватит.

Тогда оба посмотрели на моего хозяина. Он продолжил тихо:

— «Только Привратник откроет дверь, только Привратник... Привратник откроет, и ЭТО войдет, но не раньше!» — Перевел дух. — Ты сказал, Аль, его нет на поверхности земли? Где же он? Там, у Двери. У Двери, понимаете? Он пошел открывать. Но мы... Пусть он не успеет. Я, Легиар, готов отдать за это жизнь.

— Я тоже, — сказал нервный Орвин.

Эст только хмыкнул презрительно.

* * *

Он шел длинным берегом, увязая по щиколотку в теплом шелковом песке.

Нет, не сейчас. Сейчас он шел темным душным коридором... И истертые ступени вели его вниз, хотя он, кажется, поднимался.

Влажная трава... Не сейчас. Круглые булыжники когда-то звонкой мостовой... Лоснящиеся листья, голубые лоскутки, зеленые заплатки... Оранжевое над изумрудным. Стрекоза отражается в глади... Не сейчас.

Небо низкое, такое, что, кажется, лежит у тебя на плечах. Небо давит и не дает разогнуться. Сбросить!

Тесная коробка, фанерный балаган. Не плачь, если случайно проломится стенка.

Коридор. Поворот. Факел в руке чадит. Где она? Где ДВЕРЬ?

Я открою, и ты войдешь. Вернее, я войду. Я открою, и я же войду. Скоро. Сейчас.

А когда чайки, потревоженные, поднялись над берегом... Парус был еще далеко, светло-синий парус в темно-синем море. Мягко возились водоросли у берега, всплескивали лохматыми ветвями, будто в растерянности. Умирала медуза на буром камне. А я взял ее голыми руками и пустил в воду: «Иди домой».

Иди домой.

Где твой дом, Марран?

Снова поворот. Если факел в руке погаснет... Нет, это ненужная мысль.

Холодно. Широкая полынья, в глубине — темные рыбы спины... Не то. Туман, тяжелый, как сметана... Не то. Парк. Сад. Фонтан. Дети под присмотром одноглазой няньки. Сад обнесен нарядной оградой, яркой, ажурной, из гладких деревянных палочек... Что — за оградой? Что бывает, когда не бывает фонтанов?

Заглянуть за ограду... Прижаться лицом к деревянным... Нет, это прутья клетки. Это клетка, огромная, ржавая, и я в ней один. Остальные — снаружи.

Вот мальчик, ухоженный, плотный. Разве у него не было няньки? Светловолосый, на носу царапина. Встретился взглядом...

Чего же я стал? Идти... Факел трясется в руке. Зачем было смотреть мне в глаза? Что за сила, что за чудовищные побуждения движут вами, мои соплеменники? Существа, подобные мне?

И лица всех живущих слились в одну харю, глумящуюся, разевающую в хохоте слюнявый рот...

Маленькая девочка на плечах отца. Отец добродушно скалится, подает малышке гнилушку...

Не пытайся заслониться — выронишь факел. Не заслониться. Выжечь.

Кто я им? Кем я прихожусь этим, жирноглазым, в чьих жилах течет вместо крови мутная слизь? Выжечь. Хватит.

Пляшет пламя. Вперед. Там, за поворотом коридора, меня ждет ДВЕРЬ.

Ноги не слушаются. Стали как вкопанные. Вспоминают, сколько порогов я переступил... А со скольких меня вышвырнули. Нет, не раздумывать. Взялся, так надо идти...

Поворот.

Вот и я.

Мертвая, пустая тишина. Только хриплое дыхание одного человека.

Дверь.

Тяжелая, кованая, не новая, но поражающая мощью. Заперта на огромный стальной засов.

Он остановился, подняв факел. Свистящее его дыхание на минуту прервалось. В наступившей тишине...

ТУК. ТУК. ТУК.

Это снаружи. Кто-то, или что-то, тихонько просит о любезности — приютить. Сколько раз я сам так стучал?

Тихо, вежливо, вкрадчиво. ТУК-ТУК-ТУК.

Справиться с оцепенением. Успокоить трясущиеся пальцы. Факел — в кольцо на каменной стене. Руки должны быть свободными, вот так.

Хватит, никаких воспоминаний. Нет и никогда не было ящерицы на плоском камне. Не было форели в лунной реке. Не было леса, залитого солнцем. Маленький мальчик по имени Гай давно забыл, как его укусила оса. Он вырастет и явится на площадь с корзинкой тухлых помидоров. А спасенная девочка Гарра ищет, кого бы предать. Кого бы передать в желтые руки судьбы... Вот они все стоят рядом, и у каждого в руках треснувший стакан. И сочтется из трещин не вода, а...

Хватит. Вот засов. Берись за дело.

И он взялся — и ощутил, как вместо ледяного холода ржавое железо отозвалось горячечным теплом.

Они втроем сидели за круглым столом в кабинете — тем самым, чья столешница была расписана причудливой вязью магических символов. Руки их лежали ладонями вниз, и стол дробно трясся, и вздрагивал пол под ногами. В буфете звенела посуда, тяжело раскачивалась люстра под потолком.

— Аль? — высоким птичьим голосом вскрикнул Орвин.

— Не вижу, — глухо, напряженно отозвался Эст.

— Вместе, — выдохнул Ларт. — Еще раз, вместе! Ищите его, ну!

— Стой. — Орвин, страшно побледнев, опрокинулся назад вместе со своим креслом.

Легиар и Эст вскочили:

— Что?!

— Ничего, — с трудом ответил Орвин, лежа на полу. — Я между вами... Задыхаюсь. Вы меня сдавили, как тисками...

— Как Маррана, — сказал Ларт тихонько.

Орвин дернулся:

— Не шути так, пожалуйста...

Ларт подал ему руку и рывком втянул в круг:

— Время... Время идет. Он у Двери. Еще попытка.

В прихожей послышались чьи-то быстрые шаги. Я похолодел, но Ларт быстро на меня глянул, и я, покрывшись холодным потом, поплелся навстречу.

Это была всего лишь она, женщина по имени Каstellла, побледневшая, осунувшаяся, с болезненным вопросом в лихорадочно блестящих глазах. За ней тянулся по полу длинный траурный шарф.

Увидев меня, она приостановилась было и хотела что-то спросить, но я опередил ее, отпрыгнув назад и всем видом приглашая, нет, умоляя войти. Она, так ничего и не сказав, нерешительно двинулась за мной.

— Ящерица! — воскликнул Орвин.

Эст скривил губы, Ларт, сидевший спиной к двери, медленно повернулся и встретился с ней глазами.

— Я пришла, — сказала она дрогнувшим голосом, — потому что Марран не умер. Я чувствую. Он в беде. Послушайте, он в страшной беде!

— Все мы в страшной беде, Каstellла, — холодно сказал Ларт. — Единственное, чем ты можешь помочь Маррану и себе, — найти его. Мы втроем пытались, может быть, ты нам поможешь?

Снова хмыкнул Эст, но она, не глянув в его сторону, подошла к столу и села на пододвинутый мною стул.

— Как же твое решение оставить магию? — спросил Эст с усмешкой и, не дожидаясь ответа, бросил через стол Легиа-

ру: — Это все равно что впрягать в одну упряжку двух буйволов и муху...

Ящерица сидела прямо, очень прямо. Услышав последние слова Эста, вопросительно полуобернулась к Легиару.

— Сиди, — сказал ей Ларт.

Эст пожал плечами.

Орвин снова вытянул руки, положив их ладонями на стол. Все сделали то же самое, круг замкнулся.

Глаза Ларта, до того мерцавшие желтым, налились вдруг ровным красным светом. Смотреть на него было страшно; трясаясь, я присел и привалился к покрытой гобеленами стене.

Лицо Эста было перекошено яростным презрением, Орвин кусал губы, а Каstellла сидела ко мне спиной. Воздух в комнате дрожал, как струна за мгновение до разрыва.

— Вижу! — звонко выкрикнула Каstellла.

Ларт вскочил, опрокинув стул, одновременно вскочили Эст и Орвин. Женщина вдруг оказалась в центре нового круга.

— Что? — отрывисто спросил Эст.

— Дверь... Вот Дверь... На зсове...

— Маррана видишь? — это Ларт.

— Нет... Зал... Темнота... Неясно... Помогите.

— Слабая девочка, — прошептал Эст. У него вдруг страшно исказилось лицо, Орвин ахнул, но тут Каstellла привстала, и глаза ее были как две зеленые плошки:

— Ви...жу... Руал... Руал...

Голос ее сделался слабым-слабым, каким-то кукольным, фарфоровым, удаляющимся:

— Ру...ал...

Ларт схватил ее за плечи, зашептал заволашевающе, почти страстно:

— Зови. Зови его. Скорее.

Каstellла повернулась — и я увидел ее лицо, серое, неузнаваемое, залитое густыми слезами. Губы быстро-быстро шевелились.

— Он не... — Снова голос фарфоровой куклы. — Не слышит... Он не слышит... Ру-ал...

— Зови!! — закричал Ларт, но она только всхлипнула и потеряла сознание.

— Пожалуй, это все, — ровно сказал Ларт.

Он сидел на ручке кресла, изящно закинув ногу на ногу. В кресле полулежала Каstellла — лица ее не было видно в полумраке. Эст задумчиво портил кончиком шпаги гобелен на стене; Орвин играл со стеклянным глобусом, водя пальцем по его матовому боку. Тускло поблескивали корешки бесполезных книг, и, немой и удрученный, вздыхал в углу клавесин.

— Все? — переспросил Орвин, мусоля ногтем какой-то архипелаг. — Все?

— Все, что мы могли сделать. Теперь нам остается сидеть и ждать, пока явится Марран... Или то, что стало Марраном. То, что он выпустил...

— Что ж, пусть приходит, — сказал Эст с недоброй усмешкой. — Нам есть что вспомнить, да, Легиар?

— Он был хорошим мальчишкой, — сказал тот со вздохом. — Но однажды предав... Он предал тебя, меня, теперь предаст мир. Не может остановиться, да.

— Никогда он не был предателем, — тихо и бесцветно проговорила Каstellла.

Никто ей не ответил. Сумерки совсем сгустились.

— Что ты сделал с гобеленом, Аль? — спросил Ларт, который отлично видел в темноте.

Эст со скрежетом вбросил шпагу в ножны.

— Камин... — попросила Каstellла.

Я бросился было разжигать камин, но Ларт только искоса на него взглянул — и поленья дружно занялись. Жаль, что раньше хозяин никогда мне не помогал в домашних делах.

Все помолчали.

— Мне пора, — так же тихо и бесцветно сказала Каstellла. — Ребенок.

Она поднялась, и тогда Орвин вдруг оставил свой глобус и поднялся тоже.

— Погоди... Погодите все... Мой медальон ржав, как гвоздь... Как гвоздь в кладбищенской ограде. Но есть способ... Есть последний способ. Я могу попытаться... Пройти сквозь вырез. Я пройду туда, где Марран. Мой медальон проведет меня. Давайте.

— Не надо, Орви, — негромко сказал Эст.

А Ларт добавил, нахмурясь:

— Мы не знаем, где Марран... То, что рядом с ним, способно убить тебя... А медальон ржав и не убережет своего Прорицателя. Стоит ли так рисковать?

Но Орвин уже покрылся неровными красными пятнами:

— А если... Если нет... Мы все обречены. Помните — «но стократ хуже имеющим магический дар»?

Они помнили. Их передернуло.

— Я попробую... — продолжал Орвин, и голос его окреп. — Это все, на что мы можем надеяться... Я остановлю его. Только помогите мне.

Легиар и Эст посмотрели друг на друга долгим взглядом.

— Не надо, Орви, — сказал на этот раз Ларт.

Орвин не слушал. Медальон прыгал в его руках:

— Как я раньше не догадался попробовать... Прорицатели

делали это и до меня. Вырез на медальоне проводил их в другие миры и другие столетия...

— А они возвращались? — тихо спросила Кастелла.

Орвин снял медальон, огляделся вокруг, будто ища поддержки:

— Ну, Аль, Ларт! Не стойте чурбанами...

Эст и Легиар переглянулись снова. Потом Ларт чуть повернул голову и увидел меня.

— Выйди! — сказал он негромко, но так, что я в долю секунды оказался за дверью.

Это был один из самых неприятных моментов в моей жизни. В коридоре было темно; из-за двери кабинета донеслось несколько отрывистых фраз, о чем-то попросила Кастелла, стукнул отодвигаемый стол — и тихо, только мои зубы звенели друг о друга да поскрипывала половица под ногами.

Как он пройдет в тонкий вырез на медальоне? Станет маленьким, как муравей? Или медальон вырастет, и щель в нем окажется воротами? Ну, попадет он к Маррану, и дальше что?

Воображение услужливо подсовывало мне самые жуткие картины.

Полыхнул свет из-за двери, и она сама собой распахнулась — будто от разрыва порохового бочонка. Там, в глубине кабинета, метались тени, кто-то крикнул:

— Назад!

И я отпрыгнул, хотя кричали вовсе не мне:

— Назад, Орви! Назад, скорее!

И заклинания, заклинания, да какие страшные!

Дверь в кабинет моталась, как парус, терзаемый бурей. Снова полыхнуло — никакая гроза не могла сравниться с этой лиловой вспышкой. Меня толкнул в лицо порыв горячего ветра, я упал.

Сполох утонул во тьме. Длинно, протяжно заскрипела ослабевшая дверь; Кастелла всхлипнула горько и жалобно, и стало так тихо, как еще ни разу в моей жизни.

Потом в темноте вспыхнули сразу два мерцающих пятна — Ларт и Эст зажгли по огоньку. Комната понемногу осветилась.

Я подполз к порогу кабинета и увидел Орвина.

Он полулежал на полу, привалившись спиной к книжной полке. Запрокинутое лицо его почти касалось золотистых переплетов, и матовые отблески играли на этом осунувшемся, печальном, почти царственном лице. Ларт поднес к его глазам огонек, но глаза Орвина не дрогнули, он по-прежнему скорбно смотрел прямо перед собой, сквозь Ларта, сквозь хмурого Эста, сквозь глухо рыдающую Кастеллу.

— Все, — сказал Эст. И прикрикнул на женщину: — Перестань! Всем бы нам так умереть...

Она забилась в темный угол и всхлипывала там, зажимая рот черным шарфом.

Ларт постоял, перебрасывая огонек с ладони на ладонь. Потом вздрогнул, будто от толчка, и откинул портьеру с высокого настенного зеркала.

Зеркало было темным, оно не отражало ни Ларта, ни Эста, ни меня, скорчившегося под дверью. Ни книги, ни глобус, ни гобелены не отражались тоже. Зато отражался Орвин.

Он стоял лицом к нам, грустный и будто виноватый. Попытался улыбнуться, пожал неуверенно плечами, кивнул всем по очереди, прощаясь. Эст шагнул было к зеркалу, но Орвин покачал головой, отступая. Поднял руку, снова горестно улыбнулся, вздохнул и двинулся вглубь, в темноту, в небытие, и шел, и удалялся, пока не скрылся из виду вовсе. Поверхность зеркала дрогнула, и в ней отразились Ларт, Эст, комкающаяся шарф Кастелла и я, выглядывающий из-за спинки кресла.

Что-то негромко звякнуло — у книжной полки, где мгновение назад лежало тело Орвина, упал теперь на пол ржавый Амулет Прорицателя.

* * *

Засов, горячий засов поддавался медленно, с трудом. За дверью ожидали.

Мальчишка с площади трясся, давя в кулаке гнилой помидор, и выкрикивал надрывно:

— Горе путнику на зеленой равнине! Земля присосется к подошвам твоим и втянет во чрево свое... Вода загустеет, как черная кровь! С неба содрали кожу!

О, оно было таким красивым, небо. Медным и золотым, твердым и бархатным... В нем, как в подушке, утопали созвездия, его прикрывали от сырости ватные тучи, а на рассвете оно подергивалось сетью хлопающих крыльев...

ОНО СОЧИТСЯ СУКРОВИЦЕЙ.

Ничего. Трясись, маленькая бездарность, метатель гнилушек. Я доберусь, нет, не до тебя — до целой череды поколений, выродивших и выкормивших тебя. Я доберусь до ревущих в восторге площадей, до топочущих толп — и до смиренных, тихих, уставившихся в щелку забора. Игра стоит свеч.

Он увидел вдруг давно забытую им вдову — ту, что приютила его на ночь и просила остаться дольше. Вдову жалили ее пчелы; распухшими губами она выкрикивала из последних сил:

— Леса простирают корни к рваной дыре, где было солнце! Петля тумана на мертвой шее!

Он усмехнулся желчно. Тут уж ничего не поделаешь — все

новое приходит через муки. За все приходится платить, соплеменники.

Конечно, море тут же выплеснуло медузу обратно. Он пустил ее в воду и сказал: «Иди домой», но волна, развлекаясь, швырнула ее на другой камень — еще более жесткий и сухой...

Сегодня я — океан. Я размажу о камни столько медуз, сколько мне будет угодно.

Что толку спасти ребенка, если он все равно умрет? Сейчас ли, потом... Ему лучше умереть сейчас, потому что иначе в один прекрасный день он обязательно захочет полюбоваться казнью. Не возражай, обязательно захочет. Для них, для этих, нет ничего интереснее подобной процедуры...

Как тяжело идет засов!

Он остановился ненадолго, чтобы передохнуть. А может быть...

Что-то изменилось. Факел по-прежнему чадил в стене, и тишина, нарушаемая свистящим дыханием...

Тишина ли?

«Руал... Руал...»

Снова ты. Серебряная чешуя. Гибкий зеленый хвост. Черный огонь в печурке. Колыбель за дверью. Но подожди меня... Ты снова будешь греться на плоском камне, и я подойду осторожно, чтобы не спугнуть тебя тенью...

«Руал! Руал!»

Нет, не проси. Я знаю, как надо. Подожди. Я сделаю свое дело и приду за тобой.

Голос захлебнулся.

Он снова взялся за горячий металл — и ощутил мягкий напор с той стороны двери. Будто порывы ветра наваливались снаружи, так что тяжелый засов, наполовину уже отодвинутый, ерзал в стальных петлях.

А, не терпится...

Не терпится явиться в этот бездарный, тусклый, слепенький мир. Как это будет? В одночасье? Понемногу? Мне хочется всего сразу, сейчас, немедленно. Я соберу их на площадь... А в центре будешь ты, маленький обладатель поцарапанного носа. Светловолосый, ухоженный... Не Ларт и не Эст, это потом, это мое дело. Я виноват перед ними, ну что и говорить, виноват... Пари с мельником, оно ведь было! А ты... Ну что я сделал тебе, скажи? Почему тебе так приятно топтать и глумиться?

Засов вздрагивал. Напор с той стороны нарастал. Да погоди ты, какая спешка...

Он почувствовал вдруг усталость, давящую, непереносимую. Он оперся на дверь, чтоб удержаться на ногах, и ощутил, как она выгибается дугой. Засов уже едва держался.

Я соберу вас на площадь... Я хочу, чтоб вы поняли. Не страдание ваше меня интересует, никогда у вас не было такой

способности — сострадать. У вас есть способность бояться... Вы получите все, что вам надлежит получить. И вода загустеет, как черная кровь... Но сначала — ты, метатель гнилушек.

Сначала — ты.

Он прикрыл глаза и увидел, как несется навстречу земля, стелется, кренится в бешеной гонке. Где-то голоса, где-то хрипло кричат от ужаса. Горячий ветер с резким незнакомым запахом. Странный свет — не солнечный и не от огня, а мутный, зеленоватый, неестественный. И гул, отдаленный нарастающий гул, от которого волосы шевелятся на голове... А тот, что метко бросает первым, бежит впереди.

Мальчишка несется вслепую, срывает голос в немыслимом вопле... Взмокла светлая рубашка на ходуном ходящих лопатках, прилипли к затылку светлые пряди... Он бежит, как бегает последний раз в жизни, и ему не придется больше ни смеяться, ни ужинать, ни швырять в голубей камнями.

Заплетаются слабеющие ноги, отказываются служить ему, по-прежнему ухоженному, упитанному. Его накрывает тень — тень ТОГО, что гонится по пятам. Темная, густая, парализующая ужасом тень.

Он кричит. Как он кричит! Спотыкается, падает, оборачивает залитое слезами лицо... Треск костей. Утробный, нечеловеческий звук. Все.

Он перевел дыхание.

Неужели — все?

Конечно, можно растянуть эту процедуру сколь угодно.

Погоди. Я не о том.

Я вижу свое отражение в светлых глазах, вылезающих из орбит. Я чудовищен. Но дело не в этом тоже.

...Его накрывает тень — тень ТОГО, что гонится по пятам. Он кричит. Как он кричит! Спотыкается... Выпадают из кармана перочинный ножик и завернутый в тряпицу леденец. Трясется маленькая, заслоняющая лицо рука. Липнет к виску мокрая прядь тонких волос. Аккуратная, почти незаметная заплатка, которую любовно поставила мать. Капельки пота на носу. Рубец от ожога на правой ладони — помогал бабке по хозяйству, схватился за горячую кочергу. Недостает зуба в верхнем ряду — дрался с соседскими мальчишками. Деревянное колечко на мизинце — самоделка, подарок деда...

Посмотри на него. Посмотри на них на всех. Опомнись и посмотри. Они несчастны. Ты виновнее любого из них.

На него навалилась теперь уже ярость, подмяли под себя усталость и размышления. Я виновнее? Перед кем? Свою вину, если она была, я искупил многократно. Итак?

Тишина. Дверь напряглась, прогибаясь вовнутрь, как кусочек резины.

Одна большая, рыхлая, глумящаяся рожа.

Надо подольше подышать на обледеневшее окно — тогда сквозь оттаявший глазок ты увидишь, как идет снег. Тонкие пальцы быстро мерзнут... Чахнет цветок в горшке на подоконнике.

Посмотрите на невесту — розовое на белом... Розовые щеки, белые водопады шелка...

Наш мальчик пошел, он впервые пошел! Он уже топает, пока неуверенно, но через несколько дней...

Мама, я принес тебе леденец с базара. Я завернул его в тряпицу, чтобы не съест раньше времени. Вот, возьми!

Спасибо, малыш...

Мутное человеческое море, половодье нечистот.

Земля тебе пухом. Опускайте.

Ты сильно ударился? Где болит?

Яблоки валяются в траву. Спина ноет — наклоняться.

Приходи скорей. Я разогрею ужин.

Баю-бай, огонь горит, деткам спатоньки велит...

Отпирай, Ильмарранен, отпирай!

Дребезжит в петлях засов.

Да остановите же меня, предателя!

Я проклят. Я проклят на все времена. Остановите! Петля тумана на мертвой шее. И деревья поймают в липкую паутину ветвей всех, кто имеет крылья. И земля присосется, как клещ... Остановите.

Ему казалось, что он задвигает засов обратно — а руки вышли из повиновения и вцепились в металл, желая отпереть. Он закричал, что есть мочи, и ткнулся головой в пламя факела. Опалил волосы, но вернул власть над собственными руками.

Засов не желал идти назад. Дверь сотрясали чудовишной силы удары, она прогибалась, как лист картона. Обжигая руки, преодолевая бешеное сопротивление, он продвигал железный штырь по волоску, по полуволоску. Там, снаружи, раздался вдруг сухой звук рвущейся мешковины и сразу — глухой рев. Засов дошел до упора.

Один день... Один час... Один человек — Привратник...

Он отступил, задыхаясь. Ему показалось, что Дверь готова сорваться с петель.

— Не надо, — прошептал он. — Не ломай, прошу. Не ломай же, сволочь! — закричал он вдруг яростно. — Убирайся, откуда пришла! Это говорю тебе я, Ильмарранен!

Факел вспыхнул неистовым белым пламенем.

* * *

Сквозь щели между тяжелыми портьерами пробился наконец дряблый рассвет. Гобелен, пострадавший от шпаги Эста, за ночь затянул свои раны и был теперь покрыт шрамами.

Они сидели молча вокруг низкого круглого стола, в центре которого, прямо на вырезанных в столешнице знаках и символах, лежал Амулет Прорицателя.

И вот, когда комната наполнилась мутным светом, когда ясно стали видны и ржавая цепь, и сложный вырез на когда-то золотой пластинке, Кастелла поднялась. Вслед за ней поднялся Эст, а потом и Ларт встал, пошатнулся и вцепился крючковатыми пальцами в бархатную обшивку кресла.

— Я предпочитаю сражаться на своей земле... Пусть ЭТО застанет меня дома, — сказал Эст, ни на кого не глядя.

— Ты, Кастелла? — спросил Ларт.

— Ребенок, — отозвалась она безучастно, как сомнамбула.

— Хорошо, — сказал Ларт. — Тогда прощайте. Спасибо, Кастелла, что преодолела неприязнь ко мне и пришла. Спасибо, Аль, что молчишь сейчас, хотя считаешь виноватым во всех бедах — меня. Прощайте.

Я не пошел их провожать — они, кажется, просто растворились в полумраке прихожей.

Ларт тяжело подошел к окну и раздвинул портьеры, впус- тив в комнату серое, грузное утро.

— Ты тоже уходи, — сказал он мне, не оборачиваясь.

Я не поверил своим ушам. Первой моей мыслью было, что я серьезно в чем-то провинился.

— Хозяин... — пролепетал я беспомощно.

Он обернулся, и я увидел, как сильно он постарел за прошедшую ночь.

— Ты не понял, — сказал он со слабой улыбкой. — Дело не в тебе, а во мне. Я сейчас не самый подходящий хозяин, и вряд ли мне еще понадобится слуга... Помнишь, «но стократ хуже имеющим магический дар»? ОНО, конечно, явится за мной. Это моя судьба, я готов к ней, и просто так ОНО не от- делается, конечно. Но тебя... — Он осекся. Он страшно не любил признаваться в слабости или несостоятельности, мой хозяин. Помолчал. Продолжил хрипло: — Я сейчас не в состо- янии тебя защитить. Уходи, тебе нечего здесь делать. Сам ты, возможно, уцелеешь.

Я хотел сказать, что не покину его ни за что, что я верен ему до гроба и готов разделить его судьбу. Я уже открыл рот, чтобы это сделать, но тут противная предательская дрожь за- владела моими коленями, а перед внутренним взором явилась вдруг Третья Сила, заглядывающая в дом снаружи — один круглый глаз в окно кабинета, а другой — спальни... Светлое небо!

— Поторопись, — сказал Ларт. — Мало времени. Иди в по- селок.

Мои ноги, кажется, прилипли к полу. Я стоял, как болван, и ловил воздух открытым ртом.

— Иди, — голос Ларта звучал все более напряженно. Я смотрел на него и не мог сдвинуться с места.

Тогда он вытянул перед собой руку ладонью вверх, будто намереваясь сдуть пылинку, а другую ладонь положил сверху и тихонько скользнул ею вперед, как бы отталкивая меня...

Я опомнился, стоя у подножия пригорка. Лартов дом оказался за спиной, а прямо передо мной — лесок, за леском — поселок, где мягко струится дымок из труб, где стоит на пороге трактира сонный трактирщик, где никто слыхом не слыхивал ни о какой Третьей Силе...

Когда-то в детстве у меня было две пары варежек. Одну я скоро подарил сестре — ненавидел выбирать каждый день, какую же из них надеть... Самое глупое занятие — выбирать.

Кто я ему, сын? Не ученик даже... Никогда мне не дожидаться и десятой доли того тепла, что предназначалось этому... Маррану. Встречный мальчишка Луаян — и тот ему был ближе и дороже... А красный раздвоенный язык, оставивший борозду на моей щеке?!

Я стоял, кусая губы. Пошел дождь, перестал, возобновился и перестал снова. Порывами налетал почти зимний ветер.

...Тихо скрипнула входная дверь. Ступеньки... Дверь кабинета.

Он сидел за бокалом вина, сидел, забросив ноги на круглый стол, испещренный заклинаниями. Прихлебывал и бормотал себе под нос:

— Нет удачи... Потерял его... Долго. Слишком много сил...

Пискнули половицы у меня под ногами. Он замолчал, поставил бокал и обернулся.

Секунду мы смотрели друг на друга, и мне очень хотелось, чтобы он снова меня прогнал. Но вместо этого он щелкнул пальцами, и на столе встал еще один бокал — высокий, тонкий, полный до краев.

— Выпьем, — сказал он с усмешкой. — Выпьем за Привратников. За честных Привратников с благими намерениями. Присоединяйся...

Бокал был уже в моей неверной руке.

— Честные Привратники, — продолжал Ларт, все еще усмехаясь. — Верные. Угодливые. Распахивающие все двери мира. Они...

Он поперхнулся. Замер. У него неестественно расширились зрачки, и тут же глаза знакомо вспыхнули красным. Я уронил свой бокал — веером плеснуло красное вино.

— Руал... — прошептал Ларт, будто обращаясь к невидимому собеседнику. — Иду... Руал, я уже иду.

ПОЧЕМУ ТЫ ВЕРНУЛСЯ? КАК ТЫ ПОСМЕЛ, ПРИВРАТНИК?

Засов заржавел. Если хочешь — иди и проверь.

ГЛУПЕЦ.

Дрогнули каскады тканей, дохнул из черного провала густой, липкий ветер, Марран закашлялся.

ДУРАК. НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ.

— Всем случается проигрывать, — сказал Марран вслух. — Умей мужественно пережить свое поражение.

ЭТО ТВОЕ ПОРАЖЕНИЕ, ЧЕРВЯК!

Он отшатнулся — темнота пришла в движение. Щерилась бездна — черный провал, подергивались, разлагаясь, ткани; гуляли доски под ногами, и гвозди расползались из своих нор, как отвратительные насекомые.

ЭТО ТВОЕ ПОРАЖЕНИЕ. ТЫ НЕДОСТОИН МОГУЩЕСТВА. ТЫ ЗАПЛАТИШЬ.

Его будто ударили по голове — он потерял власть над телом и, беспомощный, растянулся на пляшущем полу.

СЕЙЧАС Я ПОКАЖУ ТЕБЕ ТВОЮ СУТЬ, И СУДЬБА ТВОЯ БУДЕТ ДОСТОЙНА ТЕБЯ.

Ужас, слепой бесформенный ужас завладел им внезапно и без остатка.

СМОТРИ, РУАЛ ИЛЬМАРРАНЕН! СМОТРИ, ВОТ ТЫ!

Руала вздргнуло над землей — и он оказался вдруг в кольце выросших из пола зеркал. Зеркала бесконечное число раз повторили отражение зависшего в воздухе, цепляющегося за пустоту человека. Резкий белый свет ударил сверху.

ВЛАСТЕЛИН МИРА... МОКРИЦА, МЕРЗКАЯ МОКРИЦА!

Страшные судороги скрутили Маррана. Его тело перестало быть человеческим. Зеркала равнодушно оглядывали его со всех сторон — и подробно отражали происходящее.

Полупрозрачное серое брюхо, щетка тонких трепещущих ножек — и обезумевшие человеческие глаза.

ТЫ, БЕСФОРМЕННЫЙ КОМОК ПЛОТИ!

В зеркалах — ближе, дальше, сбоку, сзади — отразилась белесая пузырящаяся масса. Руал видел ее и был ею — кричать ему было нечем, и только глаза, только человеческие глаза оставались ему, глаза, лишенные век, чтобы нельзя было зажмуриться.

ЭТО — ТЫ. ЭТО ТОЖЕ — ТЫ. ГЛУБИННАЯ СУТЬ. ПРИРОДА ДУШИ. НИЗОСТЬ ТВОЯ И НИЧТОЖЕСТВО!

Он хотел потерять сознание, и сознание сжалилось над ним — начало мутиться.

НЕПРИВЫЧНО, ПРАВДА? ЧЕРВЯКОМ — ПРИВЫЧНЕЕ? ТЫ ВЕДЬ УЖЕ БЫЛ ЧЕРВЯКОМ?

В воздухе забилося склизкое кольчатое тело. Проглядывали пульсирующие сосуды сквозь мутную кожу, по которой пробегали волны спазмов.

НО НИ ЧЕРВЕМ, НИ ВЕШАЛКОЙ ТЫ БОЛЬШЕ ЖИТЬ НЕ БУДЕШЬ. Я РАЗДАВЛЮ ТЕБЯ, РАЗМАЖУ.

Плясали в зеркалах бесчисленные червеподобные чудовища с человеческими глазами. Последние проблески сознания были невыносимы.

ЖАЛЬ, ЧТО ПРОПАДАЕТ ПОДОБНОЕ ЗРЕЛИЩЕ. МОЖЕТ, ПОЗОВЕШЬ МАГОВ НА ПОМОЩЬ? ЛЕГИАРА, ЭСТА?

Он уже валился в темноту — не в глухую, мягкую, успокаивающую темноту небытия, а в изломанную тьму кошмара, где поджидали окровавленные жернова безумия.

ЗОВИ, СЛИЗНЯК. ЗОВИ, НИКТО НЕ УСЛЫШИТ.

Близился конец. Последним, несслыханным усилием ему удалось собрать остатки человеческого в себе, потянуться сквозь меркнувшее сознание, рвануться в беззвучном крике:

— Ларт!

ЛАРТ! ЛАРТ! ЛАРТ! ГДЕ ЖЕ ТЫ, НУ-КА!

Рыдали чудовища в зеркалах:

— Ларт! Ларт!!

ДАВАЙ, ДАВАЙ! ЗОВИ, ЗО...

Белый свет вдруг потерял силу, замигал, вспыхнул вновь. Палач на секунду замолчал, и в этот момент одно из зеркал лопнуло — не треснуло даже, а расплзлось, как ветхая ткань, рванные края скрутились трубочками, а в проеме встал некто — темная фигура с длинным белым лезвием в руке.

НАЗАД, КОЛДУН! ЕЩЕ ШАГ — И ТВОЯ СИЛА НЕ СПАСЕТ ТЕБЯ!

Стоящий в проеме поднял свой клинок — и зеркала взорвались изнутри, разлетевшись мириадами жалящих осколков. Белый свет сменился желтым.

Руал ощутил себя лежащим на полу — избитым, изувеченным, но — человеком.

ТЫ ПРОИГРАЕШЬ, КОЛДУН!

Легиар стоял, невыносимо огромный, длинный, с вечной желчной усмешкой на узком лице. По клинку его бегала молния. Похоже, он видел нечто, недоступное Руалу, — видел, и глаза его наливались красным.

ТЫ ПРОИГРАЕШЬ!

Руал плохо понимал, что происходит. Дыбом встал дощатый пол; выло, вращаясь, длинное белое лезвие. Воздух стал подобен сухому песку и набился в горло, перехватывая дыхание.

Извивались над головой Маррана желтые и красные петли, захлестывали друг друга, рвались с негромким треском, от которого хотелось оглохнуть; развернулась вдруг воронка, серая,

бешено вращающаяся, и пошла втягивать в себя осколки зеркал, обрывки тканей, Руала, Ларта с его клинком... Осыпались крутые, пеплом покрытые склоны, Марран бился, как муравей в песчаной ямке, когда воронка вдруг задергалась и вернулась наизнанку, став горой, конусом, и Легиар отрубил своим уже меркнувшим клинком черную присоску на его вершине...

Последним, что увидел Ильмарранен, был Ларт с темным лезвием в руке, до плеч облитый черной, густой, мускулистой массой. Масса сжималась кольцами, как бесформенный удав, масса давила, пригибала к земле, и потемневший клинок со звоном выпал из слабеющей руки... Тут Руал Ильмарранен потерял сознание.

* * *

Пол в большом зале был покрыт сложным рисунком, центром которого был круг из горящих свечей. В этом огненном кольце навзничь лежал человек. Над ним стояла женщина в серебристой мантии и монотонно читала бесконечное заклинание. Меловые линии на полу вспыхивали и гасли.

Я не находил себе места — то стоял у дверей зала, не решаясь войти, то поднимался к Ларту — но дверь кабинета была заперта, и внутри стояла мертвая тишина. На ступенях лестницы, на полу под дверью темнели пятна крови, и кровь высыхала на дверной ручке. Дом тихо постанывал от ужаса.

Женщина наконец закончила свое заклинание и теперь стояла безмолвно и неподвижно. Я решил ее позвать:

— Госпожа!

Она медленно обернулась.

— Мой господин ранен, — сказал я, чуть не плача. — Помогите ему!

— Как же я могу? — тихо ответила она. — Если я двинусь с места, Ильмарранен умрет!

— А если вы не поможете, умрет Ларт, — выговорил я шепотом.

Она печально покачала головой:

— Легиар — великий маг... Если он сам себе не поможет, любая помощь будет бессильна...

Я оставил ее и бросился в библиотеку.

Тускло поблескивали золотые корешки. Я схватил самую большую книгу из стоящих внизу, стремянка возмущенно зашипела — я отшвырнул ее ногой и развернул черный с позолотой переплет. В глазах у меня зарябило — я, оказывается, умел читать заклинания только крупными печатными буквами, и книга была мне так же полезна, как кроту подзорная труба.

Я заметался, хватал еще книги и еще — ни одна не подска-

зала мне хотя бы, как вызвать Балтазара Эста, а я был готов и на это. Потом я вдруг наткнулся на томик, написанный обычным языком, и поспешно стал его просматривать — но это была не магическая книга. Это был просто какой-то роман.

Я впал в отчаяние, уронил книгу на ковер и прислонился спиной к шкафу. Хрипло вздохнул запертый клавесин; съевшись, подрагивал стеклянный глобус на большом столе, жался в углу маленький круглый столик, испещренный магическими символами, и на него упал широкий солнечный луч, а в луче...

В луче лежал медальон Прорицателя — горящий золотом. Горящий золотом, чистый, ясный, и яркий солнечный зайчик, отражаясь от него, улегся на потолок.

Меня прошиб пот, и комната перед глазами на секунду потеряла резкие очертания — будто через мокрое стекло.

А потом я решил подойти.

Золотая цепь, золотая пластинка со сложной фигурной прорезью. Я протянул руку — и отдернул. Протянул еще раз, коснулся срезанного уголка — солнечный зайчик на потолке дрогнул и замер опять.

Я заплакал. Плача, осторожно взял медальон за цепочку и на вытянутой руке понес к Ларту.

Я стучал в дверь, всхлипывал и кричал:

— Хозяин! Она ушла! И ржавчина ушла, хозяин! Пожалуйста, откройте! Пожалуйста!

Ответа не было.

Потом я спиной почувствовал чье-то присутствие — и обернулся. Я надеялся, что это Каstellла, — но это был Март, ее муж. Он стоял внизу, у основания лестницы, и осторожно прижимал к груди большой сверток.

Несколько минут мы просто смотрели друг на друга, потом он вздохнул и спросил негромко:

— Что... Чем я могу... Каstellла?

Я посмотрел на дверь кабинета. Дверь была испорчена ударами моих башмаков, и ни звука, ни дуновения не долетало изнутри.

Я поднял перед собой руку с медальоном, как это любил делать Орвин. Пластинка медленно поворачивалась на цепи.

— Она... — сказал я Марту. — Вам лучше... Подождать ее в прихожей.

Сверток у него в руках шевельнулся, он крепче прижал его к себе.

— Что здесь... произошло? — спросил он неуверенно.

Я стоял на верхней площадке лестницы, он — на нижней, он прижимал к груди ребенка, я держал перед собой медальон.

— Здесь... кажется, спасли мир, — сказал я горько.

Кастеллу мы нашли в прихожей; она стояла, подставив лицо тонкому магическому лучу, пробивавшемуся с потолка. Увидев Марта, шагнула вперед; лицо у нее было такое, будто она собиралась заплакать и расхохотаться одновременно. Март остановился, не говоря ни слова. Кастелла подошла, приняла у него ребенка, откинула пеленки, прикрывающие головку. Я увидел его — удивленного, благожелательного, радостно потянувшегося к матери, пытающегося высвободить ручки из тесного одеяла. Я посмотрел на Марта — тот прятал глаза. Я оставил их одних и неверными шагами двинулся в большой зал.

Свечи догорели. Ильмарранен, человек-легенда, сидел в кругу и смотрел на меня. Совсем как тогда, в прихожей.

— Дамир... — сказал он с подобием усмешки. — Как мы всегда... одинаково встречаемся.

Я подошел, стараясь не наступать на меловые линии, и протянул ему медальон. Он неверными пальцами взялся за цепочку, поднес к глазам:

— Что это? Медальон Орвина? Почему?

— Орвин погиб, — сказал я.

Он нахмурился. Опустил голову. Подумал, снова посмотрел на меня — вопросительно.

— Вы живы, — сказал я почти что с упреком. — Орвин умер, а мой хозяин умирает... Может быть, уже...

— Уймись, — сказали у меня за спиной.

Марран, не видя уже меня, напрягся вдруг и поднялся — с усилием. Я медленно оглянулся.

— Ларт... — прошептал Марран.

Хозяин стоял, тяжело привалившись к дверному косяку. Половина лица его была скрыта повязкой. Единственный глаз смотрел сквозь нас.

— Ларт... — Марран шагнул вперед, еще шагнул, приблизился к Легиару, остановился в нерешительности. Так они стояли друг против друга — молча, горестно, неподвижно.

Потом Марран вздохнул и протянул Ларту на ладони золотой Амулет Прорицателя.

У Легиара дрогнули губы; ожил единственный глаз, раскрылся широко-широко, как у мальчика, впервые увидевшего на ярмарке обезьянку. Ларт покачнулся, я хотел было поддержать его — но он раздраженно отодвинул меня локтем:

— Успокойся... Я еще в состоянии держаться на ногах...

Принял у Маррана Амулет, потрогал ногтем, оглядел придирчиво — нет ли где ржавого пятнышка... Пятнышка не было.

— Небо, — сказал Легиар.

Медальон выскользнул из его ослабевших пальцев и, тонко прозвенев, упал на пол. Я нагнулся было — поднять, но чья-то рука в перчатке опередила меня. Бальтазарр Эст!

Появившись внезапно и ниоткуда, он стоял теперь между Лартом и Марраном, держа медальон за цепочку. Золотая пластинка раскачивалась взад-вперед, выписывая в воздухе светящуюся дугу.

Все молчали, потом Эст проговорил негромко:

— Так, значит... — И снова: — Значит, так...

Потом обернулся к Ларту:

— Но можем ли мы быть в безопасности, пока существует Дверь и Привратник жив?

Он обратил на Маррана невыносимо тяжелый взгляд. Тот отозвался негромко, не опуская глаз:

— Убить меня может только один человек, Аль. Только один человек имеет на это право.

Ларту, кажется, стало хуже. Он побледнел еще больше и стиснул зубы. Я подскочил — он не стал отстранять меня, а мертвой хваткой вцепился мне в плечо. Так мы стояли несколько долгих минут, пока не унялась его боль.

— Аль, — сказал Ларт шепотом. — У меня нет сейчас сил на тебя. Пожалуйста, уйди.

Эст помедлил, холодно пожал плечами и уронил медальон на поверхность круглого столика. Шагнул к окну, будто собираясь выпрыгнуть.

— Аль, — сказал Марран.

Тот замер, не закончив движения. Ждал, не оборачиваясь.

— Не было пари, Аль. Была глупая шутка.

Бальтазарр Эст повернул к нему голову, сказал после паузы:

— Что теперь... Было — не было... Дурак ты, Марран, и не поумнел... Открывать надо было, такой шанс тебе... — И осекся. Опустил голову. Пробормотал с полусмешком: — М-да, такое приключение сорвалось... Не довелось узнать, чего старушка Третья от нас хотела...

Марран шагнул было к нему — Эст свирепо вскинулся. Крепко сжал узкий, как лезвие, рот. Кивнул Ларту, длинно посмотрел на Ильмарранена, обернулся лохматой вороной и с пронзительным карканьем вылетел в приоткрытое окно.

Хозяин перевел дыхание и ослабил хватку на моем плече. Марран стоял, потупившись, и слушал, как ветер хлопает оконной рамой.

...Он слушал, как ветер хлопает оконной рамой, и кожей чувствовал взгляд Легиара. Полустерлись меловые линии на полу, лужицами воска застыли догоревшие свечи, а в углу у окна, там, куда не достигала скомканная на подоконнике портьера, виднелось бледное чернильное пятно — много лет назад Марран запустил чернильницей в большую серую мышь.

Сейчас, увидев пятно, он обрадовался. Покачал сокрушенно головой:

— Надо вывести... Смотри-ка...

Мальчишка Дамир фыркнул тихонько. Потом сказал шепотом, пугаясь собственной смелости:

— Так не выводится, я пробовал... Хозяин знает... Вьелось, или что там еще...

Повернувшись, Ильмарранен наткнулся на низкий круглый столик, бездумно взял на ладонь Амулет Прорицателя, хотел посмотреть сквозь прорезь на солнце — но вовремя спохватился, что не имеет на это права. Сник, принялся накручивать золотую цепочку на палец.

— Орвин погиб, — тихо сказал Легиар.

Марран вздрогнул:

— Из-за меня?

— Нет, — отозвался Легиар после паузы.

Помолчали.

— Я соврал Эсту, — сказал Марран, прислонившись затылком к стене и закрыв глаза.

Легиар с трудом поднял изломанную бровь:

— Что?

— Я сказал ему, что не было пари. А пари было. Мы побились об заклад с мельником Хантом, что...

— Помолчи, ладно? У меня в ушах... звенит. Уймись.

Хлоп... Хлоп... — колотилась оконная рама. Жалобно вскрикивало стекло.

— Я думал, тебе от этого легче, — извиняющимся тоном пробормотал Марран.

Легиар двинулся к нему через всю большую комнату. Пошел вплотную, так что Марран отпрянул, вжавшись лопатками в стену.

— А мне не легче, — хрипло сказал колдун. — Наверное, мне никогда уже не станет легче.

И отвернулся, опустив плечи, — поникший, усталый, будто вынули из него ту тугую железную струну, о которую обломала зубы чудовищная Третья Сила.

Где-то в доме заплакал ребенок. Руал почувствовал, как глубоко в нем отозвался этот плач — будто затянулся где-то внутри огромный, запутанный узел.

Плач стих — закрылась входная дверь.

— Они ушли, — шепотом сказал Дамир. — Она и этот, муж ее...

Узел подергивался, сжимаясь.

— Мне надо... — начал было Руал, но не услышал своего голоса. Начал вновь: — Я должен... догнать.

Ларт отошел. Тяжело навалился на стол. Помолчал, опустив голову. Потом поднял изувеченное лицо:

— Конечно, должен.

Они уходили, спускаясь вниз, с холма. Руал не мог бежать — подгибались ноги. В отчаянии, что теряет ее, он крикнул глухо, и крик тут же был унесен ветром, но она услышала и обернулась. Потом обернулся Март.

Снова налетел ветер, поднял столбом палые листья, закрутил и бросил — Ящерица двинулась Руалу навстречу, медленно, будто неохотно, через силу, с трудом. Март смотрел ей в спину и немо разевал рот, будто выброшенная на берег рыбина.

Встретились. Удивленно воззвись на незнакомца, забормотал что-то малыш у нее на руках. Она, не глядя, сунула ребенку тряпичную игрушку.

— Ты спасла мне жизнь.

— Мы квиты.

— Уходишь?

Малыш потянул игрушку в рот, с удовольствием ухватил ее розовыми деснами.

— Руал... А помнишь, муравьи?

...До чего теплым был золотистый песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними, на утрамбованном пятакке, разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран — рыжими... Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала отступила беспорядочно, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

— А-а-а! Прекрати!

Муравьи взбирались по голым загорелым щиколоткам... Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая с себя обезумевших насекомых. Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов...

— Ну и целуйся с муравьями своими! — кричала она обиженно.

— Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

И он набил полный рот песка, ловя ее ускользящие, смеющиеся губы, пытаясь удержать верткое, как у ящерицы, тело, остановить хоть на миг, почувствовать, как с той стороны тонких полудетских ребер колотится сердце, колотится и выдает с головой ее радость, возбуждение и замешательство... Пересчитать песчинки, прилипшие к бедрам и коленкам, запутавшиеся в растрепанных волосах...

Куражился осенний ветер. Поодаль ждал Март, ее муж, ждал, не замечая судорожно стиснутых пальцев. Ребенок слюнявил тряпичную куклу.

— Муравьи? Нет, кажется, не помню.

Тучи то и дело перекрывали солнце, и тогда казалось, что кто-то накинул темный платок на огромную лампу.

— А... Как ты дразнил меня, помнишь?

...Изумрудная ящерица на плоском камне. Оранжевые бабочки над зеленой травой... Она умела тогда превращаться в ящерицу и только в ящерицу, и мальчишка смеялся:

— А в стрекозу можешь? А в саламандру? А в дракона?

— Ну, хватит, Марран! Можешь больше не приходиться!

Он поймал ее и оторвал теплый, подрагивающий хвостик, повесил на цепочку и носил на шее, ощущая каждую секунду, как он щекочет его грудь под рубашкой...

Она злилась до слез. Это было раньше, давно, давно, еще в детстве...

— Нет, не помню, Ящерица. Не помню.

От рожи несло сыростью; Ильмарранену казалось, что он врос в пригорок, врос, заваленный листьями по колено.

— А река, форели? Вспомни, Марран!

...Река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью — крупной, грациозной рыбиной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным глазом. Он проносился мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятьях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

Он перевел дыхание. Воспоминание поселилось в нем, заглохло осенний день, и сильнее затянулся внутри его тугой болезненный узел.

— Форели?

Он вспомнил, как мягко светит луна сквозь толщу вод, как хорошо смотреть на нее из глубины прозрачной реки.

Март уже стоял рядом — бледный, осунувшийся, встревоженный. Попробовал взять Ящерицу за плечи:

— Стель, пойдем...

Ребенок у нее на руках выронил игрушку и завозился возмущенно. Март подобрал куклу и смял ее в руках:

— Ну, пойдём... Пойдём, мальчишка будет капризничать... Пойдём...

Другая рука отстранила его.

— Оставь... — тихо произнес Легиар.

Руал встретился с Лартом глазами. Март потянулся было взять ребенка, но Ящерица не отдала. Так и остались стоять, как стояли — между ними посапывал, пускал слюнки малыш, пытаясь ухватиться за Руалову рубашку.

— Ты... Руал, зачем ты меня... позвал?

Руал опустил голову и увидел свои руки — все это время он, оказывается, вертел в пальцах золотой Амулет Прорицателя.

«Не спрашивай, зачем. Я не могу. Я не могу этого сделать».

Но она заглядывала ему в глаза, знала ответ, ждала и боялась. Ждала и боялась, что он ее... позовет. А он молчал, молчал и смотрел на свои руки.

Каркая, поднялась из рощи воронья стая. Ильмарранену хотелось, чтобы жухлые листья завалили его по самые брови.

Малыш захныкал и хныкал все громче, пока не разревелись горько и обиженно. Укачивая и бормоча что-то нежное, примирительное, Ящерица тщетно пыталась его успокоить.

Руал поймал проглянувшее солнце на золотую грань медальона. Встряхнул Амулет на цепочке, как игрушку, предложил малышу:

— Смотри, какая цаца...

Ребенок удивился, широко раскрыл еще полные слез глаза, ударил кулачком по медальону, тот качнулся у Руала в руке.

— Давай! — подзадорил малыша Ильмарранен.

Мальчишка ухватил золотую пластинку двумя руками и радостно потянул ее в рот, едва не выхватив медальон у доброго дяди.

— Руал... — сказала Ящерица так тихо, что он скорее угадал свое имя, чем услышал его.

Он поднял ладонь. Ладонь вспомнила тяжесть маленького, юркого, солнцем нагретого зверька, щекочущее прикосновение изумрудной чешуи и крохотных коготков.

Прощай.

Он увидел, как ящерица соскользнула с его ладони и утонула в июльской траве.

Снова налетел осенний ветер, и женщина, стоящая перед ним, горестно опустила глаза.

Он смотрел вслед. Фигурки людей, уходивших прочь, становились все меньше и меньше, пока хилый лесок у подножия холма не поглотил их совсем.

Снова погрузилось в тучи спасенное им солнце.

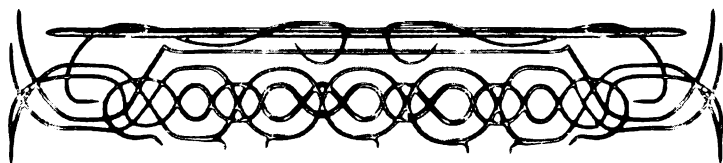
Погасли блики на поверхности медальона, которому еще предстояло найти своего Прорицателя.

Дорога давно была пуста, но Руал смотрел и смотрел, и глаза его воспалились от ветра, который швырял к его ногам рыжие трупы зеленых листьев.

Потом поднял голову к бешено несущимся облакам.

Он стоял на холме посреди мира, обреченный на вечную горечь утраты и вечное счастье быть собой. Простивший. Прощенный. Человек под небом.

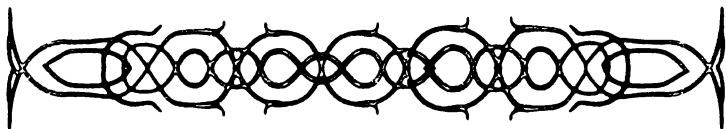
Бесконечная дорога лежала у его ног, но нельзя было понять — то ли он отправляется в путь, то ли наконец вернулся.

ШРАМ

Роман

ПРОЛОГ

ткуда явился он и куда лежит его путь. Он бродит по миру, как бродят по небу созвездья. Он скитается по пыльным дорогам, и только тень его осмеливается идти следом.

Говорят, что он носит в себе силу... ..но не этого мира.

...даже маги избегают его, ибо он неподвластен им. Кто встанет на его пути по воле судеб или по недомыслию — проклянет день этой встречи...

...помыслы неведомы, избранных он умеет одарить. Дороги служат ему, как псы...

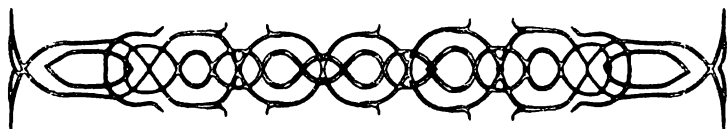
Горные вершины и камни далекого моря, холмы... ..и ущелья, нивы... ..его тайну от людей.

...лесов и предгорий, равнин и побережий, тропинки и тракты...

И говорят, что вечно он будет бродить и скитаться. Остерегись встречи с ним — на людной ярмарке...

...или в берлоге отшельника — ибо он всюду...

...И порог твоего дома не услышит ли однажды поступь Скитальца?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭГЕРТ

ГЛАВА 1

тены тесной таверны уже сотрясались от гула пьяных голосов. После чинных взаимных тостов, после соленых шуточек, после веселой потасовки пришло время танцев на столе. Танцевали с парой служанок — те, раскрасневшиеся, трезвые по долгу службы, но совершенно одуревшие от блеска эполетов, от всех этих пуговиц, ножен, нашивок и страстных взглядов, из кожи лезли вон, лишь бы угодить господам гуардам.

Грохались на пол бокалы и кувшины; причудливо изгибались серебряные вилки, придавленные лихим каблуком. Вее-ром, как колода карт в руках шулера, летали по воздуху широкие юбки; от счастливого визга звенело в ушах. Хозяйка таверны, мудрая тощая старуха, отсиживалась на кухне и лишь изредка высовывала нос из своего убежища — знала, плутовка, что беспокоиться нечего, что господа гуарды богаты и щедры, что убытки возместятся с лихвой, а популярность заведения лишь возрастет стократ...

После танцев гуляки умаялись — шум голосов несколько поутих, служанки, отдуваясь и на ходу поправляя неполадки в одежде, наполнили вином уцелевшие кувшины и принесли из кухни новые бокалы. Теперь, немного опомнившись, обе стыдливо опускали ресницы, соображая, не слишком ли вольно вели себя до сих пор; одновременно в душе у каждой таилась горячая надежда на что-то неясное, несбыточное — и всякий раз, когда запыленный ботфорт будто ненароком касался маленькой ножки, эта надежда, вспыхнув, заливала краской юные лица и нежные шеи.

Девушек звали Ита и Фета, и немудрено, что подвыпившие гуляки то и дело путали их имена; впрочем, многие из гостей уже едва ворочали языком и не могли больше говорить комплименты. Страстные взгляды замутились, а вместе с ними

понемногу угасла девичья надежда на несбыточное — когда в дверной косяк над головой Иты вдруг врезался тяжелый боевой кинжал.

Сразу стало тихо; даже хозяйка высунула из своей кухни обеспокоенный лиловый нос. Гуляки оглядывались в немом удивлении, будто ожидая увидеть на прокопченном потолке грозное Привидение Лаш. Ита сначала раскрыла в недоумении рот — а осознав наконец, что случилось, уронила на пол пустой кувшин.

В воцарившейся тишине отодвинулся от стола тяжелый стул; давя ботфортами черепки разбитого кувшина, к девушке неспешно приблизился некто, чей пояс был украшен пустыми кинжальными ножами. Зловещее оружие извлечено было из дверного косяка; из толстого кошелька явилась золотая монета:

— Держи, красавица... Хочешь еще?

Таверна взорвалась криками и хохотом. Господа гуарды — те, кто еще в состоянии был двигаться, — радостно колотили друг друга по плечам и спинам, радуясь такой удачной придумке своего товарища:

— Это Солль! Браво, Эгерт! Вот свинья, право слово! А ну, еще!

Обладатель кинжала улыбнулся. Когда он улыбался, на правой щеке его у самых губ проступала одинокая ямочка; Ита беспомощно стиснула пальцы, не сводя с этой ямочки глаз:

— Но, господин Эгерт... Что вы, господин Эгерт...

— Что, страшно? — негромко спросил Эгерт Солль, лейтенант, и от взгляда его ясно-голубых глаз бедняжка Ита покрылась испариной.

— Но...

— Становись спиной к двери.

— Но... господин Эгерт... сильно выпимши...

— Ты что, не доверяешь мне?!

Ита часто замигала пушистыми ресницами; зрители лезли на столы, чтобы лучше было видно. Даже пьяные протрезвели ради такого зрелища; хозяйка, немного обеспокоенная, застыла в кухонных дверях с белой тряпкой наперевес.

Эгерт обернулся к гуардам:

— Ножи! Кинжалы! Что есть, ну!

Через минуту он был вооружен, как еж.

— Ты пьян, Эгерт, — проронил, будто невзначай, другой лейтенант по имени Дрон.

В толпе гуардов вскинулся смутный молодой человек:

— Да сколько он выпил?! Это же клопу по колено, сколько он выпил, с чего это он пьян?

Солль расхохотался:

— Верно! Фета, вина!

Фета повиновалась — не сразу, механически, просто потому, что не повиноваться приказу гостя у нее никогда не хватало смелости.

— Но... — пробормотала Ита, глядя, как в горло Солля опрокидывается, журча, винный водопад.

— Ни... слова, — выдавил тот, вытирая губы. — Отойдите... все.

— Да он пьяный! — крикнули из последних зрительских рядов. — Он же угробит девчонку, дурачье!

Последовала возня, которая, впрочем, скоро стихла — кричавшего, по-видимому, переубедили.

— Бросок — монета, — пояснил Ите пошатнувшийся Эгерт. — Бросок — монета... Стоять!!

Девушка, попытавшаяся было отойти от дубовой двери, испуганно отшатнулась на прежнее место.

— Раз, два... — Солль вытащил из груды оружия первый попавшийся метательный нож, — нет, так неинтересно... Карвер!

Смуглый юноша оказался рядом, будто только и ждал этого окрика.

— Свечи... Дай ей свечи в руки и одну — на голову...

— Не-ет! — Ита расплакалась. Некоторое время тишину нарушали только ее горестные всхлипывания.

— Давай так, — Солль, похоже, осенила незаурядная мысль, — бросок — поцелуй...

Ита вскинула на него заплаканные глаза; секунды промедления было достаточно:

— Лучше я! — и Фета, отгеснив товарку, встала под дверь и приняла из рук хохочущего Карвера горящие свечные огарки...

...Десять раз срезал клинок трепещущее пламя, и еще дважды вонзался в дерево прямо над девичьей макушкой, и еще трижды проходил на палец от виска. Пятнадцать раз лейтенант Эгерт Солль целовал скромную служанку Фету.

Считали все, кроме Иты — она удалилась на кухню рыдать. Глаза Феты закатились под лоб; меткие руки лейтенанта нежно лежали у нее на талии. Хозяйка смотрела печально и понимающе. У Феты обнаружился жар; господин Солль, обеспокоенный, сам вызвался проводить ее в ее комнату; отсутствовал он, впрочем, не так уж долго, и, вернувшись, встречен был восхищенными, слегка завистливыми взглядами.

Ночь перевалила через наивысшую свою точку и вполне могла называться утром, когда компания покинула наконец гостеприимное заведение; Дрон сказал в спину пошатывающемуся Эгерту:

— Все матери в округе пугают дочек лейтенантом Соллем... Ты, пройдоха!

Кто-то хохотнул:

— Купец Вапа... Ну, тот богач, что купил пустой дом на набережной... Так вот, он привез из предместья... молодую жену, и — что ты думаешь? — ему уже донесли... Бойтесь, говорят, не чумы и разорения, бойтесь гварда по имени Солль...

Все захохотали, ч только Карвер нахмурился, услышав упоминание о купцовой жене. Бросил сквозь зубы:

— То-то я думаю... Кто-то вякнул по простоте душевной, а купец теперь глаз не смыкает... Сторожит...

Он раздраженно тряхнул головой — видимо, купцова жена не первый день занимала его мысли, а ревнивый муж ее успел досадить уже одним своим существованием.

Эгерт, пошатнувшись, остановился, и благостная рассеянность на его лице понемногу уступила место интересу:

— Врешь?

— Если б врал, — отозвался Карвер неохотно. Похоже, разговор был ему в тягость.

Вся компания понемногу встала; кто-то заинтригованно хмыкнул.

Эгерт вытащил из ножен шпагу, свою знаменитую, древней работы шпагу, и торжественно объявил, обращаясь к узкому лезвию:

— Даю обет... Что купец не уберется ни от чумы, ни от разорения, ни...

Последние его слова потонули в новом взрыве хохота. Карвер помрачнел и втянул голову в плечи.

Славный город Каваррен был столь же древен, сколь и воинственен. Ни в одном другом городе не жили бок о бок столько славных потомков древних династий; ни в одном другом городе не произрастало рядом такое количество генеалогических древ. Нигде более не ценились столь высоко отвага и умение владеть оружием — сравниться с этой доблестью могло разве что умение выращивать бойцовых вепрей.

Любой дом в Каваррене мог при необходимости выдержать натиск многосотенного войска — так крепки и толсты были стены, так неприступно темнели узкие окна, так много стальных шипов там и сям торчало из ворот и дверей. В подвале каждого дома бережно хранился целый арсенал разнообразнейшего оружия, а над крышей гордо развевалось украшенное бахромой знамя. На внешней стороне ворот обычно красовался герб, один вид которого обратил бы в бегство целую армию — так много там было когтей и зубов, горящих глаз и свирепо оскаленных пастей; сам же город был обнесен крепостной стеной, а ворота были снабжены столь угрожающими атрибутами, что, вздумай даже Харс — Покровитель Воинов атаковать Каваррен — он лишился бы головы либо бежал без оглядки.

Но более всего Каваррен гордился своим элитным полком, полком гвардов. Стоило в хоть сколько-нибудь уважаемой семье родиться сыну, как отец тут же добивался зачисления розового крохи в славные воинские ряды. Ни одно празднество не обходилось без парада; улицы и без того спокойного городка неустанно патрулировались, кабачки процветали, матери строго призывали дочерей к благоразумию, а время от времени случались и дуэли, о которых потом говорили долго и с удовольствием.

Впрочем, гварды славились не только попойками и похождениями. В истории полка были победы в кровопролитных войнах, которые весьма часто вспыхивали в старые времена; нынешние гварды, потомки славных бойцов прошлого, не раз являли воинское искусство в стычках со злыми, хорошо вооруженными бандами разбойников, время от времени наполнявших окрестные леса. Все уважаемые люди города провели молодость в седле и с оружием в руках.

Однако самым страшным событием в истории города была отнюдь не какая-нибудь война или осада, а Черный Мор, явившийся в Каваррен много десятилетий назад и за три дня сокративший число горожан едва ли не вдвое. Против Мора бессильны оказались и стены, и укрепления, и острая сталь. Каварренские старики, пережившие в детстве Мор, любили рассказывать внукам страшные истории; от всех этих ужасов юноши могли повредиться в уме, не обладая молодостью счастливой способностью — выпускать из левого уха наставления, только что влетевшие в правое.

Эгерт Солль был плоть от плоти родного Каваррена, был верным сыном и воплощением его доблестей. Умри он вдруг, в одночасье, в возрасте двадцати с половиной лет — он мог бы, пожалуй, стать духом Каваррена; впрочем, в красивую белокурую голову взбрело все что угодно, только не мысли о смерти.

Пожалуй, Эгерт вообще не верил в ее существование — это он-то, успевший убить на дуэли двоих! Оба случая имели широкую огласку, но, поскольку речь шла о чести и все дуэльные правила были строго соблюдены, о Солле говорили скорее с уважением, нежели хоть сколько-нибудь осуждая. Рассказы же о прочих поединках Солля, в которых противники его отделались ранами или увечьями, попросту служили хрестоматийными примерами для юношей и подростков.

Впрочем, с некоторых пор Эгерт дрался на дуэли все реже — не потому, что иссяк его боевой азарт, а потому, что все меньше было охотников напороться на его фамильный клинок. Солль был самозабвенным мастером фехтования; с тринадцати лет, когда взамен детской шпажки отец торжественно

вручил ему семейную реликвию с витой рукояткой, шпага стала единственной его игрушкой.

Неудивительно поэтому, что у Солля совсем не было врагов — что в какой-то мере уравнивалось избытком друзей. Друзья встречали его в каждой таверне, друзья сонмищем следовали за ним по пятам — и невольно становились свидетелями и участниками его буйных забав.

Обожающий всякого рода опасность, он находил особую прелесть в танцах на лезвии бритвы. Однажды на спор он влез по внешней стене на пожарную каланчу — самое высокое сооружение в городе — и трижды прозвонил в колокол, вызвав тем самым немалую тревогу. Лейтенант Дрон, заключивший с Соллем пари, вынужден был поцеловать в губы первую встречную даму — а дама оказалась старой девой, тетушкой бургомистра, то-то был скандал!

В другой раз пострадал гуард по имени Лаган — он проиграл пари, когда Солль на глазах у всех оседлал здорового бурого быка, свирепого, но совершенно оцепеневшего от такой наглости. Зажав в зубах конскую уздечку, Лаган тащил Солля на плечах от городских ворот до самого дома...

Но больше всех доставалось Карверу.

Они были неразлучны с детства — Карвер льнул к Соллю и был привязан к нему, как брат. Не особенно красивый, но и не урод, не особенно сильный, но и не самый слабый, Карвер всегда проигрывал сравнение с Эгертом — и в то же время принимал на себя отблеск его славы. С малых лет он честно зарабатывал право называться другом такой выдающейся личности, снося порой и унижения, и насмешки.

Он хотел быть таким, как Солль, он так страстно этого желал, что незаметно для себя перенимал у друга повадки и манеру говорить, походку, даже голос. Он научился плавать и ходить по канату — только небо знает, чего это стоило ему... Он научился громко смеяться над собственным падением в грязную лужу, он не плакал, когда камушек, метко брошенный мальчишкой Соллем, оставлял кровоподтек на плече или колене. Великолепный друг ценил его самоотверженность и по-своему любил Карвера; это не мешало Соллю забывать о существовании приятеля, если тот не попадался ему на глаза хотя бы день. Однажды четырнадцатилетний Карвер решился на испытание — сказавшись больным, он целую неделю не появлялся среди товарищей, сидел дома, с трепетом ожидая, когда же Солль вспомнит о нем. Солль не вспомнил — его отвлекали многочисленные забавы, игрища, пикники; он не знал, конечно, что Карвер молча просидел у окна все семь дней своего добровольного затворничества и однажды, сам себя презирая, даже заплакал горькими злыми слезами. Страдая от одиночества, Карвер клялся навсегда порвать с Эгертом — а потом не

выдержал и явился к нему и был встречен с такой неподдельной радостью, что тут же позабыл обиду...

Мало что изменилось, когда оба повзрослели. Робкому Карверу не удавались любовные похождения — Эгерт наставлял друга, между делом уводя из-под его же носа симпатичных Карверу девушек. Тот вздыхал и прощал, считая собственное унижение самопожертвованием ради дружбы.

Эгерт имел обыкновение требовать от окружающих такой же отдачи, какой обладал сам, и всячески насмехаться над приятелями, не оправдавшими его ожиданий. Тут Карверу пришлось особенно туго; однажды поздней осенью, когда речка Кава, огибающая город, взялась первым льдом, Эгерт предложил состязания — кто быстрее перебежит по льду с берега на берег. Все приятели его тут же сослались на спешные дела, хвори и недуги — а Карвер, оказавшийся по обыкновению под рукой, получил в лицо презрительную усмешку и такое едкое словечко, которое заставило его залиться краской от ушей до самых пяток... Чуть не плача, он согласился на условие Солля.

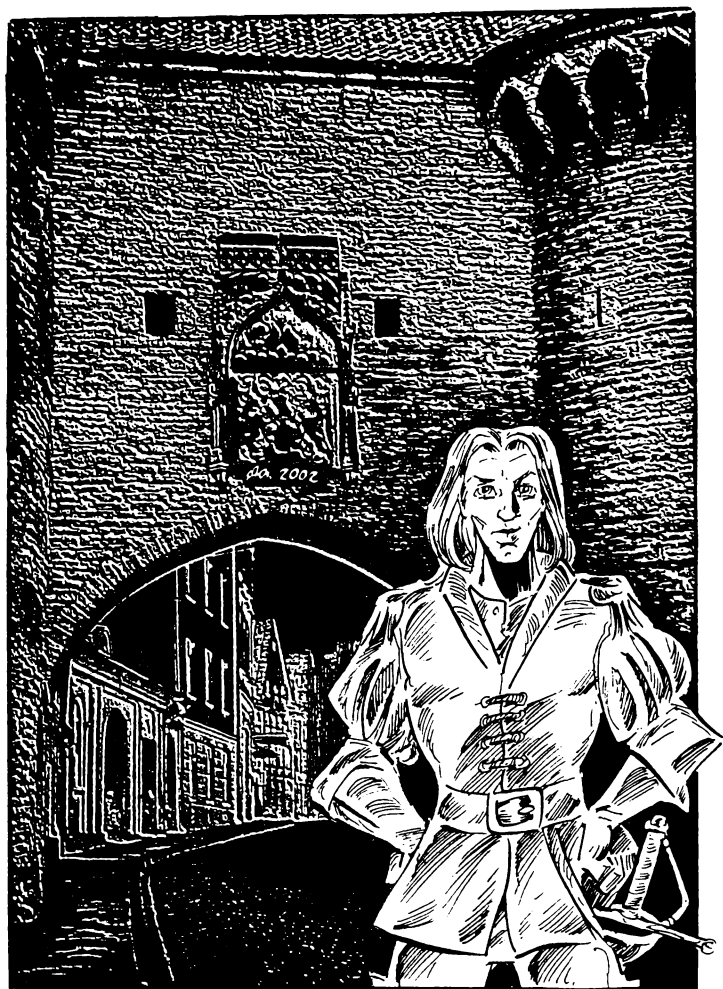
Конечно, Эгерт, который был выше и тяжелее, благополучно проскользнул по гладкому льду на противоположный берег, и удивленные рыбы в темной глубине разинули рты. Конечно, Карвер в решающий момент испугался, приостановился, собираясь вернуться, — и с треском ухнул в черную, лучистую, как звезда, полыню, великодушно предоставив Эгерту возможность спасти себя и тем самым заработать новые лавры.

Интересно, что он искренне был благодарен Соллю, вытащившему его из ледяной воды.

...Матери взрослых дочерей вздрагивали при одном имени Эгерта Солля, отцы подрастающих сыновей ставили его юношам в пример. Рогоносцы хмурились, встретив Эгерта на улице, — и все же учтиво приветствовали его. Бургомистр прощал ему учиняемые в городе каверзы и дебоши, сквозь пальцы смотрел на поступающие на Солля жалобы — потому что еще жив был в памяти тот случай во время веприных боев.

Отец Солля, как и многие в Каваррене, разводил боевых вепрей — а это считалось тонким и уважаемым искусством. Черные вепри из дома Солля были исключительно свирепы и кровожадны, конкуренцию им составляли только бурые полосатые вепри из дома бургомистра. Не было боев, в финале которых не встречались бы эти вечные соперники; борьба велась с переменным успехом, пока однажды, погожим летним днем, бурый полосатый чемпион по кличке Рык не взбесился прямо на ристалище.

Похода пропоров брюхо противнику — черному красавцу Харсу, — обезумевший кабан кинулся на публику. Собственный полосатый товарищ, случившийся по дороге и упавший с

распоротым брюхом, задержал безумца ненадолго; бургомистр, по традиции занимавший с семейством первый ряд, успел только истошно завопить и, подхватив жену, вспрыгнуть ногами на обитое бархатом сиденье.

Никто не знает, чем закончилась бы сия кровавая драма; вполне возможно, что многие, кто пришел в этот день полюбоваться боями, и прежде всего бургомистр, разделили бы печальную участь красавца Харса, ибо Рык, с поросячьего возраста взращенный в свирепости, решил, по-видимому, что вот он, наконец-то, его день. Бедняга ошибся — это был день не его, а Солля, который оказался в центре событий раньше, чем публика в задних рядах поняла, что происходит.

Эгерт выкрикивал в адрес Рыка самые оскорбительные, по его мнению, для вепря слова; в левой руке его неустанно вращалась ослепительно яркая ткань (как потом оказалось, накидка одной из экстравагантных дам, прикрывавшей ею свои обнаженные плечи). Рык замешкался всего на секунду — этой секунды хватило бесстрашному Соллю, чтобы, подскочив вплотную, всадить под лопатку бурого безумца свой длинный, выигранный на пари кинжал.

Потрясенный бургомистр преподнес дому Соллей самый щедрый из возможных подарков: всех бурых полосатых вепрей, содержащихся в его загонах, в одночасье зажарили и съели (правда, мясо их оказалось жестким и жилистым). Эгерт сидел во главе стола; отец его глотал слезы умиления — ведь теперь черные красавцы Соллей не знали в городе равных! Подступающая старость сулила Соллю-старшему покой и утешение, поскольку сын его был лучшим из сыновей.

Мать Эгерта не присутствовала тогда на пиршестве — она часто хворала и не любила шумных сборищ. Когда-то сильная и здоровая женщина, впервые она слегла после того, как Эгерт убил на дуэли своего первого противника; Соллю иногда приходило в голову, что мать его избегает, едва ли не боится. Впрочем, он всегда гнал от себя странные или неприятные мысли.

...Ясным солнечным днем — пожалуй, это был первый по-настоящему весенний день — купцу Вапе, гулявшему по набережной под руку с молодой женой, случилось приятное знакомство.

Новый знакомец, показавшийся Вапе чрезвычайно благородным молодым человеком, был, как ни странно, господин Карвер Отт; знаменательным было то, что юный гвард прогуливался в обществе сестры — незаурядных размеров девицы с высокой пышной грудью и скромно опущенными серо-голубыми глазами.

Девицу звали Бертиной; вчетвером — Карвер рука об руку

с Вапой, Бертина подле красавицы Сении, молодой купцовой жены — они непринужденно прошлись взад-вперед по набережной.

Вапа был удивлен и одновременно растроган — впервые кто-то из «этих проклятых аристократов» проявил к нему столь теплое внимание. Сения мельком поглядывала на юное лицо Карвера и опускала глаза, будто опасаясь наказания за один только запретный взгляд.

Миновали группу гуардов, картинно расположившуюся вокруг парапета; Сения, бросив опасливый взгляд, обнаружила вдруг, что молодые люди не беседуют, как обычно, — отвернувшись, как по команде, в сторону реки, все они одинаково зажимали руками рты и время от времени странно сотрясались, словно всех в одночасье поразил один и тот же недуг.

— Что это с ними? — удивленно спросила она у Бертины.

Та только грустно покачала головой и пожала плечами.

С беспокойством переведя взгляд с гуардов на сестру и с сестры на Сению, Карвер вдруг понизил голос:

— Ах, поверьте, в городе, где так сильны традиции разврата... Бертина — невинная девушка... И очень трудно выбрать ей подруг, будучи уверенным, что тлетворные влияния... О, как было бы хорошо, если бы Бертина подружилась с госпожой Сенией!

В последних словах его проскользнул вздох.

Вчетвером повернули и пошли в обратную сторону; гуардов у парапета стало меньше, те, что остались, упорно смотрели на реку, а один сидел прямо на булыжной мостовой и всхлипывал.

— Пьяны по обыкновению, — осуждающе заметил Карвер. Сидящий поднял на него мутные глаза — и согнулся пополам, не в силах сдержать хохот, раздирающий ему грудь.

На другой день Карвер с сестрой нанесли Вапе визит; Бертина призналась Сении, что совсем не умеет вышивать шелком.

На третий день Сения, которой нестерпимо скучно было коротать дни в одиночестве, попросила мужа разрешить ей почаще встречаться с Бертиной — это развлечет обеих, к тому же сестра Карвера попросила ее об уроках вышивания.

На четвертый день Бертина явилась, сопровождаемая, как стражей, верным братом, который был непривычно хмур и вскоре раскланялся. Купец уселся за счета; Сения повела гостью наверх, в свои комнаты.

Посвистывала канарейка в узорной клетке; извлечены были из корзинки иглы и тонкое полотно. Пальцы Бертины, слишком жесткие и грубые, отказывались подчиняться, но девушка старалась изо всех сил.

— Милая, — задумчиво произнесла вдруг Сеня посреди урока, — а правда, что ты совсем-совсем невинна?

Бертина укололась иголкой и сунула палец в рот.

— Не смущайся, — улыбнулась Сеня, — мне кажется, мы можем быть друг с другом вполне откровенны... Ты и правда... ну, понимаешь?

Бертина подняла на Сению ясные серые глаза, и та с удивлением увидела, что глаза эти невообразимо грустны:

— Ах, Сеня... Ах, это такая печальная история...

— Я так и думала! — воскликнула жена Вапы. — Он соблазнил тебя и бросил, да?

Бертина помотала головой и снова тяжело вздохнула.

Некоторое время в комнате было тихо; потом с улицы донесся дружный смех двух десятков молодых глоток.

— Гуарды... — пробормотала Сеня, подойдя к окну. — Смеются... Отчего они все время здесь смеются?

Бертина всхлипнула. Сеня вернулась и присела рядом:

— Послушай... а ОН... твой возлюбленный... Был гуард?

— Если бы... — прошептала Бертина, — гуарды нежны и благородны... гуарды верны и мужественны... гуарды...

Сеня скептически поджала губы:

— Вот уж не думаю, что гуарды верны... Кстати, твоего возлюбленного звали не Эгерт Солль?

Бертина подпрыгнула на подушках. Снова стало тихо.

— Милая, — шепотом начала Сеня, — а ты... можешь мне сказать... Ты испытала... ну, понимаешь, говорят, что женщина тоже испытывает... наслаждение... Понимаешь?

И Сеня покраснела — такая откровенность далась ей нелегко.

Бертина снова подняла глаза — на этот раз удивленные:

— Но, милая... Ты же замужем!

— Да в том-то и дело, — Сеня резко встала, недовольная собой. Прощедила сквозь зубы: — Замужем... В том-то и дело...

Ее гостья медленно отложила вышивание.

Их беседа длилась около часа; Бертина говорила и говорила, и голос ее не хрипел, а напротив, обретал почти музыкальные нотки. Она закатывала глаза и нежно поглаживала спинку кресла; она ворковала, и Сеня, замершая с расширенными глазами, только переводила дыхание да время от времени облизывала пересохшие губы.

— И все это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** бывает? — спросила она наконец дрожащим, прерывающимся голосом.

Бертина медленно, торжественно кивнула.

— И я этого **НИКОГДА** не узнаю? — прошептала Сеня, замирая от горя.

Бертина поднялась. Набрала в грудь воздуха, будто наме-

реваясь кинуться в холодную воду. Рванула на груди платье... На пол один за другим упали два круглых, набитых ватой мешочка.

У Сении перехватило дыхание, и она не смогла закричать.

Платье сползло с Бертины, как кожа со змеи. Под платьем обнаружили мускулистые плечи, широкая грудь, покрытая курчавыми волосами, живот с выступающими буграми мышц...

Когда платье скользнуло ниже, Сения закрыла руками глаза.

— Если ты закричишь, — шепотом сказал тот, кто был Бертиной, — твой же собственный муж тебя...

Сения не дослушала — она попросту лишилась чувств.

Конечно, Эгерт не стал пользоваться беспомощностью слабой женщины. Конечно, ему скоро удалось привести Сению в чувство; вышло так, что доверительная беседа скоро возобновилась — теперь уже в новом качестве.

— Ты... обещаешь? — спрашивала Сения, дрожа всем телом.

— Слово гварда.

— Ты... гвард?

— Спрашиваешь! Я Эгерт Солля!

— Но...

— Только с твоего согласия.

— Но...

— Одно слово — и я уйду...

— Но...

— Уходить?

— Нет!!

Купец Вапа на первом этаже сердито нахмурился — в счета вкралась ошибка. Два десятка гвардов под окнами его дома соскучились и собрались расходиться.

...Корзинка с рукоделием давно скатилась на пол, растеряв цветные клубки ниток. Канарейка в клетке примолкла, удивленная.

— О... Светлое небо... — Сения задыхалась, обвив руками шею Солля. Тот молчал — ему было не до бесед.

Бедная птичка забеспокоилась — ее клетка, расположенная над самой постелью, мерно и сильно раскачивалась. Старинные часы пробили величественную серию ударов, потом еще и еще.

— О... добрые духи... Светлое небо... — Сения не знала, кого еще помянуть, и еле сдерживалась, чтобы не завопить во все горло.

...Купец Вапа удовлетворенно потер руки — ошибка исправлена, нерадивый писец вскоре лишится места... Как хорошо, однако, что Сения подружилась с сестрой этого господина Карвера! Целый день ее не слышно и не видно, не вертится перед глазами, не канючит и не просится погулять... Даже не-

привычно — купец усмехнулся. Не подняться ли, не провести ли мастериц?

Он уже привстал, намереваясь покинуть кресло, — но поморщился от боли в пояснице и остался сидеть.

...Эгерт Солль, пошатываясь, выглянул из окна на набережную. Нагой и расслабленный, он стоял в оконном проеме и смотрел на товарищей с укоризной... Купец Вапа вздрогнул и поморщился: проклятые гварды! Ну что за хохот, что за вой...

Спустя несколько минут спустились Сения с Бертиной; Вапе показалось, что жена несколько не в себе, будто урок вышивания уж очень ее утомил. Прощаясь, она с особенной нежностью заглянула Бертине в глаза:

— Ты... приедешь еще, да?

— Непременно, — вздохнула девушка, — мне никак не дается... этот стежок... милая Сения...

Купец презрительно поморщился: до чего сентиментальны эти женщины...

— Язык отрежу, — сказал Солль друзьям в кабачке. — Кто будет болтать... ясно?

Ни у кого не оставалось сомнений, что так он и сделает, если тайна купчихи Сении получит в городе огласку. Все помнили о фамильном клинке и молчали.

Карверу, сыгравшему во всей истории немаловажную роль, подмигивали и жали руку. Поздравления, похоже, доставляли ему мало радости — несмотря на падавший на него отблеск Соллевой славы, «брат» первым напился и молча ушел.

* * *

Весна разразилась проливными дождями; по крутым мощеным улочкам неслись мутные потоки, дети кухарок и лавочников отправляли в плавание деревянные башмаки под парусом, а юные аристократы с тихой завистью глядели на них из высоких стрельчатых окон.

Однажды утром к гостинице «Благородный меч», которая располагалась едва ли не в самом центре Каваррена, подкатила простая дорожная карета; кучер, против обыкновения, не кинулся открывать дверцу, а равнодушно остался сидеть на козлах — похоже, пассажиры не были его господами, а всего лишь нанимателями. Дверца распахнулась сама, и невысокий, очень худой молодой человек откинул подножку, чтобы выйти.

Приезжие не были в Каваррене такой уж редкостью, и, возможно, прибытие кареты прошло бы незамеченным, если б напротив, в трактире «Верный щит» не коротал время Эгерт Солль с друзьями.

— Гляди-ка! — сказал Карвер, сидевший у самого окна.

Две или три головы повернулись в его сторону, прочие господа слишком увлечены были беседой и вином.

— Гляди-ка! — и Карвер подтолкнул в бок сидевшего рядом Солля.

Эгерт взглянул — молодой человек к тому времени уже соскочил на мокрый булыжник и протягивал руку кому-то невидимому, все еще остававшемуся внутри. Юноша одет был во все темное — и глаз Солля сразу резанула какая-то несуразность в облике молодого незнакомца.

— У него нет шпаги, — сказал Карвер.

Тут только Эгерт увидел, что незнакомец безоружен, что на нем нет даже перевязи, а на тонком поясе — ни кинжала, ни хотя бы кухонного ножа. Солль пригляделся еще внимательнее — одежда незнакомца строгостью походила на форменную, но если это и была форма, то ни в коем случае не военная.

— Это студент, — объяснил Карвер. — Наверняка студент.

Юноша тем временем, переговорив с кем-то внутри кареты, подошел расплатиться с кучером; тот по-прежнему не проявлял ни доли почтения — похоже, студент не был к тому же и богат.

— А что, — протянул Эгерт сквозь зубы, — студенты, подобно женщинам, не носят оружия?

Карвер хохотнул.

Эгерт презрительно ухмыльнулся и готов был отвернуться от окна — но в этот момент, опираясь на руку студента, из экипажа выбралась девушка. В кабачке как-то сразу стало тихо.

Лицо ее казалось озабоченным, бледным от усталости и печальным от дождя — но даже это не могло его испортить. Это было совершенное, почти что выточенное из мрамора лицо — только там, где у мраморных статуй белеют слепые мертвые очи, у этой девушки матово поблескивали темные, спокойные, без тени кокетства глаза.

Как и одежда ее спутника, платье приезжей было простым дорожным платьем — не умеющим, впрочем, скрыть ни прекрасных форм, ни легкости и гибкости движений. Девушка соскочила на булыжник рядом с юношей — тот что-то сказал, и мягкие губы его усталой спутницы чуть улыбнулись, а глаза, казалось, стали еще глубже и ярче.

— Немыслимо, — прошептал Эгерт.

Кучер тронул карету — оба отскочили, спасаясь от брызнувшей во все стороны жидкой грязи. Потом молодой человек вскинул на плечо объемистую котомку — и вдвоем, держась за руки, приезжие вступили во владения «Благородного меча». Закрылась увитая вензелями дверь.

В трактире заговорили все разом; Эгерт молчал, не отвечая на вопросительные взгляды; потом уронил в сторону Карвера:

— Мне нужно знать, кто они.

Тот привычно поднялся, спеша услужить другу. Солль смотрел, как, перепрыгивая лужи, Карвер спешит через улицу к «Благородному мечу»; снова хлопнула дверь с вензелями, и прошло около четверти часа, прежде чем Эгертов приятель вернулся:

— Да, он студент... Пробудет, очевидно, около недели, — и Карвер замолчал, с удовольствием ожидая вопроса.

— А она? — бросил Эгерт.

— Она, — Карвер странно усмехнулся, — она не сестра ему и не тетка, как я надеялся... Она — невеста этого парня, и, похоже, свадьба не за горами!

Эгерт молчал — сообщение Карвера, хоть и не было неожиданностью, неприятно задело его, почти оскорбило.

— Противоестественный брак, — сказал кто-то из гуардов. — Мезальянс.

Все шумно согласилось.

— А я слышал, — вставил Карвер удивленно, — что студентов всех оскопляют, дабы не отвлекались на плотские наслаждения и полностью предали себя науке... Что, врут, выходит?

— Выходит, врут, — разочарованно пробормотал лейтенант Дрон, опрокидывая забытый было кубок.

— Без шпаги ходит — все равно что скопец, — тихо проронил Солль. Все обернулись в его сторону.

По лицу Эгерта неудержимо расплзалась хищная, презрительная ухмылка:

— Зачем скопцу женщина, господа, да еще ТАКАЯ?

Он встал — все уважительно расступились. Бросив хозяину несколько золотых монет — за всю компанию, — лейтенант Эгерт Солль вышел под дождь.

В тот же вечер приезжий молодой человек со своей спутницей ужинали на первом этаже «Благородного меча»; трапеза их была достаточно скромной, пока сам хозяин, блистая улыбкой, не водрузил на стол перед ними плетеную корзину, ошетилившуюся бутылочными горлышками:

— Госпоже — от господина Солля!

С этими словами, подтвержденными многозначительной улыбкой, хозяин удалился.

Эгерт, удобно устроившийся в уголке обеденного зала, видел, как студент и красавица удивленно переглянулись; после долгих колебаний салфетка, прикрывавшая корзинку, была сдернута, и на лицах склонившейся над подарком парочки отразилось радостное изумление — еще бы, яства и вина отобраны были с отменным вкусом!

Впрочем, на смену радости вскоре пришло замешательство; о чем-то жарко переговорив со спутницей, студент вскочил и отправился к хозяину — выяснять, по-видимому, кто такой этот щедрый даритель господин Солль.

Эгерт допил свой кубок и, неспешно поднявшись, двинулся через зал к оставшейся в одиночестве девушке; он специально не смотрел на нее в этот миг, боясь разочарования — вдруг красавица вблизи окажется вовсе не так хороша?

Зал был наполовину пуст — ужинали немногочисленные постояльцы да коротала время смирная компания горожан. «Благородный меч» слыл спокойным, пристойным заведением, хозяин тщательно оберегал его от шумных попок и потасовок. Оттягивая момент встречи с прекрасной дамой, Солль успел заприметить новое лицо — по-видимому, этот высокий немолодой путник прибыл совсем недавно и не успел еще познакомиться Эгерту на глаза.

Подойдя наконец к своей цели почти вплотную, Эгерт, внутренне изготавившись, взглянул на невесту студента.

Да, она была великолепна. Лицо ее не казалось больше таким усталым, и чуть порозовели гладкие, как алебастр, щеки; теперь, вблизи, он рассмотрел даже маленькие, не замеченные раньше детали — созвездие из крохотных родинок на высокой гордой шее и необычайно крутой, дерзкий изгиб ресниц.

Эгерт стоял и смотрел; девушка медленно подняла голову, и Солль впервые встретился взглядом с ее серьезными, чуть отрешенными глазами.

— Добрый день, — сказал Эгерт и уселся на место, где только что сидел студент. — Госпожа не воспротивится обществу скромного почитателя красоты?

Девушка не смутилась и не испугалась; она только казалась чуть озадаченной:

— Простите, вы...

— Мое имя Эгерт Солль, — он встал, раскланялся и снова уселся.

— А-а... — она, кажется, собралась улыбнуться. — Так это вас мы должны благодарить...

— Ни в коем случае! — Эгерт казался испуганным. — Это мы, смиренные граждане Каваррена, должны благодарить вас за ту честь, которую вы оказали нам... — чтобы закончить витиеватую фразу, ему пришлось добрать в грудь воздуха, — оказали нам, удостоив своим посещением... Только вот как долго мы сможем оказывать вам гостеприимство?

Девушка улыбнулась-таки, и Соллю тут же захотелось, чтобы улыбка никогда не сходила с ее лица.

— Вы очень любезны... Мы пробудем неделю, может быть, больше...

Хозяйским движением Эгерт вытащил из корзинки и ловко откупорил первую попавшуюся бутылку:

— Разрешите выполнить долг гостеприимства и предложить вам... У вас родные в Каваррене, а может быть, друзья?

Она успела отрицательно покачать головой, но тут вернулся студент, и девушка улыбнулась уже ему — радостно, не так, как улыбалась до этого Соллю; Эгерт отметил это, и в душе его шевельнулось неприятное чувство, похожее едва ли не на ревность.

— Динар, вот господин Эгерт Солль, который так любезно предоставил нам все это чудо... Познакомьтесь, господин Солль, это мой жених — Динар.

Студент кивнул Эгерту, но руки не подал — его счастье, потому что Солль никогда в жизни не пожал бы эту костистую, не знающую оружия ладонь, на которой, казалось, до сих пор темнели пятна въевшихся в кожу чернил. Вблизи студент показался Эгерту еще более жалким и неуклюжим — и Солль мысленно воззвал к небу, допустившему вопиющую несправедливость и посадившему за один стол студента и его прекрасную спутницу...

Впрочем, за столом теперь сидели красавица и Эгерт — стульев было всего два, и студенту оставалось только топтаться рядом.

Не обращая на него ни малейшего внимания, Солль снова обратился к девушке:

— Простите, я ведь так и не знаю вашего имени...

Переводя удивленный взгляд с переминающегося студента на развалившегося на стуле Эгерта, девушка механически ответила:

— Меня зовут Тория...

Эгерт тут же повторил это имя, будто проверяя его на вкус; студент тем временем опомнился и подтащил к столу третий стул, пустовавший неподалеку.

— У вас нет здесь ни родных, ни друзей... — привстав, Солль наклонился над бокалом собеседницы, причем рукав его совершенно естественным образом коснулся рукава Тории, — вернее сказать, не было, потому что теперь весь город, я думаю, захочет подружиться с вами... Вы просто путешествуете, развлекаетесь?

Студент, чуть нахмурившись, взял у служанки третий бокал и плеснул себе вина. Эгерт чуть усмехнулся уголками губ — благородный напиток наполнял бокал студента едва ли на треть.

— Мы путешествуем, — немного скованно подтвердила девушка, — но не развлекаемся... Здесь, в Каваррене, много веков назад жил человек, интересующий нас... с научной точки зрения. Он был маг... Великий маг, и мы надеемся, что он ос-

тавил о себе память... В старинных архивах, манускриптах, летописях...

С каждым словом она все более воодушевлялась, забывая о своем минутном замешательстве: какие-то заплесневелые бумаги были ей, по-видимому, дороже родных братьев — на слове «архив» голос ее дрогнул от благоговения. Эгерт поднял бокал — все равно, чем вызвано воодушевление женщины, лишь бы горели ее глаза и розовели щеки:

— Пью за путешественников, разыскивающих манускрипты!.. Только в Каваррене отродясь не бывало летописей, по моему...

Студент выпятил губы. Сказал безо всякого выражения:

— В Каваррене обширная историческая библиотека... В ратуше. Для вас это новость?

Солль не дал себе труда вступать с ним в разговор. Тория умела, по-видимому, ценить хорошие вина — глаза ее прикрылись от удовольствия после первого же глотка. Дав ей возможность насладиться, Эгерт вытащил из корзинки следующую бутылку:

— Обратите внимание... Гордость каварренских погребов, дитя южного виноградника, «Серенада муската»... Хотите попробовать?

Он снова наполнил ее бокал, вдыхая исходящий от нее запах — запах духов, настоянных на терпких травах; потом, касаясь рукавом ее теплого вздрагивающего рукава, положил на ее тарелку крохотный ломтик розовой грудинки. Студент мрачно вертел в длинных пальцах бутылочную пробку.

— Так что же это за счастливцев, заинтересовавший вас даже спустя столько веков? — поинтересовался Солль с обворожительной улыбкой. — Хотел бы я быть на его месте...

Она охотно принялась рассказывать ему длинную и вовсе не интересную историю о маге, основавшем какой-то орден, именуемый еще и воинством; Эгерт не сразу понял, что речь идет всего-навсего о Священном Привидении Лаш, которому действительно кто-то где-то поклоняется. Он слушал Торию — и слова девушки текли мимо его ушей, а голос завораживал, милый, необычный голос... Мягко открывались бархатные губы, давая проблеснуть белым зубам; Эгерт покрылся потом, воображая, что за поцелуй умеют подарить эти прекрасные губы.

Ему хотелось, чтобы девушка говорила вечно — но она запнулась, мельком взглянув на студента. Тот сидел нахохлившись, как больная птица, и смотрел на нее с укоризной.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал Эгерт вкрадчиво. — Мне безумно интересно... Он, значит, в конце концов спятил, этот ваш маг?

Студент красноречиво глянул на Торию и завел глаза к по-

толку; Эгерт был не слепой, чтобы не прочесть в этом действе крайнее презрение к своим научным познаниям. Впрочем, оскорбляться поведением жалкого студента было ниже его достоинства.

Тория растерянно улыбнулась:

— Право же, я с удовольствием рассказала бы вам... Но мы так устали в дороге... Пожалуй, нам пора, — она легко поднялась, и бокал ее остался недопитым.

— Госпожа Тория, — Эгерт вскочил тоже, — может быть, вы позволите мне выполнять долг гостеприимства и завтра? Вас ведь интересуют местные достопримечательности — а я считаю их знатоком, лучшим во всем городе...

Достопримечательностями Каваррена Эгерт считал в основном кабаки и загоны для бойцовых вепрей, но доверчивая Тория попала на его нехитрую удочку:

— Правда?

Студент тяжело вздохнул. Не обращая на него внимания, Эгерт энергично закивал:

— Безусловно... Разрешите узнать ваши планы на завтра?

— Они еще не определены, — угрюмо отозвался юноша. Прищурившись на него, Солль с удивлением отметил, что студенты тоже умеют злиться.

— Госпожа Тория, — Эгерт обернулся к девушке так, будто студент никогда и не родился на свет, — на завтрашний день я прошу вас запланировать осмотр достопримечательностей, обед в лучшем заведении Каваррена и вечернюю прогулку на лодке... Кава — на редкость живописная речушка, вы заметили?

Она как-то сникла, глаза ее потемнели и казались теперь двумя колодцами под грозовым небом. Тогда Эгерт улыбнулся так обаятельно, так искренне и беззащитно, как только мог:

— Я не все понял из вашего рассказа... Мне будет очень интересно задать несколько вопросов про этого... господина, подарившего миру орден Лаш... А в благодарность за рассказ ваш покорный слуга сделает все ради вашего удовольствия... Все, о чем вы попросите, ляжет к вашим ногам... До завтра!

Он раскланялся и вышел; немолодой постоялец проводил его усталым взглядом.

Комендант ратуши долго мялся и качал головой: книгохранилище пребывает в негодном состоянии, часть книг погублена пожаром, случившимся еще лет тридцать назад; чего доброго, на головы молодых людей обрушится балка или кирпич... Изыскатели, однако, были настойчивы и в конце концов получили доступ к желаемым сокровищам.

От сокровищ, впрочем, остались только жалкие крохи — то немного, что пощадил пожар, стало поживой целых поколений крыс; разгребая мусор и помет, исследователи то и дело

разражались возгласами отчаяния. Эгерт, явившийся в книгохранилище с огромным букетом роз, застал молодую пару в тот самый момент, когда среди всеобщей разрухи обнаружился наконец более или менее сохранившийся уголок.

На Солля не обратили никакого внимания. Студент висел где-то под потолком, покачиваясь на ветхой стремянке; Тория смотрела на него, задрав голову, и в самой ее позе Эгерту почудилось едва ли не преклонение. В волосах у нее запутались ключья паутины, но глаза сияли, а мягкие губы полуоткрылись от восторга, в то время как студент говорил, не умолкая.

Он захлебывался словами, как фонтан захлебывается водой, он зачитывал откуда-то непонятные цитаты и тут же истолковывал их для Тории. Он упоминал длинные диковинные имена, витиевато рассуждал о рунических текстах и время от времени переходил на незнакомый Соллю язык; девушка принимала из его рук тяжелые пыльные тома, и нежные пальцы ее касались переплетов так благоговейно, что Солль испытал к книгам раздраженную ревность.

Постояв рядом с полчаса и так и не удостоившись хотя бы взгляда, он украсил своим букетом ближайшую полку и вышел. В душе его неприятно возилось уязвленное самолюбие.

Молодые постояльцы вернулись в гостиницу лишь к ужину — но за весь вечер Тория ни разу не вышла из номера и не ответила на вежливую записку Солля. Гуарды, устроившие штаб-квартиру в «Верном щите», засомневались — а не слишком ли высоко замахнулся Эгерт? Тот лишь презрительно фыркнул в ответ на насмешливые вопросы.

На другой день комендант ратуши имел встречу с щедрым господином Соллем — и юные изыскатели, явившиеся к своим книгам, получили смущенный отказ: сегодня никак невозможно, ремонтируется лестница, ключи у сторожа... Студент и Тория, удивленные, вынуждены были вернуться в гостиницу; Эгерт просидел в обеденном зале весь день — но Тория не спустилась опять.

Дождь лил всю ночь, дождь поливал студента, отправившегося поутру в ратушу и снова вернувшегося ни с чем. Только после обеда тучи наконец рассеялись, и на мокрый город взглянуло солнце; юная пара, пребывавшая в бездействии, собралась наконец прогуляться.

Будто боясь далеко отходить от гостиницы, студент с невестой несколько раз прошлись взад-вперед по быстро выходящей улице, не подозревая, сколько внимательных глаз наблюдают за ними через оконные стекла «Верного щита». Кто-то заметил, что студент бережет невесту лучше, чем берег жену купец Вапа; кто-то резонно заметил, что купцова жена в подметки не годится приезжей красавице, кто-то засмеялся.

Потом на пути гуляющих обнаружился Карвер.

Наблюдатели, приклеившиеся к окнам «Верного щита», видели, как, невзначай задев студента плечом, он тут же раскланялся чуть ли не до земли; студент поклонился тоже — Карвер радостно завел какой-то разговор и, попросив смиренного прощения у Тории, отозвал молодого человека в сторону. Яростно жестикулируя, он увлекал юношу все дальше и дальше за угол — когда из двери таверны появился Сольль.

На церемонное приветствие Эгерта Тория ответила вежливым, но прохладным кивком. Она не казалась смущенной или испуганной — глаза ее, по-прежнему чуть отрешенные, смотрели на Солля внимательно, бестрепетно, с терпеливым вопросом.

— А вы коварная, — сказал Эгерт с горьким упреком. — Вы ведь обещали... Я ждал продолжения рассказа, а вы даже ни разу не спустились!

Она вздохнула:

— Признайтесь... Вам ведь ни капельки не интересно.

— Мне?! — возмутился Сольль.

Тория оглянулась в поисках жениха; поймав этот чуть напряженный взгляд, Эгерт нахмурился и быстро проговорил полголоса:

— Зачем ваше затворничество? Неужели вы готовите себя к роли смиренной женоушки, да еще при тиране-муженьке? Что страшного в беседе, в прогулке... В совместном обеде, в катании на лодке? Разве я чем-нибудь оскорбил вас? Разве вы принадлежите кому-то, кроме самой себя?

Она отвернулась, Эгерт залюбовался ее профилем.

— Вы... так настойчивы, — сказала она с укоризной.

— А что прикажете делать? — искренне удивился Сольль. — В моем городе гостит прекраснейшая женщина мира...

— Спасибо... У вас своеобразные представления о гостеприимстве... Но мне придется вас оставить, — и Тория сделала шаг в направлении, куда словоохотливый Карвер увлек студента. Тогда Сольль возмутился:

— Вы станете бегать за мужчиной? Вы?!

Тория, вспыхнув, сделала еще шаг; Эгерт преградил ей путь:

— Драгоценный камень, выбравший своей оправой подгнившее дерево... Да имейте же глаза! Вы рождены повелевать, а...

Из-за угла вырвался студент; он был красен и растрепан, будто дрался врукопашную, и, похоже, что-то подобное и происходило на самом деле между ним и Карвером, который, выскочив следом, крикнул на всю улицу:

— Сударь, вы еще не женились, а уже разыгрываете рогоносца! Если женщина захочет поговорить на улице с приятным ей человеком — это еще не повод для истерики!

Какие-то мастеровые, проходившие мимо, рассмеялись.

Седой постоялец, который как раз выходил из дверей гостиной, медленно обернулся; на крыльцо «Верного щита» выбрались лейтенант Дрон и вечно хмурый Лаган.

Студент из красного сделался лиловым, обернулся к Карверу, будто собираясь ударить его, — но, передумав, поспешил к растерянной Тории. Крепко взял ее под руку:

— Пойдем...

Путь к отступлению, однако, уже перекрыт был Соллем. Заглянув Тории прямо в глаза, он мягко спросил:

— Вы безропотно позволите этому... существу увести вас в ту серую тусклую жизнь, которую оно вам готовит?

Карвер все кричал издали:

— А рога, сударь, вы еще успеете примерить! Не пройдет и недели после счастливой свадьбы, как они украсят ваш ученый лоб!

Студента начало мелко трясти — этой дрожи не могла сдержать даже рука Тории, мертвой хваткой вцепившейся ему в запястье:

— Господин Солль, позвольте пройти...

— В случаях, когда мужчина выхватывает шпагу, вы, сударь, будете бодаться! — продолжал Карвер. — Это даст вам некоторое преимущество...

Студент, как слепой, кинулся вперед — прямо на Солля; железная грудь Эгерта тут же отбросила его на прежнюю позицию.

— Как называется этот боевой прием, господин студент? — поинтересовался Карвер. — Скалки-бодалки? Его разучивают в университете?

— Господин Солль, — тихо сказала Тория, глядя Эгерту прямо в глаза. — А мне показалось, что вы благородный человек.

За свою не столь длинную жизнь Эгерт успел в достаточной мере изучить женщин; он видел множество кокеток, чье «прочь» означало «приди, любимый», а «подлый негодяй!» — «мы обязательно обсудим это позже». Замужние женщины в присутствии супруга демонстрировали ему свою холодность, чтобы, оставшись потом наедине, кидаться на шею. Эгерт знал и умел читать оттенки — и в глазах Тории он прочитал не только полную безучастность к блеску собственной мужественности, но и бешеные силы неприятие, отторжение.

Лейтенант Эгерта Солля задело за живое. На глазах почти целого полка, засевшего в «Верном щите», ему, не знавшему дотоле поражений, предпочли студента, почти скопца, не носящего оружия...

Нехотя отступая в сторону, он процедил сквозь зубы:

— Что ж... Поздравляю... Синий чулок в объятиях книжно-

го червя — прекрасная пара!.. А может быть, ученый супруг — только ширма, за которой укроется пара-тройка любовников?

Из окон гостиницы, привлеченные шумом, выглядывали горничные и постояльцы.

Студент выпустил руку Тории; не замечая ее умоляющего взгляда, изо всех сил провел пыльным носком башмака глубокую черту перед ботфортами Солля — традиционный вызов на дуэль.

Солль снисходительно рассмеялся:

— Что?! Я не дерусь с бабами, у вас ведь, сударь, и оружия-то нет!

Нешироко размахнувшись, студент коротко и звонко ударил Солля по лицу.

Возбужденная толпа — гварды, постояльцы гостиницы, горничные, слуги и случайные прохожие — заполнила задний двор «Благородного меча»; Карвер лез вон из собственной кожи, спеша очистить посредине пространство для поединка.

Какая-то добрая душа ссудила студенту шпагу — но в его руках даже вполне пристойный клинок выглядел нелепо, как рыцарские латы в бакалейной лавке. Его невеста, казалось, готова была потерять самообладание — впервые за то время, что Эгерт знал ее. Щеки Тории, белые, как скатерть, покрылись неровными пятнами, и этот рваный узор скрадывал ее красоту; кусая губы, она кидалась ко всем поочередно:

— Прекратите, вы! Светлое небо, Динар... Да остановите же их кто-нибудь!

Останавливать честно объявленную дуэль было противозаконно и глупо — любой житель Каваррена знал это с пеленок. На Торию поглядывали с сочувствием и любопытством; многие женщины втихомолку завидовали ей — еще бы, стать причиной поединка!

Какая-то горничная решила по доброте душевной утешить бедняжку; отшвырнув ее руки, Тория, отчаявшаяся и потерявшая власть над своим Динаром, сделала попытку уйти — но тут же вернулась, будто на привязи. Перед ней расступались, вежливо давая дорогу, безмолвно признавая ее право видеть все подробности поединка; Тория привалилась к рессоре какой-то кареты и так и осталась стоять, будто охваченная столбняком.

Противники уже изготовились, замерев друг перед другом — вернее, враг перед врагом. Солль насмешливо скалился — не вышло любви, так хоть дуэль! Правда, соперник-то вовсе никчемный — вон как пыхтит, пытаясь встать в позицию, видно, все же брал когда-то уроки фехтования...

Эгерт пробежал глазами по лицам, разыскивая Торию —

видит ли? Поймет ли наконец, что струйку из рукомойника предпочла гремящему водопаду? Раскается ли?

Вместо Тории Солль встретился глазами с пожилым постояльцем — тем самым, седым, чья голова возвышалась над толпой, как корабельная сосна над фруктовым садом. Взгляд постояльца, пристальный, но будто ничего не выражающий, отчего-то не понравился Соллю; он тряхнул головой и замахнулся на студента шпагой, как строгий учитель розгой:

— А-та-та!

Студент невольно отшатнулся — в толпе засмеялись:

— Выпори его, Солль!

Эгерт оскалился шире:

— Всего лишь небольшой урок хороших манер...

Студент сузил глаза, согнул колени, как в фехтовальном зале, и отчаянно кинулся вперед, будто намереваясь изрубить Солля в капусту; через секунду он удивленно оглядывался в поисках противника, пока тот, возникший у него за спиной, не напомнил о себе деликатным уколом пониже спины:

— Не отвлекайтесь...

Студент обернулся как ужаленный — Солль вежливо поклонился и отступил на шаг:

— Не все потеряно, юноша! Соберитесь с силами и попробуйте еще... Урок только начинается!

Студент снова стал в стойку — острие его шпаги смотрело не в глаза противнику, как подобает, а в небо; неуклюжий выпад, удар шпаги Эгерта — и клинок студента ткнулся острием в песок, а сам он едва удержал рукоятку. Зрители зааплодировали; Соллю, впрочем, уже почти надоела эта игра — он мог бы фехтовать сто часов без передышки, если бы безнадежно слабый соперник не навевал скуку.

Эгерт знал семнадцать защит и двадцать семь приемов нападения — весь интерес заключался в том, как эти приемы соединить, сложить в мозаику, нанизать на шпагу, потом рассыпать, перемешать и собрать заново. Многие из своих импровизаций Эгерт не мог бы потом повторить — они рождались вдохновенно, как стихи, и увенчивались обычно чьей-то раной, а то и смертью... Увы — имея перед собой студента, даже со шпагой, — Эгерт вполне мог ограничиться ровно одним приемом: простым и вульгарным, как копченая сельдь.

Уворачиваясь из-под неловких атак, небрежно отбивая сильные, но неточные удары, Солль вертел головой в поисках Тории; увидев в толпе ее бледное, почти безучастное лицо, он и сам предпринял атаку — и студент не успел даже сообразить, что происходит. Солль эффектно задержал острие у самой его груди; публика восторженно завопила, только высокий седой постоялец хранил бесстрашие.

Так повторялось вновь и вновь — студент мог умереть уже раз десять, но господин Солль тянул удовольствие, играя с юношей, как кошка с мышонком. Тот метался, размахивая шпагой; камушки разлетались из-под пыльных башмаков, а враг был как тень — неотлучен и недосягаем, и ни на секунду не умолкал нарочито менторский, ядовитый голос:

— Так? А-а, вот так... Что вы вертитесь, как уж на сковородке? Повторить... Еще повторить... Э-э, да вы ленивый, нерадивый ученик, вас надо наказывать... Р-раз!

После каждого «р-раз» следовал несильный укол — куртка студента, разорванная в нескольких местах, висела лохмотьями, пот заливал перекошенное лицо.

Когда противники вновь встали друг против друга, студент выглядел измученным и растерянным; Солль даже не запыхался. Глядя в несчастные, полные бессильной ненависти глаза противника, Эгерт ощущал свою полную власть — ленивую, неспешную власть, которой даже и пользоваться не стоит — только обладать.

— Страшно? — спросил он шепотом и тут же прочитал в глазах ответ — да, страшно, это страх перед ним, Эгертом, чья шпага, подобно змеиному жалю, направлена бедняге в грудь... Противник беззащитен перед Соллем, он уже не противник, а жертва, и ярость уступает место тоске, и впору просить о помиловании — только вот гордость не велит... — Поощадишь тебя? — Эгерт улыбнулся краем рта. Он ощущал страх студента всей кожей, и чувство это сладко щекотало нервы — тем более что в глубине души Солль давно уже решил не наказывать парня слишком строго. — Поощадишь? А?

Тоска и страх толкнули студента на новую безнадежную атаку, и надо же было случиться, чтобы ботфорт Солля, угондив в оставленную дождем лужицу, потерял твердую связь с землей. Ноги великолепного Эгерта разъехались, как копытца новорожденного теленка, Солль едва удержал равновесие — и шпага студента, задев плечо гварда, срезала эполет. Гордый воинский атрибут повис на одной нитке, подобно дохлому пауку, а толпа — проклятая толпа, она всегда на стороне победителя! — разразилась радостными воплями:

— А-а, Солль, получил!

— Держи-держи, отвалится!

— Браво, студент! Прочти! Всыпь!

Гвардов, замеченных в подлости и трусости, избличенных в предательстве, изгоняли из полка, предавая перед этим позорной казни — публично срезая с плеча эполет. Сам того не ведая, студент нанес Эгерту тяжкое оскорбление; Солль видел, как переглядывались, усмехались, перешептывались его товарищи — ай-яй-яй...

Дальше все произошло мгновенно, на одном вдохе.

Не помня себя от ярости, Эгерт кинулся вперед; студент, нелепо вскинув шпагу, шагнул ему навстречу — и замер, не сводя с гварда удивленных глаз. Острие фамильной шпаги Соллей показалось у него из спины — не блестящее, как обычно, а темно-красное, почти черное. Постояв секунду, студент сел — неуклюже, так, как и сражался. Стало тихо — слепец решил бы, что на заднем дворе трактира нету ни души. Студент тяжело опустился на истоптанный песок, и неимоверно длинный Соллев клинок выскользнул, как змея, у него из груди.

— Напоролся, — громко сказал лейтенант Дрон.

Эгерт стоял, опустив окровавленную шпагу, и тупо смотрел на распростертое перед ним тело; толпа зашевелилась, пропуская Торию.

Она шла осторожно, словно по проволоке; не замечая Солля, приблизилась к лежащему юноше — на цыпочках, будто боясь разбудить:

— Динар?

Молодой человек не отвечал.

— Динар?!

Толпа расходилась, пряча глаза. Из-под темной куртки лежащего расплозвалось бурое пятно; вполголоса причитал хозяин гостиницы:

— Вот они, поединки-то... Известно, кровь молодая, горячая... Мне-то что теперь... Что мне теперь, а?

Солль сплюнул, чтобы избавиться от металлического привкуса во рту. Светлое небо, до чего глупо все вышло!

— Динар?! — Тория просительно заглядывала лежащему в лицо.

Дворик пустел; уходя, высокий седой постоялец бросил в сторону Солля внимательный, с непонятным выражением взгляд.

* * *

Студента похоронили на деньги города — поспешно, однако вполне достойно. Город был обеспечен сплетнями на целую неделю; Тория обратилась с жалобой к бургомистру, и тот принял ее — но только для того, чтобы выразить соболезнование и развести руками: дуэль происходила по всем правилам, и хоть безумно жаль погибшего юношу — но разве не сам он вызвал господина Солля на поединок? Увы, дорогая госпожа, сей прискорбный случай никак нельзя назвать убийством; господин Солль неподсуден — он дрался на поле чести и, в свою очередь, тоже мог быть убит... А если покойный господин студент не носил оружия и не владел им — так это несчастье господина студента, но никак не вина лейтенанта Солля...

Со дня поединка прошло четыре дня, три дня прошло после похорон. Серым ранним утром Тория покидала город.

Неделя пребывания в Каваррене наложила на ее лицо черные траурные тени. Котомка студента оттягивала руку, когда она сама, без посторонней помощи, брела к ожидавшему у входа экипажу; глаза, угасшие, окруженные темными кольцами, смотрели в землю — и потому она не сразу узнала человека, любезно откинувшего подножку кареты.

Чьи-то руки помогли ей забросить котомку на сиденье; механически поблагодарив, Тория подняла глаза и лицом к лицу встретилась с Эгертом Соллем.

Эгерт давно караулил невесту убитого им студента — сам до конца не зная, зачем. Возможно, ему хотелось извиниться и выразить сочувствие — но вероятнее, что навстречу Тории его толкала некая смутная надежда. Сам обожающий риск и опасность, он привык легко относиться к смерти, своей и чужой; что же может быть естественнее — разве победитель не вправе рассчитывать на долю наследства, оставленного побежденным?

И Тория встретилась с Эгертом глазами.

Он готов был к проявлениям гнева, отчаяния, ненависти; он заготовил подобающие случаю слова, он собирался даже снести пощечину от ее руки — но то, что он увидел в по-прежнему прекрасных, хоть и убитых горем, глазах Тории, отбросило его прочь, как удар пудового кулака.

Девушка смотрела на Солля с омерзением, холодным, гадливым, лишенным злобы — и от этого особенно страшным. В ней не было ненависти — но казалось, что ее сейчас стошнит.

Эгерт сам не помнил, как ушел — или убежал — прочь, долой с глаз, чтобы никогда больше не видеть, не встречаться, не вспоминать...

А спустя еще день он сидел в «Верном щите» — мрачный, подавленный и злой. Карвер вертелся рядом, весело болтая попеременно о вепрях и женщинах — традиционные кабаньи бои не за горами, будет ли отец выставять Красавца, Мясника и молодого Боя? Кстати, о Солле спрашивала прекрасная Дилия, жена капитана, а пренебрегать ею просто опасно — отомстит... И с какой стати Солль, ставший в городе главным событием недели, отравляет унынием светлые дни такой неповторимой жизни?!

Солль чутьем улавливал в голосе приятеля некоторое приятное возбуждение; похоже, в глубине души Карвер радовался сознанию, что, победив на поле боя, великолепный Эгерт потерпел поражение на поле любви и сравнялся тем самым с прочими смертными. Возможно, рассуждая таким образом, Солль

возводил на Карвера напраслину — так или иначе, но болтовня друга утомляла Эгерта. Ногтем указательного пальца он вырезал борозды на потемневшей столешнице — да, он был во всем согласен с Карвером, только пусть, ради неба, заткнется на минутку и даст своему лейтенанту возможность спокойно допить кубок...

В эту минуту дверь открылась, запуская в душный трактир струю прохладного воздуха и солнечный луч; новоприбывший постоял на пороге и, будто убедившись в том, что попал по адресу, вошел.

Солль узнал его — это был странный седой человек, живший в «Благородном мече» вот уже дней десять. Пройдя мимо гвардов, он отодвинул стул от пустующего неподалеку стола и тяжело опустился на сиденье.

Не ведая зачем, Эгерт наблюдал за ним краем глаза; в тусклом свете, наполнявшем трактир, ему впервые удалось рассмотреть лицо незнакомца.

Возраст седого постояльца невозможно было определить — не то сорок лет, не то девяносто; две очень глубокие вертикальные морщины прорезывали его щеки и терялись в уголках запекшихся губ. Тонкий, длинный, обтянутый желтой кожей нос то и дело поводил крыльями, будто собираясь взлететь; глаза, прозрачные, широко расставленные, казались совершенно безразличными к окружающему миру. Приглядевшись, Эгерт увидел, как мелко подергивается большое кожистое веко, лишенное ресниц.

Сам хозяин поднес незнакомцу кубок с вином и собрался удалиться, когда тот неожиданно остановил его:

— Минутку, милейший... Мне, видите ли, не с кем пить. Понимаю, что вы при деле — ну так просто составьте компанию... Я хочу выпить за славных гвардов — истребителей тех, кто беззащитен.

Хозяин дернулся — он прекрасно понял, в чей адрес направлен тост. Пробормотав под нос извинения, добряк поспешил сбежать — и вовремя, потому что Эгерт тоже расслышал предназначенные ему слова.

Неспешно поставив свой кубок на стол, он наконец глянул незнакомцу прямо в глаза — по-прежнему спокойные, даже безучастные, будто роковую фразу сказал кто-то другой.

— За кого же вы пьете, драгоценнейший господин? Кого это вы обозвали...

— Вас, — уронил незнакомец бестрепетно. — Вас, Солль, вы правильно побледнели...

— Я — побледнел?!

Эгерт встал. Он был во хмелю — но далеко не пьян.

— Что ж... — процедил он сквозь зубы. — Боюсь, что за-

втра кому-нибудь придет охота обозвать меня истребителем немощных старцев...

Лицо незнакомца странно изменилось — Эгерт понял, что тот улыбается:

— Человек сам выбирает, кем быть, кем слыть... Почему бы вам не заколоть шпагой, скажем, женщину? Или десятилетнего ребенка? Возможно, они будут сопротивляться удачнее, нежели это удалось вашей последней жертве...

Эгерт лишился дара речи; потерянный, обернулся к Карверу — тот, обычно острый на язык, теперь почему-то притих. Немногочисленные посетители трактира, хозяин в дверях кухни, маленький сопливый поваренок — все затаились, будто ощущая, что происходит нечто исключительное.

— Чего вы от меня хотите? — выдавил Солль, с ненавистью вглядываясь в большие прозрачные глаза. — Кто вы такой, чтобы напрашиваться ко мне на шпагу?

Незнакомец по-прежнему улыбался — одним длинным сухим ртом, глаза оставались холодными:

— У меня ведь тоже есть шпага... Я думал, вы предпочитаете тех, кто вовсе не носит оружия, а, Солль?

Эгерт через силу заставил себя разжать стиснутые на эфесе пальцы.

— Любите легкие жертвы? — проникновенно спросил вдруг незнакомец. — Жертвы, источающие страх... Сладкое чувство власти... А, Солль?

— Он сумасшедший, — тихо, как-то растерянно сказал за спиной Карвер. — Эгерт, пошли, а?

Солль перевел дыхание — слова незнакомца задели его глубоко, болезненно, гораздо сильнее, чем ему хотелось бы.

— Ваше счастье, — проговорил он с трудом, — что вы, очевидно, годитесь мне в деды... А я не дерусь со стариками, ясно?

— Ясно, — незнакомец снова поднял кубок и объявил, обращаясь к Эгерту, к Карверу, ко всем, кто, затаив дыхание, слушал их разговор: — Я пью за лейтенанта Солля, воплощенного труса под маской отваги!

Выпить ему, впрочем, не удалось, потому что шпага Эгерта, мгновенно вылетевшая из ножен, вышибла кубок из его рук. Звякнув, серебряная чаша ударилась о каменный пол, немного прокатилась и замерла в темно-красной луже расплескавшегося вина.

— Прекрасно, — незнакомец удовлетворенно отирал мокрые пальцы салфеткой, огромные ноздри его раздувались. — Хватит ли у вас смелости сделать следующий шаг?

Солль опустил шпагу; кончик ее проскрежетал по камням, проводя у ног незнакомца кривую черту.

— Хорошо, — седой постоялец «Благородного меча» был доволен, хотя взгляд его по-прежнему оставался вполне рав-

нодушным. — Только я ведь не дерусь в трактирах... Место и время?

— У моста за городскими воротами, — через силу выдавил Эгерт. — Завтра на рассвете.

Незнакомец вытащил кошелек, извлек из него монету и положил на стол рядом с запятанной вином салфеткой. Кивнул хозяину и направился к двери; Эгерт успел бросить ему в спину:

— Кто будет вашим свидетелем?

Постоялец «Благородного меча» остановился в дверях. Уронил через плечо:

— Мое дело не требует секундантов... Возьмите кого-нибудь для себя.

Пригнув голову под притолокой, незнакомец вышел. Захлопнулась тяжелая дверь.

У моста за городскими воротами назначалась добрая половина всех происходящих в Каваррене поединков. Выбор себя оправдывал — отойдя от дороги всего на несколько шагов, дуэлянты оказывались в глухом, безлюдном месте, прикрытом к тому же от дороги стеной старых елей; впрочем, в ранний дуэльный час дорога и мост были до того пустынными, что казались давно заброшенными.

Противники сошлись у моста почти одновременно — Эгерт чуть опередил неспешно бредущего седого незнакомца и, ожидая его, несколько минут смотрел на темную воду.

Мутная весенняя река несла на своей спине разбухшие щепки, обрывки водорослей, безжизненные лоскутки прошлогодних листьев; кое-где у камней вертелись водовороты, и Эгерту нравилось заглядывать в самую глубь их черных воронок — это напоминало ему о пьянящем чувстве опасности. Перила моста совсем подгнили — Солль навалился на них всем телом, будто испытывая судьбу.

Противник его наконец-то взошел на мост — Эгерту показалось, что он сильно запыхался. Теперь незнакомец казался по-настоящему старым — много старше Эгертового отца, и Солль заколебался было — а честной ли будет дуэль, но, встретившись взглядом с холодными и прозрачными, как лед, глазами, тотчас же позабыл эту мысль.

— Где же ваш друг? — спросил незнакомец.

Эгерт строго-настрого запретил Карверу сопровождать себя: если противник пренебрегает правилами и отказывается от секунданта, то с какой стати он, Солль, должен поступать иначе?

— А вдруг я приберегу для вас нечестный прием? — снова спросил седой, не спуская с Эгерта глаз.

Эгерт усмехнулся. Он мог бы сказать, как мало боится на-

стырных стариков и их нечестных приемов, как низко ценит пустую болтовню и сколько выдывал на своем веку побежденных противников — но промолчал, удовольствовавшись только красноречивой усмешкой.

Не произнеся больше ни слова, дуэлянты сошли с дороги; Солль шагал впереди, беспечно подставив противнику спину — тем самым он желал пристыдить незнакомца, продемонстрировав ему полное пренебрежение к его возможному коварству. Миновали ельник и вышли на круглую, как арена, полянку, утрамбованную сапогами нескольких поколений каварренских поединщиков.

От реки тянуло сыростью; снимая мундир с накрепко пришитым эполетом, Эгерт с тоской подумал, что весна в этом году на редкость холодная и затяжная и что намеченный на послезавтра пикник придется, пожалуй, отложить до лучших дней. Роса пригибала к земле травы и крупными каплями скапывалась по стволам — казалось, что деревья кого-то оплакивают; отличной выделки ботфорты Эгерта тоже покрылись шариками капель.

Противники встали друг против друга; Солль с удивлением понял, что впервые за всю свою дуэльную практику имеет дело с соперником, о котором ровным счетом ничего не известно. Впрочем, это ни в коей мере не смутило Эгерта — все, что нужно, он рассчитывал узнать прямо сейчас.

Оба обнажили шпаги — Эгерт лениво, его противник спокойно и равнодушно, как все, что он делал. Незнамец не спешил нападать — просто стоял и смотрел Эгерту в глаза, и острие его шпаги тоже смотрело Эгерту в глаза, пристально, серьезно, и уже по тому, как незнамец стоял в позиции, Солль понял, что на этот раз ему пригодятся все семнадцать защит.

Желая испытать противника, он предпринял пробную атаку, которая и была неспешно отбита. Эгерт попробовал еще — так же неспешно незнамец отразил довольно хитрый удар, завершающий короткую, только что придуманную Соллем комбинацию.

— Поздравляю, — пробормотал Эгерт, — для своих лет вы очень неплохо... — новая его комбинация была коварно задумана и виртуозно исполнена, однако седой незнамец так же бесстрастно парировал всю серию.

Эгерт не без удовольствия осознал, что противник достоин внимания и победа будет нелегкой — но тем более почетной. В глубине души он горько пожалел, что вокруг нет зрителей и некому оценить его блестящие импровизации — но в этот момент в атаку пошел незнамец.

Солль еле успел увернуться; все его семнадцать защит заметались, беспомощно сменяя друг друга. Удары ложились

один на другой — неожиданные, коварные, безжалостно сильные, и бешено сопротивляющийся Эгерт не раз видел сталь у самого своего лица.

Потом так же внезапно все кончилось — незнакомец отступил на шаг, будто желая получше рассмотреть Эгерта с головы до ног.

Солль тяжело дышал; мокрые волосы прилипли к вискам, по спине стекали струйки пота, а рука, державшая шпагу, гудела, как медный колокол.

— Неплохо, — выдохнул он, глядя в прозрачные глаза, — что ж вы сразу не признались, что вы — учитель фехтования, вышедший на покой?

С этими словами он ринулся вперед, и, будь у этого поединка свидетели, они без колебаний подтвердили бы, что таких блистательных комбинаций рубака Солль не выдавал еще никогда.

Он скакал, как кузнечик, нападая одновременно справа и слева, сверху и снизу, продумывая партию на двадцать ходов вперед, он был скор и безупречен технически, он находился на вершине своей формы — и ни разу не добился успеха, хотя бы крошечного.

Все его удары попадали будто в каменную стену — наверное, нечто подобное ощущает теленок, впервые сразившийся с дубом. Ни одна из комбинаций не доведена была до конца — противник, будто зная мысли Солля наперед, выворачивал его затею наизнанку, переходил в контратаку, — и Эгерт ощущал его клинок то у груди, то у живота, то у лица. Солль узнал наконец свою собственную игру со студентом — кошки-мышки; ясно было, что Эгерт вот уже добрый десяток раз мог быть убит — но зачем-то оставлен в живых.

— Интересно, — прохрипел он, отпрыгнув на два шага, — хотелось бы мне знать, кому вы продали душу... за ЭТО...

— Страшно? — спросил незнакомец. Это были его первые слова с начала поединка.

Эгерт смотрел на него — невиданной силой наделенного старика, равнодушного, с изрезанным морщинами лицом, с огромными холодными глазами без ресниц. Незнакомец даже не запыхался — дыхание его оставалось ровным, как и голос, как и взгляд:

— Страшно?

— Нет, — отозвался Эгерт презрительно, и светлое небо свидетелем, что это была чистейшая правда — даже перед лицом неминуемой, казалось, смерти Эгерт не испытывал перед ней трепета. Незнакомец понял это; губы его растянулись, как тогда, в трактире:

— Что ж...

Шпаги, зазвенев, скрестились; незнакомец сделал едва уло-

вимое круговое движение клинком — и Эгерт болезненно вскрикнул, тут же решив, что ему вывернули кисть. Пальцы его разжались сами, и фамильная шпага, описав в сером небе дугу, бесславно шлепнулась на грудь прошлогодних листьев и утонула в них.

Прижимая пострадавшую руку к груди, Солль отступил, не сводя с противника глаз. Ему до смерти обидно было, что этим вот приемом немощный старец мог обезоружить его на первой же минуте поединка и что сам поединок, выходит, был всего лишь фарсом, игрой, поддавками...

Незнакомец смотрел на него и молчал.

— Так и будем стоять? — поинтересовался Солль, оскорбленный, но не испуганный. — Что дальше?

Незнакомец молчал, и Эгерт понял, что его собственные храбрость и презрение к смерти — тоже оружие, которым он сможет унижить своего победителя.

— Ну, убей, — он усмехнулся, — что ты еще можешь со мной сделать? Я не жалкий студент, чтобы дрожать перед лицом смерти; хочешь убедиться в этом? Ударь!

В лице незнакомца что-то изменилось, он шагнул вперед — и Эгерт с удивлением понял, что тот действительно хочет ударить.

Убивать безоружного было в глазах Солля величайшей подлостью — он усмехнулся так презрительно, как только мог. Победитель его поднял клинок — не отводя взгляда, Солль бестрепетно смотрел на обнаженное лезвие у самого своего лица:

— Ну?

Незнакомец ударил.

Солль, так и не зажмуривший глаз, видел, как стальное лезвие будто размазалось в воздухе, подобно блестящему вееру; он ожидал удара и смерти — но вместо этого ощутил резкую боль в щеке.

Ничего еще не понимая, он поднял руку к лицу — по подбородку катились теплые капли. Манжеты рубашки тут же запятнались кровью; мимоходом Эгерт успел порадоваться, что снял мундир и сберег его от порчи.

Он поднял глаза на незнакомца — и увидел его спину. На ходу пряча шпагу в ножны, тот все так же неторопливо брел прочь.

— Эй, — крикнул Эгерт, дурачась, — вы все сказали, почтенный?

Но седой постоялец «Благородного меча» не оглянулся. Так и ушел, не обернувшись ни разу.

Прижав к щеке платок, подобрав фамильную шпагу и накинув на плечи мундир, Эгерт от души порадовался, что явился на дуэль без Карвера. Поражение есть поражение — даже

если седой незнакомец был на самом деле покровителем воинов Харсом... Впрочем, нет. Покровитель воинов ценит обычаи, он не стал бы заканчивать дуэль таким странным и глупым образом...

Добравшись до берега, Эгерт встал на четвереньки и поглядывал в темное, то и дело подергивающееся рябью зеркало. На щеке у Эгерта Солля, отраженного в воде, темнела длинная глубокая царапина — от скулы до самого подбородка. При виде ее отражение скептически поджало губы; несколько красных теплых капель упали и растворились в холодной воде.

ГЛАВА 2

Возвращаясь в город, Эгерт очень не хотел встречаться ни с кем из знакомцев; может быть, именно поэтому на первом же перекрестке ему встретился Карвер — крайне возбужденный:

— Старик вернулся в гостиницу невредимый, как полная луна... Я уж подумал... А что это у тебя с лицом?

— Киска поцарапала, — процедил Эгерт сквозь зубы.

— А-а... — протянул Карвер сочувственно. — Я уж подумал, не сходить ли к мосту...

— И присыпать землей мое остывшее тело? — Эгерту хотелось сдерживать раздражение; глубокая царапина на щеке перестала кровоточить, но горела так, будто к лицу приложили раскаленный прут.

— Ну... — протянул Карвер неопределенно и тут же добавил, понизив голос: — А старик-то уехал, сразу же уехал... У него и конь уже стоял под седлом...

Эгерт плюнул:

— Мне-то что?! Одним сумасшедшим в городе меньше...

— Я тебе сразу сказал, — Карвер рассудительно покачал головой, — безумцев, знаешь ли, по глазам видать... У этого глаза совсем ненормальные, ты заметил?

Видно было, что Карвер очень не прочь порассуждать о безумцах вообще и о незнакомце в частности. Конечно, ему хотелось быть посвященным в подробности поединка, и следующей фразой обязательно было бы приглашение в трактир — но на этот раз Карвера ожидало горькое разочарование. Никоем образом не утолив его любопытства, Эгерт тут же сухо распрощался.

Герб Соллей на окованных железом воротах был призван вызывать гордость у друзей и страх у врагов — изображенное на нем воинственное животное не имело названия, зато снабжено было раздвоенным языком, стальными челюстями и двумя мечами в когтистых лапах.

С трудом переставляя ноги, Эгерт поднялся на высокий порог. У входа его встретил слуга, готовый принять из рук молодого господина плащ и шляпу, — но в то несчастливое утро у Эгерта не было ни того, ни другого, поэтому молодой господин попросту кивнул в ответ на глубокий почтительный поклон.

Комнату Эгерта, как почти все помещения в доме Соллей, украшали гобелены с изображенными на них породами бойцовых вепрей. На маленькой книжной полке скучали несколько сентиментальных романов вперемешку с пособиями по охоте; ни те, ни другие Эгерт никогда не открывал. В простенке между двумя узкими окнами помещался портрет — мать Эгерта, молодая и прекрасная, с кудрявым и белокурым мальчуганом, прислонившимся к ее коленям. Художник, лет пятнадцать назад выполнявший заказ Солля-старшего, оказался прямо-таки медовым лъстецом — мать была красива чрезмерной, не своей красотой, а мальчик попросту воплощал добродетель. Слишком голубые глаза, слишком трогательные пухлые щечки, ямочка на подбородке — сие дивное дитя вот-вот взлетит и растворится в эфире...

Эгерт приблизился к зеркалу, стоявшему на столе около кровати. Глаза его не казались сейчас голубыми — они были серыми, как пасмурное небо; Солль через силу растянул губы — ямочки как не бывало, зато змеилась через щеку рана — длинная, жгучая, кровоточащая.

На зов явилась старуха-управительница, давняя поверенная во всех происходящих в доме делах. Поохала, пожевала губами, принесла баночку с мазью, заживляющей раны; боль поутихла. С помощью слуги Эгерт стянул ботфорты, бросил ему мундир и, обессиленный, повалился в кресло. Его знобило.

Подошло время обеда — Эгерт не спустился в столовую, передав матери, что пообедал в трактире. Он и правда хотел пойти в трактир, жалея уже, что не остался выпивать в компании Карвера; он даже встал, собираясь выйти, — но помедлил и снова сел.

Временами у него начинала кружиться голова; тогда белокурый мальчик на портрете, дивный мальчик с чистыми, нетронутыми шпагой щечками качал головой и многозначительно улыбался.

Приближался вечер; наступил тот самый сумеречный час, когда день уже умирает, а ночь еще не родилась. За окном гасло небо; из углов выползли тени, и комната преобразилась. Разглядывая еще различные кабаньи морды на гобеленах, Эгерт ощутил слабое, неясное беспокойство.

Он настороженно прислушивался к этому неудобному, неуютному, тягучему чувству; это было будто бы ожидание — ожидание чего-то, не имеющего формы и названия, смутного,

но неизбежного. Скалились кабаны, и улыбался белокурый мальчик у колен матери, грузно колыбался край полога над кроватью; Эгерту стало вдруг холодно в теплом кресле.

Он встал, пытаясь избавиться от нехорошего, неопределенного беспокойства, хотел позвать кого-нибудь — и одумался. Уселся снова, мучительно пытаясь определить, что же и откуда ему угрожает; вскочил, чтобы спуститься в гостиную, — и тут, на его счастье, слуга принес зажженные свечи. На стол был водружен старинный многорукий канделябр, комната ярко осветилась, сумерки сменились теперь уже вечером — и Солль сразу же позабыл о странном чувстве, навесившем его на стыке дня и темноты.

Той ночью он спал без сновидений.

Миновала еще неделя; город благополучно позабыл трагическое событие, связанное с именем Солля, и только собственная мать Эгерта не стала от этого ни веселее, ни разговорчивее. На могиле студента подрастала трава, на берегу Кавы оборудовалась новая арена для кабаньих боев, а капитан гвардов, он же муж прекрасной Дилии, объявил на построении о приближающихся учениях, высокопарно именуемых маневрами.

Маневры назначались каждый год и призваны были напомнить господам гвардам, что они не просто сборище гуляк и дуэлянтов, а воинское формирование. Эгерт Солль любил учения, где так естественно хвастать доблестью, и всегда радовался их приближению.

На этот раз он не обрадовался.

Рана на щеке к тому времени затянулась и почти не болела; слуга приноровился брить Солля с особой осторожностью — растительность на щеках и подбородке считалась несовместимой с аристократическим происхождением, поэтому Эгерту ни на секунду не приходила мысль прикрыть отметину бородой. Окружающие понемногу привыкали к его новому облику, да и сам он думать забыл о ране — но с каждым новым днем странное беспокойство, поселившееся в его душе, все увереннее разрасталось, оборачиваясь смятением.

Днем он чувствовал себя сносно — но стоило сгуститься темноте, как безотчетная, из черных щелей выползавшая тревога гнала его домой, и по приказу молодого хозяина слуга сносил в его комнату чуть не все свечи в доме. И хоть комната Эгерта сияла огнями, как бальный зал, ему все равно временами мерещилось, что вопреки на гобеленах поводят налитыми кровью глазами.

Однажды вечером он нашел средство борьбы со странной болезнью — велел слуге раньше времени приготовить постель и лег. Уснуть удалось не сразу, но Эгерт упорно не открывал

зажмуренных глаз; наконец он соскользнул в дрему, а потом и в сон.

Светлое небо, лучше бы ему всю ночь простоять в карауле.

В глухой предутренний час ему приснился сон. Ему и раньше являлись сны, простые, обыденные, более или менее приятные — женщины, лошади, знакомые, тараканы... Проснувшись, он забывал свой сон раньше, нежели успевал осознать, что именно снилось; на этот раз он вскочил среди ночи, мокрый, в облепившей тело сорочке, трясущийся, как щенок под ливнем.

Вероятно, это забытые рассказы о нашествии Черного Мора явились из отдаленных уголков памяти, неведь где услышанные рассказы стариков, байки, над которыми он посмеивался еще подростком... Во сне он увидел, как на крыльце его дома поднимается странное существо в просмоленном балахоне, и лицо обмотано черными от смолы тряпками. В руках у пришельца орудие, напоминающее вилы с очень длинными, загнутыми прутьями — будто огромная, сведенная судорогой птичья лапа. Дом пуст, пришелец поднимается в гостиную — там откинута крышка клавесина, свечи прогорели, и мать Эгерта сидит, положив руки на клавиши... Желтые, сухие, мертвые руки... Пришелец поднимает грабли — и мать валится на бок, как деревянная фигурка... Облитый смолой человек сгребает своим орудием мертвое тело — так садовник сгребает прошлогодние листья...

Эгерт больше ни секунды не мог оставаться в темноте — не вспоминать сон, забыть, забыть!.. Засветил свечу, потом, обжигаясь — другую; из темноты явился портрет — белокурый мальчик у ног женщины. Эгерт на секунду замер, вглядываясь в лицо своей молодой матери, будто прося защиты, как в детстве... Где-то пел сверчок, за окном стояла глухая ночь, Эгерт прижал подсвечник к груди и шагнул к портрету, ближе — и в это самое мгновение лицо женщины на портрете исказилось страшной злобой, посинело, оскалилось...

С криком он проснулся второй раз — уже наяву. За окнами была все та же ночь, густая, душная, липкая.

Трясущимися руками он снова засветил свечи; шлепая босыми ногами, заметался по комнате из угла в угол, изо всех сил обхватив руками вздрагивающие плечи. Вдруг это снова сон? Вдруг до скончания века он обречен теперь жить в кошмарном сне и просыпаться, чтобы один кошмар сменился другим? Что будет завтра? Что приснится завтра?

Рассвет застал его в кресле — скорчившегося, осунувшегося, дрожащего.

Через несколько дней ему выпало дежурство в ночном патруле. Он обрадовался — со времени памятного сна самый вид постели был ему неприятен. Уж лучше провести ночь в седле,

с оружием в руках, нежели снова бороться с предательским желанием оставить светильник гореть до утра!

Дежурили впятером — Эгерт, чье лейтенантство делало его начальником патруля, Карвер, Лаган и еще двое совсем молодых, лет по шестнадцать, гуардов.

Патруль был необходимой частью ночной жизни Каваррене — любой лавочник заявлял не без гордости, что спит спокойно, когда слышит под окнами перестук копыт и голоса караульных. До настоящего дела доходило редко — то ли в Каваррене было недостаточно ночных разбойников, то ли разбойничали они по-тихому, то ли попросту опасались — господа гуарды шутить не любят...

Получив, как обычно, напутствие от капитана, господа гуарды выехали — Эгерт с Карвером впереди, за ними Лаган и юные Оль с Бонифором. Покружив по улочкам вокруг ратуши, двинулись к городским воротам; одно за другим гасли окна, отовсюду слышались скрежет задвигаемых засовов и лязг захлопывавшихся ставен. Трактир у ворот не спал; кавалькада повертелась перед широкой дубовой дверью, раздумывая, не зайти ли на минутку проведать хозяйку, повелевавшую славными Итой и Фетой. В конце концов долг взял верх над соблазном, и патруль уже собирался продолжать свой путь, когда из дверей трактира, пошатываясь, выбрался пьяный.

В темноте да во хмелю гуляка не имел ни рода, ни звания — не разобрать даже, аристократ ли, простолюдин... Весело гикнув, Карвер направил на него лошадь; разогнавшись чуть не во весь опор, поднял скакуна на дыбы перед самым лицом обомлевшего пьяницы, не задев беднягу, но обдав его горячим конским дыханием и перепугав при этом до полусмерти. Гуарды засмеялись; издав странный, сдавленный звук, пьяница сел на мостовую, а Карвер, довольный, вернулся в ряды товарищей, все поглядывая на Солля — когда-то именно Эгерт выучил приятеля этой шутке.

Двинулись дальше; город лежал во тьме, и только факелы в руках патрульных да редкие звезды в просветах среди туч кое-как освещали черные фасады спящих домов. Ехали молча; под копытами лошадей звякала мостовая, и Эгерт, которому неприятно было глядеть на пляску теней вдоль улицы, взялся смотреть вниз, на истертые камни.

Проплывавшая внизу мостовая вдруг показалась ему рекой во время ледохода — булыжники беспорядочно толпились, перли друг на друга, вздымая острые края, будто ожидая жертвы. Похолодев, Эгерт понял вдруг то, чего не осознавал раньше; он понял это и сам поразился своей былой слепоте. Камни мостовой были враждебны, смертельно опасны, и человек, упавший на них с высоты, хотя бы и со спины лошади, был почти обречен.

Кавалькада двигалась дальше, и вместе со всеми цокал копытами Эгертов жеребец — но всадник его уже не видел ничего вокруг. Сжимая мокрыми ладонями уздечку, Эгерт Солль, прирожденный наездник, умирал от боязни упасть.

В ушах его многократно повторялся сочный хруст сломанной шеи; камни мостовой сладострастно выпирали, будто предчувствуя момент, когда голова храброго лейтенанта треснет, подобно спелому арбузу, на их полированных боках. Пот градом катился по Эгертовой спине, хотя ночь была свежей, даже прохладной. За два квартала он успел тысячу раз умереть, и наконец конь его тоже почуял неладное, будто смятение всадника передалось и ему.

Кавалькада как раз поворачивала; обеспокоенный жеребец дернулся — и этого неожиданного движения хватило прославленному наезднику Соллю, чтобы свалиться.

Эгерт сам не понял, как это произошло; он давно забыл, как падают с лошади, потому что последний раз это случилось с ним, когда он был десятилетним мальчиком. Он ощутил только мгновенный ужас, перед глазами его мелькнуло черное небо с редкими звездами, а потом последовал болезненный, но, к удивлению Солля, несмертельный удар.

Он лежал на боку, и перед глазами у него оказались копыта его же лошади; факел выпал из рук и шипел рядом в луже. Откуда-то издали слышались удивленные вопросы; в мгновение ока Солль осознал случившееся и счел за благо притвориться, что потерял сознание.

Что может заставить лейтенанта гуардов, особенно если это Эгерт Солль, свалиться с лошади, идущей шагом, на глазах у четырех подчиненных? Только смерть, подумал лежащий Эгерт, и ему захотелось умереть.

— ...Солль! Эй, помоги, Лаган, он как мертвый, вот это да...

Он почувствовал, как чьи-то руки берут его за плечи и поворачивают лицом вверх, и не стал подавать признаков жизни.

— Флягу! Бонифор, флягу, быстро!

На лицо ему пролилась небольшая речка. Выждав еще немного, он застонал и открыл глаза.

В свете факелов над ним склонились Карвер, Лаган, Оль и Бонифор; лица у всех были удивленные, а у юных гуардов еще и испуганные.

— Живой, — заметил Оль с облегчением.

— Что ему сделается, — флегматично отозвался Лаган. — Солль, ты пьяный, что ли?

— Когда отправлялись, был трезвый, — резонно возразил Карвер. — Разве что на ходу успел...

— На воинском посту? — беззлобно поинтересовался Лаган.

— Да от него не пахнет! — возмущился Бонифор.

Эгерту очень неудобно было лежать вот так, навзничь, и служить объектом всеобщего интереса — к тому же камни мостовой, будто дождавшись своего часа, впивались в спину. Повозившись, он поднялся на локти — в тот же момент сразу несколько рук помогли ему встать.

— Что с тобой? — прямо спросил наконец Карвер.

Эгерт сам не знал, что с ним, но давать гвардам подробный отчет не входило в его планы.

— Не помню, — соврал он, стараясь, чтобы голос его звучал как можно более хрипло. — Помню, ехали... Потом темно, темно — и на земле лежу...

Гварды переглянулись.

— Плохо дело, — сказал Лаган. — Ты к врачу когда-нибудь обращался?

Эгерт не ответил. С трудом, преодолевая дрожь, он снова взобрался на лошадь; ночной обход продолжился — но до самого утра Эгерт ловил на себе вопросительные взгляды товарищей, будто ожидавших, что он свалится снова.

Через несколько дней полк выехал на маневры.

Проводы были обставлены со всевозможной пышностью; как полагается, маневрам предшествовал парад. Чуть не все население Каваррена собралось на набережной, причем главы уважаемых семейств явились с миниатюрными флагами династий, и флажштоками им служили обнаженные шпаги, вскинутые, как палочка капельмейстера. Бургомистр облачился в мантию, расшитую геральдическими зверями; мальчишки, записанные в полк, но не достигшие еще возраста мужчин, построены были в колонну и несколько раз промаршировали взад-вперед; во главе колонны шагал пятнадцатилетний юноша, а замыкал ее трехлетний малыш в мундирчике и с деревянным кинжалом у пояса. Разница в длине шага будущих гвардов то и дело сказывалась, малыш совсем запыхался и несколько раз шлепнулся, путаясь в перевязи, — но не заплакал, памятуя, видимо, какой чести удостоен.

Потом пред очи собравшихся явились наконец виновники торжества — возглавляемые капитаном гварды торжественно проехали по улице, и под каждым была лоснящаяся холеная лошадь, и в правой руке каждый держал приветственно вскинутую шпагу. Смелые девушки из толпы выскакивали к самым лошадиным мордам, набрасывая гвардам на клинки цветные кольца, украшенные фиалками; каждое такое кольцо означало нежные дружеские чувства. Больше всех колец досталось капитану — по званию — да еще Соллю, который, впрочем, в то утро был бледен и не совсем здоров. Над головами толпы кружились, падая, цветы и подброшенные шляпы; гвардов

проводили будто на войну, хоть каждый знал, что через три дня полк, целый и невредимый, потихоньку вернется в город.

Горожане остались праздновать, а гварды, миновав городские ворота, выехали на большую дорогу и направились туда, где еще за неделю до этого приготовлен был военный лагерь.

Весна наконец-то развернулась во всю свою мощь; Солль сидел в седле сгорбленный, никак не просветленный дивным солнечным пейзажем, раскинувшимся справа и слева от дороги. Ночь накануне он провел без сна — еще до полуночи его навесил очередной кошмар, и потому он дожидался рассвета, меняя догорающие в канделябрах свечи. Парад не взбодрил его, как ожидалось, а наоборот, принес новое потрясение: Эгерт обнаружил, что самый вид обнаженной шпаги чрезвычайно ему неприятен. Светлое небо! Вид обнаженного клинка, всегда ласкавший сердце рубаки и поединщика, не навевал более сладких мыслей о славе, о победе; глядя на заостренное железо, Солль, потрясенный, думал теперь только о рассеченной коже, об обнаженной кости, о крови и боли, после которых наступает смерть...

Товарищи-гварды косились на лейтенанта Солля; официальная версия была — тяжело влюблен. Обсуждались возможные объекты несчастливой страсти, причем наиболее проникательные предполагали даже, что сердце лейтенанта пленила холодная и прекрасная Тория, невеста погибшего студента. Только Карвер не принимал в этих спорах никакого участия, а только молча, издали, наблюдал.

Свернули с дороги, проскакали краем глубокого оврага — из-под копыт посыпались в пропасть комья земли. Капитан выкрикнул команду; Эгерт вздрогнул, увидев оструганное, без единого сучка бревно, переброшенное с одного края оврага на другой.

Однажды на спор Солль станцевал на самой середине бревна, над самой глубокой частью оврага. Всякий раз, когда нога Эгерта ступала на гладкую скользкую поверхность, душа его замирала, охваченная восторгом близкой опасности и сознанием собственной отваги. Не удовлетворяясь риском в одиночку, он заставлял рисковать других и, пользуясь властью лейтенанта и магическим действием слова «трус», устраивал на бревне поединки... Однажды кто-то сорвался-таки, упал на дно оврага и сломал ногу; Эгерт не помнил имени того бедняги — с тех пор он охромел и вынужден был покинуть полк...

Все это вспомнилось Эгерту в течение той секунды, когда по команде капитана гварды спешили возле бревна.

Построились; юных, неопытных гвардов капитан поставил отдельно, и лейтенант Дрон, признанный воспитатель молодежи, с важным видом принялся объяснять им суть испыта-

ния. Тем временем капитан, не желавший терять ни минуты, скомандовал начало.

Условия были просты — перебежать на ту сторону и ждать там остальных. Мальчики-оруженосцы, взятые на маневры специально для мелких услуг, должны были отвести лошадей в лагерь; мертвой рукой Эгерт передал свой повод подростку, глядевшему на него с обожанием.

В строгом порядке, один за другим гварды преодолевали препятствие — кто-то с бравადой, кто-то с плохо скрываемой робостью, кто-то бегом, кто-то опасливым семенящим шагом. Солль замыкал колонну; глядя, как сапоги его товарищей бесстрашно попирают гладкое тело бревна, он изо всех сил пытался понять, откуда взялось это липкое чувство в груди и болезненная слабость в коленях?

Никогда раньше не испытывавший настоящего страха перед опасностью, Эгерт не сразу и понял, что попросту боится — боится так сильно, что слабеют ноги и болезненно сводит живот...

Цепочка гвардов по эту сторону оврага редела; юноши, впервые прошедшие испытание, радостно толпились на противоположной стороне, криками подбадривая всех, ступавших на бревно. Близилась очередь Эгерта; мальчики-оруженосцы, которым давно пора было выполнить приказ и увести коней, задержались ради редкой возможности видеть новый трюк лейтенанта Солля.

Карвер, последний в колонне перед Соллем, ступил на бревно. Сначала он шел небрежно, даже развязно, но где-то на середине сбился с шага и, нервно раскинув руки, закончил переход. Прежний Солль не упустил бы возможности презрительно свистнуть приятелю в спину — но тот Эгерт, которому предстояло сейчас ступить на бревно, только перевел дыхание.

Теперь все гварды выстроились на противоположном берегу — и все, как один, вопросительно глядели на Солля.

Он заставил себя подойти; светлое небо, зачем же так дрожат колени?!

Его сапог неуверенно встал на отесанный край. Перейти на ту сторону невозможно; бревно гладкое, нога обязательно соскользнет, Эгерт в лучшем случае охромеет, как тот несчастный...

Все ждали; начало Эгертового трюка было совсем уж необычным.

В который раз облизнув сухие губы, он сделал шаг — и зашатался, лоя руками воздух. На том берегу засмеялись — решили, что он ловко притворяется неумехой.

Он сделал еще полшага — и ясно увидел дно оврага, и острые камни на дне, и свое изувеченное тело на камнях...

И тогда, подняв тоскливые глаза на предстоявший ему путь над пропастью, он решился.

Решился, поспешно отступил, несколько театральным движением схватился за грудь. Дернулся, будто в конвульсии, зашатался и, ловко прыгнув с бревна, замертво повалился на землю.

Подергиваясь в куче прошлогодних листьев, Эгерт лихорадочно вспоминал признаки страшных болезней, о которых он когда-либо слышал — падучая, припадки... Хорошо бы, чтобы пена на губах — но во рту было сухо, как в брошенном колодце, и недостаток симптомов пришлось восполнять совсем уж немислимыми телодвижениями.

Удивление и смех на той стороне сменились криками ужаса; первым подбежал тот подросток, которому Эгерт доверил жеребца. Светлое небо! От стыда и унижения у Солля заложило уши, но выбора не было, и он бился, подобно выброшенной на берег рыбе, хрипел и задыхался, пока капитан с Карвером и Дроном не обступили его со всех сторон. Минут десять его приводили в чувство — тщетно; стиснув зубы и закатив под лоб глаза, Солль старательно изображал покойника — только если настоящие покойники в таких случаях остывают и покрываются синевой, то Эгерт был горяч и красен — от ни с чем не сравнимого, жгучего стыда.

Встревоженный внезапной болезнью лейтенанта Солля капитан немедленно отослал его в город. Он хотел было дать сопровождающего, но Эгерт сумел отказаться; капитан подумал про себя, что и в тяжелой болезни Солль проявляет редкостное даже для гварда мужество.

* * *

Отец Солля взволновался не меньше капитана; едва Эгерт успел стянуть сапоги и повалиться в кресло, как в дверь его комнаты постучали — вежливо, но твердо. На пороге обнаружили Солль-старший и невысокий шуплый человечек в сюртуке до пят — доктор.

У Эгерта не было другого выхода, как сквозь зубы пожаловаться на недомогание и дать себя осмотреть.

Врач весьма обстоятельно обстучал его молоточком, ощупал, прослушал, едва ли не обнюхал; потом долго и вопросительно заглядывал Эгерту в глаза, оттянув при этом его нижние веки. Все так же сквозь зубы Эгерт выдавливал ответы на очень подробные вопросы, некоторые из них заставляли краснеть: нет, не болел. Нет. Нет. Прозрачная. Каждое утро. Раны? Может быть, несколько пустяковых царапин. След на щеке? Несчастный случай и уже совсем не беспокоит.

Солль-старший нервничал; руки его так мучили одна дру-

гую, что грозили истереться в кровь. Пожелав заглянуть Эгерту в глотку, врачеватель едва не оторвал ему язык; потом вытер руки о белоснежную салфетку и, вздохнув, порекомендовал обычное средство поставленных в тупик докторов: кровопускание.

Через минуту в комнату был доставлен большой медный таз; лекарь раскрыл черный саквояж, откуда явились на чистую скатерть сияющие, как весенний день, скальпели и ланцеты. Звякнули в ящичке маленькие круглые банки, старая управительница притащила свежую простыню.

Все эти приготовления вгоняли Эгерта в глухую черную тоску; временами ему казалось, что лучше было бы вернуться на маневры. Отец, обрадованный, что может хоть как-то помочь захворавшему сыну, заботливо помог ему снять рубашку.

Приготовления были закончены. Впрочем, когда Солль увидел деловитое лезвие в неумолимой лекарской руке, как-то само собой выяснилось, что кровопускание не состоится.

— Сын мой... — пробормотал отец растерянно. — Светлое небо, вы действительно очень больны...

Забившись в угол, с тяжелым подсвечником наперевес, Эгерт тяжело дышал:

— Не желаю... Оставьте меня в покое...

Старуха-управительница задумчиво пожевала губами; на пороге комнаты встала бледная пожилая женщина — Эгертова мать.

Оглядев присутствующих и еще раз оценивающе взглянув на Эгерта — а тот был голый до пояса, круглые мышцы рельефно выдавались, натягивая чистую кожу, — доктор печально пожал плечами:

— Увы, господа...

Инструменты вернулись в саквояж; растерянный Солль-старший тщетно пытался вытянуть из врачевателя хоть что-нибудь в объяснение его «увы»: означает ли это, что дела Эгерта совсем уж плохи?

Собравшись и снова взглянув на Эгерта, доктор покачал головой и произнес, обращаясь более к кабанам на гобеленах, нежели к семейству Соллей:

— Молодой человек... Хм... В значительной степени здоров. Да, господа... Но если молодого человека что-то беспокоит... Это не медицинская проблема, любезные господа. Не медицинская.

* * *

Светлое небо! Мужественный Харс, покровитель воинов, как ты допустил это?

Лейтенант Эгерт Солль был смертельно уязвлен, и раненое

самолюбие его горестно стонало. Самым странным и неприятным оставалось то, что гордость Эгерта была задета не снаружи, а изнутри.

Битый час он простоял перед зеркалом, производя уже собственное врачебное дознание. Из зеркальной глубины на него смотрел все тот же давний знакомец Солль — серо-голубые глаза, светлые волосы и поджившая царапина на щеке. Будет шрам, решил Эгерт, проводя по отметине пальцем. Отныне у Эгерта Солля появится особая примета. Что ж, шрам на лице мужчины — скорее доблесть, нежели изъян...

Он подышал на зеркало и поставил крестик в запотевшем от дыхания кружке. Отчаиваться рано; если все, происходившее с Эгертом, болезнь, то он знал верный способ излечиться.

Сменив полотняную рубаху на шелковую и не слушая доводов расстроенного отца, Эгерт отправился прочь из дома.

Любому гварду известно было, что жена капитана, красавица Дилия, благоволила к лейтенанту Соллю. Оставалось загадкой, почему об этом до сих пор не знал сам капитан.

Визиты к Дилии доставляли Эгерту двойное удовольствие, потому что, тешась в жарких объятиях капитанши, он наслаждался также риском и сознанием собственной дерзости. Особенно ему нравилось целовать Дилию, заслышав шаги капитана на лестнице — ближе, ближе... Солль прекрасно понимал, что произойдет, ежели капитан, порядочный ревнивец, обнаружит в кружевной постели Дилии своего лейтенанта. Железные нервы красавицы не выдерживали, когда вечно исполненный подозрений муж стучался к ней в спальню; Эгерт смеялся и, смеясь, выскальзывал в окно, а то и в трубу каминна, прихватив на ходу одежду. И ни разу, ни единого разу проклятая bestия Солль не уронил ни пуговицы, ни пряжки, не свалился с подоконника, не наделал шуму... Обмирая, Дилия слышала одновременно шорох под окном и грузные шаги мужа у самой кровати — и опять-таки ни разу бдительный капитан не учуял близ супружеской постели даже запаха чужого мужчины.

Визиты к Дилии всегда окрыляли Солля — именно у нее на груди он рассчитывал теперь исцелиться от странной напасти.

Вечерело; Эгерту по-прежнему неприятны были сумерки, но мысль о грядущем блаженстве помогла ему преодолеть себя. Горничная, как водится, была подкуплена; Дилия, чья красота прикрывалась лишь ажурным пеньюаром, встретила Солля широко открытыми глазами:

— Небо, а маневры?!

Впрочем, ее удивление тут же сменилось улыбкой, благоклонной и жадной одновременно: красавица была польщена.

Каким, однако, надо быть рыцарем, чтобы тайком покинуть военный лагерь ради встречи с любимой!

Горничная принесла вино на подносе и вазочку с фруктами, украшенную павлиньим пером — знаком пылкой любви. Дилия, довольная, раскинулась на постели, как сытая кошка:

— О, Солль... Я уж готова была нехорошо о вас подумать, — она тонко улыбнулась. — Ваши дуэли взяли верх над вашей любовью... Я ревновала к дуэлям, Солль! — капитанша трянула головой с таким расчетом, чтобы темные кудри рассыпались как можно живописнее. — Если вы и впрямь убили кого-то — разве это повод, чтобы оставлять Дилию так надолго?!

Стараясь не глядеть в темный угол спальни, Эгерт пробормотал какой-то сладкий комплимент. Дилия мурлыкнула и продолжала, вплетая в голос бархатные нотки:

— А теперь... Ваш поступок, право же, дает мне право простить вас. Я знаю, что такое для гварда маневры... Вы пожертвовали любимой своей игрушкой — и будете вознаграждены, — полуоткрыв губы, Дилия подалась вперед, и Эгерт ощутил густой розовый запах, — достойно вознаграждены...

Он перевел дыхание; нежные пальчики уже боролись с застежками мундира:

— Пусть муж мой спит в палатке и кормит комаров — да, Эгерт? У нас целая ночь... И завтра... и послезавтра... Да, Эгерт? Этот шрам, он украшает тебя... Пусть это будет лучшее наше время...

Она помогла ему раздеться — вернее, это он помог ей раздеть себя. Юркнув в постель, он ощутил, как горит ее гладкое, будто атласное тело. Проведя ладонями вниз по упругим бокам, Эгерт вздрогнул: руки наткнулись на теплое, разогретое горячий кровью красавицы железо.

Дилия звонко расхохоталась:

— Это пояс верности! Подарочек твоего капитана, Эгерт!

Он не успел опомниться, как, извернувшись, она выудила из-под подушки маленький стальной ключ.

На несколько приятных минут Солль позабыл свои неприятности и хохотал от души, слушая рассказ о рождении волшебного ключика «из мыльной пены». Перед походом капитан пожелал помыться в бане — Дилия с трогательной заботой вызвала помочь ему и, в то время, когда ревнивец млеет под струями теплой воды и ласками нежных ладошек, исхитрилась завладеть ключом, висевшим на капитановой шее, и оттиснуть его на куске мыла. Капитан отправился на маневры чистым и довольным...

...Пояс верности, маленький железный уродец, со звоном упал на пол.

В доме стояла мертвая тишина — слуг, очевидно, отпустили на вечер, а горничная легла спать. Лаская жену своего ка-

питана, Эгерт никак не мог избавиться от мысли, что от полевого лагеря гвардов до города всего два часа пути.

— Солль... — горячо шептала красавица, и сладострастная улыбка обнажала ее мелкие, влажно поблескивающие зубы. — Как давно, Солль... Обними же...

Солль послушно обнял — и жгучая волна страсти захлестнула его самого. Красавица застонала — поцелуй Эгерта, казалось, достиг самого ее нутра. Сладко и ритмично выгибаясь, оба готовы были вознестись на крыльях блаженства — и в этот момент чуткое ухо Солля уловило шорох за дверью.

Так страдает раскаленная сталь, когда ее бросают в ледяную воду. Эгерт застыл; кожа его в мгновение ока покрылась крупными каплями пота, а капитанша, несколько раз простонав в одиночестве, раскрыла удивленные глаза:

— Эгерт?

Он проглотил липкую, тягучую слюну. Шорох повторился.

— Это мыши, — Дилия облегченно вздохнула. — Что с тобой, любимый?

Эгерт сам не знал, что с ним. Перед глазами у него стоял капитан, скорчившийся под дверью и подглядывавший в замочную скважину.

— Я посмотрю, — выдохнул Солль, схватил подсвечник и поспешил к двери.

Маленькая серая мышка шарахнулась прочь, но, будучи, очевидно, несколько отважнее лейтенанта Солля, не бросилась сразу в нору, а остановилась на пороге ее, посверкивая на Эгерта вопросительными черными глазками.

Эгерт готов был убить ее.

Дилия ждала его со снисходительной усмешкой:

— О, эти гварды... Что за прихоти, Солль, что за шутки? Идите же ко мне, мой лейтенант...

И она опять обняла его, но, профессионально лаская разомлевшее женское тело, Эгерт оставался холодным и съежившимся.

Тогда, приблизив губы к самому его уху, Дилия ласково зашептала:

— Мы одни, одни во всем доме... Твой капитан сейчас далеко, Эгерт... Ты не услышишь его шагов на лестнице... Он там, в лагере, в палатке... Стережет свое стадо... Он доблестный капитан, он проверяет караулы каждый час... Обними меня, мой отважный Солль, у нас ночь впереди...

Убаюканный ее шепотом, он перестал наконец вслушиваться, и молодая страсть снова взяла верх. Тело его обрело прежнюю силу и упругость, отогрелось, ожило; Дилия урчала и покусывала его за плечо, Эгерт впивался в нее со всей неукротимой жадностью, и самая сладкая минута была близка,

когда тихо стукнула входная дверь и внизу послышались крадущиеся шаги.

У Эгерта потемнело в глазах; вся взбудораженная страстью кровь отхлынула от его лица, и оно засветилось в полутьме молочной белизной. На нежную кожу красавицы снова капал холодный пот; трясаясь, будто в лихорадке, Эгерт отполз на край постели.

Внизу переговаривались приглушенные голоса. Звякнула посуда на кухне — удивительно, как обострился в тот момент Эгертов слух! Снова шаги... Сдавленная ругань, шипение, призывавшее к тишине...

— Это слуги вернулись, — устало объяснила Дилия. — Право же, Эгерт... Нельзя так поступать с любящей женщиной...

Сидя на краю кровати, Солль обхватил голые плечи руками. Небо, за что такой позор?! Ему хотелось бежать без оглядки, но при одной мысли, что он уйдет вот так, оставив Дилию в недоумении, — при одной этой мысли у него сводило челюсти.

— Что с вами, мой друг? — тихо спросила капитанша у него за спиной.

Он хотел изо всей силы укусить себя за руку — но, едва почувствовав боль, невольно разжал зубы.

— Эгерт, — в голосе Дилии скользнула горькая обида, — лейтенант Солль... Вы больше не любите меня?

Я болен, хотел сказать Эгерт, но вовремя одумался и промолчал. Небо, какая глупость...

— Я люблю, — сказал он хрипло.

Слуги внизу наконец-то утомонились, и дом снова погрузился в тишину.

— Выходит, я напрасно сняла пояс верности? — слова Дилии, ядовитые, как отравленный дротик, вонзились Эгерту в голую спину.

И снова он превозмог себя. Холодный и мокрый, влез под кружевное одеяло — с таким же успехом Дилия могла уложить рядом лягушку или тритона. Красавица обиженно отстранилась — деревянными руками Эгерт привлек ее к себе.

Тело его оставалось на диво здоровым и жадным. Дважды пережив шок, оно все-таки снова захотело любви — так костер, нещадно облитый водой, восстанавливает себя из искорки.

Дилия ожила ему навстречу; через несколько минут комнату оглашало вожащенное рычание. Эгерт рвался к цели, не думая уже об удовольствии — скорее бы покончить с этим делом и восстановить хотя бы остатки былой славы. До желанного финала оставалось несколько секунд, и тишина воцарилась в доме, и спал город, и во всем подлунном мире разлеглось спокойствие, и ничто, казалось бы, не мешало лейтенанту Соллю завершить начатое — когда перед внутренним взором его воз-

ник капитан, врывающийся в комнату в сопровождении Дрона и гвардов. Картина была такой ясной и яркой, что Эгерт видел даже красные прожилки налитых кровью белков; ему показалось, что жесткая узловатая рука уже схватилась за край одеяла и сейчас последует рывок...

Он обмяк, словно выпотрошенная тушка. Все оказалось напрасно; дальнейшие усилия были бесплодны, а при частом повторении жалки и даже смешны. Эгерт Солль, первый в городе любовник, обречен был на неудачу.

Горько засмеялась Дилия.

Тогда Эгерт вскочил, сгреб в охапку одежду и кинулся к окну. По дороге он растерял половину своего гардероба, сбил на пол поднос с вином и фруктами и опрокинул столик. Взлетев на подоконник, он испугался высоты второго этажа — но было поздно, он уже не мог остановиться. С разгону вылетев за окно, великолепный Солль голышом шлепнулся на клумбу, изничтожив рододендроны и заслужив вечное проклятие садовника. На ходу одеваясь, путаясь в ворохе рукавов и штанин, плача от стыда и боли, Солль опрометью бросился домой — и счастье еще, что до рассвета оставалось несколько часов и никто не видел славного лейтенанта в столь жалком состоянии.

* * *

Вернувшиеся в город гварды первым же делом поспешили оведомиться о здоровье лейтенанта Солля. С кислой улыбкой бледный, осунувшийся Эгерт уверил прибывших к нему посланцев, что дело идет на поправку.

Сплетня о неудаче с Дилией стала достоянием злых языков на другой же день, ее пересказывали со вкусом и удовольствием — но в глубине души не очень-то верили: видимо, мстит за что-то скверная капитанша.

Единственным утешением Солля оказалось одиночество. Дни напролет он проводил, либо запершись в комнате, либо блуждая безлюдными улицами; во время таких блужданий ему впервые явилась простая и страшная мысль: а что, если происходившее с ним — не случайность и не временное недомогание, что, если наваждение это будет тянуться и дальше, месяцы, годы, всегда?!

Солля временно освободили от сборов и патрулирований; общества товарищей он старательно избегал, о визите к даме ему страшно было подумать, позабытая шпага стояла в углу, как наказанный ребенок. По всему дому слышны были вздохи Солля-старшего — он, как и сын, прекрасно понимал, что долго так тянуться на может: Эгерту придется либо исцелиться, либо оставить полк.

Временами под дверью сыновней комнаты тихо появлялась мать. Постояв несколько минут, она медленно удалялась к себе; однажды, встретив Эгерта в гостиной, она не промолчала, по обыкновению, а осторожно взяла его за манжет рубашки:

— Сын мой... Что с вами?

И, встав для этого на цыпочки, мать положила ладонь ему на лоб, будто желая удостовериться, что жара нет.

Последний раз она спрашивала его о чем-нибудь лет пять назад. Он давно отвык разговаривать с матерью; он забыл прикосновение маленьких сухих пальцев к своему лбу.

— Эгерт... что случилось?

Растерявшись, он так и не выдал ни слова.

С тех пор он стал избегать и матери тоже. Одинокие прогулки его становились все унылее и унылее; однажды, сам не зная как, Солль наткнулся в блужданиях на городское кладбище.

Последний раз он был здесь ребенком; по счастью, все родные и друзья его были живы, и Эгерт не знал, зачем людям проведывать обиталища мертвых. Теперь, миновав ограду, он затрепетал и остановился: кладбище показалось ему странным, пугающим, не принадлежавшим к этому миру местом.

Калека-сторож выглянул из своего домика и скрылся. Эгерт вздрогнул и хотел уйти — но вместо этого медленно двинулся по тропинке среди памятников.

Могилы побогаче украшены были мрамором, победнее — гранитом; встречались памятники, вытесанные из дерева. Почти все они по традиции изображали усталых птиц, присевших на надгробие.

Эгерт шел и шел; ему давно уже было не по себе, но он, как зачарованный, все читал и читал полустертые надписи. Пошел дождь; капли стекали по каменным клювам и бессильно опущенным крыльям, струйками сбегали между впившимися в плиты мертвыми когтями... Из серой пелены, в которую превратился день, навстречу Эгерту выступали поникшие на мраморных скалах орлы, нахохлившиеся маленькие ласточки, уронившие голову журавли... В широких оградах покоились целые семьи; на одном надгробии неподвижно сидели два прижавшихся друг к другу голубя, а на другом обессиленно склонила голову маленькая, измученная пичуга, и залитая водой надпись на камне заставила Эгерта остановиться: «Снова полечу»...

Вода струилась у Солля по лицу. Он сделал над собой усилие, повернул, двинулся к выходу; от земли поднимался серый, волглый туман.

На самом краю кладбища он остановился.

В стороне от тропинки темнела свежая могила без памятника, покрытая гладкой гранитной плитой. На серой плите лужицами проступали буквы: «Динар Дарран».

И все. Ни слова, ни знака, ни вести. Но, может быть, это совсем другой человек, подумал Солль в тоске. Может быть, это другой Динар...

Едва переступая ногами, он подошел. Динар Дарран. Карета у дверей «Благородного меча» и девушка странной, совершенной красоты. Кривая черта под самыми носами Соллевых ботфортов, и бесформенные красные пятна на ее щеках: «Динар?!»

Солль вздрогнул — так ясно прозвучал у него в ушах голос Тории. Будто звон бьющегося стекла: Динар?! Динар?! Динар?!

На эту могилу никогда не опустится усталая каменная птица.

Сторож снова высунулся из домика, не спуская с Эгерта удивленного, настороженного взгляда.

Тогда Солль повернулся и что есть силы ринулся прочь.

* * *

Дни сменялись днями. Время от времени от капитана являлся посыльный с одним и тем же вопросом: как себя чувствует лейтенант Солль и в состоянии ли он приступить к службе? Посыльный отправлялся назад, унося один и тот же ответ: лейтенант чувствует себя лучше, но приступить к службе пока не может.

Несколько раз появлялся и Карвер. Каждый раз ему приходилось выслушивать извинения, передаваемые через слугу, — молодой господин, увы, слишком слаб и не может встретиться со старым другом.

Гуарды Каваррена понемногу привыкали к попойкам без Солля; одно время всех волновала история его роковой любви, но потом эта тема сама собой заглохла. Служанка Фета в трактире у городских ворот тайком повздыхала, утирая глазки — но вскоре утешилась, потому что и без славного Эгерта кругом хватало блестящих господ с эполетами на плечах.

Наконец посыльный от капитана задал свой вечный вопрос несколько иначе: а сможет ли лейтенант Солль вообще продолжать службу? Поколебавшись, Эгерт ответил утвердительно.

На другой же день его вызвали на сбор с показательными боями. Бои эти, проводившиеся обязательно затупленным оружием, всегда вызывали у Эгерта насмешку: как же можно получить представление об опасности, имея в руках тупое беззубое железо? Теперь одна мысль о том, что придется встать

лицом к лицу с вооруженным противником, бросала Эгерта в дрожь.

Наутро после бессонной ночи он отправил в полк слугу с вестью, что болезнь лейтенанта Солля обострилась. Гонец благополучно вышел из дому — но миновать ворота ему не удалось, потому что суровый, исполненный негодования Эгертов отец безжалостно перехватил сыновнее послание.

— Сын мой, — на щеках Солля-старшего перекатывались желваки, когда, темный как туча, он встал на пороге Эгертовой комнаты. — Сын мой, пришло время объясниться, — он перевел дыхание. — Я всегда видел в своем сыне прежде всего мужчину; что значит эта ваша странная болезнь? Уж не намерены ли вы оставить полк, служба в котором — честь для всякого молодого человека благородной крови? Если это не так — а я надеюсь, что это все-таки не так, — то чем объяснить ваше нежелание явиться на сбор?!

Эгерт смотрел на своего отца, не очень молодого и не очень здорового человека; он видел жилы, натянувшиеся на морщинистой шее, глубокие складки между властно сдвинутыми бровями и возмущенно сверкающие глаза. Отец продолжал:

— Светлое небо! Я наблюдаю за вами вот уже несколько недель... И если бы вы не были моим сыном, если бы я не знал вас раньше — клянусь Харсом, я решил бы, что болезни вашей имя — трусость!

Эгерт дернулся, как от пощечины. Все естество его вскричало от горя и обиды — но слово было произнесено, и в глубине души Эгерт знал, что сказанное отцом — правда.

— В роду Соллей никогда не было трусов, — сказал отец сдавленным шепотом. — Вам придется взять себя в руки или...

Наверное, Солль-старший хотел сказать что-то уж совсем ужасное — так нервно задержались его губы и вздулась вена на виске. Возможно, он хотел посулить отцово проклятие либо изгнание из дома — но не решился произнести угрозу и вместо этого повторил значительно:

— В роду Соллей никогда не было трусов!

— Оставьте его, — слышалось из-за широкой спины Солля-старшего.

Эгертова мать, бледная женщина с вечно опущенными плечами, не так часто позволяла себе вмешиваться в разговоры мужчин:

— Оставьте его... Что бы ни происходило с нашим сыном, но впервые за последние годы...

И она осеклась. Возможно, она хотела сказать, что впервые за последние годы она не чувствует в сыне жесткой и хищной струны, которая пугала ее, делая чужим и неприятным ее собственному ребенку, — но тоже не решилась произнести это вслух и только посмотрела на Эгерта — длинно и сочувственно.

Тогда Эгерт взял шпагу и ушел прочь из дома.

Показательные бои в тот день прошли без лейтенанта Солля, потому что, выйдя за ворота, он не отправился в полк, а побрел пустынными улицами по направлению к городским воротам.

У трактира он остановился; трудно сказать, что заставило его завернуть в широкую, до мелочей знакомую дверь.

В этот утренний час трактир был пуст, только между дальними столиками мелькала чья-то согбенная спина; Эгерт подошел ближе. Не разгибаясь, спина елозила чем-то по полу и мурлыкала песню без слов и мелодии; когда Эгерт отодвинул стул и сел, песня оборвалась. Спина выпрямилась — и служанка Фета, красная и запыхавшаяся, выронила от радости мохнатую тряпку:

— Господин Эгерт!

Через силу улыбнувшись, Солль велел подать себе вина.

На столах, на полу, на резных спинках стульев лежали квадратные солнечные пятна. Тонко жужжала муха, колотясь лбом о стекло квадратного же оконца; покусывая край стакана, Эгерт тупо смотрел в деревянные узоры на столешнице.

Слово было сказано, и теперь Эгерт повторял его про себя, всякий раз содрогаясь, как от боли. Трусость. Светлое небо, он трусил! Он струсил уже бесчисленное число раз, и у страха его были свидетели, и главным из них оставался лейтенант Солль, прежний лейтенант Солль, герой и воплощенное бесстрашие...

Он перестал грызть стакан и принялся за ногти. Труссы отвратительны и жалки; Эгерт не раз наблюдал, как трусят другие, он видел признаки страха извне — бледность, неуверенность, трясущиеся колени... Теперь он знает, как выглядит собственная трусость. Страх — чудовище, снаружи никчемное и ничтожное, изнутри же — палач, неодолимой силы мучитель...

Эгерт тряхнул головой. Неужели Карвер, например, испытывает нечто подобное, когда пугается? Неужели все люди...

Фета в десятый раз явилась с тряпкой, чтобы надраить до блеска столик господина Эгерта; он наконец ответил на робкий, заискивающий взгляд:

— Не вертись, пигалица... Присядь-ка со мной.

Она уселась с такой готовностью, что скрипнул дубовый стул:

— Что угодно господину Соллю?

Он вспомнил, как втыкались в косяк над ее головой металлические ножи и кинжалы, вспомнил — и покрылся холодным потом.

Она тут же отозвалась на его внезапную бледность, просто-нав сочувственно:

— Господин Эгерт так долго боле-ел...

— Фета, — сказал он, опуская глаза, — ты боишься чего-нибудь?

Она радостно заулыбалась, решив, по-видимому, что господин Эгерт заигрывает:

— Я боюсь однажды не угодить господину Соллю, и тогда хозяйка меня выгонит...

— Да, — вздохнул Эгерт терпеливо, — а еще чего ты боишься?

Фета захлопала глазами.

— Ну, темноты, например, — подсказал Эгерт. — Ты боишься темноты?

Фета помрачнела, будто вспомнив что-то, пробормотала нехотя:

— Да... Только... зачем это господину Эгерту?

— А высоты? — он, казалось, не заметил ее вопроса.

— И высоты боюсь, — призналась она тихо.

Некоторое время длилась тягостная пауза; Фета смотрела в стол. Когда Эгерт уверился, что не услышит от нее более ни слова, девушка вздрогнула и прошептала:

— И, знаете, особенно... Грома... Как бабахнет... Ита рассказывала, у них в селе одну девчонку громом убило насмерть... — она прерывисто вздохнула. Прижала ладони к щекам и добавила, мучительно покраснев: — А особенно боюсь... забеременеть...

Эгерт отшатнулся; испугавшись своей откровенности, Фета затараторила, будто пытаясь потоком слов сгладить неловкость:

— Боюсь клопов, тараканов, бродяг, немых попрошайек, хозяйку, мышей... Но мышей — это не самое страшное, можно перебороть...

— Перебороть? — эхом откликнулся Эгерт. — А как ты... Что ты чувствуешь, когда страшно?

Она неуверенно улыбнулась:

— Страшно, и все... Внутри будто бы... Слабеет все, и еще...

Она вдруг залилась густой краской, и под слоем ее так и остался непроясненным еще один важный признак испуга.

— Фета, — спросил Эгерт тихо, — а тебе было страшно, когда я бросал в тебя ножи?

Она встрепенулась, будто вспомнив лучший день своей жизни:

— Нет, конечно! Я ведь знаю, что у господина Эгерта твердая рука...

Тут на кухне рывкнула хозяйка, и Фета с извинениями упорхнула прочь.

Квадратные солнечные пятна грузно переползали со стола на пол, с пола на стул; Эгерт сидел, сгорбившись, и водил пальцем по краю пустого стакана.

Фете не понять его. Никому на свете не понять его. Привычный мир, в котором он по праву был повелителем и господином, теплый надежный мир теперь вывернулся наизнанку, уставившись на Эгерта остриями шпаг, зубчатыми краями камней, лекарскими ланцетами... В этом новом мире обитают тени, ночные видения, из-за которых вот уже много ночей Эгерт спит при свете. В этом новом мире он ничтожен и жалок, беспомощен, как муха с оторванными крыльями, — и что будет, когда об этом узнают другие?!

Грохнула, отворяясь, тяжелая дверь. В трактир ввалились господа гуарды — и в числе их Карвер.

Эгерт остался сидеть, где сидел, только невольно пододвинулся, как перед прыжком; гуарды мгновенно окружили его. От громогласных приветствий у Солля зазвенело в ушах, а от дружеских похлопываний болезненно заныло плечо.

— А мы вспоминали! — возвышался над всеми трубный голос Дрона. — Как говорится, «про осу болтают — глядь, оса летает»...

— А говорили, что Солль вот-вот помрет! — радостно сообщил какой-то гуард из молодых.

— Не дождешься! — захохотал Лаган. — Мы все перемрем раньше... А в трактире сидит — значит, здоров...

— В трактире сидит, а друзьями брезгует, — горько посетовал Карвер, заслужив тем самым несколько укоризненных взглядов.

Солль через силу поднял глаза на приятеля — и, встретившись с ним взглядом, удивился. Карвер смотрел на друга-повелителя со странным выражением — будто только что задал вопрос и терпеливо ждал ответа.

Вокруг гостей уже суетились Ита и Фета; кто-то провозгласил тост за обновившееся здоровье лейтенанта Солля. Выпили; Эгерт поперхнулся. Краем глаза он видел, что Карвер не сводит с него вопросительного взгляда.

— Ты что же, рак-отшельник, спрятался, притих? — весело поинтересовался Лаган. — Гуард без доброго общества чахнет и вянет, как роза в ночном горшке...

Юные Оль и Бонифор захохотали — преувеличенно громко.

— Клянусь шпорой, что он сочинял роман в письмах, — предположил Дрон. — Я как-то в патруле приметил: свет у него горел до утра...

— Да? — удивился Карвер, а прочие зацокали языками.

— Знать бы, какой такой красавице Солль посвящает ночные бдения... — протянул кто-то, особенно романтичный.

Эгерт сидел посреди радостного гвалта, улыбаясь кисло и неубедительно. Пристальный взгляд Карвера был ему неприятен.

— Тебе привет от Дилии, — заметил Карвер небрежно. —

Она посетила ристалище и, между прочим, справлялась, почему бои проходят без Солля...

— Кстати, что передать капитану? — спохватился Дрон.

Эгерт скрипнул зубами. Больше всего на свете ему хотелось исчезнуть прочь, но уйти сейчас означало бы бросить вызов всеобщему веселью и доброму к себе отношению.

— Вина! — крикнул он в сторону хозяйки.

...За прошедшие после этого два с половиной часа Эгерт Солль совершил важнейшее в своей жизни открытие: спиртное, если его выпить в достаточном количестве, убивает и душевные муки, и страх.

В сумерках толпа гуардов, изрядно поредевшая, вывалилась на улицу и двинулась в сторону «Верного щита», причем Солль кричал и смеялся не менее прочих. Краем глаза он время от времени ловил настороженные взгляды Карвера — но разомлевшему Эгерту было все равно: он наслаждался таким долгожданным сознанием собственной силы, свободы и смелости.

Все живое, попадавшееся на пути блестящей хмельной компании, жалось к обочинам, никоим образом не желая перейти дорогу господам гуардам. На набережной фонари — гуляки едва не вышибли из-под него стремянку. Эгерт хохотал взахлеб; фонари плясали у него в глазах, кружились вальсом, кланялись и приседали. Густой воздух поздней весны полон был запахов, Солль хватал его носом и ртом, с каждым глотком ощущая и аромат прогретой реки, и свежесть трав, запахи мокрых камней, дегтя, чьих-то духов и еще теплого навоза... Обнимая одной рукой Карвера, а другой всех поочередно, он свято уверовал, что болезнь его прошла и, как всякий исцелившийся больной, он имеет право на особенно острую радость жизни...

Напротив входа в «Верный щит», неподалеку от места, где впервые вышли из кареты студент и его невеста Тория, на выбоине в мостовой помещалась лужа — глубокая, как раскаты, и жирная, как праздничный бульон. Эту лужу не высушили ни солнце, ни ветер; слегка обмелев, она сохранила себя от ранней весны до самого преддверия лета, и можно было ожидать, что столь необыкновенная живучесть поможет ей дожидаться осени.

Сейчас лужа ловила черной маслянистой поверхностью догорающее вечернее небо; на берегу ее, покачиваясь, стоял пьяный портняжка.

Что это именно портняжка, становилось ясно с первого же взгляда — тонкую шею удавкой захлестывал замусоленный сантиметр, а холщовый передник был вымазан мелом. Соломенные волосы двумя сосульками закладывались за уши; портняжка глядел в лужу и негромко икал.

Карвер захохотал; прочие дружно присоединились к нему, но смехом дело и кончилось. Подмастерье поднял мутные глаза и ничего не сказал, а гварды, миновав его, направились к двери трактира.

Надо же было случиться, что именно в тот момент, когда Солль поравнялся с пьяницей, тот, потеряв равновесие, размашисто шагнул вперед. Тяжелый деревянный башмак угодил в самую середину лужи, подняв буйный фонтан вонючих брызг, большая часть которых досталась лейтенанту Эгерту.

Солля окатило чуть не с головы до ног; грязные брызги замарали мундир и рубашку, шею и лицо. Чувствуя, как по щекам скатываются крупные холодные капли, Эгерт застыл на месте, не сводя с пьяницы остекленевшего взгляда.

Гварды окружили портняжку плотным кольцом; на Эгерта смотрели опасливо, на парня — с сочувствием и любопытством. Впрочем, подмастерье был еще более пьян, нежели лейтенант Солль, а значит, и более храбр; он не испугался господ гвардов, а может, попросту их не заметил. С чисто научным любопытством он разглядывал свой башмак, взволновавшуюся поверхность лужи и облитого грязью Солля.

— Рылом его туда, — беззлобно посоветовал Дрон. Юный Бонифор взвился, предчувствуя забаву:

— Можно, я?

— Это человек Солля, — бесстрастно заметил Карвер.

Лейтенант Солль свирепо оскалился, шагнул к портняжке — и враз протрезвел. Действительность обрушилась на него, придавив и весну, и свободу, и рожденную заново смелость; Эгерт ослабел от внезапной догадки, что сейчас испугается снова. И действительно — стоило подумать о страхе, как внутри живота его растеклась муторная слабость; надо было попросту протянуть руку и взять парня за шиворот — но рука взмокла и не желала подчиняться.

Великий Харс, помоги мне!

Весь дрожа от усилия, Солль потянулся-таки к загровку подмастерья. Схватил мокрой ладонью воротник куртки — и в ту же секунду парень, встряхнувшись, сбросил его руку.

Гварды молчали. Солль чувствовал, как наперегонки струятся по спине ручейки холодного пота.

— Жалко, — выдавил он через силу, — дурак он, пьяный, случайно...

Гварды переглянулись. Подмастерье между тем, желая не то опровергнуть слова Солля, не то попросту продолжить свои научные изыскания, неторопливо занес над лужей деревянный башмак...

Гварды вовремя отскочили, один Солль, будто прикованный к месту, принял на себя очередную, еще более обильную порцию жирной грязи. Портняжка покачнулся, с трудом удер-

жал равновесие, полюбовался результатом своего дела и, удовлетворенный, расплылся в улыбке.

— Убьет, — вполголоса заметил Дрон. — Проклятье...

Лицо Эгерта, уши его и шея пылали под слоем черной жижи. «Бей! — надрывался разум, опыт, весь здравый смысл. — Бей, проучи, пусть тебя отташат потом от бесчувственного тела, ну что же ты, Эгерт, это невыносимо, это конец, это конец всему, бей же!»

Гуарды молчали. Подмастерье пьяно улыбался.

Деревянной ладонью Эгерт взялся за эфес шпаги. «Не то! — закричал здравый смысл. — Куда ты тащишь шпагу на безоружного, на простолюдина?!»

Шпага на безоружного, шпага на безоружного...

Подмастерье занес ногу в третий раз, глядя теперь уже Эгерту прямо в глаза. Видимо, он был настолько пьян, что из всего происходящего вокруг выделял только приятный для него процесс — путешествие брызг на лицо и одежду некоего господина.

Подмастерье занес ногу в третий раз, но в этот момент не выдержали нервы у лейтенанта Дрона. С нечленораздельным рычанием он рванулся вперед, и кулак его врезался портняжке в подбородок. Без единого звука подмастерье, очень удивленный, опрокинулся назад — и так и остался лежать, посапывая.

Эгерт перевел дыхание. Он стоял, облитый грязью с головы до ног, и десять пар глаз потрясенно глядели, как эта грязь стекает по золотому галуну мундира.

Первым нарушил молчание Дрон.

— Ты бы его убил, Эгерт, — сказал он виновато. — Как тебя скрутило... Его, может быть, и стоило бы убить, но не здесь же, не сейчас... Надрался, дубина такая, что возьмешь — простолюдин... Эгерт, ты слышишь?

Солль стоял, глядя в лужу — как до этого подмастерье. Светлое небо, Дрон решил, что Эгерта парализовал приступ ярости!

Его тронули за мокрый рукав:

— Эгерт... Ну что тебя заклинило?! Не убивать же, Дрон прав... Если всех убивать, так и мастеровых не останется... Пойдем, Эгерт, а?

Оль и Бонифор уже переминались у дверей трактира, нетерпеливо оглядываясь на остальных; кто-то взял Солля под руку.

— Минутку, — уронил Карвер. На него удивленно оглянулись. — Минутку, — повторил тот громче. — Дрон и вы, господа... По-вашему, лейтенант Солль поступил правильно?

Кто-то фыркнул:

— Что за ерунда, что за речь перед строем, правильно-не-

правильно... Никак не поступил, и ладно, что дубина эта жива осталась...

— Неправильно, что озверел, — заметил Дрон примирительно. — Хватит, Карвер, пойдем...

Тут случилось странное. Проскользнув между гвардами, Карвер оказался вдруг прямо на том месте, где стоял до того поверженный портняжка. Несильно размахнувшись, Карвер ударил в лужу ботфортом.

Стало тихо, как в давно забытой могиле. По телу Солля прошла судорога; свежая грязь налипла на мундир, потеками заструилась по щеке со шрамом, сосульками склеила светлые волосы.

— А? — глупо спросил кто-то. — Аг-а?

— Эгерт, — сказал Карвер тихо. — Ты так и будешь стоять?

Голос его то приближался, то отдалялся — уши Солля будто заложило ватой.

— Он так и будет стоять, господа, — так же тихо пообещал Карвер и снова окатил Солля зловонной жижей.

В ту же минуту Карвера схватили с двух сторон Лаган и Дрон; тот не сопротивлялся и дал оттащить себя от лужи:

— Да не волнуйтесь так, господа... Посмотрите на Солля, он же не от ярости трясется... Он болен-таки, и болезнь его знаете, как называется?

Эгерт с трудом разлепил губы, чтобы выдать жалкое:

— Замолчи...

Карвер воодушевился:

— Вот-вот... Вы слепы, господа, прошу прощения, но вы слепы, как компания кротов...

И, пользуясь тем, что Лаган и Дрон растерянно выпустили его руки, Карвер поспешил к луже и, почти опорожня ее, снова окатил Солля.

Из окон и дверей «Верного меча» торчали, как грибы из лукошка, головы любопытных.

— Да он пьян! — панически выкрикнул Бонифор. — Гвард на гварда...

— Солль больше не гвард! — рявкнул Карвер. — Его честь замарана, как его мундир...

Тогда Эгерт поднял глаза и встретился с Карвером взглядом.

Он был невиданно наблюдателен, этот друг-вассал. Долгие годы вторых ролей научили его смотреть и выжидать. Теперь, примерившись, он угодил прямо в яблочко, он выиграл, он победил, и в уставленных на Солля жестких глазах Эгерта прочитал всю длинную историю их верной дружбы.

Ты всегда был храбрее меня, говорили глаза Карвера. Ты всегда был сильнее и удачливее, и разве я не расплачивался за это верностью и терпением? Вспомни, я сносил бестрепетно самые злые шутки; я сносил их по справедливости, я чуть ли

не радовался твоим насмешкам! Жизнь переменчива; теперь я храбрее тебя, Эгерт, и справедливо будет, если ты...

— Да ты рехнулся, Карвер! — выкрикнуло сразу несколько голосов.

...Справедливо будет, если ты, Солль, займешь то положение, к которому обязывает тебя твоя трусость...

— Это дуэль, Солль! — хрипло произнес Дрон. — Ты должен вызвать...

Эгерт увидел, как друг его мигнул; где-то по дну сознания Карвера пронеслась шальная мысль: что, если все-таки просчитался? Если вызовет? Если дуэль?

— Это дуэль, Солль... — носилось в воздухе вокруг Эгертовой головы. — Вызывай... Сейчас или завтра, как хочешь... На рассвете, у моста... Дуэль... Дуэль... Поединок...

И тогда Эгерт ощутил тот самый симптом страха, о котором умолчала в разговоре Фета; от каждого слова «дуэль» ему становилось все труднее и труднее.

Карвер увидел и понял, и глаза его, устремленные на Солля, полыхнули сознанием полной и окончательной опасности.

Дуэль... Дуэль... Поединок...

Где-то в глубине Эгертовой души метался прежний Солль, исходя бессильной яростью, приказывая немедленно выхватить шпагу и провести в грязи у ног Карвера черту... Но страх уже полностью подчинил себе бывшего лейтенанта, сломил его, парализовал и толкнул на самое постыдное для мужчины преступление: отказ от поединка.

Эгерт отступил на шаг; темное небо крутилось над его головой, как сумасшедшая карусель. Кто-то ахнул, кто-то предостерегающе закричал; и тогда лейтенант Эгерт Солль повернулся и побежал.

В тот же вечер, оставив в отчем доме облепленный грязью мундир и прихватив с собой только дорожный саквояж, гонимый невыносимым страхом и еще более тягостным стыдом, Эгерт покинул город.

ГЛАВА 3

За мутным окошком быстро вечерело. Дилижанс жалобно постанывал на ухабах; Эгерт сидел, забившись в угол, и безучастно смотрел на серую, однообразную, без усталости бегущую назад обочину.

Со дня, а вернее, с ночи его бегства из Каваррена прошло недели три; чувство окончания света и окончания жизни, овладевшее тогда Эгертом и бросившее его прочь из дома, из го-

рода, из мундира и собственной шкуры, — это ужасное, мучительное чувство теперь притупилось, и Солль просто сидел в пыльном углу дилижанса, подмостив руку под подбородок, глядя в окно и стараясь ни о чем не думать.

Саквояж его не поместился на багажной полке и теперь путался в ногах, мешая спрятать их под сиденье; все багажное отделение заполнено было узлами и корзинами, принадлежавшими странствующему торговцу. Сам торговец, желчный и жилистый старик, сидел теперь напротив; Эгерт прекрасно понимал, что имеет полное право потеснить его вещи ради собственного саквояжа, — но не решился сказать и слова в свою защиту.

Место рядом со стариком занимала хорошенькая, юная, несколько робкая особа — по-видимому, девица преждевременно вылетела из отчего гнезда, чтобы отправиться на поиски работы, мужа и приключений. Заинтересовавшись было Эгертом и не получив с его стороны ни малейшего ответа, бедняжка теперь обиженно водила пальчиком по стеклу.

Бок о бок с Соллем сидел унылый, неопределенных лет субъект с висящим, как капля, сизым носом и короткими, сплошь в чернилах пальцами. Эгерт про себя определил его как бродячего писца.

Плавнo покачивалась туша дилижанса; купец прикорнул, навалившись лицом на раму, девица безуспешно ловила назойливую муху, писец, не отрываясь, глядел в пространство, а Эгерт, у которого от неудобной позы ныла спина и затекали ноги, думал о прошлом и будущем.

Прожив двадцать лет в Каваррене и никогда не удаляясь от него на сколько-нибудь значительное расстояние, он получил теперь возможность увидеть мир — и эта возможность более пугала, нежели радовала. Мир оказался неуютным, бесформенным средоточением городишек, селений, постоянных дворов, дорог, по которым бродили люди — угрюмые, иногда опасные, чаще равнодушные, но неизменно неприятные Эгерту незнакомые люди. Солль чувствовал себя неухоженным, измученным, затравленным; сейчас, прикрыв глаза в мерно покачивающемся дилижансе, он в который раз отчаянно пожелал, чтобы все происходящее с ним оказалось дурацким сном. На какое-то мгновение он искренне поверил, что сейчас проснется в своей постели и, разлепив глаза, увидит кабанов на гобеленах, и позовет слугу, и умоется чистой водой над серебряным тазом, и будет прежним Эгертом Соллем, а не жалким трусливым бродягой; он так искренне в это поверил, что потрескавшиеся губы сами собой улыбнулись, а рука провела по щеке, будто прогоняя дремоту.

Пальцы его наткнулись на длинный рубец шрама. Эгерт вздрогнул и открыл глаза.

Торговец глухо похрапывал; девица поймала наконец муху

и, зажав насекомое в кулаке, с интересом прислушивалась к звукам, издаваемым несчастной пленницей.

Светлое небо! Вся жизнь Солля, вся счастливая и достойная жизнь его тысячей осколков летела в невообразимую пропасть, позади него оставались позор и боль, которые страшно было вспоминать; впереди его ждала серая, мутная, тошнотворная неизвестность, о которой страшно было помыслить. За что?!

Солль снова и снова задавал себе этот вопрос. В корне всех обрушившихся на него бед лежала трусость, внезапно проснувшаяся в душе храбреца; но как, почему, каким образом стало возможным такое перерождение? Откуда пришла болезнь?

Дуэль с незнакомцем. Эгерт то и дело возвращался к ней мысленно и всякий раз удивлялся: неужели одно поражение способно было так сломить его? Одно нелепое, случайное поражение, произошедшее без свидетелей...

Он изо всех сил сжал зубы и уставился в окно, за которым уже бесконечно долго тянулся сырой, темный лес.

Копыта лошадей выбивали ровный дорожный ритм; торговец проснулся и развернул узелок с ломтем хлеба и копченой куриной ногой. Эгерт отвернулся — он был голоден. Девушка уморила наконец муху и тоже потянулась за узелком, в котором оказались булочка и кусочек сыра.

Писец, по-видимому, раздумывал, не пора ли и ему поужинать, — когда в размеренном ритме лошадиных копыт появились вдруг лишние, фальшивые ноты.

Дилижанс дернуло — сначала вперед, потом как-то неуклюже вбок; неразборчиво, испуганно закричал возница на передке. Топот копыт послышался сзади и сбоку; торговец вдруг побледнел как мел, и рука его, сжимающая лоснящуюся от жира куриную ногу, крупно затряслась.

Девушка удивленно завертела головой; на губах у нее белели приставшие крошки. Писец икнул; Эгерт, ничего не понимая, но чуя недоброе, вжался лопатками в потертую обивку.

Впереди что-то грузно ударилось о дорогу; дилижанс резко сбавил ход, Эгерт едва не полетел вперед, на торговца.

— Осади! — зло выкрикнул мужской голос откуда-то сзади. — Осади, стой!

Истерически заржали сразу несколько лошадей.

— Светлое небо... — простонал торговец. — Нет... Нет!

— Что это? — тонко спросила девушка.

— Разбойники, — объяснил писец спокойно, как у себя в конторе.

Сердце Эгерта, несчастное боязливое сердце, одним судорожным движением прыгнуло вверх, к горлу, чтобы тут же провалиться вниз, к желудку. Он скорчился на сиденье и плотно зажмурил глаза.

Дилижанс качнулся и стал. Быстро и умоляюще забормо-

тал возница, потом вскрикнул и замолчал. Дверцу дилижанса рванули снаружи:

— Открывай!

Эгерта трянули за плечи:

— Молодой человек...

Он через силу открыл глаза и увидел над собой бледное лицо с огромными, часто моргающими глазами.

— Молодой человек... — прошептала девушка. — Скажите, что вы мой муж... Пожалуйста... Может быть...

И, повинаясь инстинкту слабого, который ищет защиты у сильного, она схватила Эгерта за руку — так утопающий хватается за трухлявое бревно. Взгляд ее полон был такой мольбы, такой истовой просьбы о помощи, что Эгерту стало горячо, как на раскаленной сковороде. Пальцы его зашарили на боку в поисках шпаги — но, едва коснувшись эфеса, отдернулись, будто обжегшись.

— Молодой человек...

Эгерт отвел глаза.

Дверцу дернули снова, кто-то снаружи выругался, свет в тусклом окошке закрыла чья-то тень:

— А ну, открывай!

От звука этого голоса Солля затрясло. Ужас накатывал волнами, и каждая новая волна перехлестывала другую; холодный пот струился по спине и по бокам.

— Надо открыть, — флегматично заметил писец.

Торговец по-прежнему сжимал в кулаке куриную ногу; глаза его выкатились на самый лоб.

Писец потянулся к дверной защелке; в этот самый момент девушка, отчаявшись найти помощь у молодого человека Эгерта, увидела вдруг темную пустоту под противоположным сиденьем.

— Минуточку, — примирительно говорил писец тем, кто ожидал снаружи, — защелку заело, минуточку...

Одним ловким движением девушка вкатилась под скамью, и облезлая ткань, покрывающая сиденье, полностью спрятала ее от взглядов снаружи.

Солль плохо помнил, что случилось потом.

Одурманенное страхом его сознание увидело вдруг лазейку, слабую надежду на спасение. Надежда эта была на самом деле мнимой — но затуманенный мозг Эгерта не понял этого, им овладело одно-единственное, огромное, на грани безумия желание: спрятаться!

Он тащил девушку из-под сиденья, как такса тащит из норы лису. Кажется, она отбивалась; кажется, она укусила его за локоть, изворачиваясь в руках, пытаясь заползти обратно, — но Солль был сильнее. Изнемогая от ужаса, он втиснулся под лавку сам, вжался в самую темную щель — и тут только осознал, что произошло.

Он не умер от позора только потому, что в этот самый момент распахнулась наконец дверца и новая волна страха лишила Солля способности соображать. Все пассажиры были выдворены из экипажа; сквозь черную пелену, застилавшую ему глаза, лежавший под сиденьем Эгерт увидел сначала огромные кованые сапоги со шпорами, потом волосатую, упиравшуюся в пол руку и, наконец, дыбом стоявшую черную бороду с двумя горевшими в ней глазами:

— Ха! И точно, вот он, птенчик!

В сознании Эгерта снова случился провал.

Кажется, он даже не сопротивлялся; его вытащили из экипажа, лошади испуганно поводили мордами, косясь на огромное дерево, лежавшее поперек дороги и преграждавшее путь. Кучеру с оплывшим, почти закрывшимся глазом связывали руки, и он услужливо подставлял их, жалобно улыбаясь. Из багажного отделения летели узлы и корзины торговца — несколько корзин, выпотрошенные, как заячьи тушки на базаре, валялись тут же.

Эгерта обыскиали — добычей послужили лишь фамильная шпага да золоченые пуговицы на куртке. У писца отобрали кошелек; торговец только трясся да всхлипывал, глядя, как взламываются замки на пузатых сундуках. Девушку держали за руки сразу двое; она вертела головой, переводя взгляд с одного на другого, и что-то просительно повторяла.

Разбойников было пять или шесть — Эгерт был не в состоянии запомнить ни одного лица. Закончив грабеж, они рассовали добычу по седельным сумкам и сгрудились вокруг дилижанса. Писца привязали к торговцу, возницу — к дереву, только Эгерта оставили свободным — но он и не мог бежать, ноги не служили.

Собравшись в кружок, разбойники по очереди совали руки в чью-то шапку — Эгерт с трудом сообразил, что кидают жребий. Чернобородый удовлетворенно кивнул; те двое, что держали девушку, выпустили ее локти — чернобородый по-хозяйски взял ее за плечо и повел к дилижансу.

Эгерт видел ее круглые глаза и дрожащие губы. Она шла, не сопротивляясь, только без усталости повторяя какую-то обращенную к мучителям мольбу. Чернобородый втолкнул ее в экипаж; остальные выжидательно расположились на траве. Дилижанс качнулся; заскрипели, мерно прогибаясь, рессоры, и приглушенно вскрикнул внутри тонкий голос.

Разбойники бросали жребий еще и еще. Эгерт потерял счет времени, сознание его раздвоилось: он то и дело кидался на разбойников, круша им ребра и ломая шеи — а потом понимал внезапно, что по-прежнему сидит на земле, вцепившись скрюченными пальцами в траву и мерно раскачиваясь взад-вперед, свободный — и связанный по рукам и ногам болезненным, воспаленным ужасом...

Потом он снова провалился, потерял память и способность соображать. По лицу его хлестали ветки — кажется, он все-таки бежал, только ноги, как в плохом сне, отказывали и подгибались. Сильнее боли и страха мучило в те минуты желание не быть — не быть, не родиться, потому что кто он теперь, светлое небо, кто же он после всего этого, и какое преступление ужаснее того, что уже совершило чудовище страха, поселившееся в нем против его воли, раздирающее его изнутри...

А еще потом наступила темнота, и все кончилось.

* * *

Старому отшельнику, который жил в землянке у ручья, уже случалось находить в лесу людей.

Однажды трескучим зимним утром он обнаружил в чаще девочку лет четырнадцати; белая и твердая, как статуя, она сидела, привалившись спиной к стволу, и сжимала в руках пустую корзину. Отшельнику так и не довелось узнать, кто она была и что привело ее навстречу гибели.

В другой раз он нашел в лесу девушку — окровавленную, покрытую синяками, одержимую бредом. Он принес ее в землянку — но на другой день пришлось похоронить и ее тоже.

Третьей находкой отшельника стал мужчина.

Это был красивый и сильный молодой человек; он оказался намного выше и тяжелее самого отшельника, и потому тащить его через лес было особенно трудно. Едва переводя дыхание, старик умыл его водой из ручья — тогда найденный застонал и открыл глаза.

Отшельник обрадовался — по крайней мере этого не придется хоронить! Он всплеснул руками и одобрительно замычал — с рождения лишенный дара речи, он только так и умел выражать свои чувства.

...По поверхности ручья стелились водяные травы. Темно-зеленые верхушки их пытались уплыть по течению, простираясь, будто в мольбе, — но корни, увязшие в темном земляном дне, удерживали их. Над ручьем висели стрекозы — грузные, глупые, перламутровые, как дамские украшения.

Эгерт Солль днями напролет просиживал над водой, глядя на стелющиеся стебли и на стрекоз. Иногда это зрелище разнообразилось — склонившись над темным зеркалом, Эгерт видел в нем худого бродягу со шрамом на щеке. Редкая рыжеватая щетина не могла скрыть отметины.

Отшельник казался совершенно безопасным существом — но Эгерту понадобилась целая неделя, чтобы научиться не вздрагивать при его приближении. Добросердечный старик соорудил для гостя постель из высушенной травы и честно

делил с ним трапезу — рыба да грибы, да невесть из чего выпеченные лепешки сменяли друг друга с завидным постоянством. Взамен от Эгерта требовалось немного — собрать хвороста на другом берегу ручья или поколоть заранее припасенные дрова; впрочем, почти сразу же стало ясно, что для Солля и это непосильный труд.

Через ручей вел хлипкий мостик — три не очень толстых ствола, кое-как связанных веревками. Сам ручей в этом месте был Эгерту по пояс, а мостик почти не возвышался над поверхностью воды — и все-таки Соллю было страшно довериться расползающимся бревнам вес своего тела.

Отшельник издали смотрел, как молодой и сильный мужчина безуспешно пытается преодолеть возникшее перед ним препятствие. Шаг по мосту, от силы два — и позорное бегство назад; стянув сапоги, Эгерт попробовал перейти ручеек вброд — и снова отступил, потому что от ледяной воды свело судорогой ноги. Никто так никогда и не узнал, что подумал тогда отшельник — ведь он был нем и привык держать при себе свои мысли.

На другой день Эгерт перебрался-таки через ручей. Он полз на четвереньках, мертвой хваткой цепляясь за бревна; только достигнув наконец твердой земли, бывший гвард — мокрый, дрожащий, с бешено колотящимся сердцем — решился открыть глаза.

От землянки за ним наблюдал старик, но у Эгерта уже не было сил, чтобы стыдиться. То был немой свидетель — такой же, как сосны, как небо, как ручей...

Колоть дрова Соллю так и не пришлось. Чурбан с воткнутым в него топором мгновенно напомнил о плахе, казни, смерти; широкое лезвие несло в себе боль, рассеченные мышцы, сухожилия, разрубленные кости, потоки крови. Ясно, будто воочию, Эгерт увидел, как, соскальзывая с чурбана, топор врежется в ногу, в колено, дробит, увечит, убивает...

Эгерт не смог взять в руки столь ужасное оружие. Впрочем, старик и не настаивал.

Так проходили дни за днями; сидя у воды, глядя на воду и на стрекоз, Эгерт снова и снова вспоминал все, что случилось с лейтенантом Соллем, превратив его из блестящего храбреца в жалкого трусливого бродягу.

Он и рад был бы не вспоминать. Он горячо завидовал отшельнику — тот мог, похоже, часами ни о чем не думать, и тогда на рябое, поросшее редкой бороденкой лицо его ложилась печать неземной беспечности и неземного же покоя. Эгерту такое счастье было недоступно, и стыд, раскаленный, как сковорода, порой заставлял его биться головой о землю.

Отшельник отходил прочь всякий раз, когда видел в глазах Эгерта тоску приближающегося приступа — приступа стыда и

отчаяния. Он отходил прочь и наблюдал за Соллем издали — внимательно и с непонятым выражением на рябом лице.

Солля мучили не только воспоминания — ему ведь сроду не приходилось спать на соломе, питаться сушеными грибами и обходиться без сменного белья. Эгерт исхудал и осунулся, глаза ввалились, красивые светлые волосы слиплись и спутались — не выдержав, он срезал однажды длинные пряди отшельниковым ножом. От непривычной пищи живот его ныл и жаловался; губы растрескались, лицо обветрилось, рубашку приходилось стирать в холодном ручье и тут же мыться — отшельник удивлялся, не понимая, зачем Соллю вообще нужны эти трудоемкие и неприятные процедуры.

Первые две недели были самыми трудными. С наступлением темноты, когда лес превращался в логово шорохов и теней, Эгерт, как маленький мальчик, забивался в землянку и с головой укутывался отшельниковой рогожей. Раз или два из чаши доносился длинный протяжный вой — тогда, заткнув уши ладонями, Солль мелко дрожал до самого рассвета.

Впрочем, выпадали тихие и ясные вечера, которые Эгерт отваживался коротать вместе с молчаливым отшельником у тусклого костерка на пороге землянки; в один из таких вечеров он поднял голову — и среди россыпи звезд увидел вдруг знакомое сочетание.

Он обрадовался и почти сразу же понял, что созвездие это повторяет рисунок родинок на шее некой женщины, женщины, которую Эгерт знал совсем недолго — но не забудет уже никогда, и тем хуже, потому что любое воспоминание, связанное с ее именем, мучит как память о несчастье...

Потом стало легче. Однажды Эгерт отправился за хворостом и у самого мостика вспомнил, что забыл веревку. Он вернулся к землянке — и, удивительное дело, сложный и мучительный процесс переправы прошел на этот раз легче обычного; во всяком случае, Эгерту показалось, что легче. В другой раз он уже специально вернулся от моста — и, будто получив дополнительный заряд храбрости, пробрался на тот берег, хоть и скрючившись, но почти не помогая себе руками.

С этого момента жизнь его стала проще, хотя и бесконечно усложнилась. Множество мелких, четко определенных и внешне бессмысленных действий защищали его от любой грозящей опасности: он уже не решался перейти шаткий мостик, не вернувшись перед этим к землянке, не коснувшись ладонью ствола усыхающего дерева на этом берегу и не сосчитав мысленно до двенадцати. Каждый вечер он бросал в ручей одну за другой три щепки — это должно было предохранить от ночных кошмаров. Понемногу преодолевая себя, он даже решился взяться за топор — и довольно удачно разбил несколько поленьев на глазах удивленного и обрадованного отшельника.

Однажды, когда Эгерт, по обыкновению, сидел над водой и в сотый раз спрашивал себя о причине случившейся с ним беды, отшельник, до того не досаждавший Соллю своим общением, подошел и положил ему руку на плечо.

Эгерт вздрогнул; отшельник ощутил, как напряглись его мышцы под изношенной рубашкой, — и в глазах старика Соллю померещилось сочувствие.

Эгерт нахмурился:

— Что?

Старик осторожно сел рядом и провел грязным пальцем по своей щеке — от виска до подбородка.

Солля передернуло; он невольно поднял руку к лицу и коснулся косого шрама на щеке.

Старик закивал, довольный, что его поняли; продолжая трясти головой, еще и еще тер свою кожу ногтем, пока на рябом лице его между редкими седыми шерстинками не проступила красная полоса — такая же, как Эгертов шрам.

— Ну и что? — спросил Солль глухо.

Отшельник посмотрел на Солля, потом на небо; нахмурился, потряс кулаком перед собственным носом, отшатнулся, закрыл глаза, снова чиркнул ногтем по щеке:

— М-м-м...

Солль молчал, не понимая; отшельник печально улыбнулся, виновато пожал плечами и вернулся к своей землянке.

Время от времени отшельник отправлялся куда-то на целый день и возвращался с корзинкой, полной снеди — простой и грубой, как показалось бы лейтенанту Соллю, и очень вкусной, с точки зрения бродяги Эгерта. По всей вероятности, старик наведывался куда-то, где жили люди, и люди эти были благосклонны к старому отшельнику.

В один прекрасный день Эгерт настолько собрался с духом, что попросил старика взять его с собой.

Шли долго. Отшельник вышагивал впереди, по невесть каким приметам выискивая едва заметную тропку, а Солль плотно прижимал мизинец левой руки к большому пальцу правой — ему казалось, что эта уловка спасет его от страха отстать и заблудиться.

В лесу царила осень — не очень ранняя, но и не успевшая еще постареть и озлиться. Солль осторожно ступал по желтым лоскуткам опавших листьев — ему казалось, что, потревоженные, на каждый его шаг они отзываются усталым вздохом. Деревья, окруженные безветрием, тяжело опускали к земле полуголые, расслабленные ветви; каждая складка на грубой коре напоминала Эгерту застарелый шрам. Прижимая мизинец левой руки к большому пальцу правой, он шел вслед за

немым поводом — и ничуть не обрадовался, когда лес наконец закончился и прямо на опушке его обнаружился хуторок.

Где-то за заборами раскатился многоголосый собачий лай; Эгерт встал как вкопанный. Отшельник обернулся и замычал, подбадривая. От ближайших ворот уже неслись, подпрыгивая, двое мальчишек-подростков — при виде их Эгерт непроизвольно схватил отшельника за плечо.

Шагах в десяти мальчишки замерли, переводя дыхание, разинув рты и глаза; наконец тот, что был постарше, радостно завопил:

— Гляди! Старый Орешек какого-то Найду подобрал!

Хуторок был небольшой и заброшенный — два десятка дворов, башенка с солнечными часами да дом местной колдуньи на отшибе. Жизнь здесь текла лениво и размеренно; появлению Эгерта никто, кроме детишек, особенно не удивился — подобрал Орешек какого-то Найду со шрамом; и хорошо, и ладно... На предложение наняться на работу и перезимовать на хуторе Эгерт только хмуро покачал головой. Зимовать в тепле? А зачем? Искать человеческого общества? Может быть, еще и вернуться домой, в Каваррен, где отец и мать, где комната с камином и гобеленами?

Светлое небо, после всего, что он, Эгерт, совершил, нет у него дома. Нет у него ни отца, ни матери, самое время оплакать лейтенанта Солля, вместо которого в этот мир явился Найда со шрамом.

Зима обернулась одним долгим бредом.

С детства закаленный, Эгерт, однако, простудился с наступлением первых же холодов, и на протяжении всей зимы старый отшельник не раз и не два сокрушался — как трудно долбить в мерзлой земле могилу.

Солль метался на соломе, задыхаясь и кашляя. Старик оказался скорее фаталистом, нежели врачом — он укутывал Эгерта рогожей и поил настоем трав, а убедившись, что больной успокоился и заснул, шел с лопатой в лес, справедливо полагая, что если долбить землю понемногу, то к нужному моменту яма достигнет как раз необходимой глубины.

Эгерт не знал этого. Открывая глаза, он видел над собой то заботливое рябое лицо, то темные потолочные бревна, испещренные узорами жуков-древоточцев; однажды, очнувшись, он увидел Торию.

«Почему ты здесь?» — захотелось ему спросить. Язык не слушался, но он все-таки спросил — не разжимая губ, немо, как отшельник.

Но она не ответила — сидела, нахохлившись, склонив голову к плечу, как скорбная каменная птица на чьей-то могиле.

«Почему ты здесь?» — снова спросил Эгерт.

Она пошевелилась:
«А ты почему здесь?»

Жарко, жарко, больно, будто в каждый глаз засадили по факелу...

Приходила и мать. Эгерт чувствовал на лбу ее руку, но не мог разлепить веки — мешали боль да еще страх, что он не узнает ее, не вспомнит ее лица...

Отшельник качал головой и брел в лес, взяв под мышку лопату.

Однако случилось так, что морозы сменились теплом, а Эгерт Солль был все еще жив. В один прекрасный день слабый, как весенняя муха, он без посторонней помощи выбрался на порог землянки и поднял к солнцу лицо, на котором оставались только глаза и шрам.

Отшельник выждал еще несколько дней, а потом, вздыхая и утирая пот, засыпал землей пустую могилу, которая стояла ему столько трудов.

...Старая колдунья жила на отшибе. Эгерт украдкой начертил на дороге круг, прижал мизинец левой руки к большому пальцу правой и постучал в ворота.

Он готовился к этому визиту не день и не два; не раз и не два отшельник пытался что-то втолковать ему, тыча пальцем в шрам. Наконец, собравшись с духом, Солль отправился на хутор самостоятельно — именно затем, чтобы навестить колдунью.

Во дворе было тихо — наверное, старуха не держала собак. Весенний ветер медленно поворачивал над крышей громоздкий флюгер — осмоленное колесо с приколоченными к нему сморщенными тряпицами, в которых Эгерт, присмотревшись, узнал лягушачьи шкурки.

Наконец послышались шаркающие шаги. Эгерт вздрогнул, но стиснул зубы и остался стоять. Калитка со скрипом приоткрылась; на Эгерта уставился выпуклый, голубой, как стеклянный шарик, глаз:

— А-а, Найда со шрамом...

Калитка открылась шире, и, преодолевая робость, Эгерт шагнул во двор.

У забора стояла крытая соломой конура; на цепи возле нее — Эгерт отшатнулся — восседал деревянный, облитый смолой зверь с кривыми гвоздями в приоткрытой пасти. На месте глаз были черные дыры; проходя мимо, Солль покрылся потом, потому что ему померещился скрытый в дырах внимательный взгляд.

— Заходи...

Эгерт вошел в дом, тесный от множества ненужных, бро-

шенных как попало вещей, темный и таинственный дом, где стены в два слоя увешаны были сушеными травами.

— С чем пришел, Найда?

Старуха глядела на него одним круглым глазом — другой был закрыт, и веко приросло к щеке. Эгерт знал, что старуха никому не делает зла — наоборот, в селе ее любят за редкостное умение врачевать. Он знал это — и все равно дрожал под пристальным неподвижным взглядом.

— С чем пришел? — повторила колдунья.

— Спросить хочу, — выдавил Эгерт через силу.

Глаз мигнул:

— Судьба твоя кривая...

— Да.

Старуха в задумчивости потеряла курносый, как у девочки, нос:

— Посмотрим... Дай-ка поглядеть на тебя...

Небрежно протянув руку, она взяла с полки толстую витую свечу, зажгла ее, потерев фитилек пальцами, и, хоть был светлый день, поднесла пламя свечки к самому Эгертовому лицу.

Эгерт напрягся; ему показалось, что от пламени исходит не тепло, а холод.

— Большая ты птица, — сказала старуха в задумчивости. — Эко тебя перекорежило... Эгерт...

Солль вздрогнул.

— Шрам твой, — продолжала старуха, будто беседуя сама с собой, — метка... Кто ж метит так...

Она приблизила глаз к самому Эгертову лицу — и вдруг отшатнулась; голубой глаз едва не вылез из орбиты:

— Лягуха-засветница, лягуха-заставница, лягуха-заступница... Уходи. Уходи.

И, с неожиданной силой схватив обомлевшего Солля за плечи, вытолкала его прочь:

— Прочь... Уходи, не оборачивайся... Не мне пред ним стать, не мне с ним тягаться...

Не успев опомниться, Эгерт оказался уже у калитки. Прижался спиной к забору:

— Бабушка... Не гони... Я...

— Собаку спущу! — рявкнула колдунья, и — светлое небо! — деревянный зверь медленно повернул осмоленную морду.

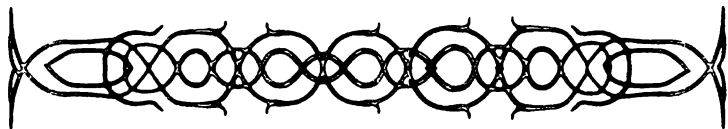
Эгерт пробкой вылетел за калитку. Он бежал бы без оглядки и дальше — но подломились ослабевшие колени, и Солль мешком грохнулся в дорожную пыль.

— Что же мне делать?! — устало прошептал он, обращаясь к мертвому жуку на обочине.

Калитка снова скрипнула, приотворяясь:

— Ищи большого колдуна... Большого... А на хутор не ходи больше, живым не уйдешь...

И грохнула, захлопываясь, калитка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТОРИЯ

ГЛАВА 4

ва косых солнечных луча падали из витражных окон, заливая каменный пол веселым пестрым светом; от этого строгий, мрачноватый мир библиотеки преображался на глазах. Из-за толстой стены ровно доносился гул голосов — в Большом Актovém зале вот-вот должна была начаться лекция господина ректора.

Третье окно — на площадь — впервые с самой зимы широко и радостно распахнуло обе створки, и с площади слышался далеко не такой чинный, но куда более жизнерадостный шум — песни и выкрики, стук копыт и колес, хохот, звон жести и лошадиное ржание.

Работа близилась к концу — длинный список испещрен был крестиками, а столик-тележка страдальчески прогибался под непосильным грузом отобранных с полок фолиантов. Тория привычно поставила ногу на стремянку — но подниматься не стала, а вместо этого вдруг закрыла глаза и ткнулась лицом в теплое, отполированное ладонями дерево.

Снова весна. Снова распахнуто окно на площадь, и терпкий, так любимый ею запах старинных книг смешивается с запахом разогретой солнцем пыли, травы и навоза. Скоро прогреется река и на острове зацветет земляника... Странно и удивительно, но ей так хочется поваляться в траве. Полежать, ощущая щекой примятые стебли и бездумно глядя, как пчела заползает в бархатное нутро цветка. Последить глазами за муравьем, пролагающим путь по стволу...

А Динара нет. Его нет на земле уже год. Над Динаром бродят в траве муравьи... Здесь громоздятся фолианты, за окном светит солнце, а у реки переключаются лодочки — но Динара нет нигде, потому что та глубокая, черная дыра в земле, которую она помнит сквозь пелену ужаса и неверия, яма, в которую чужие люди опустили деревянный ящик, — это разве

Динар?! Нет, никогда она не пойдет на его могилу, там нет его, тот человек, которого закопали, — не он...

Тория прерывисто вздохнула и открыла глаза. Цветные солнечные пятна передвинулись ближе к стене; в уголке одного из них сидел залитый светом и от этого пестрый и пятнистый, как паяц, белый кот — хранитель библиотеки от крыс и мышей. Два круглых желтых глаза глядели на Торию с укоризной.

Она через силу улыбнулась. Проверила, устойчиво ли стоит стремянка, подобрала подол темной юбки и уверенно, как уже тысячи раз, двинулась по ступенькам вверх.

Тупой несильной болью отозвалось левое колено — неделю назад Тория оступилась на лестнице и упала, сбив ногу и разорвав чулок. Чулок потом заштопала старушка-горничная, что приходила убирать во флигеле дважды в неделю; оставшись с Торией наедине, добрая женщина обычно принималась вздыхать и разводить руками: как же, деточка, такая красавица — и уж больше года в одном только платье... Хотя на пару шелковых чулок деньги-то можно сыскать... Да шляпку, да башмачки... Красота без обновки — что камушек без оправы...

Тория усмехнулась и облизала губы. На нижней губе выдавался твердый рубец — тогда, год назад, она прокусила кожу до крови...

Гул голосов за стеной стих — верно, господин ректор поднялся на кафедру. Сегодня он поведает господам студентам о замечательных явлениях, происходящих, по мнению ученых, на краю мира, у самой Двери мироздания.

Тория снова усмехнулась про себя. Никому не дано знать, что на самом деле происходит у Двери. Отец говорит: «Кто был на пороге — не расскажет нам...»

Вот и последняя полка; над головой Тории тяжело колыхались полотнища запыленной паутины. Паукам позволено жить под самым потолком — отец шутит, что после смерти он станет пауком и будет хранить библиотеку...

Тория бестрепетно глянула вниз — она нисколько не боялась высоты и не чувствовала ни волнения, ни восторга. Потянулась рукой к ряду позолоченных корешков — но, передумав, отвернулась от полки.

Здесь, под потолком, помещалось круглое окошко, позволяющее заглянуть из библиотеки в Актовый зал. Когда-то Тория забиралась сюда, чтобы среди множества склоненных голов найти одну, темную, взъерошенную, трогательно серьезную... Это была игра — Динар должен был почувствовать ее взгляд и поднять глаза.

Тория поймала себя на том, что мысль о Динаре не вызывает больше приступа острой, мучительной тоски. Она вспоминала его с грустью — но уже без той боли, которой так долго полны были дни, и ночи, и снова дни...

Отец говорил, что так будет. Она не верила, не могла поверить — но отец снова оказался прав. Как всегда...

Вспомнив об отце, она опять обернулась к книгам.

Вот он, массивный том в простом черном переплете. Корешок кажется теплым; тускло отсвечивают тисненные серебром буквы: «О прорицаниях».

У Тории мурашки забегали по коже — эта книга существует в одном только экземпляре. Много веков назад великий маг посвятил ей целую жизнь; теперь она, Тория, возьмет книгу в руки и отнесет отцу — тот напишет новую главу своего труда, а спустя много веков кто-то вот так же, с трепетом возьмет с полки отцову книгу и узнает, чему посвящена была жизнь де-кана Луаяна...

Осторожно спустившись, Тория поставила последний крестик в своем списке; история прорицаний водворена была на столик-тележку.

Итак, на сегодня работа закончена; в окно ворвался свежий ветер, потревожив книжную пыль и заставив трижды чихнуть кота-хранителя. Тория рассеянно убрала упавшую на лоб прядь и выглянула на площадь.

Ее ослепил горячий солнечный свет и оглушил многоголосый гомон; площадь вертелась, как разукрашенная лентами карусель. Что-то выкрикивали увешанные лотками торговцы; покачивались пестрые зонтики прогуливавшихся дам, расхаживал патруль — офицер в красном с белыми полосками мундире нарочито сурово хмурил выстриженные по традиции брови, но то и дело, не удержавшись, оглядывался на какую-нибудь особенно хорошенькую цветочницу. Уличные мальчишки шныряли под ногами гулявших, торговавших, спешивших по своим делам — а над толпой величественно, как парусники, проплывали пышные, несомые лакеями паланкины.

Здание суда, приземистое и некрасивое, казалось в солнечных лучах старой добродушной жабой, выбравшейся на свет и гревшей на припеке морщинистые бока; Тория привычно скользнула взглядом по круглой тумбе перед железными дверями суда. На дверях были вычеканены два грозных слова: «Бойся правосудия!», а на тумбе помещалась небольшая виселица с тряпичной куклой в петле.

Рядом со зданием суда высилась башня с зарешеченными окнами; у входа в нее дремали стражники, а чуть поодаль чинно беседовали трое в серых плащах с капюшонами — слугители Священного Привидения Лаш; небо висело над площадью, подобно огромному голубому парусу.

Тория блаженно вздохнула — солнце лежало у нее на лице, как теплые ладони. Кот вскочил на подоконник и уселся рядом, Тория уронила руку ему на загривок — и вдруг ощутила ни с чем не сравнимое чувство своей породненности и с этой

площадью, и с этим городом, с книгами, с котом, с университетом... И тогда она счастливо улыбнулась — едва ли не впервые за прошедший черный год.

А толпа галдела, толпа вертелась, как пестрое варево в котле, и взгляд Тории беспечно скользил по шляпам и зонтикам, мундирам, букетам, лоткам с пирогами, по чумазым и напомаженным лицам, кружевам, заплатам, шпорам — когда в этой возбужденной круговерти вниманием ее завладел один чрезвычайно странный человек.

Тория прищурилась; человек то и дело скрывался от нее в толчее, но это не помешало ей уже издали подметить некую несообразность в его поведении. Он, казалось, не по людной площади шел — а пробирался по кочкам в зыбучей трясине.

Удивленная Тория вглядывалась все внимательнее. Человек двигался по сложному, заранее определенному маршруту; вот, добравшись до фонарного столба, он вцепился в него руками и некоторое время стоял, опустив голову, будто отдыхая. Потом, определив, по-видимому, следующую вешку в своем нелегком пути, медленно, будто через силу, двинулся дальше.

Происходящее вокруг, казалось, совсем не интересовало его, а ведь, судя по всему, он вовсе не был бывалым горожанином, скорее наоборот — изрядно пообносившийся на деревенских дорогах бродяга. Один вид красно-белого патруля со шпагами и шпорами заставил его шарахнуться так, что продавец печеных яблок едва не оказался опрокинутым на землю. Послышались крики и ругань; странный бродяга снова шарахнулся — в противоположную сторону.

Как ни сложен, изломан и извилист оказался путь наблюдаемого Торией человека — но целью его был, похоже, университет. Медленно, но неуклонно незнакомец подходил все ближе и ближе; она сумела наконец разглядеть его лицо.

Тяжело, сильно ударило сердце, приостановилось было — и снова забилось, глухо, будто обернутый в тряпку молот по деревянной наковальне. Тория еще не успела понять, в чем дело, а теплый день уже отдавал тянущим, промозглым холодом.

Лицо странного человека было знакомо ей — во всяком случае, так показалось в первую секунду. Уже в следующее мгновение, привычно закусив рубец на нижней губе, она мысленно сказала себе: не он.

Не он; у ТОГО не было никакого шрама на щеке, а главное — глаза ТОГО никогда не вместили бы такой тоски и затравленности. Не он: ЭТОТ грязный, неухоженный, истощенный, в то время как ТОТ лоснился довольством и достатком, прямо лопался от сознания собственной красоты и неотразимости и был-таки красив — Тория с отвращением скривила губы, — да, красив, в то время как ЭТОТ...

Бродяга подошел совсем близко, весенний ветер трепал

его спутанные светлые волосы. Нерешительно, напряженно стоял он перед зданием университета, будто не решаясь приблизиться к двери.

Не он, сказала себе Тория. Не он, повторила ожесточеннее, но сердце билось все так же ускоренно и глухо. Исхудавшее, болезненное лицо с ужасным шрамом во всю щеку, неуверенность в каждом движении, грязные лохмотья...

Тория подалась вперед, глядя на незнакомца — пристально, будто желая разять его одним только взглядом. И незнакомец почувствовал этот взгляд. Он вздрогнул и поднял голову.

Стоящий под окном был Эгерт Солль — в мгновение ока у Тории не осталось никаких сомнений. Пальцы ее сами собой вцепились в подоконник, загоня под ногти занозы и не чувствуя боли; тот, кто стоял внизу, мертвенно побледнел под слоем пыли и сагара.

Казалось, ничего более ужасного не могло явиться его глазам — вид молодой девушки в высоком окне заставил его задрожать так, будто прямо перед ним разверзлась пропасть и оттуда, истекая желчью, высунула рыло праматерь всех чудовищ. На несколько секунд замерев, будто пригвожденный к месту, он вдруг повернулся и бросился прочь — в толпе закричали потревоженные цветочницы. Миг — и его уже не было на площади, которая все так же празднично вертелась каруселью...

Тория долго стояла у окна, бездумно сунув в рот оцарапанный палец. Потом, позабыв о груженной книгами тележке, повернулась и медленно вышла прочь из библиотеки.

Эгерт вошел в город на рассвете, едва поднялись городские ворота. Защитные ритуалы, придуманные им в изобилии, кое-как помогали справляться со страхом — крепко сжав в кулаке уцелевшую пуговицу рубашки, он намечал себе путь заранее, двигался от вехи к вехе, от маяка к маяку; путь его при этом значительно удлинялся, но зато в душе укреплялась надежда, что таким образом удастся избежать опасности.

Каваррен, огромный блестящий Каваррен оказался на поверку просто крошечным и тихим провинциальным городишкой — Эгерт понял это, блуждая теперь шумными, тесными от людей и повозок улицами. От обилия народа у Солля, долгое время жившего в уединении, начала кружиться голова; то и дело приходилось прислоняться к стене или столбу и отдыхать, зажмурив воспаленные глаза.

Отшельник проводил его наилучшим образом, дав в дорогу сыра и лепешек. Путь в город оказался долгим, полным тревоги и страха; лепешки кончились позавчера, и Эгерта мутило еще и от голода.

Целью мучительных странствий был университет: Соллю

сказали, что там он сможет встретиться с настоящим большим магом. К несчастью, имени его или звания Эгерту так и не удалось узнать. Сердобольные прохожие, которым Солль решился задать вопрос, в один голос отправляли его на главную площадь — там, дескать, и университет, и еще много всяких диковин, страннику будет интересно... Сжимая пуговицу и двигаясь от вежи к веже, Эгерт шел дальше.

Главная площадь показалась ему кипящим котлом; изо всех сил борясь с головокружением, Эгерт пробирался сквозь толпу, и в глаза ему лезли отдельные, оторванные от прочего детали: огромный, перепачканный кремом рот... оброненная подкова... выпученный глаз лошади... чахлый кустик травы в щели между булыжниками... Потом он едва не налетел на круглую черную тумбу, поднял голову и, к ужасу своему, обнаружил, что стоит под миниатюрной виселицей, и казенная кукла равнодушно глядит на него стеклянными глазами.

Отшатнувшись, он едва не столкнулся с человеком в сером плаще — тот удивленно обернулся, но лица, скрытого капюшоном, Эгерт так и не смог разглядеть. Снова дорога сквозь толпу; на этот раз извилистый путь от вежи к веже вывел Эгерта на патруль — пятеро вооруженных, в красно-белом одеянии, хмурых и грозных людей только и ждали, какого бы бродягу схватить. Солль, перед глазами которого моментально возникли тюрьма, кнут и каторга, метнулся прочь.

Пятеро или шестеро мужчин в серых плащах с капюшонами стояли кружком, о чем-то беседуя; Солль успел заметить, что толпа расступалась вокруг, подобно бурлившей реке, огибавшей скалистый остров. Лица плащеносцев терялись в тени капюшонов, и это придавало серым фигурам несколько зловещий вид; Эгерт испугался даже сильнее, нежели при виде патруля, и постарался обойти беседовавшую группку десятой дорогой.

Вот наконец и здание университета. Эгерт остановился, переводя дыхание; у входа в храм науки застыли в величественных позах железная змея и деревянная обезьяна. Эгерт удивился — он не знал, что сии изваяния символизировали мудрость и стремление к познанию.

Надо было просто подняться по ступенькам и взяться за медную, отполированную до блеска ручку двери — но Солль стоял, не в силах сделать и шага. Здание подавляло его своим величием; там, за дверью, скрывалась тайна, там поджидал Эгерта «большой колдун», великий маг, и кто знает, что сулит несчастному бродяге предстоящая встреча... Мелькнула в голове слышанная когда-то фраза о том, что всех студентов оскопляли во славу науки; обомлевшему Соллю показалось, что железная змея смотрела пронзительно и зло, а обезьяна издевательски скалилась.

Залитый липким потом, Эгерт все еще топтался на месте, когда новое, тревожащее чувство заставило его вздрогнуть и поднять голову.

Из высокого, распахнутого настежь окна на Солля неотрывно, пристально глядела бледная темноволосая женщина.

...Он несся сквозь толпу, оглушаемый руганью, опрокидывая лотки, ловя на ходу раздраженные тычки. Он бежал прочь от площади, от университета с распахнутым окном, где все еще белеет, будто призрак, лицо Тории, невесты когда-то убитого им студента. Прочь. Это дурное, несчастное предзнаменование; он не должен был являться в город, теперь ему следует как можно скорее добраться до ворот, вырваться из сети узких, извилистых, переполненных людом улиц...

Но мир большого города, равнодушный, сытый, лениво-праздничный, уже завладел Соллем как своей законной жертвой. Эгерту казалось, что, подобно огромному желудку, город понемногу переваривал его, желая полностью растворить, уничтожить, впитать в себя.

— Ты, бродяга, посторонись!

Прогрохотали огромные колеса по булыжной мостовой; в бархатной полутьме кареты над Эгертом проплыло чье-то надменное лицо, и, опустив глаза, он увидел в колее расплющенного в лепешку перламутрового жука.

— Ты, бродяга, с дороги, с дороги!

Звонко перекликались из окон хозяйки, и на мостовую время от времени обрушивался водопад помоев — тогда переключка сменялась перебранкой.

Надрывались торговцы:

— А вот гребешки, гребешки костяные, черепаховые! А вот чудо-снадобье: намажешь макушку — волосы вырастут, намажешь подмышку — волосы выпадут!

— Цирюльня! Банки, пивавки, кровопускания! Бороды бре-ем, бреем!

Стайка уличных мальчишек дразнила благопристойного, одетого с иголочки паренька; вдоль стен изваяниями застыли нищие — ветер играл бахромой их лохмотьев, неподвижные протянутые ладони казались темными листьями диковинного кустарника. Пронзительное «По-дай... по-дай...» стояло над улицей, хотя запекшиеся губы попрошаек почти не двигались, только глаза тоскливо и в то же время алчно ловили взгляды прохожих: «По-дай... по-дай...»

Прочь, прочь, к воротам. Эгерт свернул на знакомую, казалось, улицу — она предала его, выведя к прямому, одетому камнем каналу. От зеленой воды поднимался запах плесени. Над каналом выгибался дугой широкий мостик — Эгерт не

помнил этого места, он никогда не бывал здесь, он окончательно заблудился.

Тогда он решился спросить дорогу; первая же особа, к которой он отважился обратиться — степенная, добродушная хозяйка в крахмальном чепце, — с удовольствием и подробно описала ему путь к городским воротам. Следуя ее указаниям, он миновал две или три улочки, старательно обошел людный перекресток, свернул, где было велено, — и неожиданно вышел все к тому же горбату мостику через канал. По затхлой воде сновали водомерки.

Помянув недобрым словом женщину в крахмальном чепце, Эгерт снова собрался с мужеством и попросил о помощи тощую, бедно одетую девушку-служанку. Та вспыхнула, и по тайной радости в ее скромно опущенных глазенках Солль понял вдруг, что для этого несчастного создания он вовсе не грязный оборванец, а видный молодой человек, красавец и возможный кавалер. Осознание этого почему-то доставило Эгерту не радость, а боль; девушка тем временем серьезно и старательно растолковала ему, как пройти к воротам, и пояснения ее были прямо противоположны наставлениям хозяйки в чепце.

Наспех поблагодарив несколько разочарованную служанку, Эгерт снова пустился в дорогу. Напряженно оглядываясь, он шел мимо лавочек и харчевен, мимо аптеки с живыми пиявками в бутылках и снадобьями в пузырьках, мимо пуговичной мастерской, с витрины которой пялились, как глаза, сотни серебряных, перламутровых, костяных кругляшков... Темный переулок с нависшими над ним глухими стенами домов оказался вотчиной своден — в полумраке то одно, то другое сладкоглазое лицо приближалось к Эгерту и, безошибочно определив в нем голодранца, а не возможного клиента, равнодушно отворачивалось. В руках своден страстно, как живые, трепетали шелковые чулочные подвязки, призванные, по-видимому, олицетворять любовный пыл.

Переулок вывел Солля на круглую площадь; в центре ее помещалась статуя на невысоком постаменте. Голова изваяния покрыта была каменным капюшоном. Вспомнив людей в сером, напугавших его на площади, Эгерт не сразу решился подойти поближе и прочитать надпись, высеченную на камне: «Священное Привидение Лаш».

С детства слышавший о Священном Привидении, он, однако, представлял его несколько иначе, величественнее, что ли; впрочем, сейчас ему было не до размышлений. Сделав глубокий вдох, он снова спросил дорогу — на этот раз у юного и кроткого с виду торговца лимонадом. По словам паренька, до городских ворот рукой было подать; воодушевленный, Эгерт двинулся вперед по широкой, не слишком людной улице, ми-

новал дом костоправа с приколоченным к дверям внушительных размеров костылем, дом лошадиного лекаря с тремя конскими хвостами на вывеске, пекарню — и, обомлев, вышел все к тому же горбатому мостику над затхлым каналом.

Казалось, неведомая сила твердо решила не выпускать Солля из замкнутого круга. Обессиленный, он прислонился к широким каменным перилам; где-то над его головой звонко ударился о стену ставень и распахнулось окно. Эгерт посмотрел вверх.

В маленьком темном окошке стояла девушка. У Солля потемнело в глазах — бледные, будто выточенные из мрамора щеки, темные волосы, созвездие родинок на шее... Он отшатнулся — и в следующую секунду понял, что это не Тория, что у этой, равнодушно глазевшей сейчас из окна, лицо круглое и рябое, а волосы цвета прелой соломы...

Он повернулся и с трудом побрел прочь; на перекрестке спросил дорогу по очереди у двух прохожих — приветливо и доброжелательно ему указали прямо противоположные направления.

Стиснув зубы, он двинулся вперед, полагаясь только на чутье да на удачу; пройдя несколько кварталов, он с беспокойством заметил вдруг пару уличных мальчишек, следовавших за ним неотвязно, хотя и на почтительном расстоянии.

Он оглядывался все чаще и чаще; лица мальчишек, чумазые и деловитые, мелькали в толпе все ближе и ближе. Внутренне сжавшись, Эгерт свернул раз, потом еще и еще — мальчишки не отставали, их становилось все больше, замурзанные рты широко и нагло ухмылялись. Теперь за Соллем следовала радостно возбужденная орава.

Эгерт ускорял и ускорял шаг — привычный уже страх нарастал, холодными клещами сжимал горло, набивал ватой непослушные ноги. Солль все острее ощущал себя жертвой — и чувство это будто передавалось малолетним преследователям, побуждая их к травле.

И травля началась.

Солль не удивился, когда в лопатку ему ударил первый камень — наоборот, ему даже стало легче, что удара больше не надо ждать, потому что он уже нанесен... Но за первым ударом последовали второй и третий.

— Улю-лю! — радостно разнеслось по улице. Прохожие недовольно оглядывались — и шли по своим делам.

— Улю-лю... Дядюшка, дай табачку на понюшку... Дядюшка, оглянись!

Эгерт почти бежал. Попросту кинуться наутек ему не позволяли остатки гордости.

— Дядюшка, на штанах-то дыра! Оглянись!

Несколько мелких камушков метко клюнули его в ногу, в

спину, в затылок. Минута — и преследователи настигли его, чья-то грязная рука дернула за рукав так, что затрещали ветхие нитки:

— Эй, ты! Не тебе говорят, что ли!

Эгерт остановился. Его окружили кольцом, здесь были и восьмилетние малыши, и ребята постарше, и пара-тройка подростков лет четырнадцати. Показывая дыры на месте выбитых зубов, вытирая сопли рукавами, поблескивая недобрыми, сузившимися в щелку глазами, орава охотников наслаждалась замешательством Солля — тем более сладостным, что самый старший из ловцов едва доходил жертве до подмышки:

— Дя-а-дюшка... Купи калачик... Подари денежку, а?

Сзади вонзилось острое — не то булавка, не то игла; Солль дернулся — орава зашлась радостным смехом:

— Гляди... Гляди, как запрывгал!

Кольнули еще; от боли у Эгерта навернулись слезы на глазах.

Взрослый, сильный мужчина стоял в кольце мальчишек, маленьких и слабых, но упивавшихся чувством собственной безнаказанности. Кто знает как, но маленькие бестии безошибочно разоблачили в Солле труса, гонимого, жертву — и вдохновенно исполняли неписанный закон, по которому каждой жертве положен и палач:

— Давай еще... Попляши... Потешный дядька... Эй, куда?!

Очередной укол булавкой оказался невыносимым. Эгерт ринулся напролом, сбив кого-то с ног; вслед ему неслись камни, комья грязи, улюлюканье:

— Держи! А-та-та! Держи, держи!

Длинноногий Солль бегал, конечно, быстрее самого наглого мальчишки в городе — но улица все время петляла, оборачивалась тупиками, кишела подворотнями; преследователи бросались Соллю наперерез, выныривая из только им известных ходов, кидаясь камнями и грязью, беспрестанно вопя, вереща и улюлюкая. В какой-то момент Эгерту показалось, что все это происходило не с ним, что он смотрел сквозь толстое мутное стекло чужой, отвратительный сон — но камень больно ударил в колено, и на смену этой отстраненности вдруг нахлынуло другое, горькое, всепобеждающее чувство — так и надо, это теперь его жизнь, его судьба, его суть...

Потом он оторвался от погони.

Были какие-то трущобы; была сморщенная, беззубая старуха с огромной табакеркой у самого носа, указывавшая кривым пальцем куда-то в лабиринт грязных улочек; была тупая, равнодушная усталость, страх, тоже притупившийся, и мгновенная радость при виде площади и городских ворот...

Ворота закрывались.

Створки медленно ползли навстречу друг другу — и вот

уже было видно, что снизу на них налегали стражники, красные от натуги, по трое на каждую створку. В сужавшемся проеме виднелись лоскут неба и лоскут дороги.

Что же это, подумал Эгерт.

Из последних сил он побежал через площадь, а проем все сужался, и вот створки с грохотом сомкнулись, зазвенела цепь, натягиваясь в стальных кольцах, и торжественно, как флаг, на цепи поднялся огромный черный замок.

Солль стоял перед великолепием стальных ворот, изукрашенных коваными фигурами драконов и змей. Обернутые к нему чеканные морды смотрели мрачно и безучастно; только сейчас Эгерт понял, что подступали сумерки, что близилась ночь, что ворота по обычаю будут закрыты до утра.

— Эй, парень! — строгий окрик заставил его привычно съехиться. — Чего надо?

— Мне... выйти, — пробормотал он с трудом.

— Чего?

— Пройти... выйти... из города...

Стражник — потный, толстощекий, но не злой с виду человек — усмехнулся:

— Утром, дружок... Припоздал ты, бывает... Хотя, если разобраться, что за удовольствие тебе в ночь идти? Не ровен час... Так что, дорогуша, солнышка дождись — на рассвете и откроем...

Не говоря больше ни слова, Эгерт отошел. Ему сделалось все равно.

Утром ворота заклинит, или солнце не взойдет, или еще что-то... Если неведомая и враждебная сила, игравшая им весь день со времени роковой встречи с Торией, если эта сила не хотела выпускать Солля из города — он не выйдет по своей воле, здесь и умрет жалкой смертью, смертью труса...

Площадь перед воротами пустела. Эгерту захотелось лечь — немедленно, все равно где, только лечь и закрыть глаза, и ни о чем не думать.

Едва переставляя ноги, он побрел прочь от ворот.

Из широкой боковой улицы навстречу ему вылетела шумная кавалькада — пятеро или шестеро молодых всадников на ухоженных конях. Наметанным глазом Эгерт бездумно, механически определил породу каждой лошади и отметил прекрасную посадку верховых; он просто стоял и ждал, когда они проедут, — но тут один из юношей на высоком вороном жеребце отделился от компании и повернул прямо на Эгерта.

Это длилось секунду — и целую вечность. Солль потерял способность двигаться.

Ноги его по колено вросли в булыжник площади, онемели, пустили корни — так чувствует себя дерево, глядя на идущего к нему дровосека. Лошадь неслась легко, красиво, будто по воз-

духу — но земля гулко сотрясалась, все сильнее и сильнее сотрясалась от убийственных ударов копыт. Солль видел черную морду жеребца с безумными глазами, нижнюю губу с ленточкой слюны, грудь, широкую, как небо, тяжелую, как молот, готовую раздавить одним прикосновением.

Потом в лицо ему ударил горячий запах, и медленно-медленно, как в толще воды, жеребец поднялся на дыбы.

Эгерт смотрел, как перед самым лицом его замирала лоснящаяся морда, вскидывались копыта, мерцали круглые шляпки гвоздей в полукружьях новых, отличных подков... Потом подковы взлетели высоко над головой, а глазам Эгерта открылось брюхо — круглое брюхо ухоженного жеребца с мохнатым, как ветка, отростком внизу... А подковы над головой местили небо, готовясь обрушиться с высоты и расплескать по булыжнику содержимое человеческой головы...

Потом в его сознании случился провал — достаточный для того, чтобы медленно сосчитать до пяти.

Солль по-прежнему стоял посреди площади; по переулку удалялись топот копыт и залиvistый смех, а по ноге Эгерта щекотно стекала тонкая струйка теплой жидкости.

...Лучше — смерть.

За спиной хохотали стражники; Соллю казалось, что этот смех лязгал внутри его головы. Вся воля Эгерта Солля, все оставшееся уважение к себе, вся изувеченная, но еще живая гордость, вся сущность Эгерта кричала, медленно корчась на костре немыслимого, невообразимого унижения.

Жерновом вертелось плоское небо, и площадь поворачивалась под ногами, как жернов, и два черных жернова наваливались друг на друга, будто желая стереть в порошок угодившего между ними человека...

— Эгерт, — сказали ему его воля и его гордость. — Это конец, Эгерт. Вспомни склизкую грязь на лице, вспомни эту девочку в дилижансе... Вспомни себя настоящего, Солль, вспомни и ответь — почему ты, мужчина, соглашаешься жить в этом гадком, оскотиневшем от вечного страха обличье?! Ты дошел до края — еще шаг, и вся твоя жизнь, все твои светлые воспоминания, вся память об отце и матери проклянут тебя, отрекутся навсегда. Пока ты помнишь, каким должен быть мужчина, — останови завладевшее тобой жалкое чудовище!

Кажется, стражники давно утомонились и забыли о Солле; кажется, стояла уже ночь, глухая и безлунная, освещаемая лишь несколькими фонарями. Под одним из фонарей темнела широкая, приземистая кладка — то был колодец, из которого прибывшие в город путники обычно поили усталых лошадей. Сейчас здесь было пусто.

Эгерт приблизился — колодезная кладка пронзила ладони холодом — и заставил себя заглянуть во влажно пахнувшую

темноту. Поверхность воды, круглая, как зеркало, отражала тусклый фонарь, черное небо и человеческий силуэт, будто вырезанный из закопченной жести.

Он спешил. Поблизости нашелся обломок булыжника — холодный и тяжелый, как надгробная плита. Надо было привязать камень на шею — но веревки не было, а пояс все время соскальзывал. Суетясь и всхлипывая от страха, Солль расстегнул наконец рубашу и с трудом засунул булыжник за пазуху — прикосновение камня к обнаженной груди заставило его передернуться.

Обеими руками удерживая за пазухой камень, он снова навалился на кладку и минуты две стоял, отдыхая. Город спал; где-то в темной вышине поскрипывали под ночным ветром невидимые флюгеры, да слышалась издали перекличка ночных сторожей: «Спите споко-ойно, честные жи-ители...»

Спи спокойно, сказал себе Эгерт. Из всех сил, как любимого котенка, прижал к себе камень; перекинул тяжелую, как бревно, ногу через стенку колодца.

Он сидел на каменной кладке верхом; еще усилие — и другая нога, непослушная, онемевшая, свесилась над водой. Теперь Солль лежал на кладке животом, ноги его внутри колодца не имели опоры, оставалось только зажмуриться, оттолкнуться от колодезной стенки руками и коленями — и тело опрокинется навзничь, ударится о воду, и камень, спрятанный за пазухой, тотчас же потянет на дно, и вода смоеет с Эгерта страх и унижение, надо только...

Мышцы его свело судорогой. Из последних сил давя в себе страх, он пытался разжать синие, мертвой хваткой вцепившиеся в кладку пальцы. Если б можно было с размаху садануть хлыстом по трусливым рукам... Но у Эгерта не было помощников, а камень за пазухой мешал дотянуться до пальцев зубами и укусить их, заставляя разжаться. Еще усилие, еще...

Но тут ужас смерти сорвал наконец плотину.

Солль вцепился в стенку колодца всем телом, локтями, ступнями, коленями; уже не помня себя и собой не владея, ринулся вперед, хватая воздух ртом, желая выскочить из собственной кожи и бежать, бежать, спастись... Захлебываясь страхом, он свалился с кладки на землю, булыжник выкатился из-за пазухи, а Эгерт, все еще безумный, отполз прочь, дрожа и всхлипывая.

Из полосатой будки у ворот выглянул стражник — и, не увидев никого и ничего, спокойно нырнул обратно. «Спите споко-ойно...» — перекрикивались сторожа.

Прислонившись спиной к фонарю, Эгерт сумел наконец взять себя в руки — и только тогда осознал глубину пленившей его западни.

Он не хозяин себе. Страх сделал невыносимой его жизнь и

невозможной — смерть. Он не сможет уйти; весь человеческий век, всю долгую, до старости, жизнь он будет бояться, бояться, и унижаться, и предавать, и сносить позор, и ненавидеть себя, и гнить заживо — пока не сойдет с ума...

— Нет!! — закричала душа Эгерта Солля — Нет...

Рубашка лишилась уже всех своих пуговиц; Эгерт схватил булыжник на руки, как мать любимое дитя, кинулся к колодцу, одним прыжком взлетел на край...

Ему не хватило доли секунды, потому что, увидев темную воду внизу, страх смерти сломил его волю, как ребенок ломает спичку, и дал опомниться только на земле, где Солль трясся, скорчившись, как новорожденный крысенок...

Он плакал и грыз пальцы. Он звал на помощь светлое небо — но небо оставалось темным, как это бывает ночью. Он хотел умереть и пытался остановить свое сердце усилием воли — но сердце не слушалось и билось по-прежнему, хоть и неровно и болезненно...

Потом он почувствовал на себе взгляд.

Никогда еще Эгерт так остро, так явно не чувствовал кожей чужих взглядов; он сжался, не решаясь шевельнуться, но взгляд, вопреки его надежде, не исчезал. Взгляд лежал на плечах, как тяжелые ладони; Солль стиснул зубы и медленно поднял голову.

В пяти шагах от него стоял залитый светом фонаря незнакомый, седой человек. Лицо его, немолодое, безбородое, покрытое узором морщин, казалось непроницаемым, как маска. Человек стоял неподвижно и разглядывал Солля с непонятым выражением в спокойных, чуть прищуренных глазах.

Эгерт перевел дыхание — ему почему-то сразу стало ясно, что незнакомец не оскорбит его и не ударит, но вместе с тем на дне души заворочалось совсем иное, не похожее на обычный страх беспокойство. Ему захотелось, чтобы свидетель его позора и отчаяния поскорее сгинул в ночи; давая понять, что присутствие другого человека ему нежелательно, Солль отвернулся.

Прошла еще минута. Пристальный взгляд ни на секунду не оставлял Эгерта в покое.

Солль мучился, как на раскаленной сковородке; наконец терпение его иссякло, и он решился заговорить:

— Я...

Он замолчал, не находя слов. Незвестный смотрел и не думая приходить ему на помощь.

— Вы... — снова начал Эгерт, и в этот момент его озарила простая и светлая мысль. — Вы... — проговорил он увереннее, — не могли бы вы... Помочь мне?

Неизвестный мигнул. Переспросил вежливо:

— Помочь?

С трудом поднявшись, Солль подошел к колодцу и снова взял в руки свой булыжник:

— Подтолкнуть... Только немножко подтолкнуть. Туда. В воду.

Ночной прохожий не ответил, и Эгерт добавил поспешно:

— Это... Бывает, верно? Мне очень надо... Очень надо, помогите мне, пожалуйста.

Прохожий перевел внимательный взгляд с булыжника на лицо Эгерта, потом на колодец, потом снова на Солля.

— Очень надо, — сказал Эгерт просительно. — Необходимо... Я должен... Но сам не могу. Пожалуйста...

— Думаю, что не смогу вам помочь, — проговорил незнакомец медленно. Надежда, вспыхнувшая было в Эгертовой душе, разом погасла.

— Тогда... — сказал он тихо. — Тогда уйдите, пожалуйста. Мне придется... попробовать еще.

Незнакомец покачал головой:

— Не думаю. Не думаю, что у вас что-то получится, Эгерт.

Солль выронил булыжник. С трудом проглотил вязкую слюну; уставился на незнакомца почти с ужасом.

— Вы ведь Эгерт Солль, я не ошибся? — поинтересовался прохожий как ни в чем не бывало.

Эгерт мог бы поклясться, что никогда раньше не встречал этого человека. Будто прочитав его мысли, незнакомец коротко усмехнулся:

— Мое имя — Луаян. Декан Луаян из университета.

Солль молчал; перед глазами его в одно мгновение промелькнули и величественное здание на площади, и девушка в высоком окне. Декан тем временем неторопливо приблизился к колодцу и непринужденно, как юноша, устроился на его краю:

— Что ж, поговорим, Эгерт...

— Откуда вы меня знаете? — выдавил Солль. При свете фонаря блеснули белые декановы зубы — он улыбнулся и покачал головой, будто удивляясь наивности вопроса. И тогда, вздрогнув от внезапной догадки, Эгерт спросил непослушными губами: — Вы... колдун?!

— Я — маг, — поправил его декан. — Маг и преподаватель... А вы, Солль, — кто?

Эгерт, не мигая, смотрел в спокойное, непроницаемое лицо. Он явился в город ради встречи с магом, он надеялся на эту встречу и страшился ее — но появление Тории в высоком окне спутало все и перевернуло. Он отказался от надежды и забыл о ней — и вот теперь, онемевший, стоял перед седым человеком в темном, странного покроя одеянии, перед вольным или невольным свидетелем своих жалких потуг на самоубий-

ство, и язык прилипал к небу, и где было искать ответа на безжалостный деканов вопрос?

Декан вздохнул:

— Что же, Эгерт? Кем вы были — я приблизительно знаю. А теперь?

— Теперь... — Солль не услышал себя и начал снова: — Теперь... я хочу умереть.

Декан усмехнулся — как показалось Эгерту, презрительно:

— Ничего не получится, Солль. Человек, пометивший вас этим шрамом, не оставляет лазеек.

Рука Эгерта, дрогнув, коснулась рубца на щеке. Декан легко поднялся — ростом он ненамного уступал высокому Эгерту:

— Вы знаете, что это за шрам, Солль?

Он подошел близко, так близко, что Эгерт отпрянул; декан досадливо поморщился:

— Не бойтесь...

Твердые пальцы осторожно взяли Эгерта за подбородок и повернули его голову так, что щека со шрамом оказалась обращенной к свету. Несколько долгих секунд длилось молчание; наконец декан выпустил подбородок Солля, озабоченно вздохнул и, вернувшись к колодцу, снова водворился на кладку.

Эгерт стоял ни жив, ни мертв. Его собеседник потер висок и сказал, глядя в сторону:

— На вас лежит заклятие, Солль. Тяжелое, страшное заклятие. Шрам — лишь печать его, отметина, символ... Только один человек мог оставить о себе такую память — но, как мне известно, он очень редко снисходит до вмешательства в чужие дела... Вы чем-то сильно досадили ему, а, Эгерт?

— Кому? — прошептал Солль, не понимая пока и половины из сказанного деканом. Тот снова вздохнул — устало, терпеливо:

— Вы хорошо помните человека, поранившего вас?

Эгерт постоял, глядя в землю; потом, вздрогнув, поднял голову:

— Заклятие?

Декан шевельнул уголком рта:

— Вы разве не догадывались?

Солль вспомнил старого отшельника и деревенскую колдунью, которая пришла в ужас, разглядев поближе Эгертов шрам.

— Да... — прошептал он, снова опустив глаза.

Фонарь замигал от порыва ветра.

— Да... — повторил Эгерт. — Он был... Старый... кажется. Он фехтовал, как... Теперь понятно. Он... колдун? То есть... Он тоже маг?

— Чем вы ему досадили, Солль? — сдвинув брови, снова спросил декан.

Эгерт беззвучно шевелил губами — перед глазами у него повторялась и повторялась та последняя дуэль, поединок с седым постояльцем «Благородного меча».

— Нет... — сказал он наконец. — Я... Никак... Я не хотел поединка, он сам...

Декан подался вперед:

— Поймите, Солль, этот человек не тревожится по пустякам... Было что-то, достойное, по его мнению, тяжелого наказания. Теперь я спрашиваю: что?

Солль молчал. Воспоминания нахлынули на него все сразу, без разбора, обрушились и оглушили его звоном стали, смехом Карвера, гомоном толпы, тонким голосом Тории: «Динар?!»

Седой незнакомец был там... О да, он был там и, уходя, награждал Эгерта длинным взглядом...

Потом была таверна у ворот, и... что сказал этот странный человек?! Солля бросило в пот, слова незнакомца он помнил так отчетливо, будто они были произнесены только что: «Я пью за лейтенанта Солля, воплощенного труса под маской отваги». **ВОПЛОЩЕННОГО ТРУСА** под маской отваги...

— Кто он? — спросил Эгерт глухо. Декан молчал, Солль поднял голову и понял, что тот ждет ответа на дважды заданный вопрос.

— Я убил... на дуэли человека, — проговорил Эгерт все так же глухо. — Дуэль происходила по правилам.

— Это все? — сухо поинтересовался декан. Солль болезненно поморщился:

— Это вышло... случайно и глупо. Тот парень... Он и шпагито не носил. Я не хотел... Так получилось.

Он отчаянно взглянул декану в глаза — и увидел, что отблески фонаря на его строгом лице бледнеют. Черное небо над площадью делалось серым, и из редеющей тьмы выступали плоские силуэты домов.

— Вы заплатились, — сказал декан все так же сухо, — за безрассудную жестокость. Тот, кто наложил заклятье, наказал вас вечной трусостью — а может быть, и не думал о наказании, а просто решил обезвредить вас... Обезопасить тех, кто на вас не похож... Кто живет другим, кто не может или не желает носить шпагу...

Над городом занимался рассвет. Декан поднялся — на этот раз тяжело, будто история Эгерта безмерно его утомила.

— Господин декан! — вскрикнул Солль, охваченный тоской при одной мысли, что декан просто повернется и уйдет. — Господин декан... Вы ведь великий маг... Я... столько прошел... Я искал... Я хотел искать у вас помощи. Умоляю, скажите мне,

что надо сделать... Я клянусь, что все исполню, только снимите с меня это... Этот шрам...

Фонарь догорел и погас. Из полосатой будки выбрался зашпанный стражник и с удивлением уставился на бродягу, беседовавшего посреди площади с приличного вида господином. Здесь и там с треском распахивались ставни, звонко кричала молочница, площадь оживала, заполняясь разнообразным людом, сладко зевавшим в ожидании, — ворота вот-вот должны были открыться.

Декан сокрушенно покачал головой:

— Солль, вы не понимаете... Не понимаете, с кем тогда столкнула вас судьба. Заклятие, наложенное Скитальцем, может снять только Скиталец.

Запиравший ворота замок все так же торжественно пополз вниз; народ у створок заволновался. Загрохотала в кольцах стальная цепь; стражники — новая, только что прибывшая смена — взялись поудобнее, ворота издали величественный скрип и плавно, почти грациозно принялись открываться.

— Что же теперь делать? — шепотом спросил Эгерт. — Искать его... Скитальца? Кто он? Где его найти?

Верхушки крыш окунулись в солнце — заиграли желтые и белые блики на жестяных и медных флюгерах.

— Кто он — никто не знает толком, — чуть усмехнувшись, проронил декан. — Что до поисков... Отчего вы так уверены, что он... станет с вами разговаривать?

Эгерт вскинул голову:

— Но это же... Он поступил со мной так... Он сделал со мной... И не станет разговаривать?! — Солля трясло, он был почти что в ярости. — Из-за студента... Да, я убил! Но была дуэль... И со Скитальцем тоже была дуэль — пусть убил бы меня! Я стоял перед ним беззащитный... Смерть за смерть... Но то, что он сделал, — хуже смерти, и теперь я... завидую студенту! Он умер с оружием в руках, уважая себя... И будучи... любимым...

Солль осекся. Ему показалось, что по лицу декана пробежала мгновенная тень. На дне прищуренных глаз загорелись холодные огоньки, и под этим взглядом короткий Эгертов запал угас так же неожиданно, как и вспыхнул.

— Я должен найти... Скитальца, — сказал Солль глухо. — Я отправлюсь... Найду его или... Или, может быть, погибну в дороге...

В последних словах прозвучала надежда, но декан с усмешкой покачал головой:

— Все может быть, сказала рыбка сковородке...

Затем он повернулся и шагнул прочь — Эгерт беспомощно смотрел ему в спину.

Знаменуя новый день, у ворот тонко запела труба. Город

распахнул свой кованный сталью зев, чтобы на мощные улицы опустилась пыль дорог, чтобы любой домосед мог отправиться в странствия...

Уходящий декан вдруг остановился. Обернулся через плечо, потер висок, будто не находя слов. Улыбнулся собственной неловкости; Эгерт смотрел на него широко раскрытыми глазами.

Декан неторопливо, в задумчивости вернулся.

— В любом случае искать Скитальца вовсе не нужно, — он кашлянул и вроде бы заколебался, потом произнес медленно, словно взвешивая каждое слово: — Каждый год, накануне Дня Премноголикования, он сам является в город.

Эгерт обомлел. Облизнул сухие губы; спросил шепотом:

— И я... встречу с ним?

— Необязательно, — усмехнулся декан. — Но... возможно.

Эгерт слышал, как бешено колотится его собственное сердце.

— День Премного... Премноголикования... Когда?

— Осенью.

Солль почувствовал, как сердце стукнуло еще раз и замерло.

— Так долго... — прошептал он, чуть не плача. — Так долго...

Декан в задумчивости снова потер висок, потом шевельнул уголок рта и, будто приняв решение, взял Эгерта за локоть:

— Вот что, Солль... Я предоставляю вам место вольного слушателя в университете, но кров и стол вы получите как полноправный студент. До предполагаемой встречи с вашим другом Скитальцем осталось полгода — хорошо бы потратить это время с умом... Так, чтобы в конце концов он захотел-таки выслушать вас... Я ничего не обещаю, но просто хочу помочь вам, понимаете?

Эгерт молчал — предложение декана обрушилось на него и несколько оглушило. По дну его сознания прошел образ бледной женщины в окне.

— И уж конечно, — добавил декан, видя его растерянность, — конечно, в университете никто и ничто не будет вам угрожать... Слышите, Эгерт?

В раскрытые ворота вереницей въезжали повозки — окрестные крестьяне вертели головами, отбиваясь попутно от нахальных мальчишек, чьи глаза безошибочно видели, а руки хватали с телег все, что плохо лежит. Эгерт вспомнил вчерашнее приключение и помрачнел.

— Что ж вы так долго раздумываете? — мягко удивился декан.

— А? — вздрогнул Эгерт. — А разве я... Я же сказал, что согла... Я согласен.

Две кровати с высокими спинками да старый столик под узким окошком — вот и все, что могла вместить сырая комната с низким сводчатым потолком. Окошко глядело во внутренний двор университета — сейчас там было пусто, только неутомимая старушка, являвшаяся с уборкой дважды в неделю, расхаживала взад-вперед то с тряпкой, то с метлой.

Эгерт слез с подоконника и вернулся на свою кровать. Теперь у него было полным-полно времени для того, чтобы лежать навзничь, глядеть в серые своды потолка и думать.

Минет весна, пройдет лето, потом наступит осень — в который раз Эгерт загибал пальцы, подсчитывая оставшиеся месяцы. Наступит День Премноголикования, и в город явится человек с прозрачными глазами без ресниц, с нервными крыльями длинного носа, с жалящей шпагой в ножнах — человек, облаченный невидимой, но от этого не менее беспощадной силой...

Солль вздохнул и повернулся лицом к стене. Высоко вскидывая тонкие суставчатые ноги, по темному камню бежал мелкий паучок.

Университет полон был самой разношерстной братии; во флигеле жили и столовались те, что победнее. Молодые люди побогаче — а их тоже было немало — снимали апартаменты в городе. Эгерт избегал и тех, и других. Спустя несколько дней после своего водворения в университете он написал в Каваррен, отцу; ничего не объясняя, сообщил только, что жив и здоров, и просил прислать денег.

Ответ пришел раньше, чем можно было предположить — вероятно, почта ходила исправно. Эгерт не получил из дома ни упрека, ни утешения, ни единого слова на клочке бумаги — зато смог расплатиться за стол и жилье, сменить износившуюся одежду и починить сапоги; положение вольнослушателя не давало ему права на гордость всех студентов — треугольную шапочку с серебряной бахромой.

Впрочем, ни шапочка, ни бахрома нимало его не занимали, глядя в белую стену сырой комнатухи, он видел дом с гербом на воротах — вот верховой слуга приносит письмо... Вот отец берет смятую бумажку в руки — и руки дрожат... А на пороге стоит мать — изможденная, седая, и платок соскальзывает с плеч...

А может быть, и нет. Может быть, рука отца не дрогнула, когда под сургучной печатью он обнаружил имя сына. Может быть, только дернул бровью и сквозь зубы велел слуге отослать деньги этому недоноску, позорящему честь семьи...

За спиной Солля распахнулась дверь. Привычно вздрогнув, он сел на кровати.

Сосед Солля по комнате, сын аптекаря из предместья, радостно ухмыльнулся.

Имя его было Гаэтан, но весь университет и весь город в глаза и за глаза звали его Лисом. И без того юный — года на четыре моложе Солля, — он выглядел совсем мальчишкой из-за небольшого роста, узких плеч и по-детски открытой, скуластой физиономии. Задиристо вздернутый нос Лиса покрывали полчища веснушек, а маленькие глаза цвета меда умели в одну секунду сменять обычное шкодливое выражение на мину трогательной наивности.

Лис был единственным человеком во всем университете — не считая, разумеется, декана Луаяна, — с кем Эгерт Солль успел сказать более двух слов за все это немалое время. В первый же день, преодолевая неловкость, Эгерт спросил у соседа, не видел ли он здесь девушки, молодой девушки с темными волосами. Задать вопрос было нелегко, но Солль знал, что остаться в неведении будет хуже. В какой-то момент он почти уверился, что Лис рассмеется и заявит, что в столь солидном учебном заведении девушек не держат, — и тот действительно рассмеялся:

— Что ты, братец! Это не нашего неба птичка... Ее зовут Тория, она дочка декана, красивая, да?

Лис все говорил и говорил, но Эгерт слышал только стук крови в ушах. Первым его побуждением было бежать куда глаза глядят — но он немислимым усилием сдержался, заставив себя вспомнить о разговоре у колодца...

Декан — ее отец. Проклятая судьба.

Всю ночь, последовавшую после этого открытия, он провел без сна — хоть это и была первая за много дней ночь в чистой постели. С головой накрывшись одеялом — чтобы не так бояться полной шорохов темноты, — он тер воспаленные глаза и лихорадочно думал: а вдруг все это — колдовство? И город, и университет, и декан встретились ему не случайно — его привели сюда, в ловушку, привели и заперли, чтобы мстить...

На другой день в узком коридоре ему повстречался декан. Спросил что-то незначительное, и под спокойным пристальным взглядом Эгерт понял: если это и ловушка — он слишком слаб, чтобы вырваться.

На него косились с любопытством — надо было отвечать на какие-то вопросы, бесконечное число раз повторять свое имя, вздрагивая от неожиданных прикосновений... Немного помогали защитные ритуалы, но Солль боялся, что их заметят со стороны и поднимут на смех.

Скоро студенческая братия решила, что Эгерт — необычайно замкнутый и хмурый субъект, а посему просто оставила его в покое. Солль был необычайно рад такому повороту со-

бытий, и даже посещение лекций стало для него чуть менее тягостным.

Все студенты, сообразно количеству проведенных за учебной лет, делились на четыре категории: студенты первой ступени звались «вопрошающими», поскольку учились первый год и преуспевали скорее в желании познать, нежели в самой науке; студенты второго года именовались «постигающими», третьего — «соискателями», поскольку претендовали уже на некую ученость, и, наконец, студенты четвертой ступени звались «посвященными» — по словам все того же Лиса, далеко не все замахнувшиеся на ученость юноши удостоивались этого звания, множество их валилось на летних экзаменах и так, недоучками, возвращалось по домам.

Сам Газтан учился второй год и звался «постигающим»; Эгерту казалось, что Лис постигает в основном премудрости веселых пирушек и ночных походов. Студенты разных степеней учености охотно водились друг с другом; каждая группа время от времени собиралась на отдельные занятия — однако на общие лекции, проводимые в Большом Актовом зале, являлись все подряд, и каждый пытался извлечь из мудрых речей педагога все, что в состоянии был переварить: так из единственной миски, поставленной на стол в большой крестьянской семье, старик вылавливает овощи, ребенок — крупу, а хозяин — кусок мяса.

Всякий раз, переступая порог лекционного зала, Эгерт стискивал зубы, сплетал в кармане пальцы и переступал через собственный страх. Огромное помещение казалось ему зловещим; с лепного потолка смотрели плоские каменные лица, и в белых слепых глазах Соллю чудилась не то усмешка, не то угроза. Забившись в угол — скамья казалась неудобной, быстро затекали колени, немела спина, — Эгерт тупо смотрел на высокую, украшенную резьбой кафедру; обычно смысл того, о чем говорил лектор, ускользал от него уже через несколько минут после традиционного приветствия.

Господин ректор обладал скрипучим голосом и внушительной манерой вещать; говорил же он о предметах столь сложных и отвлеченных, что Эгерт, отчаявшись, прекращал всякие попытки что-либо понять. Сдавшись, он ерзал на скамье, прислушивался к чьим-то отдаленным перешептываниям, шорохам, смешкам, смотрел танец пылинок в солнечном столбе, разглядывал линии на своей ладони, вздыхал и ждал конца лекции. Иногда, сам не зная почему, он поднимал глаза к маленькому круглому окошку под самым потолком, окошку, неведь зачем глядящему из зала в библиотеку...

Дородный и громогласный профессор естественных наук походил скорее на мясника, нежели на ученого; из его речей Эгерт понимал только вводные слова — «кстати», «как видим»,

«чего и следовало ожидать»... Время от времени профессор занимался и вовсе диковинными вещами: смешивал жидкости в стеклянных колбах, зажигал огоньки над узкими горлышками спиртовок — ни дать ни взять, фокусник на ярмарке... Иногда в зал приносились живые лягушки, и профессор резал их — Эгерт, в свое время бестрепетно посещавший бойню, закрывал глаза и отворачивался, сгорбившись.

Студенческая братия внимала речам с кафедры с переменным вниманием, то притихая, то усиленно ерзая и перешептываясь. Среди студизусов случались и ротозеи, и болваны — однако и распоследний из них понимал в происходящем куда больше, нежели Солль.

Интереснее всего были лекции декана Луаяна. Личность его вызывала у Солля множество сильных и противоречивых чувств — и страх, и надежду, и любопытство, и желание просить о помощи, и содрогание от одного только взгляда; к тому же, сколь ни был Эгерт занят собой, он не мог не заметить того особенного почитания, которым декан окружен был в университете.

Все шорохи и смешки затихали, стоило декану появиться в зале; встретив его в сводчатом коридоре — Эгерт видел своими глазами, — даже сам господин ректор спешил засвидетельствовать ему свое внимание и уважение, а студенты — те просто замирали, как кролики перед удавом, и счастливцем считался всякий, получивший персональный ответ на свое приветствие или заслуживший деканову улыбку.

Господин Луаян был маг — об этом говорили и перешептывались, но в лекциях его ничего не было магического: он говорил о древних временах, о давно разрушенных городах, о войнах, некогда опустошавших целые страны... Эгерт слушал, пока хватало сил, — но слишком часто повторялись незнакомые имена и даты, Солль уставал, ничего не мог запомнить, терял нить рассказа и, запутавшись, отчаивался. Однажды он решился-таки спросить у Лиса: разве декан не учит студентов колдовству? Ответом Эгерту был сочувственный взгляд и красноречивый, но не вполне приличный жест, означающий, что Солль, мягко говоря, не в своем уме.

Никто из студентов не носил оружия, но если Эгерт до сих пор чувствовал себя почти что голым без отягощенного сталью пояса, то ни один из ученых юношей ничуть не тосковал по смертоносному железу. Преисполненные куража жители флигеля едва ли не каждый вечер отправлялись в город, и шумное их возвращение прерывало чуткий Эгертов сон иногда в полночь, а порой и под утро. Под сводами университета распевались известные всем студентам, но незнакомые Эгерту песни, бурлила своя, особенная жизнь, но он — он чужд был

этому до последнего белокурого волоска, чужой, чужак, пришел.

...Лис взгромоздился тощим задом на стол. Тот, выдавший на своем веку не одно поколение Лисов, закричал, будто вычитывая мораль. Эгерт бледно улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд школивых, цвета меда глаз.

— Мечтаешь? — деловито поинтересовался Лис. — Мечты хороши к завтраку, на обед чего бы пожирнее... А?

Солль снова вымученно улыбнулся. Лиса он тоже побаивался — рыжий сын аптекаря был насмешлив и безжалостен, как оса; свое прозвище он заслужил вполне, и даже до отстраненно живущего Солля не раз долетали слухи о его выходках. Впрочем, что слухи — одна из проделок не так давно развернулась прямо на Эгертовых глазах.

Среди студентов был некий Гонза — вечно желчный и всем недовольный парень, сын обедневшего аристократа из глухой провинции. Эгерт не знал, почему на этот раз Лис избрал именно его — однако, явившись однажды в зал, Солль застал там некое возбужденное, но тщательно скрываемое веселье. Студенты перемигивались и то и дело зажимали рты, чтобы не прыснуть; Эгерт по обыкновению забился в свой угол и уже оттуда разглядел, что центром своим всеобщее возбуждение имеет, конечно же, Лиса.

Вошел Гонза — в зале воцарилась обычная деловитая возня. Сосед по скамье поприветствовал вошедшего — и тут же удивленно отпрянул. Что-то негромко спросил; Гонза изумленно на него уставился.

Суть Лисовой задумки открылась Эгерту несколько позже, а пока он недоуменно наблюдал, как всякий, обративший свой взор на Гонзу, расширял глаза и принимался громко шептаться с соседом. Гонза ерзал, вздрагивал и отчего-то хватался рукой за нос.

Затея была проста: все как один сотоварищи — кто с сочувствием, кто со злорадством, кто заботливо, кто изумленно — вопрошали обомлевшего Гонзу, что такое случилось сегодня с его носом и по какой такой причине он вырос почти на четверть?

Гонза отшучивался и огрызался — но мрачнел на глазах. На другой день повторилось все то же самое — встретив Гонзу в коридоре, студенты хмурились и отводили глаза. Злой и растерянный бедняга наконец обратился к Соллю:

— Слушай, парень... Ты-то хоть скажи мне... Что там мой нос?

Эгерт переминался с ноги на ногу, глядя в его вопросительные глаза; выдавил наконец:

— Да вроде... длинноват...

Гонза плюнул в сердцах, а вечером смеющийся Лис пове-

дал об этом Соллю, который стал таким образом будто бы со-участником затеи, — вечером отчаявшийся провинциал раздобыл обрывок шнура и тщательно, до самого кончика измерил свой несчастный нос. На горе, ему случилось оставить свою мерку тут же, в комнате, под периной; конечно же, Лис нанес визит в отсутствие хозяина и чуть-чуть укоротил несчастную мерку.

Небо, что случилось с Гонзой, когда он вздумал произвести повторный замер! Чуть не весь университет, притаившийся под окном его комнаты, слышал горестный, полный ужаса вопль: мерка оказалась коротка, несчастный нос удлинился на целую половину ногтя...

Эгерт вздрогнул и перестал вспоминать. С площади донесся длинный, протяжный звук — будто голос древнего, закопанного в каменную броню чудовища, чудовища тосковавшего и одинокого. Всякий раз при звуке этого голоса у Солля мороз продирает по коже, хотя Лис давно объяснил ему, что это всего лишь очередной обряд в Башне Лаш: серые капюшоны любят таинственность, и шут его знает, что там у них за обряды... Башня раздражалась этим стоном иногда раз в день, иногда два, а порой замолкала на целую неделю — горожане привыкли к странному звуку и не обращали на них внимания, и только Эгерту всякий раз хотелось зажать уши. Вот и сейчас, невольно дернувшись, он вызвал усмешку Лиса:

— У моего бати сучонка была... Так та свистульку не любила. Услышит — и давай подвывать, с ума прямо сходит... Вроде тебя, только ты выть робеешь...

Звук оборвался; Эгерт перевел дыхание:

— Ты... Не знаешь, что все-таки они... делают в этой своей Башне?

Служителей Лаш на улицах узнавали издалека — облаченные в серые плащи с падающими на лицо капюшонами, они внушали горожанам трепет и почтение, которые Эгерт вполне разделял.

Лис наморщил нос. Проговорил задумчиво:

— Ну, дел-то у них много... Одной стирки сколько — плащ-то длинные, мостовую подметают, всякое дерьмо к полам липнет... Пачкаются, поди, страшное дело...

Солль подавил приступ раздражения. Поинтересовался глухо:

— А... звук? Ну, вой этот...

Лис встрепенулся:

— А это прачка ихняя, как дырку в плаще найдет, так сразу орать начинает... Ругается, значит.

— Откуда ты знаешь? — сквозь зубы спросил Эгерт.

— На лекции ходить надо, — усмехнулся Лис.

Эгерт вздохнул. Вот уже несколько дней он не ходил на

лекции. Устал, сдался, надоело; объяснять это Лису не было ни сил, ни возможности.

Гаэтан тем временем извлек откуда-то из кармана куртки немислимых размеров зеленый огурец. Критически оглядев овощ, покосился на Солля — заинтригован ли? Эгерт поглядывал на огурец с плохо скрываемой опаской.

Лис усмехнулся во весь зубастый рот, глаза его полыхали предвкушением сногшибательной шкоды. Быстрым движением распустив пояс, Лис засунул огурец себе в штаны, пыхтя, приспособил овощ наиболее естественным образом:

— Во... Сегодня танцевать будем с красавицей моей, Фарри...

Обняв воображаемую партнершу, он с романтическим лицом проделал несколько па; спрятанный огурец подрагивал в такт его шагам, как, очевидно, это и было задумано.

— Получается, — заметил Лис озабоченно. — Еще обниму покрепче... Только б не выпал... Все, я пошел.

Спрятав огурец в карман, он на ходу стянул с крюка свой залатанный плащ; бросил уже в дверях:

— Кстати... Господин декан о тебе спрашивал. Будь здоров...

Солль сидел и слушал, как гулко отдаются по сводчатому коридору Лисовы шаги. Из мыслей его разом вылетели и Гаэтан с его огурцом, и Башня Лаш с ее странным звуком.

«Господин декан о тебе спрашивал».

Декан относился к Соллю внешне ровно, совершенно так же, как и к прочим — будто не он привел его тогда на рассвете в университет, будто и не было тягостного разговора у колодца. Эгерт был просто вольным слушателем — но жил во флигеле, как студент, и никто не заводил с ним разговора об оплате, пока он сам не заговорил об этом со старичком-интендантом. Благодетель-декан приветливо кивал Соллю при встрече, а Тория между тем была его дочерью, а убитый Динар, значит, собирался стать зятем...

Со времени появления Солля в университете декан никак не проявлял к нему интереса — и вот... Заметил, что его нет на лекциях? Или дело в той встрече, памятной встрече в коридоре?

...Это случилось четыре дня назад.

Эгерт пришел на лекцию позже обычного. Из-за прикрытой двери доносился скрипучий голос господина ректора, Солль понял, что опоздал, но не испытал от этого ни досады, ни раскаяния — только усталое облегчение. Повернулся, чтобы идти прочь, — и услышал, как по каменному полу катятся деревянные колеса.

Негромкий звук этот оглушил его. Из-за угла показалась тележка — маленький столик на колесиках. Столик прогибался под грузом книг; как привороженный, Эгерт не мог ото-

рвать глаз от мерцавших золотом переплетов. На самом верху лежал небольшой томик, запертый серебряной скобой с маленьким тусклым замочком, — некоторое время Солль удивленно его разглядывал, потом вздрогнул, как от толчка, и поднял глаза.

Тория стояла прямо перед ним — он отчетливо видел каждую черточку по-прежнему прекрасного лица. Высокий воротник черного платья закрывал шею, волосы подобраны были в простую, даже небрежную прическу, и только одна своевольно выбившаяся прядь падала на чистый, матовый лоб.

Эгерту захотелось, чтобы каменные плиты пола разверзлись и скрыли его от этого надменного, чуть напряженного взгляда. Тогда, в первую их каварренскую встречу, она смотрела спокойно и немного насмешливо; вторая встреча, появившаяся за собой дуэль со студентом, обернулась для нее смятением и отчаянием, горем, потерей... Солль передернулся, вспомнив о третьей встрече — тогда в обращенных к нему глазах он прочел только омерзение, холодную, лишенную злобы гадливость.

Светлое небо! Воплощенный трус, больше всего на свете он боялся снова столкнуться с ней лицом к лицу.

Тория не опускала глаз — а он и не мог отвернуться, как бы ни хотел этого. Он увидел, как напряженная надменность в ее глазах сменилась холодным удивлением и на лоб легли две тонкие вертикальные складки; потом Тория чуть тронула тележку и взглянула на Эгерта уже вопросительно. Он стоял столбом, не в силах сдвинуться с места; тогда она вздохнула, и уголок ее рта шевельнулся, точь-в-точь как у декана — она будто досадовала на Эгертову недогадливость. Тут только он сообразил, что загораживает дорогу тележке; отскочил, удивившись о стену затылком, вжался в холодный камень всей своей мокрой, дрожащей спиной. Тория проследовала мимо — он ощутил ее запах, терпкий запах влажной травы...

Шум тележки давно замер в глубине коридора — а он все стоял, прижавшись к стене, и смотрел вслед.

...Дочка вошла в кабинет отца, неслышно притворив за собой дверь.

Декан сидел за массивным письменным столом; три свечи в высоком подсвечнике горестно роняли капли воска на темную, изъеденную временем столешницу. Негромко скрипело гусиное перо, и цветными кистями свешивались из множества книг пестрые, любовно изготовленные Торией закладки.

Не говоря ни слова, она остановилась у Луаяна за спиной.

С самого детства у Тории сохранилась не вполне пристойная привычка — подкрадываться к увлеченному работой отцу и, заглянув через его плечо, завороченно наблюдать, как тан-

цует по чистому листу бумаги черное жало пера. Мать ругала Торию на чем свет стоит: подглядывать некрасиво, а главное — она ведь мешает отцу работать! Отец, впрочем, только посмеивался; так Тория и выучилась читать — заглядывая ему через плечо...

Сейчас декан занят был любимым делом — примечаниями к очередной главе из истории магов. То, что это примечания, Тория поняла, увидев в начале страницы два косых крестика; смысл же написанного дошел до нее не сразу. Какое-то время она отрешенно любовалась пляской пера, пока наконец черные узелки букв не сложились для нее в слова: «...досужие домыслы. Представляется, однако, что чем меньшим могуществом наделен маг, тем ретивее он стремится восполнить этот недостаток внешними эффектами... Автор этих строк знаком был со старой ведьмой, обложившей данью целую деревушку, причем подать собиралась исключительно крысиными сердцами. Трудно предположить, откуда, собственно, у старушки возникла столь странная потребность; автору представляется, однако, что убиенные крысы служили одной только цели — заставить собственные крестьянские сердца трепетать при одном имени воцарившейся над ними колдуньи... История полна примеров и посерьезнее — разного рода дешевые штучки порой вводили в заблуждение не одних только неграмотных крестьян... Вспомним, что писал тот же Бальтазарр Эст в своих «Скудных нотациях», которые, к слову сказать, далеко не так скудны: «Если над жилищем мага день и ночь стоят зловещего вида черные тучи, если окна гостиной за версту горят кроваво-красным светом, если в прихожей вместо слуги вас встретит цепной дракон, неухоженный и потому особенно зловонный, если, наконец, навстречу вам выйдет некто со сверкающим взором и увесистым посохом в руках — тогда вы можете быть совершенно уверены, что перед вами ничтожный колдунишка, сам стыдящийся собственной слабости. Самый никчемный из известных мне магов не вылезал из плаща, расшитого рунами, — по-моему, даже спал в нем; самый сильный и страшный из моих собратьев, чье имя даже помянуть неохота, предпочитал просторные заштопанные рубахи...»

Декан помедлил и уронил перо.

— Ты цитируешь по памяти? — удивилась Тория. Декан усмехнулся с некоторой долей самодовольства. — Я видела... его, — тихо сказала Тория.

Декан, безусловно, понял, что речь идет вовсе не о великом маге Бальтазарре Эсте.

Затрещала свечка; Тория выпрямилась, взяла со стола маленькие щипцы и аккуратно подрезала фитиль. Спросила негромко:

— Кстати, кто этот сильный и страшный маг, который, по словам господина Эста, так любил старые обноски?

Декан усмехнулся:

— А это учитель Эста... Он умер лет сто назад.

Он замолчал и вопросительно уставился на дочь. Тория казалось рассеянной — но декан видел, что все ее мысли вертятся, как собачки на привязи, вокруг одного очень важного для нее предмета. В конце концов предмет ее размышлений обрел наконец форму, вырвавшись словом:

— Солль...

Тория запнулась. Декан доброжелательно ждал продолжения; тогда она с трудом отодвинула тяжелый фолиант и присела на освободившийся край стола:

— Это впечатляет... Шрам и... все остальное. Ты даже не можешь себе представить, насколько он изменился... Ты ведь не видел его раньше... — она помолчала, покачивая ногой в узконосом башмачке. — Господин Солль... Блестящий надутый пузырь... И вот ничего не осталось — только порожняя оболочка, пустая крысиная шкурка. Право же, отец, зачем... — оборвав себя на полуслове, она красноречиво, с преувеличенным недоумением пожала плечами.

— Понимаю, — декан снова усмехнулся, на этот раз грустно. — Ты никогда не простишь, конечно.

Тория тряхнула головой:

— Не в том дело... Простишь — не простишь... А если бы на Динара упало дерево или камень со скалы? Разве я могла бы ненавидеть камень?

Декан присвистнул:

— По-твоему, Эгерт Солль не отвечает за свои поступки, подобно зверю? Дереву или камню?

Тория поднялась, недовольная, по-видимому, своей способностью изъясняться. Раздраженно оборвала свисающую с рукава нитку:

— Я не то хотела сказать... Он не достоин моей ненависти. Я не желаю его прощать или не прощать. Он пустой, понимаешь? Он не представляет интереса. Я наблюдала за ним... Не день и не два.

Тория закусила губу — ей действительно не раз и не два приходилось влезать на верхушку тяжелой стремянки, чтобы заглянуть в круглое окошко между библиотекой и Большим Актовым залом. Эгерт сидел всегда в одном и том же месте — в темном углу, удаленном от кафедры; наблюдательнице отлично видны были и его потуги уловить смысл лекции, и последующее отчаяние, и тупое равнодушие, всегда приходившее на смену. Сжимая губы, Тория пыталась подавить в себе ненависть и смотреть на Солля безучастным взглядом исследователя; иногда она даже испытывала к нему брезгливую жа-

лость, порой прорывалось раздражение — и тогда, неведомо почему, но Солль вдруг поднимал голову и смотрел на окошко, не видя за ним Тории, хотя, казалось, прямо ей в глаза...

— Ты бы видела его там, у колодца, — тихо сказал декан. — Ты бы видела, что с ним творилось... Поверь, это глубоко страдающий человек.

Тория больно дернула себя за падающую на лоб прядку. Заслоня друг друга, перед глазами ее зарябили воспоминания — из тех, которые лучше бы позабыть.

В тот день Солль смеялся — Тория слишком хорошо помнит этот смех, и взгляд прищуренных, полных снисхождения глаз, и мучительно долгую, смертельную игру с Динаром... И черный кончик шпаги, выглядывающий из спины любимого человека, и кровавую лужу на мокром песке...

Декан терпеливо ждал, пока дочка соберется с мыслями.

— Я понимаю, — сказала наконец Тория, — он интересен тебе... как экспонат. Как человек, отмеченный Скитальцем. Как носитель его заклатья. Но для меня он остается всего лишь палачом, которому отрубили руки... И поэтому то, что теперь он живет... там, во флигеле, и ходит теми же коридорами, по которым ходил Динар, да к тому же... — она поморщилась, как от вкуса гнили. Замолчала. Скатала в колечко выбившуюся прядь и наугад сунула ее в прическу. Прядь тут же выбилась снова.

— Тебе неприятно, — мягко сказал декан. — Тебе... обидно и больно. Но поверь мне... так надо. Потерпи, пожалуйста.

Тория задумчиво подергала себя за непокорный локон, потом, потянувшись, взяла со стола нож и все так же задумчиво срезала надоевшую прядь.

Она привыкла верить отцу до конца и во всем. Отцу верили люди и звери, и даже змеи верили — маленькой девочкой она впервые увидела, как отец вызвал гадюку из стога сена, где перед этим резвились деревенские мальчишки. Гадюка и сама была напугана — Луаян, который тогда еще не был деканом, резко прикрикнул на крестьянина, в ужасе желавшего убить гадюку, потом засунул змею в просторный карман и так вынес к лесу. Тория шла рядом и совсем не боялась — ей-то яснее всего было, что все, совершаемое ее отцом, правильно и не таит в себе опасности. Высадив змею в траву, отец что-то долго и сурово объяснял ей — наверное, учил не кусать людей, подумала маленькая Тория. Змея не смела уползти, не получив на то специального разрешения; когда Тория захлеб рассказывала об этом матери, та только хмурилась и кусала губы — мать никогда не верила отцу до конца.

Тория плохо помнила смутные ссоры, время от времени терзавшие маленькую семью — может быть, отец предусмот-

рительно позаботился о том, чтобы дочь помнила о матери только хорошее; тем не менее роковой зимний вечер, осиротивший Торию, девочка запомнила во всех подробностях.

Лишь значительно позже она стала понимать, что означало короткое слово «он», произносимое отцом то насмешливо, то яростно, то глухо; в устах матери это слово звучало всегда с одинаковым вызовом. В тот вечер, рассорившись с мужем, мать собралась к «нему» — и тогда, впервые за долгое время презрительного попустительства жене, Луаян взбунтовался.

То есть это выглядело так, что он взбунтовался — на самом деле он чувствовал либо просто знал, что произойдет потом. Он умолял, потом грозил, потом просто запер жену в комнате — а она ярилась и бросала ему в лицо такие слова, что Тория, дрожащая в кровати за занавеской, обливалась слезами от страха и горя. В какой-то момент Луаяну изменила поддержка — и он дал жене уйти, просто дал уйти, и хлопнувшая дверь едва не сорвалась с петель — такой силы был этот прощальный удар.

— Не надо было мне ее слушать, — спустя много лет горько говорил декан взрослой дочери. — Не надо было...

Тория, зная за своим отцом и эту боль, и эту вину, просто крепко прижималась лицом к его груди.

В ту ночь Луаян не спал — маленькая Тория, то и дело просыпаясь, видела горящую на столе лампу и вышагивающего по комнате отца. Под утро он, не говоря ни слова, оделся и ринулся прочь, будто спеша кому-то на помощь — но было поздно. Даже маги не умеют оживлять мертвых, а мать Тории была уже мертва в ту минуту, когда муж освободил ее из высокого сугроба на лесной дороге...

— Не надо было мне ее слушать... Меня ослепили тогда гордыня и обида, а что толку обижаться на женщину?

— Ты не виноват, — говорила на это Тория, но отец отворачивался:

— Виноват...

* * *

Лис вернулся за полночь.

Сперва слышались под окном приглушенный хохот и неразборчивая болтовня, потом кто-то жалобно завел песню, которая тут же и оборвалась коротким вяканьем — похоже, певец получил дружеским кулаком по спине.

Непродолжительная тишина сменилась возней в коридоре, заскрипела открываемая дверь — в полной темноте в комнату ввалился Лис.

Застонала под весом тощего тела деревянная кровать, зашелестела ткань, потом упал на пол один башмак и следом — другой. Лис сладко вытянулся и удовлетворенно зевнул, вспо-

миная, очевидно, сегодняшние похождения и большой успех своего исполинского огурца. Уже задремывая, он вдруг услышал негромкое Эгертово:

— Гаэтан...

Лисова кровать скрипнула — удивленный, он перевернулся на бок:

— Ты почему не спишь, а?

Рассеянное благодушие в голосе выдавало некоторое количество выпитого Лисом вина.

— Гаэтан, — повторил Солль со вздохом. — Расскажи мне, что ты знаешь о господине декане.

Стало тихо, очень тихо; где-то в отдалении вскрикивал сверчок. Стукнул ставень; снова тишина.

— Дурак ты, Солль, — сказал Лис уже другим, трезвым голосом. — Нашел, о чем спрашивать среди ночи... — он помолчал, сердито сопя, и добавил раздраженно: — Да и тебе, между прочим, виднее... Он твой знакомец вроде бы...

— Вроде бы, — сказал Солль шепотом.

— Ну и вот... И спи себе, — кровать под Лисом прямо-таки зашлась скрипом, так резко он отвернулся лицом к стене.

В стекло билась ночная бабочка — drobный стук маленьких крыльев то обрывался, то оживал с новой силой. Можно было закрыть глаза или держать их открытыми — одинаковая тьма, густая, как воск, залепляла глазницы. Солль притих — как всегда, в темноте ему было очень, очень не по себе.

Кровать Гаэтана ожила вновь — скрип оборвался на самой высокой ноте.

— А что тебе господин декан? — свистящим шепотом Лиса спросила темнота. — Что тебе до него? И что ему до тебя? А?

Солль натянул одеяло до самого подбородка. Сказал в невидимый потолок: -

— Он обещал... помочь мне. А я... не знаю. Я боюсь его... А тут еще она...

— Кто — она? — тут же поинтересовалась темнота.

— Она... Тория, — губы Эгерта неохотно, через силу сложились в это имя.

— Тория? — переспросил Лис опасно и вместе с тем мечтательно. Шумно вздохнул и печально бросил: — Забудь.

Далеко-далеко, в городе, переключались ночные сторожа.

— Он учит ее... колдовству? — с замиранием сердца спросил Эгерт.

Лис снова раздраженно завозился в постели:

— Дураком родился, дураком и помрешь... Он никого не учит... магии! Это тебе не арифметика и не сапожное дело...

И снова тишина, нарушаемая шорохом бабочки да сердитым сопением Лиса.

— Но ведь он маг? — снова спросил Солль, преодолевая невольную робость. — Ведь он великий маг? Я ведь потому и...

Он хотел сказать, что затем и пришел в город, чтобы встретиться с великим магом, о котором слышал на дорогах и постоянных дворах; хотел сказать — и запнулся, побоявшись выдать о себе больше, чем следует. К счастью, Лис ничего не заметил — кровать под ним снова заходила ходуном.

— Я... — снова начал Солль, но Лис неожиданно перебил его. Голос рыжего Гаэтана звучал непривычно серьезно, даже несколько патетически:

— Я в университете второй год... И вот что тебе скажу. Декан Луаян, он... Может, и не человек вовсе, — он перевел дыхание. — Нет, зла никому не делает... Историю лучше него никто на свете не знает, это точно... Только ты правильно его боишься, Солль. Было однажды... Ты только не болтай... Но я сам видел, Солль! Появилась на площади старуха с барабанчиком... Нищая, барабанила и милостыню просила. Говорили о ней... что глазливая, что лучше обходить десятой дорогой... А я возьми да и подойди, любопытно стало... Вижу, декан идет... Поравнялся со старухой да вдруг как развернется, как взглянет... Я рядом стоял, говорю, но меня чуть не убило этим взглядом... А старуха барабанить-то бросила да как зашипит! Чего-то шепчет, а ни слова не разобрать, слова лязгают, как замок ржавый... Ну и... декан тоже ей... сказал. Такое слово... Потом три дня в ушах отдавалось. И потащил ее... Не руками, а так, будто на веревке невидимой... И я за ними потащился, дурак, хоть и поджилки тряслись... Завернули в подворотню, и старуха... Там, где стояла старуха, гляжу, змеюка здоровенная, склизкая, извивается, на декана пасть разевает, а он тогда руку поднял, и из этой руки...

Лис странно осекся и замолчал. Солль лежал, с трудом сдерживая нервную дрожь.

— Ну? — выдавил он наконец.

Лис завозился. Встал. Пошлепал руками по столу, разыскивая огниво.

— Ну?! — простонал Эгерт.

— Ну, — глухо отозвался Лис, высекая искру. — Декан спрашивает: чего тебе надо? А она шипит: вольнослушателя Солля на съедение...

Загорелась одинокая свечка. Эгерт, мокрый как мышь, плюнул с досады и в то же время вздохнул с облегчением: соврал, проклятый шутник. Соврал... Наверное.

Лис стоял посреди комнаты со свечкой, и черные тени на стенах вздрагивали — у Гаэтана мелко тряслась рука.

До самого рассвета оба старательно прикидывались спящими. Утром, проведя несколько долгих минут в изучении косого шрама на поросшей щетиной щеке, Эгерт превозмог себя и отправился на лекции.

Декан Луаян спустился из своего кабинета несколько раньше, чем обычно; заведя его в конце коридора, Эгерт отпрянул в темную, сырую нишу стены. Не заметив Солля или не подав вида, что заметил, декан проследовал мимо; тут-то его и нагнал Лис.

Эгерт не видел его, слыша только непривычно робкий, сбивчивый Гаэтанов голос: Лис, кажется, просил за что-то прощения. «Проклятый язык... — доносилось до Эгертовых ушей. — Сам не знаю, как... Клянусь небом, впредь буду молчать, как рыба...»

Что-то мягко, спокойно отвечал декан. Голос Лиса, кажется, повеселел; застучали, удаляясь, его каблучки.

Декан постоял в раздумье, потом повернулся и, остановившись против ниши, тихонько позвал, глядя в сторону:

— Эгерт.

Кабинет казался огромным, ненамного меньше самого Актового зала; солнечный свет тонул в темных портьерах — бархатные полотнища лежали на окнах, как тяжелые веки на воспаленных глазах, погружая комнату в полумрак.

— Посмотрите, Эгерт... Вам, наверное, любопытно — так и посмотрите...

Посреди кабинета помещался письменный стол с трехглавым медным канделябром; рядом стояли друг напротив друга два деревянных кресла с резными высокими спинками, а позади стола, на гладкой пустынной стене, тускло поблескивало развернутое птичье крыло — кованое, стальное.

— Это память о моем учителе. Его звали Орлан... Я расскажу о нем позже.

Осторожно ступая, Эгерт двинулся вдоль стены; бледное, изуродованное шрамом лицо отразилось в мутном стеклянном шаре с оплывшей свечкой внутри. Рядом, на круглом колченогом столике, толпились серебряные фигурки — людей, зверей и огромных насекомых; изготовленные с необычайным искусством, все они, казалось, смотрели в одну точку. Эгерт пригляделся — взгляды серебряных существ не отрывались от острия портновской иголки, торчащей из бесформенного комочка древесной смолы.

— Смотрите, можно... Только руками не трогайте, да?

Небо, Эгерт откусил бы себе палец, прежде чем отважится дотронуться им до чучела огромной крысы, закованной в настоящие цепи. Обнаженные зубы давно погибшей грызуны казались влажными от вязкой слюны.

Два массивных шкафа, суровых и неприступных, как стражники, заперты были на два висячих замка; вдоль стен тянулись полки — вероятно, это были особенные книги, книги по

магии. Эгерт вздрогнул — на корешке одного из томов густо росла черная, блестящая шерсть.

Ему расхотелось смотреть дальше. Отшатнувшись, он несмело взглянул на декана.

Тот неторопливо отодвинул край портьеры, пропуская в кабинет поток дневного света; непринужденно уселся в одно из деревянных кресел:

— Что ж, Эгерт... Настало время нам побеседовать.

Повинуясь указующей руке, Солль подошел на ватных ногах и присел на краешек другого кресла. В свободном от портьеры уголке окна ему был виден голубой лоскут неба.

— Некоторое время тому назад, — неторопливо начал декан, — не так давно, если судить по меркам истории, и вовсе не так недавно, если судить о человеческой жизни... жил некто. Был он молод и удачлив, и был он магом милостью небесной. И невиданной силы магом... он мог бы стать с годами, не случись в его судьбе внезапного и тягостного перелома...

Декан сделал паузу, будто предлагая Эгерту разглядеть в его словах некий тайный смысл. Солль сжал пальцами деревянные подлокотники.

— Случилось так, — продолжал декан, — что в самоуверенности и гордыне своей он преступил черту, отделяющую шутку от предательства, и тяжко оскорбил друзей. За это он понес, может быть, чрезмерно жестокое наказание — на три года лишенный человеческого обличья, он навсегда расстался с магическим даром... А ведь дар этот был частью его души, его сознания, его личности! И вот, униженный и отвергнутый, утративший все, он двинулся по пути испытаний...

Декан замолчал, будто ожидая, что Солль подхватит рассказ и закончит историю за него, но Эгерт молчал, пытаясь понять, какое отношение имеет деканова повесть к его собственной судьбе.

Луаян чуть усмехнулся:

— Да, Эгерт, путь испытаний... Это был его путь, и он прошел его до конца. Вы тоже стоите на подобном пути, Солль, но только... Это другой путь, и никто не знает, что ожидает вас на его краю. Ведь, как ни суди, а тот человек, о котором я рассказываю, — тот человек никого не убивал...

Будто каленое железо коснулось Эгерта — и прожгло насквозь, хотя в спокойном декановом голосе не прозвучало ни тени упрека. Голубое небо в просвете окна на секунду сделалось черным, а по дну сознания прошла мысль: вот оно, главное. Возможно, сейчас придется расплачиваться, ведь Тория — его дочь, а Динар был бы зятем...

— Но... — выдал он, — я ведь не хотел... Это была честная дуэль, я ведь не хотел убивать его, господин декан... Я и раньше...

Он запнулся, спохватившись, но маг вопросительно взглянул на него, и Соллю пришлось продолжить:

— Я и раньше... Убивал на дуэлях. Два раза... Оба раза честно. У тех... людей, что погибли от моей шпаги, были и родичи, и друзья... Но даже родичи согласились, что смерть на дуэли — это не позор, а тот, кто выжил, — не убийца...

Декан помолчал. Поднялся; будто раздумывая, прошел вдоль полка с книгами, то и дело касаясь рукой истертых корешков. Втянув голову в плечи, Эгерт наблюдал за ним, ожидая чего угодно — молнии из протянутой руки либо заклинания, превращающего собеседника в лягушку...

Маг обернулся. Спросил жестко:

— Представьте, что вы встретились со Скитальцем, Солль. Что вы скажете ему? То же самое, что слышал сейчас я?

Эгерт опустил голову. Признался честно:

— Я не знаю, что говорить ему. Я надеялся... Что, может быть, вы научите меня... Но...

И замолк, потому что любые слова оборачивались жалким, бессмысленным лепетанием. Он хотел бы сказать, что прекрасно понимает — у декана есть причина ненавидеть убийцу студента по имени Динар; возможно, проявленное к Соллю милосердие есть только отсрочка неминуемого наказания. Он хотел бы объяснить, что сознает — отец Тории вовсе не обязан помогать ему в деле со Скитальцем, напротив — декан вправе счесть, что заклятие трусости уместно и справедливо, что Солль до конца своих дней должен носить на лице шрам... И, наконец, Эгерт хотел бы признаться, как все-таки сильно, хоть и безнадежно, он рассчитывает на эту помощь.

Он хотел бы сказать все это — но язык его лежал во рту безвольно и неподвижно, как дохлая рыбина.

Декан подошел к столу, откинул крышку массивного письменного прибора; Эгерт бездумно уставился на причудливой формы чернильницу, песочницу с медным шариком на крышке, ворох разноцветных перьев и пару перочинных ножей.

Декан усмехнулся:

— Я не случайно завел разговор о маге, лишенном магического дара. Возможно, Эгерт, знание о его судьбе чем-то поможет вам... А может, и нет, — декан извлек из груды перьев одно, особенно длинное, любовно оглядел его и взялся за перочинный нож: — Полвека назад, Эгерт, я был мальчиком и жил в предгорьях... И мать моя, и отец, и все родичи погибли во времена Черного Мора, и главным человеком в моей жизни стал мой учитель, Орлан. Его домик лепился к скале, как ласточкино гнездо... А я был в этом гнезде птенцом. И вот однажды вечером мой учитель поглядел в Зеркало Вод... Видите ли, Эгерт... Маг, достигший определенной степени могущества, набрав воду из пяти источников и сотворив заклинание,

может увидеть в этом зеркале то, что скрыто от глаз. Мой учитель посмотрел... и умер, у него разорвалось сердце. Я никогда не узнаю, что или кого он тогда увидел. Я остался один, мне было тринадцать лет, но, похоронив Орлана, как велит обычай, я не спешил искать нового учителя. Спустя некоторое время я сам, впервые самостоятельно, сотворил Зеркало Вод. Долгое время оно оставалось темным, и я готов был отчаяться, когда поверхность воды прояснилась, и я увидел... — декан отложил очиненное перо и взялся за новое, — увидел незнакомого мне человека, стоящего перед огромной, кованной железом Дверью. Видение длилось несколько мгновений — но я успел разглядеть ржавый засов, отодвинутый наполовину... Вы когда-нибудь слышали, Эгерт, о Двери Мироздания?

Декан замолчал и вопросительно поглядел на Солля. Ерзя в кресле, Эгерт казался себе глупым как никогда; пожав плечами, декан усмехнулся:

— Вы не знаете, зачем я рассказываю вам все это? Возможно, и напрасно, Эгерт, возможно, и зря. Но если вы хотите говорить со Скитальцем... Вы ведь все еще хотите с ним говорить?

Чуть слышно скрипнула входная дверь — Эгерту этот звук показался оглушительным, как залп. В кабинет вошла Тория.

Эгерт вжался в свое кресло, а девушка, приостановившись было при виде отца посетителя, как ни в чем не бывало приблизилась к столу и поставила на него небольшой поднос с ломтиком хлеба и стаканом молока. Потом, переглянувшись с деканом, помедлила и уселась на край стола, покачивая тонконосым башмачком.

— Я здорово озадачил господина Солля своими историями, — сообщил декан дочери. Тория кисло усмехнулась.

Декан снова заговорил, обращаясь, по-видимому, к Соллю; Эгерт между тем не понимал ни слова, только и ожидая той счастливой минуты, когда можно будет наконец встать и уйти. Не глядя на Торию, он кожей ощущал редкие равнодушные взгляды, которыми она время от времени награждала его.

Прошло несколько минут, прежде чем Солль опять получил возможность понимать то, что рассказывал тем временем декан:

— ...Это труд моей жизни, Эгерт, главная книга... Пока она называется просто «История магов»; пожалуй, ни у кого до меня не было уникальной возможности свести воедино все, что мы знаем о великих магах прошлого. Многие из них ушли в легенду, кое-кто жил совсем недавно, кто-то живет и теперь... Я был учеником Орлана — ему посвящена большая глава — и лично знал Ларта Легиара... Вам ничего не говорят эти имена, Солль, но любой маг, даже самый посредственный, преисполняется почтением, едва услышав их...

Голова Эгерта понемногу наливалась свинцом. Комната

медленно повернулась вокруг Солля, как вокруг оси; неподвижным оставалось только бледное, как прекрасная алебастровая маска, лицо Тории.

— Понимаю, вам трудно, Солль... — декан снова сидел в деревянном кресле с подлокотниками, и, встретившись с ним глазами, Солль мгновенно протрезвел, будто от ледяной ванны. Декан смотрел пристально, нанизывая собеседника на взгляд, как на иголку. — Понимаю... Но путь испытаний не бывает легким, Солль. Никто не знает, чем завершится ваш путь, но я помогу вам, чем сумею... Тория, — мягко обратился он к дочери, — та книга, история зачатий, она здесь или в библиотеке?

Не говоря ни слова, Тория привычным движением выдернула с полки небольшую книжку в кожаном переплете с медными уголками:

— «О зачатиях»? — спросила буднично. — Возьми...

Декан осторожно принял книгу, ладонью смахнул пыль, дунул на страницы, изгоняя последние пылинки:

— Вот, Солль... Я даю вам эту книгу с надеждой, что она поможет вам... глубже понять, осознать, что с вами случилось. Не спешите возвращать — она дается вам на достаточно долгий срок...

— Спасибо, — сказал Эгерт не своим, каким-то деревянным голосом.

* * *

«Жил некто, и был он алчен и жесток. Однажды в лютый мороз в дом его постучалась женщина с грудным ребенком; он подумал: зачем нищенка у моего камина? — и не пустил ее. Случилась метель, и, замерзая в сугробе с мертвым ребенком на руках, женщина сказала слово, страшное в человеческих устах. И был тот человек заклят: никогда больше не мог он развести огня. Крохотная искорка или пожарище, костер или трубка с табаком — всякий огонь дымил и угасал, стоило лишь ему приблизиться; сам он стал стыть и гаснуть, как пламя под ливнем, и не мог согреться, не мог согреться и, умирая, шептал: холодно...»

Солль зябко поежился, вздохнул и перевернул страницу.

«В одном селении случилась язва, и много людей умерло. Прослышав о беде, явился в селение знахарь; был он молод, однако опытен и умел. Пользуя людей травами, шел он от дома к дому, и болезнь могла изъязвить и его — однако, по счастью, не тронула. Исцелились люди; тогда спросили они себя: что за сила дана молодому лекарю? Что за непонятная мощь в его руках и его травах? Почему язва пощадила его? Испугались люди неведомой силы и умертвили знахаря, желая умертвить с ним и силу его. Однако случилось так, что вслед

за преступлением их последовала и расплата: спустя малое время поселок опустел, и никто не знал, куда девались люди; мудрые говорят, что закляты они, все закляты, и старики, и младенцы, и маяться им в неведомых безднах, покуда не явится человек и не снимет заклятия...»

Книга была стара, и каждая желтая страница хранила повесть о делах смутных и страшных. Солль с трудом сдерживал нервную дрожь — и все равно читал, будто глаза его прикованы были к черным, как жучьи спины, буквам:

«Случилось так, что трое на дороге остановили путника — но он был беден, и трое не получили добычи. Тогда, обуянные злобой, они били его беспощадно... На пороге смерти он сказал им: был я кроток и добр и не причинил вам зла; за что же вы так поступили со мной? Заклинаю и проклинаю: да не носи вас земля!

И путник умер; и как только закрылись глаза его, подалась земля под ногами разбойников.

Охваченные ужасом, бежали они — но с каждым шагом твердь под ними разверзалась все больше и хватала за ноги, и вот уже по колено в земле молили они о пощаде — но заклятие было сказано, и губы заклявшего остыли навсегда. А земля не держала разбойников, не желала более их носить, и ушли они по пояс, а потом и по грудь, и кричащие рты навеки заткнула трава, и только черные дыры остались в земле, да и они...»

Солль не дочитал — с невидимой площади донесся тоскливый звук, голос Башни ордена Лаш. Эгерт вздохнул и перевернул страницу.

«Мимо селения шел колдун — дряхлый и злобный старец. Случилось ему запнуться о камень, лежавший на дороге, упал он и поломал свои старческие кости. Возопил колдун и заклял камень; с тех пор люди не селятся вблизи тех мест. Тяжко стонет камень, будто терзаемый мукой, и смельчаки, подбиравшиеся близко, видели черную кровь, по капле истекающую из трещины...»

Эгерт отодвинул книгу. Уже несколько дней перед глазами его вереницей проходили странные и удручающие истории, многие из которых здравомыслящий счел бы сказкой — здравомыслящий, но не человек, носящий на лице косой шрам.

«Был человек, и женился он на прекрасной девушке, и любил ее всей душой — но слишком красива была молодая жена, и во сне явилась ему картина ее измены. Тогда, преисполненный страха и гнева, сказал он слова, обернувшиеся заклятием: пусть всякий другой мужчина, на кого лишь раз падет ее нежный, благосклонный взгляд, изведется и умрет тягостной смертью!

Но молодая жена была верна ему всей душой, и ни разу не взглянула она с нежностью на другого мужчину. И шли годы,

и жили супруги в довольстве и счастье, и подрастали их дети. Вот возмужал их старший сын, превратившись из мальчика в юношу, и однажды, озаренный первой любовью, прискакал он домой на рассвете. Мать его, стоявшая у крыльца, взглянула на сына и увидела сияющие глаза его и широкие плечи, увидела гибкую силу и молодую горячность сына своего — и тогда взгляд ее исполнился гордости и любви.

И разразилось старое заклятье, и, не разбирая и не щадя, обрушилось на юношу, сколь ни рыдала мать его; тогда, обезумев, выцарапала она свои глаза, погубившие сына одним только взглядом...»

В университетском дворике лоснилась под солнцем трава, укрывающая в бархатной зелени полчища громогласных кузнечиков. Невидимые насекомые блаженствовали, распевая гимны жизни; стоял ленивый послеполуденный час, теплый ветер приносил запахи земли и цветов, а перед Соллем лежала на старом столе безучастная, как свидетель, книга.

«У богатой и знатной госпожи была красавица-дочь; сговорившись со странствующим певцом, она хотела бежать из дома, чтобы выйти за бродягу замуж. Но затея сорвалась; раскрыв намерения влюбленной пары, старая мать разгневалась сверх меры и, будучи сведущей в магии, сотворила заклятье: пусть мужчина, который лишит девственности ее дочь, не знает счастья, не видит света и не помнит своего имени!

Долго и горько рыдала девушка; менестрель ушел в далекие земли, и никто не желал больше свататься к прекрасной и богатой невесте. Но вот однажды надменный, хоть и обедневший господин заявил о своем намерении взять ее в жены; наскоро сыграли свадьбу, и в первую брачную ночь молодой муж привел к жене в постель грубого, похотливого конюха...

И случилось так, что на другой же день конюх ослеп и не видел больше света, обезумел и забыл свое имя, иссох, чтобы никогда не знать счастья. А молодой муж зажил со своей женой и получил богатое приданое — но недолго длилось его супружество, потому что...»

В комнату влетел шмель — полосатый пушистый шарик. Покружился под серым сводом потолка, ударился о раму, упал на рыжие от времени страницы; обиженно взревел и вылетел в окно. Солль потер кулаком воспаленные веки.

Зачем декану Луаяну понадобилось, чтобы он прочитал все это?

Во все века от заклятий страдали как отпетые злодеи, так порой и ни в чем не повинные люди; к последним Эгерт испытывал особенное сочувствие. И он тоже жертва заклятия; все эти невесты когда жившие люди породнены с ним общей бедой. На пути его случился Скиталец и походя, одним движением шпаги неузнаваемо изувечил его жизнь...

Раньше Соллю никогда не приходилось так долго сидеть за книгой. От непривычного занятия ныла спина, слезились и болели усталые глаза; подумав было об отдыхе, Эгерт вздохнул и снова притянул к себе раскрытую книгу.

«В доме одинокой вдовы укрылся беглый бродяга — стражники, что служили князю тех мест, преследовали его, а женщина пожалела и спрятала в подпол. Но когда, свирепые и вооруженные, явились к ней преследователи — не выдержала вдова, испугалась и выдала беглеца... Стражники тут же его и повесили — но уже с петлей на шее сказал он женщине: что ты сделала! Неверная ты; пусть же до смерти никто не верит тебе!

И умер бродяга, и закопали его тут же, у вдовы под окном. С тех пор люди отвернулись от несчастной, ибо не верили ей — ни словам, ни глазам, ни голосу, ни поступкам, не верили доброте ее и честности, и слыла она в округе злой ведьмой...

Но случилось так, что через селение проезжал на черной лошади белый, как лунь, старик; зашел он в дом к отчаявшейся женщине и сказал ей: знаю, что за беда постигла тебя. Знаю, что уже искупила ты невольную вину; слушай же, и я расскажу тебе, как снять заклятие!

Выслушала она и, дождавшись полуночи, вышла на могилу, что поросла под ее окном крапивой и чертополохом. В одной руке кувшин с водой несла, в другой — острый кинжал, стариком оставленный. Стала перед могилой, посмотрела луне в лицо и сказала мертвецу в земле: вот вода, а вот острая сталь. Дам тебе напиться, сними с меня чары!

С этими словами воткнула она кинжал в самый могильный холмик, глубоко вонзила, по самую рукоять; потом полила водой из кувшина и ушла в дом, а на другое утро смотрит — на могиле стоит дерево, молодая ольха. И поняла тогда женщина, что заклятие снято, и возрадовалась, и зажила с тех пор мирно и счастливо, а за деревом на могиле ухаживала, как за сыном...»

Соль с трудом оторвал глаза от ровных, равнодушных строчек. «Заклятие снято, заклятие снято», — повторялось и повторялось в шорохе ветра, в трелях незнакомой птахи, в чьих-то отдаленных шагах по гулкому коридору флигеля. Заклятие снято.

Светлое небо! Стоило же дни и ночи горбить спину над страшной книгой, чтобы вот так, случайно, наткнуться на историю со счастливым концом. Мудр, тысячу раз мудр декан Луаян. «Заклятие снято»... **ЗАКЛЯТИЕ МОЖЕТ БЫТЬ СНЯТО.**

С глупой улыбкой он смотрел в окно, смотрел, как, приминая траву, носится за бабочкой лохматый бродячий пес. У него впереди холодные ночи под мостами и злобные пинки

тысяч ног — но сейчас он носится, как щенок, забыв обо всем на свете; он — счастлив.

Счастлив, подумалось Соллю. Пошатываясь, как пьяный, он поднялся из-за стола и взобрался на подоконник.

Близился вечер, теплый весенний вечер; над университетским двориком висел квадрат синего предвечернего неба, и в нем медленно, будто напоказ, кружились голуби — залитые косыми лучами заходящего солнца белые птицы казались розовыми, как фруктовые леденцы. Соллю захотелось плакать и кричать во все горло — так, будто груз заклания уже сброшен и позорный шрам смыт с лица, как корка налипшей грязи; не решаясь запеть, он ограничился тем, что широко и радостно улыбнулся бродячему псу на траве.

— Эй, Солль! — удивленно послышалось у него за спиной.

Все еще продолжая улыбаться, Эгерт обернулся к двери. На пороге, округлив глаза, стоял изумленный Лис и тоже улыбался — от уха до уха.

От сына аптекаря не могло укрыться особенное внимание декана Луаяна к вольнослушателю Соллю, проявившееся в щедром разрешении пользоваться личной декановой книгой. Уже несколько дней Лис изнывал от любопытства, но, привыкший относиться к декану с уважением и опаской, не решался без спроса заглянуть в книгу либо задать Эгерту прямой вопрос. Глядя, как Солль дни и ночи проводит над пожелтевшими и, верно, полными магии страницами, Лис проникся к Соллю некоторым уважением; поэтому — а еще потому, что был просто хорошим парнем, — Гаэтан так обрадовался перемене Соллевого настроения и его согласию наконец-то выбраться в город.

У парадного входа в университет Лис задержался, не в силах отказать себе в удовольствии похлопать по заду деревянную обезьяну. Отполированный сотнями рук зад лаково лоснился; Солль собрался с духом и последовал Гаэтанову примеру.

Сей фамильный жест придал Эгерту уверенности в себе. Вечер был теплый, мягкий, исполненный запахов и звуков — не резких, как днем, а приглушенных, растворенных в бархатной дымке подступающей темноты. Небо угасало, но до наступления ночи было еще далеко; Эгерт шел, запрокинув голову, чувствуя ветер в своих волосах и непривычное, напрочь забытое ощущение радостного спокойствия во всем теле.

Повстречалась шумная группка студентов — Эгерт узнал знакомые лица, Лис же на одни только рукопожатия потратил едва ли не полчаса. Дальше пошли вместе; Солль старался держаться поближе к Лису и тщательно соблюдал охранные

ритуалы — сжимал правую руку в кулак, а левой держался за пуговицу.

Для начала завернули в трактир — крохотный, с единственным высоким столиком в центре, с подвешенной к потолку клеткой, вмещавшей толстого флегматичного кролика. Заведение называлось почему-то «У зайца», и веселые студенты осушили каждый по стакану вина — кислое, на взгляд гурмана Солля, пойло принесло ему куда большее удовольствие, нежели все изысканные вина, выпитые им до сих пор.

Радостной толпой вывалились на улицу; слегка захмелевший, Эгерт расслабился настолько, что позабыл о защитных ритуалах. Лис шествовал впереди, как предводитель и поводырь; в каком-то переулке выловлены были две шустрые девчонки, и компания двинулась дальше под их нескончаемый визг и звонкий хохот.

Следующий по пути трактир назывался просто «Утолись», и в нем задержались подольше. Эгерт чувствовал, как, проливаясь, вино капает за ворот; обе девчонки, безошибочно высмотрев в толпе студиозусов самого высокого и красивого, вились вокруг Солля, как пара шустрых рыбешек вокруг насаженного на крючок червя.

Неудержимо двинулись дальше — заметив в окошке первого этажа огонек, Лис с неожиданной в шуплом теле силой подхватил подвернувшуюся девчонку на руки и, ловко закинув ей на спину пышную юбку, приклеил обнажившимся местом к оконному стеклу. Дикий крик, последовавший сразу вслед за этим из комнаты, вверг студентов в приступ хохота, от которого лезли на лоб глаза и рвались животы; подхватив девчонку под мышку, Лис повел свою компанию прочь, не дожидаясь, пока на улицу выскочит разъяренный обитатель пострадавшего дома.

Шутка всем понравилась — хватая по очереди то одну, то другую девчонку, Лис с помощью товарищей повторял ее снова и снова. Один раз пришлось спасаться бегством, потому что хозяин вздумал спустить собаку. Эти минуты были особенно неприятны для Солля — обычный страх отозвался холодом в животе и слабостью в ногах, но погоня скоро отстала, и Лис так уморительно передразнил потерпевшего фиаско пса, что Эгерт почти совсем перестал бояться.

Трактир «Милая фантазия» не удостоился посещения — Эгерту показалось, что веселую компанию смутили мирно сидевшие в уголке серые фигуры, утопавшие в плащах с капюшонами. Служителей Лаш было всего двое или трое — однако студенты, не сговариваясь, тут же и вышли прочь; Солль поспешил вслед за всеми, несколько сожалея — и напрасно, потому что следующий трактир, «Одноглазая муха», оказался превыше всяких похвал.

Заведение это служило местом сходов не одному поколению студентов; как бы в подражание Большому Актному залу вдоль всего обширного помещения тянулись скамьи и длинные столы, а в углу было устроено некое подобие кафедры. Притулившись по обыкновению на краю скамейки, Эгерт удивленно вслушивался в бесконечные куплеты срамных песен — и Лис, и все прочие знали их во множестве. То краснея, как девушка, то покатываясь со смеху, Солль наконец-то приспособился подпевать припев: «Ой-ей-ей, не говори, милый, не рассказывай! Ой, душа моя горит, а дверь скрипит, не смазана!»

Возвращались в глухой темноте — Эгерт держал Лиса за рукав, чтобы не заблудиться. Оба были изрядно пьяны; ввалившись в комнату, Лис первым делом потребовал зажечь огонь, затем уронил на пол пряжку от плаща, сел на постель и устало объявил, что жизнь его суха и шершава, как песий язык. Сочувствуя приятелю и желая оказать ему услугу, Солль в поисках утерянной пряжки опустил на четвереньки, сжимая свечку в зубах; заглянув под свою кровать, он заметил темнеющий у самой стены пыльный предмет.

— Эй! — пьяным голосом поинтересовался Лис. — Ты зачем под кроватью живешь, а?

Эгерт выпрямился — в руках у него была книга.

— Ну и ладно... — расслабленно согласился Лис, стягивая башмак. — Это, верно, того парня, что до тебя тут жил... Пряжки-то нету?

Солль поставил свечу на стол, положил рядом свою находку, стер ладонью слой пыли и развернул склеившиеся страницы.

Это была, по-видимому, история битв и полководцев; перевернув несколько листов, Эгерт наткнулся на плотный бумажный четырехугольник. Одна сторона его была чистой, с одним только чернильным пятнышком в углу; другая сторона...

Солль несколько секунд смотрел на рисунок — и вдруг протрезвел, будто брошенный в прорубь. С рисунка на Эгерта смотрела Тория.

Поразительное сходство — художник, неумелый, видимо, и неопытный, но, безусловно, талантливый, ухитрился схватить главное, передать даже выражение глаз — ту спокойную доброжелательность, с которой Тория взглянула на Эгерта в первую их встречу. Безукоризненно точно располагались родинки на шее, и дерзко изгибались ресницы, и мягкие губы вот-вот готовы были улыбнуться...

Лис икнул, роняя на пол второй башмак:

— Чего там, а?

С трудом оторвав взгляд, Солль перевернул рисунок, на-

крыл его ладонью — будто это его тайна, будто Лис не должен знать...

Спохватившись, вернулся к книге, раскрыл первую страницу в поисках подписи владельца.

Только две буквы: «Д. Д.».

Солля бросило в жар.

— Гаэтан, — спросил он шепотом, стараясь говорить спокойно, — кто тут жил до меня, Гаэтан?

Лис помолчал. Вытянулся на кровати:

— Говорю, парень один жил... Хороший парень, Динар его звали. Я, правда, сойтись с ним как следует не успел — уехал он, и его где-то там убили...

— Кто убил? — спросил Солль, помимо своей воли.

— А я почему знаю? — фыркнул Лис. — Какой-то мерзавец убил, я не знаю, где и как... Слушай, не стой столбом, туши свечку, а?

Эгерт дунул на свечу и несколько минут неподвижно стоял в темноте.

— Скажу тебе, — сонно пробормотал Лис, — что был он действительно хороший парень, потому как иначе Тория... ну, Тория, деканова дочка... замуж за него не собралась бы. А она, говорят, совсем уж собралась, и свадьбу назначили... Вот...

— Он здесь жил? — прошептал Эгерт непослушными губами. — Здесь, в этой комнате? И спал на этой кровати?

Лис завозился, устраиваясь поудобнее:

— Да ты не бойся... Призрак его не явится... Не такой он парень, чтобы своих же братьев-студентов по ночам пугать, хороший, говорю, парень был... Спи...

Лис еще что-то бормотал — но слов не разобрать было, и вскоре бормотание сменилось мерным сопением.

Пересилив себя, Эгерт разделся и забрался под одеяло с головой. Так и провел всю ночь, зажмурив в темноте глаза и заткнув уши в полной тишине.

* * *

Каждое утро, просыпаясь, Динар Дарран видел над собой этот сводчатый потолок с двумя сходящимися трещинками в углу. Рисунок трещинок напоминал широко распахнутый глаз; каждое утро Эгерту приходило в голову это сравнение — но, может быть, Динар видел иначе?

Каждое утро Динар снимал свой плащ с истертого крюка, вбитого в стену над кроватью, а вздумай он выглянуть в окно — его взору предстала бы та же картина, которой не раз и не два развлекал себя Солль: университетский дворик с зеленой клумбой в центре, глухая стена справа и ряд узеньких окошек слева, а напротив — величественная каменная стена глав-

ного корпуса с двумя круглыми балконами... Сейчас на одном из них важный служитель вытряхивал пыль из старинной географической карты, вышитой шелком на бархате; пыль летела на весь двор.

Убитый Соллем человек жил в маленькой комнате, каждый день ходил на лекции, читал книгу об истории битв и полководцев — а сам не носил оружия и не чувствовал в этом необходимости. Тория, тогда еще спокойная и веселая, а не замкнутая и отчужденная, как теперь, охотно виделась с ним каждый день. Увлеченные разговором, для которого у них имелось множество тем, они часами просиживали в библиотеке, или в зале, или в любой из подсобных комнатушек; временами Динар приглашал Торию к себе, и тогда она по обыкновению присаживалась на край стола и покачивала ногой в тонконосом башмачке...

А потом они сговорились о свадьбе. Наверное, Динар трепетал, представ перед деканом в роли просителя руки; наверное, декан был к нему благосклонен, и тогда, счастливые, жених и невеста отправились в путь... В свадебное путешествие? В научную экспедицию? Что там они искали, какие-то рукописи... Как бы то ни было, целью путешественников стал Каваррен, где с кучкой приятелей в трактире сидел Эгерт Солль...

Неисповедима воля декана Луаяна. Совсем не случайно опустевшая койка Динара досталась теперь его убийце... А книга с портретом? Сколько дней пролежала она в темном углу под кроватью, дожидаясь, пока Эгерт возьмет ее в руки?

Утром, когда шаги уходящего Лиса слились с бодрым топотом прочих спешащих в зал студентов, Эгерт сбросил накопец с головы одеяло и встал.

Были кости после бессонной ночи; книга была здесь, под подушкой, и при свете дня Эгерт осмелился снова взглянуть на портрет.

Никогда в жизни живая Тория не смотрела на Солля так, как глядела сейчас с рисунка. Вероятно, так она смотрела только на Динара, и тогда он, щедрый, как все влюбленные, решил задержать этот взгляд на бумаге, поделиться с миром своей радостью... А может быть, нет. Может быть, рисунок вовсе не был предназначен для чужих глаз, и Солль совершает преступление, разглядывая его минуту за минутой...

С трудом отвернувшись, он уставился на выщербленный край стола. Тягостное чувство, родившееся в нем ночью, усиливалось и перерастало в тоску.

Он почти не помнил лица Динара. Он вообще не смотрел ему в лицо; в памяти его остались простая темная одежда, срывающийся голос да беспомощное фехтование чужой шпагой. Спроси сейчас Эгерта, какого цвета были у Динара глаза, а какого волосы — не скажет. Не вспомнит.

О чем думал незнакомый юноша, касаясь бумаги кончиком карандаша? Рисовал ли по памяти, или Тория сидела перед ним, поддразнивая и посмеиваясь от внезапно возникшей неловкости? Зачем этим двоим понадобилось появляться в Каваррене, что за злая судьба направила их путь, что за злая судьба направила руку Эгерта, он же не хотел...

Я не хотел, сказал Эгерт сам себе, но тягостное чувство не оставляло его; по душе будто елозили ржавые железные когти. Пытаясь вспомнить лицо Динара, он слишком ярко вообразил его сидевшим у стола в этой самой комнате — и теперь боялся оглянуться, чтобы не встретиться с ним глазами.

Я не хотел, сказал Эгерт воображаемому Динару. Я не хотел тебя убивать, ты сам напоролся на мою шпагу... Разве я убийца?!

Динар молчал. Ржавые когти стиснулись.

Он содрогнулся. Перевернул страницу, скрывая под ней портрет Тории; уставился на черные полосы строк. Несколько раз механически пробега глазами один и тот же отрывок, вдруг осознал его смысл: «Считают, что покровитель воинов Харс был реальным лицом и еще в незапамятные времена прославился свирепостью и жестокостью... Рассказывают, он добивал раненых — как безнадежных, так и тех, кого можно было вылечить, и делал это не из милосердия, а из чисто практических соображений: раненый бесполезен, всем в тягость, легче закопать его, нежели...»

Динара закопали под гладкой, без украшений плитой. Шпага проткнула его насквозь; последним, что он видел в жизни, было лицо его убийцы. Успел ли он подумать о Тории? Как долго тянулись для него секунды умирания?

Кладбище у городской стены Каваррена... Усталые птицы на надгробьях... И та надпись на чьей-то могиле: «Снова полечу».

Ржавые когти стиснулись в кулак — и на Эгерта невыносимой тяжестью обрушилось осознание непоправимого. Никогда еще он так остро не сознавал, что живет в мире, исполненном смерти, рассеченном гранью между всем, что можно исправить, и всем необратимым: хоть как ни исходи горем — а не вернуть...

...С трудом опомнившись, Солль увидел, что сжимает в руках портрет; листок с рисунком оказался примятым, и Эгерт долго-долго разглаживал его на столе, кусая губы и думая, что же делать теперь. Знает ли Тория о рисунке? Может быть, она искала его и горевала, не найдя, а может быть, забыла о нем, угнетенная обрушившимся несчастьем, а может быть, она никогда не видела портрета, Динар нарисовал его в некоем порыве вдохновения, а потом потерял?

Он вложил рисунок в книгу, потом не выдержал и снова

взглянул — в последний раз, потому что хочешь не хочешь, а книгу надо отдать декану... Возможно, это ловушка, тогда лучше всего положить находку на прежнее место; но, может быть, для Тории это важно? Рисунок принадлежит ей; Солль передаст его декану, а уж тот сам решит, когда и как показать его Тории...

Он принял решение — и ему стало легче. Тогда, сжимая книгу, он подошел к двери, намереваясь отправиться к декану; вернулся. С минуту посидел у стола, потом спрятал темный переплет под мышкой, сжал зубы и вышел в коридор.

Путь его оказался долгим и трудным — уже ступив на него, Солль осознал все безумие своей затеи. Он явится к декану, отдаст книгу, признается тем самым, что видел рисунок, — и чей же? Погибшего жениха Тории, жертвы своего же бессердечия...

Два раза он поворачивал назад; встретившиеся по пути студенты удивленно косились на него. Сжимая помертвевшими пальцами книгу, Солль встал наконец у двери кабинета — и готов был пуститься наутек, потому что свершить задуманное показалось ему равнозначным признанию в собственной подлости.

Он всем сердцем желал, чтобы декан в тот момент оказался где угодно, но не в кабинете; сердце его упало, когда знакомый голос отозвался на его приветствие:

— Эгерт? Прошу вас, входите...

Тускло поблескивало стальное крыло, в строгом молчании взирали на гостя стеллажи и полки. Декан отложил работу и поднялся Соллю навстречу; Эгерт не выдержал его взгляда и опустил глаза:

— Я пришел... отдать...

— Вы уже прочитали? — удивился декан. Солль прерывисто вздохнул, прежде чем заговорить снова:

— Это... не та книга. Это я... нашел...

И, не в силах выдать больше ни слова, он протянул декану злосчастный томик.

Не то рука Солля дрогнула, не то Луаян замешкался, принимая книгу, — но, восторженно, как живая, она всплеснула страницами и едва не упала на пол; вырвавшись на волю, одинокий белый листок описал в воздухе круг и улегся к ногам Эгерта; нарисованная Тория по-прежнему готова была улыбнуться.

Прошла секунда — декан не двинулся. Медленно, как заведенный, Эгерт наклонился и поднял портрет; преодолевая себя, протянул его декану — но другая рука выхватила его с такой силой, что бумага, разрываясь, треснула.

Солль поднял взгляд — прямо перед ним, бледная, вздра-

гивающая от гнева, стояла Тория. Эгерт отшатнулся, испепеляемый сузившимися, полными ненависти глазами.

Может быть, она хотела сказать, что Солль совершил кошунство, что рисунок Динара теперь испачкан руками его убийцы, что, коснувшись вещи, когда-то принадлежавшей ее жениху, Эгерт преступил все возможные границы бессовестности — возможно, она хотела это сказать, но мгновенная вспышка гнева отобрала у нее дар речи. Вся боль и все возмущение, до поры до времени сдерживаемые, вырвались теперь наружу; человек, запятнанный кровью Динара, осквернил своим присутствием не только стены университета, но и саму память о ее погибшем возлюбленном.

Не сводя с Эгерта уничтожающего взгляда, Тория протянула руку и взяла, нет, выхватила у отца Динарову книгу; набрала в грудь воздуха, чтобы что-то сказать, но вместо этого вдруг сильно ударила Эгерта книгой по лицу.

Голова Солля мотнулась; выплеснув в ударе душившее ее негодование, Тория вновь получила способность говорить, и слова пришли вместе со следующим ударом:

— Мерзавец! Не смей!

Вряд ли Тория сама понимала в тот момент, что именно надлежит не смей делать Эгерту. Полностью утратив над собой власть, она в иступлении хлестала книгой по лицу со шрамом:

— Не смей! Негодяй! Убирайся!

Из глаз ее летели во все стороны отчаянные, злые слезы.

— Тория!!

Декан Луаян схватил дочь за руки; она отбивалась недолго — ее скрутили истерические рыдания, и, опустившись коленями на пол, она выдавила сквозь судорожные всхлипы:

— Ненавижу... Не...на... вижу...

Эгерт стоял, не в состоянии сделать и шага. По губам и подбородку расплывалась кровь из разбитого носа.

* * *

Он сидел на краю канала, и горбатый мостик виделся ему снизу — замшелые камни с бликами воды на них, добротная кладка, основание перил, топающие ноги, гремящие колеса, сапоги, башмаки, босые ступни, серые от пыли, и снова колеса, копыта, башмаки...

Время от времени он опускал в воду замаранный носовой платок и снова прикладывал его к лицу. Кровь успокоилась было и опять полилась, и вид ее заставлял Эгерта невольно содрогаться.

Он глядел на гладкую поверхность стоячей воды и вспоминал, как плакала Тория.

Никогда раньше он не видел ее слез. Даже когда погиб Динар, даже на похоронах... Впрочем, Солль ведь не был на похоронах. Он знает об этом с чужих слов.

Она не из тех, кто плачет при свидетелях. Видимо, очень уж невыносимой была ее боль — и причинил ее Эгерт, который, как видно, и рожден на свет для того только, чтобы доставлять Тории страдания. Небо, да он с удовольствием избавил бы мир от своего присутствия — только не знает, как. Скиталец не оставил ему лазейки... Скиталец.

Эгерт отбросил платок, превратившийся в грязную тряпку. Ему придется вернуться в университет. Ему необходимо встретиться с давнишним постояльцем «Благородного меча». Ему надо убедить неведомого и страшного человека, умолить его, стать на колени, если понадобится, — пусть снимет заклятие, иначе Эгерт сойдет с ума...

С трудом поднявшись, он выбрался на мост. Шарахнулся от проезжавшей кареты; медленно двинулся знакомой уже улицей, стараясь не выходить на ее середину и постоянно озираясь — нет ли опасности. На лице его по-прежнему горели следы ударов.

Проходя через площадь, где красовалось на постаменте каменное Привидение Лаш, Эгерт старательно обошел группку молчаливых людей в таких же, как у Привидения, плащах. В какую-то секунду ему померещились пристальные взгляды из-под нависающих капюшонов — но в то же мгновение серые фигуры повернулись и двинулись прочь.

Над входом в парфюмерную лавку красовалась огромная тряпичная роза — эмблема цеха; головка благородного цветка, напоминавшая скорее кочан капусты, безжизненно свешивалась с медного шипастого стебля. В широких окнах, подобно солдатам в строю, шеренгами замерли баночки и флакончики; у Эгерта закружилась голова от густого сладкого запаха, доносящегося из распахнутой двери; он поспешно миновал лавку — и замер. Странное, незнакомое чувство властно велело ему остановиться.

В лавке, в благоухающих недрах ее со звоном упал тяжелый, вдребезги разбившийся предмет, сразу после этого тонко вскрикнул детский голос и раскатилось ругательство; потом, отирая забрызганный чем-то рукав, из двери проществовал долговязый господин с брезгливым выражением лица — видно, покупатель. Еще потом хозяин лавки — Эгерт узнал его по все той же обязательной розе, вытатуированной на внешней стороне ладони, — за ухо выдернул на порог мальчишку лет двенадцати, ученика.

Такие сценки не были диковинкой в торговых, а особенно мастеровых кварталах — по десять раз на дню здесь кого-нибудь пороли, и прохожие не обращали особого внимания на

крики наказуемых, предоставляя воспитательному процессу идти своим чередом. Мальчишка-ученик провинился, видимо, серьезно, хозяин был рассержен не на шутку; остановившийся в пяти шагах Эгерт видел, как нервно сжимается рука с ремнем, и вытатуированная роза от этого чуть заметно шевелит красными лепестками.

Мальчишка был надежно зажат между мощными коленями хозяина, Солль видел маленькое багровое ухо под клоком соломенных волос, круглый испуганный глаз да с другой стороны — розовое пространство между спущенными штанами и задранный рубашонкой. Мальчишка покорно ждал наказания; Эгерту вдруг стало плохо, тоскливо, тошно.

Хозяин ударил, и Солля накрыло волной боли.

Он стоял в пяти шагах — и непостижимым образом боль чужого мальчишки обрушилась на него с такой силой, будто сам он был без кожи, ободранный, как туша под ножом мясника. К ощущению боли примешивалось другое чувство, ничуть не лучше — Солль понял вдруг, что хозяину нравится лупить, что он дает выход накопившемуся раздражению, что ему все равно сейчас, кого бить — лишь бы сильнее, лишь бы с оттяжкой, лишь бы потешить изголодавшуюся душу. Эгерт не успел осознать, каким образом в нем открылось мучительное шестое чувство, и не успел удивиться: его стошнило прямо на мостовую. Кто-то рядом ругнулся; удары продолжали сыпаться, и Солль понял, что сейчас упадет в обморок.

Он бежал, не разбирая дороги. Потом шел; потом брел, едва переставляя ноги. В каждом окошке, в каждой подворотне, в каждой улочке стояла боль — стояла высоко, как вода в переполненном колодце.

Это были только отголоски — сильные, слабые, острые и притупленные; кто-то плакал, кто-то получал удары, кто-то наносил их, а кто-то маялся оттого, что хотел бить — но не знал, кого... Из одного окна на Эгерта будто дохнуло смрадом — человек, скрывавшийся в темноте комнаты, желал насиловать и желал так алчно, что Солль, как ни было трудно волочить ноги, побежал прочь. В другом окне жило отчаяние — беспросветное, ведущее в петлю; Эгерт застонал и прибавил шаг. В трактире дрались — у Солля мороз продрал по коже от чужого азарта, темного, слепого азарта тяжелых кулаков.

Город нависал над Соллем, как зловонный ломоть ноздреватого сыра, испещренного дырами окон и подворотен; ото всех сторон волнами исходило насилие — Эгерт ощущал его кожей, иногда ему казалось, что он видит его клочковатые сгустки, дрожащие, будто студень. Насилие переплеталось с болью, боль требовала насилия; временами отравленное Эгертово сознание мутилось и отказывалось служить.

К университету Солля вывела интуиция либо чудо. У входа его окликнул и, не получив ответа, нагнал удивленный Лис:

— Эй, Солль!.. Да тебе, похоже, морду разбили?

Шкодливые глаза цвета меда сочувственно заморгали — Лису, наверное, не раз и не два случалось получать схожие травмы. Глядя в его круглое мальчишечье лицо, Солль понял вдруг, что Лис действительно сопереживает и в сочувствии этом нет ни капли притворства.

— Ничего, братец... — Гаэтан усмехнулся шире. — Морда — она ведь не тарелка, однажды разобьют — впредь только жестче будет...

Здание университета казалось островком незыблемого спокойствия среди моря зла; обессиленный Солль прислонился к стене и бледно улыбнулся.

* * *

По всему столу декана Луаяна раскатились фарфоровые шарики, соскользнувшие с нитки разорванных бус. Большая часть их затерялась в бумагах, а несколько цветных горошин, сорвавшись в края стола, застряли теперь в щелях каменного пола. Медленно, бездумно, с методичностью, достойной лучшего применения, декан собирал их один за другим, помещал на ладонь, и спустя секунду с руки его неуклюже взлетел майский жук.

Тяжелые жуки вились под потолком, вылетали в приоткрытое окно и снова возвращались; Тория давно уже молчала, забившись в угол, и растрепанные волосы закрывали ей лицо.

— Раскаяние благотворно, — со вздохом заметил декан, выпуская под потолок очередное насекомое, — лишь до определенной степени. У самого глубокого озера обязательно бывает дно... Иначе где бы спаривались раки?

Тория молчала.

— Когда тебе было десять лет, — декан почесал кончик носа, — ты затеяла драку с деревенскими мальчишками... Мать одного из них потом приходила ко мне жаловаться — ты была ему два зуба... Или три, ты не помнишь?

Тория так и не подняла головы.

— А потом, — декан назидательно воздел палец, — он бегал к нам каждый день, звал тебя то на рыбалку, то в лес, то еще куда-то... Помнишь?

Дочь прошептала сквозь завесу волос:

— Очень легко... тебе говорить... А Динар...

И она замолчала, чтобы снова не заплакать. Старая книга и забытый рисунок разбудили давнее, притупившееся горе, и теперь Тория заново переживала свою потерю.

Грузный жук врезался в полку, рухнул на пол, полежал без сознания и снова взлетел с деловитым гудением.

— Ты ведь знаешь, как я относился к Динару, — тихо сказал декан. — Я привык считать его своим сыном... Да так ведь оно и было. Поверь, я и сейчас горько жалею о вашей с ним неслучившейся жизни, о ненаписанных книгах и нерожденных детях... Он был славным мальчиком, добрым и талантливым, и гибель его нелепа, несправедлива... Но теперь представь себе, ведь Солль... Знаю, тебе неприятно даже имя, но подумай, Солль мог спрятать эту книгу, выбросить, отдать кухарке на растопку, продать, наконец... Но он решил вернуть ее... мне, а через меня — тебе. Понимаешь, какого мужества требовало это его решение?

— Мужества? — голос Тории дрогнул не от слез уже, а от презрения. — Мужество — и теперешний Солль? Это нелепо, как...

— Как танец медузы на барабане, — невозмутимо продолжил декан.

Тория замолчала, озадаченная.

Декан задумчиво следил глазами за хороводом насекомых под потолком, неразборчиво бормоча под нос слова старой детской песенки:

— «Медуза спляшет нам на барабане... А крот добудет устриц на обед...» — рука его резко опустилась на столешницу, будто желая прихлопнуть муху. — Да, и здесь ты права... Но, раз мы вспомнили сегодня Динара... Я, честно говоря, не думаю, что в подобной ситуации он стал бы так упиваться своей ненавистью... Не могу себе представить. А ты?

Тория вскинулась:

— Запрещенный прием, отец!

Декан снова вздохнул и покачал головой, как бы желая сказать дочери: а как еще тебя убедить? Тория вскочила, отбросив волосы за спину, и заплаканные глаза ее встретились со спокойными глазами декана:

— Запрещенный прием! Динар умер, лежит в земле... И никто, кроме меня, не имеет права судить, поступил бы он так или иначе! Динар — мой... И память о нем — моя... А этот... Солль... посмел... Он убийца, зачем ты ему позволяешь... Видеть не могу, думать о нем не могу, знать о нем не желаю... Как он мог... Коснуться... Смотреть... А ты...

Тория всхлипнула и затихла. Майские жуки кружились под потолком в строгом порядке; декан вздохнул и тяжело поднялся из-за стола.

Тория показалась его рукам совсем маленькой, дрожащей и влажной, как бродячий котенок. Он обнял ее нерешительно, боясь обидеть — ведь она давно уже не ребенок. Тория на се-

кунду замерла, чтобы тут же и разреваться прямо в черную хламиду.

Минута проходила за минутой; выплакавшись, Тория замолчала и немного устыдилась. Отстраняясь, сказала в пол:

— Тебе виднее... Но мне кажется, ты еще пожалеешь о Солле, отец. Он был отважным подонком — теперь он подонок трусливый... Это же никак не лучше, это хуже, отец... Место ему... не здесь... а... разве что среди служителей Лаш!

Декан поморщился. Провел пальцем по книжным корешкам, нежно почесал тот из них, что был покрыт шерстью. Спросил негромко, не оборачиваясь:

— Я вот все думаю... Почему Скиталец так поступил с ним? Зачем? Не все ли ему равно — одним бродягой больше, одним бретером меньше...

Тория прерывисто вздохнула:

— Знаешь ли... Не нам рассуждать, почему Скиталец поступил так, а почему иначе... Я думаю, он правильно поступил... Случись мне встретить его — пожала бы руку, кланусь.

— Это пожалуйся, — кивнул декан, — руку можно, отчего ж... Только не дерись.

Тория кисло улыбнулась.

— Да уж... — продолжал Луаян без всякого перехода. — Одно время я страстно мечтал встретиться со Скитальцем, и счастлив теперь, что встреча не состоялась. Кто знает, тот ли он, за кого я его принимаю...

Опустив плечи, Тория устало двинулась к двери. На пороге чуть обернулась, будто намереваясь что-то сказать, но промолчала.

Луаян в задумчивости поднял глаза. Майские жуки бусинками обрушились с потолка и раскатились по каменному полу.

* * *

Миновало несколько дней, и не было для Солля минуты, свободной от напряженных, запутанных размышлений. Лис ненадолго уехал к родителям в пригород, и Эгерт, целиком завладевший комнатой, то наслаждался одиночеством, то от него же и страдал.

Открывшееся в нем новое чувство — мучительная способность кожей ощущать насилие — до поры до времени притупилось, спряталось, как жало в пчелином брюхе. Эгерт радовался передышке — но твердо знал, что тягостная способность не оставила его и еще проявит себя.

Особенно тяжкими были часы, посвященные мыслям о Тории. Эгерт гнал их прочь — но мысли возвращались, вязкие, как размытая глина, и такие же неопределенные. Утомленный борьбой, он брал в руки книгу о заклетах и садился к окну.

«...И заклят был тот колодец, и прогоркла в нем вода, и говорят, что в скрипе ворота его отважный различит стоны и жалобы...»

«...И заклятие пало на замок, и с той поры ступени его крутых лестниц ведут в бездну, и чудовища поселились на башнях, а кто посмотрит со стен его — увидит вокруг смрадное пепелище, а кто пройдет по залам его — не вернется более к людям...»

В один из дней одиночество Солля оказалось столь невыносимым, что пересилило страх. Не имея сил видаться с деканом и не желая общаться с товарищами-студентами, замороженный раздумьями и гонимый тоской, Эгерт решил выбраться в город.

Он брел, втянув голову в плечи, опасливо прислушиваясь к своим ощущениям. Минута проходила за минутой, город неспешно торговал, работал и развлекался, но волны его страстей доносились до Эгерта редко и смутно. Возможно, эти дальние отголоски были плодом Соллевой фантазии; как бы то ни было, а Эгерт, слегка успокоившись, купил себе кремное пирожное на палочке и съел его со сладострастным аппетитом.

Механически облизывая давно опустевшую палочку, Солль постоял на горбатом мостике, привалившись к перилам. Ему с детства нравилось смотреть на воду — сейчас, следя глазами за медленно тонущей тряпицей, он вспомнил мост за городскими воротами Каваррена, мутную весеннюю Каву и незнакомца со светлыми прозрачными глазами, который, вероятно, уже тогда решил за Эгерта всю его дальнейшую судьбу...

Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от воспоминания, и, с неохотой оторвавшись от перил, двинулся в обратный путь.

В маленьком, безлюдном в этот час переулке сидел нищий — земля вокруг застелена была полами его просторного, почти совсем истлевшего плаща, а из широкого, рваного рукава неподвижно торчала сухая и черная, как мертвая ветка, протянутая ладонь. Нищий сидел, не шевелясь, будто уродливое извращение, и только ветер теребил седые волосы, полностью закрывающие лицо.

Непонятно было, от кого и когда нищий рассчитывал получить подаяние — вокруг не было ни души, глухие стены лишены были окон, и протянутая ладонь предназначалась разве что паре бродячих собак, бесстыдно предававшихся соитию на самой середине улочки. Усилия нищего с самого начала были тщетны — однако он сидел все так же неподвижно, будто высеченный из камня.

Соллю случалось тысячи раз проходить мимо попрошайек, проходить, не глядя и не задерживаясь; однако забытый на

пустынной улочке старик с протянутой в пространство ладонью чем-то задел Соллево сердце: возможно, смиренным терпением, а возможно, самой обреченностью своей. Руки Солля сами собой потянулись к кошельку; среди всего его состояния было две золотые монетки, десяток серебряных и десяток медных. Эгерт выбрал медяк и, преодолевая робость, шагнул к старику, намереваясь опустить денежку в черную сухую ладонь.

Нищий пошевелился; в дебрях седых волос загорелись два глаза, и по улице разнеслось неожиданно громкое, пронзительное:

— Бла-агода-арстви-и-е-е...

В ту же секунду сухая рука схватила Солля за запястье, да с такой силой, что Эгерт невольно вскрикнул.

Откуда-то из подворотни вынырнул, как призрак, здоровенный молодчик с красным, деловитым лицом мясника. Нищий с необыкновенной ловкостью пробежался свободной рукой по Эгертовой одежде, вцепился в кошелек и сдернул его с пояса — похоже, старец был вовсе не так уж стар. Кошелек со звоном перелетел в руки его компаньона, и только тогда Эгерт, обмерший от страха, в панике попробовал вырваться.

— Ш-ш-ш... — в руках у молодчика неведомым образом оказался широкий ржавый нож. — Тихо, ш-ш-ш...

Эгерт и не мог кричать — в горле у него пересохло, а грудь, сдавленная спазмом, не могла набрать воздуха. Молодчик ловко накинул ему на шею веревку, одновременно заламывая руки назад — даже младенцу ясно, что в городе ограбленного лучше удушить, чтобы не опознал при случае. Солль забился — но слабо, очень слабо, парализованный страхом.

Веревка на шее дернулась; откуда-то раздался топот ног и резкое: «Стоять!» Голову Солля пригнули к земле, потом он внезапно почувствовал свободу, рванулся, выпрямился; нищий, за которым волочился истлевший плащ, и сообщник его бегом удалялись по улочке, и топот кованых каблуков бился между глухих стен. Вот они скрылись за углом — и топот стал глуше, пока наконец не стих совсем.

В двух шагах на мостовой валялись веревка и несчастный Эгертов кошелек. Солль стоял, не в силах сделать и шага. Чья-то рука подняла кошелек с камней и протянула владельцу:

— Это ваш, не так ли?

Перед Соллем стоял невысокий, достаточно молодой человек в сером плаще с капюшоном. Эгерт невольно вздрогнул, узнав одеяние братства Лаш; чуть улыбнувшись, служитель священного привидения откинул капюшон со лба.

Теперь, когда лицо незнакомца полностью открылось, в облике его не осталось ничего зловещего или пугающего. Это

был просто прохожий, и глаза его, серо-голубые, как у самого Эгерта, смотрели сочувственно:

— Это очень опасно... С полным кошельком нельзя забредать в безлюдные переулки, как же вы, молодежь, неосторожны...

Прохожий сказал «вы, молодежь», хотя сам был старше Солля не более чем на несколько лет.

— Они... ушли? — спросил Эгерт, будто не веря глазам.

Прохожий улыбнулся:

— Я спугнул их... Городские разбойники коварны и трусливы, а я, как видите, — он тронул свой капюшон, — обладаю некоторым авторитетом...

Прожив несколько месяцев в городе, Эгерт отлично понимал, что вид серого одеяния действительно способен обратить в бегство пару, а то и целую шайку разбойников. Он поспешно кивнул, не находя слов благодарности; с ободряющей улыбкой служитель Лаш снова протянул ему звякнувший кошелек.

— Это ведь все, что у меня есть... Спасибо... — пробормотал Эгерт, будто оправдываясь.

Прохожий кивнул, принимая благодарность:

— Деньги — не самое ценное... Вас могли убить.

— Спасибо, — горячо повторил Солль, не зная, что делать и что говорить дальше. — Вы... спасли меня, я, право, не знаю, как и благодарить.

Служитель Лаш рассмеялся — беззвучно, заразительно:

— Не стоит... Честные люди должны выручать друг друга, иначе мошенники и негодяи сживут их со свету... Мое имя — Фагирра, брат Фагирра... А вы — горожанин?

Следуя традициям вежливости, Эгерт представился. Услышав об университете, Фагирра выразил удовлетворение:

— О да, достойное место для достойных молодых людей... И каким же наукам вы отдаете предпочтение?

Эгерт смешался и выдал наконец, что интересуется прежде всего историей. Фагирра понимающе кивнул:

— История, пожалуй, и есть самая интересная из всех наук... Старинные сказания, книги о воинах, героях, правителях, магах... Кстати, мне думается, что именно почтенный декан Луаян привил вам такую любовь к своему предмету?

Теперь обрадовался Эгерт — как, господин Фагирра знает господина декана?

Служитель Лаш мягко поправил Солля: во-первых, его следует называть брат Фагирра, а во-вторых, сам он не имел чести быть знакомым с деканом; впрочем, слух о мудрости господина Луаяна давно уже вышел за пределы университетских стен.

Они давно уже приятельски беседовали, прогуливаясь из

переулкa в переулoк. Соллю казалось странным, что он вот так, запросто, разговаривает с человеком в сером плаще. До сих пор воинство Лаш представлялось ему страшноватым, недоступным для простых смертных сообществом; поколебавшись, он признался в этом своему новому знакомцу, вызвав тем самым приступ Фагиррова веселья.

Отсмеявшись, служитель Лаш похлопал Солля по плечу:

— Эгерт, Эгерт... Не скрою — имя Лаш и дело Лаш сокрыто тайной, в которую не всякому дано посвятиться. Тайна и таинство — схожие слова, мы — служители Лаш, служители Таинства...

— Я спрашивал, — робко пробормотал Эгерт, — я спрашивал у многих людей — никто не смог объяснить мне, что есть братство Лаш...

Фагирра посерьезнел:

— О нас болтают много лишнего, вокруг братства Лаш полно домыслов, как вокруг всего неведомого... А вы, Солль, вы действительно хотели бы... узнать больше?

Эгерт вовсе не уверен был, что действительно этого хочет, однако не посмел признаться в своих колебаниях:

— Да... Конечно...

Фагирра задумчиво покачал головой:

— Вот что, Эгерт... Воинство Лаш оказывает доверие далеко не всякому, но ваше лицо с первого взгляда показалось мне лицом достойного человека. Завтра, друг Эгерт, у вас будет редкостная возможность побывать в Башне воинства Лаш... Вам ведь хотелось бы?

Эгерт внутренне сжался от пристального взгляда из-под капюшона — и, мучаясь страхом, не посмел отказаться:

— Да...

Фагирра ободряюще кивнул:

— Вам не по себе, я понимаю... Но, поверьте, подобной чести во все времена удостаивались только тщательно избранные люди... Я буду ждать вас в семь часов вечера на углу улицы Фиалок, вы знаете, где это?

И, уже попрощавшись, Фагирра вдруг обернулся:

— Да, кстати... Разрешите попросить вас о полной конфиденциальности. Лаш — это тайна, таинство... Договорились? Прощайте.

Эгерт кивнул и долго смотрел вслед уходящему человеку в просторном сером плаще.

Лис все еще гостил у родственников, и потому некому было спросить Солля, а почему это он такой смурный. Эгерт переборол желание отправиться за советом к декану Луаяну; и беспокойная ночь и долгий тягучий день были полны колебаний.

Знакомые студенты, встретившие Солля на выходе, пожелали ему доброго вечера и продуктивного свидания; Эгерт ответил невпопад.

По дороге к месту встречи он успел поочередно убедить себя сначала в том, что визит в Башню Лаш — вполне обычное и даже обыденное для горожанина дело, затем — что этот немыслимый случай обещает благотворную перемену его судьбы, и, наконец, — что посещение Башни вообще не состоится, так как Фагирры не окажется на условленном месте.

Фагирра, однако, ждал; Солль вздрогнул, когда откуда-то из тени выступила безмолвная фигура в закрывающем лицо капюшоне.

Эгерт плохо запомнил путь по извилистым переходам — перед глазами его скользил по мостовой подол серого одеяния, а в душе боролись два одинаково сильных чувства — страх идти в Башню и страх отказаться. Вопреки ожиданиям Фагирра не повел Эгерта через главные ворота; переулок сменился подворотней, да такой темной, что Эгерт не смог рассмотреть человека, явившегося из мрака со связкой гремящих ключей и завязавшего Соллю глаза.

Растерянный, слепой, ведомый и подталкиваемый, изнывающий от привычного, как застарелая зубная боль, страха, Солль наконец получил распоряжение остановиться; с глаз его сдернули повязку. Эгерт оказался перед стеной тяжелого черного бархата, источавшего слабый горьковатый, незнакомый Соллю аромат.

— Вам позволено присутствовать, — прошелестел над ухом Фагирра, и капюшон его жесткой складкой коснулся Соллевой щеки. — Присутствовать и молчать, не сходить с места, не поворачивать головы...

Эгерт проглотил вязкую влагу, переполнявшую рот; Фагирра явно ждал от него ответа, и Солль через силу кивнул.

К горькому запаху бархата примешался другой, нежный, сладковатый, напоминающий о курящихся благовониях. Глядя в черную стену перед собой, Эгерт с необыкновенной остротой слышал множество звуков, далеких и близких, приглушенных, шелестящих — будто полчища стрекоз вились внутри огромной стеклянной банки, задевая крыльями прозрачные стенки.

Полное шорохов безмолвие вдруг сменилось глухой, ватной тишиной; Эгерт успел медленно сосчитать до пяти, когда черная бархатная стена дрогнула и длинный, протяжный, ни на что не похожий звук заставил Солля мгновенно покрыться потом — это был тоскливый вопль древнего чудовища. Тот далекий отзвук, который слышали люди на площади и который так долго тревожил воображение Солля, был в сравнении с ним всего лишь слабой тенью.

Бархат заколебался — и вдруг тяжело рухнул, в одночасье превратившись из глухой стены в черную равнину, ибо перед глазами изумленного Солля открылся небывалых размеров зал.

Необъяснимо, как внутри Башни могло утнеститься столь грандиозное помещение; в первую минуту Солль растерялся, но, присмотревшись, разглядел окружавший залу строй высоких зеркал. Многократно повторяемый в их светлой глубине, на бархатное, испещренное глубокими складками пространство торжественно вышел длинноволосый карлик в огненно-алом, обжигающем глаза одеянии. Двумя руками поднеся ко рту широкую трубку, он с некоторым трудом извлек из нее тот самый, поражающий воображение протяжный звук; из труба, обращенного вверх, клубами повалил плотный синий дым.

Зашелестела ткань опускаемых капюшонов; огненно-алое пятно карликового одеяния скрылось среди множества серых плащей, и в оба уха Соллю ударил шелестящий шепот: «Лаш... аш... ашша...» Далеко-далеко, тонко-тонко зазвучала пронзительная, вводящая в оцепенение песня, и снова длинный звук широкой трубы, и над склоненными серыми капюшонами — призрачные фигуры, слепившиеся из клубов дыма.

Солль затрепетал — дым обладал необыкновенно сильным, приятным и одновременно мучительным запахом. «Лашш... аша... шашш...» — звук то приближался, то удалялся, и Эгерту привиделся прибой на берегу серого, покрытого капюшонами моря.

Окутанные плащами фигуры двигались то плавно и размеренно, то вдруг одновременно содрогались, как от внезапной догадки; постепенно пространство посреди зала опустело, и на черном бархате пола обнаружился распластанный старец. Седая грива его разметалась, и маленькое сморщенное лицо казалось обрамленным белыми, как луна, лучами; серые плащи сошлись вновь, и Солль увидел сверкающую сединой голову, поднявшуюся, как клочок пены, над серым морем капюшонов...

Обряд, завораживающий и непонятный, красивый и несколько однообразный, длился минуту либо целый час — Солль утратил чувство времени. Когда наконец в лицо ему ударила струя свежего вечернего воздуха и он понял, что стоит у зарешеченного окна, вцепившись в толстые прутья, и внизу перед ним лежит знакомая, но впервые увиденная с такой точки зрения площадь — тогда вездесущий Фагирра, положив ладонь на Соллево плечо, прошептал ему в самое ухо:

— Я знаю добрый десяток самых богатых и знатных людей этого города, которые лишились бы правой руки за одно только счастье присутствовать в Башне во время обряда...

Обернувшись к площади, Фагирра подставил лицо ветру;

широкие рукава плаща соскользнули, обнажая запястья, и Эгерт машинально задержался взглядом на зеленоватой татуировке — профессиональной отметине привилегированного цеха, цеха учителей фехтования.

Фагирра улыбнулся, перехватив этот взгляд:

— Пути, приводящие людей под сень Лаш, сложны и покрыты тайной... Идемте же, Эгерт; честь, оказанная вам, безгранична, так как сам Магистр ждет вас.

Волосы Магистра вблизи показались Эгерту еще белее — как сверкающий на солнце снег, как облака в полдень, как тончайшей выделки полотно. Вдыхая новый запах — в кабинете Магистра густо и терпко пахло дымом иных благовоний, — Эгерт, ни жив ни мертв, отвечал на вопросы. Да, он вольнослушатель в университете; да, декан Луаян, без сомнения, великий маг и достойный человек... Нет, Эгерт пока что не преуспел в науках, но надеется, что со временем...

Путаный рассказ Эгерта об этих надеждах был мягко прерван:

— Вы, без сомнения, несчастны, Солль?

Эгерт осекся и замолк. Глаза его не отрывались от малинового, ворсистого ковра, укрывавшего кабинет от стены до стены.

— Не смущайтесь... Любой мало-мальски проницательный человек поймет это с первого взгляда. Вы, вероятно, пережили беду?

Встретившись глазами с мудрым, все понимающим взглядом престарелого Магистра, Эгерт испытал сильнейшее желание тут же и рассказать о заклятии и о Скитальце. Он уже набрал в грудь воздуха — но смолчал, причем потому только, что первое произнесенное им слово оказалось очень уж неблагозвучным и жалким:

— Я...а...

Устыдившись своей слабости, Эгерт затих. Выждав минуту, Магистр мягко улыбнулся:

— Человек, к сожалению, очень часто оказывается несчастным... Слабым, нерешительным, уязвимым... Да, Эгерт?

Соллю показалось, что из глаз седовласого старца на него смотрит сама надежда. Подавшись вперед, он поспешно кивнул:

— Да...

— Человек уязвим, когда он в одиночестве, — раздумчиво продолжал Магистр. — Робость — удел одиноких... Да, Эгерт?

Солль проглотил слюну — он не понял, куда на этот раз клонит Магистр, но на всякий случай снова подтвердил:

— Да...

Магистр встал — величественно качнулась седая грива:

— Эгерт, перед вами трудный путь... Но в конце его вас

встретит могущество. Не принято говорить с неофитами о глубоких таинствах Лаш — знайте только, что Священное Привидение слышит сейчас каждое мое слово... Итак, я не могу сразу открыть вам тайны, к которой, несомненно, стремится ваша душа, но приглашаю вас на правах брата войти в наш орден. Вы станете воином Лаш — есть ли на земле служба почетнее?! Многие таинства откроются вам только с годами — но уже сейчас за вашей спиной встанет Священное Привидение и легионы служителей его. Обида, нанесенная вам, станет обидой для ордена, и даже косой взгляд, брошенный вам вслед, наказан будет скоро и неотвратно; поступок же, совершенный вами, будет оправдан, и будь это даже кровавое преступление — мы поймем вас, если в глазах Лаш ваше деяние будет справедливо... Посмотрите, как боятся и уважают братьев из ордена Лаш простые смертные; один вид человека в сером плаще вызывает священный трепет, а завтра, — Магистр воздел руку, — завтра трепет этот перерастет в поклонение... Сила и могущество вместо одиночества и вечного страха — слышите, Эгерт?!

Солль стоял, как громом пораженный. Предложение Магистра застало его врасплох, и теперь он с ужасом пытался собрать обрывочные, разбегающиеся мысли.

Магистр молчал; глаза его, мудрые усталые глаза, смотрели, казалось, в самую Соллеву душу.

Эгерт кашлянул. Выдавил растерянно:

— А... Что должен сделать... для этого... я?

Магистр шагнул ему навстречу:

— Верю... Верю в вас, Эгерт, как сразу, с первого взгляда, поверил брат Фагирра... Пока что вам надлежит просто молчать — это первое испытание, испытание тайной. Молчите о том, что встретили брата Фагирру, что были в Башне, что присутствовали при одном из таинств... О нашей беседе тоже никому не рассказывайте; когда мы уверимся, что вы умеете молчать, как молчит камень, тогда... Тогда вы узнаете о прочих условиях, Солль. Уверен, что они будут вам под силу... Наше сегодняшнее расставание — залог новой встречи. Серый плащ подарит вам веру и защиту, вознесет над толпой... Прощайте же, Солль.

В полном молчании Фагирра выпроводил Эгерта из Башни — тайным ходом, но уже другим, не тем, по которому Эгерт впервые попал в обитель Лаш.

ГЛАВА 6

Эгерт так никому и не сказал о посещении Башни. Миновали несколько недель — братство Лаш не выказывало более признаков интереса к вольнослушателю Соллю, и Эгерт не-

сколько успокоился — принятие решения откладывалось на неопределенный срок.

Не раз и не два он мысленно примерял на себя серый плащ; услышав длинный тоскливый звук, которым отзывалась время от времени Башня, он вспоминал горьковатый запах тяжелого бархата, медленный танец укрытых капюшонами теней и лицо седого, как лунь, Магистра. Обещания безопасности, а со временем и могущества, оказались для Эгерта огромным соблазном — однако всякий раз, помышляя о плаще с капюшоном, он испытывал странное душевное неудобство. Что-то мешало ему, что-то беспокоило и царапало; Солль относил это на счет обычной своей робости, однако скоро научился избегать как мыслей об ордене Лаш, так и случайно встречавшихся на улице служителей его.

Тем временем на город обрушилась жара — настоящая летняя жара, в полдень улочки-щели оказывались залитыми солнцем от стены и до стены, и глазам было больно от солнечных бликов, плясавших на поверхности каналов. Берег реки за городом служил площадкой для бесконечных, сменявших друг друга пикников, и обливающиеся потом горожане прикрывались лопухами, входя в воду, а горожанки тесными группками забирались купаться в заросли камыша — где и становились жертвой Лиса, который приспособился плавать под водой с тростниковой соломинкой в зубах и никогда не упускал случая подкрасться к беспечной купальщице, чтобы слегка куснуть ее за рельефно выдающиеся части.

Эгерт был в числе тесной компании студентов, наблюдавших за похождениями Лиса и, в свою очередь, выдумывающих забавы, приличествующие ученым молодым людям. На берегу стояли плеск, визг и хохот; обнаружив под водой рыбачьи перемены, ныряльщики угощали товарищей жирной ухой. Эгерт большей частью сидел на берегу, а в воду решался войти только по пояс; его робость была замечена, однако дальше нескольких добродушных насмешек дело не пошло.

Вскоре, однако, подошло время экзаменов, переводивших студентов на следующую ступень, — «вопрошающие» желали стать «постигающими», «постигающие» — «соискателями», а те, в свою очередь, — «посвященными». Университет лихорадило — из каждого угла глядели воспаленные, осоловевшие от круглосуточного сидения за книгой глаза; Эгерт видел, как ученые юноши по очереди входили в ректорский кабинет — кто с нарочитой веселостью, кто с нескрываемым страхом. Многие, как оказалось, верили в приметы: в их разнообразных уловках — плевках, молитвах и сложных фигурах из пальцев — Эгерт с удивлением узнал собственные защитные ритуалы.

Соллю не довелось видеть того, что происходило за стро-

гими дверями кабинета. Говорили, что за длинным столом господина ректора сидят и он сам, и декан Луаян, и все педагоги, в течение года поднимавшиеся на кафедру университета; говорили, что все экзаменаторы очень строги, а декан Луаян в особенности. Далеко не каждому студенту удалось выдержать испытание, причем половина несчастных, провалившихся на экзамене, обязаны были этим именно суровому магу.

Накануне экзамена Лис ударился в панику. Всячески себя презирая — самыми мягкими из предназначенных своей особе ругательств оказались «идиотский полоумный дурак» и «безмозглый куриный помет», — Газтан то вперивал взор в учебную книгу, то в отчаянии воздымал его к потолку, то бросался на кровать и объявлял Эгерту, что он, конечно, провалится, что вечно оставаться в «постигающих» невозможно, что отец не даст больше денег и навечно засадит сына приказчиком в вонючую аптеку, где даже мухидохнут от запаха касторки... Когда Солль робко предположил, что, может быть, стоит обратиться за помощью к декану, — Лис замахал на него руками, затопал ногами, обозвал сумасшедшим развесистым пнем и объяснил, что одного такого обращения будет достаточно, чтобы навсегда вылететь из университета.

В день экзамена Лис сам не был похож на себя — за все утро Соллю не удалось вытянуть из него ни слова. У порога ректорского кабинета возбужденно толпились, шикая друг на друга, обремененные знаниями молодые люди — у многих из них на лице застыло напряженное выражение канатоходца, идущего по проволоке с зажженным канделябром в зубах. Выходящие из кабинета тут же изливали на товарищей кто радость, кто отчаяние; Эгерт, который, как вольнослушатель, не подлежал обязательной экзаменовке, содрогнулся при одной мысли, что и ему, как Лису, пришлось бы предстать пред очами строгого научного судилища.

Газтан выдержал экзамен неожиданно для себя; счастливый без меры, он тут же предложил Соллю погостить в предместье, в семействе своего отца. Эгерт заколебался было — однако в конце концов ответил отказом.

Господа студенты, получившие два месяца вакаций, живо обсуждали планы на лето. Большая половина собиралась провести каникулы в отчем доме, будь то поместье или лачуга; часть юношей, в основном самых бедных, собирались наняться на работу где-нибудь на ферме и звали с собой Эгерта. Тот вспомнил печальный опыт крестьянского труда под руководством отшельника — и тоже отказался.

По отбытии Лиса Солль снова оказался в одиночестве.

Пустели университетские коридоры, пустел и флигель; по вечерам только в редких окнах показывался огонек. Старый

служитель, вооруженный факелом и колотушкой, еженощно совершал сторожевой обход. Старушка, прибиравшая во флигеле, приносила обеды для декана, его дочери и нескольких оставшихся на лето служащих, к числу которых был отнесен и Эгерт, а он неожиданно для себя получил новую весточку из дома и смог сделать новый взнос за свое содержание.

На этот раз к деньгам прилагалась записка; Эгерт затрепетал, узнав почерк отца. Солль-старший ни о чем не спрашивал — просто сухо ставил сына в известность, что его лишили лейтенантства и исключили из полка, причем с мундира его, опозоренного и забрызганного грязью мундира, был публично спорот эполет. Освободившуюся лейтенантскую вакансию занял молодой господин по имени Карвер Отт; кстати, он справлялся о теперешнем местонахождении Эгерта.

Прочитав и перечитав письмо, Солль сначала заново пережил свой стыд; потом на смену ему пришла тоска по Каваррену.

Бесконечное множество раз он воображал себе дом с воинственным гербом на воротах, и в голову ему лезли отчаянные, самые немыслимые планы. В мечтах он видел себя тайно прибывающим в город и поднимающимся на родное крыльцо — тоже тайно, потому что никто не простил ему дезертирства, а свидетели прошлого его унижения явятся специально, чтобы плюнуть в отмеченное шрамом лицо... И ведь придется говорить с отцом, и как посмотреть в глаза матери? Нет, пока заклятие не снято, он не может вернуться в Каваррен.

Тогда мысли его обретали другое направление — время идет, и каждый длинный день приближает его ко встрече со Скитальцем. Эта встреча превращалась для Солля в неотвязную мысль, навязчивую идею; Скиталец являлся ему в снах. Заклятие будет снято, и Эгерт вернется в Каваррен с полным на то правом. Он ни от кого не будет прятаться и проедет верхом по главной улице, а когда сбежится народ и соберутся гварды — тогда при всех он вызовет на дуэль Карвера.

Сидя в сырой полутемной комнатушке, Эгерт дрожал от азарта и возбуждения. Это будет красивый, красивый вызов; толпа притихнет, Карвер побледнеет и сделает попытку увильнуть — Эгерт при всех высмеет его за трусость, а потом скрестит свою шпагу с его презренным клинком — и убьет, убьет бывшего друга, ставшего смертельным врагом, потому что подлость заслуживает наказания, потому что...

...Солль вздрогнул. Мечты его оборвались, как песня кузнечика, накрытого ладонью.

Он убил троих. Первого звали, кажется, Тольбер, он был гвардом, простодушным до глупости забиякой. Эгерт даже не помнил толком, из-за чего возникла ссора — может быть, из-за женщины, а может быть, просто в хмельном кураже... По-

одинок оказался мгновенным и свирепым, ибо Тольбер бросался на Эгерта, как бешеный вепрь, а Солль встречал его напор блестящими безжалостными контратаками... Потом шпага Солля угодила противнику в живот, и Эгерт, в чьих жилах кипела в тот момент не кровь, а горячая смола, понял только, что победил...

Имени второго человека, закончившего жизнь от его руки, Солль так и не смог вспомнить. Тот не был гвардом — просто какой-то надменный помещик, явившийся в город с намерением как следует покутить. И покутил, и, пьяный как свинья, закатил Соллю пощечину и обозвал сопляком — а сам и правда был лет на двадцать старше... У него остались жена и три дочери, Эгерту сообщили об этом после похорон...

Светлое небо, а что было делать?! Разве можно стерпеть подобное оскорбление и не наказать обидчика? Да, на свете бывают и вдовы, и сироты, но помещик получил по заслугам, да и тот, первый, тоже... Это ведь только Динар пострадал безвинно...

Три девочки, старшей лет двенадцать. Растерянная женщина. Кто сообщил ей о смерти мужа? Небо, хоть бы вспомнить имя того кутилы... Но память решительно отказывается извлечь из прошлого слово, давно забытое за ненадобностью.

Далеко-далеко, где-то в глубинах темного коридора, нежно поскрипывал сверчок. Стоял поздний вечер; против воли содрогаясь, Эгерт зажег сразу пять свечей — это было немыслимое расточительство, но комнатка осветилась, как днем, и в мутной глубине железного зеркала, помещавшегося в простенке у двери, Эгерт увидел свое лицо со шрамом.

И в эту секунду способность кожей чувствовать боль и усилие вернулась к нему с такой силой, что он зашатался.

Светлое небо. Город лежал за толстыми стенами и представлялся сплошной ноющей раной; университет был почти что пуст, и вовсе пуст был флигель, но Эгерт ощущал неподалеку страдание — тупое, привычное, как навязчивая головная боль.

От мысли, что придется идти через темные коридоры и лестницы, колени его мелко задрожали. Зажав вспотевшими ладонями свечи — в правой три, а в левой две, — Солль плечом отворил дверь.

Ниши зияли чернотой; колонны отбрасывали уродливые, пресмыкающиеся тени. Лица великих ученых, изображенные на барельефах, оборачивались к Эгерту с презрительными гримасами, и, чтобы подбодрить себя, Солль принялся напевать дрожащим голосом: «Ой-ой-ой... не говори, милый, не рассказывай... Ай, душа моя горит, а дверь скрипит... не смазана...»

Горячий воск капал ему на руки — он не чувствовал. Источник боли был впереди, и помещался он в библиотеке.

Из-под массивной двери пробивался свет. Эгерт решил постучать — но руки его были заняты, и он тихонько поскребся носком сапога. Из библиотеки донеслось удивленное деканово: «Да?»

Некоторое время Эгерт пытался ухватить медную ручку, не выпустив при этом горящих свечей; возможно, его усилия увенчались бы успехом — но в этот момент дверь открылась сама, и в проеме ее стоял декан Луаян, но источником боли был не он, а кто-то в полумраке заполненного книгами зала.

— Это я, — сказал Солль, хотя декан наверняка узнал его и ни с кем не спутал. — Это я...

Он запнулся, не зная, что говорить дальше. Декан помедлил и отступил, приглашая Солля войти.

Тория по обыкновению сидела на краю стола, и тележка ее, пустая, прижималась к ее коленям, как испуганный пес. Эгерт не видел Торию с того самого дня, когда принес декану Динарову книгу и получил тяжелым томом по лицу. Сейчас глаза ее оставались в темноте, Эгерт не видел устремленного на него взгляда — но ощущение исходившего от девушки тупого страдания сделалось сильнее, как будто сам вид Эгерта вызвал у Тории новый приступ боли.

— Да, Солль? — сухо спросил декан.

Они говорили обо мне, понял вдруг Эгерт, сам не зная, откуда взялась такая уверенность.

— Я пришел спросить, — сказал он глухо, — об отмененных заклетах... О заклетах, которые были сняты. Зависит ли... Зависит ли возможность освобождения... от того, насколько виновен человек?

Тория медленно перевела взгляд на отца, но не сдвинулась с места и не сказала ни слова. Переглянувшись с дочерью, декан нахмурился:

— Не понял?

Тория — а у нее все сильнее ныл левый висок, Эгерту хотелось приложить ладонь к своей собственной голове — бесцветно и ровно сказала в темноту:

— Вероятно, господин Солль хочет выяснить, имеет ли он, как безвинно пострадавший, какие-либо преимущества...

Сердце Эгерта затравленно сжалось. Едва шевеля губами, он прощептал, и тоже в пространство:

— Нет... Я...

Слов не было, Тория сидела неподвижно, как статуя, ни единой черточкой не выдавая ноющей боли.

— Я сейчас уйду, — тихо сказал Эгерт, — и вам станет легче. Я только... Простите.

Он повернулся и пошел к двери. Тория за его спиной пре-

рывисто вздохнула — и в этот момент ее схватил спазм, да такой, что Эгерт зашатался.

Декан, вероятно, тоже почувствовал неладное — быстро взглянув на дочь, он перевел на Эгерта неласковый, подозрительный взгляд:

— Что с вами, Солль?

Эгерт привалился плечом к дверному косяку:

— Не со мной... Разве вы... Не видите... Ей плохо. Вы-то должны это чувствовать... Как вы можете допускать, чтобы она... — он перевел дыхание. Отец и дочь смотрели на него, не отрываясь; клещи спазма понемногу разжались, и Эгерт ощутил, как Торию накрывает волна облегчения. — Надо, наверное... Холодную повязку на голову, — сказал он шепотом. — Я уже ухожу... И я знаю, что я виновен. Знаю, что я убийца... То, что со мной сделали, — плата. Может быть... — он содрогнулся, — может быть, Скиталец не сжалится и не снимет шрама... Что ж. Вам легче?

Даже в полутьме было видно, какими большими и темными стали ее глаза.

— Солль? — быстро спросил декан.

Тория наконец-то сделала то, что давно хотелось сделать Эгерту, — прижала ладонь к виску.

— Скажете — я уйду из университета... — сказал Солль едва слышно. — Я здесь... бесполезен, а ей меня видеть больно... Я ведь понимаю.

Он перешагнул порог, вышел в коридор и только теперь заметил, что судорожно стиснутые в кулаках свечи заливают воском его одежду, и сапоги, и обожженные ладони.

— Солль! — сказали за его спиной.

Он не хотел оборачиваться, но декан схватил его за плечи и развернул, всматриваясь в изможденное Эгертово лицо. Во взгляде его был такой напор, что Соллю стало страшно.

— Оставь его, — тихо попросила Тория. Она тоже стояла в проеме, и на душе у нее было чуть легче — может быть, потому, что и головная боль притупилась.

Ухватив Солля за локоть, декан вернул его в библиотеку, насильно усадил на скрипучий стул и только тогда обернулся к Тории:

— Почему бы тебе сразу же не принять микстуру?

— Я думала, обойдется, — ответила она в сторону.

— А теперь?

— Теперь — легче...

Декан испытующе глянул на Эгерта:

— Да, Солль? Легче? Правда?

— Правда, — ответил тот, едва шевеля губами. Свечи его погасли; с трудом разжав пальцы, он уронил огарки на пол. Вокруг лампы над столом с мягким шорохом вертелись бар-

хатные ночные бабочки, а из темного окна, выходявшего на площадь, доносилась далекая перекличка сторожей.

— Давно это у вас? — небрежно, будто бы невзначай, поинтересовался декан.

— Это... не постоянно, — объяснил Солль, глядя на бабочек. — Это было... один раз, и сегодня — второй... Я над этим не властен... А можно, я пойду?

— Тория, — поинтересовался декан со вздохом, — у тебя нет вопросов к господину Соллю?

Она молчала. Обернувшись от дверей, Эгерт поймал на себе полный изумления взгляд.

Летний город захлебывался горячей пылью, и разносчики лимонада за один только длинный день успевали заработать больше, нежели зарабатывали обычно за целую неделю. Прохожие страдали от жары, и даже Башня Лаш исторгала ритуальный звук реже, чем обычно. Лоточники приспособливали над головой соломенные зонты с длинной шелковой бахромой, и казалось, что по площади шествуют огромные цветные медузы. В огромном здании университета кружилась никем не потревоженная пыль, поблескивала в солнечных лучах, беспрепятственно укрывала кафедру, и скамьи, и подоконники, и статуи ученых, и мозаичные полы; жизнь теплилась в пристройках для служащих, в кабинете декана — он напряженно работал над жизнеописанием великих магов — и в комнате его дочери, да еще во флигеле: там жил в полном одиночестве вольнослушатель Солль.

Старушка, отказавшаяся на время от уборки, приносила теперь обеды; Тория взяла на себя обязанность кормить отца завтраком и ужином. Прекрасно зная, что, увлеченный работой, декан может за целый день не проглотить и маковой росинки, Тория сама каждый день ходила в город за покупками, сама приносила в кабинет еду и тщательно следила за тем, чтобы все до последнего кусочка было в конце концов съедено.

Эгерт почти не выходил из комнаты — сидя у окна, он не раз видел, как Тория с корзинкой в руках пересекает университетский дворик. После грозových ливней, сменившихся опять-таки жарой, на дорожке во дворе долго не просыхала широкая лужа — однажды на пути идущей с базара Тории обнаружился купающийся воробей.

А может, это был не воробей — намокшие перья топорщились, и Солль запросто мог принять за серого нахала какую-нибудь более благородную птицу; купальщик получал, видимо, несказанное удовольствие от теплой ванны и не заметил подходящую Торию.

Девушка замедлила шаг, потом остановилась — к Эгерту был обращен ее гордый, как на монете, точеный профиль. Он

ждал, что, переступив через лужу, Тория двинется дальше — но она на спешила. Птица самозабвенно плескалась в своей купели, и девушка с тяжелой корзинкой в руках терпеливо ждала.

Наконец воробей — или кто он там был — закончил купание и, так и не почтив своим вниманием деликатную Торию, вспорхнул на выступающую из стены балку — сушиться. Тория переложила ручку корзинки из одной ладони в другую, спокойно и дружески кивнула мокрой птице и продолжила свой путь.

Возвращаясь с рынка на другой день, Тория у самого парадного входа ухитрилась-таки налететь на вольнослушателя Солля.

Корзина подверглась серьезной опасности и наверняка пострадала бы, если б Солль не подхватил ее обеими руками. Оба испугались неожиданной встречи и некоторое время молча глядели друг на друга.

Тория не могла не признаться себе, что Эгерт в который раз удивляет ее. С ним снова произошла, по-видимому, перемена — лицо со шрамом по-прежнему оставалось изможденным и невеселым, но из глаз исчезло то затравленное выражение, которое Тория давно привыкла видеть и научилась презирать. Теперь это были просто усталые человеческие глаза.

В последнее время Тория слишком часто ловила себя на мыслях о Солле. Думать о нем она считала неприличным, однако избежать размышлений тоже оказалось невозможным: слишком поразил он ее тогда, в библиотеке, поразил не столько способностью ощущать ее боль, сколько признанием своей вины, немыслимым, по ее мнению, в устах убийцы. Сама того не сознавая, она хотела теперь увидеть его снова и разглядеть повнимательнее: что же, он действительно осознал свою низость? Или это всего лишь уловка, жалкая попытка вызвать сочувствие и заслужить смягчение приговора?

— Отдайте-ка корзинку, — сказала она сухо. Никакие другие слова в этот момент не шли ей на язык.

Солль покорно протянул ей свою добычу — качнулись зеленые перья пышной связки лука, свешивавшиеся за край корзинки. Из луковых зарослей выглянуло горлышко винной бутылки и тугой круглый бок золотого сыра.

Ухватив корзинку за круглую ручку, Тория проследовала по коридору дальше — ноша оттягивала плечо, и, чтобы сохранить равновесие, ей приходилось балансировать свободной, выброшенной в сторону рукой.

Она как раз успела дойти до угла, когда за спиной ее послышалось хриплое, неуверенное:

— Может быть... Помочь?

Она не сразу, но остановилась. Бросила, не оборачиваясь:

— Что-что?

Солль повторил — удрученно, уже предчувствуя отказ:

— Помочь... Вам ведь... тяжело.

Тория некоторое время стояла в замешательстве; на кончике языка у нее вертелась привычная резкость — но она не дала ей воли. В который раз и совсем некстати ей вспомнился тяжелый том, с размаху бьющий по бледному вытянутому лицу, по щеке со шрамом, по окровавленным губам... Тогда у нее долго ныла рука и ныло сердце, будто пнула ни за что ни про что бродячую собаку.

— Помогите, — сказала она с показным равнодушием.

Солль не сразу понял, а поняв, не сразу подошел — будто боялся, что она опять его ударит. Тория досадливо хмурилась и смотрела в сторону.

Корзинка снова перешла из рук в руки; молчаливой процессией оба двинулись дальше — Тория впереди, Солль за ней. Без единого слова прошествовали через дворик в хозяйственную пристройку; в пустой кухне Тория царственным движением приняла корзинку и водрузила на стол.

Соллю самое время было повернуться и уйти — но он замешкался. Ждал, возможно, что она его поблагодарит?

— Спасибо, — уронила Тория. Солль вздохнул, и она вдруг спросила неожиданно для себя: — А раньше, значит, вы вовсе не чувствовали... чужой боли?

Эгерт молчал.

— И правда, — сама себе пояснила Тория, — если б вы это чувствовали... То не могли бы просто так всаживать шпагу в живого человека, верно?

Она тут же пожалела о своих словах — но Солль только устало кивнул. Подтвердил безучастно:

— Не мог бы...

Из корзинки извлечены были лук, связка моркови и пучок петрушки. Эгерт заворуженно следил, как вслед за этим на свет появляются сдобная булка с маком, желтое сливочное масло и горшочек со сметаной.

— А теперь, — все так же безжалостно продолжала Тория, — сейчас, сию секунду... Вы способны это чувствовать?

— Нет, — отозвался Эгерт глухо. — Если бы... это... случилось постоянно, я бы сошел с ума, так и не дождавшись встречи со Скитальцем...

— Только сумасшедший может желать встретиться со Скитальцем, — отрезала Тория и снова пожалела о сказанном, потому что Солль вдруг побледнел:

— Почему?

Тория сама не рада была такому повороту разговора, и

поэтому свежий сыр, завернутый в тряпицу, был брошен на стол с некоторым раздражением:

— Почему... Вы хоть что-нибудь о нем знаете?

Эгерт медленно провел рукой по шраму:

— Вот... Этого знания достаточно?

Тория осеклась, не находя, что ответить. Эгерт смотрел на нее, впервые смотрел, не отводя глаз — печально и чуть виновато, и этот взгляд смутил ее. Чтобы скрыть замешательство, она бездумно откусила кусок сдобной булки.

Солль — или ей показалось? — проглотил слюну и отвернулся. Тогда, обрадованная, что может загладить собственную неловкость, она поинтересовалась, обирая с губ белые крошки:

— Вы есть хотите, что ли?

Раньше ей почему-то в голову не могло прийти, что, обитая во флигеле, он ест один раз в сутки — когда добрая женщина, нанявшаяся носить обеды, доставляет ему свою стряпню. Несколько смущенная этим открытием, она, поколебавшись, протянула ему кусок булки с маком:

— Возьмите... Ешьте.

Он покачал головой. Спросил, глядя в сторону:

— А вы... что вы знаете о Скитальце?

— Возьмите булку, — сказала она непреклонно.

Он несколько секунд смотрел на пышный, роняющий сдобные крошки кусок; потом решился протянуть руку — и на миг коснулся пальцев Тории.

Оба испытали мгновенную неловкость. Тория с нарочитой деловитостью принялась разбирать покупки, а Эгерт, не сразу опомнившись, вонзил в булку белые зубы.

Тория смотрела, как он ест; в секунду уничтожив и мякоть, и усыпанную маком корочку, он благодарно кивнул:

— Спасибо... Вы... очень любезны.

Она насмешливо оттопырила губу — надо же, какой вежливый молодой человек. Солль снова взглянул ей прямо в глаза:

— Так вы... Разве вы совсем ничего не знаете о Скитальце?

Вытащив из ящика длинный кухонный нож, она сосредоточенно попробовала пальцем, не затупилось ли лезвие. Поинтересовалась небрежно:

— Разве вы не говорили об этом с моим отцом? Если кому-нибудь в мире что-нибудь известно об этом вашем знакомом... Так это отцу, верно?

Эгерт грустно пожал плечами:

— Да... Только ведь я очень мало понимаю из того, что говорит господин декан.

Тория удивилась его откровенности. Несколько раз провела по лезвию ножа старым истертым точилом; сказала, уязвленная собственным благодушием:

— Неудивительно... Вы, вероятно, потратили слишком много времени на уроки фехтования? Вы прочитали хоть одну книжку, кроме букваря?

Она ждала, что он снова побледнеет, или опустит глаза, или убежит — но он только устало кивнул, соглашаясь:

— Все правда... Но что же делать. К тому же... ни одна книга не скажет мне теперь, как встретить Скитальца и как говорить с ним... Чтобы он понял.

Тория задумалась. Сказала, небрежно играя ножом:

— А вы вправду уверены, что вам так необходима эта встреча? Вы убеждены, что без шрама вы станете лучше?

Только теперь Солль опустил голову, и вместо лица его она увидела ворох спутанных светлых волос. Ответа долго не было; наконец он сказал в пол:

— Поверьте... Что мне очень... надо. Ничего не поделаешь... Но тут уж либо освободиться, либо умереть, понимаете?

Наступила тишина и тянулась так долго, что свежий пучок петрушки, угодивший в пятно яркого солнца на столе, понемногу начал увядать. Тория переводила взгляд с опущенного лица Солля на солнечный день за окном, и ясно было, как этот день, что стоящий перед ней человек не кривит душой, не преувеличивает и не позерствует — он действительно предпочтет смерть, если заклятие шрама не будет снято.

— Скиталец, — начала она негромко, — является на День Премноголикования... Никто не знает его путей и его дорог, говорят, он способен за день покрывать немыслимые расстояния... Но на День Премноголикования он является сюда, и вот почему... Пятьдесят лет назад в этот самый день на площади... из этого окна не видно, но там, на площади, перед зданием суда, назначена была казнь. Как бы часть увеселений — казнь, приуроченная к карнавалу... Приговорили какого-то пришлого человека — бродягу за незаконное присвоение магического звания...

— Как? — невольно переспросил Эгерт.

— Он будто бы выдавал себя за мага, магом не будучи... Это дело давнее и темное. Его приговорили к усекновению головы; народу собралось — видимо-невидимо... Фейерверк, карнавал, приговоренный на плахе... Топор был занесен — а казнимый возьми да исчезни на глазах у всех, будто не бывало... Никто не знает толком, как это случилось, — возможно, он был-таки магом... Не Привидение же Лаш его спасло, как кое-кто говорит...

Эгерт вздрогнул, но Тория не заметила этого:

— С тех пор в День Премноголикования назначается казнь — но одного из приговоренных, по жребию, милуют. Они тянут жребий на эшафоте, и одного отпускают, а прочих... Как обычно. Потом — карнавал и народное гуляние, Эгерт, все ликуют...

Она спохватилась, что, увлекшись, ни с того ни с сего назвала его по имени. Нахмурилась:

— Что поделаешь, нравы... Вам, вероятно, интересно было бы взглянуть на казнь?

Солль отвернулся. Сказал с едва слышным укором:

— Вряд ли... Особенно если вообразить... Что со мной опять случится... Вернется эта... способность чувствовать... То я думаю, вряд ли.

Тория потупилась, несколько пристыженная. Пробормотала сквозь зубы:

— Не знаю, зачем я все это рассказываю... Отец считает, что Скиталец... Имеет отношение к тому человеку, который так внезапно исчез из-под самого топора. Что и перед этим, и после... того человека ждали большие испытания, и он изменился... Все это, конечно, слишком туманно, но, по-моему, отец думает, что он-то Скиталец и есть.

Снова последовала длинная пауза. Тория задумчиво царапала стол кончиком ножа.

— И каждый год, — медленно продолжил Эгерт, — он приходит... В этот самый день?

Тория пожалала плечами:

— Никто не знает, что интересно Скитальцу, Солль, — она окинула собеседника взглядом и вдруг добавила в необъяснимом кураже: — Но думаю, что вы как раз мало его интересуете.

Привычным жестом Эгерт коснулся шрама:

— Что ж... Значит, мне придется заинтересовать его.

Вечером того же дня Солля навестил декан Луаян.

В маленькой комнате стояли сумерки; Эгерт сидел у окна, и рядом на подоконнике лежала раскрытая книга о заклитиях — но Солль не читал. Уставившись во двор неподвижными, широко раскрытыми глазами, он видел то площадь, где посреди человеческого моря островом возвышается эшафот, то внимательные глаза Тории, нож, рассекающий стебелек петрушки, и топор, рассекающий чью-то шею... Ему вспоминался туманный деканов рассказ о маге, лишенном за что-то магического дара; потом мысли его переметнулись к ордену Лаш — представилось Священное Привидение, похожее, как две капли воды, на собственное скульптурное изображение; кутаясь в плащ, оно нисходило на эшафот и спасало обреченного с плахи...

В этот момент в дверь стукнули. Солль вздрогнул и, оробев, хотел было уверить себя, что на самом деле стука не было — но скрипнули ржавые петли, и на пороге встал декан.

В сгущающейся темноте Солль не смог бы различить узор линий на собственной ладони — но лицо декана, стоявшего в

нескольких шагах, почему-то виделось совершенно отчетливо, и лицо это по обыкновению являло собой воплощенную бесстрастность.

Эгерт вскочил, будто бы вместо колченогого стула под ним открылось вдруг жерло вулкана. Появление господина Луаяна здесь, в убогой комнатухе, которую Солль привык считать своим домом, казалось делом столь же немыслимым, как визит небесной луны в гнездышко трясогузки.

Декан взглянул на Солля вопросительно — будто бы это Эгерт явился к нему и собирается о чем-то поведать. Солль молчал, в одночасье лишившись дара речи.

— Прошу прощения, — сказал декан чуть насмешливо, и Солль подумал мельком, что Тория поразительно похожа на отца, не столько внешнею, сколько повадками, — прошу прощения, что вторгся к вам, Солль... В нашу последнюю встречу вы говорили, что готовы покинуть университет, и мотивировали это в том числе своей, гм, бесполезностью... то есть невежеством. Вы сказали это серьезно или для красного словца?

Темный сводчатый потолок опустился и придавил Эгертовы плечи. Его выгоняют, и выгоняют с полным на это правом.

— Да, — сказал он глухо, — я готов уйти... Я понимаю.

Некоторое время оба молчали — декан бесстрастно, Солль смятенно; наконец, не выдержав паузы, Эгерт пробормотал:

— Я... Действительно бесполезен, господин декан. Науки мне... Как небо для муравьи. Возможно, я... занимаю чужое место?

Его вдруг прошибло потом; он ужаснулся собственным словам. Чужое место. Место Динара.

Декан потер висок — колыхнулся широкий рукав:

— Что ж, Солль... Вы рассуждаете, в общем-то, здраво. Рассчитывать на ваши научные успехи не особенно приходится, и вольнослушатель из вас, прямо скажем, нерадивый... Однако вот... — и Луаян извлек из складок темного одеяния сначала средних размеров том в кожаном переплете, а затем небольшую книжку в переплете картонном: — Я попросил Торию подобрать вам что-то совсем простое... Для начала. Читать-то вы, к счастью, умеете; когда справитесь с этим — возьмете еще... И не стесняйтесь обращаться, если что-нибудь окажется сложно — может быть, Тория попробует себя в качестве педагога... А может, и нет — иногда мне кажется, у нее вовсе нет терпения...

Декан кивнул, прощаясь, и уже в коридоре сказал вдруг мечтательно:

— Вот у кого был прирожденный дар педагога — так это у Динара. Особенный дар — не навязывать мысль, а заставлять думать, причем для него это была игра, азарт, удовольствие...

Нет, Солль, не бледнейте — это говорится не в упрек вам... Но у меня, сами понимаете, нет на вас ни времени, ни интереса; вот я и подумал — неплохо было бы вам позаниматься с Динаром... Ничего, однако, не поделаешь — держайте самостоятельно.

С тем декан и ушел; только тогда Эгерт понял, что вокруг стоит темнота, в которой на самом деле невозможно разглядеть ни человеческого лица, ни одежды, ни книг. Покрываясь мурашками, Солль протянул руку к столу — книги были там, и кожаный переплет казался холодным, а картонный — шершавым, как мешковина.

Книги назывались «Устройство мироздания» и «Беседа с юношеством». Автор первой представлялся Эгерту сухим суровым стариком, излагающим мысли сжато, ясно и требующим от читателя постоянного напряжения; сочинитель же второй любил длинные отступления, переходящие в нотации, обращался к читателю «дитя мое» и казался Соллю добродушным, несколько сентиментальным розовым толстяком.

Страницы картонной книги навевали на Солля скуку, а через главы кожаного тома он продирался, как сквозь колючие заросли. Глаза его привыкли наконец к ежедневному чтению и не слезились больше; чтобы размять затекающую спину, Солль повадился каждое утро ходить в город.

Выходил он неспешно, прогулочным шагом, с видом человека, не решившего еще, куда направить свои стопы; однако всякий раз оказывалось почему-то, что Солля неведомым образом заносило на расположенный неподалеку базар. Там он и расхаживал между рядами, пробуя последовательно сало и сметану, фрукты и копченую рыбу, пока среди мелькающих шляп и косынок глаз его не находил черноволосую голову Тории.

Она замечала Солля сразу же — однако делала вид, что увлечена покупками и не желает зря глазеть по сторонам. Переходя от ряда к ряду, выбирая и торгуясь, она понемногу наполняла корзинку снедью — Солль держался неподалеку, не теряя Торию из виду, но и не показываясь ей на глаза.

Закончив покупки, Тория пускалась в обратный путь. Эгерту всякий раз приходилось преодолевать неловкость, когда, обогнав девушку по большой дуге, он будто бы незначай попадался ей навстречу.

Тория встречала его сухо и без удивления; принимая из ее рук витую ручку корзины, Эгерт покрывался мурашками.

Оба молча возвращались к университету — случайно скосив глаза, Тория видела рядом круглое, обтянутое рубашкой плечо, руку с закатанным рукавом — корзинка в этой руке казалась легкой, как перышко, и только чуть поигрывали мышцы

под белой, не тронутой загаром кожей. Тория отворачивалась; через дворик они проходили к хозяйственным пристройкам и так же молча расставались на кухне, причем Эгерт получал в награду за труды то кусок булки с маслом, то сочащийся обломок медовых сот, то кружку молока. Унося добычу, Солль возвращался к себе и с легким сердцем садился за книгу — а зарботанное лакомство лежало тут же в ожидании своего часа.

Три или четыре раза Тория, вероятно, по просьбе декана, «пробовала себя в качестве педагога». Пробы эти, к сожалению, заканчивались решительной неудачей — и наставница, и ученик разбредались по разным углам раздраженные и усталые. Совместные занятия прекратились после одного памятного эпизода, когда Тория, войдя во вкус философских рассуждений о мироздании и человечестве, воскликнула, листая страницы: «Да нет же, Динар...»

Осекшись, она встретилась с испуганным взглядом Солля — и сразу же распрощалась. В тот вечер два человека в разных крыльях большого темного здания предавались одинаково тягостным размышлениям.

В остальном же между Эгертом и Торией соблюдался теперь прохладный нейтралитет — Тория приучила себя кивать при встрече, а Эгерт научился не бледнеть, едва слышав в конце коридора легкое постукивание каблучков.

Тем временем на прилавках в городе появились арбузы и дыни, дневная жара перемежалась с ночной прохладой, а в университет понемногу стали возвращаться загорелые, раздобревшие на домашних харчах ученые юноши.

Пристройки ожили, изгонялась пыль из коридоров, из зала и аудиторий; вернулась и приступила к работе повариха, Тории незачем стало каждый день ходить на базар. Старушка, являвшаяся с уборкой, выколачивала подушки и перины, и пух летел тучами, будто в университетском дворике сошлись в смертельном бою несметные полчища гусей и уток. По утрам перед парадным крыльцом топтались обычно двое-трое юношей с котомками на плечах — это были абитуриенты, явившиеся за знаниями из далеких городов и местечек. Разинув рот, пришельцы разглядывали железную змею и деревянную обезьяну, терялись, когда к ним обращались с вопросом, и нерешительно следовали за господином деканом, приглашавшим их на беседу. После беседы часть абитуриентов, подавленные, пускались в обратный путь; Эгерту мучительно жалко было смотреть на отвергнутых — любой из них был достоин звания студента куда больше, нежели Солль.

Впрочем, летние дни, проведенные за книгой, принесли-таки свои скромные, но плоды: в области наук Эгерт чувствовал себя куда увереннее, хотя, безусловно, звезд с неба не хватал. Взамен «Беседы с юношеством» Солль получил от декана

книгу внушительных размеров и под длинным названием «Философия звезд, камней, трав, огня и воды, а также ее несомненная взаимосвязь со свойствами человеческого тела», а в придачу к ней — полную красочных картинок «Анатомию».

Картинки эти смутили его, шокировали — и вызвали вместе с тем небывалый интерес. Эгерт поражался хитросплетениям сосудов, удивительному устройству замысловатых костей и внушительным размером бурой, как на базаре, печенки. По простоте душевной Солль всегда считал, что человеческое сердце выглядит абсолютно так же, как рисованное сердечко в уголке любовного послания, — и удивился, увидев на странице сложный, похожий на волынку узел с мешочками и трубками. Страшный скелет, которому только косы в руках не доставало, растерял всю свою жуть, стоило лишь Эгерту углубиться в изучение мелких поясняющих надписей к нему — подробные и занудные, эти комментарии начисто разгоняли мысли о смерти, вызывая взамен практические и деловитые вопросы.

За изучением «Анатомии» Солля и застал вернувшийся из дома Лис.

Встреча получилась сердечной и бурной; медные волосы Лиса отросли до плеч, нос обгорел под солнцем и шелушился, как вареная картошка, а в повадках не прибавилось ни серьезности, ни степенства. В котомке его обнаружили целиком закопченная гусыня с черносливом, связка черной кровяной колбасы, домашней выпечки лепешки и множество разнообразным образом приготовленных овощей. На самом дне Лисового мешка дремала баклага густого, как кровь, вина; снедь, которую любящая матушка Гаэтана собирала сыну на неделю, уничтожена была в несколько часов — Лис был, без сомнения, лоботряс и пройдоха, но ни в коей мере не скупец.

Первая же кружка вскружила Соллю голову. Бессмысленно улыбаясь, он смотрел, как комната заполняется знакомыми студентами — вскоре не осталось места ни на кроватях, ни на столе, ни на подоконнике, и все смеялись, галдели, рассказывали кто о чем, облизывали жирные пальцы и провозглашали здравицы, отхлебывая вино прямо из баклажки. Опустошив Лисову котомку, студенты, прожорливые, как молодая саранча, собрались идти в город; у Солля не было уже денег, но он решил отправиться вместе со всеми.

Посетили «У зайца», засели в «Утолись»; здесь пьянствовала удалая компания стражников, сменившихся, по-видимому, с поста. Эгерт смутился было такому соседству — однако стражники встретили студентов благодушно и без всякой неприязни, да и хмель, по-прежнему круживший Соллю голову, брал свое и притуплял привычный страх.

Две компании обменялись бутылками, потом здравицами, потом незлобивыми насмешками; затем стражи порядка за-

теяли старинную забаву всех вооруженных людей — метание клинков в намалеванную на стене мишень. Студенты притихли; лучше всех управлялся с кинжалом плечистый, хищного вида молодой человек с кожаным ремешком на волосах и коротким мечом у пояса — Эгерт разглядывал меч с интересом, в Каваррене такого оружия никто не носил.

Ножи и кинжалы вгрызались в дерево ближе или дальше от центра мишени, изображенной каким-то выдумщиком в виде кривобокого яблока; стражники вошли в азарт и принялись играть на деньги. Плечистый обладатель короткого меча успел здорово облегчить кошельки товарищей, когда кому-то из стражников пришлось на ум вызвать на состязание подвыпивших студизусов.

После короткого замешательства кое-кто решился-таки постоять за славу университета; Лис суетился, раздавая советы и норовя подтолкнуть очередного метальщика как можно ближе к мишени, причем стражники справедливо возмущались и оттесняли его на прежнюю, обозначенную меловой чертой позицию. К сожалению, пущенные студенческой рукой ножи решительно не желали втыкаться в стену — ударившись о мишень плашмя, они позорно шлепались на пол под смех и шутки довольных стражников; впрочем, до обид и ссор дело не доходило.

Студенты проиграли три бутылки вина, горсть серебряных монет и парадную шляпу Лиса — будучи игроком от природы, он все не желал признавать поражения своей команды и в конце концов взялся за дело сам; каждый бросок предварялся азартной торговлей, и скоро Лис лишился всех своих денег и добротного кожаного пояса.

Ничуть не смущенный, Гаэтан проиграл бы, пожалуй, и аптеку — если бы в этот момент на глаза ему не попался разомлевший, счастливый от всеобщего веселья и благодушия Эгерт.

— Эй, Солль! — вместо пояса Лис подвязывал штаны веревкой. — Ты что же, за своих не играешь? Может, бросил бы разок, или монетки жалко?

Смущенно улыбаясь, Эгерт поднялся. В этот момент погрустневшие студенты, чье поражение было несомненным и сокрушительным, действительно показали ему своими, почти что родичами; к тому же ему стало вдруг жаль замечательного Гаэтанового пояса.

Плечистый стражник с ремнем на волосах усмехнулся, подавая Соллю кинжал; Эгерт смерил взглядом расстояние до мишени, прищурил глаз — и в этот момент непостижимым образом в нем включился давно забытый, но по-прежнему безотказный механизм.

Рука сама взвесила кинжал, определяя центр тяжести; кли-

нок ожил, крутнулся в Соллевой ладони, подобно ловкому зверьку, лезвие сверкнуло размазанной дугой — и с хрустом врезалось в самый центр нарисованного яблока.

В харчевне стало на удивление тихо — из кухни выглянул изумленный повар.

Солль улыбнулся, будто извиняясь; стражники удивленно переглянулись, будто не веря глазам и проверяя, видел ли сосед то же самое или, может быть, померещилось во хмелю? Студенты — те просто застыли с вытянутыми физиономиями; всеобщее замешательство прервал Лис:

— А... как ты это делаешь, а? — поинтересовался он нарочито пьяным голосом.

Плечистый стражник решительно шагнул вперед, потрясая кошельком:

— Ставлю золотой... По пять бросков, идет?

Эгерт снова виновато улыбнулся.

Дальше все пошло очень быстро. В тишине, прерываемой только приглушенными аханьями публики да глухими ударами клинков о дерево, Солль получил обратно Лисовы пояс и шляпу, все проигранные студентами деньги и все монеты, выигранные плечистым у своих же товарищей. Глаза и руки Эгерта действовали самостоятельно, выполняя давно привычную и приятную работу; кинжалы плясали в Соллевых руках, оборачивались сверкающим веером, взлетали в воздух и вновь, как приклеенные, удобно ложились в ладонь. Он бросал их почти не глядя, как заведенный, и все они непостижимым образом стремились в одну и ту же точку — скоро в центре кривобокого яблока образовалась утыканная щепками дыра, а плечистый стражник с ременной повязкой на волосах сказал уважительно:

— Клянусь Харсом... Этот парень не всю жизнь за книжкой штаны протирал, нет!

Наконец азарт Эгерта иссяк, взглянув ненароком на кинжал в своей руке, он вдруг увидел в нем орудие убийства и вздрогнул вдруг при мысли о рассеченной плоти. Впрочем, никто не заметил его замешательства, потому что студенческая компания уже оправилась от потрясения, и на смену ему пришло бурное веселье.

Солля окружили, жали руку, хлопали по плечу; по одному подходили стражники и с серьезным видом заверяли в сердечном уважении. Пропивать выигранные деньги отправились в «Одноглазую муху»; за торжествующими студентами увязалась парочка девчонок, плененных, по-видимому, красотой и доблестью «белокурого Эгерта».

В студенческом кабаке чествование Солля продолжалось чуть не до полуночи; здесь Эгерт впервые увидел давнюю подругу Лиса — смазливую хохотушку по имени Фарри. Со-

скучившись по милому, девушка то надувала обиженно губы, то кидалась Гаэтану на шею, то принималась напропалую кокетничать со всеми подряд, рассчитывая, по-видимому, вызвать ревность. Дело кончилось тем, что, извинившись перед Эгертом и перед всей честной компанией, Лис деловито сгреб Фарри в охапку и поволок куда-то за сарай.

С этого момента вечеринка перестала интересовать Солля; с трудом отбившись от осаждавших его девчонок, он выбрался на темную улицу — и, едва завернув за угол, столкнулся с человеком в просторном плаще. Лицо плащеносца скрывал капюшон.

— Добрый вечер, Солль, — послышалось из темноты.

Голос был приветлив и принадлежал, без сомнения, Фагирре; Эгерт отшатнулся. За месяцы, прошедшие после его визита в Башню Лаш, Солль успел уверить себя, что братство потеряло к нему интерес и уже не хочет видеть в своих рядах; появление Фагирры явилось громом среди ясного неба.

— Вы удивлены, Солль? — усмехнулся под капюшоном Фагирра. — Рад сообщить вам, что первое испытание — тайной — вы успешно выдержали... Нам предстоит беседа — не лучше ли удалиться от шумного кабака?

Из «Одноглазой мухи» действительно доносились смех и крики, перемежаемые пьяными песнями; в этот момент разудалые звуки студенческой пирушки показались Эгерту родными, как памятная с детства колыбельная.

— Да, — пробормотал он невнятно, — конечно...

Взяв Солля под руку, Фагирра втянул его в какой-то переулок — Эгерт испугался, что и тут обнаружится вдруг потайной ход, ведущий в Башню Лаш.

Фагирра остановился — в темноте блеснули его белые зубы:

— Рад вас видеть, Солль, в добром здравии и состоянии души... У нас мало времени. Скоро, воля Лаш, мы станем соратниками, братьями — а пока знайте, что мир меняется, мир уже изменился. Люди слишком далеко ушли от Лаш — себе же на горе... Вы замечаете, Эгерт? Глупцы, глупцы... Городской судья все так же прислушивается к советам Магистра — однако судья очень болен, и кто знает, как поведет себя его преемник? Уже сейчас слышится голоса, противоречащие воле Лаш... Себе на горе, Солль, все это — себе на горе!

Эгерт слушал, не понимая и не пытаясь понять, только лихорадочно раздумывая, чего потребует от него Фагирра.

— Грядут испытания, Эгерт... Всех живущих ждут испытания, а какие — вы узнаете, пройдя обряд посвящения. Надо успеть, Эгерт... Успеть породниться с Лаш раньше, чем случится... то, что случится непременно. Вы встретите это с нами — и спасетесь, тогда как другие возопиют...

Служитель говорил все быстрее и жарче, в темноте посверкивали его глаза; с каждым его словом Соллю становилось все страшнее — будто бы над обычной, обыденной, привычной жизнью он разглядел вдруг распростертые крылья мрака.

— Скоро, Эгерт... Но время еще есть. Вам надлежит пройти второе испытание — воля Лаш, оно станет последним, и Башня укроет вас, посвященного, от того... что будет здесь, на земле. Вы готовы выслушать?

Язык Эгерта сам собой ответил:

— Да...

Фагирра приблизил капюшон к самому лицу Солля:

— Слушайте... Это условие последнего испытания. Во-первых, молчать по-прежнему... А во-вторых, и это главное, Эгерт... Вы должны смотреть и слушать. На то даны вам глаза и уши, Солль... Смотреть и слушать — сам Магистр будет принимать ваши доклады. В университете вам встретятся как друзья наши, так и враги... Мы должны разобраться, кто есть кто; особенно интересуется Магистра достойный господин декан и его прекрасная молодая дочь... Смотреть и слушать — вы, вероятно, посвящены в планы господина декана относительно книги, которую он пишет?

Эгерт стоял, будто облитый кипятком, сразу позабыв о страхе грядущих испытаний. Щеки его и уши горели — счастье, что Фагирра не видел этого в темноте. Небо, прежний Солль, тот, давно забытый каварренский забияка — да он бы одной пощечиной положил бы конец подобному разговору; однако прежний Солль умер, и новый Эгерт, отмеченный шрамом, только прошептал дрогнувшим голосом:

— К сожалению... вы преувеличиваете... мою осведомленность. Я... ничего не знаю о планах господина декана.

Фагирра дружески взял его за плечи:

— Это испытание, Солль... Нелегкое испытание, не скрою. Возможно, узнать об этом будет трудно — но ведь это возможно, Солль, не так ли?!

— Не знаю, — прошептал Эгерт, — я, право... Не уверен.

— Со-олль, — укоризненно протянул Фагирра, — друг мой... Вы ведь сделали первый шаг, вы присутствовали при тайном обряде... Вам оказали доверие, не так ли? А разве доверие не надо оправдывать? Сейчас вы находитесь под влиянием минутной слабости — а расплата за нее может быть слишком тяжелой, прямо-таки бесчеловечной... Не дайте же робости взять над собой верх — будет только хуже, поверьте, я говорю с вами как будущий ваш брат... Вам легче будет представлять доклады самому Магистру — или, может быть, сначала мне?

Эгерт с трудом сдерживал крупную дрожь. Руки Фагирры

по-прежнему лежали на его плечах — служитель прекрасно это чувствовал.

— Вам, — прошептал Эгерт, желая только, чтобы все поскорее закончилось.

Фагирра помолчал. Сказал мягко:

— Вот и прекрасно... Я сам вас найду. Ваше дело — смотреть и слушать... И еще спрашивать, спрашивать как можно любознательнее, но без назойливости — господин декан умен...

И, уже удаляясь, Фагирра вдруг обернулся:

— И не надо так болезненно к этому относиться, Эгерт... Вы потом поймете. Вам предлагают руку помощи, вам предлагают уникальный шанс; вы осознаете это позже — пока надо только поверить. Ладно?

Эгерт не нашел в себе сил ответить.

* * *

История с кинжалами стала достоянием университета, и даже совсем незнакомые Эгерту студенты подходили к нему в коридорах, чтобы пожать руку и спросить о чем-нибудь незначительном; начался учебный год, и Солль не пропускал ни одной лекции — но на душе у него было тяжело.

После встречи с Фагиррой он дал себе зарок не появляться больше в городе — но кто знает, защитят ли от ордена Лаш сами университетские стены? Эгерт прекрасно знал, что подлый страх предаст его при первом же случае, и допросчик, кем бы он ни был, при необходимости сумеет вытянуть из него все, что только пожелает. Орден Лаш знает или догадывается о его трусости — а это значит, что он пленник ордена, шпион и доносчик, и никакая гордость, никакое благородство не спасут Солля, когда колени его подогнутся от страха, а пересохший язык прилипнет к гортани, чтобы произнести затем слова предательства...

Длинный, доносящийся с Башни звук теперь приводил его в ужас.

Однажды, собравшись с духом, он отправился к декану, желая признаться во всем; на подходе к кабинету перед глазами его встало лицо Фагирры, а в ушах зашелестел прерывистый голос, повествующий о грядущих бедах. С трудом перешагнув порог, Эгерт смог выдавить из себя только невнятный вопрос: что будет... А ничего ли не будет... В скором будущем?

Декан удивился. С трогательной серьезностью предположил, что в скором будущем наверняка уж что-то будет, а в недалеком прошлом, увы, уже было. Эгерт смутился, попросил извинения и ушел, оставив декана в некотором недоумении.

Иногда Солль успокаивался — Фагирра, а тем более седой

Магистр, казались ему людьми, достойными доверия. Возможно, он действительно знает слишком мало, возможно, порученная ему миссия — не предательство, а наоборот, услуга университету... Ведь говорил же Фагирра: «Вы поймете позже... Пока надо просто поверить... Ладно?»

Ладно, шептал себе Солль, и ему становилось легче; он даже всерьез задумывался, как лучше выполнить возложенную на него миссию — но внезапное осознание собственной низости приводило его в отчаяние, и тогда, съежившись на подоконнике, он не отвечал на обеспокоенные вопросы Лиса и не смотрел в честные, цвета меда глаза.

Лис теперь относился к Соллю с куда большим уважением — причиной этому было не только редкостное Соллево умение метать кинжалы, но и читаемые им книги — «Анатомия» и «Философия трав...», полученные, по словам Эгерта, от самого декана. Газтан научился оставлять Солля в покое, если видел, что тот желает одиночества; однажды вечером, задув свечу, Лис осмелился спросить у странного соседа:

— Слушай, Солль... А ты кто вообще-то?

Эгерт, в полусне вспоминая о доме и о родителях, встрепенулся:

— А? Чего-чего?

Лис скрипнул кроватью:

— Ну... Тихий да робкий, только ножи от тебя прятать надо, а то не ровен час...

— Не бойся, — горько усмехнулся Эгерт. Лис сердито завозился:

— Ну да... Мне бы морду такую смазливую, как у тебя, — всех девчонок в городе... перепортил бы... Они же за тобой сами бегают, как на ниточке, — так нет же, и не взглянешь... У тебя вообще-то с этим... тем самым все в порядке, а?

Эгерт снова усмехнулся. Лис, ничуть не собираясь оставить Солля в покое, подоспел с новым вопросом:

— А кто это тебе физиономию исполосовал?

Солль вздохнул. Спросил шепотом:

— Слушай... А День Премноголикования — уже скоро?

Лис удивился в темноте. Отозвался чуть погодя:

— Еще месяц... А что?

Месяц. Остался месяц до назначенного срока; Эгерт твердо знал, что не станет подлецом и доносчиком, если продержится до встречи со Скитальцем. Сейчас он раб заклятья — но настоящему, свободному Соллю не страшны будут ни прямые угрозы, ни обещание грядущих бед; орден Лаш потеряет тогда над ним всякую власть, и как приятно будет сказать в лицо Фагирре: подите поищите других шпионов! И Карвер... И возвращение в Каваррен, встреча с отцом... А потом — Эгерт

решил это почти точно, — потом он снова явится в университет и попросит декана принять его, возможно... Но это — после. Сначала — Скиталец, и встреча состоится через месяц.

Мысли о том, что будет, если встречи не произойдет либо Скиталец откажет в избавлении от заклятия, Эгерт попросту не допускал в свое сознание.

Несколько ночей подряд Тории снились необыкновенно яркие, удивительные сны.

Однажды ей приснилось, что она стоит на палубе парусника. Такие корабли она часто видела на гравюрах и ни разу — на самом деле; вокруг лежала синяя чистая поверхность — море, над головой куполом выгибалось небо, а рядом стоял отец, и в руке у него была почему-то птичья клетка. В клетке вертелась маленькая, меньше воробья, пичуга; на душе у Тории было непривычно легко, и она смеялась во сне. Но на далеком горизонте собиралась черная, как пепелище, гряда, и капитан — ибо на корабле был и капитан — сказал с усмешкой: «Будет шторм, но нам он не страшен».

И Тория не испугалась, однако туча приближалась быстрее, чем следовало, и капитан почуял неладное слишком поздно — в небе над кораблем уже висела немыслимых размеров сова, и была она одновременно птицей и тучей, только вот туч таких не бывает. Глаза ее, две круглые площадки, светились белым мутным огнем, а крылья в размахе закрывали небо; капитан закричал, и в ужасе закричала команда — и тогда отец Тории, декан Луаян, распахнул дверцу птичьей клетки, которую держал в руках.

Пичуга, легкая, меньше воробья, выпорхнула на волю и стремительно стала подниматься — и на глазах обомлевших людей принялась расти, расти, и чернеть, и оборачиваться тучей, и сравнилась с совой, и в небе случился поединок не на жизнь, а на смерть — только кто победил в этом поединке, Тории так и не суждено было узнать, потому что она проснулась.

Раздумывая, что бы это могло означать, Тория отправилась в город — накануне отец просил ее зайти в аптеку. Возвращаясь, она встретила у парадного порога двух девиц в неотразимых шляпках, украшенных красными и зелеными цветами. Девыцы, смущаясь и подталкивая одна другую, обратились к ней с вопросом: здесь ли живет... то есть учится... такой высокий парень, блондин, со шрамом?

Тория опешила. Девыцы, волнуясь все больше, пояснили: они познакомились недавно... в одном месте... И договорились о встрече, но, хоть господа студенты бывают в городе довольно часто — этот парень, такой белокурый... Знаете? Так

он не появляется уже несколько недель... Может быть, он болен?

Тория сначала хотела рассмеяться, потом передумала и решила разозлиться, потом, спохватившись, сказала себе: а что, собственно, в этом такого? Какое ей дело до сердечных привязанностей Солля?

И, сухо вато объяснив девицам, что «блондин со шрамом» здоров и скоро явится в «одно место», Тория проследовала к себе; вслед ей неслось: может быть, она передаст этому парню, что его искали Ора и Розалинда?

Тория здорово удивилась бы, если б накануне кто-нибудь сказал ей, что об этой неожиданной встрече она будет вспоминать не раз и не два — однако вспоминала, досадуя и удивляясь собственной глупости. Возможно, ее раздражал выбор Эгерта — какие-то вульгарные уличные девицы... Впрочем, студенты всегда были несколько неразборчивы... Но Солль!.. Светлое небо, а чем Солль хуже или лучше прочих?!

Встретив Эгерта на другой день, Тория не удержалась от укола:

— Кстати, вас искали ваши приятельницы... Вы, похоже, совсем забыли их, Солль?

Некоторое время он непонимающе глядел на нее; она успела рассмотреть, что веки у него красные, а глаза усталые, как бывает после долгого ночного чтения.

— Кто? — спросил он наконец.

Тория напрягла память:

— Ора и Розалинда... Ну и вкусы у вас, Солль!

— Я не знаю, кто это, — сказал он равнодушно. — Вы уверены, что им нужен был именно я?

Тория снова не удержалась:

— А кто у нас еще «высокий, белокурый, со шрамом»?

Эгерт горько усмехнулся, привычно касаясь рукой щеки; Тории отчего-то стало неловко. Пробормотав нечто невнятное, она поспешила уйти.

Через некоторое время она увидела его в компании, возглавляемой рыжим Газтаном, — Солль был на голову выше всех своих сотоварищей. Компания направлялась, конечно же, в город, студенты радостно галдели — Солль молчал, держался в стороне, однако от глаза Тории не укрылось то уважение, которым окружали его прочие студияозусы. Рядом с Эгертом все они отчего-то казались чуть неуклюжими, чуть мешковатыми, чуть простоватыми — Солль, в каждом движении которого скользила некая инстинктивная, полувоенная грация, казался в толпе студентов породистой лошадей, затесавшейся в табун симпатичных, радостно топающих мулов.

Тория с неудовольствием поймала себя на некотором по-

добии интереса. Конечно, Ора и Розалинда вдохновлены, да и сколько еще юных козочек ударят копытцем, желая заполучить такого кавалера!

Через несколько дней Эгерт неожиданно получил весточку из Каваррена — почтовый служащий, сопя, приволок в университетскую канцелярию увесистый мешок, облепленный сургучными печатями, и к нему маленькое, смятое письмо. Разносчик не уходил, пока не получил серебряной монетки за труды; мешок полон был домашней снеди, а письмо, написанное на желтоватой почтовой бумаге, пахло сердечными каплями.

Эгерт не узнал почерка — его мать писала редко и неохотно, и никогда ни одно из ее посланий не предназначалось сыну; но запах он узнал сразу же, и от волнения его бросило в озноб.

Письмо было странным, строки загибались книзу и мысль то и дело рвалась; в нем не было ни слова о бегстве Эгерта или о теперешней жизни в Каваррене. Все послание посвящено было обрывочным воспоминаниям об Эгерте-ребенке и Эгерте-подростке, причем сам он не мог вспомнить об этом почти ничего; мать же, оказывается, все это время держала в памяти и цвет скатерти, с которой маленький сын стянул на себя тарелку горячего супа, и жука, которому он бодро и настойчиво пытался приклеить оторванную ногу, и какую-то дерзость, за которую отец хотел наказать его, а она вступилась, придумав сыну оправдание... Солль едва дочитал письмо до конца — им овладело непонятное, шещащее, болезненное чувство.

Желая заглушить его, Эгерт велел Лису зазывать на пиршество всех, кто только успеет втиснуться в сводчатую комнатушку. Студенты, общительные и изголодавшиеся, не заставили себя долго ждать; скоро кровати ломились под грузом пирующих, и грозил обрушиться подоконник, и возмущенно трещал стол, призванный служить опорой для научных изысканий, а не сидалищем для крепких молодых задов. Мешок со снедью, которой хватило бы Соллю на месяц, опустошен был, как водится, за несколько часов, и все были очень довольны — включая Эгерта, который в шуме и хмеле пирушки сумел утопить и горечь, и тоску, и страх перед будущим.

День Премноголикования был уже не за горами — Соллю хотелось поскорее приблизить его, то любимыми силами оттянуть. Лис все чаще обеспокоенно интересовался, все ли в порядке, потому что Эгерт впадал то в беспричинную возбужденную веселость, то в глубокий транс, часами сидел у окна, бессмысленно листая книгу о закланиях, почти ничего не

ел — зато вставал ночами, чтобы напиться из железного бака в коридоре; звон железной цепи, на которой висела кружка, будил соседей, и они роптали.

До рокового дня оставалась неделя, когда декан Луаян попросил Эгерта зайти к нему.

Солля ожидал увидеть и Торию, по обыкновению сидевшую на краешке стола и покачивавшую ногой, — однако в плотно зашторенном кабинете оказались лицом к лицу лишь суровый, сосредоточенный декан и его нервный, напряженный гость.

Усадив Солля в высокое кресло, декан долго молчал; внутри стеклянного шара с нанесенными на него очертаниями континентов горела свеча, и в свете ее стальное крыло, простертое над столом, казалось живым и готовым к полету.

— Через день-два он будет в городе, — негромко сообщил Луаян.

Ладони Солля, сжимающие деревянные подлокотники, в одно мгновение сделались мокры, как лягушачьи лапы.

— Послушайте, Эгерт, — проговорил декан все так же негромко, но от звука его голоса у Солля мурашки побежали по коже, — я знаю, что вы пережили ради этой встречи... Теперь я спрашиваю вас в последний раз: вы действительно хотите говорить со Скитальцем? Вы уверены, что это единственный для вас выход?

Эгерт вспомнил Фагирру, затем девушку в дилижансе, ставшую игрушкой для шайки разбойников, и только потом — Карвера.

— Уверен, — отозвался он глухо.

Некоторое время декан сверлил его глазами — Эгерт не дрогнул и выдержал этот взгляд.

— Хорошо, — отвернулся наконец Луаян, — тогда я расскажу вам... Все, что знаю сам — а знаю я, к сожалению, немного.

Он отошел к окну, отодвинул край занавески и так, спиной к Эгерту, начал:

— Я уже рассказывал вам о человеке, лишенном магического дара и прошедшем путь испытаний. Я говорил вам о Двери, увиденной мною в Зеркале Вод, — я был тогда мальчишкой, мой учитель умер, и я остался один... Перед Дверью в моем видении стоял некто, и засов был наполовину отодвинут... Вы не поняли тогда, зачем я вспоминаю все это, но теперь вы должны понять; слушайте же. По земле ходит Скиталец — никто не назовет вам его имени, и никто не знает точно, что за бездна его извергла; он носит в себе силу, не ведомую ни магам, ни прочим. Ни разу, сколь ни пытался, я не смог увидеть его в Зеркале Вод — а я ведь очень искусен, Эгерт, и любой человек, обладающий магическим даром, отражается

в моем зеркале рано или поздно... А Скиталец недоступен моему взгляду — более того, всякий раз, пытаясь найти его, я наталкивался будто бы на глухую стену... Необъяснимое пугает, Эгерт. Скиталец пугает меня, а я ведь не маленький мальчик... Не стану утверждать, будто бы он — воплощенное зло, но кто вообще знает наверняка, что доброе на земле, а что злое?

Декан замолчал, и Эгерт, прижимающий ладонь к помеченной шрамом щеке, сказал неожиданно для себя:

— Заклятье — зло.

— А убийство? — удивленно обернулся декан.

— И убийство — зло, — глухо отозвался Эгерт.

— А если убить убийцу?

Понемногу оплывала свеча внутри стеклянного шара.

— Ладно, — вздохнул декан, — я расскажу вам дальше...

Полвека назад мир стоял на краю пропасти... Большинство из живущих так и не поняли этого. Нечто, явившееся извне — летописи называют это Третьей Силой, — пожелало войти в мир и воцариться в нем. Для того чтобы преодолеть Дверь Мироздания, Третьей Силе понадобился Привратник... Им стал тот самый человек, лишенный магического дара, оскорбленный людьми и ослепленный гордыней. Открыв Дверь, он получил бы немыслимое могущество — но засов так и не был отодвинут, потому что, кто знает почему, в последний момент Привратник отказался от миссии... Неведомо, что было потом, но в мир живущих вернулся человек, посмеявшийся отвергнуть Третью Силу — и опаленный ею, получивший от нее не то проклятье, не то наследство... Говорят, что с тех пор он бродит по спасенному им миру, отсюда и прозвище — Скиталец... Похоже на правду?

Эгерт молчал.

— Вот и я не знаю, — чуть усмехнулся декан, — может быть, это совсем другой человек, и природа его силы другая... Раньше я хотел с ним встретиться — теперь не хочу. Кто знает... Он чужой, избегает встречи, и только время от времени я слышу о нем случайные рассказы...

— А я ниточка, — сказал Солль.

Декан встрепенулся:

— Что?

— Ниточка, привязывающая вас к Скитальцу... Я ведь поэтому вам интересен, да?

Декан нахмурился:

— Да... Вы правильно вычислили некий прагматизм моего к вам отношения... Вы — ниточка к Скитальцу, Солль, и вы же — убийца любимого моего ученика, жениха моей дочери... Вы — жертва жестокого заклатья. И вы же — человек на пути испытаний. Все это вы, — декан снова отвернулся к окну.

Свеча внутри стеклянного шара догорела и погасла — в комнате стало темнее.

— Что я должен сказать ему? — спросил Эгерт.

Декан пожал плечом:

— Что хотите. Вы изменились достаточно, чтобы самому решать... Не пытайтесь разжалобить его — это не поможет; не унижайтесь, но и не вздумайте дерзить — будет только хуже. А главное, Эгерт, хорошенько подумайте: под силу ли вам вообще эта встреча? Может статься, он наградит вас чем-нибудь еще, да таким, что прежнее заклятье покажется вам шуткой?

Декан испытующе склонил голову к плечу; Эгерт прошептал едва слышно:

— Страшно, конечно... Но я ведь уже виделся с ним однажды... Возможно, я найду слова... Я найду.

* * *

Эгерт слушал лекцию господина ректора, когда, порхающая по рядам, как бабочка, передаваемая из рук в руки, в зале обнаружилась записка. Эгерт не обратил на нее никакого внимания, и потому свистящий шепот заставил его подскочить:

— Эй! Солль!

Записка была свернута трубочкой, и надпись на ней не оставляла сомнений в том, что послание адресовано именно Эгерту; удивленно развернув жесткую бумагу, Солль прочитал короткую надпись посреди чистого листа: «Он в городе».

Дребезжащий голос господина ректора взорвался в его ушах разбитым стеклом, чтобы тут же отдалиться, затихнуть и обернуться жужжанием бьющейся в стекло мухи.

До праздника оставалось три дня; краснощекие служанки выбивались из сил, таская переполненные корзины со снедью; из окрестных сел съезжались торговцы мясом — прямо на улицах торговали окровавленными пороссячьими тушами, свиными и коровьими головами, кроличьими окорочками и целыми связками битой птицы. Эгерта мутило, когда взгляд его случайно падал на равнодушную безглазую морду, насаженную для продажи на железный штырь.

Человеческое море несло его дальше и дальше по улицам. Лихорадочно вглядываясь во все обращенные к нему лица, он несколько раз вздрагивал, обливался потом и кидался вперед — и каждый раз, обознавшись, останавливался, чтобы успокоить дыхание и унять бешено колотившееся сердце.

В аристократических кварталах было поспокойнее — смеясь и перекликаясь, горничные протягивали из окна в окно гирлянды, развешивали на ветру ленточки и флаги, выставля-

ли на подоконники клетки с певчими птицами и до блеска драили мостовую. Завидев в конце улицы серый плащ с капюшоном, Эгерт нырнул в боковую улочку и прижался к стене.

В середине дня погода испортилась, зарядил дождь, осенний дождь. Вымокший до нитки, голодный и усталый, Эгерт решил, что взялся за дело неправильно — просто блуждая по улицам, он не найдет Скитальца. Надо было собраться с мыслями и представить, где человек, накануне явившийся в город, может оказаться скорее всего.

Поразмыслив таким образом, Солль принялся обходить гостиницы и постоялые дворы. Кое-где на него косились, кое-где сразу же принимались гнать — мучаясь страхом, он вынимал из кармана монетку и через силу расспрашивал служителей и постояльцев о высоком, пожилom приезде с прозрачными глазами без ресниц.

Кошелёк его скоро опустел; в двух или трех гостиницах ему указали даже номер, в котором, по уверению горничных и слуг, остановился искомый высокий старик. Всякий раз замирая, Эгерт стучал в гостиничные двери и получал приглашение войти, а войдя, сразу же вынужден был извиняться, признавать ошибку и убираться прочь.

Едва волоча ноги, всякий раз рискуя наткнуться на Фагирру или другого служителя Лаш, Солль вернулся на главную площадь. Тут вовсю стучали топоры и визжали пилы — против здания городского суда с казненной куклой у входа соорудили широкий эшафот.

Эгерт передернулся, вспомнив слова Тории об обязательной казни, открывающей праздник Премноголикования; деловитых плотников стаяей окружали мальчишки — им было безумно любопытно, они наперебой спешили помочь и пособить, а если кому-то доверяли подержать молоток — гордости счастливец не было границ.

Сжав зубы, Эгерт решил про себя, что к моменту казни он будет уже освобожден от заклатья, а значит, храбр и хладнокровен. Стушались сумерки, уставший было дождик зарядил опять, и Солль, чьи силы иссякли внезапно и до конца, потащился в университет.

На другое утро он вышел на улицы ни свет ни заря — и почти сразу же увидел высокого, достаточно пожилого человека в выдавшей виды куртке и со шпагой у пояса; расплатившись с торговцем, продавшим ему, по-видимому, пряжку для перевязи, высокий неспешно двинулся по улице — и Эгерт, боясь обознаться, боясь потерять старика из виду, боясь замешкаться и опоздать, кинулся следом.

Несмотря на ранний час, на улицах было полно народа, Солля оттесняли, бранили, отталкивали в сторону — но, ста-

раясь не выпускать из виду широкополую шляпу высокого, Эгерт с настойчивостью маньяка рвался за ним вдогонку.

Высокий свернул на боковую улочку, где народа было поменьше; почти догнав его, Солль из последних сил выдохнул:

— Господин!

Прохожий не обернулся; задыхаясь, Эгерт подбежал ближе и хотел схватиться за рукав кожаной куртки — но не посмел, а только прохрипел просительно:

— Господин...

Незнакомец удивленно оглянулся и чуть отпрянул, увидев рядом с собой сильного молодого человека с бледным перекошенным лицом.

Отпрянул и Эгерт — прохожий если и походил на Скитальца, то только издали; это был обыкновенный добропорядочный горожанин, который и шпагу-то, наверное, носил лишь из уважения к поколениям достаточно благородных предков.

— Извините... — прошептал Эгерт, отступая, — обозначился...

Прохожий пожал плечами.

Подавленный неудачей, Солль снова обошел людные места, заглянув и на улицу своден; хищные старухи кинулись на него, как на лакомую добычу, и Солль едва вырвался из их цепких приглашающих рук.

Эгерт отправился теперь по кабакам — с порога оглядев зал и убедившись, что Скитальца здесь нет, он преодолевал соблазн присесть и перекусить — у него и денег-то не было — и вместо этого торопился дальше; в небольшом кабачке под названием «Стальная ворона» ему случилось напороться на выпивающих и беседующих слугителей Лаш.

Эгерт не знал, померещились ли ему внимательные взгляды из-под трех опущенных капюшонов; опомнившись уже на улице, он дал себе зарок впредь быть осторожнее.

Второй день поисков не дал результата. Отчаявшись, Эгерт обратился к декану: не смог бы тот указать местопребывание Скитальца поточнее?

Тот вздохнул:

— Солль... Будь это кто угодно другой — и я устроил бы вашу встречу. Но над Скитальцем моей власти нет ни на волосок — поэтому мне не найти его, если только он сам не захочет обнаружить себя... Он еще в городе — это говорю вам точно, и пробудет, очевидно, весь день праздника, но не дольше... Спешите, Солль, спешите. Я не помогу вам.

Накануне Дня Премноголикования город гудел, как улей; волоча ноги, подобно больному старцу, Эгерт брел от дома к дому, вглядываясь в лица прохожих. Под вечер вдоль стен уже валялись в блаженных позах первые пьяные, и увешанные лохмотьями нищие подбирались к ним украдкой, как шакалы

к добыче, желая вытряхнуть из карманов пропойц последние оставшиеся там деньги.

Еще не смеркалось; Эгерт стоял, привалившись к стене, и бессмысленно смотрел на уличного мальчишку, который задумчиво раскручивал на веревке привязанную за хвост дохлую крысу. Крыса, очевидно по случаю праздника, повязана была синей ленточкой.

Кто-то прошел мимо, едва не коснувшись Эгертового плеча, приостановился, оглянувшись; уже не имея сил бояться, Солль повернул голову.

На тротуаре прямо перед ним стоял Скиталец — Эгерт до мельчайших черточек видал прорезанное вертикальными морщинами лицо, выпуклые прозрачные глаза, холодные, вопросительные, кожистые веки, лишенные ресниц, узкий рот с опущенными уголками... Постояв так долю секунды, Скиталец медленно повернулся и двинулся прочь.

Эгерт схватил ртом воздух. Хотел крикнуть — голоса не было; тогда, рванувшись, он бросился вдогонку — но, как во сне, ватные ноги спотыкались и не желали идти. Скиталец уходил не торопясь — но очень быстро, Эгерт уже бежал, когда чья-то цепкая рука схватила его за воротник.

Солль рванулся — Скиталец уходил все дальше, а удерживавшая Эгерта рука не желала разжиматься, и над ухом он услышал смех.

Тогда только Эгерт обернулся; его окружали трое, и человека, сжимавшего его воротник, он сразу и не узнал.

— Привет, Солль! — радостно воскликнул тот. — Вот где встретились-таки, ты подумай!

Это был голос Карвера; новенький мундир его сверкал шнурами и пуговицами, а нашивка лейтенанта занимала, казалось, половину груди; сопровождающие его тоже были гуардами — один Бонифор, а другой незнакомый Соллю, некий молодой человек с маленькими усиками.

Эгерт глянул вслед Скитальцу — тот заворачивал за угол.

— Пусти, — сказал он быстро, — мне надо...

— По-большому или по-маленькому? — сочувственно поинтересовался Карвер.

— Пусти! — Солль рванулся, но слабо, потому что Карвер, усмехаясь, поднес к его лицу увесистый кулак в перчатке:

— Не спеши... Мы долго искали тебя в этой вонючей дыре, и не для того, чтобы просто так выпустить...

Все трое разглядывали Солля с нескрываемым любопытством, как обезьянку на ярмарке; Бонифор протянул удивленно:

— Гляди ты... Совсем как студент! И шпаги нет...

— Эх, Солль, где же твой клинок? — с нарочитой печалью осведомился Карвер.

Бонифор вытащил из ножен свою шпагу — Эгерт ослабел,

чувствуя, как страх парализует его, парализует до последней жилки. Бонифор оскалился и провел пальцем по лезвию; Карвер похлопал Эгерта по плечу:

— Не бойся... Ты, дружок, лишен как воинской чести, так и дворянской, лишен прилюдно, перед строем, шпагу против тебя обнажать никто не станет... По лицу тебя съездить — это да, можно... Еще выпороть можно, ты уж извини... Это неприятно, конечно... Но зато оч-чень воспитательно, да?

— Что тебе надо? — спросил Эгерт, с трудом ворочая пересохшим языком.

Карвер усмехнулся:

— Добра тебе хочу... Ты ведь дружок мой, как-никак... Сколько вместе пройдено, — он ухмыльнулся, и Эгерт испугался этой ухмылки больше, нежели обнаженной шпаги.

Карвер неторопливо продолжал:

— Домой поедем... У вас тут Премноголикование, так вот тебе поликовать как раз и не доведется... Дезертир ты, Солль, со службы сбежал позорным образом, мундир осрамил; веле-но нам тебя найти, отловить и пред очи представить, а там уже видно будет...

Он выпустил Соллев воротник — теперь двое его подручных крепко держали Эгерта за локти, в чем, собственно, и необходимости не было, потому что страх связывал Эгерта крепче стальной цепи.

Скиталец давно ушел, растворился на людных улицах, и с каждой секундой вероятность снова встретить его уменьшалась, таяла, как леденец.

— Слушай, Карвер, — сказал Эгерт, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Ты... Давай договоримся, а? Мне нужно увидеть одного человека... Ты скажи, куда потом прийти — я приду, честное слово... Но сейчас мне очень надо...

Соллю самому стало противно — так жалобно и просительно прозвучали эти слова; Карвер же расцвел, как букет под окном невесты:

— Ну, если так уж надо... Может быть, мы отпустим тебя, а?

Молодой человек с маленькими усиками изумился — Бонифору пришлось дважды подмигнуть ему, прежде чем он понял, что слова Карвера не более чем забава.

— Мне нужно встретиться, — беспомощно повторил Эгерт.

— Попроси, — серьезно предложил Карвер. — Хорошо попроси. На колени стань... Умеешь?

Эгерт глядел на Карверовы сапоги — они хранили следы недавней чистки и еще более недавней грязной лужи; к правой подошве пристало несколько гнилых соломинок.

— Что раздумываешь? — удивился Карвер. — Свиданье — дело серьезное... Она красива, Солль? Или просто потаскушка?

— Что я тебе сделал? — выдавил сквозь зубы Эгерт.

Вечерняя улица оживала, заполняясь смеющимися, танцующими, целующимися компаниями гуляк. Карвер приблизил лицо к самым глазам Эгерта. Наслаждался наворачнувшимися на них слезами, покачал головой:

— Ты трус, Солль... Какой же ты трус... — и добавил, ласково усмехаясь: — Господа, не надо его держать — он не убежит...

Бонифор и другой гуард неохотно выпустили Эгертовы локти. Карвер усмехнулся шире:

— Не плачь... Станешь на колени — отпустим тебя на свидание, так уж и быть... Ну?

На мостовой под ногами лежала ржавая половина подковы. Разве это первое унижение, подумал Эгерт. Разве не бывало хуже...

— Не станет, — убежденно сказал молодой человек с усиками. — Мостовая грязная, штаны испачкает.

— Станет, — хохотнул Бонифор. — А штаны он уже испачкал, ему не привыкать...

Это последний раз, сказал себе Солль. Самый последний... Скиталец не успел уйти далеко, одно, последнее унижение...

— Ну? — не выдержал Карвер. — Долго ждать еще?

Распахнулись двери соседнего кабака, и удалая, пьяная, неудержимая компания выплеснулась на улицу, как шампанское из бутылочного горлышка. Кто-то схватил Эгерта за уши, намереваясь пылко поцеловать; краем глаза он успел заметить девицу, повисшую одновременно на Карвере и Бонифоре — и бешеный хоровод рванул Солля в сторону, увлек прочь; в толпе мелькнуло обескураженное лицо с маленькими усиками — а Эгерт уже бежал, не чуя под собой ног, с непостижимой ловкостью лавируя между хмельными гуляками, одержимый одной только мыслью: Скиталец! Может быть, он еще здесь...

Поздней ночью Солль вернулся во флигель — Лис испугался, увидев его искаженное отчаянием лицо. Встреча не состоялась, и у Эгерта оставался теперь один только день — День Премноголикования.

Эшафот перед зданием суда был готов в последнюю минуту — замешкались рабочие, любовно обшивавшие лобное место черным сукном. На сукне бесподобно смотрелись гирлянды свежих цветов — праздник все-таки; деревянная плаха оказалась покрыта лаком и расписана, как барабан.

С раннего утра бродя по улицам и оступев от беспрерывного напряженного взглядывания в лица, Солль не сразу понял, куда несет его праздничная толпа; не желая идти на площадь, он ухитрился свернуть в боковой переулок — и снова угодил в

человеческий поток, возбужденный, пахнувший потом, вином и свежесделанной кожей, поток, стремящийся к зданию суда, к эшафоту.

Ему никогда не случалось плавать против сильного течения в бурной реке, а то он обязательно узнал бы страх и отчаяние пловца, безжалостно сносимого к водопаду. Толпа несла его, как половодье несет щепку, и движение ее замедлилось только тогда, когда предвкушающие зрелище люди вылились на широкую площадь с уродливым сооружением в центре. На Эгерта поглядывали с завистью: эдакая дылда, не надо и на цыпочки вставать!

Он беспомощно оглянулся — головы, головы, головы, целое море движущихся голов, ему вспомнились цыплята, переполняющие корзину птичницы; все лица обращены были к эшафоту, все разговоры вертелись вокруг предстоящей казни; осужденных, по слухам, было двое, оба лесные разбойники и виноваты в одинаковой мере, но одного, по традиции, помилюют — а кто будет этот счастливчик, решит жребий, решит прямо сейчас, на глазах у всех, ах, смотрите, смотрите, уже идут!

Заговорили барабаны — на помост поднялась процессия, возглавляемая городским судьей. Нестарый еще, худой и тщедушный, он был, по-видимому, источен какой-то болезнью, и тусклые глаза его терялись в складках многочисленных морщин — но походка и манера держать себя оставались величественными и полными гордыни.

Судью сопровождали писец и палач, похожие, как близнецы, только писец был облачен в невзрачное бесцветное одеяние, а палач радовал глаз малиновой, как летний закат, накидкой; первый вооружен был увешанным печатями свитком, второй держал в опущенной руке топор — так скромно, наивно и по-деревенски, как держит свое орудие крестьянин, собравшийся утром наколоть дровишек.

Окруженные стражниками, на эшафот взошли осужденные — их действительно было двое. Эгерт взглянул на них — и сам едва устоял на ногах. Роковая способность, проявлявшаяся до этого дважды, вернулась к нему внезапно и беспощадно.

Осужденные держались из последних сил; в душе каждого надежда боролась с отчаянием, каждый желал жизни себе и смерти — другому. Толпа представлялась густым киселем неразборчивых чувств, среди которых были и восторг, и жалость — но преобладало любопытство, жадное любопытство ребенка, желающего посмотреть, что у букашки внутри.

Солль пытался выбраться из толпы — но усилия его подобны были потугам увязшей в меду мухи. По площади гулко разносилось:

— Именем города... За возмутительное... дерзкое... а также...

грабежи... разбой... убийства... возмездие и наказание... через усекновение головы и предание забвению...

Эти разбойники были такими же мерзавцами, как и те, что остановили в лесу памятный Эгерту дилижанс. Насильники и убийцы, твердил себе Солль, но ему становилось все хуже.

Сам того не желая, он снова взглянул на эшафот — судья держал в руках два деревянных шара, совершенно одинаковых по размеру; белый шар призван был означать жизнь, а черный должен был принести одному из двоих неминуемую смерть на плахе. Писец развернул обыкновенный полотняный мешочек — шары полетели в него один за другим, и писец долго и тщательно потрясал орудием жеребьевки, и внутри полотняного мешка смерть с глухим деревянным стуком ударялась о жизнь. Надежды обоих осужденных достигли пика, и наибольшего напряжения достиг ужас смерти, и замерла терзаемая любопытством толпа; по знаку судьи оба приговоренных одновременно сунули в мешок руки.

Завязалась молчаливая борьба — лица соревнующихся покрылись потом, а руки судорожно шарили в полотняной темноте, желая завладеть именно тем из шаров, который был уже схвачен соперником. Напряжение чужой надежды и чужого отчаяния вырвало у Эгерта стон — стоящие рядом удивленно на него закосились.

Наконец оба приговоренных выбрали себе судьбу и, тяжело дыша, обменялись длинным взглядом.

— Вынимайте! — велел судья. Толпа замерла в ожидании.

Они помедлили еще секунду; потом одновременно рванули руки из мешка, и каждый уставился на шар, зажатый... в руке соседа.

Народ на площади взорвался ревом — на глазах многочисленных зрителей обладатель белого шара рухнул на колени, простирая руки к небу и беззвучно открывая и закрывая широкий круглый рот; человек, сжимающий черный шар, стоял неподвижно и, будто не веря глазам, переводил взгляд с опустевшего мешка на собственный, зажатый в кулаке приговор.

Судья подал знак — ошавевшего от счастья увели с эшафота, а в это время его товарищу завернули руки за спину, и черный шар грянулся о доски, и до Эгерта донеслось пронзительное: нет!

Несчастный между тем не произнес ни звука, однако все существо его пронзительно кричало об ошибке, о несправедливости, об ужасном недоразумении: как! Почему? Почему именно его?! Разве это мыслимо, разве это возможно?!

Беззвучный крик, доносившийся с плахи, заставил Эгерта скорчиться от боли; толпа накрыла его мощным, как орган-ный аккорд, двойным, несочетаемым чувством: азартной ра-

достью за помилованного и нетерпеливым желанием поскорее увидеть казнь другого, того, кто теперь обречен.

Брошенный на плаху человек весь источал мольбу, страх и отчаяние — Эгерт зажал ладонями уши и зажмурил глаза, но пронзительное «нет!» проникало в его сознание без помощи зрения или слуха. Взлетел в небо топор — Эгерт почувствовал мурашки, пробежавшие в этот момент по коже сотен зрителей, — и на высшей, рыдающей ноте беззвучная мольба оборвалась, обернулась конвульсией, утасла; вслед ей на площади взметнулась мутная волна отвратительного возбуждения, довольства редкостным зрелищем, приятно щекочущим нервы...

Эгерт заорал.

Не в силах сдерживать ужас и боль, он кричал, срывая горло, и от него шарахнулись, и не видя и не слыша больше ничего, он выл и пробивался сквозь желеобразную человеческую стену, и настал наконец момент, когда сознание милосердно оставило его в покое.

Тория не находила себе места от самого появления Скитальца в городе.

— У Солля есть шансы? — прохладно осведомилась она, проводив глазами отправившегося на поиски Эгерта.

Декан, к которому был обращен этот вопрос, только пожал плечами.

Предпраздничные заботы отвлекли ее внимание — однако на другой день она все же поинтересовалась:

— Нет? Не нашел?

Декан покачал головой:

— Кто знает... Скиталец может быть иголкой в стоге сена, может быть и углем за пазухой — кто знает...

Утром третьего дня Тория ни о чем не спрашивала, но декан, угрюмый, сказал ей вполголоса:

— Ничего, по-видимому, не выйдет. Скиталец не из тех, кто пересматривает приговоры... Ты можешь не верить — но мне жаль Солля. Просто по-человечески жаль.

Тория подняла брови и ничего не сказала в ответ.

Меньше всего ей хотелось стать свидетельницей готовящейся на площади казни; наглухо закрыв окна, она, как сквозь вату, слышала и гомон волнующейся толпы, и рокот барабанов. В какой-то момент ей очень захотелось узнать, где сейчас находится Солль, она с трудом подавила в себе желание наведаться во флигель.

Прошло несколько минут — Тория, мучимая предчувствием, ходила из угла в угол; потом, закусив губу, со звоном распахнула ставень.

Площадь укрыта была людьми, как живым шевелящимся ковром, и Тория не сомневалась больше, что где-то в пестрой

гуще затерялся и Солль; внутренне сжавшись, она посмотрела на эшафот — в этот самый момент там сверкнуло падающее лезвие.

Толпа ахнула, как один человек, и набрала воздуха в свои многочисленные груди, собираясь разразиться ревом, но толпу опередил один-единственный человеческий голос, над-рывный, полный боли; голос этот искажен был до неузнаваемости — но Тория узнала его, узнала и отшатнулась.

«Давно это у вас, Солль?» — «Я над этим не властен».

Перед глазами у нее уже мелькали ступеньки винтовой лестницы; сама не зная зачем, она бежала к выходу, а в ушах у нее повторялось и повторялось усталое: «Я над этим не властен... Не властен... Не властен...»

Над площадью взвился фейерверк — официальное празднование Дня Премноголикования началось.

Смеркалось, но улицы оставались освещенными, как днем — во всех руках горели факелы, и целые гроздья фонарей и светильников превращали город в один сплошной веселящийся трактир. Над площадью бесновался фейерверк, а под рассыпающимися огнями без устали являли искусство бродячие жонглеры и акробаты — самая большая и преуспевающая труппа захватила в качестве подмостков опустевший эшафот, и конкуренты могли только завистливо вздыхать, потому что дурацкий колпак, которым ежеминутно обносили толпу, с каждым разом оказывался все полнее и звонче.

На всех перекрестках стояли бочки с вином, и пьяные собаки, нахлебавшиеся из растекающихся по мостовой розовых ручейков, пошатываясь, заползали в подворотни. Над городом стояла нестройная, резкая, зато развеселая музыка — кто только был горазд, играл на чем попало, в ход шли пастушьи дудочки и винные бутылки, деревянные терки и детские трещотки, и из немзыкального шума то и дело выныривала пронзительная мелодия какой-то приبلудившейся скрипки... Вереницы людей, взявшись за руки, приплясывая и хохоча, носились цепочкой из переулка в переулок — и бывало, что голова людской цепочки уже сворачивала с улицы, на которую только выбирался хвост невообразимо длинной вереницы.

Безумие собственной затеи Тория поняла сразу же — разыскивать в танцующем городе одного, пусть даже очень видного человека было бессмысленным занятием, достойным глупца. Солля либо затоптали там же, на площади, либо он сам давно уже пьет и пляшет вместе со всеми; если же с ним действительно случилось несчастье и он нуждается в помощи — почему она сразу же не обратилась к отцу, зачем кинулась, сломя голову, в этот хмельной праздничный котел?

Как следует выругав себя, Тория неохотно повернула обратно — но в этот момент на улицу перед ней выскочила откуда-то приплясывающая вереница. Остановившись, Тория смотрела, как в свете факелов и фонарей сливаются в одно хохочущее лицо лица всех, кто, в бешеной пляске схватившись за руки, пронесся перед ней из переулка в переулок; последним в цепочке был молодой, счастливый парень в белой рубахе, и цепкая рука его схватила Торию за запястье:

— С нами, сестричка! Потанцуем, эх!

И улица понеслась ей навстречу.

Едва успевая бежать, спотыкаясь и пытаясь вырваться, Тория летела в хвосте пляшущей цепочки, и вот уже кто-то еще прицепился сзади, сдавив ее ладонь потными пальцами; в страхе упасть и быть растоптанной Тория пыталась уловить движения партнеров, не пропустить резкого поворота, не налететь на стену. В какой-то момент цепочка порвалась, на Торию едва не упали бегущие сзади — но она ловко вывернулась и, оставив за спиной по-прежнему хохочущую человеческую свалку, ринулась прочь.

Сердце ее бешено стучало, грудь ходила ходуном, но воздуха все равно не хватало; волосы выбились из гладкой прически, а тонконосые башмачки оказались затоптанными, грязными, как мостовая. Придерживаясь рукой за стену, Тория вздрогнула, увидев неподвижно лежавшего под этой стеной человека. Преодолевая страх, подошла, заглянула в лицо — пьяница мирно спал, он был брюнет с пышными усами, и в такт молодецкому сопению черные пышные волоски в носу то вытягивались вовнутрь, то выглядывали наружу.

Тория отшатнулась и побрела прочь. Какой-то юнец попытался засунуть ей прямо в рот предварительно облизанную карамельку — Тория так взглянула на него, что бедняга вынужден был сглотнуть конфетку сам. По широкой улице взад-вперед носились всадники, и Тория с усталым возмущением подумала об убийственных лошадиных копытах и хмельных, потерявших осторожность пешеходах.

Вот один из них рухнул прямо посреди улицы — Тория похолодела, потому что неистовые всадники возвращались.

— Берегись! — начальственно крикнул кто-то, подкованные копыта ударили в камни возле самой головы лежавшего — но благородные животные, явно превосходившие мудростью оседлавших их людей, ухитрились не наступить на пьяницу, и кавалькада унеслась дальше.

Человек на камнях не двинулся. Тория преодолела страх и отвращение — и подошла.

Лежащий был необыкновенно высок и широк в плечах. Светлые волосы слиплись на затылке в черной засохшей крови — видимо, падение оказалось не первым.

Чувствуя, как бьется сердце, Тория присела рядом на корточки и заглянула в лежавшее на мостовой лицо:

— Солль...

Он не отвечал. Лицо его походило на серую пыльную маску, прорезанную бороздками слез.

— Солль, — сказала она в испуге, — здесь нельзя... оставаться... вас затопчут, слышите?!

Мимо неслась очередная танцующая вереница — чья-то нога в тяжелом башмаке, оступившись, угодила лежавшему Эгерту по спине. Он не вздрогнул.

Тория схватила его за плечи:

— Эгерт... Очнитесь! А ну очнитесь немедленно!

В конце улицы застучали копыта; тащить Солля оказалось делом невозможным — слишком он был высок и тяжел. Тогда, стиснув зубы, она перевернула его на спину, потом снова на живот, потом снова на спину. Она катила его, как лесоруб катит бревно; голова со светлыми слипшимися волосами безвольно болталась.

Всадники проскакали по месту, где только что лежал Эгерт, и копыта высекали на камнях веселые искры; Тория ощутила порыв ветра, пахнущего вином и дымом. Она привалила Солля к стене — глаза его были открыты, но бессмысленный взгляд устремлен был сквозь склонившуюся над ним девушку. Тория испугалась — никогда прежде она не видела у людей такого странного взгляда.

— Солль, — сказала она в отчаянии, — пожалуйста... Вы меня слышите?

В мутных неподвижных глазах не отразилось ни тени мысли.

Борясь с испугом, Тория попробовала рассердиться:

— Ах, так?! Ну почему я, скажите, обязана возиться с каждой пьяной тварью?

Она наклонилась над его лицом, пытаясь и желая уловить густой винный запах. Запаха не было, да и Тория не была настолько наивна, чтобы не понимать, что Солль на самом деле был трезв.

Тогда она растерялась. Самым естественным представлялось ей бежать к отцу за помощью, и она уже сделала несколько шагов — однако вернулась. Что-то совершенно определенно подсказывало ей, что оставить сейчас Эгерта означает убить его. Отец не успеет, безжизненного Солля поглотит сутолока праздника, и только утром городские служители приташат к университету его изуродованное тело...

Изо всех сил стиснув зубы, она прижала пальцы к Эгертовым вискам. Кожа была теплой, и под ней в такт биению сердца подергивались жилки — Солль был по крайней мере жив. Тория перевела дыхание и методично, как учил ее отец, при-

нялась разминать и массировать Соллевы шею и затылок; неподвижный взгляд пугал ее, и дрожащим голосом она принялась приговаривать:

— Эгерт... Придите в себя. Очнитесь, пожалуйста... Что же мне делать, если вы не очнетесь, а?

Пальцы ее немели, отказывались двигаться, а глаза Солля оставались по-прежнему безжизненными. Все крепнущая уверенность в том, что Эгерт повредился в уме, заставила Торию покрыться мурашками.

— Нет, — бормотала она, — это слишком... Не надо так, Солль, ну не надо же!

Вокруг кружились, притоптывая, десятки заплетающихся ног, и кто-то драл горло, перекрывая всеобщий шум срамными куплетами.

Тория готова была заплакать, когда широко раскрытые серые глаза наконец дрогнули. Веки упали на них и тут же поднялись снова — теперь Солль смотрел на Торию, тупо и удивленно.

— Солль, — сказала она быстро, — надо идти домой... Слышите?

Губы его беззвучно шевельнулись, потом шевельнулись снова, и до девушки донеслось:

— Ты кто?

Ее прошибло потом — неужели он все-таки утратил рассудок от пережитого на площади потрясения?

— Я Тория... — прошептала она растерянно. — Вы... не узнаете?

Распухшие Эгертовы веки снова упали, прикрывая глаза.

— Это на небе, — сказал он тихо, — такие звезды.

— Нет, — она снова схватила его за плечи, — не так... Нету неба, нету звезд, я Тория, а мой отец — декан, вспомните, Эгерт!

Последнее слово обернулось прорвавшимся всхлипом — Солль снова поднял взгляд. Глаза его странно потеплели:

— Я... не сумасшедший. Вы... не бойтесь, Тория. Звезды... Созвездие, как родинки... на шее.

Тория невольно схватилась рукой за свою шею. Эгерт снова шевельнул губами:

— Поют...

Откуда-то доносилась нестройная хмельная песня. С ближайшей крыши слышалось сопение: невеста как попавший туда гуляка решительно выворачивал флюгер.

— Это ночь? — спросил Эгерт.

Тория перевела дыхание:

— Да... Сегодня был День Премноголикования.

Глаза Солля затуманились:

— Не нашел... Не нашел... Теперь уже не найду... Никогда...

— Скитальца? — шепотом спросила Тория.

Эгерт с трудом пошевелился, сел, опираясь на стену. Медленно кивнул.

— Но на будущий год он явится снова, — сказала она, как могла, беспечно.

Эгерт покачал головой:

— Целый год... Я уже не доживу.

В словах его не было ни капли рисовки или кокетства, только спокойная уверенность.

Тория будто очнулась:

— Солль... Надо уходить. Вставайте — и пойдем.

Не двигаясь с места, он снова тяжело качнул головой:

— Я не могу... Я останусь. Вы... идите.

— Нельзя, — она старалась говорить как можно убедительнее и мягче, — нельзя, Эгерт... Вас здесь растопчут, пойдемте...

— Но я же не могу, — пояснил он удивленно. И продолжал без перехода, будто раздумывая: — Жук без крыльев... Тот был без крыльев. Назад... нельзя. Не выходит, мама... Почему не получается? Мертвые... Наверное... не ходят. Назад нельзя!

Глаза его снова затуманились. Впадая в панику, Тория принялась изо всех сил трясти обмякавшие плечи:

— Ты живой! Ты живой! Эгерт! Вставай, ну!

— Тория, — прошептал он отрешенно. — Тори-я... Такое имя... Я живой. Нет, не то. Тория... — он протянул вперед ладони, сложенные лодочкой. — Это будто бы бабочка... Села на руку, сама... Будто подарок... Один раз в моей жизни... И я убил ее, Тория... Тогда, в Каваррене. Убил... его. И убил себя, потому что... — он разнял ладони, будто пропуская через них невидимый песок, — потому что потерял... Торию, — он бесильно откинулся назад.

Она смотрела на него, не отрываясь, не зная, что и сказать.

— Это правда — ты? — спросил он шепотом. — Или это все-таки... меня встречают... там?

Тория испугалась:

— Нет... Это я...

Он неуверенно протянул руку и осторожно коснулся ее щеки:

— Ничего и никогда у меня не было. Нищий... Солль. Небо пустое, ни звездочки... Ничего... настоящего... Одна только Тория... Ничего нет. Дорога горячая, солнце... И я один... Не надо бы мне жить. Я... там. Спасибо... что я тебя видел, — его рука упала. — Спасибо, милая Тория...

— Солль... — прошептала она испуганно.

— Так горько, — сказал он, снова опуская веки. — Ожерелье из звезд... Я так обидел тебя. Никогда в жизни... Прости...

Он вздрогнул. Открыл глаза:

— Тория... Площадь убийц. Убийцы на плахе, убийцы на

площади, и я — убийца... Головы, глаза, зубы, рты... Почему никто не хочет... меня прикончить?! — он вдруг рванулся, почти что встал — и снова сник, осел, обмяк.

— Эгерт, — сказала она глухо. — Об этом нельзя сейчас думать. Если ты сию секунду не встанешь... Я не знаю, что сделаю, — и она в самом деле не знала.

— Уходи, — отозвался он, не открывая глаз. — На улице... Много всякого. Праздник... Ночь. Они захотят... Если они захотят насильничать, я не спасу тебя, Тория. Я буду рядом и буду смотреть... А помочь не смогу... Уходи, — и он поднял веки, и Тория встретила глазами с его безнадежным, ласковым, полным боли взглядом.

— А вот не бойся за меня! — выкрикнула она, пытаясь справиться с непонятным чувством, вдруг сдавившим ей горло. — Я сама за себя... Вставай!

То ли голос ее обрел особую повелительную силу, то ли Эгерт наконец-то начал приходить в себя — а только общими усилиями они смогли поставить на ноги тяжелое, неповоротливое Соллево тело. Тория подставила шею — рука Эгерта теперь лежала у нее на плечах, и даже сквозь грубую ткань платья девушка чувствовала, как рука напрягается, боясь причинить ей боль.

— Да смелее, — прошептала она, пытаясь встать поустойчивее, — держитесь, Солль... Ерунда, пойдем...

Идти оказалось тяжелее, чем она думала. Эгерту совсем не служили ноги; отчаявшись не раз и не два, она наконец выдохнула:

— Нет... Так не выйдет... Я схожу в университет... Позову на помощь...

Солль тотчас же осел на мостовую, да и Тория едва устояла; испытывая странную неловкость, повторила как можно увереннее:

— Я быстро... Тут не очень... Далеко. Вы подождете, да?

Он поднял голову. Тория увидела его глаза — и опустила рядом:

— Эгерт... Да я же не брошу... Я людей позову, отец поможет... Эгерт, я не брошу тебя, клянусь...

Солль молчал, опустив голову. Тихо уронил:

— Конечно... Иди.

Она посидела рядом, потом сказала бодро:

— Да нет... Мы сами дойдем. Мы отдохнем немного, и будет легче... Да?

По-прежнему не глядя, Эгерт взял ее руку. Она вздрогнула — но не отняла.

Он долго-долго разглаживал пальцами ее ладонь. Потом сжал — не больно, но Тория ощутила биение пульса в его ладонях:

— Спасибо... Наверное, я... не заслужил.

Останавливаясь, отдыхая, пробираясь среди хмельных и ликующих, они шли весь остаток ночи. Занялся мутный рассвет — город, притихший и утомленный, казался огромным разоренным столом, встречавшим утро после веселой и обильной свадьбы. Развеялся дым факелов, фейерверков и петард, утренний ветер возился в грудах брошенного хлама, гонял по залитой вином мостовой пробки от бутылок, оборванные ленточки и колечки серпантина, рвал в клочья сырой, притаившийся в подворотнях туман и до костей пробирал двух измученных путников.

Тория и Эгерт выбрались к горбатуому мостику над каналом; по шершавой, как терка, поверхности воды путешествовал утерянный кем-то бумажный колпак с кисточкой. Пустые улицы и слепые окна казались покинутыми, нежилыми; нигде не было ни души, и только на самой середке мостика неподвижно стоял высокий, созерцавший воду человек.

— Уже близко, — прохрипела Тория, поудобнее устраивая руку Солля на своих плечах. — Уже почти пришли...

Свободной рукой Эгерт ухватился за перила — и вдруг встал, будто по колени провалившись в камень.

Человек на мосту повернул голову — Тория увидела немолодое, прорезанное вертикальными морщинами лицо с большими, прозрачными глазами. Лицо это показалось Тории знакомым; только через несколько секунд она вспомнила, что стоявший перед ней человек жил когда-то в трагически памятной каварренской гостинице «Благородный меч».

Скиталец стоял неподвижно, не сводя глаз с Эгерта и Тории; взгляд его ничего не выражал — так, во всяком случае, ей показалось.

— Эгерт... — сказала она враз пересохшими губами. — Это... судьба.

Вцепившись руками в перила, Солль шагнул вперед — и остановился, не в силах издать ни звука.

Скиталец отвернулся. В правой руке его зажата была горсть мелких камушков — один из них полетел в канал, оставив на воде широкий, расходящийся круг.

Солль молчал. Минута тянулась за минутой, и один за другим падали в воду камушки.

— Эгерт, — прошептала Тория. — Ну же... Попробуй... Попробуй... Ну...

Истратив весь свой запас, Скиталец бросил прощальный взгляд на двух обмерших пешеходов — и, запахнув полу плаща, зашагал прочь с моста.

Послышалось сухое шипение — Солль втянул воздух запекшимся, похожим на черную щель ртом.

Тогда, отбросив его руку, Тория метнулась вперед так, что подол темного платья захлопал на ветру, как парус:

— Господин! Постойте... господин!

Скиталец не сразу, но приостановился. Обернулся вопросительно:

— Да?

Тория оказалась так близко, что при желании могла дотронуться протянутой рукой до замысловатого эфеса шпаги у его пояса. С трудом выдерживая пристальный взгляд, выпалила прямо в прорезанное морщинами лицо:

— Здесь... Один человек. Он хочет... Ему надо с вами поговорить, это вопрос жизни и смерти, умоляю, выслушайте его!

Длинный тонкий рот чуть дрогнул:

— Он немой?

Тория растерялась:

— Что?

Скиталец шумно вздохнул. Усмехнулся, теперь уже точно усмехнулся, но усмешка эта не принесла Тории облегчения:

— Разве этот ваш человек немой? Почему за него говорите вы?

Тория беспомощно оглянулась на Солля. Тот стоял на мосту, вцепившись рукой в перила, и молчал, будто навек утратив дар речи. Ветер теребил свалывшиеся светлые волосы.

— Эгерт! — крикнула ему Тория. — Возьми себя в руки... Скажи... Ты же хотел сказать, скажи!

Солль смотрел так, как смотрит на охотника угодивший в капкан лисенок, и молчал.

Скиталец чуть поклонился Тории — и двинулся прочь. Потрясенная нелепостью и неправдоподобностью случившегося, она кинулась за ним, как базарная попрошайка кидается за всяким, посулившим монетку:

— Господин! Пожалуйста...

Кажется, она даже схватила его за рукав; она готова была упасть на колени, когда Скиталец обернулся, теперь удивленно:

— Что же?

— Не уходите, — прошептала она, задыхаясь. — Он сейчас скажет... Он скажет.

Скиталец смерил ее внимательным, изучающим взглядом — она задрожала, чувствуя себя прозрачной, видимой насквозь. Тонкие губы снова дрогнули в усмешке:

— Что ж... Может быть, вы и правы... Может быть, — и, повернувшись, Скиталец все так же неспешно вернулся на мост.

Эгерт стоял на том же месте; Скиталец подошел близко, почти вплотную, и глаза его были на одном уровне с глазами высокого Солля:

— Ну?

Эгерт проглотил застрявший в горле комок. Произнес чуть слышно:

— Каваррен...

— Помню, — усмехнулся Скиталец терпеливо, — хороший город... — и вдруг спросил ни с того ни с сего: — А вот как вы думаете, эта жеребьевка перед казнью — милосердие или, наоборот, жестокость?

Солль передернулся. Прошептал через силу:

— И то, и другое... Надежда в ночь перед казнью... И сомнения... Муки... Переход от отчаяния к вере... Потом обман надежды — и человек не готов... Умереть достойно...

— Не все умеют умереть достойно, — заметил Скиталец. — Однако откуда вы знаете? В вашей жизни ведь не было ночи перед казнью, откуда вам знать, что такое отчаяние и что такое надежда?

— Мне кажется... — вздохнул Солль, — что я уже немного знаю... Немного. Я... научился. Но... вам, конечно, виднее — вы-то знаете, что такое ночь перед казнью...

Тория, стоявшая рядом, похолодела. Скиталец, кажется, удивился:

— Да? Что ж... Мне много чего известно, это правда... А вы прилежный ученик... Солль.

Эгерт вздрогнул от звука своего имени. Прижал ладонь к шраму:

— Можно... это... снять?..

— Нельзя, — уронил Скиталец, глядя в воду. — Отрубленные головы обратно не прирастают. Только сущий малыш может мучить жука, пытаясь приспособить на место лапку, которую сам же и оторвал... И некоторые заклятия тоже не имеют обратной силы, Солль. Придется смириться.

Стало тихо. Бумажный колпак, все это время блуждавший от берега к берегу, наконец-то размок, расклеился и понемногу стал тонуть.

— Я так и думал, — глухо сказал Солль. В голосе его скользнуло нечто такое, от чего у Тории волосы встали дыбом.

— Эгерт, — она шагнула к нему и вцепилась в его руку. — Эгерт, все будет... Все будет хорошо. Не надо... Пойдем домой. Все будет... Вот увидишь, Эгерт, — но в этот момент воля изменила ей, и она горько расплакалась.

Солль, стоявший на ногах на удивление твердо, подставил ей руку, и теперь уже она оперлась на его локоть. Медленно и молча они двинулись прочь; за спиной у них раздалось вдруг негромкое:

— Минутку...

Оба, вздрогнув, обернулись.

Скиталец стоял, привалившись к перилам, и в задумчивос-

ти разглядывал носок собственного ботфорта. Поднял голову, прищурился навстречу восходящему солнцу:

— Заклятие не имеет обратной силы, но может быть сброшено... В исключительных обстоятельствах. Раз в жизни бывает этот момент, и пропустивший его лишается надежды навсегда; условия же таковы...

Легко забросив плащ за спину, он спускался им навстречу, и Эгерту показалось в это мгновение, что Скиталец — его ровесник.

— Слушайте и запоминайте, Солль:

КОГДА ПЕРВОЕ В ВАШЕЙ ДУШЕ ОБЕРНЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ...

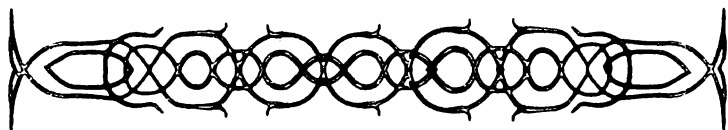
КОГДА ПУТЬ БУДЕТ ПРОЙДЕН ДО КОНЦА...

КОГДА НА ПЯТЬ ВОПРОСОВ ВЫ ПЯТЬ РАЗ ОТВЕТИТЕ «ДА»...

Скиталец замолчал. Добавил тихо:

— Заклятие спадет само собой... Только не ошибитесь. Ошибиться легко, и ошибка дорого вам обойдется... Прощайте, господа. Не повторяйте своих ошибок...

Едва продравший глаза служитель обмер от изумления, увидев поднимавшихся по парадным университетским ступеням вольнослушателя Солля и дочь декана Торию. Оба были бледны, как покойники, и готовы были упасть, лишившись опоры; опорой каждому служила рука другого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛУАЯН

ГЛАВА 7

етними днями каменная площадка, служившая двориком, накалялась, как подошва чугунного утюга, и воздух над ней дрожал и колебался. Улицы лежавшего под скалой поселка тогда сходили с места и меняли очертания; учитель Орлан таинственно улыбался: «Видимость... В знакомом спрятано незнакомое, в известном сидит неведомое, до дна этого колодца ты не дочерпнешь, как бы ни старался... Впрочем, зачем тебе дно? Напейся — и будь благодарен...»

Маленький Луаян не сразу понял, о каком колодце говорит учитель. В дворике на скале не было никакого колодца — воду приходилось таскать снизу, а это так тяжело...

Зато в доме старого мага было прохладно даже в самые знойные дни, и стальное крыло, укрепленное над входом, призвано было хранить жилище от напастей, болезней и врагов... Луаян твердо знал — пока жив учитель Орлан, так оно и будет.

Пока жив учитель...

Декан оторвал взгляд от желтого пламени, пляшущего в камине — ибо после Дня Премноголикования обычно наступали по-настоящему осенние, сырые, промозглые дни. Его учитель имел обыкновение топить и среди лета; Орлан утверждал, что огонь в камине способствует раздумьям. Возможно, он был прав — однако Луаян не успел перенять у него эту привычку, и летом камин его стоял пустой и холодный.

Кто знает, как сложилась бы его судьба, проживи Орлан еще хотя бы несколько лет?

Множество ошибок... Вся жизнь — хранилище ошибок, и всегда накануне несчастья он чувствовал тянущий холод в груди — совсем как сегодня.

Он обернулся. Тория, дочь его, сидела на краешке стола, и

освещенное камином лицо ее казалось строгим, даже суровым; с этого лица на декана в который раз укоризненно глянула другая женщина — ее столь же молодая и прекрасная мать. Декан в задумчивости потер висок — но смутное предчувствие не уходило; за спиной у Тории поблескивали в полумраке воспаленные глаза Эгерта Солля.

Декан поворошил в камине поленья — огонь разгорелся ярче. Луаяну вспомнилось, как вот так же ярко пылал огонь в домике у скалы, и стояли друг против друга два кресла с высокими спинками, и в одном из них сидел старик, а в другом — завороженный его речью мальчик... Старую, подумал он с иронией. Слишком ясно вспоминается прошлое, и откуда это ноющее, неопределенное предчувствие недоброго?

— Пять «да»... — в который раз пробормотал из темноты Эгерт. — Кто-то... Спросит пять раз? И надо успеть ответить?

Тория смотрела на отца почти что требовательно.

Он отвернулся. Разве это Луаян загадал загадку, разве он знает ответ... Ему самому нужна теперь помощь, но тот, кто не раз помогал ему и подсказывал, уже много десятилетий лежит в каменной могиле под высеченным в скале крылом...

Тория вздрогнула, и вскинул голову Эгерт — в тяжелую дверь часто и беспорядочно застучали. Декан удивленно поднял брови:

— Да?

В приоткрывшуюся щель опасливо просунулось скуластое лицо Гаэтана, за его спиной угадывались еще кто-то, перешептывавшиеся, переминавшиеся, шикавшие друг на друга.

— Господин декан... — выдохнул Лис. — Там... На площади... Лаш.

Эгерт почувствовал поднимающуюся в груди волну могильного холода.

Площадь была привычно заполнена народом — и непривычно тиха. Башня Лаш распахнула настежь свои вечно закрытые ворота, и из ворот этих густой стеной валил тяжелый, отдающий благовониями дым. Под покровом его мелькали серые плащи — однако никто из потрясенных небывалым явлением горожан не мог как следует разглядеть происходившего в плотных, как войлок, коричневых клубах.

Группка студентов разрезала толпу, будто ножом — острием этому ножу служил декан Луаян. Эгерт держался позади, и в ушах у него стоял вкрадчивый голос Фагирры: «Грядут испытания, Эгерт... Всех живущих ждут испытания... Надо успеть, Эгерт... Прежде чем случится... то, что случится непременно... Вы породнитесь с нами — и спасетесь, тогда как другие возопиют...»

Тяжелый коричневый дым помедлил и стал подниматься к

небу. На месте, где он только что клубился, обнаружилось неподвижное человеческое кольцо — плечом к плечу, плотно, как заостренные колья в частоколе, кольцом стояли служители Лаш — все капюшоны были низко опущены, и лица, обращенные к удивленным обывателям, скрывались грубой тканью. Эгерт спрятался за чьей-то спиной — ему казалось, что из-под капюшонов его высматривали зоркие внимательные глаза.

— Что это за... — насмешливо начала было Тория, и в этот момент длинный, вытягивающий душу звук в одночасье позатыкал рты всем, кто собрался сегодня на площади.

В сером кольце плащеносцев мелькнуло огненно-красное одеяние знакомого Эгерту карлика; потом из-за неподвижных, будто каменных спин поднялся сноп дыма, и, словно возносимый его клубами, над площадью поднялся Магистр. Возможно, один лишь Солль догадался, что это именно Магистр — все остальные увидели только белый шар всклокоченных седин, взошедший, как луна, над зубчатой стеной из капюшонов.

Площадь зашептала, завозилась, запереглядывалась; протяжный звук повторился, и снова упала мертвая, неестественная для людного места тишина. Тяжелый дым поднимался к небу нехотя, будто против воли.

В кольце плащеносцев снова мелькнуло красное — и карлик со своим музыкальным инструментом тоже оказался на возвышении. Тонкие губы его шевельнулись — или это показалось Эгерту? — и из раструба вместе с грузным дымом вылетело такое же грузное, неповоротливое слово:

— ГРЯ-ДЕТ...

Эгерт похолодел. «Грядут испытания»...

— ПРИГОТОВЬ... СЕБЯ... ПРИГОТОВЬ... СВОЙ ДОМ... ПРИГОТОВЬ... СВОЮ ЖИЗНЬ...

«Надо успеть, Эгерт»...

— ВРЕМЕНА... ТЕКЛИ И ТЕКЛИ. ВРЕМЕНА... УТЕКЛИ, ИБО И РЕКА НЕ ВЕЧНА... ВРЕМЕНА... ПРОШЛИ, ВОТ ОНО, БЛИЗКО... ОКОНЧАНИЕ ВРЕМЕН!

Площадь молчала, не понимая.

— ОКОНЧАНИЕ... ВРЕМЕН, — глухо вырывалось из раструба, перемежаясь со струями дыма, — ОКОНЧАНИЕ... ЛАШ ВИДИТ. КОНЕЦ... ВСЕМУ. ВОТ ОН... ВОТ. ПРОТЯНИ РУКУ — И ВОТ ОН... НЕДЕЛЯ, ДВЕ ЛИ, ТРИ, ИЛИ ДЕНЬ, ИЛИ ЧАС ОСТАЛИСЬ ДО ОКОНЧАНИЯ... ЛАШ ВИДИТ, ЛАШ ВИДИТ... КОНЕЦ МИРУ, КОНЕЦ ЖИЗНИ, ВЕЧНОЕ ОКОНЧАНИЕ ВРЕМЕН... ЛАШ ВИДИТ...

Карлик отнял трубу от искривленных губ, помедлил и смачно сплюнул.

— Все! — тонко выкрикнул вдруг Магистр. — Песок в ваших часах истек... Конец!

Будто повинуюсь неслышному приказу, серые фигуры медленно воздвигли руки — широкие рукава одновременно взметнулись, на собравшихся повеяло ветром, и многим показалось в ту минуту, что ветер этот холоден и пахнет склепом.

— Конец... — прошелестело из-под капюшонов. — Конец...

И снова повалил дым — на этот раз черный, как от вселенского пожарища. Дым скрыл от глаз фигуру Магистра, и карлика в огненно-красном, и стену из неподвижных безликих людей — зрелище это было величественно и вместе с тем настолько жутко, что в толпе неподалеку от Солля забились в истерике женщины:

— Ой... Ой, людоньки, ой... Ой, как же это... Не хочу, не надо, ой...

Эгерт оглянулся — женщина была беременна и, причитая, прижимала ладони то к мокрому от слез щекам, то к огромному круглому животу.

Строй плащеносцев беззвучно и моментально втянулся в ворота Башни — так же беззвучно ворота закрылись, и только из-под железных створок струйками выползал дым. Черные струйки эти извивались, подобно потревоженным гадюкам.

Эгерту как никогда остро захотелось оказаться рядом с деканом; поймав вопросительный взгляд Тории, он бледно улыбнулся — улыбка задумывалась, как успокаивающая, но Тория только сильнее нахмурилась. Декан уронил руку ей на плечо:

— Пойдем...

Толпа расходилась; потерянные люди прятали глаза, где-то навзрыд плакал напуганный ребенок, да и у многих женщин предательски дрожали губы. Какой-то старик, по-видимому, глуховатый, хватал всех подряд за рукава, пытаясь дознаться, что все-таки говорили «эти, которые с накидками»; от старика отмахивались — кто хмуро, а кто и раздраженно. Откуда-то вдруг послышался натуженный, неестественный смех:

— Вот придумали, а? Вот шуточки, а?

Смеявшегося не поддержали — и хохот его как-то жалко захлебнулся.

У порога университета, прямо между змеей и обезьяной, толпились студенты; все взгляды тут же обратились к декану — но он прошел, не говоря ни слова, через образовавшийся в этой толпе коридор, и немые вопросы юношей остались без ответа. Эгерт и Тория последовали за Луаяном.

В университетском двореке их встретил Лис. Восседая на плечах некоего крепыша и немислимым образом раздувая

щеки, Газтан старательно дул в жестяную воронку, время от времени уныло постанывая:

— Грядет... Гряде-ет... У-у-у...

* * *

...И был день, когда в кресло его учителя уселся другой человек.

Не раз и не два мальчик слышал от Орлана о Ларте Легиаре; встреча с ним, явившимся в домик у скалы, могла обойтись Луаяну ох как дорого, потому что, юный и самонадеянный, он едва не вступил с незванным гостем в поединок.

Самолюбие Луаяна получило в тот день ощутимый удар — он принужден был сдаться на милость сильнейшего, а Легиар, без сомнения, многократно превосходил в искусстве не только четырнадцатилетнего мальчишку, но и многих умудренных сединами магов. Не в характере Ларта было щадить противника — хотя бы и по молодости лет; однако мальчик сдался — и наградой ему был долгий, вначале тягостный, но потом увлекательный и памятный Луаяну разговор.

Под утро длинной ночи великий маг Ларт Легиар позвал мальчика с собой — это был шанс перемены судьбы, шансобретения нового наставника; Луаян не упустил этого шанса — он просто отказался от него, отказался спокойно и сознательно. Он был не из тех, кто так просто меняет учителей — хотя стать учеником Легиара было бы для него неслыханной честью.

Много раз повзрослевший Луаян спрашивал себя: стоило ли? Та верность могиле Орлана — не слишком ли дорого она обошлась? В четырнадцать лет оставшийся в обществе мудрых, но равнодушных книг, он сделал себя магом — однако великим магом ему не стать никогда.

Эта горечь жила в нем долгие годы. Люди в глаза и за глаза звали его «господином магом» и «великим волшебником» — и никто не догадывался, что со времен своего отрочества немолодой уже Луаян до обидного мало преуспел в магическом искусстве.

Впрочем, он и не растратил ни капли из того, что было приобретено под стальным крылом Орлана. В магическом искусстве он оставался весьма крепок — хотя и далек от вершин. Он углубился в науку, он стал непревзойденным знатоком истории — однако в душе его всегда тлели две болезненные искорки. Первой была несчастная мать Тории; другая мучила его сознанием несостоявшегося величия.

...И никогда еще он так сильно не сожалел о недостигнутых вершинах. Закрыв за собой дверь кабинета, он некоторое время простоял под развернутым стальным крылом, пытаясь

собраться с мыслями. Разум его успокаивающе твердил, что волноваться не о чем — носители серых плащей всегда любили рассчитанные на зрителей эффекты, и окончание времен — всего лишь новая уловка, призванная приковать к Башне ослабевшее было внимание обывателей. Так твердил его разум — однако предчувствие беды крепло, и декан знал по опыту, что этому предчувствию можно верить.

Он знал это чувство. Особенно остро оно проявилось в ту ночь, когда он отпустил навстречу верной гибели горячо любимую, ненавидимую, долго мучившую его женщину — отпустил, оскорбленный и уязвленный ее презрением.

...Крыло простиралось над его головой, повелевая отбросить запретные мысли. Постояв некоторое время перед высоким шкафом, запертым на замок и для верности — на заклинание, Луаян вздохнул и снял то и другое.

На черной атласной подушечке покоилась яшмовая шка тулка — маленькая, размером с табакерку. Декан подержал ее на ладони, потом тронул крышку — та поддалась без усилия.

На бархатном дне шка тулки лежал медальон — изящная вещица из чистого золота и на золотой же цепочке. Декан невольно задержал дыхание, положив на ладонь тускло поблескивавшую пластинку со сложной фигурной прорезью. Чего, казалось бы, проще — взглянуть сквозь прорезь на солнечный луч, однако Луаян проникся трепетом при одной только мысли об этом. Он — хранитель, но не хозяин...

...Второй раз в жизни он встретился с Лартом Легиаром, будучи уже уважаемым магом и деканом университета.

Луаян к тому времени знал и о Третьей Силе, тщетно ломившейся в Дверь Мироздания, и о Привратнике, который отказался открыть засов и впустить ее. Роль Ларта Легиара в этой истории была сокрыта от людей. Декан вздрогнул, впервые взглянув на лицо своего гостя. Великий Легиар постарел, и лицо его избороздили шрамы, которых раньше не было; один глаз ослеп и смотрел сквозь собеседника, зато другой, уцелевший, был по-прежнему зорок и насмешлив.

— Мир остается прежним, — заявил Легиар вместо при ответа.

— Зато мы меняемся, — отозвался Луаян, напряженно пытаясь разгадать намерения визитера.

Некоторое время они глядели друг на друга. Луаяна мучило множество вопросов — и о чужой Третьей Силе, которая пожелала ворваться в мир, и о судьбе Привратника, и о собственной Легиаровой судьбе — однако он молчал и, более того, твердо знал, что так ни о чем и не спросит.

— Нет, — вздохнул наконец Легиар, — ты не изменился. Почти не изменился.

Луаян понял, что имеет в виду его гость, и усмехнулся, желая скрыть сожаление:

— Что ж... Чем меньше в этом мире великих магов, тем реже они встречаются друг с другом, тем легче живется нам, магам обыкновенным...

Легиар удивленно вскинул бровь:

— Ты смирил собственную гордыню? В прошлую нашу встречу я был уверен, что это невозможно... Или ты кривишь душой?

— Не всем дано быть великими, — заметил Луаян бесстрастно.

— Но тебе БЫЛО дано, — возразил Легиар.

Оба замолчали. Луаян нахмурился и твердо, с чуть заметной укоризной взглянул Легиару прямо в уцелевший глаз:

— Я остался учеником Орлана... Думаю, он бы понял.

Одноглазый усмехнулся:

— «Он бы понял...» С чего ты взял, что я... не понимаю?

Снова стало тихо — Легиар с интересом изучал стеллажи, плотно заполненные книжными корешками. Луаян не торопил его — терпеливо ждал продолжения разговора.

— Ты преуспел... — Легиар обернулся, сдувая с пальцев книжную пыль, — преуспел в науке... Но я пришел к тебе не как к ученому, и не как к декану, и даже не как к магу... Я пришел к тебе как к ученику Орлана.

Луаян глядел, не отрываясь, в пристальный узкий зрачок. Мертвый глаз его гостя казался круглым кусочком льда.

— Как к ученику Орлана... Взгляни, — на ладони Легиара лежала золотая пластинка со сложным вырезом в центре, и золотая цепочка свешивалась между пальцами, и яркий желтый зайчик бегал по темному потолку. — Это Амулет Прорицателя, — глухо продолжал Легиар. — Сила Амулета известна, но до конца его свойств не знает никто. С тех пор как погиб хозяин его, прорицатель по имени Орвин, с тех самых пор он осиротел и сам теперь должен выбирать... искать нового хозяина, нового прорицателя. Тот, кто наденет его, обретет способность заглядывать в будущее — но только в случае, если медальон изберет его сам. Тщеславного или глупого, который захочет воспользоваться им без полного на то права, медальон попросту убьет — золото не ведает снисхождения... Я не могу держать его у себя — я не хозяин ему. Я не могу отдать его никому из магов — тогда меня будут грызть сомнения, подозрения, зависть, наконец... В руках немага медальон неуместен — что же мне делать?

Легиар прищурился — зрячий глаз его сжался в щелочку, а мертвый приобрел странное, почти лукавое выражение:

— Я принес медальон тебе, Луаян. Ты ученик Орлана... Ему были чужды и тщеславие, и гордыня... Он был мудр, мудрее

всех нас, ныне живущих. Он был твоим наставником недолго — но он есть в тебе, есть, я вижу... Я принес бы медальон ему, но его нет — возьми ты. Сохрани, хорошо?

Луаян принял золотую пластинку в ладонь. Медальон казался теплым, как живое существо.

— Что я должен делать? — услышал он собственный голос.

Легиар чуть усмехнулся:

— Ничего. Спрячь... Храни. Он выберет хозяина сам, не помогай ему... И поглядывай на него иногда — нет ли... ржавчины. Да, я знаю, он золотой... Ржавчина на нем означает опасность для живущих — так утверждал еще Первый Прорицатель, и, видит небо, старик был прав... — уголок длинного Легиарова рта страдальчески изогнулся.

И, уже уходя, он обернулся с порога:

— Я, видишь ли, стар... Многие нынче стары, а те, что должны были прийти на смену... Не пришли. Ты счастлив в своем университете... А где-то по земле бродит еще одна несостоявшаяся надежда — бывший Привратник, я даже и не знаю, кто он теперь. Береги медальон... И прощай.

Он ушел, Луаян никогда больше не видел его — но с той памятной встречи началась работа его жизни: история деяний великих магов.

...Медальон все так же удобно лежал на ладони. Декан поднес его к глазам, всматриваясь изо всех сил — ржавчины не было. Ни точки, ни пятнышка — однако предчувствие беды наливалось и зрело, как яблоко, как нарыв.

* * *

Прошло полторы недели после объявления об Окончании времен; Башня Лаш по нескольку раз на день исторгала свой звук, от которого кровь стыла в обывательских жилах; из зарешеченных окон нехотя поднимался в небо тяжелый дым, и ни один плащеносец не показывался на улицах города. Горожане мучились тревогой.

Потребление спиртного выросло в городе раз в десять — о том, что хмель изгоняет раздумья и притупляет страх, было, оказывается, известно не только Эгерту Соллю. Жены ожидали мужей в тоске и тревоге — те возвращались домой на четвереньках либо ползком, и первыми их заплетающимися словами были уверения, что окончание времен на самом деле отменяется. Мастерские и торговые кварталы понемногу спивались; в аристократической части города пока что соблюдались приличия — однако и здесь можно было встретить подвыпившего лакея или валившегося с козел кучера. Высокие окна богатых домов были плотно занавешаны — кто знает, что творилось под покровом плотных, не пропускавших воздух штор; мно-

гие обыватели, имевшие родственников в селах и предместьях, сочли за лучшее нанести им длительный визит — днем из городских ворот одна за другой выкатывались телеги, груженные домашним скарбом.

Кабаки процветали — владельцы пивных и трактиров сбывали с рук как первоклассный, так и давно застоявшийся в бочках товар. Но если в большинстве подобных заведений пили нервно, из одного только желания залить страх, то в студенческой таверне «Одноглазая муха» царило самое искреннее и непринужденное веселье.

Лис имел колоссальный успех — по десять раз за вечер он поочередно изображал то плащеносцев, то Магистра, то карлика с трубой — жуткий, тянущий за душу звук, издаваемый этим инструментом, оборачивался в Лисовом исполнении до колик смешной непристойностью. Студенты рукоплескали, развалившись на скамейках; один только Эгерт не принимал участия во всеобщем веселье.

Забившись, по обыкновению, в угол и с трудом уместив под лавкой длинные ноги, Солль ковырял столешницу кончиком тупого ножа. Губы его шевелились, беззвучно повторяя бесконечные «да», и стакан вина, стоявший перед ним на столе, оставался почти нетронутым.

Путь должен быть пройден до конца. Первое в душе должно стать последним... Что все-таки первое в его душе? Неужели вечный страх? Тогда для того, чтобы избавиться от заклатья, необходимо сначала избавиться от страха, а это замкнутый круг — чтобы не бояться, надо перестать бояться... Но если главное в Солле — не страх, тогда — что?

Эгерт вздохнул. Он ходил по кругу, как лошадь, запряженная в молотилку; главными в его душе были либо трусость, либо желание от нее избавиться — ничего третьего пока не приходило ему в голову.

Длинный стол качнулся — кто-то присел рядом; Солль не сразу поднял голову — мало ли кто из приятелей-студентов отошел от шумной компании, чтобы в относительном спокойствии выпить свое пиво, закусывая румяным пирожком. Тем временем Лис, утомившийся было за вечер, возобновил свои балаганные штучки — и в наполнявшем таверну хохоте Эгерт различил раздавшийся рядом тихий смехок.

Тогда он обернулся и посмотрел на соседа. С первого взгляда этот крепкий молодой человек показался ему совершенно незнакомым — но уже в следующую секунду Эгерт, холодея, узнал Фагирру.

Фагирра сидел в студенческой таверне, где сроду не показывался ни один плащеносец; Фагирра был одет небогато и просто, подобно любому из Соллевых товарищей, и теперь, свободный от зловещего капюшона, казался даже моложе

своих лет — едва ли не ровесником Эгерта. Никто не обращал на Фагирру особенного внимания — похожий на прочих, он небрежно потягивал что-то из высокой кружки и по-дружески глядел на обомлевшего Солля; из-под рукава рубашки едва выглядывала татуировка — знак профессионального фехтовальщика.

Эгерт не нашел ничего лучшего, как взять свой стакан и тоже отхлебнуть; Фагирра улыбнулся:

— Здравствуйте, друг мой... Накануне больших испытаний мне особенно приятно видеть вас в добром здравии.

Солль невнятно пробормотал приветствие; Лис, собравший вокруг кафедры целую компанию слушателей, изошрялся в насмешках — шутки, одна злее другой, предназначались ордену Лаш. Студенты хохотали.

Фагирра внимательно вслушивался, и с лица его не сходило чуть рассеянное, благожелательное выражение — так старый учитель внемлет сбивчивому ответу нерадивого ученика, уже отсчитывая про себя полагавшиеся школьнику розги; Эгерту снова стало страшно.

— Вижу, что проведенные за учением часы не прибавили юношам мудрости, — вздохнул Фагирра. — Между тем срок близится...

— Какой срок? — вырвалось у Эгерта, и он тут же смутился: — Я хотел спросить — когда...

Фагирра снова мягко улыбнулся:

— Мы знаем, когда... Но знание это предназначено тому, кто с нами. А вы с нами, Эгерт?

Солль запнулся. Ему вдруг несказанно захотелось ответить «да», тем самым умиловив Фагирру; кроме того, у него мелькнула вдруг дикая мысль: а что, если этот ответ окажется первым в ряду пяти «да»? Что, если ребус Скитальца связан с орденом Лаш?

— Что же, Солль? — укоризненно вздохнул Фагирра. — Вы колеблетесь? Накануне великого Окончания — вы колеблетесь?

Лис завернулся в скатерть, соорудив из края ее капюшон, и теперь расхаживал по таверне, мрачно покачивая головой, то и дело воздымая глаза к прокопченному потолку. Солль молчал.

Фагирра пожал плечами, как бы говоря: вот такая неудача! Потом молниеносным, незаметным со стороны движением приставил руку к Эгертовым ребрам:

— Сидите, Солль... Не двигайтесь, ради неба. Спокойно...

Солль скосил глаза. У самого его бока тускло поблескивал небольшой изящный стилет с темной капелькой на самом острие.

Эгерт не помнил, когда в последний раз его охватывал такой

дремучий, такой звериный ужас. Он не вскочил с воплем только потому, что руки и ноги немедленно отказались служить ему.

— Это не мгновенная смерть, — все так же негромко успокоил Фагирра. — Это долго, Эгерт... Долго и, как бы сказать... неприятно, что ли. Одного укола достаточно, и ранка-то будет небольшая... Вы слышите меня?

Солль сидел бледный, как выбеленная солнцем кость, и в ушах его тяжело колотилась кровь.

— Теперь внимательно, Эгерт... Вы были с деканом, когда он узнал об Окончании времен?

В горле у Эгерта пересохло, он смог только кивнуть.

— Хорошо... Что сказал господин Луаян, что он сделал?

Ужасаясь сам себе, Эгерт выдавил:

— Он ушел... К себе в кабинет...

— И что он делал в кабинете?

Соллю вдруг стало легче — он понял, что ничего об этом не знает.

— Что он делал в кабинете, Эгерт?

Студенты танцевали; вокруг Лиса вилась смазливая Фарри, и посреди веселой пирушки невероятными казались и шелестящий голос Фагирры, и капля яда на кончике изящного стилета.

— Не... знаю, — прошептал Солль. — Я не видел...

— Вас ведь просили смотреть и слушать, вы помните?

Кончик стилета почти касался рубашки.

— Никто не видел. Это невозможно... Он запер дверь...

Фагирра удрученно вздохнул:

— Плохо, очень плохо... Кстати, господин декан когда-нибудь отпирал при вас свой сейф? Он заперт на замок или на закливание?

Память Эгерта тут же предательски подсунула ему картину — вот декан подходит к одному из запертых шкафов...

— На замок, — простонал он, чтобы хоть что-то сказать.

— Что там внутри, вы видели?

Ни один из веселившихся юнцов не замечал, конечно же, ни стилета, ни Эгертовой бледности. Лис во всеуслышанье заявил, что вот и настало великое время сходить по нужде.

— Нет, — выдохнул Эгерт. — Я не знаю...

Фагирра вдруг перестал улыбаться — лицо его из ласкового сделалось вдруг жестким, как плаха.

— Не надо увиливать. Подробно. Собирается ли господин декан что-либо предпринять в преддверии великого Окончания?

Тяжелая входная дверь с грохотом отлетела к стене. Ученые юноши удивленно обернулись.

В трактир ввалилась сначала нога в заляпанном грязью

ботфорте, затем огромный, сверкающий позолотой эфес, а затем и сам господин Карвер Отт; за ним хвостом волочились угрожающих размеров шпага и двое гуардов — один Бонифор, другой безымянный с усами.

«Одноглазая муха» давненько не видела таких гостей — удивительно ли, что все как один посетители молча устались на вошедших. Даже Фагирра прервал допрос и нахмурился.

Карвер обвел студентов круглыми, слегка замутненными глазами — новоиспеченный лейтенант тоже был пьян, однако от взгляда его не укрылись ни Эгерт, скорчившийся в темном углу, ни придвинувшийся к нему Фагирра.

— А-а! — воскликнул Карвер громко и радостно. — Это твоя подружка?

Все молчали; топая ботфортами и цепляясь шпорами за все подряд, Карвер пересек трактир и остановился против Эгерта и Фагирры, чей стилет надежно скрывался от посторонних глаз за массивным столом.

— Чего-то я не пойму, — раздумчиво протянул Карвер, переводя взгляд с Эгерта на Фагирру и обратно, — кто тут чья подружка, а? Бонифор, — он оглянулся к приятелю, — гляди, как голубки сидят, друг к дружке прижались... — он икнул и продолжил, обращаясь ко второму своему спутнику, который таким образом обрел, наконец, имя: — Дирк... А давай их обоих заберем... Что нам этого, второго... обездолить, что ли?

Солль почувствовал, как нехотя отодвинулось отравленное острие, и вздохнул свободнее.

— Эй, господа со шпагами! — студенты собрались в тесную группку, и направленные на пришельцев взгляды выражали отнюдь не трогательную привязанность. — Вы что-то потеряли? Помочь найти?

Карвер покосился на лишенных оружия юношей — и небрежно плюнул на истоптанный дощатый пол. Плевком неудачно угодил на сапог усатому Дирку — тот поспешно вытер пострадавший ботфорт о голенище второго. Звякнула шпора.

— Вставай, Солль, — задушевно предложил Бонифор. — Прощайся с милым... Пора.

Скосив глаза, Эгерт видел, как ядовитое жало стилета прячется в миниатюрных железных ножнах у Фагирры за голенищем; ему хотелось горячо расцеловать и Карвера, и Бонифора, и усатого Дирка.

Карвер тем временем шагнул вперед, и рука его цепко схватила Эгерта за воротник; последовало замешательство, потому что одновременно ту же операцию захотели произвести и Дирк с Бонифором. Фагирра неспешно поднялся и отступил в сторону.

— Эй-эй-эй! — предостерегающе закричало сразу не-

сколько голосов. Плотная группа студентов распалась, и ученые юноши окружили гуардов и Эгерта:

— Солль, что это за?..

— Пугови-то сверкают... Пообрываем?

— Глянь-ка, трое на одного и еще зубы скалят!

— Дайте Соллю пару ножи-ков, пусть кинет... Пугови-ки сами отпадут!

Карвер пренебрежительно ухмыльнулся и положил руку на эфес; стена студентов чуть отодвинулась, однако ученые юноши не спешили разбежаться.

В это самое время Лис, справившись с естественными надобностями, вернулся в трактир в наилучшем расположении духа. Протолкнувшись сквозь толпу товарищей и окинув взглядом трех вооруженных визитеров, нависших над бледным Соллем, Гаэтан мгновенно оценил ситуацию.

— Папа! — взвизгнул он, кидаясь на шею Карверу.

Снова случилось замешательство. Дирк с Бонифором оставили Эгерта в покое и удивленно вытаращились на рыжего пареньку, рыдавшего на груди у лейтенанта:

— Папочка... Зачем ты оставил ма-аму?

В стане студентов послышались смешки. Карвер остервенело пытался отодрать руки Лиса от нашивок и эполета:

— Ты... ты... — пыхтел он, не в силах ничего добавить.

Лис обхватил его еще и коленями — Карвер едва удержался на ногах. Гаэтан нежно взял его за уши:

— Ты помнишь, как тащил мою маму на сеновал?!

— Да уберите его! — рывкнул Карвер на сотоварищей. Лис издал горестный вопль:

— Как?! Ты отказываешься?!

Соскочив с лейтенанта, он потрясенно вперил в него круглые глаза цвета меда:

— Оказываешься от родного сына?! Да погляди на меня — я же копия ты... Такая же противная рожа!

Студенты расхохотались, и даже Солль бледно улыбнулся. Дирк нервно оглядывался, а Бонифор все скорее вращал налитыми кровью глазами.

Внезапно, будто осененный, Лис подозрительно сощурился:

— А может... А может, ты вообще не умеешь делать детей?!

Опомнившись наконец, Карвер выхватил шпагу. Студенты отпрянули — один только Лис, горестно сморщившись, взял со стола перечницу и, нешироко размахнувшись, опорожнил ее лейтенанту в лицо.

На дикий вопль сбежались хозяин, повар и прислуга; задыхаясь и кашляя, багровый Карвер осел на пол, пытаясь выцарапать собственные глаза. Дирк и Бонифор, в свою очередь, схватились за оружие — на головы их со всех сторон обруши-

лись табуретки, пивные кружки и подвернувшаяся под горячую студенческую руку кухонная утварь. Осыпаемые насмешками и оскорблениями, оставляя за собой горы опрокинутой мебели, тщетно размахивая клинками и обещая еще вернуться, господа гварды бесславно покинули поле боя.

* * *

На другой день Тория взобралась, по обыкновению, на свою стремянку, заглянула в лекционный зал через круглое окошко — и не увидела среди студентов Эгерта Солля.

Не раз и не два пробежав глазами по рядам, Тория нахмурилась. Отсутствие Эгерта задело ее — ведь на кафедре был ее отец! Спустившись, она некоторое время раздумывала, рассеянно наблюдая за привольными играми кота-мышелова; потом, недовольная собой, отправилась во флигель.

Дорогу к этой комнате она помнила отлично. Динар не любил, когда она являлась к нему — наверное, стеснялся; она, впрочем, все равно приходила и усаживалась на край стола — бедняга тем временем суеился, собирая разбросанные вещи и ладонью стирая пыль с подоконника...

Вспомнив о Динаре, Тория вздохнула. Подошла к знакомой двери, помялась в нерешительности — за дверью стояла тишина, и скорее всего в комнате вообще никого не было. Как глупо я выгляжу, подумала Тория и, стукнув, вошла.

Низко опустив голову, Эгерт сидел у стола; Тория мельком заметила лежавшие перед ним листы бумаги и перепачканное чернилами перо. Обернувшись навстречу гостье, Солль вздрогнул; чернильница, задетая его рукой, помедлила и опрокинулась.

Минуту или две оба занимались тем, что молча и сосредоточенно затирали лужу на столешнице и на полу. Взгляд Тории невольно упал на исписанные, много раз перечеркнутые листки, и, сама того не желая, она прочитала под жирной корявой чертой: «...и тогда мы сможем вспомнить все-все, что было...» Она поспешила отвести глаза; заметив это, Эгерт устало улыбнулся:

— Я... никогда не писал писем.

— Сейчас лекции, — заметила она сухо.

— Да, — вздохнул Солль. — Но мне очень надо... именно сегодня. Написать письмо... одной женщине.

Осенний ветер за окном набирал силу, подвывал и хлопал незакрепленным ставнем; Тории как-то внезапно открылось, что в комнате сыро, промозгло и почти темно.

Эгерт отвернулся:

— Да... Я решил наконец написать матери.

Ветер бросил в окно растопыренный кленовый лист —

желтый, как солнце; приклеившись на секунду, рыжий листок оторвался и резво полетел дальше.

— Я не знала... что у тебя есть мать, — сказала Тория тихо и тут же смутилась: — То есть... что она жива.

Эгерт опустил глаза:

— Да...

— Это хорошо, — пробормотала Тория, не в состоянии придумать ничего лучшего. Солль улыбнулся, но улыбка вышла горькая:

— Да... Только вот я не очень хороший сын. Наверное.

За окном особенно сильно рванул ветер — по-хозяйски перебирая бумаги на столе, комнатой прошелся сквозняк.

— Мне почему-то кажется... — неожиданно для себя сказала Тория, — что сына, доставлявшего неприятности... любят все равно. Может быть, даже сильнее...

Эгерт быстро взглянул на нее, и лицо его вдруг прояснилось:

— Правда?

Неизвестно почему, но Тория вспомнила незнакомого малыша, рыдавшего однажды над дохлым воробьем; ей было лет четырнадцать, она подошла и серьезно пояснила, что птицу нужно оставить в покое — тогда явится воробыный царь и, конечно, оживит своего верного подданного. Округлив полные слез глаза, малыш спросил тогда с такой же внезапной, искренней надеждой: «Правда?»

Тория улыбнулась своему воспоминанию:

— Правда...

В мутное окно забарабанил дождь.

...Всякий раз, когда Тория являлась домой с очередной дырой на чулке, мать, молча покачав головой, доставала с полки коробочку с рукоделием. Тория жадно заглядывала в ее таинственные недра — из путаницы шерстяных и шелковых ниток там выглядывали, как чьи-то глаза, блестящие перламутровые пуговицы. Мать извлекала из подушечки иголку и принималась за дело, время от времени перекусывая нитку острыми белыми зубами. Вскоре на месте безобразной дырищи появлялся красный в черную крапинку жучок; новые чулки Тории уже через несколько недель бывали расшиты жучками, целым выводком красных жучков, маленьких и больших — ей нравилось воображать, как они оживают, ползают по коленкам и щекоют их лапами...

А что, если б мать осталась жива? Если бы отец не выпустил ее тогда, запер, завалил дверь, замкнул заклинанием?

Много лет отец и дочь провели вместе, и за все это время она не помнила рядом с ним больше ни одной женщины. Ни одной.

...Башня Лаш разразилась горестным воем. Тория досад-

ливо поморщилась — и тут же нахмурилась, увидев, как переменялся в лице Солль. Нелегко, должно быть, жить в вечном страхе.

— Ничего, — сказала она бодро. — Не слушайте... не слушай. В эти бредни об окончании времен верят только гробовщики... Надеются заработать, — она усмехнулась своей неуклюжей шутке, но Эгерт не повеселел — между бровей у него темнела страдальческая складка.

Звук повторился — еще заунывнее, с истерическим надрывом. Тория увидела, как у Солля начинают трястись губы; передернувшись, он поспешил отвернуться. Минуту или две в тягостном молчании Эгерт пытался взять себя в руки — и Тория, которой тоже было неловко, оказалась свидетелем молчаливой борьбы.

Некоторое время она решала, следует ли ей деликатно удалиться или, наоборот, сделать вид, что ничего не происходит. Башня наконец замолкла — но Эгерта бил озноб, и прыгающую щеку приходилось придерживать рукой. Не говоря ни слова, Тория вышла в коридор, наполнила железную кружку из бака с водой и принесла Соллю.

Он выпил — и закашлялся; бледное лицо его налилось кровью, на глаза навернулись слезы. Желая помочь, Тория раз или два хлопнула его по спине — рубашка была мокрая, будто из корыта прачки.

— Все будет хорошо, — пробормотала она, смутившись. — Послушай... Не будет никакого Окончания Времен. Не бойся...

Тогда он перевел дыхание — и вдруг рассказал ей все. Про Фагирру, про Магистра, про обряд в Башне, про обещания и угрозы, про тайное поручение... Тория выслушала до конца, не перебив ни единым словом; добравшись до последней встречи с переодетым плащеносцем, Солль замолчал.

— Это все? — Тория заглянула ему в глаза.

— Все, — он отвернулся.

Несколько минут прошло в молчании.

— Ты мне не доверяешь? — спросила Тория тихо. Он усмехнулся: странный вопрос после всего, что было сказано!

— Говорить, так до конца, — Тория нахмурилась.

Тогда он рассказал и про отравленный стилет.

Последующее молчание длилось минут десять; наконец Тория подняла голову:

— И... ты так ничего ему и не сказал?

— Я ничего не знаю, — устало пояснил Солль. — А если б знал — так и доложил бы за милую душу...

— Нет, — сказала Тория, будто удивленная самой возможностью такого поворота событий. — Нет... Ты не сказал бы, — тут ее голос потерял уверенность.

— Ты же видишь, что со мной делается, — проронил Эгерт

досадливо. — Это... уже не я. Это какое-то гадкое, трусливое животное...

— А ты можешь... попробовать преодолеть? — спросила Тория осторожно. — Взять и... не бояться?

— Попробуй взять и не мигать, — Эгерт пожал плечами.

Тория попробовала. Некоторое время она мужественно смотрела в окно широко распахнутыми глазами — будто играя в гляделки; потом веки ее дернулись и, не слушая приказа разума, моргнули.

— Вот видишь, — Эгерт уставился в пол. — Я раб... Я полностью раб заклатья. Все думаю — что в моей душе первое, что последнее... И кто это спросит пять раз, чтобы пять раз ответить — «да»...

Тория потеряла висок — совсем как отец:

— Не могу поверить... А если тебя заставят делать... Что-то ну совсем уж невозможное? Ты не сможешь воспротивиться?

Эгерт криво улыбнулся:

— Если приставят кинжал к горлу...

— Но... ты же... не подлец? — пробормотала она неуверенно.

Он помолчал. На мокром университетском двореке торжественно, как бургомистр, разгуливал огромный наглый ворон.

Эгерт выдохнул, будто отправляясь на эшафот — и, запинаясь, рассказал про девушку в дилижансе и разбойников, остановивших экипаж на большой дороге.

Последовало новое молчание; Эгерт ждал, что Тория попросту встанет и уйдет — но она не спешила.

— А если бы, — спросила она наконец, и голос ее дрогнул, — если бы там... была... я?

Соль закрыл лицо руками.

Тория долго смотрела на беспорядочно спутанные волны светлых волос, на атлетически широкие, но опущенные и вздрагивавшие, как у ребенка, плечи; потом взяла да и положила на одно из них узкую ладонь.

Эгерт замер. Тория проговорила как можно убедительнее:

— Ты же не отвечаешь... За свои поступки. Ты просто болен... И нужно раздобыть лекарство. И мы раздобудем...

Она говорила через силу, как врач, убеждавший умирающего, покрытого язвами больного в скором выздоровлении. Напряженное плечо дрогнуло под ее рукой, будто чуть-чуть расслабляясь; изменение это было едва уловимым, но в следующую секунду Тория ощутила всю сумятицу Соллевых чувств — и надежду, и благодарность, и желание верить. Тогда, удерживая руку на теплом плече, она пожелала с внезапно проснувшимся состраданием, чтобы ее вымученные слова оказались правдой.

С треском распахнулась дверь — прижав к боку пару рас-

трепанных книжек, в комнату ворвался широко ухмылявшийся Лис.

Сошуренные глаза цвета меда остановились на Эгерте, понурившемся на краю кровати, на Тории, чья рука лежала на плече у Солля; несколько мгновений ничего не происходило, а потом скуластое лицо Гаэтана вмиг уподобилось куску сыра: округлились, как сливы, глаза, круглой дырой распахнулся рот, и, пробормотав некие невнятные извинения, Лис выскочил прочь, даже не пытаясь подобрать вывалившиеся на пол книги.

Тория не убрала руки. Дождавшись, пока топот Гаэтана стихнет в коридоре, сказала серьезно:

— Я вот что думаю... Заклятье будет снято, если ты попадешь в безвыходную ситуацию — и победишь... «Путь будет пройден до конца» — разве Скиталец говорил не об этом?

Эгерт не ответил.

* * *

Спустя несколько дней дожди сменились ровной ясной погодой — щурясь на остывавшее осеннее солнышко, горожане несколько повеселели. «Времена-то и не думают кончаться, — говорили друг другу соседи, выбираясь по утрам на крылечко, — наоборот... Разгулялись времена-то...»

Башня Лаш высилась на площади, как предостерегающий перст — казалось даже, что за последнее время она усохла и заскорузла, подобно старческому пальцу. На площади вокруг Башни образовалась как бы проплешина — любой старался обойти зловещее строение стороной, тем более что дым из окон поднимался все гуще, заунывные звуки раздавались все чаще, а случайные прохожие, оказавшиеся на площади поздней ночью, уверяли потом знакомых, что слышали из недр ее глухой подземный гул.

Городские власти молчали и не собирались, по-видимому, ничего предпринимать. Среди студентов считалось хорошим тоном острить и язвить в адрес ордена Лаш — Лис вспоминал по этому поводу собственную глупую няньку, которая последовательно пугала одним и тем же букой четверых аптекарских сыновей, да вот бука-то никого и не слопал! Занятия продолжались, как ни в чем не бывало — и только несколько смущенных юношей под разными предлогами разъехались по домам.

— Отец беспокоится, — сказала однажды Тория.

Поздним вечером они сидели в библиотеке, и на столике-тележке оплывала единственная свеча.

— Он виду не подает... Но я его знаю. Его волнует Лаш.

Свечка истекала капельками воска.

— Лаш, — чуть слышно повторил Эгерт. — Тогда, в Каваррене... Вы искали... Рукописи... Ты говорила, орден Лаш был основан каким-то сумасшедшим магом?

— Священное Привидение... — прошептала Тория. — Считается, что тот маг стал после смерти Священным Привидением. До конца ничего не известно... Отец просил Динара... заняться этим. Но мы ничего не нашли. Ничего... Прошла такая бездна лет... Все рукописи, касавшиеся истории Лаш, или утеряны, или испорчены, да так, будто кто-то специально уничтожал их...

— Они говорят — тайна, — мрачно усмехнулся Эгерт. — Они здорово умеют ее хранить...

Тория помолчала. Призналась неохотно:

— Они... осаждали отца. Предлагали... Не знаю что. Сотрудничество? Деньги? Власть? Но он всегда брезговал ими. А сейчас... Он беспокоится. Он ждет... даже не знает, чего ждать.

Солль удивился:

— Разве... Ведь магам доступны... Должны быть доступны любые тайны... Даже будущее?

Тории померещилось в этих словах сомнение в магической силе отца — уязвленная, она вскинула голову:

— Что ты знаешь!.. Да, отцу много чего ведомо... Нам не понять. Но он же не Прорицатель!

Эгерт счел за лучшее промолчать — ему не хотелось попасть впросак, к тому же неприятно было выказывать невежество. Тория устыдилась своей вспышки, пробормотала примирительно:

— Понимаешь... Будущее открыто Прорицателям. Это маги особого дара, владеющие к тому же Амулетом... Амулет пришел в мир из рук самого первого Прорицателя и с тех пор переходит от предшественника к последователю...

Тория волновалась и не могла подобрать подходящих слов.

— От отца к сыну? — жадно спросил Эгерт.

— Нет... Прорицатели не связаны кровными узами. В мире может быть только один Прорицатель — когда он умирает, Амулет сам ищет ему замену... Вещи тоже умеют искать, а ведь Амулет — это больше чем вещь... Это невообразимо древнее... Я, честно говоря, даже не знаю, что это такое, — Тория перевела дыхание.

Эгерт поднял голову — со всех полок на него смотрели книги, и ему показалось, что лица его коснулся ветер из потаенных, полных магии кладезей. Он давно и безнадежно мечтал поговорить с Торией о мире волшебников; теперь страшнее всего казалось спугнуть заветную, столь интересную тему. Он спросил осторожно:

— А... Где сейчас Прорицатель? Тот, который... Кто носит Амулет сейчас, сию секунду?

Тория нахмурилась:

— Нет сейчас Прорицателя... Последний умер лет пятьдесят назад, и с тех пор... — она вздохнула. — И такое бывает. Наверное, новый Прорицатель еще не родился...

Эгерт помолчал, не зная, имеет ли он право спрашивать дальше; любопытство, однако, оказалось сильнее опасений, и он все так же осторожно поинтересовался:

— А что тогда делает этот... Амулет? Он путешествует, или ждет, или прячется от людей?

— Он лежит в сейфе моего отца, — брякнула Тория и тут же прикусила язык.

Прошла минута или две; Эгерт смотрел на девушку круглыми, глубоко обиженными глазами:

— Зачем... ты... сказала... мне?!

Тория прекрасно понимала, что совершила ошибку, однако попробовала свести все к простой болтовне.

— А что, собственно, такого? — поинтересовалась она, нервно оглаживая складки платья на коленях. — Ты же не собираешься докладывать об этом всем подряд, нет же?

Эгерт отвернулся. Тория прекрасно понимала, что он имел в виду, — и он знал, что она понимала.

Подправляя кочергой пылающие в камине дрова, декан Луаян искоса разглядывал обоих.

Сходство Тории с покойной матерью порой пугало его — он боялся, что вместе с красотой, изысканной красотой мраморной статуи Тория унаследует и трагическое непостоянство, и жестокую судьбу своей матери. Давая согласие на брак дочери с Динаром, он искренне надеялся, что у Тории все будет по-другому, — но случившееся вслед за этим несчастье развеяло его надежды. Тория была слишком похожа на мать, чтобы стать счастливой; много раз деканово сердце сжималось, когда он видел в полутьме библиотеки гордую, вечно одинокую фигуру в вечно темном платье.

Сейчас Тория сидела на низкой табуретке, подобрав колени к подбородку, нахохлившись, как мокрый воробей, раздосадованная своей же глупостью — сказала лишнее, а ведь не болтунья! Лицо ее, даже с гримаской раздражения, оставалось тонким и женственным — и декан с удивлением понял вдруг, что те перемены, которые он заметил в дочери совсем недавно, набирали силу.

Соль стоял рядом, почти касаясь рукой ее плеча — но не решаясь коснуться; даже Динару, который был уже женихом, Тория не позволяла стоять так близко. После гибели его все стало хуже — вечно замкнутая в прозрачную скорлупу собственного горя, собственной потаенной жизни, строгая дочь Луаяна отпугивала молодых людей еще издали — они разлета-

лись, как стаи осенних листьев, принимая ее отчужденность за презрение и гордыню. Теперь рядом с ней стоял убийца Динара — и Луаян, поглядывавший на обоих через плечо, с изумлением подмечал в дочери множество мелких, немыслимых до сих пор черточек.

Она стала женственнее. Она, безусловно, стала женственнее, и линии красивых губ пролегают мягче — даже сейчас, когда она хмурится. Ей глубоко не безразлично, что рядом стоит Солль — человек, которого она не так давно готова была уничтожить!

Трещали, занимаясь, сухие поленья. Декан с трудом заставил себя вернуться к разговору.

— Это я виновата, — сказала Тория траурным голосом. — Будь проклят мой язык...

Луаян осуждающе на нее покосился:

— Поосторожней с проклятиями...

Потом, подумав, подошел к одному из высоких шкафов и отпер дверцу.

— Отец... — голос Тории дрогнул.

Декан извлек из сейфа яшмовую шкатулку, откинул крышку, взял с черной бархатной подушечки нечто, тихонько звякнувшее желтой цепочкой:

— Вот он, Солль... Взгляните, можно.

На ладони у него лежала золотая пластинка с фигурной прорезью — медальон на цепочке.

— Это Амулет Прорицателя... Немыслимо ценная вещь, хранимая в тайне.

— Меня нельзя выпускать из этой комнаты, — сказал Солль в ужасе. — Я же все им доложу...

Декан поймал сочувственный взгляд Тории, обращенный к Эгерту; подумал, покачал головой:

— В моих силах сделать так, чтобы вы забыли... о виденном. Как забыл ваш друг Гаэтан об одном случае, свидетелем которого он случайно стал... Это возможно — однако я не буду этого делать, Эгерт. Вы должны пройти свой путь до конца. Боритесь... за свою свободу, — последние слова декан произнес, обращаясь к медальону.

— Но что, если Лаш узнает?! — взвилась Тория.

— Я не боюсь Лаш, — отозвался декан глухо.

Пламя в камине разгоралось все сильнее, и медальон на ладони Луаяна отбрасывал блики на потолок.

— Он совсем чистый, — сказал декан вполголоса. И Эгерт, и Тория удивленно взглянули на него:

— Что?

— Он чистый, — пояснил декан, — золотой... Ни пятнышка ржавчины. Ни крупинки... А ведь накануне больших испытаний... Он чувствует опасность, нависшую над миром, и ржавеет.

Так было полвека назад, когда на пороге стояла Третья Сила... Тогда, я помню, меня, мальчишку, тоже мучили предчувствия — и медальон, как говорят, был полностью ржав. Теперь он чист... Будто ничего и не угрожает. Но я-то знаю, что это не так!

Сдержав прорвавшуюся горечь, декан в полном молчании спрятал медальон обратно в сейф.

— Угрожает... Лаш? — спросила Тория шепотом.

Декан подбросил в камин поленьев — Солль отскочил от рассыпавшихся искр.

— Не знаю, — признался Луаян неохотно. — Лаш имеет к этому какое-то отношение... Но самое страшное — что-то другое. Или... кто-то другой.

* * *

Зима наступила в одну ночь.

Проснувшись рано утром, Солль увидел, что серый сырой потолок тесной комнатки побелел, как подол подвенечного платья; не было слышно ни ветра, ни шагов, ни стука колес на площади — в торжественной тишине на землю валились снега.

По традиции, в день первого снега отменялись все лекции; узнав о таком обычае, Эгерт обрадовался даже больше, чем мог ожидать сам.

В университетском дворе скоро стало весело; под предводительством Лиса мирное студенчество внезапно переродилось в орду прирожденных воинов — наскоро слепленная снежная крепость успела пасть, и не однажды, прежде чем в битву ввязался Солль.

Как-то само собой получилось, что вскоре он, как герой древности, оказался один против всех; рук у него, кажется, было не две, а десять, и ни один бросок не пропадал даром — любой запущенный снежок находил свою цель, чтобы превратиться в снежную крошку на чьем-нибудь раскрасневшемся лице. Атакуемый со всех сторон, он нырял под неприятельские снаряды, и они сталкивались у него над головой, осыпая светлые волосы снегом; отчаявшись поразить слишком уж подвижную мишень, противники его, сговорившись, собирались уже пойти врукопашную и закатать непобедимого в сугроб — когда, оглянувшись, смеявшийся Солль вдруг увидел наблюдавшую за схваткой Торию.

Лис сотоварищи сразу же стушевались; Тория, не спеша, нагнулась, зачерпнула снег и скатала его в шарик. Потом, не сильно размахнувшись, бросила — и угодила Соллю в лоб.

Он подошел, стирая с лица снежную воду; Тория серьезно, без тени улыбки смотрела в его мокрое лицо:

— Сегодня первый снег... Я хочу тебе что-то показать, —

не говоря больше ни слова, она повернулась и пошла прочь; Эгерт двинулся за ней как привязанный.

Снег ложился, засыпая университетские ступени, и на головах железной змеи и деревянной обезьяны вздымались необъятных размеров зимние шапки.

— Это в городе? — спросил Эгерт обеспокоенно. — Я бы не хотел... встречаться с Фагиррой.

— Разве он посмеет приблизиться к тебе в моем присутствии? — улыбнулась Тория.

Город тонул в безмолвии; вместо гремящих телег по улицам бесшумно крались сани, и широкие следы их полозьев казались твердыми, будто фарфоровыми. Снег валил и падал, укрывая плечи пешеходов, пятная белым черных удивленных собак, скрывая от глаз отбросы и нечистоты.

— Первый снег, — сказал Эгерт. — Жаль, что растает.

— Вовсе нет, — отозвалась Тория, — каждая оттепель — будто маленькая весна... Пусть тает. А то...

Она хотела сказать, что снежная гладь напоминала ей чистую простыню, которой накрывали покойника, но не сказала. Пусть Эгерт не думает, что она всегда шутит так мрачно; зима ведь действительно красива, и кто виноват, что в сугробе можно замерзнуть до смерти, вот как ее мать?

На выступавших из стен балках сидели красногрудые снегири с белыми снежинками на спинах, похожие на стражников в их яркой форме; тут же прогуливались и стражники с длинными пиками, красно-белые, нахохленные, похожие на снегирей.

— Тебе не холодно? — спросил Эгерт.

Она глубже засунула руки в старенькую муфту:

— Нет. А тебе?

Он был без шапки — снег ложился ему прямо на волосы и не таял.

— А я никогда не мерзну... Меня отец воспитывал как воина, а воину, помимо всего прочего, приличествует закалка, — Эгерт усмехнулся.

Миновали городские ворота — мокрый снег залепил оскаленные пасти стальным змеем и драконам, выкованным на тяжелых створках. По большой дороге тянулись санные обозы; Тория уверенно свернула и вывела Эгерта к самому берегу реки.

Подобно стеклу, покрытому изморозью, поверхность воды была затянута корочкой льда — плотной и матовой у берегов, тонкой и узорчатой у середины; сама же стремнина оставалась свободной, темной и гладкой, и на самом краю льда стояли толпой черные, исполненные важности вороны.

— Мы пойдем вдоль берега, — сказала Тория. — Посмотри... Тут должна быть тропинка.

Тропинку погребло под снегом. Эгерт шагал впереди, и Тория старалась попадать башмачками в глубокие следы его сапог. Так шли довольно долго, и снег перестал наконец падать, и сквозь рваные дыры в облаках проглянуло солнце.

Тория прищурилась, ослепленная — таким белым, таким сверкающим оказался вдруг мир; Эгерт обернулся — в волосах у него вспыхивали цветными огнями не растаявшие снежинки:

— Долго еще?

Она улыбнулась, почти не понимая вопроса, — в тот момент слова показались ей необязательным довеском к снежному, залитому солнцем великолепию этого странного дня.

Эгерт понял — и нерешительно, будто спрашивая позволения, улыбнулся в ответ.

Дальше пошли рядом — тропинка выбралась на холм, где снег уже не был таким глубоким. Одну руку Тория держала в теплых недрах муфты, а другой опиралась на руку спутника — Солль плотнее прижимал к себе локоть, чтобы ладонь ее, спрятавшись в складке рукава, не мерзла.

Остановились ненадолго, оглянулись на реку и на город; над городской стеной сизыми столбиками стояли струйки дыма.

— Я никогда здесь не был, — признался Эгерт удивленно. — Как красиво...

Тория коротко усмехнулась:

— Это памятное место... Здесь было старое кладбище. Потом, после Черного Мора, здесь похоронили в одной яме всех, кто умер... Говорят, от мертвых тел холм стал выше на треть. С тех пор это место считается особенным, одни говорят — счастливым, другие — заклятым... Дети иногда оставляют на вершине прядь своих волос — чтобы сбылось желание... Колдуны из деревень ходят сюда в паломничество... А вообще... — Тория запнулась. — Отец не любит это место... говорит... Но нам-то чего бояться? Такой красивый белый день...

Они простояли на вершине еще почти час, и Тория, указывая замерзшей рукой то на реку, то на заснеженную ленту дороги, то на близкий серый горизонт, рассказывала о пронешихся над этой землей веках, о воинственных ордах, подходивших к городу сразу с трех сторон, о глубоких рвах, от которых остались теперь только скрытые снегом канавки, о неприступных, ценой множества жизней воздвигнутых валах — тот холм, на котором стояли сейчас Эгерт и Тория, оказался остатком размытого временем укрепления. Солль, слушавший внимательно, предположил, что неприятельские орды были сплошь конные, да еще и весьма многочисленные.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Тория. — Читал?

Солль, смутившись, признался в полном своем невежестве — нет, не читал, но по расположению валов, как их описы-

вает Тория, всякому должно быть ясно, что строились они не против пешего врага, а против множественной конницы.

Некоторое время Тория озадаченно молчала; Солль стоял рядом и тоже молчал, и на лоснящемся снежном покрывале сливались их длинные синие тени.

— Если долго смотреть на горизонт, — вдруг тихо сказала Тория, — если долго-долго не отрывать глаз... То можно представить, будто под нами — море. Голубое море, а мы стоим на берегу, на скале...

Эгерт встрепнулся:

— Ты видела море?

Тория радостно засмеялась:

— Да... Совсем еще маленькой, но все помню... Мне было... — она внезапно погрустнела. Опустила глаза: — Мне было восемь лет... Мы с отцом много путешествовали... Чтобы не так горевать о маме.

Гулявший над снегом ветер пригоршнями подхватывал белую алмазную пыль, играл, рассыпал и ронял, подбирал снова. Эгерт не успел понять, вернулась ли к нему мучительная способность ощущать чужую боль — однако мгновенное желание защитить и успокоить лишило его разума и робости; плечи Тории поникли — и тогда ладони его впервые в жизни осмелились опуститься на них.

Она была на голову ниже его. Она казалась рядом с ним подростком, почти ребенком; сквозь теплый платок и не очень плотную шубку он почувствовал, как узкие плечи вздрогнули под его прикосновением — и замерли. Тогда, изо всех сил желая утешить и смертельно боясь оскорбить, он осторожно привлек Торию к себе.

Синие тени на снегу застыли, слившись в одну; оба боялись пошевелинуться и тем спугнуть другого. Безучастным оставался лежавший за стеной город, и холодно поблескивала замерзшая река, и только ветер проявлял признаки нетерпения, вертелся, как пес, вокруг ног, путался в подоле Тории и осыпал голенища Солля снежными брызгами.

— Ты увидишь море, — сказала Тория шепотом.

Эгерт молчал. Познавший на своем недолгом веку десятки разнообразных женщин, он сам себе показался вдруг неопытным, беспомощным мальчишкой, сопливым щенком — так ученик ювелира хвалится мастерством, шлифуя стекляшки, и потеет от страха, впервые получив в руки немислимой редкости драгоценный камень.

— На берега южного моря никогда не ложится снег... Там теплые камни... И белый прибой... — Тория говорила, будто во сне.

Светлое небо, он боялся разжать руки. Он боялся, что все это наваждение, он так боялся ее потерять... А ведь он не имел

на нее права. Можно ли потерять то, что не принадлежит тебе? И не тень ли Динара стояла между ними?

Тория вздрогнула, будто ощутив эту его мысль, — но не отстранилась.

Над их головами меняли форму облака, поворачивались, подставляясь солнцу разными боками, как булки в печи. Слыша, как билось под курткой Эгерта смятенное сердце, Тория с почти суеверным ужасом поняла вдруг, что счастлива. Ей очень редко удавалось поймать себя на этом чувстве; ноздри ее раздувались, вдыхая запах снега, свежего ветра и Эгертовой кожи, и хотелось привстать на цыпочки, чтобы дотянуться до его лица.

Она никогда не чувствовала запаха Динара. Немыслимо, но она не помнила, как билось его сердце. Обнимая его, она испытывала дружескую нежность — но куда той детской нежности до этого сладостного оцепенения, когда страшно не то что двинуться — вздохнуть?

Что же это, подумала она в панике. Предательство? Предательство самой памяти Динара?

Синяя тень едва заметно ползла по снегу, как стрелка огромных часов. Прямо перед глазами Тории опустилась на Эгертово плечо круглая, плоская, будто точильный камень, снежинка. Солнце спряталось, и тень на снегу погасла.

— Надо идти, — сказала Тория шепотом. — Нам надо... я же обещала показать тебе...

В молчании они спустились с холма; река здесь поворачивала, огибая небольшой мыс, похожий скорее на полуостров. Земля тут, по-видимому, пришлась весьма по нраву высоким елкам — они и росли кругом во множестве, и ветви, отягощенные снегом, подобны были обвисшим старческим усам.

Они шли, пробираясь между стволами, то и дело обрушивая с веток снег — тогда освобожденные пышные лапы вскидывались вверх, несколько нарушая единообразие зимней картины. Наконец Тория остановилась и оглянулась на Эгерта, будто приглашая его в свидетели.

Прямо перед ними возвышалось занесенное снегом каменное сооружение — будто остатки древнего фундамента; желтый ноздреватый камень перемежался с серым, гладким — Эгерт никогда раньше не видел ничего подобного. Самым же удивительным было чахлое, тонкоствольное деревцо, вцепившееся в кладку корнями и будто бы на камне и произраставшее. Среди зимы деревцо оставалось зеленым — ни снежинки не опускалось на узкие листья, и кое-где между ними тускло краснели круглые лепестки, с виду ненастоящие, будто вырезанные из тряпицы, — однако это были действительно цветы, Эгерт убедился в этом, когда на кончике пальца у него осталось немного черной пылицы.

— Вот, — сказала Тория, стараясь за деловитым тоном спрятать царившее в ее душе смятение, — вот, это могила... Ей несколько тысячелетий. Здесь лежит какой-то древний маг — может быть, сам Первый Прорицатель... А может быть, нет. Это дерево — оно цветет круглый год, но не принесло ни одного плода... Говорят, ему тоже несколько тысяч лет, правда, удивительно?

Магическое дерево не было более удивительным, нежели то странное действо, что незримо происходило сейчас между Торией и Эгертом. Он хотел сказать об этом — но не сказал; оба стояли, глядя на тысячелетний курган, ставший свидетелем их молчания. Заснеженные елки молчали тоже — строго, но без осуждения.

...Назад возвращались в сумерках; мороз усилился, и возле городских ворот пришлось остановиться, чтобы погреться у костра. Стражник с медным от пламени, блестящим от пота лицом подбрасывал в огонь дрова и хворост, взысканные сегодня со въезжавших в город крестьян — зимой пошлину старались брать натурой. Глядя, как пляшут огненные языки в неподвижных зрачках Тории, Эгерт нашел в себе смелость склониться к ее уху:

— Я... Сброшу заклятие. Я верну свое мужество... Хотя бы ради... Ты знаешь. Я клянусь.

Она медленно опустила веки, прикрывая танцевавшие в глазах искры.

* * *

Первый снег растаял, покрыв лаковой грязью улицы, дороги и перекрестки; дни напролет выл холодный ветер, и в слегка успокоившиеся было сердца горожан снова заползла тревога. Башня Лаш зловеще воздевала к небу свои благовонные дымы: «Скоро!» Из университета исчезли еще несколько студентов, и как-то сам собой заглох обычай шумных вечеринок в «Одноглазой мухе». Декан Луаян сделался как бы центром всеобщего притяжения, к нему льнули, надеясь обрести спокойствие; приходили совершенно незнакомые люди из города, часами простаивали на ступенях в надежде увидеть великого мага, спросить у него помощи и утешения. Луаян избегал долгих бесед — однако никогда не выплескивал на просителей ни гнева, ни раздражения; совесть не позволяла ему успокаивать, разум не велел пугать — он потчевал своих визитеров однообразными философскими притчами, не имевшими, впрочем, никакого отношения к делу.

Испуганные люди между тем все шли и шли — Эгерт ничуть не удивился, увидев однажды утром на ступенях между змеей и обезьяной усталого старика с очень прямой спиной и

шпорами на сапогах. Приветственно кивнув, он собирался пройти мимо — но старик как-то вымученно улыбнулся и шагнул ему навстречу.

Эгерт узнал отца лишь через несколько секунд. Солль-старший стал удивительно похож на портрет, висевший у него в каварренском кабинете, — там изображен был Эгертов дед в преклонных уже годах, седой, вислоусый, с изрезанным морщинами лицом; вспомнив о портрете, Эгерт узнал отца — и поразился обрушившейся на него старости.

Молча, под глухое позвякивание шпор, отец и сын добрались до маленькой гостиницы, где остановился Солль-старший; старик долго стучал огнивом, прежде чем зажег свечи в канделябре. Слуга принес вино и бокалы; сидя в скрипучем кресле, Эгерт с болью в душе смотрел, как отец собирался с мыслями — и не мог собраться, хотел начать разговор — и не находил слов. Эгерт с удовольствием помог бы ему — но собственный его язык тоже был беспомощен и нем.

— Я... денег привез, — сказал наконец Солль-старший.

— Спасибо, — пробормотал Эгерт и облек наконец в слова всю дорогу мучивший его вопрос: — Мама... как?

Отец оглаживал вытертую бархатную скатерть на круглом гостиничном столике:

— Она... болеет. Сильно, — он поднял на сына измученные, слезящиеся глаза. — Эгерт... здесь... уже, говорят, кончаются времена. Времена кончаются, да... Пес с ним, с полком, пес с ним, с мундиром... какой полк, если... Эгерт. Сын мой... У моего отца было пять сыновей... У нас ты один был, один и остался... Мне уже трудно... в седле... На крыльцо подняться — и то трудно... За что ты так с нами? Ни внуков...

Чувствуя, как высыхает гортань, Солль пробормотал в темный угол:

— Я... знаю.

Старик шумно вздохнул. Покусал губу вместе с усами:

— Эгерт... Мать просила. Простилось тебе... все. Мать просила... Поедем домой. Пес с ним, со всем... Поедем в Каваррен. Я и лошадь тебе привел... Кобыла — чудо, — взгляд отца несколько оживился, — вороная, злюка... Дочь нашего Тика... Ты любил Тика, помнишь?

Эгерт бездумно водил пальцами над огоньком свечи.

— Сын... Поедем сегодня. Лошади резвые... Я, конечно, устаю, не то что прежде... но тут уж постарался бы. И были бы дома через недельку... Да, Эгерт?

— Я не могу, — Солль проклял все на свете, прежде чем сумел произнести эти слова. — Не могу я... Как же я вернусь... таким? — рука его коснулась шрама.

— Ты думаешь, — тяжело выдохнул отец, — ты думаешь... матери не все равно... какой ты?..

...Ему казалось, что, не повстречай он сейчас Торию — и что-то сломается, не выдержит, порвется внутри. К счастью, она встретила ему прямо на ступеньках — уж не его ли ждала?

— Эгерт?

Он рассказал ей, как тряслись руки его отца, когда, прощаясь, Эгерт прятал глаза и бормотал уверения в скором своем приезде.

Хлюпала под ногами жидкая грязь. Город притих, будто вымер; не разбирая дороги, они брели улицами и переулками, и Эгерт говорил без умолку.

Мать совсем плоха, мать ждет его; но как же можно вернуться, неся заклятие? Как можно приползти к отчему порогу, имея в душе ту трусливую тварь, которая в любую минуту готова сравнять его с распоследним подлецом? Он же дал клятву себе, он дал клятву Тории... Может быть, он не прав? Может быть, ради спокойствия матери следует хлебнуть нового позора, вернуться побежденным, трусом? Принести к ее ногам тень, отяготить новым горем?

Он пытался объяснить это отцу, как мог. Он путался в словах, увязал в них, как неумелый рыболов в собственной сети, — а старик не мог понять его, и Эгерт, измучившись, сказал ему наконец: я болен. Я должен исцелиться, и тогда... Отец молчал; впервые на памяти сына вечно прямая спина его устало сгорбилась.

Все это слушала сейчас Тория; сгустились сумерки, кое-где чадно горели фонари, все до одного ставни были плотно закрыты — казалось, что дома упрямо закрывают глаза на вечер, на грязь, на непогоду... В какой-то момент Тории показалось, что за ними следуют на расстоянии некие смутные тени — однако Эгерт не замечал ничего, он говорил, и говорил, и призывал Торию в свидетели: неужели он действительно не прав?!

Спасаясь от ветра, они завернули за какие-то ворота и оказались во дворе, пустынном и захламленном; кухарка, шествовавшая из кладовой, бросила в их сторону в меру неприветливый, а больше равнодушный взгляд. Хлопнула дверь, безжалостно придавив клубы пара, выбившиеся было изнутри; фонарь тускло освещал табличку у двери — «Козье молоко». Здесь же, в узком загончике под навесом, маялись две или три неухоженные козы.

Фонарь раскачивался; Тория поежилась, только сейчас почувствовав и ветер, и сырость:

— Пойдем... Зачем мы здесь...

Эгерт раскрыл было рот, чтобы снова повторить от начала все свои доводы, но замолчал. В тусклом свете фонаря перед ним высился, как мокрый призрак, лейтенант Карвер Отт.

Лейтенант выглядел неважно — видимо, за время, прове-

денное в городе, мундир его значительно поизносился, а кошелёк порядком отошал. Не лучший вид имели и стоявшие за его спиной Бонифор и усатый Дирк — походившие теперь скорее на разбойников, нежели на господ гвардов, оба одинаково держали ладони на эфесах.

Тория не поняла, в чем дело — не узнав Карвера, она решила было, что их с Эгérтом выследили обыкновенные грабители. Не дожидаясь требования отдать кошелёк, она с презрительной улыбкой хотела было заговорить первая — однако Карвер опередил ее. Он-то узнал Торию даже в мутном свете качавшегося фонаря — и не смог удержать глаза в орбитах:

— Госпожа-а! Да мы знакомы! — протянул он с видом крайнего изумления. — Ай-яй-яй...

Бонифор и Дирк подались вперед, чтобы разглядеть Торию получше.

— Ай да Солль, — продолжал тем временем Карвер, — добился-таки своего... И что же, госпожа моя, — обратился он к Тории с отменно вежливой миной, — вы так легко простили ему подлое убийство вашего ученого жениха?

— Кто вы такой? — ледяным тоном поинтересовалась Тория. Железные нотки в ее голосе заставили Дирка и Бонифора слегка отшатнуться, однако Карвер не смутился ничуть:

— Разрешите представиться — Карвер Отт, лейтенант гвардов города Каваррена, послан с особым поручением — доставить в полк дезертира Солля... Это мои боевые товарищи, в высшей степени достойные молодые люди... Вот, госпожа, кто мы такие — а вовсе не ночные разбойники, как вы изволили было подумать! А теперь позвольте спросить вас — кто таков этот человек, который сейчас прячется за вашей спиной?

Солль вовсе не прятался за спиной Тории — но инстинктивно отступил, с тоской ощущая, как поднимается в груди липкая волна его верного спутника, животного страха. Слова Карвера стегнули его, как кнут.

— Этот человек, — бестрепетно отозвалась Тория, — находится под защитой университета и моего отца, декана Луаяна... А господин Луаян маг, как вы, должно быть, слышали. А теперь будьте любезны освободить дорогу — мы уйдем.

— Но, госпожа! — вскричал Карвер в замешательстве, на стоящем или притворном. — Я не могу поверить, вы же благородная особа, что вас связывает... с этим?.. — губы лейтенанта произвольно сложились в гримасу отвращения, когда он взглянул на Эгерта. — Он, повторяю, убил вашего жениха... Я думаю, уже тогда он в глубине души был тем, кем стал чуть позже... Знаете, кем?!

— Позвольте пройти, — Тория шагнула вперед, и Карвер, помедлив, посторонился:

— Пожалуйста... У нас и мысли такой нет — нанести хоть

ть обиды прекрасной дочери декана, господина мага... Однако этот человек, госпожа... Вам интересно узнать, кто он на самом деле, Эгерт Солль?

Эгерт молчал. Постепенно, понемногу до него доходило, что случилось, пожалуй, нечто пострашнее отравленного стилета Фагирры — случилось самое страшное, и он, Солль, будет пить чашу до дна.

Будто отвечая на его мысли, Карвер неуловимым движением выхватил из ножен шпагу. В свете фонаря Эгерт увидел серебряную ленту клинка — и колени его подогнулись.

— Вы ответите, — сдавленно бросила Тория. Карвер поднял брови:

— За что?! Разве я делаю что-либо неподобающее? Госпожа может идти, а может остаться... Во втором случае она увидит наконец подлинное лицо своего, гм, друга, — и кончик невообразимо длинной Карверовой шпаги поддел Солля под подбородок.

Эгерт ослабел. Голос Карвера продолжал доноситься до него будто сквозь плеск мельничного колеса — то шумела в ушах его собственная кровь. Тщетно пытаясь превозмочь ужас, он вспомнил вдруг когда-то и кем-то сказанные слова: «Попадешь в безвыходную ситуацию и победишь... путь будет пройден до конца... разве Скиталец... не об этом?»

— Мне горько за вас, госпожа, — говорил тем временем Карвер. — Жестокая судьба столкнула вас с человеком, мягко говоря, не вполне достойным... На колени, Солль!

Эгерт пошатнулся, Тория поймала его взгляд. «Попадешь в безвыходную ситуацию и победишь»... Небо, как можно победить несущийся с горы камень, оползень, обвал? Внутри Соллевой души выл, метался, тысячи раз умирал жалкий трус — и Эгерт знал, что спустя секунду мерзкое животное подчинит его полностью.

— Ты слышишь, Солль? — повторил Карвер негромко. — На колени!

Тория здесь, Тория смотрит. Неужели она думает...

Не доведя мысль до конца, он рухнул в липкую грязь под ногами. Колени подогнулись сами, и теперь перед глазами у него оказались потертый Карверов пояс и лоснящиеся кавалерийские штаны.

— Вы видите, госпожа? — донесся сверху укоризненный Карверов голос. — Спросите его теперь, спросите о чем угодно — он ответит...

Эгерт не видел Торию — он чувствовал ее рядом, ощущал ее болезненное напряжение, и гнев, и растерянность — и надежду.

Она надеется... Она не понимает, что это невозможно. Не-

возможно преодолеть силу наложенного Скитальцем заклатья. Никогда.

Шпага дернулась в нетерпеливой руке Карвера:

— Говори: я последняя тварь...

— Эгерт... — отозвалась Тория, отозвалась издалека, откуда-то из светлого зимнего дня, где вечнозеленое дерево на могиле Первого Прорицателя.

— Я последняя тварь, — выдохнул он запекшимся ртом.

Карвер удовлетворенно хмыкнул:

— Слышите?! Повторяй: я — трусливая дамская болонка...

— Эгерт... — повторила Тория едва слышно.

— Я — трусливая дамская болонка... — сами собой шептали его губы. Притихшие было Дирк с Бонифором залились радостным хохотом.

— Повторяй, Солль: я подонок и мужеложец...

— Оставьте его! — выкрикнула Тория вне себя. Карвер удивился:

— Вы так волнуетесь... Из-за него? Из-за этого... И потом он точно-таки мужеложец, мы застали его с дружкой в одном кабачке... А вы не знали, конечно?

До Солля доносилась ее беззвучная мольба: останови это, Эгерт. Останови... Сломай заклатье...

Глухо хлопнула дверь — угрюмая кухарка прошла к сараю, кинув на людей у забора тяжелый, по-прежнему равнодушный взгляд. Поигрывая клинком, Карвер дождался, пока она проковыляла обратно и грохнула тяжелой дверью, потом повертел шпагой перед самым лицом жертвы:

— Отвечай, подонок... Ты Эгерт Солль?

— Да, — прохрипел Эгерт.

— Ты дезертир?

— Да...

И тогда он снова покрылся потом — но уже не от страха. Сломать заклатье... Пять раз произнести «да».

— Ты, мерзавец, убил жениха этой прекрасной госпожи?!

— Да...

Торию трясло. Она тоже поняла — сгорбленной спиной своей Эгерт чувствовал ее лихорадочное, на пределе срыва ожидание.

Карвер широко ухмыльнулся:

— Ты любишь эту госпожу, да, Эгерт?

— Да! — выкрикнул он в четвертый раз, чувствуя, как колотится обезумевшее сердце.

Ему казалось, что он слышит дыхание Тории. Светлое небо, помоги мне. Ведь шанс предоставляется лишь раз — и первое в душе должно стать последним... Это значит — отбросить страх?!

Он вскинул голову, ожидая пятого вопроса; встретившись

с ним глазами, Карвер невольно отшатнулся, будто увидев перед собой призрак прежнего, повелевавшего Эгерта Солля. Отступив на шаг, испытующе оглядел жертву; Солля была крупная дрожь. Карвер удовлетворенно усмехнулся:

— Дрожишь?

— Да!

Он одним рывком поднялся с колен. Успел заметить замешательство в глазах Карвера, успел спиной ощутить движение Тории, шагнул вперед, намереваясь схватить лейтенанта за тощее горло; Карвер поспешно выставил перед собой шпагу, Эгерт протянул руку, чтобы отвести острие, — и в этот момент приступ тошнотворного, еще более отвратительного страха превратил его сердце в жалкий трепещущий комок.

Ноги подкосились — он снова осел на землю. Трясущейся рукой коснулся щеки — шрам был на месте, жесткий, заскорузлый рубец; шрам был на месте — и на месте был изводивший душу страх.

Со скрипом раскачивался фонарь; Эгерт чувствовал, как стынут его колени в ледяной жиже. Откуда-то с крыши капала вода: кап... кап... Что-то беспомощно прошептала Тория; Карвер, опомнившись, недобро сощурился:

— Значит, так... Ты сейчас докажешь госпоже свою любовь, — и он круто развернулся к спутникам, — Бонифор... Там козочка в загоне, видишь? Хозяин не обидится, если мы займем ее ненадолго...

Все еще надеясь, он шевелил губами, повторяя многочисленные «да», а Бонифор уже возился возле загона, и Тория, все еще не веря в поражение, непонимающе оглядывалась на Бонифора, на Карвера, на усатого Дирка. Аспидно поблескивала черная поверхность жирной лужи.

Надежда последний раз дернулась в душе — и затихла, оставив на смену себе глухую безнадежную тоску; он почувствовал, как Тория тоже поняла это — и сразу обессилела. Глаза их встретились.

— Уходи, — сказал он шепотом. — Пожалуйста... уходи.

Тория осталась стоять — не то не расслышав, не то не поняв его, не то не в силах сдвинуться с места. Карвер хмыкнул.

Козочка, худая и грязная, привыкла, вероятно, к жестокому обращению — она даже не заблеяла, когда Бонифор, ругаясь вполголоса, стряхнул ее со спины к самым сапогам Карвера. Тот по-хозяйски ухватился за веревку на шее несчастного животного, сочувственно глянул на растерянную Торию:

— Так... Он любит вас, вы слышали?

Солль смотрел на серый, подергивавшийся козий хвост. Чуда не будет. Чуда не будет... Страх подчинил уже и волю, и разум, он потерял себя, он потеряет Торию... Скиталец не оставляет лазеек.

Карвер развернул козу мордой к Эгерту:

— Вот... Вот достойная тебя пара. Вот твоя милая... Поцелуй ее, ну-ка!

Неужели Тория не понимает, что должна уйти? Всему конец — стоит ли мучить ее этой отвратительной сценой?

С двух сторон в него уперлись шпаги Бонифора и Дирка:

— Глянь, до чего хороша! Прелестное создание... Поцелуй же!

Запах неухоженного животного раздирал Эгерту ноздри.

— Вы слышали — он любит вас? — доносился откуда-то издалека негромкий Карверов голос. — И вы верили? Посмотрите, он готов променять вас на первую попавшуюся козу!

— Почему на первую попавшуюся? — театрально возмутился Бонифор. — Очаровательная козочка, лучшая в загоне... Да, Солль?

— Как вам не стыдно... — Эгерт едва узнал голос Тории.

— Нам — стыдно?! — Карвер, в отличие от Бонифора, возмутился совершенно искренне. — Нам — а не ему?

— Уходи! — взмолился Эгерт. Тория стояла — небо, неужели у нее отнялись ноги?! Холодное лезвие снова коснулось его шеи:

— Ну-ка, Солль! Объявляю вас мужем и женой — тебя и милую козочку! Давай-ка, мы ждем первой брачной ночи!

Дирк и Бонифор, потрясенные изобретательностью Карвера, развернули козу к Эгерту хвостом:

— Давай-давай... Всего дела на пять минут... Давай, и пойдемь подобру-поздорову, даму свою домой проводишь... Да, госпожа? Вам ведь неохота одной возвращаться?

Кажется, шел дождь; кажется, по спутанной козьей шерсти струилась вода. Колени заковенели — Эгерту представилось вдруг, что он мальчик, стоит по колено в весенней речке Каве, а у самого берега цветут какие-то невыносимо желтые цветы, он тянется, пытается сорвать...

Он дернулся от боли — Карвер провел клинком по его уху:

— Что ж ты раздумываешь? Острая шпага может отрезать ухо, палец, да все что угодно... Или тебя — уже?! Правда, что студентов оскоблиают, а, госпожа?

Страх отнял у Эгерта способность думать и чувствовать; из речи Карвера он понял только, что Тория еще здесь, и укоризненно, с почти детской обидой подумал: зачем?

Раскачивался под ветром скрипучий, черный фонарь. Ночь казалась Тории вязким комком смолы — липкий воздух забивал ей гортань, и нельзя было вздохнуть для слова или крика. Наверное, надо было звать на помощь, колотить кулаками в двери и ставни, бросаться к отцу, наконец... Но шок лишил ее возможности бороться, превратив в немого, бессильного свидетеля.

Козочка нерешительно дернулась. Бонифор пресек ее по-

пытку вырваться, сдавил коленями; Карвер провел шпагой по горлу жертвы:

— Ну, Солль?! Расстегивай пояс!

Тогда темнота сгустилась, сдавила Эгерта со всех сторон, стиснула голову, грудь, залила уши, пробкой заткнула горло, не допуская в легкие и крохотного воздушного пузырька; на секунду ему показалось, что он живьем зарыт в землю, что нет ни верха, ни низа, что земля давит, давит...

Потом стало легче, и последним проблеском сознания Эгерт понял, успокаиваясь, что умирает. Слава небу, просто умирает, легко и без мучений. Проклятый Скиталец проглядел-таки, не рассчитал! Эгерт не может победить свой страх — но и переступить за грань он не может, не может, вот и смерть... Слава небу.

Он мягко ткнулся лицом в грязь, показавшуюся теплой и мягкой, будто перина. Как легко. Опрокинулся черный фонарь, опрокинулось черное небо, и Карвер кричал и размахивал шпажкой — пусть... Эгерта здесь нет. Уже нет. Наконец-то.

...Трое склонились над лежащим. Несчастная козочка, отскочив, тонко и жалобно заблеяла.

— Солль! Эй, Солль... Не притворяйся, эй!

Рванувшись, Тория взглядом отшвырнула в одну сторону Дирка, в другую — Бонифора; Эгерт лежал на боку, лицо его, отрешенное, застывшее, то попадало в тень, то снова выхватывалось из темноты светом качавшегося фонаря.

— А вот теперь вы ответите, — сказала Тория на удивление спокойной. — Вот теперь вы ответите за все... Вы убили его, мерзавцы!

— Но, госпожа... — пробормотал Бонифор в замешательстве. Дирк попятился, а Карвер бросил шпагу в ножны:

— Мы не тронули его и пальцем... В чем, скажите, мы виноваты?!

— Вы ответите, — пообещала Тория сквозь зубы. — Мой отец разыщет вас и под землей... Не то что в вашем дрянном Каваррене, а на краю света!

Дирк все отступал и отступал; Бонифор, косясь то на безжизненного Солля, то на Торию, следовал его примеру. Карвер, кажется, растерялся.

— Вы никогда не видели настоящего мага, — продолжала Тория не своим, каким-то странным, металлическим голосом. — Но вы сразу узнаете моего отца... когда он явится к вам!

Карвер поднял лицо, и все в том же тусклом свете она увидела в его глазах обыкновенный страх, вызванный не заклятием Скитальца, а врожденной, тщательно скрываемой трусостью.

Не в силах сдержаться, она плюнула ему под ноги; через минуту дворик был пуст, если не считать распростертого на земле тела да оцепеневшей, заламывающей руки женщины.

Ей уже случалось рыдать над безжизненно лежавшим на земле человеком. Теперь ей казалось, что это страшный сон-повторение. Она снова осталась одна, совсем одна, и моросил дождь, и скатывались капли по строгому, застывшему Соллеву лицу. Она так надеялась, что заклятье не выдержит, падет в борьбе с его благородством — но заклятье оказалось крепче, чем его носитель. Первым пал Эгерт.

Она сидела в холодной грязи, и пережитое потрясение срывало ей руки, язык, голову; не пытаясь вернуть Солля к жизни, не прощупывая его пульса, не растирая висков, не в силах выдавить и слезинки, она сидела, бессильно опустив плечи, уронив онемевшие руки.

Они могут поставить его на колени — но оскотинить его они не в силах. Сами трусы в душе, они возвеличиваются в собственных глазах, унижая того, кто, по их мнению, слабее... У Скитальца не хватит заклятий на всех подлецов, а Эгерт лежит шрамом в грязь, и никакие пять «да» не отменяют того страшного, что он уже пережил...

Она заплакала наконец.

Откуда-то из темноты явилась бродячая собака, обнюхала лежавшего, сочувственно заглянула Тории в глаза; Тория плакала, поднимая лицо к небу, и дождь на ее щеках смешивался со слезами. Собака вздохнула — поднялись, и опали тощие ребристые бока, — затем, почесавшись, удалилась обратно в темноту.

Много лет прошло с тех пор, как похоронили ее мать; на могиле Динара дважды поднялась и дважды пожухла трава. Дождь, кажется, будет идти вечно, и увянет вечнозеленое дерево на могиле Первого Прорицателя, и Солль зачат навсегда. Почему?! Почему она, Тория, простила ему смерть Динара — а Скиталец не простил?! Почему заклятие не имеет обратной силы, почему кто-то, кроме нее, вправе судить Эгерта?

Ей показалось, что ресницы его чуть дрогнули — или это игра неверного фонарного света? Она подалась вперед — отвечая на осторожное прикосновение, Солль пошевелился и через силу поднял веки.

— Ты... здесь?

Она вздрогнула — так глухо и незнакомо позвучал его голос. Он смотрел на нее, и она поняла вдруг, что глаза его — глаза столетнего мудреца.

— Ты плачешь? Не надо... Все очень хорошо. Я теперь знаю... Как умирают. Не страшно... Все теперь будет хорошо... Ну, пожалуйста, — он попытался подняться, с третьей попытки сел, и она смогла, не сдерживаясь, уткнуться ему в грудь.

— Я такой... — сказал он тоскливо, — такой... Почему ты не ушла? Почему ты осталась со мной? Чем я заслужил?

— Ты же поклялся, — прошептала она, — что сбросишь...

— Да, — бормотал он, глядя ее волосы, — да, сброшу... Обязательно... Только тут такое дело, Тор... Если не получится, ты убей меня, ладно? Это не страшно... Мне неловко просить тебя, но кого же мне тогда просить?... Ладно, забудь, что я сказал... Я придумаю что-нибудь... Ты увидишь... Теперь все будет хорошо, не плачь...

Из подворотни участливо смотрела на них бродячая собака с ребристыми боками.

Через несколько часов у Тории начался жар.

Постель казалась ей горячей, как раскаленная солнцем крыша. Эгерт, впервые допущенный в ее маленькую комнату, сидел на краю кровати и держал ее руку в своей. Декан, не говоря ни слова, принес и поставил на столик склянку с дымящимся, остро пахнущим снадобьем.

Тория лежала на спине, белая подушка скрывалась под ворохом рассыпавшихся прядей, и осунувшееся лицо дочери, запятнанное лихорадочным румянцем, снова поразило Луаяна сходством с женщиной из далекого прошлого, давно умершей женщиной.

...Когда-то, странствуя по свету, он остановился однажды на ночлег в небольшом поселке, занесенном снегом; приютившие его хозяева, не зная еще, что он маг, поведали о несчастье: по соседству умирала от неведомой хвори дочь старосты, неземная красавица. Тогда он впервые увидел свою жену — голова ее вот так же утопала в подушке, и по белой простыне змеились черные волосы, и лицо, осунувшееся, горячее, уже отмечено было печатью надвигавшегося конца.

Он исцелил ее, выходил; последовало счастье, внезапное, как водоворот в тихой и сонной реке, потом страх потерять все, потом снова счастье — рождение дочери... Потом мучительные пять лет, бросавшие Луаяна из жара в холод, учившие его прощать вопреки собственной гордыне, ужасные годы, лучшие его годы. Он вспоминал о них с содроганием — и все на свете отдал бы, чтобы вернуться и прожить их снова.

Вероятно, ей не суждена была долгая жизнь. Однажды уже спасенная Луаяном, она азартно искала собственной смерти — и нашла ее, оставив ему на память вечное чувство вины и маленькую Торию...

Тория повернула тяжелую голову, и отец встретился с ней глазами. Спустя минуту декан перевел взгляд на Солля; Эгерт, вздрогнув, хотел выпустить руку Тории — но удержал.

Светлое небо, она слишком похожа на мать. Она слишком похожа на мать, чтобы быть счастливой... Давая добро на ее брак с Динаром, он знал по крайней мере, что делает — покой и уверенность, дружеское расположение, общая работа в старых стенах университета надежно соединили бы его дочь с его

любимым учеником. Солль положил конец этим надеждам — и вот Солль сидит на краю ее постели, мучится под декановым взглядом, понимает, что должен бы уйти, — но не выпускает из своих рук ее руки, и Луаян отлично видит, как льнет к его ладони ладонь Тории...

В его жизни нет ничего дороже дочери.

Два года назад ее свадьба казалась ему естественной, неизбежной частью спокойной, размеренной жизни; сегодня над городом, над университетом, над этими двумя, что держат друг друга за руку, нависла неясная тень — даже будучи магом, он не может понять, что это за угроза, но присутствие ее ощущается с каждым днем все отчетливее. Как поступить сегодня, если не знаешь, будет ли у тебя завтра?

Солль прерывисто вздохнул; краем глаза Луаян видел, как он пытается сосчитать ее пульс, как тревожится, как досадует на него, Луаяна, за кажущееся бездействие — маг ведь, взял бы да вылечил...

На Солле печать. Он принесет несчастье всякому, кто будет иметь неосторожность оказаться рядом — так рассудил Скиталец. Но кто знает, что такое Скиталец и какова изнанка его заклятия?

Тория пошевелилась. Декан снова встретился с ней глазами, и ему показалось, что веки ее чуть-чуть опустились, будто Тория хотела кивнуть.

Луаян помедлил — и кивнул ей в ответ. Помедлил; еще раз окинул взглядом притихшего Эгерта — и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Оставшись вдвоем, они долго молчали. В камине негромко, деликатно потрескивали умирающие поленья.

Наконец Тория улыбнулась через силу:

— Твоя рубашка... Мала.

Эгерт одолжил рубашку у Лиса — его собственная одежда нуждалась в стирке. Газтанова рубашка опасно трещала при каждом Соллевом движении; волосы, вымытые и не успевшие просохнуть, казались темнее, чем обычно. Прямо за его спиной мерцал огонь камина — палимой жаром Тории казалось, что у Солля медные плечи.

Наклонившись к ней, он несколько раз повторил один и тот же вопрос; сосредоточившись, она поняла наконец:

— Как тебе помочь? Что надо сделать?

...Вернувшись из промозглой ночи, она долго не могла остановиться слез. Она исходила слезами, захлебывалась соленой водой, как гибнущий в пучине моряк; Эгерт, на долю которого в тот вечер перепало еще большее потрясение, держался куда лучше. Последний квартал до университета он нес дрожащую Торию на руках — ее ноги подкашивались и не желали идти. За всю жизнь ее отрывал от земли только отец и только в

далеком детстве; она притихла, оказавшись на весу, — а Солль ступал легко, будто бы действительно нес ребенка или попавшего в беду невесомого зверька.

Он нес ее и впервые ощущал каждую напряженную жилку, каждую трепещущую мышцу, биение ее сердца, усталость и горе. Тогда он крепче прижимал ее к себе, ему хотелось укутать, спеленать ее своей нежностью, закрыть, согреть, защитить.

Встреча с деканом, которой он так боялся, прошла без единого слова. Повинуясь Луаяну, Солль помог Тории добраться до постели; рядом уже поджидала, охая, старушка-служительница. Декан внимательно оглядел виноватого, напряженного Солля — и снова не раскрыл рта.

...Бродил огонек по углям в камине; Тория снова слабо улыбнулась. Страшное осталось далеко-далеко позади; теперешнее ее состояние, горячее, расслабленное, не угнетало ее — напротив, ей хотелось вечно пребывать в этом огненном облаке, наслаждаясь собственной слабостью, покоем и защищенностью.

— Тор... Чем тебе помочь...

Ей приятны были и забота Эгерта, и его беспокойство. А отец... Отец всегда все знает.

На столике дымилось приготовленное деканом снадобье.

— Ничего, — прошептала Тория, тихонько сжимая Соллеву руку, — ничего страшного... Лекарство поможет.

Он отошел, чтобы подбросить в камин поленьев. Огонь разгорелся ярче, Тории опять мерещились окружающие Эгерта медные языки. С трудом она села на кровати, придерживая одеяло у груди:

— Поддай мне... Скланку.

Зачерпывая снадобье из его ладоней, она долго растирала себе виски; вскоре сил осталось совсем мало, но о том, чтобы позвать старушку-служительницу, Тория не подумала. Увидев, что она устала, Эгерт взялся за дело сам — осторожно, преодолевая неловкость, он принялся втирать мазь в кожу ее лица и шеи. Лекарство пахло сильно и горько, так не пахнет даже разогретая солнцем полынь.

Жар ее упал почти мгновенно — но вместо облегчения она снова почувствовала тоску и, покрываясь потом, сначала всхлипнула, потом, теряя над собой власть, задрожала и опять заплакала.

Солль растерялся, хотел было бежать за деканом — но не смог выпустить из своих ладоней вздрагивавшей мокрой руки. Склонился над лежащей, нашел сухими губами сначала один полный слез глаз, потом другой; чувствуя горький привкус во рту, гладил спутанные темные волосы, царапал шрамом кожу ее щек:

— Тор... Посмотри на меня... Не плачь...

Ровно горел камин, и дымилось, не остывая, теплое снадобье. Бормоча что-то невнятно-ласковое, успокаивающее, Эгерт нежно гладил ее шею с узором родинок — с тем самым, памятным до последней точки созвездием, украшением его неба, бедой его снов... Потом он принялся разминать, растирать снадобьем плечи, тонкие руки, по очереди высвобождая их из-под одеяла — все равно в комнате было тепло, даже душно. Тория понемногу затихла и всхлипывала все реже; под тонкой рубашкой высоко поднималась, хватая воздух, влажная от пота грудь.

— Слава небу, — шептал он, чувствуя, как покидает ее болезненная дрожь, — слава небу... Все будет хорошо... Тебе ведь лучше, да?

Глаза Тории казались непроницаемо-черными из-за широких, как у ночного зверя, зрачков — она смотрела на Эгерта, не отрываясь. Руки ее судорожно сжимали кончик откинутаго одеяла; догорал камин, следовало подбросить дров — а у Эгерта не было сил оставить ее ни на секунду. В комнатке стало сумрачнее, на стенах плясали тени вперемешку с красными отблесками; Тория длинно всхлипнула и притянула Эгерта к себе.

Они лежали рядом, Эгерт вдыхал горький, неожиданно приятный запах лекарства, боясь сдавить ее плечи слишком сильно и причинить боль. Тория, блаженно закрыв глаза, уткнулась носом ему в плечо; камин догорал, и сгушалась темнота.

Тогда рука его, мучаясь собственной дерзостью и не в силах совладать с нею, дотронулась сквозь рубашку до горячей, вздрагивавшей от ударов сердца груди.

Тории показалась, что она лежит на дне красно-черного раскаленного океана, и языки племени танцуют над ее головой. Не отдавая себе отчета, не желая задумываться ни о чем, она перестала бороться с головокружением; рука Солля, превратившись в отдельное живое существо, бродила по ее телу, и Тория испытывала горячую благодарность к этому ласковому, совсем родному созданию.

В полусне-полубреду, растворившись друг в друге, они лежали в темноте, и Эгерт осознал вдруг, что, многоопытный любовник, он ни разу за свою бурную юность не испытывал чувства, хоть отдаленно напоминавшего это щемящее желание касаться, отдавать тепло, обволакивать.

Одеяло соскользнуло куда-то к стене. Ненужной сделалась тонкая ткань рубашки; своим телом Эгерт отгородил Торию от прочего мира.

На какое-то мгновение она вдруг протрезвела. Все ее чувственные отношения с Динаром не шли дальше осторожных поцелуев; осознав, что происходит, она испугалась — и засты-

ла под ласками. Мгновенно ощутив это, Эгерт коснулся губами ее уха:

— Что?

Она не знала, как объяснить. Мучась неловкостью, неумело провела рукой по его лицу:

— Я...

Он ждал, бережно положив ее голову на свое плечо; боясь обидеть его или удивить, она не находила слов, стыдилась и маялась.

Тогда, обо всем догадавшись, он обнял ее так крепко и так нежно, как никогда еще не обнимал. Все еще полная страха и скованности, она благодарно всхлипнула — объяснять, оказывается, ничего не надо.

— Тор... — прошептал он, успокаивая, — ну что ты... Страшно, да?

Ей было-таки страшно; по комнате плыла ночь, исходил теплом угасший камин, и душа Тории исходила нежностью и детской благодарностью к человеку, который все понимал без слов.

Он ласково привлек ее к себе:

— Ничего... Все, как ты захочешь... Как скажешь... Тор, что ж ты плачешь снова, а?

Ей вспомнилась вдруг стрекоза, залетевшая в детстве к ней в комнату. Тяжелая, зеленая, с круглыми каплями темных глаз, она шелестела в углу, терлась о стену всеми своими кружевными крыльями, взлетала к потолку и падала почти на самый пол. «Глупая-преглупая, — сказала со смехом мать. — Поймай ее и выпусти».

Откуда это воспоминание, зачем?

Тория поймала тогда стрекозу. Осторожно, боясь слишком сильно сжать руку, вынесла дурочку во двор — и, проводив ее взглядом, долго еще чувствовала в ладонях легкое царапанье стрекозиных крыльев и когтистых лап...

Она прерывисто вздохнула. Это случится сегодня, это случится сейчас, сколько страхов и надежд, сколько снов... Это предстоит ей сейчас, и она изменится, станет другой, ей страшно, но иначе быть не может... Это неизбежно, как восход солнца.

Эгерт снова понял ее без слов; его радость передалась ей, заглушая боязнь; откуда-то из темноты ей слышался собственный счастливый смех, вслед ему не поспевала растерянная мысль — да подобает ли смеяться?! Перед глазами мелькали стрекозиные крылья, огни за рекой, сверкавший на солнце снег, и, почти проваливаясь в беспамятство, она успела подумать: уже.

Черным зимним вечером декан Луаян прервал привычную работу.

Просохли чернила на недописанном листе, и высохло перо в неподвижной руке декана — а он сидел, оцепенев за рабочим столом, не отрывая остановившегося взгляда от оплывавшей в канделябре свечи.

За окном бесновался сырой ветер затянувшейся оттепели, в камине ровно, по-домашнему горел огонь. Декан сидел, расширив слезящиеся от напряжения глаза; из пламени свечи на него смотрел ночной, непроглядный ужас, и такой же ужас поднимался ему навстречу из глубин декановой души.

Предчувствие мага, даже не достигшего величия, не бывает пустым. Теперь беда подошла так близко, что от дыхания ее шевелятся волосы. Сейчас, уже сейчас, может быть, поздно что-либо спасти.

Амулет!

Он вскочил. Заклинание, запиравшее сейф, слетело сразу, но замок долго не поддавался, не подчинялся трясутся рукам; открыв наконец яшмовую шкатулку, Луаян, отроду не бывший близоруким, болезненно сощурился.

Медальон был чист. Ни пятнышка ржавчины не уродовало золотую пластинку — медальон был чист, а декан задыхался от смрада подступающей беды.

Не веря себе, он еще раз оглядел медальон; потом спрятал его и, пошатываясь, поспешил к двери:

— Тория! Тор...

Он знал, что она рядом, у себя; ему и раньше случалось призывать ее на помощь, но сейчас она явилась почти мгновенно и почти такая же бледная, как он сам: видимо, нечто в его голосе напугало ее.

— Отец?

За ее спиной он разглядел силуэт Эгерта Солля. В последние дни эти двое были неразлучны... Небо, помоги им.

— Тория... И вы, Эгерт... Воду из пяти источников. Я скажу, каких и где... Возьмите мой фонарь, он не гаснет под самым сильным ветром, ты, Тория, надень плащ... Скорее.

Если они и хотели спросить о чем-то, то не смогли или не решились. Декан не был похож на себя — даже Тория отшатнулась, встретившись с ним глазами. Не говоря ни слова, она приняла из его рук пять баклажек на ременной связке; Эгерт накинул плащ ей на плечи — она почувствовала ласковое, ободряющее прикосновение его ладоней. За порогом завывала гнилая, без мороза зима; Эгерт высоко поднял горящий фонарь, Тория оперлась на его руку, и они пошли.

Как в ритуальном действе, они пробирались от источника

к источнику — всего их было пять. Трижды воду пришлось набирать из замурованных в камень труб, один раз — из маленького колодца в чьем-то дворе и один раз — из железной змеиной морды заброшенного фонтана. Пять баклажек были полны, и связка их оттягивала Эгерту плечо, и плащ Тории отсырел насквозь, когда, шатаясь от усталости, они переступили порог деканового кабинета. Всегда сумрачный, той ночью он полон был света — столбики свечей толпились на столе, на полу, лепились к стенам; все огненные язычки вздрогнули, когда открылась дверь, и затрепетали, будто приветствуя вошедших.

Посреди комнаты помещалась странной формы подставка на когтистых лапах; еще три лапы, изогнувшись, поддерживали над ней круглую серебряную чашу.

Повинуясь нетерпеливому жесту декана, Эгерт отступил в самый дальний угол и там сел прямо на пол; Тория устроилась рядом на низком табурете.

Язычки свечей удлинялись и удлинялись, неестественно, непривычно для глаза; декан замер над серебряной чашей, куда по очереди опрокинуты были баклажки. Руки его медленно двинулись вверх, губы, плотно стиснутые, не шевелились, но Эгерту казалось — может быть, со страху, — что в тишине кабинета, в завывании ветра за окном он слышит резкие, царапающие слух слова. Потолок, на котором сливались и распадались узоры из теней, казался запруженным стаями насекомых.

Что-то ударилось о стекло снаружи — Солль, напряженный как струна, судорожно вздрогнул. Тория, не глядя, положила руку ему на плечо.

Губы декана изогнулись, будто от усилия. Огоньки свечей мучительно вытянулись — и опали, приобретя нормальную форму. Постояв секунду неподвижно, декан прошептал едва слышно:

— Подойдите.

Воды в блюде будто не бывало никогда — там, где следовало находиться ее поверхности, лежало зеркало, белое и яркое, как ртуть. Зеркало Вод, понял, замирая, Эгерт.

— Почему же ничего не видно? — шепотом спросила Тория.

Эгерт едва ли не возмутился — для него достаточным чудом казалось само зеркало. Однако в ту же секунду белая муть заколебалась, потемнела, и вот это уже не муть, а ночь, ветер, такой же, как за окном, мотающиеся ветки голых деревьев, огонек... Один, второй, третий... Факелы. Не пытаясь расшифровать изображение, Эгерт дивился тому только, что здесь, в маленьком круглом зеркале, отражается неведомое, невидимое, происходящее кто знает где; замороженный ма-

гией и своей причастностью к тайне, он опомнился только от звонкого выкрика Тории:

— Лаи!

Одно короткое слово протрезвило Эгерта, как пощечина. В зеркале бродили темные фигуры, и в даже скудном свете малочисленных факелов можно было различить капюшоны — накинутые на глаза, а кое у кого отброшенные на плечи; целое сонмище воинов Лаш зачем-то копошилось в ночи, позволяя ветру терзать и трепать полы длинных плащей.

— Где это? — испуганно спросила Тория.

— Молчи, — выдохнул сквозь зубы Луаян. — Уходит...

Картинка поблекла, будто покрывшись грязно-молочной пленкой, потом обернулась белой восковой муťou, и только в самой глубине ее осталась мерцать приглушенная искра.

— Какой плохой день, — пробормотал Луаян, будто бы сам удивляясь. — Какая нехорошая ночь...

Вытянув руки, он простер ладони над зеркалом, и Эгерт, замирая, увидел, как проступают сквозь кожу сплетения вен, сухожилий, сосудов.

Зеркало помедлило и потемнело снова — декан отдернул руки, будто обжегшись, и Эгерт снова разглядел ночь, людей и факелы — огней, кажется, стало больше, все они движутся в странном порядке, и плащеносцы вокруг согнули спины, будто кланяясь, и мерно, размеренно нагибаются — отсчитывают поклоны?

— Эгерт, — спросила Тория глухо, — может быть... Это ритуал? Ты знаешь, какой?

Солль молча покачал головой — само упоминание о его давнишней причастности к Лаш, пусть невольной, пусть несостоявшейся, было сейчас тяжелым упреком; Тория поняла свою промашку — и виновато стиснула его руку. Декан кинул на обоих быстрый косой взгляд — и снова склонился над чашей.

Фигуры то уходили в темноту, то выхватывались из нее — и ни разу ясно, все урывками, клочками, отдельными деталями: чей-то сапог в размытой глине, мокрая пола плаща, однажды Эгерт вздрогнул, узнав всклокоченные седины Магистра... То и дело подступала белая восковая муť, и декан тогда скрипел зубами, вытягивал над зеркалом ладони — но муť уходила не сразу, будто неохотно, будто в сговоре с плащеносцами...

— Где это, отец? — снова спрашивала Тория. — Где это? Что они делают?

Декан только грыз губы, раз за разом отвоевывая ускользающее, неверное изображение.

К рассвету все трое измучились, и тогда зеркало, измучившись тоже, покорилося наконец полностью, признало волю декана, и белая муť отступила. Той, скрытой в серебряной

чаще ночи тоже приходил конец — картинка серела, огни отраженных факелов блекли, и трое, склонившиеся над зеркалом, одновременно разгадали тайну ритуальных поклонов.

Выстроившись вокруг высокого холма — Эгерт узнал то место, откуда они с Торией любовались рекой и городом, — плашеносцы, вооруженные лопатами, не покладая рук отворачивали землю. Черные груды ее высились тут и там, будто отмечая путь исполинского крота; кое-где среди комьев желтели — Эгерт подался вперед, невольно выпучив глаза, — желтели кости и даже черепа, несомненно человеческие, несомненно давние, и земля лезла из пустых глазниц.

— Это, — сдавленно вскрикнула Тория, — это же тот холм... Это...

Зеркало разбилось. Во все стороны брызнула вода; декан Луаян, вечно невозмутимый, бесстрастный декан изо всех сил бил и бил по ней ладонью:

— А-а.... Просмотрел. Проклятье... Проклятье! Пропустил, просмотрел...

Свечи, прогоревшие всю ночь и не оплывшие, разом погасли, как от порыва ветра. Замигав полуослепшими глазами, Эгерт не сразу различил в рассветном полумраке перекошенное горем лицо Луаяна:

— Просмотрел... Моя вина. Безумцы... Мерзавцы. Они не ждут окончания времен, они призывают его... Уже призвали.

— Этот холм... — повторила Тория в ужасе. Декан крепко взял себя за голову, с мокрых рук капала вода:

— Этот холм, Эгерт... Там похоронены жертвы чудовища, Черного Мора, там логово его, заваленное, закрытое от людей... Черный Мор когда-то опустошил город и окрестности, он опустошит и землю, если его не остановить... Ларт Легиар остановил Черный Мор. Ларт Легиар, это было много десятилетий назад... Теперь некому. Теперь...

Декан застонал сквозь зубы. Выдохнул, отвернулся, отошел к окну.

— Но, господин декан, — прошептал Эгерт, едва справляясь с дрожью, — господин декан, вы великий маг... Вы защитите город и...

Луаян обернулся. Взгляд его заставил Эгерта прикусить язык.

— Я — историк, — сказал декан глухо. — Я — ученый... Но я никогда не был великим магом и никогда уже не стану им. Я так и остался учеником, подмастерьем... Я не великий маг! Не удивляйся, Тория... Не смотрите так жалобно, Солль! Мне подвластно только то, что мне подвластно; ум и знания делали меня хорошим магом — но не великим!

Некоторое время в кабинете стояла тишина; потом ближе и дальше, тише и громче одна за другой, подхватывая ужас друг друга, по городу завывали собаки.

Кто мог предположить, что в подвалах города ютится столько крыс.

Улицы кишели серо-бурыми спинами, собаки шарахались, слышав дробный топот лапок и шуршание сотен кожистых хвостов, метались, жались к дверям, скулили и выли до тех пор, пока рядом не грохал о стену тяжелый камень, пущенный чьей-то дрожащей и оттого не очень меткой рукой. Особо отважные мужчины выходили на улицы, вооружившись тяжелыми палками, и лупили, лупили, метя в розовые усаые морды с оскаленными желтыми зубами.

В тот день не торговали лавки и не работали мастерские; всеобщий страх висел над городом, как душный полог, и хозяевами на улицах были крысы. Забившись в дома с наглухо закрытыми ставнями, люди страшились говорить вслух — и у многих в тот день было чувство, что по улицам города, по щелям в дверях и ставнях бродит пристальный, холодный, изучающий взгляд.

Мор глядел на город еще два дня; на третий день он явился.

Тишина пустых улиц перестала быть тишиной. За несколько часов дыхание Мора распахнуло бесполезные двери и ставни, выпуская под небо плач, стоны, причитания; первые заболевшие уже наутро оказались первыми мертвыми, и те, кто подавал им воду, слегли, страдая от жажды и язв, без всякой надежды на спасение.

Карантинная застава у ворот продержалась недолго — люди, видевшие спасение в одном только бегстве, снесли ее, кидаясь на пики и мечи, рыдая, умоляя, запугивая; часть стражников подалась вслед за беглецами — и вскоре Мор навестил предместья, окрестные села, деревеньки, заброшенные хутора, и удивленные волки находили среди чиста поля легкую добычу, и сами же околевали в мучениях, потому что Мор не щадил и волков.

Повинуясь беспорядочным приказам бургомистра, стражники, оставшиеся верными долгу, вышли на улицы — закутавшись в многослойные балахоны из мешковины, вооруженные изогнутыми вилами, похожими на уродливые птичьи лапы, они мерно двигались от дома к дому, и высокие телеги с ребристыми деревянными боками стучали все тише, отягощенные множеством тел; на другой день трупы уже никто не собирал, целые дома превратились в склепы, ожидая, пока милосердная рука не бросит факел в открытое окно.

Башня Лаш закрылась от Мора густой пеленой благовонного дыма. Полчища людей, ожидавших спасения, день и ночь осаждали обитель Священного Привидения — однако окна и двери оказались замурованными изнутри, и даже тонкие щели, куда и лезвие ножа не помещалось, были тщательно

замазаны и закрыты. Непонятно было, откуда же поднимается дым — но люди вдыхали его в надежде, что сам резкий и терпкий запах его защитит их от смерти.

— Глупцы, — горько говорил декан Луаян, — глупцы... Они думают спрятаться и спастись, они надеются откуриться! Упрямый и злобный ребенок, поджигая дом, свято уверен, что его-то игрушек огонь не коснется... Окончание Времен... Для мира, но не для Лаш... Дураки. Злые дураки.

Первая волна Мора схлынула за три дня — оставшиеся в живых возмнили было, что отмечены особым счастьем и, возможно, пребывают под защитой Лаш. Погибшие улицы подверглись деловитым набегам мародеров — опустошая винные погреба и фамильные шкатулки соседей, предприимчивые отцы семейств хвалились добычей перед женами и детьми, а молодые парни дарили уцелевшим подружкам сорванные с мертвых рук браслеты; все они собирались долго жить — однако вторую свою трапезу Черный Мор начал с них и с их родичей.

Декан запретил студентам покидать университет — но силы его запрета оказалось недостаточно, чтобы удержать в толстых стенах молодых людей, у каждого из которых где-то в городе, в предместье или в отдаленном местечке остались родные и невесты. Поначалу студенты бросились к Луаяну за помощью и спасением — но тот заперся в кабинете и никого не желал видеть. Надежда юношей сменилась недоумением, потом озлоблением, потом отчаянием — они покидали университет один за другим, горько сетуя на магов, которые отстраняются от простых смертных как раз тогда, когда их помощь нужна более всего. Эгерт стискивал зубы, слыша проклятья в адрес декана, бросившего учеников на произвол судьбы; ему трудно было свыкнуться с мыслью, что Луаян не всемогущ, но еще труднее было осознавать, что поведение его выглядит как предательство.

Тории было не легче — впервые за всю жизнь отец переживал трудные времена не рядом с ней, а в одиночестве, и одно сознание этого оказалось для нее тяжелее всех бед эпидемии. Эгерт не отходил от нее ни на шаг; страх, неотвязный, как зубная боль, привычный страх за свою шкуру бледнел теперь перед одной мыслью о судьбе чудом обретенной Тории, ее отца, университета, города — и о судьбе Каваррена.

Каваррен далеко. Каваррен, может быть, благополучен; Каваррен успеет установить кордоны, ввести жестокий карантин, Каваррен защитит себя... Но в повторявшемся каждую ночь сне Эгерт видел одно и то же: воющих собак перед гостиницей «Благородный меч», дымы, тянувшиеся вдоль пустых улиц, горы трупов на набережной, запертые ворота с потускневшим от копоти гербом...

Декан сказал: Черный Мор опустошит землю, если его не остановить. На земле много сотен Каварренов; что для Мора какой-то маленький, хоть и древний и спесивый, городок?

Оставшиеся в университете студенты жались друг к другу, как овцы в покинутом стаде; о господине ректоре не было ни слуху ни духу, служитель сбежал, педагоги не являлись, и юноши, еще недавно считавшие себя солидными и учеными людьми, превратились в беспомощных мальчишек. В один из дней стены Большого Актового зала огласились самым настоящим плачем — навзрыд, как маленький, плакал на жесткой скамейке какой-то «вопрошающий», паренек из деревни, для которого первый год учебы обернулся кошмаром. Остальные прятали глаза, не решаясь взглянуть на бледные лица и трясущиеся губы товарищей, — и вот тогда-то рассвирепел, захлебнулся яростью Лис.

Никто и никогда не слышал от него таких хлестких речей. Он предлагал всем и каждому катушку, чтобы сматывать сопли, широкую мамину юбку, под которой так тепло прятаться, и ночной горшок на случай внезапной надобности. Он швырял с кафедры только что придуманные слова, обзывая сотоварищей вислогубцами, слизоносцами, паршивыми засранцами, ящичками для плевания и маменькиными импотентами. Плакавший паренек, последний раз всхлипнув, широко раскрыл рот и залился густой, как дамские румяна, багровой краской.

Дело закончилось попойкой. Лис сам себя назначил интендантом и раскупорил имевшиеся в университетском погребе многолетние запасы вина; пили тут же, в лекционном зале, пили, пели и вспоминали «Одноглазую муху». Лис хохотал, как бешеный, затеявая игру — все без исключения должны были честно рассказать о своем первом любовном опыте, а не имевшие такового — обязались восполнить упущенное на следующий же день; пьяные уже голоса перебивали друг друга, перемежаясь со взрывами истерического смеха. Эгерт смотрел на пирушку сверху, из круглого окошка, соединявшего зал с библиотекой, и до него доносилось нестройное: «Ай-яй-яй, не говори... Милый, не рассказывай... Ай, душа моя горит, а дверь скрипит, не смазана»...

Он вернулся к Тории и долго развлекал ее рассказами о былых проделках Лиса — кое-какие он видел, о кое-каких слышал, а некоторые придумывал тут же, по ходу истории; слушая его нарочито веселую болтовню, Тория сначала бледно улыбалась, потом, чтобы угодить ему, даже рассмеялась через силу.

После полуночи стихли крики в Актовом зале и уснула Тория; посидев рядом, поправив одеяло и осторожно поглажив воздух у самой ее головы, Эгерт отправился вниз.

Студенты спали вповалку — кто на лавке, кто на столе, кто просто на полу, сыром и холодном; Лиса не было нигде, Эгерт понял это с первого взгляда, и неизвестно почему, но сердце его сжалось.

Газтана не было и в комнате, и не висел на железном крюке его выдавший виды плащ; Эгерт долго стоял на университетском крыльце, вглядываясь в мутную ночь — в здании суда тускло светились окна, и покачивалась под дождем казенная кукла на круглой тумбе, и высилась Башня Лаш — немая, замурованная, как склеп, безучастная к умиравшему у ее ног роду.

Лис не вернулся и наутро; сгустившийся ночью туман не развеялся к полудню, а наоборот, застыл, как студень, — даже ветер завяз в его липких сырых космах. Двери деканова кабинета оставались плотно закрытыми, Тория бродила как потерянная между стеллажами в библиотеке, бормотала что-то в ответ собственным мыслям и по многу раз водила бархатной тряпочкой по корешкам, футлярам и золотым обрезам.

Солль не сказал ей, куда идет. Не хотел беспокоить.

Сырость и страх трясли его мелкой дрожью, когда, сжав зубы, он ступил на пустую площадь. Ни торгующих, ни гуляющих — глухая ватная тишина, серые силуэты домов и милосердный туман, покрывающий город, как простыня покрывает лицо покойника.

Эгерт сразу понял, что не отыщет Лиса. На пути его встречались мертвые тела — Солль отводил глаза, но взгляд его все равно находил то судорожно вытянутую, вцепившуюся в камень женскую руку, то устилавшие булыжник волосы, то щегольской сапог стражника, мокрый от осевших капелек тумана и потому сиявший, как на параде. К запаху разложения примешивался доносившийся откуда-то запах дыма; пройдя еще немного, Солль передернулся, ощутив в стоячем воздухе знакомый аромат горьковатых благовоний.

Башня Лаш, свершившая свое ужасное дело, продолжала потихоньку куриться. Эгерт приблизился, странно безучастный; у входа в Башню бился о каменную кладку совершенно седой мужчина в рабочем переднике:

— Откройте... Откройте... Открой...

Несколько человек, равнодушных, обессиленных, сидели рядом прямо на мостовой; красивая женщина в съехавшем на затылок чепце рассеянно гладила лежавшего у нее на коленях мертвого мальчика.

— Откройте! — надрывался седой. Кулаки его, совсем лишенные стертой о камень кожи, роняли на мостовую капли крови; рядом валялась напололам переломанная кирка.

— Молить надо, — шепотом сказал кто-то. — Молить... Привидение Лаш...

Седой человек в переднике в новом исступлении кинулся на замурованную дверь:

— Открой... А-а... Мерзавцы... Гробовщики... Открой... Не спрячетесь... Открой...

Эгерт повернулся и побрел прочь.

Лиса не найти, он пропал, сгинул где-то в чумном котле, никому не помочь, ничего не исправить, Эгерт тоже умрет. При одной этой мысли в душе его бесновался животный страх, — но сердцем и разумом он ясно понимал, что главное дело отпущенной ему куцей жизни — Тория. Последние дни ее не должны быть омрачены ужасом и тоской, он, Эгерт, не позволит себе роскошь умереть первым — только убедившись, что Тории больше ничего не угрожает, он сможет закрыть глаза.

Завидев впереди на мостовой скорчившееся тело, Эгерт хотел обойти его как можно дальше — но человек пошевелился, и Солль услышал слабое царапанье железа о камень. Под боком у лежавшего примостилась шпага; Эгерт разглядел капли влаги на дорогих ножнах, на тяжелом эфесе с вензелем, на расшитой самоцветами перевязи. Потом он перевел взгляд на лицо лежащего.

Карвер молчал; грудь его ходила ходуном, хватая сырой воздух, губы заплеслись, а веки распухли. Одна рука в тонкой перчатке цеплялась за камни мостовой, другая сжимала рукоятку шпаги, будто оружие могло защитить своего хозяина и перед лицом Мора. Не отрываясь, Карвер смотрел Эгерту в глаза.

Приглушенное туманом, издали донеслось захлебывавшееся лошадиное ржание.

Карвер судорожно вздохнул. Губы его дернулись, и Эгерт услышал тихое, как шорох осыпавшегося песка:

— Солль...

Эгерт молчал, потому что говорить было нечего.

— Солль... Каваррен... Что теперь с Каварреном?

В голосе Карвера скользнула такая тонкая, такая умоляющая нотка, что Эгерту на мгновение вспомнился тот нерешительный тонкогубый мальчик, каким был двенадцать лет назад приятель его детства.

— Каваррена... Это... Эта смерть... Не достигнет?

— Конечно, нет, — сказал Эгерт уверенно. — Слишком далеко... И потом ведь есть карантинные заставы, патрули...

Карвер передохнул, кажется, с облегчением. Запрокинул голову, прикрыл глаза; прошептал с полуулыбкой:

— Песок... Ямы, следы... Холодная... вода. Смеялись...

Эгерт молчал, приняв случайные слова за бред. Карвер не отрывал от него странного, из-под тяжелых век рассеянного взгляда:

— Песок... Кава... Помнишь?

Солль увидел на секунду залитый солнцем берег, желтый с белым, как покрытая глазурью бисквитная булка, зеленые островки травы, компанию мальчишек, вздымавших к небу фонтаны брызг...

— Ты мне... вечно глаза засыпал песком. Помнишь?

Он изо всех сил пытался призвать такое воспоминание — но перед глазами у него была только мокрая, лоснившаяся от влаги мостовая. Было ли?.. Да... было. Карвер тогда не жаловался — он покорно промывал полные песка, воспаленные, закрывшиеся глаза.

— Я не хотел, — сказал зачем-то Эгерт.

— Хотел, — возразил Карвер тихо.

Они долго молчали, и туман не желал расходиться, и отовсюду тянуло дымом, и гнилью, и подступающей смертью.

— Каваррен... — прошептал Карвер едва слышно.

— С ним ничего не случится, — отозвался Эгерт.

Тогда, испытующе глядя на него, Карвер попытался приподняться на локте:

— Ты... уверен?

Перед глазами Солля поблескивала речная гладь, вспыхивали и гасли солнечные искры на воде, и, подрагивая, отражались зеленые кроны, каварренские крыши, башни, флюгера...

Зная, что врет, он улыбнулся широко и спокойно:

— Конечно, уверен. Каваррен в безопасности.

Карвер глубоко вздохнул, опускаясь обратно на мостовую, глаза его наполовину прикрылись:

— Слава... небу...

Больше никто не слышал от него ни слова.

Туман разошелся, и представшая Соллеву взору площадь походила на поле боя. Здесь хватило бы пищи для тысяч ворон — однако ни одной птицы не было в городе, никто не тревожил мертвых, будто повинувшись запрету.

Впрочем, нет. Эгерт оглянулся — от трупа к трупу перебегал, согнувшись, парнишка лет восемнадцати, невысокий, шуплый, с холщовым мешком через плечо. В такие мешки нищие собирают подаяние — Эгерт догадался, что собирал в свою сумку парнишка. Склонившись над трупом, он ловко выуживал у мертвого кошелек, либо табакерку, либо случайно подвернувшееся украшение; с кольцами была морока — они не желали соскальзывать с раздувшихся пальцев, парнишка сопел, опасливо поглядывая на Эгерта, — однако продолжал свое дело, елозил по мертвым рукам заранее припасенным обмылком.

Солль хотел крикнуть, но страх оказался сильнее ярости и отвращения; поплеывая на свой обмылок, мародер обогнул

Эгерта по широкой дуге — и присел от резкого, пронзительного свиста.

Эгерт, обмерев, смотрел, как парень бросился бежать, как на самом краю площади его настигли две плечистых фигуры, одна вроде бы в бело-красном одеянии стражника, другая в чем-то черном, неряшливо обвисшем; парнишка вскрикнул, как заяц, метнулся, забился в чужих руках, стянул с себя мешок, будто откупаясь... Эгерт не хотел смотреть — и смотрел, как человек в одежде стражника лупит парня по голове его же мешком; потом послышалось надрывное, долетевшее через всю площадь:

— Не-ет! Я не... Оно же никому не надо! Оно же не надо никому! Мертвецам-то не надо... О-ой!

Превратившись в нечленораздельный визг, крик захлебнулся; на уличном фонаре закачалось щуплое тело с холщовым мешком на груди.

Поздним вечером вернулся Лис. Эгерт, чья интуиция в те дни обострилась, как жало, встретил его первым.

Гаэтан стоял у входа, на каменном университетском крыльце, стоял, обнимая за плечи деревянную обезьяну; треугольная шапочка, измятая и потерявшая форму, съехала ему на лоб. Он был, конечно, в стельку пьян — Эгерт, испытавший колоссальное облегчение, хотел увести его с холода и уложить в постель. Услышав за спиной Соллевы шаги, Лис вздрогнул и обернулся. Свет фонаря над входом упал ему на лицо — Гаэтан был трезв, трезв, как в день экзамена, но глаза цвета меда казались сейчас темными, почти черными:

— Солль?!

Эгерт не понял, что так напугало его друга; снова шагнул вперед, протянул руку:

— Идем...

Гаэтан отшатнулся. Взгляд его заставил Эгерта замереть; ни разу за долгое знакомство он не видел в глазах приятеля такого странного выражения. Что это — ненависть? Презрение?

— Лис... — пробормотал он смущенно.

— Не подходи ко мне, — отозвался Гаэтан глухо. — Не подходи... Эгерт. Не подходи, прошу... Уйди. Возвращайся, — он пошатнулся, и Солль понял вдруг, что трезвый Гаэтан едва стоит на ногах — его тянет к земле, его тянет в землю.

Он понял, что за выражение застыло в глазах Лиса. То был страх надвигавшейся смерти — и страх увлечь за собой другого человека, друга, Солля.

— Гаэтан! — простонал Эгерт сквозь зубы. Тот крепче обнял обезьяну:

— Ничего... Знаешь, Фарри вчера умерла. Помнишь Фарри?

— Гаэтан...

— Возвращайся. Я пойду... понемногу. Доберусь... до «Одноглазой мухи». Если хозяин жив... он нальет мне. В долг, — Лис засмеялся, с трудом протянул руку и, едва дотянувшись, ласково потрепал обезьяну по лоснившемуся деревянному заду.

Эгерт стоял на ступенях и смотрел ему вслед. Лис шел покачиваясь, иногда падая, как не раз случалось ему возвращаться с попойки; шапочка с серебряной бахромой лежала, как последний подарок, у ног деревянной обезьяны. Над городом нависало покрытое тучами, безглазое небо, а над площадью нависала укрытая дымом, молчаливая, замурованная Башня Лаш.

* * *

Целый день и длинную ночь они метались, как две рыбы, на дне черно-красного раскаленного океана.

Приходя в себя, Тория чувствовала отголоски стыда: никогда в жизни она не могла вообразить, что внутри ее способен поместиться тот жадный, ненасытный, не знавший усталости зверь, готовый сорвать с себя не только одежду — кожу. Смутившись, она некоторое время не решалась взглянуть на лежавшего рядом Эгерта, не смела коснуться его кожи даже дыханием — но, оживая, горячий зверь скручивал все ее представления о достоинстве и приличиях, и, одержимая страстью, она отвечала на такую же алчную, не знавшую усталости страсть Солля.

Небо, неужели это бывает со всяким, но тогда жизнь совсем другая, нежели Тория могла о ней подумать, тогда силы, управляющие человеком, выходят за границы всех ее представлений, тогда понятно, что за темный чад морочил ее мать... Мать?! Но почему же темный, почему чад, это же счастье, это радость, Эгерт, Эгерт, можно умереть глубокой старухой, так и не узнав о мире правды... Но, может быть, это не правда вовсе, а наваждение, бред, обман?

Охрипнув от стонов, не вытирая катившихся по щекам слез, она на время расслаблялась, затихала, свернувшись между обнимавшими ее руками Солля, будто в надежной и теплой норе. Закрыв глаза, она лениво перебирала какие-то обрывочные, случайные образы, и время от времени в веренице их ей являлись ясные, несомненные истины.

Истина в том, что, став женой Динара, она никогда бы не познала иной любви, кроме дружеской, братской. Истина в том, что гибель Динара сделала ее счастливой — небо, это чудовищно, это невозможно, Динар, прости!.. Тория принималась тихонько плакать без слез, Солль во сне обнимал ее сильнее, и, забываясь, она видела Динара рядом, сидевшим, по обыкновению, в кресле напротив. Тихий, серьезный, он смот-

рел на Торию без укоризны, но и без снисхождения, будто желая сказать: что свершилось, того не вернуть, не плачь, он так тебя любит...

Потом воспоминания о Динаре гасли, терялись в череде прочих, Тория думала о матери, замерзшей в холодном сугробе, и об отце, навечно отягощенном чувством вины. А в чем вина женщины, чьи страсти перехлестывали через саму личность ее, как волны перекачиваются через палубу утлого суденышка? И если правда, что Тория обликом повторяет свою мать, не унаследовала ли она и страстей?

Впрочем, теперь все равно. Теперь все они стоят на пороге смерти, на пороге, за который уже ступил Динар. Она рядом с Эгертом, их двое, даже если они не доживут до своей свадьбы, — а отец один, один в своем кабинете, если ей и страшно, то только за отца... Неужели она предала его своим счастьем, неужели она оставила его, неужели...

Тория плакала снова — Солль целовал мокрые глаза, бормотал что-то ласковое, не разобрать было ни слова, это и хорошо, не надо слов...

Потом она заснула крепче — и увидела зеленую гору.

Гора покрыта была, как шерсткой, короткой мягкой травой, она высилась, занимая полнеба, а вторая половина неба густо синела, Тория вспомнила, такой синей краской выкрашены были окна их дома... А гора была изумрудная на синем, Тория сопела, взбираясь все выше, а взбираться стоило, потому что на самой вершине стояла ее мать в ослепительно белой косынке, смеялась и протягивала на ладонях алую пригоршню клубники, первой клубники, и до той зимы еще полгода, еще полгода, еще есть время...

Она проснулась оттого, что Эгерт, застонав во сне, сильно сжал ее плечо.

* * *

В предутренний час они спали оба, спали спокойно, глубоко, без сновидений, и потому не могли слышать, как, тихонько скрипнув, отворилась дверь деканова кабинета — дверь, уже много дней запертая изнутри. В глубине темной комнаты догорали огоньки свечей, и невыносимо душным, дымным, густым был воздух, ринувшийся на волю. На столе, на полу, на всех полках лежали книги — раскрытые, распластанные, беспомощные, как выброшенные на берег медузы; злобно скалилось чучело крысы, закованное в цепи, покрылся пылью стеклянный глобус с огарком внутри, но стальное крыло простиралось все так же уверенно и мощно, и под сенью его, на рабочем столе декана, поблескивал чистым, неприкосновенным золотом Амулет Прорицателя.

Декан долго стоял на пороге, опершись о дверной косяк. Потом выпрямился и плотно прикрыл за собой дверь.

Коридоры университета были знакомы ему до последней трещинки в сводчатом потолке; он шел и слушал звук своих шагов, метавшийся по пустым переходам. Перед комнатой дочери он остановился, прижавшись щекой к створке тяжелой двери.

Теперь они счастливы. Декану не нужно было открывать дверь, чтобы увидеть в мутном утреннем свете две головы на одной подушке, переплетения рук, волос, колен и бедер, переплетения струек дыхания, снов, судеб... Казалось, что там, в комнате, сладко спит одно счастливое, умиротворенное, усталое существо, ничего не знающее о смерти.

Декан рассеянно погладил створку двери. Старое дерево казалось теплым, будто кожа живого существа. Постояв еще немного и так и не решившись войти, Луаян двинулся дальше.

Бессчетное количество раз ему случалось выходить на университетское крыльцо и останавливаться между железной змеей, олицетворением мудрости, и деревянной обезьяной, символизирующей стремление к знанию. На людной прежде площади теперь встречали рассвет неубранные трупы, над ними высилось, как проклятье, закопченное дымом обиталище Лаш, а за спиной у декана молчал университет, странно беззащитный перед лицом победно взиравшей на него Башни.

Мор опустошит землю, если его не остановить. Луаяну было четырнадцать лет, когда в опустевший дом его явился Ларт Легиар, находившийся на вершине своего величия; Луаян знал о нем многое, но спросить решился об одном только: правда, что вы остановили чуму?

Десятилетия назад Черный Мор пожирал целые города далеко отсюда, на побережье, и море вышло из берегов от переполнявших его трупов. Луаян смутно помнит языки пламени, бегавшие по лицам неподвижных людей, чью-то ладонь, закрывавшую ему глаза, тяжесть мешковины, наброшенной на голову и плечи, отдаленный вой, не то волчий, не то женский... Тот Мор лишил Луаяна дома, родителей, памяти о прошлом; тот Мор пощадил его, оборвавшись внезапно, как гнилой канат, пощадил, и, круглый сирота, он вышел на дорогу в толпе других сирот, и бродил, пока милосердный случай либо жестокая судьба не привела его в дом Орлана...

Потом он узнал, что Мор никогда не уходит сам. В тот раз его остановил великий маг по имени Ларт Легиар...

Луаян поднял лицо к серому непроницаемому небу. За всю долгую жизнь он так и не достиг величия.

Он оглянулся на университет, на Башню; привычным жестом потер переносицу. Небо, каким сильным он казался сам

себе в четырнадцать лет — и как он на самом деле слаб. Каким жарким был мир тогда, в предгорьях, как палило солнце, как раскалялись камни, каким темным, обветренным было лицо Орлана...

Сорвался мокрый, мелкий, как крупа, снег.

Город онемел от ужаса, оцепенел, и все еще живое забилося в глубокие щели, и только мертвецы ничего уже не боялись — Луаян шел, не отводя глаз. Разграбленная лавка хлопала дверью, висевшей на одной петле; хозяин ее, давно умерший и потому безучастный к разорению, привалился к порогу и косился на прохожего одним высохшим глазом — на месте другого копошился клубок червей. Луаян шел дальше; в широко открытом проеме катался на качелях мальчишка — два конца толстой веревки привязаны были к верхней балке двери, мальчишка держался за них руками, самозабвенно раскачиваясь, помогая себе невнятным бормотанием, то влетая в темноту пустого дома, то вылетая наружу, проносясь над глядевшей в небо мертвой женщиной в темном платке; рядом стояла кроличья клетка, и кролик, живой и истощенный, проводил Луаяна взглядом. Мальчишке было не до того — он ни разу даже не взглянул в сторону прохожего.

Чем ближе к городским воротам, тем больше попадалось сгоревших и полусгоревших домов — черные, будто облаченные в траур, они глядели на Луаяна квадратами окон, и на одном подоконнике он увидел закопченный цветочный горшок со скорчившимися мертвыми прутиками.

Отовсюду тянуло дымом, смрадом, разложением; он шел, перешагивая через тела, обходя завалившиеся набок экипажи, узлы с покинутым скарбом, телеги, груды мешков и трупы животных. Вода узкого канала за ночь затянулась тонкой пленкой льда, и сквозь лед на Луаяна глянуло со дна чье-то желтое безгубое лицо.

Иногда, слышав шаги, из темных щелей выглядывали быстрые живые глаза — и тут же прятались, Луаян не успевал встретиться с ними взглядом. Зато мертвые глаз не прятали — и он честно смотрел им в ответ, так ни разу и не отвернувшись, будто не зная ни страха, ни отвращения.

Ларт Легиар был великим магом. Орлан был великим магом — а он, Луаян, всего лишь ученый, он слаб, небо, как же он слаб...

Он сбился с пути, заблудившись на знакомых улицах, и дважды вернулся в одно место. На жестяной бороде — вывеске цирюльни — покачивался повешенный мародер. Надсадно скрипел вывернувшийся из гнезда флюгер.

Ларт тогда звал его с собой... Мальчику стоило, пожалуй, шагнуть навстречу своей судьбе, а теперь он сед, он стар, безнадежно стар...

Со скрипом качнулась створка ворот. Там, за воротами, кто-то пошевелился; Луаян остановился, пригляделся, подошел.

В холодной луже умирал мужчина, когда-то молодой и сильный, а теперь страшный, как полуразложившийся мертвец; извиваясь, он пытался напиться талой воды, хлебал, кашлял, косился на Луаяна — и пытался снова, и запекшиеся губы ловили каждую мутную каплю, достававшуюся тяжким трудом.

Сам не зная зачем, Луаян склонился над ним — и отшатнулся, впервые отшатнулся за весь свой сегодняшний путь.

Мор явился ему, открывшись глазам, обретя лицо и форму; умиравший человек был окутан, опутан, обласкан отвратительными черными пальцами, они нежили его, потирали и поглаживали, и движения их подчинялись тому сложному порядку, которому подчиняются многочисленные ноги паука, обхаживающего муху.

Луаян попятился, отходя прочь; двор и улица, каждый дом полны были Мора, черных сгустков и подергивавшихся отростков, из каждой щели смотрели белесые глаза, полные тянущей, гнойной, застывшей ненависти — равнодушной и одновременно алчной, ненасытной. Черные пальцы холили мертвецов, ощупывали перекошенные лица, залезали в полуоткрытые рты, бесстыдно изучали распростертые тела мужчин и женщин, Луаяну казалось, что он слышит шорох раздвигаемой одежды и оглаживаемой кожи, что воздух вокруг сгущается, наливаясь всепобеждающим желанием смерти и жадой убивать...

Покачиваясь, как пьяный, он добрался до городских ворот. Мертвецы лежали здесь грудой, и над ними колыхались, как трава, черные пальцы Мора.

Ворота, тяжелые городские ворота оказались выломанными, снесенными с петель; за ними виднелись дорога и поле, ровные, унылые, и то здесь, то там шевелились под ветром бесформенные кучи тряпья.

Луаян повернулся к городу лицом.

Светлое небо... Орлан, учитель мой, помоги мне. Ларт Легиар, тебе удалось однажды, я сберег твой медальон, помоги мне... Скиталец, где бы ты ни был, кто бы ты ни был, но если можешь — помоги мне, вы же видите сами... как я слаб.

Он закрыл глаза. Потом вскинул голову, воздел руки и посмотрел на город — обиталище Черного Мора.

...Почему так жарко? Но ведь полдень, солнце в зените, и камни кажутся белыми, как сахар... А из колодца тянет прохладой, и там, во влажной сумрачной глубине, живет еще один мальчик — тот, что отражается в круглом зеркале воды. Ох, как заломит зубы от первого глотка, а ведро уже плюхает-

ся о воду всем своим жестяным телом, и звук этот усиливает жажду...

(ВЛАСТЬЮ, ДАННОЙ МНЕ, ВЕЛЮ И ПРИЗЫВАЮ, ВЫРЫВАЮ ИЗ ЖИВЫХ, ВЫРЫВАЮ ИЗ МЕРТВЫХ, ИЗ РАЗИНУТЫХ РТОВ, ИЗ ПУСТЫХ ГЛАЗНИЦ, ИЗ НОЗДРЕЙ, ИЗ ВЕН, ИЗ МЯСА И ТКАНЕЙ, ИЗ КОСТЕЙ, ИЗ ВОЛОС... ВЫРЫВАЮ, КАК ВЫРЫВАЮТ КОРНЕВИЩЕ, КАК СКОБУ, КАК УГНЕЗДИВШУЮСЯ В ПЛОТИ СТРЕЛУ, ВЛАСТЬЮ, ДАННОЙ МНЕ, ПРИКАЗЫВАЮ...)

...Ведро тонет, погружаясь все глубже, наполняет водой свое чуть проржавевшее нутро, и вот уже можно тянуть, но ворот такой тяжелый... Никогда он не был таким, отнимаются руки, сами собой сжимаются зубы, а ведро едва оторвалось от воды, и звонко падают роняемые им капли...

(ПРИКАЗЫВАЮ И ПРИЗЫВАЮ, ИЗГОНЯЮ С УЛИЦ, ИЗГОНЯЮ ИЗ ВОДЫ, ИЗГОНЯЮ ИЗ ВЕТРА, ИЗ ОЧАГОВ, ИЗ ДЫР, ИЗ ЩЕЛЕЙ... ХВАТИТ. ВЛАСТЬЮ, ДАННОЙ МНЕ, КЛАДУ ТЕБЕ ПРЕДЕЛ...)

...И вот ведро все выше, но хватит ли сил, а солнце палит, и так хочется напиться... Ведро тяжело качается, и звук падающих капель становится все тоньше...

Белесые глаза, лоснящиеся пальцы, ласкающие мертвецов. Темный, шевелящийся клубок, сгусток. Разрытый холм.

...Пить, я хочу пить, небо, не позволь моим рукам выпустить ворот, не позволь ведру оборваться, я так устал...

(ЗАГОНЯЮ ТЕБЯ, ОТКУДА ПРИШЕЛ. ЗАГОНЯЮ ВГЛУБЬ, В РАЗРЫТЫЕ НЕДРА, КУДА НЕ ДОСТАНЕТ НИ ЗАСТУП, НИ ЧУЖАЯ ВОЛЯ. ЗАГОНЯЮ, ЗАКЛИНАЮ, ЗАМЫКАЮ. НЕТ ТЕБЕ МЕСТА НА ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ, НЕТ ТВОЕЙ ВЛАСТИ НАД ЖИВЫМИ. ЗАКРЫВАЮ СОБОЙ И ОСТАЮСЬ СТРАЖЕМ. НАВЕЧНО...)

...Какие горячие камни, какая буйная трава, и в ушах звенит от голоса цикад... А вода, оказывается, сладкая. Сладкая и густая, как мед, и течет по подбородку, по груди, по ногам, проливается на растрескавшуюся землю... И солнце в зените... Солнце.

Вечером, когда все живое в городе робко завозилось, выглядывая из нор и спрашивая себя, надолго ли поблажка, когда больным стало настолько легче, что любящие их сиделки с ввалившимися глазами дали наконец волю слезам, когда невесть откуда явились собаки, когда над улицами захлопали крыльями вороны, запоздало летающиеся на пир, — тогда Эгерт и Тория с декановым фонарем нашли его.

Луаян лежал на вершине разрытого кургана, будто накрытая его своим телом. Эгерт посмотрел ему в лицо — и не дал Тории даже взглянуть.

...А на следующий день вернулся мороз, и надо было спешить, пока земля не промерзла.

Эгерт и Тория похоронили Луаяна на холме, неподалеку от могилы Первого Прорицателя; Эгерт хотел оставить ему и золотой медальон, но Тория, в один день разучившаяся плакать, остановила его: оставлять Амулет в могиле — значит тревожить могилу... Вдвоем они свершили над телом все полагавшиеся обряды, и никто не помешал им, хотя бургомистр, неведь откуда явившийся уцелевший бургомистр строго-на-строго повелел хоронить все жертвы Мора в одном только месте — в разрытом кургане.

Тория, которой невольно было сразу поверить в свою утрату, не смогла войти в отцовский кабинет — вошел Эгерт. Среди раскрытых книг и догоревших свечей в полном порядке оказалась только деканова рукопись, тяжелая, объемистая, так и не законченная рукопись, к которой прилагался четкий перечень готовых разделов, фрагментов и набросков, а с ним и подробные планы еще не написанных глав. Ни письма, ни записки — только рукопись, словно завещание, и Амулет Прорицателя, будто наследство.

Выслушав Соля, Тория попыталась улыбнуться:

— Он... стал-таки великим магом. Да? В этой рукописи... теперь... должна быть глава... Правда? Надо... Закончить...

И сразу, без перехода:

— Эгерт, поклянись, что ты никогда не умрешь.

Город не сразу поверил своему счастью. Похоронные команды спешно предавали погибших земле, больные возвращались к жизни; потери были велики, но и уцелевших оказалось немало — все еще прячась по щелям, они опасливо переспрашивали друг у друга: что же с временами, окончились они или нет?

Миновал день без новых жертв, потом еще день, потом еще; обреченные уже люди поднимались на ноги, и за целую неделю в городе не умерло ни одного человека. Живых и мертвых разделили горы земли, свезенной к разрытому холму — в те дни он стал выше, начиненный сотнями тел. Улицы, освобожденные от трупов, оставались разоренными и страшными — но оставшиеся в живых горожане уже догадались, что Мор миновал окончательно.

Еще не все погибшие перекочевали из пустых домов и переулков в предназначенный всем им ров, когда город взорвался фейерверком.

Никто из тех, кто вывалил тогда на улицы и площади, не знал еще подобных праздников. Незнакомые люди обнима-

лись и плакали друг у друга на плечах, плакали от радости внезапно подаренной жизни, той сладкой жизни, с которой многие уж было распростились. Вчерашние смертники, они пьели от одного только сознания, что завтра будет новый день, а за ним еще, и придет весна, и родятся дети... Смеющиеся женщины в растерзанной одежде радостно давали насладиться своей любовью — а любили они всех на свете, даже калек, и нищих, и бродяг, и стражников, юнцов и стариков. Четырнадцатилетние мальчишки становились мужчинами прямо на улице, а потом их счастливые избранницы, заливисто хохоча, терялись в толпе. Неистовый, сумасшедший праздник обезумевших от счастья людей обернулся еще несколькими смертями — кто-то утонул в канале, кого-то задавили в толпе; смерти прошли незамеченными, потому что в те дни на улицах города верили в бессмертие.

Башня Лаш безучастно взирала на безумную пляску выживших — двери ее и окна по-прежнему были замурованы, и ни один дымок не поднимался над остроконечной крышей. Истерическое веселье утихло понемногу, и вот тогда по городу поползли слухи.

Окончание Времен — будет или уже нет? Откуда явился Мор, зачем он явился, почему ушел? Что скрывают замурованные двери обиталища Лаш? Почему плащеносцы не разделили общую судьбу, скрывшись за стенами, и что будет теперь? Люди перешептывались, поглядывая на Башню кто опасливо, кто злобно — ведь невесть откуда донеслись голоса, утверждавшие, что именно служители Лаш накликали беду. Поговаривали даже, что это они наслали на город Мор, а сами спрятались за прочными стенами; говорили, что великий маг, бывший деканом в университете, пропал неизвестно куда в самый день окончания Мора и что теперь его дочь обвиняет во всех смертях плащеносцев. Горожане волновались, переглядывались, не верили; Башня не спешила опровергнуть будоражившие город слухи, и обращенные к ней взгляды становились все угрюмее. Уже готовился, вопреки увещаниям бургомистра, приступ с ломами и кирками — когда в один из дней каменная кладка дверей рухнула, пробитая изнутри.

Эгерт, который в тот момент оказался в библиотеке, перевернулся, ощутив глухой тяжелый удар о дрогнувшую землю. Из окна ему отлично видно было, как толпа, окружавшая башню, подалась назад, будто отброшенная порывом ветра.

В черном проломе стояла невысокая серая фигура с белой, как луна, всклокоченной головой.

...Из всех воинов Лаш в живых осталось меньше половины. Тела погибших плащеносцев лежали перед Башней, лежали длинными рядами, и широкие капюшоны укрывали мертвые лица до подбородка. Живые служители стояли так же не-

подвижно, и капюшоны так же падали им на лица, и ветер с одинаковой ленцой теребил одеяния тех и других.

Эгерт не слышал, что говорил Магистр, — страх помешал ему приблизиться. Толпа молча внимала; в переливах Магистрового голоса, в самых патетических местах его речи ухо Солля улавливало короткое «Лаш!», и тогда люди вздрагивали, невольно опуская головы. Потом Магистр замолк, и толпа разбрелась — покорная, притихшая, будто погруженная в разгадывание заданной Магистром загадки.

Прошло несколько недель; оставшиеся в живых студенты радовались, встречаясь на пороге университета, но после бурных объятий и приветствий обычно следовало неловкое молчание: расспрашивая о судьбе друзей, легко было получить самое печальное из всех возможных известий. Университет, как бы то ни было, оживал; весть о смерти декана передавалась шепотом, и многие вздрагивали, слышав ее, а многие и тосковали, и потому тянулись к Тории, желая разделить ее горе.

Господин ректор выразил Тории соболезнование — та приняла его со сдержанным достоинством. Кабинет отца стал ее кабинетом, и она проводила долгие часы под стальным крылом, разбирая бумаги Луаяна и в особенности — рукопись; Амулет Прорицателя по просьбе Эгерта был спрятан в месте, известном ей одной: Солль не хотел знать тайну, и Тория, покусав губу, уважила это его желание.

Встретив Торию в коридоре, студенты приветствовали ее почти с таким же почтением, как прежде декана. Эгерт следовал за ней неотступно, и все уже знали, что сразу по истечении срока траура он станет ей мужем. Никому не пришло в голову удивляться выбору Тории — за Эгертом молча признали право на исключительность.

В один из дней наследница Луаяна собрала студентов в Большом Актовом зале. Спустя час университет превратился в кипящий котел, ибо Тория, впервые поднявшись на кафедру, спокойно и просто поведала всем правду о преступлении слугителей Лаш.

Страсти накалялись и накалялись, кто-то призывал выходить на улицы, кто-то звал громить Лаш, кто-то вспомнил Лиса: прав был, бедняга, не любил плащеносцев, уж он бы показал им теперь! Господин ректор, побледневший до самой лысины, едва сумел удержать подопечных от бунта.

Тория призвана была в ректорский кабинет, и беседа длилась долго. Эгерт видел, каким растерянным казался ректор, когда, стоя на пороге кабинета, качал вслед Тории лысой головой:

— Не думаю... Не думаю, дитя мое, что рассказанное вами

подлежит огласке... И потом, доказательств ведь нет, а... Не думаю... Воздержитесь, прошу вас, от преждевременного... Не стоит. Вот так...

Ректор говорил и говорил, а Тория уже уходила, держа голову непривычно низко.

— Он боится, — с горечью сказала она, закрывая за собой и Эгертом двери отцовского кабинета. — Не хочет... Не верит в конце концов. Думает, что я обезумела от горя... А в городе теперь считают, что это служители Лаш остановили Окончание Времен неустанными обрядами, ритуалами и молениями своему Привидению... Уже собирают деньги на новый памятник Лаш — каково?

— Не понимаю, — сказал Эгерт беспомощно, — столько трупов среди их же воинства... На что они надеялись?

Тория мрачно усмехнулась:

— Помнишь, что говорил отец? «Злобный ребенок, поджигающий дом, свято уверен, что его-то игрушек огонь не коснется...»

Неожиданно для себя она осеклась, будто горло ее сдавила цепкая птичья лапа. Воспоминание об отце оказалось непосильным; отвернувшись от Эгерта, она долго молчала, и подрагивавшая ладонь ее бездумно гладила страницы раскрытой рукописи.

Эгерт едва удержался, чтобы не броситься к ней с утешениями — сейчас они были бы неуместны. Он просто молча смотрел, и вместе с жалостью к горевавшей Тории и привычным страхом за свою шкуру в душе его нарастало иное, более сильное, пожалуй, чувство.

— Тор, — сказал он наконец так осторожно, как только мог, — я знаю, то, что я скажу, тебе не понравится... Но я просто повторю тебе слова нашего ректора: не стоит... связываться с Лаш. Вот и все, теперь можешь ругать меня...

Она медленно обернулась. Губы ее, стиснутые в ниточку, побелели, а взгляд сузившихся глаз заставил Эгерта отшатнуться.

Он хотел объяснить, что движет им не просто страх, что память Луаяна дорога ему так же, как и Тории, что убийцы ненавистны ему не меньше, но что орден Лаш полон безумцев и ни перед чем не остановится, и, затеяв с ним войну, Тория становится на лезвие бритвы, а для него, Солля, нет в мире ничего дороже ее жизни... Однако Тория молчала, в глазах ее стоял холодный упрек, и под этим взглядом Солль никак не мог собрать в связную речь все свои мятущиеся мысли.

— Я не стану ругать тебя, — проговорила она так отчужденно, что Эгерт испугался. — За тебя говорит заклятие... Но с каких пор его трусливый голос стал так похож на твой собственный?

Зависла пауза, долгая, мучительная, и Эгерту вспомнился тот день, когда тяжелая книга в руках Тории разбила ему лицо.

— Я так надеялась на ректора, — сказала наконец Тория, и голос ее дрогнул. — Поддержки одних только студентов... мало... Хотя... — она о чем-то задумалась и продолжала не сразу: — Хотя я найду... поддержку... но неужели не у тебя?!

Эгерту захотелось стать перед ней на колени; вместо этого он подошел и сказал прямо в безжалостные сухие глаза:

— Думай обо мне что хочешь. Считай меня кем хочешь, но заклятье тут ни при чем, никто не заклинал меня бояться... за тебя!.. А я... — и снова он запнулся, хотя так надо было сказать о том, как страшна и нелепа сама мысль потерять ее, потерять сейчас, когда они остались вдвоем посреди враждебного мира, и как больно сознавать, что он не в состоянии защитить самое дорогое, самое любимое, что у него есть. Все это необходимо было облечь в слова — но его жалкие усилия оказались тщетны.

Она отвернулась, так и не дождавшись. Глядя на ее неестественно прямую спину, он в страхе понял, что между ними проползла трещина, что этот разговор может не забыться никогда, что надо спасать Торию и спасать себя, — он понял это и по-прежнему молчал, потому что она права, потому что он трус, не мужчина и потому не равня ей...

В коридоре послышались шаги — не обычные, размеренные, а непривычно громкие, торопливые; Эгерт услышал сбивчивый голос господина ректора и удивленно поднял голову. Тория медленно обернулась; в дверь постучали — сначала дробно, испуганно, а потом резко и требовательно, даже грубо, — Солль был уверен, что за все время своего существования дверь деканова кабинета не знала подобного обращения.

Тория холодно подняла брови:

— В чем дело?

— Именем закона! — сухо донеслось из-за двери, и сразу же задребезжал голос ректора, взволнованный и сбивчивый:

— Господа, это какое-то недоразумение... Это храм науки, сюда нельзя с оружием, господа!

Дверь затряслась под новыми ударами, и с каждым из них душа Эгерта уходила все дальше в пятки — он стиснул зубы, молясь про себя: небо, помоги мне хоть сейчас держать себя достойно!

Тория презрительно усмехнулась. Откинула запиравший двери крюк и встала на пороге — проклиная себя, Солль не удержался и отступил в темный угол. Невидимый снаружи, он разглядел из-за спины Тории красно-белые мундиры, бледную лысину ректора, толпу взволнованных студентов и скуластое, спокойное лицо офицера с зажатой в руке стилизован-

ной плетью — знаком того, что в настоящий момент он выполняет волю властей.

— Это кабинет моего отца, — сказала Тория все так же холодно. — Никому не позволено ломиться в эту дверь, и никто не войдет сюда без моего согласия... Что угодно господам?

Офицер поднял свою плетъ:

— Таким образом, вы подтверждаете, что вы — дочь декана Луаяна?

— Я повторю это тысячу раз и тысячу раз испытаю гордость.

Офицер кивнул, будто бы ответ Тории доставил ему удовольствие:

— В таком случае мы приглашаем госпожу следовать за нами.

Эгерт чувствовал, как по спине его катятся струйки холодного пота. Почему всегда самое страшное, самое невероятное, уместное разве что в ночных кошмарах, почему в его жизни это всегда случается на самом деле?!

Тория между тем вскинула голову еще выше — хоть это, казалось, было уже невозможным:

— Приглашаете? С какой стати, и что, если я откажусь?

Офицер снова кивнул и снова удовлетворенно, будто бы только и ждал подобного вопроса:

— Мы действуем по приказу господина судьи, — в подтверждение своих слов он потряс своей стилизованной плетью, — и уполномочены принудить госпожу, если она откажется следовать за нами добровольно.

И тогда Эгерту невыносимо захотелось, чтобы Тория оглянулась на него.

Чего, казалось бы, проще — оглянуться в поисках помощи, поддержки, защиты... Но он с самого начала знал, что она не обернется, потому что защиты от Солля ждать не приходится, а встретившись взглядом с его страдающими, виноватыми, измученными глазами, не ощутишь ни поддержки, ни надежды. Он знал это и все равно беззвучно просил ее обернуться, и она уже хотела было сделать это — но замерла на половине движения.

— Господа, — вмешался ректор, и Солль увидел, как совсем по-старчески мотается на тонкой шее его голова. — Господа... Это... невыносимо. Никогда еще в этих стенах никого не арестовывали... Это храм... Это прибежище духа... Господа, вы творите святотатство, я пойду к бургомистру...

— Не волнуйтесь, господин ректор, — проговорила Тория медленно, будто раздумывая. — Я полагаю, что недоразумение вскоре разрешится и...

Оборвав себя, она обратилась к офицеру:

— Что ж, я поняла, что вы не остановитесь и перед насили-

ем, господа, а я не желаю, чтобы в этих и без того оскверненных стенах произошло еще и насилие. Я иду, — она шагнула вперед, быстро закрывая за собой двери кабинета, будто желая этим последним движением защитить Солля от посторонних взглядов.

Дверь закрылась; Эгерт стоял, вцепившись ногтями в ладони, и слушал, как отдавались по коридору грохот сапог, перешептывания смятенных студентов и причитания ректора.

Здание суда было самым тяжелым, самым громоздким, самым неуклюжим сооружением на площади. Эгерт привык десятой дорогой обходить железные двери с чеканной надписью «Бойся закона!», а круглая черная тумба с небольшой виселицей, где болталась в петле тряпичная кукла, казалась ему страшной и отвратительной одновременно.

Шел мокрый снег — Соллю он казался грязно-серым, как слежавшаяся вата. Башмаки по щиколотку увязали в холодной каше, и по фонарному столбу, служившему Соллю чем-то вроде пристанища, струйками сочилась вода. Дрожа всем телом, переминаясь с ноги на ногу, он до боли в глазах вглядывался в плотно закрытые двери, теша себя изначально глупой надеждой: вот железный капкан разожмется и выпустит Торию.

Стайка студентов, вначале составлявших ему компанию, понемногу рассеялась — понурые, подавленные, они разбрелись, не глядя друг на друга. В здание суда входили и выходили разные люди — либо чиновники, важные или озабоченные, либо стражники с копьями, либо просители со втянутыми в плечи головами. Дыша на озябшие пальцы, Эгерт гадал, предъявили Тории обвинение или еще нет, и в чем ее обвинили, и кто теперь поможет, если даже визит ректора к бургомистру окончился ничем.

Он провел на площади полную страхов длинную ночь, освещенную едва теплящимся светом фонаря да зловещими отблесками в окнах утрюмого здания. Рассвет наступил поздно, и белесым утром Эгерт увидел входивших в железные двери служителей Лаш.

Их было четверо, и все они казались Соллю похожими на Фагирру; двери закрылись за ними, и Эгерт скорчился у своего столба, изнывая от страха, тоски и безысходности.

Обвинение, конечно же, исходит от Лаш. Откуда-то из давних воспоминаний выплыли слова Фагирры: «Городской судья все так же прислушивается к советам Магистра...» Да, но все-таки орден Лаш — это еще не суд! Может быть, судье можно объяснить... Раскрыть глаза... Возможно, Черный Мор отнял близких и у него, Мор ведь не разбирает ни чинов, ни должностей...

Из железных дверей спешно вышла группа стражников — Соллю показалось, что он узнал офицера, арестовавшего Торию. Безжалостно разметывая сапогами снежную кашу, стражники поспешили прочь, и Эгерт выругал себя за глупую мнительность — ему показалось, что они снова направлялись к университету.

Был бы жив декан... Был бы жив декан Луаян, разве посмели бы... А теперь Тории не на кого рассчитывать, кроме...

Он прижался щекой к мокрому холодному столбу, переживая приступ страха. Подойти к железной двери, минуя казненную куклу, переступить этот порог... Но ведь Тория уже переступила его.

Долго и с пристрастием он уверял себя, что ничего страшного нет в предстоящем ему деле — он просто должен войти, а потом и выйти, вот только надо увидеть судью, убедить его... Судья — это не Лаш... А Тория уже там, возможно, он увидит ее...

Эта мысль оказалась решающей. Сразу вспомнив все свои защитные ритуалы, скрестив пальцы одной руки и затиснув пуговицу в другой, он по сложному извилистому маршруту двинулся к железной двери.

Ему ни за что не хватило бы смелости взяться за ручку — но, по счастью или на горе, дверь открылась перед ним сама, выпуская какого-то писца с бесцветным взглядом; Соллю ничего не оставалось делать, как шагнуть вперед, в неизвестность.

Неизвестность обернулась низким полукруглым помещением со множеством дверей, голым столом посередине и скукавшим стражником у входа; стражник и не взглянул на вошедшего Солля, а вялый молодой канцелярист, рассеянно водивший по столешнице кончиком ржавого перочинного ножа, покосился вопросительно, однако без особенного интереса:

— Дверь закройте плотнее...

Дверь и без Эгерта захлопнулась намертво, как дверца клетки. Задребезжала прикованная к засову цепь.

— По какому делу? — поинтересовался канцелярист. Вид его, сонный и вполне заурядный, немного успокоил Солля — первый, кто встретил его в столь страшном учреждении, выглядел ничуть не более зловеще, нежели какой-нибудь лавочник. Собравшись с духом, изо всех сил сжав свою пуговицу, Эгерт выдал:

— Дочь... декана Луаяна из университета... арестована вчера... Я... — он запнулся, не зная, что говорить дальше; канцелярист тем временем оживился:

— Имя?

— Чье? — глупо переспросил Солль.

— Ваше, — канцелярист, по-видимому, давно привык к тупости посетителей.

— Солль, — сказал Эгерт после паузы. Мутные глаза канцеляриста блеснули:

— Солль? Вольнослушатель?

Неприятно пораженный такой осведомленностью, Эгерт через силу кивнул. Канцелярист почесал щеку кончиком ножа:

— Думаю... Погодите-ка, Солль, я доложу, — и, неслышно выскользнув из-за стола, чиновник нырнул в один из боковых коридоров.

Вместо того чтобы обрадоваться, Эгерт снова испугался — сильнее, чем прежде, до дрожи в коленях. Ноги его сами сделали шаг к двери — дремавший стражник повел глазами, и рука его рассеянно легла на древко копья. Эгерт застыл. Второй стражник, неторопливо появившийся оттуда, куда улизнул чиновник, оглядел Солля критически — так повар оглядывает принесенную с базара тушку.

Канцелярист, выглянув уже из совсем другой двери, поманил Эгерта согнутым пальцем:

— Идемте-ка, Солль...

И тогда покорный, как приютский мальчик, Эгерт последовал навстречу своей судьбе; в темном коридоре ему пришлось разминуться с плащеносцами. На Солля дохнуло знакомым терпким запахом, показавшимся теперь отвратительным до рвоты; никто из воинов Лаш не поднял капюшона, но Эгерт ощутил четыре холодных внимательных взгляда.

Лицо судьи нависало набрякшими складками, и в складках этих тонули маленькие, пронзительные глаза. Эгерт взглянул в них один раз — и сразу потупился, разглядывая гладкий, с мраморными прожилками пол, на который стекала вода с его собственных вымокших башмаков. Судья изучал его — не поднимая головы, Эгерт чувствовал тяжелый, въедавшийся под кожу взгляд.

— Мы ожидали увидеть вас раньше, Солль, — сорванный голос судьи был едва слышен, казалось, каждое слово стоит ему усилия. — Мы ожидали... Ведь арестованная дочь декана Луаяна — ваша жена?

Эгерт вздрогнул. Судье пришлось довольно долго ожидать его ответа:

— Но... мы только должны пожениться... Собирались...

Прошептав эту жалкую фразу, Эгерт проникся отвращением к самому себе, будто, сообщив судье эту сущую правду, он каким-то образом предал Торию.

— Это одно и то же, — прошелестел судья. — Правосудие надеется на вас... На суде вы выступите главным свидетелем.

Эгерт поднял голову:
— Свидетелем... Чего?

За дверью слышались отрывистые голоса и грохот сапог, из-за портьеры вынырнул канцелярист и что-то быстро зашептал судье на ухо.

— Скажите им, что приказ отменяется... — голос судьи шуршал, как змеиная кожа по сухому камню. — Он уже здесь...

Обострившееся чутье Солля безошибочно определило, что речь идет о нем. Он вспомнил стражников, направлявшихся к университету, и облизнул запекшиеся, потерявшие чувствительность губы.

— Вам нечего бояться, Солль, — усмехнулся наблюдавший за ним судья. — Вы всего лишь свидетель... Ценный свидетель, поскольку были близки к семье старого колдуна... Ведь так?

Эгерт почувствовал, как его бледные щеки становятся горячими и красными. Назвать господина Луаяна старым колдуном означало преступить все границы бессовестности — однако страх проглотил порыв Соллева возмущения, как болото поглощает брошенный в трясину камень.

Судья проронил безучастно:

— От свидетеля требуется одна лишь доблесть — говорить правду... Вы знаете, как тяжело обошелся городу Мор. Вы знаете, что он явился не сам собой...

Эгерт напрягся.

— Мор явился не сам собой, — чуть слышно продолжал судья. — Старый колдун и дочь его применили свою магию, чтобы вызвать его из-под земли, где только и место порождениям мрака... Священное Привидение Лаш предупредило об Окончании Времен, а служители его неустанными молениями и обрядами сумели остановить напасть и погубить колдуна... Город спасен, но сколько жертв, Солль, сколько жертв... Согласитесь, что соучастница преступления должна ответить перед законом, этого требуют родственники погибших, этого требует сама справедливость...

Сорванный голос судьи казался Соллю оглушительным, как рев стада, ведомого не убой.

— Это неправда, — прошептал он, потому что даже страх на какое-то мгновение обомлел в его душе. — Это неправда... Служители Лаш раскопали логово Мора, это они призвали его, а декан остановил ценой своей жизни... Я видел, я...

В эту секунду страх опомнился от шока и завопил, заматся, зажимая Эгерту рот, источая потоки липкого пота, бросая в немилосердную лихорадочную дрожь.

— Словесное преступление против Лаш, — заметил судья, — совершенное однократно и в первый раз, влечет за собой публичную порку плетью...

Стало тихо, и несколько долгих минут воспаленное воображение Эгерта являло ему картину и плетей, и толпы, и палача с подручными; на мокрой спине его сами собой загорелись жгучие полосы.

Судья вздохнул — в горле его что-то клекотало и рвалось, будто лопались пузыри:

— Однако я понимаю ваше состояние, вы не вполне владеете собой и не отвечаете за свои слова, следовательно, я сделаю вид, что не слышал их... Вероятно, процесс состоится на днях, когда будут закончены допросы подсудимой... Что до вас, Солль... У меня нет оснований задерживать вас, однако обвинитель, возможно, захочет задать вам несколько вопросов...

Судья потянулся рукой к колокольчику на столе. Не дожидаясь звонка, откуда-то из-за невидимой прежде портьеры явился приземистый стражник; едва переставляя негнущиеся ноги, Солль шагнул за откинутую перед ним потайную портьеру.

По сырым стенам бегали мокрицы. В свете укрепленных по стенам факелов тень Соллева сопровождающего металась, как исполинская ночная бабочка; слушая звук своих шагов, Эгерт мучился, думая о Тории.

Они допрашивают ее и будут допрашивать еще. О чем? Что она может сказать им? Она... Небо, неужели они осмелятся пытать женщину?!

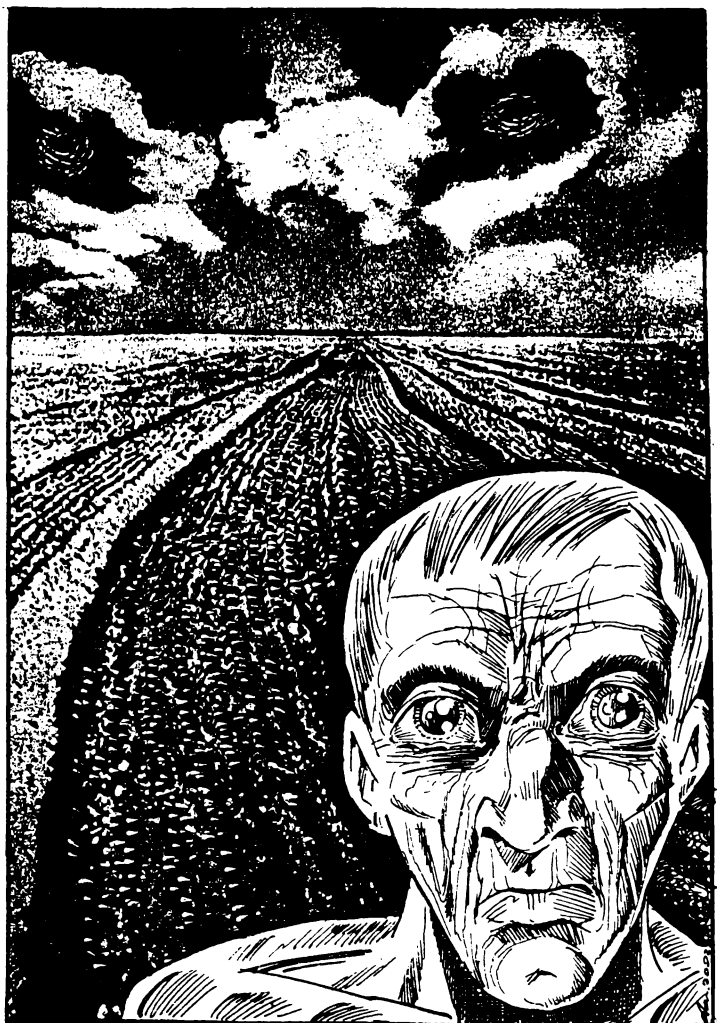
И тогда в гулкой тишине коридора ему померещились отдаленные, приглушенные камнем крики. Он не выдержал и застонал — сопровождавший его стражник удивленно оглянулся.

Лязгнул ключ в потайной дверце, стражник пропустил Эгерта вперед, чуть подтолкнув в спину; узкая темная комната походила скорее на камеру, и Эгерт уверился было, что доставлен прямоком в тюрьму, когда внесенный факел осветил высокое кресло в углу и сидевшего в кресле человека. Не удивляясь и даже не пугаясь более, Эгерт узнал Фагирру.

Оставив факел в кольце, стражник низко поклонился и вышел. Стук его сапог долго отдавался по коридору.

Фагирра не шевелился, капюшон лежал у него на спине, и Эгерту показалось, что со времени их последней встречи прошли десятилетия — так много страшного случилось с тех пор и так внезапно постарел, изменился его моложавый прежде знакомец. Эгерт поразился — истинный возраст Фагирры открылся ему только сейчас.

Прошло несколько минут, прежде чем плащеносец шумно вздохнул и поднялся, уступая Эгерту кресло, единственное в комнате:

— Присядьте-ка, Солль... Вам, я вижу, непросто держаться на ногах.

— Я устою, — отозвался Эгерт глухо. Фагирра серьезно покачал головой:

— Нет, Эгерт, вы не устоите. Вы сами понимаете это... Ваша гордость и ваша трусость рвут вас пополам — но что-то подсказывает мне, что трусость окажется сильнее... Можно, конечно, без конца горевать по этому поводу, мучить себя и казнить — а можно просто присесть и послушать, что вам скажет симпатизирующий вам человек... Потому что вы симпатичны мне, Эгерт. С самого начала.

— Вы — обвинитель, — сказал Эгерт в темный угол, сказал, не спрашивая, а просто высказывая уверенность. — Обвинитель по делу Тории... Можно было ожидать.

— Да, — печально подтвердил Фагирра. — Я — обвинитель, а вы будете свидетельствовать.

Эгерт прислонился к стене, постоял, чувствуя, как соприкасается с холодной твердыней каждая его мышца; потом подогнул колени и сел, привалившись к камню спиной.

— Фагирра, — сказал он усталю, — вы видели... Мор? Я не знаю, что было там, за стенами Башни... Но город... Вы хоть видели?

Фагирра прошелся по низкой комнате — Эгерт смотрел, как ступают скрытые плащом до пят отличной выделки военные сапоги.

— Солль, — Фагирра остановился, — у вас... умер кто-нибудь?

— У меня умер друг, — отозвался Эгерт глухо. — И погиб... учитель.

— Да, — Фагирра возобновил свою прогулку, — понимаю... А у меня, Солль, умерли шесть человек семьи — мать, брат, сестры, племянники... Они жили в предместье и умерли в один день.

Эгерт молчал. Он сразу понял, что Фагирра не врет — голос плащеносца непривычно, странным образом изменился.

— Я не знал, — сказал он хрипло, — что у служителей Лаш... бывают семьи.

— По-вашему, — горько усмехнулся Фагирра, — служители Лаш вырастают на деревьях, как груши?

Некоторое время в комнате только потрескивал факел да вышагивали по каменному полу мягкие Фагирровы сапоги.

— Извините, — сказал Солль наконец. Фагирра усмехнулся, не останавливаясь:

— Вы не были там, в Башне... Когда все входы завалены, даже потайные, даже крысиные... И вот начинается Мор, и некуда девать трупы...

— Вы сами... — сказал Эгерт шепотом. — Вы сами этого хотели...

Фагирра жестко оскалился:

— О наших помыслах не вам судить...

— Но это же безумие...

— Да, потому что Магистр — безумец! — Фагирра рассмеялся сухим, трескучим смехом. — Он безумец, но орден — орден не состоит из одного лишь Магистра... Магистры уходят, а орден остается, остается Тайна, — тут в голосе Фагирры скользнул неприкрытый сарказм, — и остается связанная с ней Власть... — он посерьезнел. — Вам не понять, Солль. Вы, кажется, не властолюбец.

— Властолюбец — вы, — уточнил Солль едва слышно. Фагирра кивнул:

— Да... Знаете, кто будет следующим Магистром?

— Знаю, — глухо отозвался Эгерт, и некоторое время снова было тихо. Потом где-то внизу, в подземелье, загремело железо, и Соллю снова померещились глухие, отдаленные крики. Он похолодел — но во всем здании суда стояла, как прежде, тишина, и ужасные звуки, возможно, рождены были больным воображением Солля. — Послушайте, — сказал он в отчаянии, — власть властью... Но вы же знаете правду не хуже меня. Вы знаете, откуда явился Мор, и кто победил его... Мы же обязаны жизнью господину декану — вы, я... Судья... Стражники... Бургомистр... Человек отдал жизнь — за что вы хотите наказать его ни в чем не повинную дочь?!

— Луаян был даже сильнее, чем я предполагал, — Фагирра остановился, щурясь на огонь факела. — Воистину... он был великим магом.

Слова эти, сказанные так просто и без колебаний, заставили Солля податься вперед:

— Так вы признаете?!

Фагирра пожал плечами:

— Только безумец, подобный Магистру, захочет отрицать это.

Эгерт в изнеможении сжал мокрые ладони:

— Ради неба... В чем же вы хотите обвинить Торию?!

Фагирра взглянул в умоляющее лицо Эгерта, вздохнул и сел рядом — на каменный пол, привалившись спиной к стене. Где-то далеко в недрах подвала лязгнула железная дверь.

— Вы вернетесь домой, — сказал Фагирра без всякого выражения. — У вас ведь престарелый отец... Больная мать... В городишке, который называется Каваррен...

— В чем вы хотите обвинить Торию? — повторил Эгерт почти беззвучно.

— Да, она красива... Она слишком красива, Эгерт. Она при-

носит несчастье... Она, хоть и косвенно, послужила причиной смерти первого своего жениха, того, которого...

— Откуда вы...

— ...которого вы убили. Она не похожа на прочих женщин, в ней есть что-то... дар, я бы назвал это даром, Эгерт. Исключительная женщина, я понимаю, что вы сейчас испытываете...

— Она невиновна, — сказал Солль в мерцающие в полумраке глаза Фагирры. — В чем вы хотите ее обвинить?

Фагирра отвернулся:

— В колдовских действиях, повлекших за собой Мор.

Не обрушились стены, не задрожала земля; огонь все так же обвивал смолистую верхушку факела, и поблескивали серебряные пластинки, украшавшие пустое кресло в углу.

— Не понимаю, — сказал Эгерт беспомощно, хотя понял все — и сразу.

Фагирра вздохнул:

— А вот попытайтесь понять... Существуют вещи более ценные, нежели просто жизнь и просто сиюминутная справедливость... Жертва всегда невинна, иначе какая же она жертва? Жертва всегда лучше, чем окружающая жертвенник толпа...

— Фагирра, — сказал Солль шепотом. — Не делайте этого.

Его собеседник удрученно кивнул:

— Понимаю... Но у меня нет другого выхода. Кто-то должен понести наказание за этот Мор.

— Виновные...

— Виновна Тория, злоумышленная колдунья, дочь декана Луаяна, — ровно отозвался Фагирра. — И подумайте вот о чем, Солль... В моей власти сделать вас соучастником, но вы — всего лишь свидетель... Сознаете, по краю какой пропасти вы ходите все эти дни?

Эгерт стиснул зубы, переживая муторную волну страха. Фагирра коснулся рукой его колена:

— Но вы всего лишь свидетель, Солль... А ваше свидетельство весома, потому что вы любите подсудимую — но ради правды отречетесь от своей любви.

— Ради правды?!

Фагирра встал — на стене выросла длинная темная тень. Отошел к креслу, облокотился на спинку — в свете факела он показался Соллю едва ли не стариком.

— Что ее ждет? — сами собой спросили непослушные Соллевы губы.

Фагирра поднял глаза:

— Зачем вам знать, как именно она умрет? Возвращайтесь в свой Каваррен... Сразу после суда. Не думаю, что вы будете так уж счастливы... Но время затягивает и не такие раны.

— Я не стану свидетельствовать против Тории! — выкрикнул

Эгерт раньше, чем страх успел зажать ему рот. Фагирра покачал головой. Вдохнул, о чем-то раздумывая; кивнул Эгерту:

— Вставайте... Идемте со мной.

Онемевшие ноги отказывались подчиняться — Эгерт встал со второй попытки. Фагирра извлек откуда-то из глубин плаща звонкую связку ключей; в темном углу обнаружилась еще одна низкая железная дверь, а за ней крутая винтовая лестница, ведущая вниз.

Низкорослый плечистый человечек в мешковатом балахоне ковырял в зубах щепкой — появление Фагирры и Солля застало его врасплох, и он едва не проглотил свое оружие, вскакивая навстречу плащеносцу. Приняв из рук Фагирры факел, он затрусил впереди — а Эгерт тем временем все пытался вспомнить, где раньше он мог его видеть. Размышлениям Солля пришел конец, когда провожатый угодливо распахнул перед Фагиррой и Соллем приземистую дверь с решетчатым окошком.

Здесь уже горело два или три факела, и в их свете со всех каменных стен на Эгерта глянули уродливые, извергами прирученные приспособления.

Он остановился, сразу ослабевая, — Фагирра четким подготовленным движением поддержал его, крепко взяв за руку повыше локтя. На крюках и полках в избытке хранились не тронутые ржавчиной, содержавшиеся в полной готовности инструменты — клещи и сверла, тиски для ступней и коленей, доски, усеянные иглами, многохвостые плети, еще что-то отвратительное, от чего Эгерт поспешно отвел глаза. Посреди пыточной помещалась жаровня, в которой дотлевали последние угольки, рядом стоял трехногий табурет и кресло с высокой спинкой — точно такое же, как оставленное в маленькой пустой комнате кресло Фагирры. На небольшом возвышении метавшиеся глаза Солля разглядели истертый деревянный топчан со свисавшими хвостами цепей.

Теперь он вспомнил, где видел плечистого хозяина пыточной. В День Премноголикования тот взошел на эшафот вместе с судьей и приговоренными — тогда в руках его был топор, он нес его так же скромно и буднично, как буднично и деловито принялся сейчас раздувать угли в жаровне.

— Эгерт, — тихо спросил Фагирра, по-прежнему поддерживая его за руку, — где находится золотая безделушка, принадлежащая декану, медальон?

Угли из черных становились малиновыми — из палача получил бы отменный истопник. Эгерт захрипел, пытаясь произнести хоть слово.

— Помните, я тогда спрашивал вас о сейфе... Наши люди обыскали кабинет декана — и ничего не нашли. Где медальон сейчас, вы знаете?

Солль молчал, и на краю его замутненного ужасом сознания теплилась мысль: кошунство... кабинет... стальное крыло... они осквернили... Господин декан, где вы...

— Эгерт, — Фагирра заглянул ему в глаза, — меня очень интересует этот вопрос... Поверьте, что крики пытаемых не доставляют мне никакого удовольствия. Где?

— Я не знаю, — сказал Солль неслышно, но плащеносец прочел его слова по губам. Медленно и красноречиво перевел взгляд с Эгерта на палача, с палача на жаровню; вздохнул, потирая уголок рта:

— А ведь вы не врете, Солль... Любому другому я не поверил бы, но вы... Жаль, но вы действительно не знаете, — и Фагирра выпустил его руку. — Знает Тория. Да?

Эгерт чуть не упал. Не сознавая, что делает, хотел присесть на топчан — и отшатнулся; Фагирра мягко подтолкнул его в кресло, и Эгерт, не удержавшись на ногах, ударился затылком о высокую деревянную спинку. Руки его мертвой хваткой вцепились в подлокотники.

Палач вопросительно уставился на Фагирру — тот устало бросил ему:

— Погоди...

Подтянув трехногий табурет, он уселся перед Соллем, устлая пол складками плаща:

— Я повторю: вы мне симпатичны, Эгерт... У меня нет от вас тайн. Законом предусмотрено наказание за отказ от дачи свидетельских показаний или лжесвидетельство: уличенных в этом преступлении карают сразу же, вырывая солгавший язык... Покажи клещи, — обернулся он к палачу.

Смерив Эгерта взглядом опытного портного, тот метнулся в угол и вытащил из гремящей груды подходящее, по его мнению, оружие. На изогнутом клюве клещей поблескивало масло — палач был мастеровит и аккуратен, и даже рукоятки клещей были приспособлены для особой надобности, отточенные, как два гигантских шила.

Эгерт зажмурился.

— Не поможет, — вздохнул Фагирра в наступившей для Солля темноте. — Не поможет, Эгерт, что вы, как ребенок... Это жизнь, бывает всякое, нечего закрывать глаза... Ну ладно, не надо, не смотрите. Суд состоится, по всей видимости, послезавтра — за вами присмотрят и придут; нужно ли говорить, что удирать не стоит? Не нужно, вижу, вы сами понимаете... А если вам понадобятся через пару дней деньги на дорогу в Каваррен — я ссужу, а вы потом вернете... Да?

Эгерт попытался вспомнить смеющееся лицо Тории — и не смог.

Изуродованный Мором город снова хотел жить.

Из далеких и близких мест являлись наследники, претендовавшие на осиротевшие и порядком разграбленные дома, мастерские и лавки; тут и там затевались склоки и тяжбы. Ремесленные цеха, изрядно поредевшие, отступили от освященных веками правил и принимали в свои ряды даже недоучившихся подмастерьев; в городские ворота с рассвета и до ночи валом валили веселые и злые провинциалы — в основном молодежь, честолюбивая и желающая немедленно выбиться в люди, то есть разбогатеть и жениться на аристократке. Аристократы возвращались тоже, и по мощеным улочкам снова разносился стук копыт и колес, снова покачивались паланкины в руках ливрейных слуг; на улицах снова появились дети: розовые карапузы на руках кормилиц и чумазые трущобные ребятишки одинаково радовались выпавшему наконец чистому белому снегу.

Днем в городе царило оживление — но ни одна ночь не обходилась без стонов и слез, кошмаров и горестных воспоминаний. По нетронутым еще пепелищам бродили сумасшедшие, потерявшие рассудок в дни Мора, — их жалели и боялись даже бродячие собаки. Не было семьи, не понесшей утраты, и потому так всколыхнулся город, когда осипшие на холоде глашатаи поведали о предстоящем процессе.

За одну ночь в университете не осталось ни одного целого окна; те из горожан, кто не поверил в гнусное преступление декана и его дочери, вполголоса переругивались с соседями и домочадцами, приводя в доказательство своей правоты один только убийственный довод: не может быть! Большинство сомневалось, кривило губы и пожимало плечами: маги... Кто их знает... Этих магов простому человеку не понять, а ведь Мор явился откуда-то... Колдуны, пусть им...

На площади случилась драка — группка студентов насмерть сцепилась с озлобленными мастеровыми, и дело дошло до крови, и только суровое вмешательство стражи положило конец побоищу; студенты, избитые, оскаленные, удалились в университет, и вслед им летели камни.

Еще вечером накануне процесса у здания суда появились первые зрители; на рассвете площадь была запружена народом так, что стражникам пришлось пустить в ход плетки, чтобы очистить дорогу в здание. Перед вереницей направляющихся в суд служителей Лаш люди расступались сами, охая и давя друг друга; университет зиял разбитыми окнами, но толпа студентов, прорываясь сквозь окрики и оскорбления, явилась тоже. Четверо дюжих стражников с пиками наперевес препроводили в здание суда одного из них, высокого и светловолосо-

го, со шрамом на щеке — поговаривали, что он-то и есть основной свидетель.

В зал пустили далеко не всех — но, учитывая важность дела, судья милостиво разрешил горожанам занять и пространство в дверях, и коридор, и ступени, так что просторное помещение суда оказалось связанным с площадью широкой человеческой лентой; люди передавали услышанное из уст в уста, как передают по цепочке воду во время пожара, и все, сказанное в суде, становилось через несколько минут достоянием площади.

Начало слушания все откладывалось и откладывалось; сидя на длинной скрипучей скамье, Эгерт равнодушно смотрел, как переговариваются за спинкой пустого судейского кресла служители Лаш, как чинит перья канцелярист, как мостятся на скамейке напротив какие-то перепуганные лавочники — тоже свидетели, свидетели Мора... Все должно быть по правилам. Жаль, что нельзя призвать в суд тех несчастных, чьи тела покоятся под холмом, жаль, что нельзя призвать декана Луаяна... Ему не встать из-под земли — даже на помощь любимой дочери.

Повернув голову, Эгерт увидел в зале студенческие шапочки с бахромой — и сразу же отвел глаза.

За длинным столом возились два писца; Эгерт услышал, как один негромко спрашивает другого:

— У тебя нет пилочки для ногтей? Ноготь сломал, тьфу ты...

Толпа возилась, толкалась, перешептывалась, с одинаковым любопытством разглядывая мрачное убранство зала, писцов, Эгерта, стражников, судейское кресло, игрушечную висилицу на столе — точную копию возвышавшейся у входа... Скамья подсудимых была пуста, и только рядом с ней, на табурете, примостился невзрачного вида человек в мешковатом балахоне; на коленях у него лежал полотняный мешок, и в его очертаниях Эгертовы глаза без труда угадали скрытый внутри предмет.

То были клещи с длинными ручками.

Миновало десять минут, потом еще десять; зрители наконец возбужденно заозирались, и Солль увидел шествовавшего к возвышению судью. Его сопровождал человек в капюшоне — Эгерт знал, кто это. С трудом поднимая ноги, судья взобрался по обшитым бархатом ступеням и тяжело опустился в кресло; Фагирра стал рядом, не поднимая капюшона, и Эгерт почувствовал на себе его внимательный взгляд. Судья прошелестел что-то сорванным голосом — канцелярист подхватил его слова, подобно звонкому эху:

— Введите обвиняемую!

Эгерт втянул голову в плечи, не отрывая глаз от серых раз-

водов на каменном полу. Зал приглушенно зашумел, звякнуло железо — и тогда к Соллю вернулась его способность чувствовать чужое страдание.

Не поднимая головы, он кожей ощутил, как вошла Тория — сплошной комок боли и отчаяния, стянутый упрямой волей; он почувствовал, как первым же взглядом, жадным, полным надежды, она ищет в зале его, Эгерта, и как этот взгляд теплеет, остановившись на нем. Он понял, что она уже все знает, знает об уготованной Эгерту роли — и все равно радуется самой возможности его видеть, и все равно надеется, искренне, как ребенок, надеется на самого дорогого ей человека...

Тогда он поднял голову.

Дни допросов не прошли для нее даром. Встретившись с Эгертом глазами, она попыталась улыбнуться — чуть виновато, потому что искусанные губы не желали слушаться. Черные волосы были убраны с необычайной аккуратностью, глаже, чем всегда; воспаленные глаза оставались сухими. Стражник усадил Торию на скамью подсудимых — она гадливо отстранилась от прикосновения его рук и снова глянула на Эгерта. Тот попытался ответить подобием улыбки, не выдержал, отвел глаза — и встретился взглядом с Фагиррой.

Палач на своем табурете шумно вздохнул, и вздох его пронесся по всему залу, потому что как раз в этот момент установилась мертвая тишина — обвинитель поднялся на помост и резким движением отбросил капюшон.

Эгерт почувствовал ужас Тории — она даже отшатнулась, когда Фагирра глянул на нее. При мысли, что этот человек собственноручно пытал ее, у Солля свело челюсти от желания убить, но пришедший на смену страх вернул все на свои места.

Фагирра начал обвинительную речь, и с первых же слов Эгерт понял, что дело безнадежно, что Тория обречена и пощады не будет.

Фагирра говорил ровно и просто, люди слушали его, затаив дыхание, и только в задних рядах не умолкал шепот — слова обвинителя по цепочке передавались на площадь. Из речи его, взвешенной и выверенной, как произведение ювелира, неоспоримо следовало, что декан давно уже собирался отравить город и что дочь, конечно же, помогала ему; Фагирра упоминал такие детали и приводил такие доказательства, что у Солля заняло сердце: или в университете долгое время работал шпион ордена Лаш, или Тория под пытками рассказывала о самых личных, самых потаенных деталях из жизни отца. Толпа исполнялась негодованием — Эгерт чувствовал, как праведный гнев проникал по цепочке за стены суда, как человеческое море на площади наливалось глухим озлоблением и жадой расплаты.

Тория слушала, внутренне сжавшись, — Эгерт чувствовал, как она пытается собрать воедино разбегавшиеся мысли, как вздрагивала от обвинений, как от ударов. Надежда ее, вспыхнувшая было при виде Солля, теперь гасла понемногу, как долевавший уголек.

Внимательно взглянув на Эгерта, Фагирра закончил, накинул капюшон и отошел к судейскому креслу; по знаку судьи на помост один за другим стали подниматься свидетели.

Первому, толстому торговцу, было труднее всего — он не знал, что говорить, и только невнятно жаловался; его слушали с сочувствием, всякий человек из толпы мог сказать на его месте те же слова. Все, кто поднимался на помост вслед за торговцем, так и поступали — жалобы повторялись и повторялись, женщины плакали, перечисляя свои потери; толпа притихла, впад в тоску.

Наконец список свидетелей Мора иссяк — какой-то парень из толпы рвался высказаться по собственному почину, но его быстро убедили заткнуться; все взгляды, посуровевшие, угрюмые, устремились на обвиняемую — Эгерт ощутил удар ненависти, всей силой пришедшейся по Тории. Беззвучно застонав, он рванулся к ней, желая прикрыть и защитить — но остался сидеть на месте, в то время как судья прошелестел, а канцелярист повторил, что сейчас обвинитель допросит подсудимую.

Тория встала — одно это движение стоило ей мучительно-го усилия, Эгерт чувствовал, как вздрагивал каждый нерв ее, каждая натянутая мышца. Поднявшись на помост, она мельком взглянула на Солля — Эгерт подался вперед, мысленно поддерживая, обнимая, успокаивая. Фагирра встал у помоста — по телу Тории прошла судорога, будто близкое присутствие плащеносца было ей невыносимо.

— Верно ли, что декан Луаян был вашим отцом? — звучно спросил Фагирра.

Тория — Эгерт знал, какого усилия ей это стоило — повернула голову и глянула ему прямо в лицо:

— Декан Луаян есть мой отец, — ответила она хрипловато, но громко и твердо. — Он умер — но в памяти тысяч знавших его он есть.

Зал, притихший было, зашептался.

Губы Фагирры чуть дрогнули — Соллю показалось, что он собирался улыбнуться:

— Что ж... Дочерние чувства похвальны, но они не оправдывают гибели сотен людей!

Эгерт ощутил, как Тория рывком пыталась преодолеть свою боль и свой страх:

— Эти люди погублены вами. Палачи в капюшонах, теперь

вы рыдаете о своих жертвах?! В ту ночь, когда явился Мор, — она обернулась к залу, — в ту самую ночь...

— Не тратьте лишних слов, — резко оборвал ее Фагирра. — В ту самую ночь вы и ваш отец проводили некие магические действия в наглухо закрытом кабинете... Да или нет?

Эгерт понял, как ей страшно. Фагирра стоял рядом, вцепившись взглядом в ее воспаленные глаза; Тория зашаталась под его напором:

— Да... Однако...

Широким красноречивым движением Фагирра обернулся к судье, затем к залу:

— Всю ночь в кабинете декана горели сотни свечей... Ваши близкие были еще живы. Наутро завывли собаки по всему городу — а ваши близкие были еще живы, но вот явился вызванный чародеями Мор...

— Неправда! — хотела крикнуть Тория, но голос ее сорвался. Будто умолая о помощи, она глянула на Солля — и он увидел, как умирала ее надежда.

— Неправда... — эхом донеслось из угла, где притаились студенты; толпа зарокотала так, что канцеляристу пришлось постучать по столу, а стражникам — вскинуть пики.

Ободренная неожиданной поддержкой, Тория вновь смогла овладеть собой, и Эгерт ощутил почти воочию, как сквозь стущавшуюся в ее сознании черную пелену прорывалось яростное желание сопротивляться, обвинять:

— Неправда, что Мор явился по воле моего отца... Это орден Лаш призвал к нам смерть. Кто из вас знает, что есть орден Лаш на самом деле?! Кто из вас знает, что за планы они вынашивают под капюшонами? И кто из вас не подтвердит, что за всю жизнь мой отец никому не причинил зла... Кто-нибудь, хоть один из вас, припомнит, чтобы он обидел хоть собаку? С помощью магии или без нее, но он служил университету десятки лет... Он творил добро, и это он спас всех вас от Мора, он закрыл нас своим телом... Он отдал свою жизнь, а теперь...

Тория покачнулась от внезапно всколыхнувшейся боли — пытки оставили на ее теле множество страшных отметин, Эгерт до крови укусил себя за руку. Толпа глухо гудела; удивленные люди так и сяк повторяли друг другу слова обвиняемой, передавая их на площадь, и в чьей-то душе, возможно, зашевелилось посеянное этими словами сомнение. Студенты повернулись друг к другу спинами, образуя как бы живую крепость, оплот защитников Тории; краем глаза Солль заметил господина ректора, державшегося за сердце, протискивавшегося к выходу.

Фагирра, невозмутимый, с чуть приподнятыми уголками бледного рта, проронил негромко:

— Вы усугубляете свою вину, совершая словесное преступление против Лаш...

Тории мучительно трудно было заговорить снова:

— Вы... Не привели ни одного веского доказательства вины моего отца. Все, что вы говорили... ничего не... У вас нет... ни доказательств, ни... свидетелей.

Она говорила все тише и тише. Пытаясь разобрать ее слова, толпа примолкла, и в душном воздухе зала слышны стали только поскрипывание подошв да сдерживаемое дыхание сотен людей.

Фагирра улыбнулся-таки:

— Свидетель есть.

Тория хотела что-то сказать, она уже вскинула голову, изливая на Фагирру весь свой гнев и презрение, но осеклась и замолчала. Эгерт почувствовал, как вся ее сила, вся воля истекли куда-то, уходили, как вода сквозь разомкнутые пальцы; надежда, еще теплившаяся до этой минуты и помогавшая бороться, последний раз дрогнула — и умерла. В наступившей тишине Тория повернула голову и встретила глазами с Эгертом.

Он сидел один на бесконечно длинной скамье, скорчившийся, обреченный на предательство; в глазах Тории стоял тоскливый вопрос, на который Солль не мог ответить. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и он чувствовал, как боролись в ее душе жалость, отчаяние, презрение к его слабости; потом на смену им пришла смертельная усталость. Тория медленно опустила голову, сгорбилась и, волоча ноги, без единого слова вернулась на свое место.

Несколько секунд в зале все еще было тихо, потом, быстро нарастая, пронесся гул; канцелярист хотел было ударить по столу — едва заметным движением Фагирра остановил его, и никем не сдерживаемый зал какое-то время свободно изъяснял и удивление, и возмущение, и гнев по отношению к колдунье, сдавшейся перед лицом неопровержимых доказательств.

Наконец Фагирра щелкнул пальцами, канцелярист загрохотал по столешнице, а стражники заколотили в пол древками пик. Толпа, хоть и не сразу, примолкла. Судья что-то сказал, Солль не расслышал; канцелярист звонко повторил его фразу, но до Эгерта, пребывавшего в мутном оцепенении, эти слова дошли только тогда, когда стоявший за спиной стражник крепко взял его под локоть и поднял со скамьи.

Он затравленно огляделся — Фагирра смотрел на него из-под капюшона, и в глазах его стоял доброжелательный и одновременно властный приказ.

Эгерт не помнил, как оказался на помосте.

Там, за стенами, вероятно, вышло солнце, и два луча его упали в два высоких зарешеченных окна. В своем углу оживи-

лись подавленные было студенты, Эгерт услышал свое имя, повторяемое по многу раз, повторяемое возбужденно, тише и громче, повторяемое равнодушно, или с изумлением, или с радостью и надеждой. Те, кто много дней делил с Соллем жилье и стол, кто сидел с ним рядом на лекциях и распивал вино в веселых кабаках, те, кто знал о намечавшейся свадьбе, вправе были ожидать от него слов, приличествующих честному человеку.

Палач снова вздохнул, пытаясь оттереть от своего балахона темное пятнышко; клещи в его мешке чуть слышно звякнули, и Эгерт ощутил первый толчок вечного животного страха.

Тория глядела в сторону, по-прежнему сгорбившаяся, утомленная, равнодушная.

— Вот свидетель обвинения, — веско сказал Фагирра. — Имя этого человека — Эгерт Солль, последнее время он был вхож в кабинет декана и близок к его дочери... Потому его свидетельство так важно для нас — в ту роковую ночь он присутствовал на отвратительном колдовском ритуале... Мы слушаем вас, Солль.

Во всем мире стояла гробовая, неестественная тишина. Два окна смотрели на Эгерта, как два пустых прозрачных глаза; он молчал, и в столбах света танцевали пылинки, и Тория, замершая на своей скамье, вдруг подняла голову.

Наверное, ей передались его боль и его тоска — но в эту самую секунду он вдруг ощутил, как, осознав ужас и отчаяние любимого человека, она ищет его взгляда.

Он молчал, не в силах выдать ни звука. Фагирра усмехнулся:

— Хорошо... Я буду задавать вопросы, а вы отвечайте. Верно ли, что ваше имя — Эгерт Солль?

— Да, — механически произнесли его губы. По толпе пронесся вздох.

— Верно ли, что вы прибыли из города Каваррена около года тому назад?

Эгерт увидел башни и флюгера, отразившиеся в воде весенней Кавы, вымытую дождем мостовую, лошадку под нарядным детским седлом, звонко хлопнувший ставень и смеявшуюся мать с ладонью у глаз...

— Да, — ответил он отрешенно.

— Хорошо... Верно ли, что все это время вы жили при университете, тесно общаясь с деканом и его дочерью, что она уже почти стала вашей женой?

Он наконец уступил молчаливым просьбам Тории и решился посмотреть на нее.

Она сидела, подавшись вперед и не сводя с него глаз; Эгерт почувствовал, как, поймав его взгляд, она чуть расслабляется, и лицо ее теплеет, и искусанные губы пытаются сложиться в

улыбку. Ей радостно видеть его даже сейчас, на пороге предательства, и она спешит излить на него не истребленную попытками, почти материнскую, иступленную нежность, ведь его тоже пытаются, пытаются, может быть, горше и больнее, на глазах всего города, на глазах любимой женщины, она понимает, какво ему, что с ним сейчас, что будет потом, она все понимает...

Ему легче было бы пережить презрение, нежели сострадание. Он перевел на Фагирру замутненные, полные ненависти глаза:

— Да!

И в этот момент во взгляде Тории что-то дрогнуло. Солль снова встретился с ней глазами — и волосы зашевелились у него на голове, потому что он понял тоже.

Трясущаяся рука его легла на шрам. Единственный день. Единственный шанс. Не ошибиться в ответе...

— Верно ли, что в ночь накануне Мора вы находились в кабинете декана и видели все, происходившее там?

Путь должен быть пройден до конца.

— Да, — сказал он в четвертый раз. Палач почесал нос — ему было скучно; Фагирра победоносно улыбнулся:

— Верно ли, что магические действия декана и его дочери вызвали в городе Мор?

...Стальное лезвие распорол ему щеку, а заклятье переломило его жизнь. Он был самоуверен в то утро, весна выдалась холодная и затяжная, капли скатывались по стволам, будто кого-то оплакивая... Он не зажмурил глаза, когда шпага в руках Скитальца опустилась на его лицо, была боль, но страха не было даже тогда...

Он почувствовал, как шрам на щеке оживает, пульсирует, наливается огнем; все еще прижимая к нему ладонь, он глянул вниз — и встретился взглядом с прозрачными глазами без ресниц.

Скиталец стоял у стены, в толпе — и отдельно от всех. Среди множества любопытствующих, возбужденных, хмурых и напряженных лиц его длинное, прорезанное вертикальными морщинами лицо казалось бесстрастным, как навешенный на двери замок. «Когда первое в вашей душе обернется последним... Когда на пять вопросов вы ответите «да»...»

Судьба ведет его точно по намеченной ниточке.

Он вздрогнул, потому что в этот момент Тория тоже узнала Скитальца. Не оборачиваясь, Солль увидел, как распухшие губы ее сначала неуверенно, а потом все смелее и радостнее складываются в улыбку.

Улыбаясь, она идет на ужасную смерть. Так вышло, что помилование для Солля прозвучит приговором Тории — она знает это и улыбается, потому что в ее жизни было вечнозеле-

ное дерево над могилой Первого Прорицателя, и те ночи, проведенные при свете камина, и была его клятва — сбросить шрам ради нее...

Первое в душе должно стать последним. Ради нее, ради выполнения своей же клятвы он отречется, и предаст, и подпишет приговор. Кто затянул этот узел?

Небо, он слишком долго медлит, уже волнуется зал и хмурится Фагирра, а палач — тот поглядывает с интересом, небрежно приспустив на пол мешок с клещами...

Он зажмурился, но воображению было плевать, открыты его глаза или нет, воображение услужливо подсунило ему яркую до мелочей картину: камера пыток... В тело впиваются ремни, над Соллем деловито склоняется палач, невзрачный, в мешковатом балахоне, и в руках его клещи... Стиснутые зубы Эгерта разжимают огромным ножом, а клещи все ближе, железный клюв открывается, будто предчувствуя трапезу, Солль судорожно пытается отвернуть голову, и где-то в темноте спокойный голос произносит: «За лжесвидетельство», и Эгерт чувствует холодный захват стали у корня языка...

Человек не может так бояться. Так бояться звери, попавшие в капкан, так боится скот, гонимый в ворота бойни... Эгерт чудом удержался на ногах.

Взгляд Фагирры лежал на нем, как могильный камень, взгляд Фагирры давил, хозяйничал в его душе, путая мысли. Пятый вопрос задан...

Он должен ответить сейчас, пока клещи еще в мешке, пока смотрит Скиталец, знавший все наперед... Он ответит — и страх перестанет терзать его, не зря так болит, так пульсирует, так беспокоится шрам, будто живое существо, будто пиявка, много дней сосавшая чужую кровь и вот сейчас обреченная на погибель...

— Эгерт, — едва слышно донеслось со скамьи подсудимых. Возможно, Тория не произнесла его имени вслух, но, обернувшись, он понял, что она благословляет его на пятое «да».

...Огонь в камине, темные волосы на подушке... детский страх — и доверие, тоже детское... Высокое окно библиотеки... Мокрый голубь на дорожке... И солнце, солнце бьет в окна... Корзинка в руках, зеленые луковые хвосты щекочут руку, и теплая булка из ее рук... Снова солнце. Отпечаток каблука в мягкой прогретой земле... Ладони на глазах, а солнце пробивается между пальцами... Пахнет мокрая трава, тает снег в волосах...

Тория тихонько скрипнула скамьей:

— Эгерт...

Как она боится за него. Как она хочет, чтобы поскорее все кончилось, чтобы он сказал наконец...

Ему даже не придется колебаться. Его страх и так делает все сам, и губы его просто не в состоянии сложиться в иное слово, нежели волшебное пятое «да». Его голосовые связки откажутся работать, пожелай он сойти с намеченного пути.

— Хватит, Солль! — Фагирра красноречиво переглянулся с палачом. — Последний раз повторяю вопрос: верно ли, что магические действия декана и его дочери вызвали в городе Мор?

Безгубый рот Скитальца чуть дрогнул. «Ошибиться легко, и ошибка дорого вам обойдется... Раз в жизни бывает этот момент, и упустивший его лишается надежды навсегда».

Как много боли в этом зале. Как много боли помещается в маленьком теле Тории... И как болит шрам.

Тишина.

Он поднял глаза — два окна смотрели на него равнодушными глазами Скитальца.

— Не...

Страх его взревел. Он ревел и метался, раздирая горло, парализуя язык, выл и катался, как взбесившееся чудовище — весь его огромный, всепоглощающий, всепожирающий страх, давно свивший в Соллевой душе свое смрадное логово.

— ...е...т...

Слово вырвалось из его рта, и он в изнеможении закрыл глаза, со спокойной совестью отдавая себя на растерзание страху.

В наполнявшей зал тишине слово прозвучало подобно взрыву пороховой башни.

Где-то победно завопили студенты, где-то загалдела толпа, что-то резко бросил Фагирра, а Тория, обомлевшая на своей скамье, источала ужас — ужас оттого, что заклятие на Солле теперь вечно и неснимаемо. Он сам осознал это и содрогнулся, руки его потянулись ко рту, будто желая вбить обратно только что вылетевшее слово, но он понял с облегчением, что вернуть сказанное невозможно и пусть страх выворачивает его наизнанку... Пошатнувшись, он глянул в зал, на Скитальца — глянул едва ли не с вызовом.

И тогда Скиталец, который один оставался бесстрастным в возбужденной толпе, позволил себе усмехнуться.

Мир перед глазами Эгерта закачался, поплыл, полинял, будто выгорел; на секунду он ощутил полнейшее, безмятежное спокойствие, хотелось закрыть глаза и наслаждаться неправдоподобной тишиной — но тут мир вернулся, обрушился гулом толпы и выкриками стражи, и краски вернулись к нему, и никогда в жизни Эгерт не видел таких ярких красок.

...Кто все эти люди?! Кто этот человек, скрывающий лицо под капюшоном? Как смеют они удерживать под стражей... Торию?!

Помост дрогнул — Эгерт осознал себя уже на бегу, кто-то красно-белый испуганно отлетел в сторону, защищаясь пикой... Неуклюже, как дохлая крыса, грохнулся набок табурет палача, и вывалились из мешка железные клещи.

Эгерту казалось, что он движется медленно, как увязшая в меду муха; на краю его зрения мелькали перекошенные лица, на краю его слуха лязгали выкрики, кто-то кричал: «Взять», кто-то кричал: «Не трогать»... Орали студенты, и колотил по столу канцелярист — а бледное лицо Тории было все ближе и ближе, все ближе и ближе были глаза, распахнутые так, что загнутые ресницы вонзались в кожу, и широкие, поглощающие свет зрачки без блеска, и полуоткрытые запекшиеся губы, искусанные, опухшие... Эгерт бежал целую вечность, помост содрогался под его сапогами, и кто-то хотел встать на дороге — но отлетел, сметенный. Эгерт бежал, и по щеке его, по губам, по подбородку скатывалась на рубашку кровь, потому что на месте шрама горела теперь открытая рана.

А потом нога его запнулась о подставленные ножны меча, и, потеряв из виду лицо Тории, он упал, разбивая локти; мелькнул перед глазами край помоста, потом высокий темный потолок — оттуда, сверху, гулко донеслось:

— ...о наказании за лжесвидетельство?!

Вздувшиеся на висках жилы, дергавшиеся бледные губы, темные трещины в углах рта... Лицо человека, пытавшего Торию. В руках Фагирры был короткий меч, оружие стражников, и острие его смотрело Соллю в живот.

Тория. Он почувствовал, как она слабеет от невыносимого ужаса, как ее опутывают цепкие руки палача — и в глазах у него сгустилась черно-красная пелена.

Рывок. Переворот. Тело его два года не знало боя, он ждал от него неподчинения — но ощутил только исступленную радость мышц, подобную радости освобожденного от цепи пса.

Тория бьется в чужих руках. Кто посмел коснуться ее?!

Он ударил, почти не глядя — подбегавший стражник согнулся, меч хотел было выпасть из его руки, но не выпал, потому что Эгерт перехватил тяжелую рукоятку. Короткий меч, незнакомое оружие — но рука сама собой вскинулась, и Эгерт с удивлением услышал звон металла о металл и увидел разлетающиеся искры, а прямо перед собой — глаза Фагирры, яростные, безумные.

Тория металась, она совсем рядом, Эгерт чувствовал, как удерживавшая ее рука грубо бережит оставленные пытками раны, а она почти не замечает боли, исходя страхом за него, за Эгерта...

Мечи снова скрестились — Фагирра полуоткрыл рот, его оружие взметнулось опять, и тогда, ненавидя отделявшую его от Тории преграду, Солль ринулся в контратаку.

Кажется, он что-то кричал. Кажется, кто-то в сером плаще осмелился приблизиться сзади, и Тория зашлась от ужаса, и в следующую секунду на помост грузно упал окровавленный предмет, напоминавший руку с зажатым в ней кинжалом; игрушечная виселица сметена была с судейского стола, и казненная кукла впервые за много лет вывалилась из петли. Миновало несколько мгновений, и меч Фагирры улетел в завопившую толпу, а сам Фагирра оступился и упал, и какую-то долю секунды Солль смотрел сверху вниз в его побелевшие глаза.

— Эгерт!..

Чужие грязные руки безжалостно волокли ее прочь; Солль негодуяще взревел, и в ту же секунду короткий меч, отвоеванный у безвестного стражника, был уже в полете.

Жизнь городского палача, серая и скучная жизнь, оборвалась мгновенно. Качнув торчавшей из спины рукояткой, бедняга лег на помост у ног своей недавней жертвы; Тория отшатнулась, и Эгерт встретился с ней глазами.

...За что ей это? Кровь, ужас... За что это, бедная девочка...

Он снова бежал, и она кинулась ему навстречу; уже протянув руки, он увидел, что она смотрит ему за спину. Он обернулся, и очень вовремя, потому что Фагирра был уже здесь — оскаленный, с перекошенным ртом и вскинутым стилетом.

...Нет, Тория. Не бойся. Не бойся никогда.

Ему удалось отразить первую атаку. До чего силен и живуч... этот учитель фехтования.

Во второй раз стилет едва не оцарапал Эгерту руку.

...Оружие! Небо, пошли мне шпагу, ну хоть кухонный нож...

Он споткнулся и едва удержался на ногах — стилет нельзя допустить до Тории, одной царапины хватит, одной царапины изящного острия с темной капелькой на конце будет довольно...

Под ногами его звякнули клещи. Он ощутил в руках их тяжесть, рывком вскинул, защищаясь, выставил перед собой; в этот самый момент Фагирра ринулся в свою самую яростную, самую исступленную атаку.

...Эгерту не хотелось, чтобы Тория это видела. Отступив на шаг, он схватил ее за плечи и ладонью закрыл ей глаза.

Фагирра еще стоял; клещи торчали у него из груди, и разинутый железный клюв щерился на Эгерта с бессильной угрозой. Из спины — Эгерт знал — выглядывали окровавленные рукоятки. Агония плащеносца была страшна, и Солль прижал Торию к себе, стараясь не касаться болезненных рубцов.

Лицо ее, наполовину скрытое его рукой, казалось загадочным, будто под маской; губы дрогнули, словно собираясь улыб-

нутья, ресницы защекотали ему ладонь, и он почему-то вспомнил прикосновение стрекозиных крыльев.

Наверное, изменилось само течение времени; рука его неуверенно поднялась к лицу, и пальцы удивленно обследовали щеку, так и не найдя привычного шрама.

В зале творилось невообразимое. Дрались и обличали студенты, срывая с плащеносцев капюшоны; кто-то выкрикивал проклятия, кто-то схватился за оружие. Валом валила публика с улицы, сметая все на своем пути, топча подвернувшихся служителей, с грохотом разнося зал суда...

Эгерт не слышал. Рев толпы сперва отдалился, а потом вовсе исчез — возможно, Эгерт оглох; зрение его странным образом преломилось — бросив взгляд в столпотворение, он увидел одного лишь высокого старика с испещренным морщинами лицом.

Скиталец медленно повернулся и двинулся к выходу, рассекая толпу, как нож рассекает воду. Чуть обернулся на пороге — Эгерт смотрел ему вслед и видел, как чуть прикрылись, будто прощаясь, большие прозрачные глаза.

* * *

...И пришла весна.

Подняться на холм стоило многих трудов, потому что Тория ослабела и раны ее не затянулись. Он нес ее, твердо ступая по размытой глине, и нога его ни разу не соскользнула.

На вершине холма была могила, накрытая, будто ладонью, развернутым стальным крылом. Они стояли, склонив головы; над их головами меняли форму облака, белое на голубом. Эгерту и Тории не нужно было говорить о человеке, который навеки успокоился под крылом, — он и без того пребывал с ними.

Они стояли, прислонившись друг к другу, совсем как в тот давний зимний день — но только их сдвоенная тень лежала не на искрящемся чистом снегу, а на мокрой, черной земле, поросшей первыми травинками. Эгерт раздувал ноздри, ловя терпкий запах трав, и не мог понять, чует ли он запах Тории, или так пахнут пробившиеся на склонах соцветия.

Из ее стиснутого кулака свисала на цепочке яркая золотая пластинка — будто Тория хотела показать отцу, что его наследство в целости.

Далеко внизу лежала черная вздувшаяся река — а от городских ворот лежала дорога, пустая дорога с одной только черной точкой, неспешно направлявшейся к горизонту. И не нужно было говорить о человеке, уехавшем прочь, — оба и так его помнили и потому просто смотрели вдаль, куда уходил Скиталец.

...Мир прорезан горизонтом, и все дороги стремятся за край его, разбегаются из-под ног, как мыши, и трудно понять, начинаешь ты путь или уже вернулся.

Мир храним праматерью всех дорог, она позаботится о верном путнике, скрашивая его одиночество. Дорожная пыль ляжет на полы плаща, пыль созвездий ляжет на полог ночного неба, а ветер с одинаковым усердием треплет облака на рассвете и вывешенные на просушку простыни.

Не беда, если душа выжжена солнцем, — страшнее, если ее опустошило пожарище. Не беда, если не знаешь, куда идешь, — хуже, когда идти уже некуда. Вставший на путь испытаний не сойдет с него, даже пройдя до конца.

...Ибо путь бесконечен.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВРАТНИК. Роман

Часть первая. ЯВЛЕНИЕ	7
Часть вторая. СКИТАНИЯ	34
Часть третья. ИСПЫТАНИЯ	83
Часть четвертая. ЗОВ	156
Часть пятая. ПОЕДИНОК	189

ШРАМ. Роман

Пролог	227
Часть первая. ЭГЕРТ	
Глава 1	228
Глава 2	262
Глава 3	290
Часть вторая. ТОРИЯ	
Глава 4	303
Глава 5	323
Глава 6	368
Часть третья. ЛУАЯН	
Глава 7	418
Глава 8	462
Глава 9	480

Литературно-художественное издание

Марина Дяченко
Сергей Дяченко
ШРАМ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректоры *Л. Фильцер, С. Горшкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.05.2002.
Формат 84х108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. газ.
Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 29,3.
Тираж 7000 экз. Заказ 4202154.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО»
обращаться в рекламное агентство «ЭКСМО». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgil@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)
ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладужской». Тел.: 267-03-01(02)
Москва, ул. Ладужская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

ISBN 5-04-010304-2

9 785040 103041 >